

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

РУССКО-ТУРКМЕНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII—XIX вв.
(ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ ТУРКМЕНИИ К РОССИИ)
СБОРНИК АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
АШХАБАД 1963

ВВЕДЕНИЕ

Институтом истории, археологии и этнографии АН Т ССР в 1960 г. был выпущен сборник архивных документов, посвященный присоединению Туркменистана к России («Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов)» Ашхабад, изд-во АН ТССР, 1960, 823 стр.). Вхождение туркменских племен в состав бывшей Российской империи положило начало новому этапу их исторического развития. Публикуемый сборник документов имеет своей целью осветить предшествовавшие этому важнейшему историческому событию взаимоотношения России и Туркмении в XVIII—XIX вв.

Истоки русско-туркменских дружественных связей уходят в седую даль столетий. Еще в X в. киевские князья находились в тесном военно-политическом союзе с огузо-туркменскими племенами Нижней Сыр-Дарьи; были сделаны попытки наладить дипломатические отношения и с правителями Хорезма. В X — начале XIII вв. успешно развивались и торговые взаимоотношения между Средней Азией и Восточной Европой.

Монгольское нашествие на время прервало дипломатические и экономические связи России со Средней Азией. Однако уже в XIV в. хивинские и бухарские купцы вели транзитную торговлю в Нижнем Поволжье.

В XV в. происходит дальнейшее сближение туркменских племен с Россией. Большой интерес в этом отношении представляют письма туркмен Мангышлака, оказавших активное содействие экспедиции А. Бековича-Черкасского. В одном из своих посланий на имя астраханского губернатора они писали: «Деды и отцы наши близ трехсот лет великому государю служили» (док № 2). Это дает основание полагать, что первое подданство туркмен России имело место уже в XV в.

После образования русского централизованного государства происходит дальнейшее упрочение взаимоотношений России со Средней Азией. Начиная с XVI в. оживляется караванная торговля среднеазиатских купцов с Восточной Европой, происходит обмен посольствами с Хивой и Бухарой. Важное значение приобретают торговые магистрали на пути из Азии в Европу, пролежавшие через туркменские земли на Усть-Урте и Мангышлаке (А. Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Под редакцией А. Ю. Якубовского, Ашхабад, 1954, стр. 51—56).

В 1616 г. туркмены оказали помощь русскому посланцу Тихонову, [7] направлявшемуся с дипломатической миссией в Иран (Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, т II, СПб, 1892 Труды Восточного отд. Русск. археограф об-ва, кн. XXI, стр. 303); они снабдили посла и его спутников верблюдами и лошадьми и проводили их через Кара-Кумы до Хивы.

Четыре года спустя, в 1620 г. русское посольство во главе с И. Д. Хохловым по пути в Бухару проехало через земли мангышлакских туркмен. Эти туркмены сначала встретили посольство с подозрением, даже враждебно. Но в результате переговоров они отказались от так называемого «берегового права» и согласились пропустить посольство в Бухару. И. Хохлов сообщает, что туркмены «дали шерт (**Обязательство**) по своей вере на том, что им нас не побить и не пограбить и дурна над нами никакова не учинить, и подводы под нас в наем дать, и проводить им нас до юргенского (**Ургенцкого**) Арап-царя» (**Н. Веселовский. Иван Данилович Хохлов (русский посланник в Персию и Бухару в XVII веке), Спб, 1891, стр. 19.**).

Торговые связи между среднеазиатскими ханствами и Астраханью через туркменские владения на Мангышлаке продолжали развиваться и в последующие периоды. Участился также обмен посольствами между Россией, Хивой и Бухарой. В караванной торговле с Россией участвовали и туркменские купцы, в 1641 г. туркменские торговцы из рода аджи побывали в Москве. Конец XVII в. ознаменовался добровольным принятием подданства России группой туркмен, перекочевавших в Астраханскую губернию.

С правления Петра I начинается новый период в истории взаимоотношений России с народами Средней Азии. Петр I придавал особое значение установлению господства России на Каспийском море и открытию кратчайших торговых путей через Среднюю Азию в страны Среднего Востока и Индию.

Документы настоящего сборника характеризуют основные этапы и пути развития русско-туркменских отношений в XVIII—XIX вв. до присоединения Туркмении к России. Хронологические рамки сборника обусловлены чрезвычайной скудностью документов по более ранним периодам, а также тем, что именно с XVIII в. начинается процесс стабильного развития политических, экономических и отчасти культурных взаимоотношений туркмен с Россией.

История русско-туркменских отношений не была темой специальных исследований дореволюционной буржуазной историографии. Сведения о взаимоотношениях туркменского народа с Россией содержались лишь в опубликованных в XIX в. записках, отчетах и журналах русских путешественников, купцов и дипломатов. Большинство из них издано в «Записках Русского географического общества и на страницах различных исторических журналов. В работах Г. С. Карелина (**Карелин Г. С. Путешествия по Каспийскому морю Зап. Русск. геогр. общ. (по общей геогр.), кн. X, Спб, 1883**) и Л. Ф. Бларамберга (**Бларамберг Л. Ф. Историческая записка о прибрежных туркменских поколениях со времени вступления их в сношение с русским правительством. Зап. Русск. Геогр. общ, кн. IV, Спб, 1850; Топографическое и статистическое описание берега Каспийского моря от Астрабада до мыса Тюб-Караган (там же).**) содержатся ценные сведения по истории туркменского народа, о его хозяйственных и торговых отношениях с Россией в XIX в. Эти сведения были накоплены как в результате их личного наблюдения и расспросов у населения, так и в результате изучения архивных источников.

[8] В работе М. Н. Галкина (**Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Зап. Русск. геогр. общ, по отд. этногр., I, 1867**) приводятся исторические и этнографические сведения о туркменских племенах, показания и дневники участников русских экспедиций в Среднюю Азию и т. д. Большой интерес представляет и содержащая обильный фактический материал книга Н. Н. Муравьева (**Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах т. 1—11 М, 1822**), который в начале XIX в. дважды побывал в Туркмении. В этом отношении заслуживают внимания и работы К. Бодэ, Н. И. Веселовского и других русских авторов XIX в. (**Бодэ К. О туркменских поколениях ямудов и гокленах (писано в 1842). Зап. Русск. Геогр. общ, II, 1847, Веселовский Н. И. Первое подданство туркмен России. Исторический вестник, т. XVI, 1884, № 5, стр. 300—306, Записки Н. Н. Муравьева Карского Русский архив, 1886, № 12 и 1888, № 1, 2, 3 и др.**)

История русско-туркменских отношений в XVIII—XIX вв. освещалась и в работах советских ученых. Из ранних работ следует отметить ценные прежде всего своим фактическим материалом труды В. В. Бартольда (**Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. В сб.**

Туркмения, т 1, 1929) и Л С Берга (Берг Л. С. История исследования Туркмении. В сб. Туркмения, т 1, Л., 1929).

Этой проблеме посвящены также отдельные работы А. К. Каррыева. Тема предлагаемого сборника не стала однако еще предметом специального монографического исследования.

В дореволюционной историографии отсутствовали специальные издания сборников архивных документов по истории русско-туркменских отношений. Публиковались лишь отдельные документы XVIII—XIX вв. главным образом в сводных археографических изданиях. В 1866—1875 гг. были опубликованы архивы Главного управления кавказского наместника под названием «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК). В I—VII и XII томах этого многотомного издания в разделе «Трухменцы» помещены документы о взаимоотношениях прикаспийских туркмен с Россией. В 1871 г были изданы архивные материалы об экспедиции А Бековича Черкасского. (Дело 1714—1718 гг. об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитана поручика князя Александра Бековича Черкасского на Каспийское море и в Хиву (документы). Материалы Военно-ученого архива Главного штаба т. I, Спб., 1871)

Первые тематические публикации документов по истории русско-туркменских взаимоотношений появились лишь в годы советской власти. В 1939 г в журнале «Красный архив» была издана группа архивных документов о русско-туркменских связях в XVIII в. (Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. (документы 1744-1778 гг.) «Красный архив» т. 2, 1939.) Однако эта публикация дает лишь отрывочные сведения о торговле и дипломатических взаимоотношениях туркмен с Россией. Публикация эта к тому же давно уже стала библиографической редкостью. Поэтому ряд документов из этой и других упомянутых выше изданий после тщательной сверки с подлинниками вошли в настоящий сборник.

Большинство включенных в сборник документов еще нигде не опубликовано, а многие из них впервые вводятся в научный оборот. Публикуемые документы не могут претендовать на исчерпывающее освещение всех аспектов развития русско-туркменских взаимоотношений. Наиболее слабо освещена документами история русско-туркменских взаимоотношений в XVIII в. Так, начиная с 1722 г, почти двадцатилетний период остается белым пятном. Очень мало документов и по последующим периодам, особенно о русско-туркменских связях в конце XVIII в.

[9] Однако это вовсе не говорит об ослаблении русско-туркменских отношений к исходу этого столетия. Публикуемые в сборнике документы XVIII в, несмотря на их малочисленность, дают возможность констатировать дальнейшее упрочение русско-туркменских взаимоотношений. На это указывает, например, грамота Екатерины II на имя туркменского купца Б. Турдыева (док. № 78). Интересно в этом отношении и обращение (1798 г.) туркмен Мангышлака к астраханскому губернатору с просьбой построить укрепление в Тюб-Карагане, куда стали бы стекаться торговые караваны из Ургенча, Бухары, Самарканда и Ташкента (док. № 79).

Содержащиеся в сборнике документы освещают главным образом взаимоотношения Россия с прикаспийскими туркменами. Вместе с тем они дают возможность видеть общую тенденцию роста и укрепления экономических и политических связей России со всеми туркменскими племенами. Стремление туркменского народа к сближению с Россией было исторически вполне закономерным явлением. В XVIII—XIX вв. Туркмения представляла собой постоянный объект борьбы между соседними отсталыми феодальными деспотиями — Ираном, Хивой и Бухарой. Агрессивные действия этих государств создавали угрозу свободе и независимости туркменского народа. Существовавшая в туркменском обществе родоплеменная вражда, экономическая разобщенность и политическая раздробленность тормозили консолидацию сил и ресурсов народа в борьбе против иноземных захватчиков. Накануне присоединения Туркменистана к России (в 50 — начале 60-х гг. XX в.) агрессивные действия Ирана, Хивы и Бухары против туркмен достигла кульминации; за каких-нибудь 6—7

лет туркменским племенам пришлось выдержать три крупных сражения против превосходящих сил ханов Хивы и шахов Ирана. В такой трудной и тревожной исторической обстановке и протекало развитие русско-туркменских отношений и сближение туркменского народа с Россией.

Предлагаемый сборник составлен строго по хронологическому принципу и состоит из четырех глав. Первая глава «Русско-туркменские отношения в XVIII в.» открывается документами об экспедиции А. Бековича-Черкасского. (В настоящий сборник включены лишь наиболее важные и имеющие непосредственное отношение к русско-туркменским связям архивные документы об экспедиции А. Бековича-Черкасского. Публикацию документов об этой экспедиции см. в кн.: Дело 1714—1718 гг. об отправлении лейб гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя А. Бековича Черкасского на Каспийское море и в Хиву (документы). Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, т I Спб, 1871 и др.) Документы этой главы характеризуют в основном взаимоотношения России с мангышлякскими туркменами, осуществлявшиеся через Астрахань и Оренбург.

Документы свидетельствуют о тесном сотрудничестве мангышлякских туркмен с экспедицией А. Бековича-Черкасского. Они показывают, что Ходжа Непес был полномочным представителем, облеченным доверием своего народа (док. № 3, 8, 10, 11, 12 и др.). По прибытии к туркменским берегам А. Бекович-Черкасский в одном из своих донесений Петру I писал: «Те разных родов тухменцы обещались вашему величеству верно служить и письмами утвердились, какие они письма мне дали...» (док. № 7). После того как отряд А. Бековича-Черкасского был перебит в Хиве осенью 1717 г., по прямому подстрекательству хивинского хана на русское укрепление в Красноводском заливе напали «текейи-юмутцы, огуржинцы, кукляны, юмутцы» (док. № 21, 24). Однако большинство прикаспийских туркмен продолжало оставаться в дружественном расположении к России и после неудачи экспедиции А. Бековича-Черкасского. В частности они продолжали оказывать [10] помощь потерпевшим кораблекрушение у туркменских берегов Каспия русским людям (док. № 26).

Большой интерес для истории русско-туркменских связей представляют документы 40-х гг. XVIII в. (док. № 27, 28, 29, 30, 31, 32 и др.). Публикуемые документы показывают, что осенью 1740 г. огромная масса туркмен, живших на побережье Аму-Дарьи от Северного Афганистана до Хивы, спасаясь от преследований Надир-шаха, двинулась на Усть-Урт, Балханы и Мангышлак. Эти оставшиеся без крова и испытывавшие голод и лишения люди обратились к России с просьбой оказать им помощь хлебом и другим продовольствием.

Предлагаемые документы свидетельствуют о том, что Россия не осталась безучастной к просьбе туркменского народа. Весной 1741 г. из Астрахани в Мангышлак было отправлено специальное судно капитана Тебелева, нагруженное мукой и другими продуктами. Тебелев должен был проверить достоверность сообщений о массовой перекочевке туркмен на Мангышлак. Но из его сообщений видно, что к моменту прибытия судна основная масса туркмен успела уже уйти в пределы Хивинского ханства.

Начиная с 40-х г. XVIII в. предметом постоянного обсуждения царских властей был вопрос о строительстве русского укрепления на Мангышлаке. В своих письмах астраханским губернаторам туркмены не раз просили основать русскую крепость-факторию на Мангышлаке (док. № 34, 39, 67, 68, 69, 70, 72 и др.). Сооружение такой крепости могло обеспечить их безопасность от нападений казахских и хивинских феодалов и способствовать взаимовыгодной торговле с Россией. Во многих из публикуемых документов имеются указания на то, что туркмены остро испытывали постоянную нужду в хлебе (док. № 40, 41, 42, 55, 64, 105 и др.). Экономическая заинтересованность прикаспийских туркмен в регулярной торговле с русскими купцами и особенно в обмене продуктов скотоводства на хлеб стимулировала настойчивые поиски мангышлякскими туркменами политического покровительства России. В этом отношении интересно одно из писем старшин туркмен Мангышлака, где они сообщают, что «где б тухменский народ ни был, все придут и будут в подданстве, для того-де, что кроме России неоткуда пропитания ждать» (док. 41). В 1745 г. на Мангышлак прибыло русское судно

под командованием капитана В. Копытовского. Из журнала этой экспедиции и из других документов видно, что туркмены Хивы вели ожесточенную борьбу против объединенных сил персидского наместника в Хиве и узбекских феодалов. От Надир-шаха к туркменам были присланы представители с требованием выделить людей в шахскую армию. Однако туркмены «людей в службу не дали, объявляя им, что они люди вольные и при Хиве кочуют своею волею» (док. № 40). Весной 1741 г. на туркмен двинулась 40-тысячная армия Али Кули-хана и «учинился у них с обеих сторон великий бой и продолжался через целый день» (док. № 40). После упорного сопротивления туркмены вынуждены были отступить в сторону Мангышлака и Балханских гор, а 10 тысяч кибиток отошло в урочище Кызылджелгын (док. № 39, 40, 41). Интересно отметить, что племянник Надир-шаха, Али Кули-хан, вынужден был пойти на это сражение по настойчивой просьбе хивинского хана Абулгази, так как туркмены подняли восстание и «город Хива от них в осаде был 8 месяцев и никому из города Хивы выезду не было» (док. № 43). В указанных выше документах содержится много ценных сведений о героической борьбе туркменского народа за свободу и независимость против тирании Надир-шаха и его ставленников в Хиве в 40-х гг. XVIII в.

[11] Судно капитана В. Копытовского посещали не только мангышлакские туркмены, но и представители хивинских и балханских туркмен. И четверо мангышлакских старшин, доставленные Копытовским в Астрахань, в беседе с губернатором Татищевым говорили не только от имени туркмен Мангышлака, но и от имени туркмен Хивы и Балханских гор и уверяли его, что русского подданства желают не только они, но и другие группы туркмен (док. № 41, 42). Эти документы свидетельствуют о тенденции массового перехода туркмен в подданство России. Впервые после Ходжи Непеса в январе 1746 г. старшины мангышлакских туркмен посетили Петербург. Они были приняты императрицей Елизаветой Петровной. 13 марта 1746 г. был издан специальный указ, предписывающий астраханскому губернатору обязать купцов, чтобы во время посещения Мангышлака «онные обо всем адресовались к ним, четверем старшинам, а не к другим к кому» (док. № 47). Царские власти, стремясь заручиться поддержкой туркменских старшин Мангышлака, щедро одаривали их сукнами на халаты, именным оружием, посудой и другими, предметами домашней утвари. Туркменские старшины ответили взаимностью и преподнесли царской конюшне породистых коней и другие подарки (док. № 41, 42, 45, 46, 47, 49, 50).

Документы публикуемого сборника показывают, что в 50—60-х гг. XVIII в. наблюдается заметное оживление в русско-туркменских взаимоотношениях. В эти годы велась переписка о расширении торговли с туркменами, Хивой и Бухарой, об исследовании восточных берегов Каспия для выбора удобных гаваней и основания торговых крепостей-факторий (док. № 51, 53, 54, 55). Торговые отношения между мангышлакскими туркменами и Астраханью начали укрепляться особенно после экспедиции М. Ладыженского, которому было предписано «с тамошними обывателями тухменцами обходиться ласково» (док. № 55). В 1763—1764 гг. торговые суда с хлебом все чаще стали прибывать на Мангышлак и Красноводский полуостров (док. № 60, 62, 63). Мангышлакские туркмены просили астраханского губернатора отправлять к ним торговые суда не менее двух раз в год и освободить их от пошлины на ввоз своих товаров в Астрахань. Туркмены Красноводского залива добивались в торговле с Россией тех же прав и просили посылать к ним русские суда, за что обещали «на оных судах находящихся купцов как до Бухары, так и до Хивы и обратно провожать» (док. № 60, 64, 65). В 1767—1772 гг. старшины Мангышлака неоднократно приезжали в Астрахань с просьбой принять их в подданство и построить крепость на Мангышлаке (док. № 67—70, 72). К концу 70-х — началу 80-х гг. XVIII в. торговля прикаспийских туркмен с Астраханью получила значительное развитие. Астраханский купец Шарыпин заключил контракт с туркменскими и хивинскими купцами и на своих судах доставлял в Мангышлак значительное количество «разного звания российских и европейских товаров» (док. № 74, 76).

Во второй главе сборника «Русско-туркменские связи в первой четверти XIX в.» помещены документы, показывающие взаимоотношения России не только с мангышлакскими,

но и с туркменами юго-восточного побережья Каспия. Начиная с 20-х гг. XIX в. центром русско-туркменских взаимоотношений становится Юго-Западный Туркменистан.

Документы этой главы показывают, что в начале XIX в. наблюдается заметная активизация политических и экономических связей среднеазиатских народов с Россией. Торговый путь через Оренбург и казахские степи был неудобен как для русских, так и для хивинских и бухарских купцов. Поэтому предпочитали морской путь по Каспию из [12] Астрахани на Мангышлак и далее караваном в Хиву. Перевозка товаров по Каспию была более выгодной, дешевой и наименее опасной. Туркмены Мангышлака были заинтересованы в торговле с Россией и заботились о безопасности пролежавших через их земли караванных путей (док. № 82).

В конце XVIII — начале XIX вв. почти все торговые пути, соединявшие Восточную Европу со Средней Азией, проходили через туркменские земли. Бухара, например, вела торговлю с Россией по путям, «расположенным по владениям текинцев-туркменцов и салорцев» (док. № 86). Публикуемые документы указывают на наличие торговых связей между народами Средней Азии и на их торговлю с сопредельными странами Востока. Так, Хива и Бухара вели торговлю с иранцами, иомудами, текинцами, салорами, афганцами и индийцами (док. № 86). Туркменские купцы, однако постоянно притеснялись и облагались высокими пошлинами в Хиве и Бухаре (док. № 90).

Документы 1801—1803 гг. раскрывают картину интенсивных экономических и политических связей туркмен Мангышлака с Россией (док. № 81, 84, 85, 87, 88, 89, 92, 95 и др.). В конце 1801 — первой половине 1802 гг. в Петербург были отправлены сразу две туркменские делегации: одна через Оренбург, а другая через Астрахань. В различные инстанции царской администрации от имени этих делегаций поступало множество прошений. В своих письмах старшины обращаются с просьбой о принятии в подданство России; здесь же они ходатайствовали об отправке хлеба, так как они не могут покупать его в Хиве из-за страшной дороговизны (док. № 113). В ответ на просьбу туркмен министр внутренних дел В. Кочубей сообщил астраханскому губернатору, что «Туркменцам сим дозволено было потребное количество для продовольствия их хлеба покупать в Астрахани по вольным ценам» (док. № 106). Наряду с просьбой об отправке муки туркмены ходатайствовали о беспошлинной продаже им стали, пороха, свинца и даже медных денег для торговли с бухарскими купцами (док. № 90, 92).

8 начале XIX в. велась длительная переписка о строительстве Россией крепости на Мангышлаке. Просьба туркмен об основании здесь русских торговых факторий выражена в их многочисленных письмах. Стремление мангышлакских туркмен к упрочению торговых связей с Россией совпадало с ее экономическими и политическими интересами на восточном побережье Каспийского моря. Для распространения здесь своего влияния Россия нуждалась в опорных пунктах в восточной части Каспийского бассейна.

9 мая 1802г. грамотой Александра I туркмены-абдалы, човдуры, игдиры, бурунчуки и бузачи официально были признаны подданными России и ханом над ними был назначен Пиргали султан (док. № 91). В декабре 1802 г. в Оренбурге состоялась церемония утверждения Пиргали в должности «туркменского хана». Однако, еще за месяц до этого туркмены Мангышлака в своем письме в Министерство иностранных дел отказались признать власть Пиргали. Они писали, что Пиргали не имеет ханского достоинства, так как «вместо приязненности и ласки... чинит многие нам разорения, убивая людей наших и грабя принадлежащее нам имение» (док. № 96).

Прибывшие из Астрахани в Петербург туркменские старшины & честь принятия их в подданство России были награждены золотыми медалями и им было назначено годовое жалованье в 100 руб. серебром (док. № 99, 101).

В начале XIX столетия обостряются отношения между Россией и Ираном. В этой обстановке царское правительство проявляет большой [13] интерес к туркменам Закаспия. Туркменистан, как говорилось выше, был постоянным объектом грабительских нападений иранских феодалов. Пограничные с Ираном туркменские племена находились во враждебных

отношениях с правителями соседних персидских провинций. Именно поэтому в мае—сентябре 1805 г. ведется дипломатическая переписка о возможности военного союза России с туркменами иомудами, гокленами и текинцами в войне против Ирана (док. № 109, 110). В публикуемом донесении российского консула в Иране Скибиневского говорится, что туркмены сами изъявили готовность участвовать в войне против каджарских правителей. Царское правительство намеревалось послать к туркменам муллу Мамед-Джан-Хусейна, который по инструкции князя А. А. Чарторыйского (док. № 111) должен был подготовить их к активным выступлениям против Баба-хана (Фатх-Ала-шаха) (Правитель Ирана из династии каджаров).

В 1813 г. туркмены юго-восточного побережья Каспия подняли восстание против деспотии Фатх-Али-шаха. Повстанцы обратились за помощью к России. Туркменская депутация из четырех старшин прибыла на Кавказ в местечко Гюлистан. Среди туркменских посланцев был и Киятхан, сыгравший большую роль в русско-туркменских отношениях XIX в. Царские власти были не прочь оказать туркменам военную помощь: высадить военно-морской десант на туркменском берегу Каспия и снабдить туркмен артиллерией и другими видами оружия. Одновременно с туркменской депутацией к генералу Ртищеву прибыли и уполномоченные Фатх Али-шаха для переговоров о заключении мира. Во время переговоров с послами Фатх-Али-шаха генерал Ртищев использовал присутствие туркменских депутатов как средство дипломатического давления (док. № 129). В результате заключения гюлистанского договора с Ираном генерал Ртищев отказал туркменам в помощи.

Миссия прикаспийских туркмен потерпела неудачу и вернулась с ничего не значившим письмом на имя предводителя повстанцев Хаджи - Сеид Мухаммеда (док. № 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131; 132).

В начале XIX столетия в политический и экономический контакт с Россией вступает новая группа туркмен. В 1811 г. к астраханскому губернатору обратились старшины откочевавших из Хивы човдуров с просьбой принять их в русское подданство и разрешить переселиться в пределы России.

Причиной ухода туркмен-човдуров из Хивы послужили жестокие притеснения, которым они подвергались со стороны ханских властей (док. № 119, 120, 121). В ноябре 1812 г. депутация човдуров вновь посетила Астрахань и сообщила, что к ним присоединились еще 3600 семей из других туркменских племен (док. № 122). Депутаты просили губернатора разрешить им закупить в Астрахани до 5000 четвертей хлеба (док. № 123, 133). В публикуемой серии документов содержатся также ценные сведения о хозяйстве и быте туркмен XIX в. (док. № 133).

В начале XIX в., после присоединения Грузии и Азербайджана, Россия прочно утвердилась на западном побережье Каспийского моря. Царское правительство стремится с этой поры завязать политические и экономические связи с туркменами и через Кавказ. Особое внимание при этом уделяется взаимоотношениям с иомудами и гокленами Юго-Западного Туркменистана. Главнокомандующий на Кавказе А. П. Ермолов прилагает немало усилий для возобновления с ними дипломатических отношений, прерванных с 1813 по 1819 гг. В одном из своих писем вице-канцлеру К. В. Нессельроде А. П. Ермолов упрекает генерала [14] Ртищева за прекращение связей с прикаспийскими туркменами и рекомендует «не ослаблять приверженности к Российской державе храброго того народа» (док. № 134). Весной 1819 г. началась энергичная подготовка к экспедиции в Туркмению под начальством М. И. Пономарева. Спустя два года была снаряжена вторая экспедиция под начальством Н. Н. Муравьева. Экспедиции М. И. Пономарева и Н. Н. Муравьева положили начало всестороннему изучению Туркмении в политическом, экономическом и научном аспектах (док. № 136).

Теперь связи России с Туркменией начали осуществляться по двум направлениям — через Астрахань и через Кавказ. В дальнейшем центр дипломатических и торгово-экономических взаимоотношений России с туркменами перемещается на Кавказ.

Материалы экспедиций М. И. Пономарева и Н. Н. Муравьева (док. № 136, 137, 138, 139, 142, 143. 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161,

162) дают исключительно важные сведения не только о русско-туркменских отношениях, но и по истории туркменского народа начала XIX столетия. В этих документах показывается ход обследования восточных берегов Каспия: островов Агыз-Ада и Нефтяного, заливов Балханского, Красноводского, Киндерлинского и старого русла Аму-Дарьи.

Третья глава посвящена русско-туркменским отношениям во второй четверти XIX в. Документы этой главы характеризуют развитие более тесных взаимоотношений России с прибрежными туркменами после экспедиции М. И. Пономарева и Н. Н. Муравьева. Публикуемые документы показывают, что успешному развитию торговли туркмен с Россией всячески препятствовали феодальные правители Ирана. Во второй половине 20-х гг. власти астрабадского, мазандеранского и других северо-иранских провинций открыто попирали права прикаспийских туркмен на рыболовство, применяли против них различные санкции. Правитель Мазандерана Мамедкули-Мирза в апреле 1826г. издал фирман об отдаче на откуп астраханскому купцу Мир-Багирову рыболовных промыслов на Каспии, принадлежавших прибрежным туркменам (док. № 168). В ответ на это туркмены составили письмо на имя астраханского губернатора, где указывали на незаконность действий мазандеранского правителя. Как видно из послания, эти рыбные промыслы издавна принадлежали прикаспийским туркменам. «Култук наш, рыба наша, рыбу ловим мы, рыбу продаем мы... и что шах-заде (Имеется в виду вышеуказанный правитель Мазандерана Мамедкули Мирза) до оного дела нет» — с возмущением писали они губернатору Астрахани (док. № 169).

В 1828 г., после окончания русско-персидской войны, прибрежные туркмены вновь обратились к России с просьбой оградить их от усилившихся репрессий со стороны персидских правителей (док. № 173). В ответ на это царское правительство предписало русскому послу в Иране просить персидского шаха о том, чтобы он воспретил своим подданным «делать обиды и притеснения жителям Туркмении», находящимся в дружественных связях с Россией (док. № 174).

В 1830 г. юго-западные районы Туркмении посетил русский посланник есаул Лалаев. Результаты наблюдений во время поездки Лалаева изложены в оставленных им «Записках» (док. № 175). Помимо общих сведений о туркменах и их хозяйстве, «Записки» Лалаева содержат сведения, представляющие исключительный интерес для изучения истории [15] русско-туркменских связей, в частности они прямо говорят о зарождении среди прибрежных туркмен массового движения за присоединение к России.

В истории русско-туркменских отношений XIX в. знаменательным событием явились экспедиции Г. С. Карелина. Первая из них состоялась в 1832 г., когда Г. С. Карелин обследовал северо-восточное побережье Каспия. В экспедиции приняла участие и сопровождавшая ее группа мангышлакских туркмен, четверо из которых были впоследствии награждены золотыми медалями и именными подарками (док. 182, 183, 184). Документы данной главы показывают, что туркмены Мангышлака, теснимые с одной стороны хивинским ханом, с другой — казахскими феодалами, настойчиво искали защиты и покровительства у России. Туркменские посланцы, прибывшие в Ново-Александровское укрепление, неоднократно просили принять их в русское подданство. Об усилении среди прибрежных туркмен движения за политическое и экономическое сближение с Россией свидетельствует большое количество публикуемых документов (док. № 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203 и др.). В этой серии публикации примечательны документы, характеризующие роль старшины Нурмухамеда Бекдурды Ишанова в укреплении русско-туркменских отношений (док. № 193, 195).

Но наибольший интерес с точки зрения развития русско-туркменских связей представляет вторая экспедиция Г. С. Карелина в Юго-Западную Туркмению (1836 г.). Публикуемые документы раскрывают во всей своей полноте значение этой экспедиции для дальнейшего упрочения взаимоотношений России с Туркменией (док. № 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221 и другие)(Часть этих документов составляют копии, снятые с материалов личного фонда Г. С. Карелина, хранящегося в Архиве АН СССР в Ленинграде (ф.

157).). В них показано одно из важных событий в истории русско-туркменских связей первой половины XIX в., когда летом 1836 г. в селении Гасан-Кули собрались старшины и казии, представлявшие 20777 семей. «Общий совет казиев и почтеннейших людей», как было названо это собрание, выработал документ исключительной важности — прошение иомудского племени к царскому правительству. Туркменские старшины, собравшиеся на совет, приняли решение о добровольном присоединении к России. В публикуемом документе говорится также о внешних и внутренних факторах, стимулировавших стремление прибрежных туркмен к переходу в русское подданство. Большой интерес представляют следующие строки из письма иомудских старшин. «Мы, — писали они, — сильны числом и храбростью, но слабы согласиём, умом и порядком. Нам надобно великого покровителя, который бы из всех йомутов сделал одну душу и тело. Тогда мы будем страшны соседям и тогда к нам пристанут все другие племена туркменские». Прикаспийские туркмены, таким образом, стремились путем перехода в русское подданство обеспечить свою внешнюю безопасность и положить конец феодально-родовым междоусобицам. Вместе с тем их знать преследовала и некоторые корыстные цели, стремясь с помощью России объединить под своей эгидой разрозненные туркменские племена. В «Прошении» нашли свое отражение и причины экономического тяготения прикаспийских туркмен к России, надеявшихся путем дальнейшего расширения русско-туркменской торговли освободиться от необходимости приобретать нужные им товары и продовольствие только на рынках Хивы и Ирана. Ликвидация экономической зависимости от соседних отсталых феодальных деспотий, использовавших эту зависимость как средство политического давления, [16] имела для прибрежных туркмен жизненно важное значение. Авторы «Прошения» не случайно поэтому подчеркивают взаимовыгодную и беспрошльную торговлю с Россией. В целом в «Прошении» более чем рельефно выступает хозяйственная и политическая тяга прибрежных туркмен к России. Однако, стремление туркмен Каспийского побережья к переходу в русское подданство не отвечало политике царизма в Средней Азии на данном этапе и не встретило с его стороны поддержки, хотя, как видно из «Прошения», туркменские старшины обязывались «служить государю и быть послушными», а в случае войны с Ираном выставять десять тысяч конницы, провожать русских купцов в Мешхед и другие пункты русско-иранской торговли, отдавать рыбные промыслы на откуп только русским купцам и т. д. Такая позиция царизма в «туркменском вопросе» была обусловлена целым рядом причин (Выяснение этих причин нуждается, по мнению редакторов, в специальном исследовании). Одной из них являлось противодействие, которое встречала Россия со стороны западных держав, особенно со стороны могущественной в ту пору Англии. Серьезные помехи успешному развитию русско-туркменских отношений создавались каджарскими правителями Ирана. Многочисленные архивные документы, часть которых включена в публикуемый сборник, помогут более детально разобраться в сущности их политики по отношению к прикаспийским туркменам.

Вскоре после отъезда Г. С. Карелина шахские войска не замедлили «наказать» прибрежных туркмен за их сближение и сотрудничество с Россией. Многие туркменские селения были жестоко разорены карательными отрядами, посланными иранскими властями. Сын Кият-хана, Якши Мамед, в письме на имя кавказского наместника сообщал некоторые подробности зверской расправы над туркменским населением одного из таких карательных отрядов. Якши Мамед просил русское правительство оказать продовольственную помощь пострадавшему туркменскому населению. Как видно из предлагаемых документов, прикаспийским туркменам было бесплатно отпущено 6000 пудов муки (док. № 225, 226, 227, 228, 229, 230, 238).

Стремясь парализовать торговлю прибрежных туркмен с Россией, иранские власти оказывали поддержку различного рода сомнительным дельцам, пытавшимся всячески завладеть рыболовными промыслами и природными богатствами Челекена. Еще в 1836 г. купец Мир-Багиров с помощью своих влиятельных родственников из соседних с туркменами персидских провинций и не без ведома каджарских властей протянул свои щупальцы к

рыболовным промыслам прикаспийских туркмен. Мир-Багиров представил астраханскому губернатору подложные контракты от имени туркмен и хотел прибрать к своим рукам рыбные промыслы между дельтами рек Кара-Су и Атрек, которые раньше были отданы туркменами русскому купцу А. Герасимову. Кроме того, он добивался права на монопольное владение нефтяными и соляными промыслами Челекена. После длительной тяжбы принявшему участие в ее разборе Карелину удалось убедить царское правительство в нецелесообразности передачи Челекена на откуп Мир-Багирову и лишить его монопольных прав на перевозку челекенской нефти и соли и ловлю рыбы у туркменских берегов (док. № 206, 207, 208).

В истории русско-туркменских отношений XIX в. неоднократно упоминается имя Кият-хана (Он же Кият-ага, Кият бек.) — одного из предводителей туркмен-иомудов Прикаспия. Имя Кият-хана фигурирует во многих документах публикуемого сборника в качестве последовательного сторонника тесного сближения Туркмении с Россией. Не вдаваясь в подробный анализ его [17] деятельности, отметим, что в целом Кият-хан сыграл положительную роль в укреплении дружественных русско-туркменских отношений. Однако, будучи представителем феодально-племенной знати, он при этом преследовал и некоторые узкоклассовые интересы, стремясь поднять личный авторитет и распространить свое влияние на всех прибрежных туркмен. Несмотря на это, Кият-хан является одним из видных политических деятелей своего времени. За свои симпатии к России Кият-хан не раз подвергался преследованиям и нападениям со стороны каджаров Ирана. Документы, связанные с деятельностью Кият-хана (док № 251, 252, 253, 255 и др.), открывают яркую страницу в истории русско-туркменских связей XIX в. и несомненно привлекут внимание исследователей.

В 1840 г. в Астрабадском заливе по просьбе правительства Ирана было учреждено постоянное русское морское крейсерство. Одной из главных задач Каспийского крейсерства было оказание содействия русским купцам в торговле и охрана их судов и товаров. На крейсерство возлагалась также задача пресекать набеги отдельных шаек аламанщиков из прибрежных туркмен на персидские земли. Из документов видно, что царское правительство, учреждая Каспийское крейсерство, осуществляло политику эквilibрирования между туркменами и Ираном. Оно считало полезным не допускать обострения отношений с Ираном из-за туркмен и в то же время вело политику успокоения туркмен обещаниями принять их под свое покровительство. Однако, учреждение русского крейсерства в Астрабадском заливе, благодаря близорукой политике её командования, первоначально неблагоприятно отразилось на развитии дружественных отношений прикаспийских туркмен с Россией. Прилагаемые документы (док. № 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264 и др.) всесторонне характеризуют деятельность командования крейсерства и изобличают факты злоупотребления своими полномочиями, допускавшиеся первыми командирами крейсерства. Наиболее характерны в этом отношении действия капитана Путятина, который в 1842 г. с отрядом судов организовал варварское истребление туркменских киржимов, стоявших в заливе Гасан-Кули.

В 1842 г. иранские власти организовали карательную экспедицию против туркмен, населявших долину реки Гурген. Последствия этой экспедиции тяжело отразились на хозяйственной жизни пригургенских туркмен. В публикуемых документах показано также, как этот район постепенно становится объектом конкурентной борьбы русского и иранского купечества. Очень интересны в этом отношении документы № 266, 268, 269 и др. В этих документах читатель может найти и другие сведения о взаимоотношениях туркмен с Ираном.

Вторая половина 40-х гг. прошлого столетия документами освещена слабо. Материалы этого периода, вошедшие в сборник, характеризуют в основном взаимоотношения России с туркменами Мангышлакского полуострова (док. 276, 277, 278, 283, 284 и др.).

Целая серия документов показывает состояние торговли России со Средней Азией и сопредельными с ней странами (док. № 279, 280, 281, 282, 285, 286, 287 и др.). В них же говорится о стремлении России создать благоприятные пошлинные и таможенные условия для русских купцов, улучшить перевозку их товаров и о конкурентной борьбе с Ост-Индской компанией (док. № 288).

В сборник вошло небольшое количество документов, характеризующих положение туркменских племен, населявших астраханские степи и районы Северного Кавказа.

Четвертая глава сборника посвящена русско-туркменским связям [18] в 50—60-х гг. XIX вв. В ней показан период наиболее оживленного развития взаимоотношений России с Туркменией. Глава завершается документами о подготовке к высадке русского десанта на Красноводском полуострове (1869 г.). В документах этого раздела показывается, как нормальный ход дружественных русско-туркменских отношений в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. нередко омрачался враждебными столкновениями, спровоцированными некоторыми ярыми сторонниками насильственных методов присоединения Туркмении к России из числа высшего командования Каспийского крейсерства. Весьма неблагоприятную роль в ухудшении взаимоотношений прикаспийских туркмен с Россией в этот период сыграли приспешники и ставленники каджарских правителей Ирана, за спиной которых стояла империалистическая Англия.

В ряде документов этого периода (док. № 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296) упоминается о каком-то «общем восстании» туркмен против русского влияния. Однако при знакомстве с материалами читатель легко может обнаружить беспочвенность подобных утверждений. На самом деле речь идет о подстрекательской деятельности иранских властей. По прямому подстрекательству правителя Мазандерана Мехти Кули Мирзы некий Черкез-хан и его сторонники совершили нападение на русские купеческие суда и торговые фактории. Это обстоятельство не могло не отразиться на ходе русско-туркменских отношений, которые стали более напряженными. Одним из прямых последствий обострения отношений с Каспийским крейсерством явилось заметное ухудшение торгово-экономического положения прибрежных туркмен.

Нельзя не упомянуть и об антирусской деятельности английской разведки среди туркменского населения. Еще в 1830—1832 гг. в Туркмении побывал переодетый в мусульманского дервиша А. Борнс, который, как видно из его книги (А. Борнс Путешествие в Бухару, ч I—III М, 1848), старался перетянуть на свою сторону отдельных туркменских старшин. Документы, вошедшие в публикуемый сборник, свидетельствуют о деятельности некоего английского агента по имени Мухаммед-бек, который, разъезжая в начале 50-х гг. по туркменским селам, путем уговоров и подкупов подстрекал туркмен против русского крейсерства (док. № 307, 308, 309, 310, 312, 313, 314, 315). В 1859 г. подрывную работу среди туркмен, направленную против России, вел английский консул в Иране Ч. Ф. Макензи. Антирусская пропаганда среди туркмен английскими агентами велась и в последующие годы (док. 345, 360, 365).

Попытки правителей Ирана и их английских покровителей разжечь вражду между туркменами и Россией не имели, однако, успеха. Вскоре русско-туркменские отношения были нормализованы и стали устойчивыми. Для урегулирования споров и прекращения стычек к туркменским берегам был послан капитан I ранга Н. К. Краббе. Управляющий морским министерством великий князь Константин требовал от командира отряда военных судов «умения действовать относительно туркмен не одною силою, а также в потребных случаях убеждениями, лаской, связями» (док. № 304). Такая политика должна была, по его мнению, обеспечить России достижение «желаемых видов не силою оружия, а именно мирными путями» (док. № 304). Это предписание, видимо, легло в основу дальнейшей деятельности командиров отряда русских военных судов на Каспии. Документы показывают, что в дальнейшем они зачастую прибегали к посредничеству главного духовного лица прикаспийских туркмен — Таган-казы для урегулирования спорных вопросов. Нередко они обращались к нему с просьбой о разъяснении среди прибрежных туркмен необходимости борьбы с шайками грабителей и [19] сотрудничества с Россией (док. № 303, 305). Отряд военных судов крейсерства всячески старался содействовать старшинам прибрежных туркменских аулов (док. № 321, 347 и др.). Царские власти стали, таким образом, проводить более осторожную и гибкую политику по отношению к туркменам Прикаспия, Благодаря этому

связи прикаспийских туркмен с Россией значительно упрочились (док. № 305, 306). Почти все прибрежные туркмены охотно помогали русской эскадре пресекать разбойничьи набеги на мирное население Астрабада и Мазандерана. С помощью их старшин была установлена система строгого контроля над торговлей туркмен с Россией и Ираном (док. № 321).

Публикуемые донесения и рапорты командиров Каспийского крейсерства в большинстве случаев тенденциозно освещают русско-туркменские взаимоотношения середины XIX в. В этих и других документах сборника подчас содержатся оскорбительные, непристойные высказывания о туркменах, казахах и других народах Средней Азии (док. №59, 68, 140 и др.). Все эти клеветнические утверждения имели своей целью оправдать колонизаторские устремления и действия царских чиновников и генералов. При внимательном отношении читатель может найти в предлагаемых документах и более объективную характеристику туркмен и других среднеазиатских народов (док. № 93 и др.).

Летом 1858 г. перед царским правительством встал вопрос о занятии туркменского берега Каспия при устьях рек Гурген и Атрек. Министр иностранных дел России А. М. Горчаков в специальном представлении царю выразил опасение, что эти планы встретят противодействие Ирана, Хивы, Афганистана и Англии. Поэтому он предлагал более тщательно изучить их в военно-политическом и других аспектах (док. № 329). Кавказский же наместник А. И. Барятинский высказался за подготовку боевых десантных войск (док. № 333, 334). В январе 1859 г. по указанию царя было созвано особое совещание с участием министров и ряда других высокопоставленных должностных лиц и генералов для рассмотрения вопроса о занятии юго-восточного побережья Каспия и о принятии туркмен в подданство России. В результате обсуждения было решено послать в Туркмению экспедицию с целью произвести точную рекогносцировку прибрежной полосы и подробно ознакомиться с положением прикаспийских туркмен (док. № 337).

Экспедиция была снаряжена в том же 1859 г. под начальством полковника Дандевилья. Ход ее работы подробно освещен в предлагаемых документах (док. № 338, 339, 340, 341, 342, 343, 346, 348, 349. 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356). Начальнику экспедиции было предписано всеми мерами стараться укрепить дружественные отношения с туркменами (док. № 337). Однако действия Дандевилья не способствовали упрочению связей прибрежных туркмен с Россией. В своих рапортах Дандевиль (док. 348, 351, 352, 353, 354) пишет, что он с первого дня своего появления среди туркмен встретил с их стороны одно вероломство и измену, что якобы все туркмены хищники и их необходимо усмирить силой оружия. Фактически же полковник Дандевиль организовал разгром туркменского селения Чикишляр и уничтожил большое количество туркменских лодок (док. №353). Еще более грубый произвол допущен был им на острове Челекен (док. № 354). Своими явно враждебными по отношению к туркменам действиями Дандевиль лишь отталкивал их от мирных, дружественных взаимоотношений, обманывал их надежды на покровительство России. Действия Дандевилья — типичный пример ничем не прикрытой политики насилия, применявшейся колонизаторами, подобными Путятину и др. Действия полковника Дандевилья шли вразрез с планами России на данном историческом этапе и поэтому не получили одобрения со стороны ее правящих кругов [20] (док. № 362). Командующий Астрабадской морской станцией капитан-лейтенант И. А. Лихарев в одном из своих рапортов отметил, что Дандевиль, «делая минутное удовольствие персиянам, забывает, как кажется, свою инструкцию стараться соблюдать дружественные сношения с туркменами и склонять их на нашу сторону» (док. № 355). Лихарев резко осудил Дандевилья, который своими грубыми действиями нанес большой вред русско-туркменским отношениям (док. № 355). Этим не замедлили воспользоваться английские агенты и каджарские правители Ирана; они усилили антирусскую агитацию среди туркмен и пытались подстрекнуть их для нападения на базу русских военных судов в Астрабадском заливе (док. 358, 360).

В 1863—1865 гг. Кадыр Мамед-хан, пользовавшийся влиянием среди туркмен, неоднократно подвергался репрессиям со стороны командира морской станции на Ашур-Аде и потому несколько раз обращался с жалобой к астраханским и кавказским властям, прося о

восстановлении его прав на остров Челекен (Промышленное значение Челекена до присоединения к России, история развития его нефтяных разработок, характер социальных отношений показаны в статье Б. А. Литвинского «К истории добычи полезных ископаемых на Челекене (до русского завоевания)». См Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.). Однако его просьба не встретила поддержки у царских властей (док. № 371, 379, 380, 382, 383).

Начиная с 1860 г. велась оживленная переписка о занятии Россией Красноводского залива и об основании здесь укрепленной торговой фактории (док. № 375, 376, 377). Царское правительство предполагало организовать здесь меновой двор и привлечь азиатских торговцев для торговли с русскими купцами (док. № 377). Однако, опасаясь внешнеполитических осложнений, Россия вынуждена была отказаться от занятия Красноводского полуострова (док. 378, 381).

Канун присоединения Туркмении к России ознаменовался ожесточенной борьбой туркменского народа с агрессией ханов Хивы и шахов Ирана. Эти два соседних феодальных государства почти через каждый год организовывали завоевательные походы против туркмен Южного и Юго-Западного Туркменистана. Народ оказывал героическое сопротивление захватчикам, отстаивая свою свободу и независимость. В сборник включено несколько документов, показывающих самоотверженную борьбу туркмен против иноземных завоевателей (док. 327, 328, 372, 373, 374).

В ряде публикуемых документов говорится о борьбе туркмен Хивы против феодального произвола. Один из предводителей этой группы туркмен Атамурад-хан неоднократно обращался к России с просьбой принять в свое подданство туркмен и оказать им помощь в борьбе с хивинским ханом (док. № 386, 387, 388, 389, 390). Из этих документов видно, что туркмены вели упорную и длительную борьбу с хивинским ханом, за что он их лишил оросительной воды. Часть туркмен вынуждена была покориться Хиве, а другая продолжала борьбу с ханом и послала Атамурада в Красноводск с тем, чтобы он обратился за помощью к царскому правительству.

В предлагаемых документах содержатся некоторые сведения о культурных взаимоотношениях прибрежных туркмен с Россией. Среди русской интеллигенции XIX в. находились люди, которые хотели организовать «школу для обучения детей туркмен русскому и разным восточным языкам» (док. № 325). С просьбой организовать школу для туркменских детей обращался к России и Кадыр Мамед. Царские власти охотно согласились исполнить просьбу старшины игдырских туркмен Мамед Сафа Кулиева устроить его сына в оренбургский Неплюевский [21] кадетский корпус (док. № 357, 363, 367). Некоторые из потомков Кият-хана получили образование в Тифлисской гимназии и Петербурге (док. 274, 275).

К концу 60-х гг. XIX в. перед царским правительством вновь встала проблема занятия Красноводского плато. В правящих кругах Россия оживленно обсуждался вопрос о высадке здесь военного десанта. Но в правительственных кругах шли споры о времени занятия Красноводского залива. Одно время предполагалось даже отложить высадку десанта до весны 1870 г. (док. № 401). Однако кавказскому наместнику великому князю Михаилу, туркестанскому генерал-губернатору фон Кауфману и др. удалось убедить царя в целесообразности отправки к Красноводскому полуострову небольшого отряда осенью 1869 г. С высадкой этой экспедиции, начальником которой был назначен полковник Н. Г. Столетов, начался процесс присоединения Туркмении к России. Присоединение Туркменистана к России явилось важнейшим событием в истории туркменского народа. Объективно оно сыграло глубоко прогрессивную роль в его исторических судьбах.

Подлинный расцвет туркменского народа, однако, начался лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Ныне в большой дружной семье народов СССР туркмены составляют равноправную социалистическую нацию, а Туркмения — одну из передовых социалистических республик Советского Востока.

Документы настоящего сборника выявлены в фондах следующие архивных учреждений

СССР: в фондах Архива внешней политики России (АВПР), Архива Академии наук СССР, Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (ЦГИА ГрузССР), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Государственного архива Астраханской области (ГАОО), Ставропольского краевого государственного архива (СКГА), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР (ЦГИА УзССР).

Помещенные в сборнике архивные документы из АВПР, ГАОО. Архива АН СССР и ЦГИАЛ выявлены научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии АН ТССР Х. Агаевым.

Публикуемые в сборнике документы обработаны в соответствии с правилами и требованиями советской археографии. Однако в ходе работы над сборником составители сталкивались с некоторыми трудностями, связанными с подачей документов, особенно документов XVIII в. и поэтому при обработке этих документов составители не всегда придерживались правил «Инструкции». Поскольку публикуемые документы второй половины XVIII в. по стилю и орфографии почти не отличаются от документов первой половины этого же столетия, то составители сочли более целесообразным дать их по орфографии оригинала с заменой отсутствующих в современном алфавите букв употребляемыми ныне буквами. Текст документов XVIII в. печатается поэтому с сохранением ем почти всех особенностей орфографии и стиля эпохи и передается с рукописи буква в букву (собираетца, прилагаетца, домогатца, известитца, з другими, з берегов, з господином, ево, в полон побрали и т. д.) и лишь в некоторых случаях были внесены изменения: афицер—офицер, салдат — солдат, маэор—майор, козаки—казаки, тотары — татары и т. д.

[22] Текст документов XIX в. печатается по правилам современной орфографии. Пунктуация во всех документах современная. Слова или части слов, восстановленные составителями, заключены в прямые скобки. Явные ошибки и опiski в тексте документов исправлены, однако некоторые слова расшифровать не удалось; в этих случаях в подстрочных примечаниях оговорено: «Так в документе», «Слово неразборчиво». Не удалось унифицировать в документах некоторые племенные и географические названия, а также имена отдельных исторических личностей (например, Якши Мамед, Якши Мухамед, Якши Мухаммед и др.).

Большинство публикуемых документов дано полностью. Однако во избежание ненужных повторений и в целях исключения не относящихся к теме сведений отдельные документы печатаются в сокращенном виде или в виде извлечений. В этих случаях в их заголовках указывается: «Из...», а все опущенные в тексте места обозначаются отточием и в отдельных местах в подстрочном примечании даются оговорки:

«Сняты...», «Опущены...».

Приведенные в текстах ссылки на документы оговорены в подстрочных примечаниях: при включении их в сборник — «См. документ №», в) всех остальных случаях — «Документ не обнаружен», «Документ не публикуется».

Заголовки к документам даны составителями; при сохранении заголовков подлинника в подстрочных примечаниях оговорено: «Заголовок документа». Должность и чин авторов и адресатов документов приводятся в заголовках лишь один (первый) раз; в последующих документах они указываются только при перемещении по службе или при присвоении очередного чина или должности. В тех случаях, когда в руках одного и того же должностного лица находится и гражданская и военная власть, то заголовки к документам даются в зависимости от того, по каким ведомствам они проходят. Например, документы кавказского наместника, проходившие по линии военной администрации, даются в виде «Предписания главнокомандующего на Кавказе», «Письмо главнокомандующего на Кавказе»... и т. д., а во всех остальных случаях вместо слова «главнокомандующий» пишется слово «главноуправляющий».

Документы датированы по старому стилю. Восстановленные составителями даты приведены в прямых скобках. В конце документов в легендах указаны: сокращенное наименование архива, номер фонда, описи (где требуется) и дела, номера листов в деле, откуда взят документ, а также характер документов (подлинник, копия и т. п.). Что касается документов, которые были взяты из АКАК, то они не имеют ссылки на место хранения и даются по изданию. Подстрочные примечания, содержащиеся в документах, оговорены: «Примечание в документе», «Примечание автора». Все остальные, неоговоренные, примечания принадлежат составителям и редакторам сборника.

К сборнику приложен перечень использованных архивных фондов с указанием их номеров и полного наименования.

М. АННАНЕПЕСОВ

ГЛАВА I РУССКО-ТУРКМЕНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII В.

[25] № 1

Из донесения капитана А. Бековича-Черкасского президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Ф. М. Апраксину о сведениях, собранных им о старом русле Аму-Дарьи

1 сентября 1714 г.

г. Астрахань

О себе Вам, моему государю, доношу: в приезд свой в Астрахань осведомился чрез жителей астраханских о реке Дарья, откуда течет, где падает устьем. Сыскал таких людей, которые знают оную реку, называют Аму-Дарья, сказывают, что не малая река, берется вершиною от Индеи (Индии), течет бухарскою землею и хивинскою, падает в озеро, названием Аранское (Аральское) море, которое имеет расстояния от Каспийского моря 14 дней ходу; иные сказывают, будто малый проток есть из озера в море Каспийское, только такого человека нет, который видел; сказывают, что слышали. Для лутчаго уверения поеду сам и буду свидетельствовать морем. И от моря, сказывают, ни один человек не бывал николи в тех местах, где мне повелено ехать, однако, буде воля творца всех, принужден [туда] ехать. Доведывался от здешних жителей о материи, о чем имеем старании, подлинного известия не получил; сказывают, что в бухарской земле есть близ река Аму, только подлинного свидетеля нет, кто б сам видел оное место, того ради послал тайно верх по реке Аму, которая названием Дарьею-рекою, велел подлинно осведомиться. Також-де послал по озеру, где пала Аму-река, велел осмотреть, каким местом пала в озеро, есть ли из озера проток в Каспийское море. Доколе возвратятся оные посланные, сам буду ездить по морю проводывать пристани и реки, какие пали в море, как мне указ повелевает.

Князь Александр Черкасский

Приписка А. Бековича-Черкасского: «Во известие вам доношу: хана хивинского, от которого ныне был посол у царского величества, онго хана хивинцы, взбунтовав, убили и на ево место друга ханом учинили» (Имеется в виду Муса-хан — предшественник хана Ширгази (1715—1728 гг.) Муса-хан, упоминаемый ниже под именем Адгер Магмет Багадура (док. № 6), был убит в 1715 г. группой недовольных его правлением хивинских феодалов (см. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II. М.—Л., 1938, стр 332).).

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 77, лл. 80—81.

Подлинник.

[26] № 2

Письмо туркменского старшины Сеид Мухамед Султана астраханскому губернатору о

содействии туркмен Мангышлака экспедиции А. Бековича-Черкасского

25 июля 1715 г.

После поздравления слово мое то: деды и отцы наши близ трех сот лет великому государю служили, и ныне по указу великого государя приехал к нам князь Александр Бекович, и по приказу ево мы все исполнили також-де и для твоей дружбы, и он, князь, делал нам добро. Преж сего отпустили мы трех человек на стругу (**Струг — речное парусное или гребное судно**) со птицами, и ты пожалуй тех людей так же, которые и на пред сего послан кашкарец, сделай им добро и в торгах им дай всякую повольность.

Назади у листа печать Караганского старшины

Сеит Магомбет Султана

ГАОО, ф. 819, оп. 1, д. 3, л. 75.

Перевод с туркменского

№ 3

Донесение А. Бековича-Черкасского президенту Адмиралтейств-коллегий о ходе экспедиции на восточном побережье Каспийского моря

4 августа 1715 г.

Доношу вам, моему государю, по указу ево царского величества имею путь от Астрахани левою стороною Каспийским морем возле берега за помощью божию. Которые есть обыватели на сем берегу, от разных народов никаких зол от них не видали по се время, паче обошлись с нами дружно, по требованию нашему давали лоцманов водяным и сухим путем; ежели б милостивый бог не умилосердил оных народов к нам, не безбеден был бы живот наш, понеже, мой милостивый государь, места, где мы имели путь наш в великих в страхах, на миль 60 безмерно крутые горы каменные, а на Череши вутес камень; не токмо среднему судну пристать, но и малому неможно, и некоторые суда потеряли, а людей отспасал, по се время за помощью божиею вкупе невредимы.

По левую сторону Каспийского моря несколько сыскались гаваней, которых не описуют в других картах, токмо рек мало.

Князь Черкасский Александр

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 107, л. 45.

Подлинник.

[27] № 4

Предписание президента Адмиралтейств-коллегий А. Бековичу-Черкасскому собрать сведения о плотине на старом русле Аму-Дарьи

27 октября 1715 г.

Приятное ваше письмо, августа от 4-го дня (**См. док. № 3**) писанное, получил сие с радостью от известия о благополучном начале вашего дела, и царское величество трудами вашими зело доволен. Извольте с божиею помощью прилагать свой труд и чрез тамошние народы как возможно домогатца подлинного известия, далеко ль от устья той реки заплота, и ежели о том можете известитца наипаче, то будет ево величеству во угодность, и когда возвратитесь, извольте иметь в том обстоятельную записку и чертеж и нас в приятных своих писаниях и во уведомлениях оставлять не извольте, чего слышать охотно желаю и остаюсь непременно. (**Документ без подписи**)

№ 5

Указ Петра I А. Бековичу-Черкасскому о задачах его экспедиции в Среднюю Азию

14 февраля 1716 г.

1. Надлежит над гаваном, где бывало устье Аму-Дарьи реки, построить крепость человек на тысячу, о чем просил и посол хивинской.

2. Ехать к хану хивинскому послом, а путь иметь подле той реки, но смотреть прилежно течение оной реки, тако ж и плотины, ежели возможно, оную воду паки обратить в старой ток, к тому ж протчия устья запереть, которые идут в Аральское море, и сколько к той работе потребно людей.

3. Осмотреть место близ плотины или где удобно на настоящей Аму-Дарье реке, для строения ж крепости тайным образом, а буде возможно будет, то и тут другой город сделать.

4. Хана хивинского склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к ево службе и чтоб оп за то радел в наших интересах.

5. Бude он то охотно примет, а станет желать той гвардии и без нее ничего не станет делать, опасаясь своих людей, то оному ее дать, сколько пристойно, но чтоб были на ево плате, а буде станет говорить что перво нечем держать, то на год и на своем жалованье оставить, а впредь чтоб он платил.

6. Ежели сим или иным образом склонитца хивинской хан, то просить ево, дабы послал своих людей (при которых и наших два бы человека было) водою по Сыр-Дарье реке вверх до Эркети (Имеется в виду г. Яркенд, в современном Синцзяне (КНР).) городка для осмотра золота.

7. Также просить у нево судов и на них отпустить купчину по [28] Аму-Дарье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суды могут итти, и оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем или, ежели услышит в Индии еще лутчей путь к Каспийскому морю, то оным возвратитца и описать.

8. Будучи у хивинского хана, проведать и о бухарском, не мочно ли ево хотя не в подданство (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести таким же маниром, ибо и там тако ж ханы бедствуют от подданных (Указ Петра I здесь намекает на выступления доведенных до отчаяния народных масс против ханских властей.).

9. Для всего сего надлежит дать регулярных четыре тысячи человек, судов, сколько потребно, грамоты к обеим ханам, также купчине к ханам же и к Моголу (Речь идет о династии Великих моголов Индии).

10. Из морских офицеров порутчика Кожина и навигаторов человек пять или более послать, которых употребить в обе посылки, первая под образом купчины, другая — к Эркети.

11. Инженеров из учеников Куломовых дать двух человек.

12. Нарядить казаков яицких полторы тысячи, гребенских пятьсот да сто человек драгун и доброго командира, которым иттить под образом провожания каравана из Астрахани и для строения города, и когда оные придут к плотине, тут велеть им стать и по той реке, где плотина, прислать к морю для провожания его сколько человек пристойно. Вышеописанному командиру накрепко смотреть, чтоб с обыватели земли ласково и безтягостно обходилися и для делания там города отпустить с помянутыми конными несколько лопаток и кирок.

13. Порутчику Кожину приказать, чтоб он там разведаль о пряных зельях и о других товарах и как для сего дела, так и для отпуску товаров прижать ему, Кожину, двух человек добрых людей из купечества, и чтоб оные были не стары.

По сим пунктам господам сенату с лутчаю ревностью сие дело как наискоря отправить,

понеже зело нужно (Дальнейшие распоряжения по подготовке экспедиции князя Бековича-Черкасского см. в копии письма Курбатову от 14 февраля 1716 г. (ЦГАДА, ф. 134, Сношение России с Хивой, 1716 г., д. 1, лл. 1а—1б.), а также письмо Правительствующему сенату от того же 14 февраля 1716 г.; в этом документе интересно особое акцентирование необходимости установления связей с великими моголами (там же, лл. 2а—2б)).

Петр (На документе помета:
«Сие писано ево царского величества собственною рукою».)

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35, ч. 1, лл. 58—61.

Копия.

№ 6

Грамота Петра I хивинскому хану Ширгази об установлении торговых и дипломатических взаимоотношений между Россией и Хивой и о миссии А. Бековича-Черкасского

31 апреля 1716 г.

Уведомились мы, великий государь, наше царское величество, что ты, хан, от хивинских жителей выбран на хивинское ханство на место прежде бывшего Адгер Магмета Багадуря хана, который к нам, [29] великому государю, к нашему царскому величеству в прошлом 1714 г. прислал посла своего Аршибека (Аширбека) с прошением, что ежели когда случится подданным нашим царского величества чрез хивинскую землю ехать или в оной пребывать тако ж тогда хивинцы в нашем государстве будут или чрез оное проезжать имеют, чтоб свободно в том дано было им позволение и в обиду их не давать, и пожитков у оных не отнимать, (Черновик документа до этой фразы с титулом Петра I и указанием имени Ширгази-хана см. в ЦГАДА, ф. 134, Сношение России с Хивой, 1716, лл. 27а—27б. Черновик документа в несколько иной редакции до слов «от тебя уповаем» см. ЦГАДА, ф. 134, Сношение России с Хивой, 1716, л. 4а) и со обеих сторон свободно торговать. И мы, великий государь, наше царское величество повелели того посла к себе допустить и пожаловать нашим, царского величества, жалованьем. И по прошению Адгер Магмет Багадур хана соизволили хивинцам, ежели когда им случится быть в нашем государстве или чрез оное проезжать и в государстве нашем торговать, свободу дать и обид и налог им не чинить, обнадеживая при том во всем, и его, хана, содержать в нашей приязни так, как предков его; и того ради изобрели мы, великий государь, за благо послать к тебе посла нашего князя Александра Бековича-Черкасского для нужнейших дел к общей пользе как нашего Российского государства, так и Хивинской земли. И тебя юргенские и хивинские земли начальнику хану, ево, посла нашего, принять по ево чину и достоинству и тому, иже он тебе имянем нашим, царского величества, предлагать будет, полную веру дати и на предлагаемые по нашему, великого государя, указу желаемые и ко общему благу принадлежащие решения дать, (Петр 1 счел необходимым не поднимать в грамоте вопроса о подданстве хивинского хана России и, ознакомившись с черновиком грамоты, «указал то оставить и в грамоте о том не писать» (см. ЦГАДА, ф. 134 Сношение России с Хивой, 1716, д. 1, л. 4б)) и с таким удовольствием ево, посла нашего, к нашему, царскому величеству, отпустить, какова мы, великий государь, наше царское величество, от тебя уповаем и Аширбеи (Аршиви) посол прежде бывшего Адгерее хана отпущен ныне к тебе с нашим послом князем Черкасским. А иже он, посол, в Астрахани возвратясь, от нас, великого государя, по своему произволу и по челобитии ево к нам, великому государю, присланному, и через все то время давано ему наше, царского величества жалованье, поденный корм. Писан в нашем царственном граде Спб. (Далее следует полная датировка; документ без подписи).

ЦГАДА, ф. 134 Сношение России с Хивой, 1716, д. 1, л. 4б—4а.

№7

Из донесения А. Бековича-Черкасского Петру I о ходе экспедиции и дружественном отношении туркмен

18 ноября 1716 г.

По указу вашего величества приехали до указанного места на транспортных судах прошедшего месяца октября 20-го дня. Зачали крепость при гавани прежнего устья Аму-реки, какова крепость зачата и в котором месте, тому при сем послан рисунок. Далее оную крепость [30] не можно подвинуть, для того воды пресной нету такой, как где крепость положена до времени.

По приезде в тухменскую землю принужден был здесь призывать в подданство вашему величеству тухменский парод, в которых есть в здешних краях немалая нужда, а оной народ тухменской разных родов выбирают сами между собою владельцев или старшин, жилище их близ моря Каспийского начинается, их земля от Российския земли вашего величества области близ Яику от Эмбы-реки до самой Персидской области по самой Астрабат-город.

От того ж народу тухменского живут на островах огуржинских, которые острова близ новозачатой крепости, все и те разных родов тухменцы обещались вашему величеству верно служить и письмами утвердились, какие они письма мне дали в подданство их вечной вашему величеству при сем послан перевод. (Документы не обнаружены.)

По утверждении своем тухменцы показали верность свою к нам. (В своем письме астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову Чапдаржап — сын Аюки-хана калмыцкого — от 12 марта 1716 г. доносил: «Тухменца Булат-Бахши Бекович взял с собою, после чего приказал вам вместо тамошних тухменцев и здешних тухменцев не прикажи брать ничего. Здешние тухменцы ханова владения [и] прикажи оному Булат-Бахшею к лету дать муки и дров, а к осени я их возьму к себе» (ГАОО, ф. 819, оп 1, д. 4, л 11).) Как мы ехали морем, противною погодою выкинуло на берег: 12 судов, малых и больших, с людьми и с провиантом, из них 4 судна разбило, от разбитых судов людей и провиант и багаж перевозили на своих подводах без многого запросу дачею.

От хана хивинского были послы присланы к тухменцам вышеописанным, чтоб имели они его за хана и старшины их приехали б к нему, обещая им дачу, и они без воли нашей присланным от хана хивинского отповеди не хотели дать, и я им, тухменцам, сказал: «Мы никакой противности с ханом хивинским и с народом тамошним не имеем, кроме дружбы...».

Александр Черкасский

ЦГАДА, ф. 134, Сношения России с Хивой, оп. 1, д. 1, лл. 456—47а.
Подлинник.

№ 8

Письмо мангышлакских туркмен астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову о спасении солдат-драгун

10 февраля 1717 г.

Великого государя астраханскому господину обер-коменданту Михаилу Ильичу. (М. И. Чириков.) Дай, боже, великому государю здравствовать и тебе б, астраханскому боярину, здравствовать же на лета многия. Да ведомо вам, царского величества драгун двадцати семь человек мы трудами нашими и великим боем от неприятелей выручили. наших четыре человека на том бое ранены и дву человек зубы выбили, у одного человека лошадь убили. И сего боя свидетели оные, вышеописанные драгуны. С судна оные драгуны сошли и пришли к нам,

десять дней, а судно мы их не видали, а сказывали нам, что осталось там тринадцать человек [31] и за скорбями своими не могли с оными прийти, а прибывших де нас, царского величества людей, чествовали елико могли, о чем оные и сами донесут вам, и ныне ожидаем государева жалованья за такую нашу услугу. А оставшиеся тринадцать человек хотя и в трухменцах, однако ж не в наших руках и за дальним расстоянием не можно присовокупить для того, что у иного народу — у игдерцов. (Игдыров)

За сим писал Тюк-Караганской мулла Назар и все братья челом бьем

ГААО, ф. 819, оп. 1, д. 5, лл. 10—10 об.

Перевод с туркменского

№ 9

Из донесения поручика А. И. Кожина президенту Адмиралтейств-коллегий о подготовке экспедиции для исследования восточного побережья Каспийского моря

18 апреля 1717 г.

г. Астрахань

Доношу Вашему высочеству, что хивинцы и бухарцы узнали наши пути и собрались против войною Чрез небрежения они узнали, что не посольство, но с войною, которой имели мы прошлого году, транспорт сделали и посадили в двух местах, где нет свежей воды, малым отменна от морской, и пески от мира потоплые и вонь непомерная, где не можна никакому существу человеческому жить И господин фон дер Виден, полковник Коротояцкого полку, остался и при нем от двух полных полков и других служителей здоровых в тристах человеках с небольшим, а другие в два месяца к богу пошли, а иные отходят в скорости (Копия документа хранится в ЦГИА Груз ССР, ф. 1087, д. 612, лл. 41—42).

Александр Кожин

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 147, лл. 245—246

Подлинник

№ 10

Письмо туркменского старшины Шидамет султана (Шидамет султан то же лицо, что и Шидамамбет султан (см док № 11). В ГААО сохранился перевод другого письма Шидамет султана к астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову от 6 мая 1717 г. В письме говорится «Служим мы из давних лет великому государю, а ныне по призыву князя Александра Черкасского обещали мы и куран в том по своей вере целовали, что служить нам царскому величеству наипаче прежнего во всякой верности. И ныне послали мы на тюленем стругу человека своего Карачу с товарищи десяти человек к хану (Аюке) и ко Чабдаржапу, чтобы в Астрахани с них пошлин и привозных денег не иметь и, дав судно, отпустить их к хану».) астраханскому губернатору с просьбой отправить на Мангышлак торговые суда

16 августа 1717 г.

Великому честному и великоместному астраханскому князю многочестно поздравляю, после поздравления слово то великому государю вашему служим верно, и в службу царского величества каких людей [32] потребно будет и мы таких людей отправляем князю Александру Бековичу, что понадобится наших людей и нам велено отправлять, и мы желаем добро. Как в прошлых годах суда отправились с торговыми людьми, також-де и ныне отправь против прошлых лет. С сим письмом послал я человека своего Пилева, и оною человека моего отправь на судне. Сие письмо писано тому одиннадцать дней.

Назади у листа печать Шидаметя султана

ГАОО, ф. 819, оп. 1, д. 5, л. 108.
Перевод с туркменского.

№ 11.

**Показания прибывших в г. Астрахань посланников мангышлакских туркмен об
экспедиции А. Бековича-Черкасского**

16 августа 1717 г.

1717 года августа в 16-й день явились в приезде на бусе (*Буса — большая долбленая лодка-однодеревка, с острым носом, округлым дном и набоями из досок по бортам.*) турхменцы два человека.

И ближний стольник обер-комендант Михайла Ильич Чириков приказал оных турхменцев взять в расспросную канцелярию допросить: в Гюк-Карагане [и] на Красных Водах царского величества ратные люди и добром ли здравии, також-де и капитан князь Александр Черкасский с ратными людьми где обретаеца. Оные турхменцы расспросной канцелярией допрашиваны. В допросе один сказался Пилевом, зовут Щедяков. Присланы мы-де ис Тухмени от Шидамамбетя солтана с письмами до Астрахани, тому де ныне одиннадцатой день, и при них-де в Тюк Карагане и на Красных Водах царского величества ратные люди все в добром здравии, а от капитана князя Черкасского в Тюк-Карагане и на Красных Водах, где он обретаеца, ведомости небывало. «А слышал-де он, Пилев, от приезжего турхменца, который живет домом в Хиве, приедучи-де ис Хивы в Тухмене сказывал: князь-де с ратными людьми от Хивы хану дни за три или за четыре стоит и в Хиву-де послал Михаилу Кирейтова, (*В других документах: Керейтов, Карейтов (см. док. № 13 и Зап. Русск. геогр. Об-ва. IX, Спб, 1853, стр. 319))* с ним сто двадцать человек, а ис Хивы-де хан к нему, князю, прислал-де посланных, которые посланы с Михайлом одного человека да друго-де человека своего хан прислал к князю для подлинной ведомости, для чего-де он, князь, с ратными людьми к ним прибыл, и збирает-де хан ратных своих людей для съезда с ним, князем, а сколько збирает, не знает, и солдат-де их приезжал в Тюк-Караган к полковнику, советовавши, послал турхменской султан четырех человек... (*Слова неразборчивы.*) к князю, где подлинно он, князь, с ратными людьми обретаеца и что у них какой промысел... (*Слова неразборчивы*), а послал тех четырех человек в тот же день хану, он в Астрахань поехал.

ГАОО. ф. 819, оп. 1, д. 5, л. 106 и об.

[33] № 12

**Письмо туркменского старшины Булат Бахши астраханскому губернатору о содействии
туркмен экспедиции А. Бековича-Черкасского**

16 сентября 1717 г.

Служим мы великому государю слишком сто лет верно и по повелению князя Давлеткирея Черкасского службу мы служили и ныне мы с хивинцы стали не в миру потому, что с ним, Давлеткиреем, послали мы вожатых Ишпулая и Ходжу Нефеса, и они видели недоброе дело, ушли к нам с двоими ясырями (*Ясырь — пленник, невольник*) калмыцкими и для дружелюбия Ходжу Нефеса послали в Астрахань. А наперед ево, Ходжу Нефеса, послали мы в Астрахань же Кочкара, да Мурата, да Тюлке, да Неязу с товарищи и им бы Кочкару свое у них, что есть, велеть испродать и, управя свое дело, к нам отпустить без задержания. (*В письме на имя этих посланцев старшина Булат Бахши писал «Из дальних мест ближнему сердцем Кочкару, Мурату, Тюлке, Ниязу беку, Ниязу Кадырберды все мы кланяемся, а мы здесь в добром*

здоровье, вы там здравствуйте, а после того слова: ни отколе ни каких вестей нет и буде вам ехать, и вы приезжайте в судне, а буде судна не будет, и вы приезжайте степью, и буде вам нельзя ехать, и вы к нам пишите, такожде и хану пишите, и буде вам добро зделаетца, и вы пришлите муки» ГААО, ф. 819, оп. 1, д. 5, л. 130 об.) А как он, Давлеткирей Черкасской, прибыл в Тюк-Караган и на Красные Воды, и в то время отпускали мы с ним, Черкасским, людей своих семьдесят человек и для тое службы и за посылку наших людей обещал он, князь Черкасской, дать нам сто сорок мешков пшеничной и аржаной муки и эту муку для дружбы к нам прислать бы, и как он, князь, поехал в Хиву и взял пять верблюдов и пять лошадей. А у ково взял, и те хозяева сами будут.

ГААО, ф. 819, оп. 1, д. 5, л. 130, об.
Перевод с туркменского

У листа печать Булат Бахши

№ 13

Донесение казанского губернатора П. С. Салтыкова президенту Адмиралтейств-коллегии о захвате и казни хивинским ханом А. Бековича-Черкасского

25 октября 1717 г.

Октября 4-го дня, писал в Казань с Саратова коменданту Дмитрей Бахметьев, сентября-де 29-го явился ему в Саратове ханского улусу калмычанин Бакша и сказал: послан -де он был от хана Аяки (Аюки) сам четверт с господином князем Черкасским до Хивы, и он-де, капитан, прибыв на реку Дарью, не доезжая Хивы за три дня, послал к хивинскому Ширгазе-хану астраханского дворянина Михайла Карейтова и с ним сто человек. И ево-де, Михайла, и служилых людей в Хиве задержали и ис тех-де людей два человека яицких казаков, да два человека хивинцев прислал он, Ширгази хан, к нему, капитану. И оные-де хивинцы говорили ему, капитану: ежели б-де он, князь Черкасский, от царского величества был послом, и с ним бы-де надобно людей человек с [34] двести, а ныне с ним людей много. И построил-де ж в Тюк-Карагане и в Красных Водах два города, а и в Хиве-де то ж учинит, и потому звали ево, князя Черкасского, к себе в Хиву, дабы он, капитан, ехал; и он, капитан, сказал им: ежели посланного ево, Карейтова, с служилыми людьми отпустят, то -де он, капитан, итти и видетца с ханом готов, и после -де того, спустя шесть дней, хивинский хан Ширгази, собравшись многолюдством с хивинцы, о которых сказывали ему, Бакше, будто пришли на реку Дарью, в урочище Харабуметь, и русское войско обошли кругом, и капитан князь Черкасский сделал вал и ров; и оные-де хивинцы приступили и били боем пять дней. (В остальных документах — три дня) И хивинской-де хан и капитан договорились, что между собою бою не чинить, а им, хивинцам, принять ево, капитана, как принимаютца обычайные послы. И по договору -де он, капитан, и с служилыми людьми пошел к городу Хиве, а хан -де хивинской шел с ними ж, и он -де, хан, с ним, капитаном, пили, ели вместе, и, не дошед -де до Хивы за день, они, хивинцы, его, капитана, и служилых людей разобрали без бою и привезли в Хиву. И на другой -де день хивинской хан Ширгази сказывал оному калмыку Бакше, что-де он, хан, капитана князя Черкасского и астраханского дворянина князь Михайла Заманова (В других документах: Саманов (см. док. № 25 и др.)) казнил, отсек головы и, кожи сняв, велел набить травой и поставил у ворот. И он -де, Бакша, оные головы видел, а подлинное ж-де капитанская и Заманова головы, того он не опознал, для того, что кожи сняты с головы и набиты травой, а других -де служилых людей хивинский хан роздал все хивинцам человек по десяти и по пяти и меньше человеку, а иных держит при себе, а на бою и в Хиве никого, кроме капитана и Заманова, не убито, (В действительности погибла большая часть отряда А Бековича-Черкасского. (см. док № 24 и ЗРГО, IX, 1853, стр 319)) и хивинской -де хан ево, Бакшу, и товарищев ево отпустил, да с ними ж отпустил астраханские мурз и татар, Булата с товарищи и горских черкес, которые были при

капитане князе Черкасском 10 человек, а как -де он к хану Аяке приехал, и того ж -де часу он, хан, послал ево в Саратов об оном донести ему, Бахметьеву. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 145, л 237.

Копия.

№ 14

Донесение казанского губернатора президенту Адмиралтейств-коллегии о просьбе поручика М. Травина прислать людей для обследования Красноводского залива

12 февраля 1718 г.

Прошедшего генваря 22-го дня нынешнего 1718 году писал к нам из Астрахани морского флота порутчик господин Травин, дабы прислать в Астрахань указ к комиссару Новикову, чтоб по требованию ево давал ему людей, которые в Красных Водах все протоки и реки знают, понеже оной без указа людей ему не дает. И ежели такой указ непришлетца, то всеконечно во описании рек будет великая остановка, также чтоб [35] оной Новиков на команду ево для походу давал рыбу и по помянутому требованию порутчика Травина рыбу давать ли, и буде давать, — на какой счет, також и людей. Прикажи, ваше высокографское превосходительство, письменно нас уведомить.

Петр Салтыков

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 172, лл. 2—2 об.

Подлинник

№ 15

Донесение командира Коротояцкого полка полковника фон дер Видена президенту Адмиралтейств-коллегии о попытке построить укрепление в Красноводском заливе

30 апреля 1718 г.

Доношу вашему сиятельству: в прошлом 1717 году (В другом документе: «в прошлом 1716 г.» ЦГИА ГрузССР, ф. 1037, д. 612, лл. 35—37) по указу царского величества и по вашему изволению отправлен я из Воронежской губернии из Павловского с Коротояцким полком лейб-гвардии з господином капитаном князем Черкасским за море Каспийское и, переехав в урочище Красные Воды, с ним, князем Черкасским, и с тех Красных Вод поехал он в Астрахань декабря 18 дня 1716 г. сухим путем, а меня оставил на той косе морской, которая под владением трухменских народов, з двумя полками, с Коротояцким да с Астраханским, а в тех полках было в прибытии по половине полков, а другие были не в приезде, понеже их погодою морскою разнесло и выметало по берегам на персидской кряж и на трухменской; и по отъезде своем приказал мне строить крепость на песке сыпучем с ракушкой и оставил у меня инженерского ученика, и тот ученик окапывал пещаным валом, а каменья возить было не на чем, бригантин (Бригантин — военное или купеческое двухмачтовое мореходное парусное судна) в прибытии не было, и я с Красных Вод весною за ними посылал, и те разбитые бригантины з берегов стаскивали и починяли для того, что оне были худы и деланы [из] старого разбитого дубного лесу, и мы на той косе морской в пещаном валу сидели по самой крайней нужде октября по 3-е число 1717 г. А как я известие получил про него, князя Черкасского, что хивинцы со всем войском ево побили и в полон побрали, тако ж трухменцы, про которых писал он, князь, бутто курант (Коран) целовали и поддались под руку его, царского величества, те стали люди наших в полон брать, их бить и на крепость приступить сухим путем и морем (Нападение туркмен на отряд фон дер Видена с целью захватить Красноводское укрепление было совершено по подстрекательству хивинского хана (см. док. № 21, 24, 25)), и как в том месте без дров и без воды пресной и без лесу, который бы годен к городовому строению, и за

тем быть невозможно, и я ему, князю, о том должность свою отдавал и говаривал при других штаб- и обер-офицерах, и он мне говаривал; «Делать то, что повелят, ты оставляешься на пробу», и уже у нас обоих полков людей померло многое число, а другие больные. И за тем известием, сделав я обычной совет со всеми штаб- и обер-офицеры, что, конечно, быть невозможно и города без дров, без воды и [36] без земли не бывают, подписались руками, чтоб, оставя оное место, отъехать в Астрахань, дабы последних людей не утратить, також ружья и омуниции не отдать неприятельским людям, а ежели до весны быть, то бы и судов достальных согнать до Астрахани некому и людей не осталось бы никак в живых. А прибыл я в Астрахань апреля 3-го числа нынешнего 1718 г. и команды моей отставшей малое число, а иные еще не собрании с моря, а что нас в прибытии в Астрахань и что не в приезде, о том значит вашему сиятельству посланная при сем письме и табель. А что господин капитан князь Черкасской взял с собою из Коротояцкого полку в Хивинской поход присланного из Воронежской губернии солдацкого мундиру и государевых лошадей и всяких полковых припасов, послана ж до вашего превосходительства роспись. Об ружье, о шпагах, и о другой полковой омуниции, что было в Коротояцкой полк принято для походу за море, и что из того числа Пропало на море и взято от неприятельских людей и- с моря не в приезде, и что при полку ныне налицо, о том послано ж ведение на Воронеж в концелярию. Две бусы, которые не в прибытии с моря в Астрахань, на них Обер-унтер-офицеров, рядовых солдат и не служащих 191 человек, а что каких чинов - значит посланная табель до вашего сиятельства, и ныне такие бусы еще нигде не явились: ни на персидском кряжу, ни на тухменском, и ведомости про них нет. Ныне пребываем в Астрахани, а указу от вашего сиятельства никакова не имеем, где нам быть повелите, а другие полки Казанской губернии определены по прежним гарнизонам, и Казанской уже полк отправляетца на судах в Казань, а я без указу из Астрахани идтить не смею, и о том ваше сиятельство что повелит.

Полковник фон дер Виден

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 169, лл. 206—207

Подлинник

№ 16

Из письма поручика В. А. Урусова президенту Адмиралтейств-коллегии об исследовании восточного побережья Каспия и старого русла Аму-Дарьи (Подробности об исследовании в 1716—1718 г. В. А. Урусовым, А. И. Кожиным и М. Траниным восточных берегов Каспия и старого русла Аму-Дарьи, см. ЦГАВМФ, ф. 233, д. 133, лл. 15—16; д. 172, л. 56; д. 254, л. 70; д. 255, л. 98.)

3 ноября 1718 г.

Доношу вашему высокографскому сиятельству по пунктам, которые принял от царского величества: левой стороны Каспийского моря, сколько было возможно, описал и протоку Аму-Дарьи реки, которую повелено мне освидетельствовать, впрямь ли протока или залив. По оному мы ходили в степь пятнадцать верст пешие с солдатами с остатками и до признаков дойти не могли, понеже вода, которую несли на себе в жаркое время, вскоре изошла, а сыскать в тех местах воды, которую бы можно пить, невозможно, еще ж к тому, что видели тухменцов многолюдство. Опасаясь итти далее, и возвратились, об оном заливе не освидетельствовав. Токмо, государь, истинно вашему сиятельству доношу, что пешим никаким образом того исследовать не можно и о всем оном деле [37] вашему высокографскому сиятельству ясно донесет офицер, которого я отправляю вскоре по отпуске сего письма с картою, которую мы делали оным местам, где ныне ездили, иже и чертеж той заливы с ним посылаю у сем пространно вам, премилосердому моему отцу, доносить будут через мое нижайшее письмо; также и тот офицер о всем донесет, понеже он был з Бековичем и в степь с ним ездил для исследования протоки и с нами ныне был же... (Опущены сведения о служебных

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 172, лл. 62—64.

Подлинник.

№ 17

Донесение поручика А. И. Кожина Петру I о съемочных работах на восточном побережье Каспийского моря

19 ноября 1718 г.

Доношу вашему величеству, что нынешним временем Астрабата начать описывать не могли, что услышали в той части моря, а из рек тех принуждены бы мы были брать воду того ради опасались, чтоб не привести какой вред. А которая сделанная была восточной страной мною карта, оную Урусову объявил и через него наблюдениями свидетельствовано, и к горам по заливе ходили, и описание свое прежде, и показание гор, также ему, Урусову, объявил, и какую разность есть, оной нашел, — сам донесет вашему величеству. Как я и прежде вашему величеству доносил самую истенну, а не ложь, что мне нет никакой причины, для чего б ложно принести или что утаить. Прошу вашего царского милосердия, дабы безвинно не отъял был мой труд, как я оную карту начал и половину окончил, чтоб рабу вашему окончить, а по окончании повелите послать освидетельствовать и ежели леностию или коварством что учиню, кроме что недопущением времени или от недовольства отправлени, то безо всякого суда себя винна представляю. Прошу вашего величества не для своих прихотей или прибытках, но для окончания мною зачатого дела и предложить вашему величеству мой труд, чтоб чрез оное видимо было мое дело. Всемиловитейший царь-государь, видя непотрепство, не могу утерпеть, которые вашего величества морские суды и при них служители для перевозу товаров определены и оное все не так имеют отправления, как верным рабам надлежит, и между тем свои вымыслы вмешивают и позволяют возить товары на собственных судах, из малой отдавав пошлины, также суды отдает на откуп всем—самой воровской подлог, а иные и тайно ездят. Також -де слышно, что некоторые морские суды и босурманом (**Мусульманам**), зделав, продает, а никакова нет созидания к распространению, чтоб исполнилась ваша воля и морские суды также и служителей умножилось и учинились, ничего не радели, того ради о всем вашему величеству доношу.

Александр Кожин

Помета на документе: «Получено в 1-й день февраля 1719 г. с вышепомянутым же порутчиком».

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 247, ч. II, лл. 136—137.

Подлинник.

[38] № 18

Из донесения поручика В. А. Урусова Петру I о составлении им карты восточного побережья Каспийского моря и обследовании устья Узбоя

19 ноября 1718 г.

К вашему величеству посылаю карту восточной стороны моря Каспийскова (**Карта Каспия, составленная Кожиным, Урусовым и Травиным, опубликована в работе Л. С. Берга «История исследования Туркмении» См. сб. «Туркмения», т. 1, Изд-во АН СССР, Л., 1939.**), сколько мог описать за противностию ветров и за кратким бытием нынешнего лета на море,

понеже по приезде моем в Астрахань удобных судов к плаванию не нашел, токмо оставшие от походу князя Черкасского две шнявы, и те все были изломаны и за починкою оных многое время в Астрахани продолжил. О протоке Аму-Дарьи-реки, которую указом вашего величества повелено мне осмотреть, впрям ли протока или залив, о котором вашему величеству доношу, что начался из моря залив, котораго описание при сем же прилагаю, и по окончании воды онаго заливу пошел в степь солончак и никаким способом мне освидетельствовать было неможно, понеже я, низайший раб, другаго способу избрать к тому не мог, токмо взять с собою сто человек солдат, и ходил пеший по тому заливу, даже до окончания воды того, где пришел солончак, и пошел в степь и далее итти было невозможно, понеже было жаркое время и воды на себе в такое время довольство занести было неможно, которая была вскоре изошла, к тому ж людство тамошнего народу видели по другой стороне заливу, которые уже явно себя показали против вашего величества приходом к Красновоцкой крепости, таких ради невозможностей даже до солончака возвратились, а о всем вашему царскому величеству ясно донесет порутчик Дмитриев с сим посланной, который со мною был и прежде с князем Черкасским и в степь с ним ездил для осмотра речных признаков. А к Астрабату, услыша в тамошних странах о моровом поветрии, ехать не смели, понеже опасались учинить от того людям вреду, также как ваше величество повелит: в предбудущее лето описывать западную сторону и по морю крейсовать обще с Кожиным или одному крейсовать, а другому описывать для скорейшаго окончания карты.

При сем же доношении до вашего величества посылаю карту и описание Балханского залива, которую принял от порутчика Кожина (Карта и описание в деле отсутствуют (примечание в документе)).

Князь Василий Урусов

Помета на документе:

«Получено февраля в 1-й день 1719 г. чрез нарочно присланного Астраханского гарнизона Смоленского полку порутчика»

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 247, ч. II, лл. 138—139

Подлинник.

[39] № 19

Донесение А. И. Кожина президенту Адмиралтейств-коллегии о потерях судов при обследовании восточных берегов Каспийского моря

(ноябрь 1718 г.)

Прошедшего 1716 г. объявил мне приказом царского величества князь Черкасской, чтоб делать транспорт для его, Черкасского, и при нем войск 4200 человек сверх морских служителей, и на оных чтоб можно уместить на полтора года провианта, также артирели (Артиллерии.) для двух крепостей и несколько лесу на хоромное строение и на дрова, чтоб оное изготовить в шесть недель и для оногo транспорту построенные были вновь судов и старых починено 4 шнявы (Шнява — двухмачтовое морское судно, наподобие шхуны), 3 брегантины, на старых фундаментах 6 шкоут (Шкоут — тяжелое речное плоскодонное судно.), да прежних судов принято 4 шкоуты, 18 малых шкоут же, плоскодонных, 39 бус старых и вновь зделанных, и оные были под моею командою и привел до Тюк-Карагани все в целости. И от Тюк-Карагани послан я был до острова, да для описания берегу и осмотра Балханского залива, где прежде объявлена была лживая река, и в Астрабат для показанных других мною дел, и в небытность мою оставлено в Тюк-Карагани 3 брегантина, 15 малых шкоут, 5 бус, да для возки камня 3 бусы, на дрова разломано 7 бус, и как оной князь Черкасский дошел до Красных Вод, в то время разбило на берег 3 шкоуты и 9 бус, 1 брегантина. Да в прошлом 1717 г., когда ис Красных Вод пошел полковник фон дер Виден и малые шкоуты за умалением людей

пожег все, кои у него были, а в Тюк-Карагани оставшиеся, ездя по дрова, изломали, притом же пропало безвестно 2 бусы, разбило 1 шняву, 1 шкоуту, 1 бусу льдом растрепало, одну бусу комендант Астраханский посылал в низовье, 2 бусы и оные разбило, и одну бусу изломал на строение и 2 малые шкоуты згноили, которые отданы были для отправления почт коменданту в Красные Воды, всего судов утрачено морских: 1 шнява, 1 брегантин, 4 шкоуты, 15 малых шкоут, 31 буса В остатках: 3 шнявы, 2 брегантины, 6 шкоут, 1 малая шкоута, 8 бус. Из оных шняв употреблены к размерению моря, починя. А оставшие [ся] в небытность мою все повреждены на море, и об оных что ваше высочество повелит: починивать и поставить в удобные места, или отдать в губернию с распискою, чтоб на мне не взысканы были в моем отправлении. А вышеписанные суда строены не на губернские доходы,—на особливые доходы, которые присланы были из поместного приказу деньги.

Александр Кожин

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 170, лл. 231—232

Подлинник

№ 28

Из предписания президента Адмиралтейств-коллегии В. А. Урусову о необходимости завершения работ по составлению карты Каспийского моря

16 декабря 1718 г.

Письмо ваше из Астрахани, от 3 ноября писанное (См. док. № 16), принял и по оному его царскому величеству доносил, указал к вам писать, чтоб [40] нынешнюю зиму зимовали вы в Астрахани и весною исполнили порученное вам дело, и чтоб верную карту Каспийского моря всеконечно окончили. Извольте по тому указу неоплошно исполнить; о жалованье вам и обретающимся с вами морским служителям писано от нас к казанскому губернатору, чтоб приказал отдавать насчет адмиралтейской ис тамошних доходов... (Опущено предписание В. А. Урусову о расследовании личного дела В. И. Кожина.).

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 255, л. 323.

Отпуск.

№ 21

Сводка из донесений об экспедициях А. Бековича-Черкасского и А. И. Кожина

(1718 г.)

...В 1716 г. по указу царского величества отправлен он из Азовской губернии с Коротояцким полком з господином князем Черкасским за море Каспийское, и, переехав урочище Красные Воды, он, князь Черкасский, поехал в Астрахань декабря 18-го числа того ж году сухим путем, а ево оставил с Коротояцким и з другим Астраханским полками на косе морской, которая под ведением трухменских народов, а в тех полках в прибытии их было людей по половине, а другие не в приезде, понеже погодою разнесло и выметало по берегам на персидской кряж и на трухменской; а по отъезде -де своем привил (Так в документе) инженерного дела ученика, который окапывал пещаным валом; а каменья возить было не на чем, брегантин в прибытии не было, за которыми с Красных Вод весною присылал, и повез брегантины, разбитые з берегов стаскивали и починяли для того, что оные деланы из разбитого бучного старого лесу, и были -де на той морской косе в пещаном валу по самой нужде октября по 3-е число 1717 году и как про него, князя Черкасского, получили известие, что хивинцы со всем войском его побили и в полон побрали, также трухменцы, про которых писал князь, будто курант (Коран.) целовали и поддались под высокою его царского величества руку, стали людей их в полон брать и рубить и к крепости сухим путем приступать непрестанно, а им-де в том

месте без дров и без воды пресной и без лесу к городовому строению быть было невозможно, о чем ему, князю, он, полковник, говаривал при других штаб- и обер-офицерах, и он-де, князь, против того говорил ему; «Делай -де то, что велят, ты-де оставляешься на пробу», а у них -де от обоих полков людей уже померло многое число, а другие больны, и за тем известием заделал он военной обычной совет со всеми офицерами, что города без дров, без воды и без земли не бывают и быть, конечно, невозможно, подписались руками, и чтоб, оставя оное место, ехать в Астрахань, дабы последних людей не утратить, также ружья и амуниции не отдать в босурманские руки, а ежели б -де быть до весны, то могли все помереть. И в Астрахань -де он прибыл апреля 3-го дня нынешнего 1718 г. и оставшей команды ево малое число, а иные еще с моря не в собрании. А Коротояцкого полку порутчик, с которым присланы [41] вышеозначенные письма, Федор Исингилдеев, сказал: «В прошлом -де 1716 г. в сентябре месяце лейб-гвардии при капитане князе Черкасском для походу в Хиву было во отправлении из Астрахани водяным путем на Каспийское море на разных судах: на шнявах, на шкоутах, на брегантинах, на бусах пехотных три полка, в том числе Азовской губернии помянутой Коротояцкой, да и с Казанской два полка против указу в полном комплекте, и на тех судах от усть реки Волги морем прибыли они к урочищу Тюк-Карагани, которое во владении трухменского народа, он, Исингилдеев, с майором Поярковым на шкоуте в трои сутки, а прочие за погоду в неделю и больше, и в том урочище Тюк-Карагане оставил он, князь Черкасской, для строения крепости один полк Казанской с полковником Хрущевым, а морского флота порутчика Кожина и с ним его и Исингилдеева с солдаты с шестью десять человек на шняве от Тюк-Карагани ж послал к персидскому городу Астрабаду; для того на той же шняве послан был от него, князя Черкасского, морского флота подпорутчик Петр Давыдов, которому повелено было чрез персидскую землю ехать к бухарскому хану и в Хиву, а для какова дела, о том он несведом. И на той -де шняве до помянутого города Астрабату морем шли они неделю. И как прибыли к пристани, которая расстоянием от Астрабата верстах во шестьдесят, посылал порутчик Кожин в тот город к хану штурмана Якова Бранта и с ним астраханского толмача говорить, чтоб помянутого порутчика Давыдова он, хан, приказал принять в тот город, и, удовольствовав подводами и провожатыми, отправить чрез персидское владение до Бухар и до Хивы. И тот -де хан ево, Давыдова, не принял, а сказал, что он без указу шахова величества персидского принять и чрез персидскую землю пропустить не смеет и для того ханскому отказу возвратился он, Кожин, к князю Черкасскому по приказу ево в урочище Красные Воды, а он- де, князь Черкасской, в то урочище ис Тюк-Карагани прибыл до возвращения их от Астрабада и с ним от двух полков людей только по половине, для того что многие суды и с людьми от шторму разбило и разнесло в разные места и повымотало на береги на персидскую сторону и по трухменскому кряжу, и того ж красовоцкого урочища на песочной косе он, князь Черкасской, велел очертить при себе инженерного дела ученику земляную крепость и, очертя оную, приказал делать солдаты. А сам, взяв с собою вышеописанного порутчика Кожина, брегат, комиссара Волкова, капитана Толстова, порутчика Арсеньева да солдат в провожатых Астраханского полку, человек с шестьдесят, декабря с 8-го числа поехал сухим путем в Астрахань, а по отъезде своем в той начатой крепости приказал во всем команду ведать полковнику фон дер Видену. И оная ж крепость делана на неудобном пещаном месте и пресной воды и лесов никаких на той косе нет, чем-де, как он, князь Черкасской, отъезжал в Астрахань, полковник фон дер Виден и другие штаб и обер-офицеры многократно ему предлагали и просили, чего ради в такое непотребное место их привел и оставляет, в котором воды пресной ни колодезями изыскать не могут, также и лесу и травы, кроме песку, нет, и того ж ради на том месте зимовать было им ни по которому образу невозможно. И он-де, князь Черкасской, сказал им, что «воду пресную и лес сыскать можете и после меня», и объявил им, что он возвратитца к ним из Астрахани в 1717 г. весною в июне — в июле месяцах. И после -де отъезду ево в тех Красных Водах зимовали они без пресной воды и без дров со мноюю нуждою в одних полковых палатках, а пробовлялись соленою морскою водою (Речь идет, вероятно, о грунтовой воде, имевшей горько соленый привкус). И хотя для своей выгоды в той крепости и

за городом в разных [42] местах покапали и многие колодези, однако же пресной воды сыскать не могли, от чего многие офицеры и солдаты заболели цынготною болезнью и померли; а за вышепомянутыми-де офицерами и солдатами, коих разбило на море и занесло на персидскую сторону и на тухменский кряж; по ведомостям, полковник фон дер Виден посылал капитана Сурмина, поручика Зелейского да прапорщика Манцена с солдатами с осьмьюдесятью человек на трех бусах и оные возвратились, и с ними в то же Красновоцкую крепость на брегантинах и других судах прибыли тех полков штаб- и обер-офицеров и солдат малое число, а именно:

Коротояцкого полку майор Поярков, капитаны Еропкин, Растопчин, поручики Слепцов, Давыдов, прапорщики Соловцов, Толстопятой да солдат четырех рот, а сколько человек также и Астраханского полку, что имена офицеры и коликое число солдат же прибыло, того сказать не ведает. А о князе -де Черкасском слышно им было, что в том же 1717 году весною на святой неделе пошел он из Астрахани, взяв при себе драгунской шквадрон (Эскадрон) на то и казаков яицких и гребенских конных и несколько черкес горских; а сколько числом было человек, того не ведает, прямо степью в Хиву. И когда -де августа месяца в 29-м числе посланных от них и той крепости Астраханского и Коротояцкого полков солдат для вырывания вместо дров коренья травного, взяли набегом тухменцы в полон человек с тридцать и после взятия на другой день приехав к ним к крепости конные-де туркменцы, в том числе и мурза Бутузбек, сказали, что его, князя Черкасского, и при нем будущее войско хивинцы побили, а достальных всех разобрали по рукам, и, объявляя оное, от крепости отъехал и стал в виду и учили збиратца малолюдством и после того Бутузбекова отъезду, спустя дней с пять или шесть, к ним же приезжал к крепости водою тухменской же Ард-мурза (Так в документе), рассказал, которой князю Черкасскому был довольно знаком, понеже об нем Розсланбеке (Арслан-бек), от него, князя, полковнику фон дер Видену был словесный приказ, ежели от него, князя, будут присылатца письма татарским письмом, и чтоб оные он, полковник, отсылал к нему, Розслан-беку, не удерживая, и тот де Розсланбек, будто сожалея его, князя, объявил полковнику ж фон дер Видену и прочим штаб-офицерам вышеписанные ж ведомости, что его, князя, с при нем будущее войско хивинцы побили, а достальных побрали в полон всех без остатку. Он же -де, Розсланбек, сказал, что их в той крепости хотят доставать уже, и для того вышепомянутой Бутузбек водою в близости стоят и собираетца, и чтоб они от того имели осторожность, и, сказав им, отъехал водяным же путем. И ... (Слово неразборчиво) ведомостям от тех неприятельских людей имели они в той крепости денно и ночью непрестанную крепкую осторожность, и для того за недостатком фитиля полковые солдацкие палатки к пушкам и к гнадерам собирая с рот вместо фитиля жгли, а сколько пожжено, того заподлинно сказать не ведает. И по отъезде -де вышеписанного мурзы Розсланбека, спустя с неделю, к той крепости приступали малолюдством с огненным и лучным ружьем в ночи до свету часа за два или за три человек з двою тысячи сухим путем и морем на лодках той же тухменской орды татары, а имянно, текейи-юмутцы, огружинцы (Огурджали), куклюяны (Гоклены), юмутцы (Емуты), в том числе и помянутого Розсланбека улус татары балханцы, а сам -де он, Розсланбек, во время того нападения был ли, того неведомо. И те -де татары ворвались было в крепость, а он -де [43] Исингилдеев, в то число стоял с гнадерскою ротою на пикете и чинил отпор и тех татар ис крепости вон выбили и многих побили до смерти и ранили и главного их приводца, а имянно: текей-юмутцкого мурзы или владельца брата родного в той крепости закололи до смерти, для которого ис тех же татар, в том числе и помянутой Розсланбек, приезжая к ним к крепости, спрашивали дни по три, что он жив -ли, чтоб отдать на размену, и тем -де татарам какой ответ от полковника фон дер Видена учинен, того не ведает. А после -де того нападения те татары в близости ж от крепости их стояли еще с неделю и пошли в свои улусы, и по отступлении оных, а имянно октября 30-го числа, полковник фон дер Виден с штаб- и с обер-офицерами учинили военной консилиум, что в той крепости з достальными солдатами за вышеупомянутою крайнею нуждою дров и за умалением здоровых людей жить там невозможно, о чем, советуя, и подписались все, что оставя то место, идтить в Астрахань, дабы и последних людей не утратить и ружья и омуниции не отдать неприятелю, понеже-де означенная крепость начата делать и делана хуже песка, из морской ракушки,

которую в насыпи валу без дерева и фашин или без дерну удержать было и на защищение людемью насыпать вал высотой в настоящую меру невозможно, потому что лесу и дерну и камышу и травы, кроме помянутой ракушки, на той косе много, к городовому делу способного нет, по которому совету оставя тое крепость, пошли они в Астрахань морем же на шняве и на бусах октября 3-го числа. И в том пути было им свободного ходу только одна ночь, а потом за противною погодою и штурмом разнесло их всех врознь и их -де с полковником фон дер Виденом на бусе носило шесть недель и принесло тое бусу до Астраханского полку под-полковника Кушнякова, на бусе ж и командированную с артиллериею бусу ж да отправленной к ним из Астрахани в помянутую крепость с провиантом шкоут на персидскую сторону к устью реки Куры, и на том острове они зимовали, а протчие суды, которые тою ж погодою разнесло и об оных они были сведомы, потому ж зимовали на персидском же кряже в разных местах, и с помянутого -де острова в Астрахань отправились они морем же на первой неделе великого поста и прибыли апреля в 3-й день, а другие в разных числах сего 1718 г., а достальные две бусы, на которых были полку ж их Коротояцкого офицеры, вышеупомянутые майор Поярков, капитаны Еропкин, Давыдов, Сурмин, попутчики Грызлов, Зеленский, Четвериков, прапорщики Тынков, Толстопятой, да унтер-офицеров и рядовых мушкетеров и неслужащих сто восмездесят два, а с офицерами сто девяносто один человек. По отъезде его, Исингилдеева, из Астрахани с моря еще не прибыли и известия об них, также и где зимовали, никакова им не было, а как-де князь Черкасской из Астрахани в Хиву отправился и в марше ево с войски, какой бы ему до Хивы тракт и по несчастю от хивинцев, в которых -урочищах он разобран и побиты, и бои какие с ними хивинцы и с другими ордами у него были ль, о том он ни о чем не сведом, для того, что -де, от него, князя Черкасского, в вышеозначенную Красноводскую крепость известия и выходцов к ним, кроме того, что уведомились от вышеобъявленных трухменцев, никого не было. А в ведении и в табели полковника фон дер Видена написано: в вышеписанной Коротояцкой полк состоял 1293 человека, из того числа выбыло: с князем Черкасским взято в Хивинский поход:... (Далее приводится перечень офицеров и солдат, состоявших в этом полку и указывается, что из общего числа (1293 чел) погибло 999 чел, а возвратились лишь 294 человека).

ЦГАВМФ, ф. 233, д. 170, лл. 37—40 об.

Отпуск

[44] № 22

Письмо Бегенч-Хаджи (В документе: Бегелч-аджи.) астраханскому дворянину К. И. Воронину с ходатайством о возвращении старшин мангышлакских туркмен и розысках его сына

3 марта 1721 г.

(Дата получения письма в Астрахани.)

От меня-де, Бегелч Аджи, Кузьма Ивановичу великое челобитье и божиею милостью и великого государя здравием, дай, боже, тебе жить. многолетия, мы -де были холопы хана Аюка тему сто тридцать лет и отца -де ево и деда и великому-де государю мы верны двести лет и государевы -де суды к нам в Караган для торгу приезжали и добродетелю желали, а с нами казаки (Казахи) в степи стали не в миру и в прошлом году от нас из Карагани поехал Сеид Ахмет солтан для свидания [к] князю и к хану и к Чабдаржапу, а в прошлом -де году которое судно из Астрахани для торгу было и сказывали ложно, будто из Астрахани оного Сеид Ахмета повезли для свидания к хану и которые -де к нам приехали степью, горами, и мы -де слышали, солтана и Кочкара покинули в Саратове, а двоих повезли вверх (Об этом см. док. № 23.) и после -де того нынешним летом к нам пришло судно для торгу и сказывали ложно ж, будто вышли означенные люди к хану, а в осень -де было другое ж судно, и которые были прежние слова всех, стало ложно, и мы -де от себя судно отпустили добродетелю, хотя -де была в словах от них и ложь, и

которой -де от нас солтан поехал с четырьмя человеки и к вам назад не будут; чтоб впредь суд для торгу не присылали, и он к нам не будет, а суды будут, то будут между нами ссора, и мы-де для приятства правду сказываем и ты -де, Кузьма, к нам на судне писал, будто сын твой в Чаржаве (Чарджоу) городе и от нас -де далеко и дву человек в Бухары и в Балх и в Чаржаве и к торговому человеку в Бухары послали для ведомости, а купчина Василий Иванович говорил, чтоб работникам отдать, кои посланы, и отдать пять кож да нефть, бобров да шесть мешков муки, сто блюд, а будет ли то дачи или не станет, никому неведомо, а мы -де от себя дали верблюда и лошадь и дали для милости великого государя и ради тебя и чтоб наша работа не пропала. И по своей вере всякой крепко держа и по твоим словам послали искать сына твоего, а которые -де наши братья и родственники поехали вверх, также ведомость учини и двести лет худо б от нас не бывало; и они -де безвинно страждут и бог видит, и что будет, о том знает великий государь, и я -де думаю степью ехать к хану; и мы -де пошлем от себя Летифбакшу и, дай бог, чтоб в добром здоровье, приехав, свиделся...

Печать Бегелч Аджи

Подлинное ж доношение и письмо за закрепою дьяка
Ивана Новякова

ЦГАДА, ф. 276, оп 1, д. 560, лл. 9 об—10 об.
Копия.

[45] № 23

Отношение Камер-коллегии президенту Коммерц-коллегии П. А. Толстому о письме Бегенч-Хаджи и донесение астраханского воеводы И. Кикина

[Не ранее июня 1721г.]

Сего 1721 году марта 3-го числа из Трухмении от трухменца Бетелч Аджи в Астрахань к дворянину Кузьме Воронину о выкупе сына ево ис полону, которой пропал в хивинской поход, написано (См. док. № 22): которое -де суды из Астрахани присылаютца с товары для торгу к нам на трухменской кряж, чтоб впредь их к ним не присылать, и с того ево письма прислал копию.

А в копии с того письма написано: были -де они холопы хана Аюки тому с 130 лет и отца-де ево и деда, и великому государю они верны 200 лет, государевы суды к ним в Караган для торгу приезжали и добродетель делали, а с ними-де казаки в степи стали не в миру.

И в прошлом-де году от них ис Карагани поехал Сеид Ахмет Салтан для свидания к князю и к хану и к Чабдаржапу, а в прошлом-де году, которое судно из Астрахани для торгу было, и сказывали ложно, будто из Астрахани онаго Сеид Ахмета повезли для свидания к хану, и которые-де к ним приехали степью, горами, и они, слышали, Салтана и Кочкара покинули в Саратове, а двоих повезли вверх; и после -де того нынешним летом пришло к ним судно для торгу и сказывали ложно ж, бутто вышеозначенные люди поведены к хану, а в осень -де было другое судно и они-де от себя отпустили добродетеля, хотя -де была я словах от них ложь, а которой -де от них солтан поехал с четырьмя человеки, и к ним назад не будет, и чтоб впредь суд для торгу к ним не присылать, а ежели будут, то будет меж ними ссора, а они -де для приятства правду сказывают, а которые -де их братья и родственники поехали вверх, чтоб им ведомость учинить, а от них -де 200 лет худо б не бывало, а страждут безвинно, а он думает степью ехать к хану.

И по оному письму, ежели судно впредь с товаром не посылать, то будет недобор таможенному сбору, понеже на оном судне отпускаютца товары на покупные государевы деньги и с таможи, а не купецких людей, а посылать бы по такому их намерению за неуведомление взятых их людей в Санкт-Петербург опасно от них пакости, точно -де на сие посредство изобретаетца такое.

Что послать на том судне лишних служилых людей со артиллериею и торг с ними чинить со осторожностью и со взятием от них аманатов (**Аманат — заложник, человек, взятый в залог.**), есть ли дадут, а на судно, стоящее в море, из них пускать по малому числу людей, чтоб не учинили какова обману или насилия, а ежели явитца от них во всем противность, то надлежит им паки возвратитца, а торги с ними уже уничтожить, и о том-де в камер иностранных дел коллегии писано ж.

И сего мая 12-го дня из оной отписки и ис копии с письма Аджина учинена выписка и послана к его превосходительству господину президенту.

И сего мая 22-го дня в письме от его превосходительства господина президента действительного тайного советника кавалера лейб-гвардии капитана Петра Андреевича Толстого в коммерц-коллегию написано:

велено оное дело положить на рассмотрение тамошняго губернатора [46] господина Волынского, и о том к нему послать указ, чтоб он то дела управил по своему разсуждению, понеже он о упомянутых в том письме трухменцах подлинно сведал (**В документе от 25 мая 1721 г. отмечается, что, обсудив этот вопрос в коммерц-коллегии, П. А. Толстой приказал «... послать указ в Астрахань к губернатору господину Волынскому, велеть ему о посылке к трухменцам с товары судов чинить по своему рассмотрению как лутче и безопаснее, понеже он о том деле сведом» (ЦГАДА, ф. 276. оп. 1, д. 56.0, л. 5).).**

Канцелярист Григорий Иванов

ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 560, лл. 3—4 об.
Подлинник.

№ 24

Извлечение из дела, найденного в Московском сенатском архиве, об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву, — в 1714 по 1717 год (**Заголовок документа. Дата составления документа не установлена.**)

Для первой поездки князя Черкасского на Каспийское море истрачено 34924 рубля.

28 октября 1714 г. князь Черкасский отправился в море из Астрахани, куда возвратился 3 декабря того же года, не имев возможности продолжать плавания по случаю появления льда на пространстве между устьями рек Волги и Урала. Причем три судна с провиантом затерло в устье сей последней реки, а два — в устье р. Терека.

25 апреля 1715 г. князь Черкасский вновь отправился в Каспийское море, откуда возвратился в Астрахань 9 октября, а 5 ноября того же года поехал с донесением к Петру Великому в г. Ригу....

По личному объяснению императора Петра Великого с князем Черкасским, дан был И февраля 1716 I. в г. Либаве Правительствующему сенату указ об отправлении князя Черкасского в Каспийское море и далее послом к хивинскому хану, а к хану бухарскому и моголу индейскому велено было послать купца.

В то же время его величество изволил собственноручно начертать инструкцию для князя Черкасского. Сущность этой известной инструкции заключается... (**Далее в сокращенном виде следуют пункты инструкции Петра I (см. док. №5).**)

Вследствие распоряжений Сената, а также по особым требованиям князя Черкасского, было дано в его распоряжение:

Три полка (**Пензенский полк, Коротояцкий (или Крутоярский) полк из Воронежа и Риддеров полк из Астрахани (ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, д. 612, лл. 4—7).**), каждый в 1200 человек
..... 3600 чел.

Драгун 595 чел.

Яицких казаков 1500 чел.

Гребенских казаков 500 чел.

Артиллеристов 43 чел.

Инженеров 2 чел.

Итого 6240 чел.

Сверх того разных лиц, как-то: астраханских дворян, купцов, вожатых, переводчиков и прочих около 110 чел.

Итого 6350 человек, кроме офицеров и нижних чинов Морского ведомства.

[47] Этот общий итог выведен на основании сведения, доставленного князем Черкасским астраханскому обер-коменданту по случаю требования провианта на наличное число людей.

При отряде находилось 6 медных и 9 чугунных орудий.

Инженерного инструмента отпущено 1638 лопат, 1500 заступов, 650 кирок и 500 топорков.

Каждому солдату велено было дать: по одной шубе, рыбы по $1\frac{1}{2}$ пуду и вина и уксусу по ведру. Казакам и драгунам вьючных лошадей, на каждых двух человек по одной, и, кроме того, было куплено 200 верблюдов.

Для перевозки отряда к берегам Каспийского моря велено было дать все готовые суда, имевшиеся налицо в Астрахани, Казани и вообще в низовых городах р. Волги, а также строить новые, согласно с требованием Черкасского, которому, однако, вменено было в обязанность ограничиться самою необходимою постройкою новых судов, дабы не вводить казну в излишние издержки и не замедлить с отправлением экспедиции, для чего он должен был обратить готовые суда два и три раза для перевозки войск и продовольствия.

Из доставленной выписки астраханским обер-комендантом видно, что приготовлено для экспедиции 1716 и 1717 годов 147 судов разной величины и названий, но в сей выписке не упомянуто, включены ли в это число и суда, находившиеся в распоряжении князя Черкасского в 1715 г., или оказанное число показывает только суда, вновь приготовленные для экспедиции вследствие указа в 1716 г.

Для экспедиции 1716 и 1717 гг. истрачено 183 157 рублей, а с издержками 1714 и 1715 гг. все расходы простираются до 218095 рублей.

Из донесения астраханского обер-коменданта видно, что князь Черкасский отправился в третий раз в Каспийское море 20 сентября 1716 г.; но о построении крепостей на восточном берегу этого моря, о времени его возвращения в Астрахань, о выступлении в Хиву и о печальной развязке экспедиции никаких официальных донесений в найденном деле не находится. Только одни показания спасшихся лиц заключают в себе сведения о совершенных предприятиях в 1716 и 1717 гг. Показания эти состоят в следующем:

Выступив 20 сентября 1716 г. из Астрахани (Не упоминается, на скольких судах и какие именно были с ним войска; только видно из дальнейших показаний, что уральские и гребенские казаки не участвовали в этой поездке на море (примечание в документе).), князь Черкасский прибыл 9 октября к Тюк-Карагани, где высадил войска на песчаную косу, не имевшую ни удобной земли, ни свежей воды, ни лесу. Несмотря на эти невыгоды, он заложил там крепость, названную впоследствии крепостью Св. Петра, в которой оставил полковника Хрущева полк.

Из Тюк-Карагани князь Черкасский отправил флота поручика Кожина в Астрабад, куда он должен был отвезти флота же подпоручика Давыдова, назначенного послом к бухарскому хану. Почти в то же время князь Черкасский послал туркменца Ходжа Нефеса, бывшего впоследствии вожатым при отряде, и с ним двух астраханцев; дворянина Званского и Николая Федорова для осмотра прежнего русла Аму-Дарьи и плотины, обратившей воды этой реки в Аральское море.

Сделав эти распоряжения, князь Черкасский отправился 23 октября с оставшимися при нем войсками к Красным Водам, куда прибыл 3 ноября и заложил крепость, построение которой поручил полковнику фон дер Видену с двумя полками.

На Красных Водах возвратились к князю Черкасскому: поручик Кожин, донесший ему, что подпоручика Давыдова не пропустили в [48] Астрабад по случаю бывшего тогда бунта в Персии, а также и Ходжа Нефес с посланными при нем астраханцами. Сии последние объявили, что Ходжа Нефес, по прибытии на урочище, находящееся в двух верстах от Аму-Дарьи, привел их на земляной вал вышиною в 1 $\frac{1}{2}$ аршина, шириною в 3 сажени и длиною верст 5, устроенный хивинцами для обращения будто бы вод Аму-Дарьи в Аральское море (В показании самого Ходжи Непеса говорится, что А. Бекович-Черкасский отправил его в 1714 г. для осмотра старого русла Аму-Дарьи. Ходжа Непес и его спутники поехали по караванной дороге из Астрахани на Хиву и на 11-й день пути достигли реки Карагач — притока Аму-Дарьи. Не доезжая до реки Карагач, они встретили развалины двух древних городищ, лежавших поблизости от небольшого пресноводного озера. В показании, однако, ничего не говорится о плотине, преграждавшей путь Аму-Дарье в Каспийское море (см. Зап. Русск. геогр. об-ва, IX, Спб., 1858, стр. 319—337).). Проехав по этому валу и степью верст около 20, они прибыли к прежнему руслу Аму-Дарьи, по которому ехали три дня до урочища Ата-Ибраима, где была мечеть и кладбище. На обоих берегах того русла они видели развалины прежних жилищ и следы проведенных к ним канав. От урочища Ата-Ибраима, опасаясь погони хивинцев, Ходжа-Нефес не повел их по руслу до моря, но поехал прямо на Красные Воды.

Желая иметь достоверные сведения о существовании этого русла, князь Черкасский приказал астраханскому дворянину Тарасовскому осмотреть с другими туркменцами означенное русло от Каспийского моря до урочища Ата-Ибраима; но туркменцы не хотели указать дороги.

В заключение астраханец Николай Федоров присовокупил, что при возвращении своем из плена в Астрахань, лет 30 тому назад, он видел прежнее русло Аму-Дарьи, которое в том месте, где он переезжал, было шириною сажень 50.

От Красных Вод князь Черкасский отправился 17 декабря сухим путем через Тюк-Карагань в Астрахань, куда прибыл 20 февраля 1717 г. Конвой его состоял из 100 человек солдат и 60 человек туркменцев...

В конце апреля или начале мая 1717 г. князь Черкасский отправил из Астрахани сухим путем в Гурьев городок 1500 уральских и 500 гребенских казаков, при коих находились и лошади драгунов. Отряд этот прибыл по назначению чрез 12 дней, а чрез 7 дней присоединился к казакам и князь Черкасский с 500 драгун, приехав из Астрахани морем (Отряд А. Бековича-Черкасского состоял: «1-е, из эскадрона шведских драгун; 2-е, из двух рот пехотных, которые, однако, как все прочие, служили на конях; 3-е, из артиллерийских офицеров и служителей с пушками и снарядами; 4-е, из разных морских служителей; 5-е, из астраханских русских дворян, мурз и нагайских татар, 500 человек; 6-е, из гребенских казаков, 500 человек; 7-е, из яицких казаков, 1500 чел, 8-е, из купцов с товарами, 200 человек. Сам Бекович пошел в июне 1717 г. морем до Гурьева...» (ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, д. 612, лл. 4—7)).

Тотчас по прибытии в Гурьев князь Черкасский погнался за партией каракалпаков, угнавших у наших казаков табун лошадей и захвативших до 60 человек в плен (Нападение было совершено по приказу Ширгази-хана (см. док. № 25).). Погоня эта увенчалась успехом: табун и пленные были отбиты и, кроме того, взято у неприятеля несколько человек в плен.

После сего войска, собранные у Гурьева городка, провели 4 недели в приготовлениях к походу, а около 20 июня выступили в степь (С князем Черкасским отправился в поход и хивинский посланник, купец Ширим Узбеков, приезжавший в Астрахань в 1716 г. для продажи хивинских товаров (примечание в документе)).

Подробный состав отряда, при коем находилось 7 орудий, неизвестен, но численность оного простиралась до 3000 человек.

[49] О колёсном обозе не упомянуто; лошадей же, по приблизительному исчислению, было около 6 тысяч.

Главным вожатым был калмык Манглай-Кашка, данный Аюки-ханом, и при нем 10 человек его единоплеменников (Кроме того, при отряде находилось 70 юртовских татар; при особе

же князя Черкасского состояли два его брата с 20 узбеками, князь Заманов, астраханский дворянин Керейтов, еще 20 астраханских дворян и 13 астраханских купцов (примечание в документе)).

Путь следования отряда, объясненный в единогласных показаниях двух туркменцев, обозначен следующим образом... (Об этом см. док. № 25)

Во время следования отряда по степи обращают на себя внимание следующие происшествия.

1. У колодца Чирдана, на половине пути, вожатый Манглай-Кашка с своими единосемцами тайно ушел из отряда. Впоследствии открылось, что он с четырьмя человеками отправился окольными дорогами в Хиву для предупреждения хана о следовании русских, а остальные 6 человек — возвратились к Аюки-хану с донесением (Из документов видно, что во время экспедиции А. Бековича-Черкасского калмыцкий хан Аюка сыграл предательскую двуличную роль: с одной стороны, Манглай-Кашка по заданию Аюки на пути в Хиву тайком сбежал из отряда, а, с другой стороны, хан Аюка лицемерно сообщал русским властям о том, что якобы «приехал его посылыщик», который «сказывал, что бухарцы, хивинцы, каракалпаки, кайсаки, билаки соединились, и заставы стоят по местам, колодези засыпали, которым была ведомость чрез тухменцев о походе войска, ... а ваш -де посылыщик в Хиве не в чести...» и т. д. Аюка-хан в угоду своим корыстным планам хотел свалить всю тяжесть содеянного на «тухменцев», через которых будто бы «была ведомость о походе войска» (см. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, т. 1, Спб., 1871, стр. 297, изд. под ред. члена археологической комиссии А. Ф. Бычкова).).

2. С привала у колодца Яргызу, отстоявшего в 300 верстах от колодца Чирдана, князь Черкасский отправил дворянина Керейтова с 100 человеками казаков в Хиву для извещения хана, что он идет послом от Петра Великого.

3. У колодца Яргызу было оставлено до 1000 человек казаков с усталыми лошадьми, а на половине дороги много бросили провианту, взятого на полгода, по случаю падежа значительного числа вьючных лошадей.

4. Во время пребывания отряда на урочище Аккул-реке (Судя по числу переходов, сделанных от этого урочища до озер, образуемых Дму-Дарьей, должно полагать, что оно находится верстах в 120 от Аму-Дарьи (примечание в документе)), где выжидали присоединения оставленных у Яргызу казаков, за коими были посланы верблюды, — прибыли к князю Черкасскому: два посланных от хивинского хана и один от Керейтова. Посланные привезли ему от имени хана: лошадь, бархатный кафтан и другие подарки. Вероятно, не желая выказать малочисленность отряда, князь Черкасский принял посланных от хана по присоединении казаков, оставленных на Яргызу.

Из показаний видно, что Керейтову был сделан ханом благосклонный прием; но когда прибыл в Хиву вожатый Манглай-Кашка, то Керейтова и находившихся при нем людей тотчас же посадили под арест, и вместе с тем хан начал собирать войско.

О численности противопоставленных сил отряду Черкасского показания весьма разнствуют; однако должно полагать, что Ширгази имел в сборе не менее 15 тысяч человек, при коих, впрочем, артиллерии не находилось.

С этими силами хан атаковал отряд князя Черкасского 16 августа и, вынужденный после трехдневного боя отступить от лагеря без всякого успеха, прислал для переговоров двух приближенных лиц—Кулумбея [50] и Назар-Ходжу, с уверением, что войска атаковали русских без его приказания и что князь Черкасский пришел послом, а не с неприязненною целью, то он просит его явиться к нему в лагерь.

В знак же искренности обещания, что отряду не будет сделано никакого вреда, присланные целовали коран в присутствии всех.

Кулумбей и Назар-Ходжа были назначены для переговоров по указанию самого князя Черкасского, который объявил хану чрез астраханских юртовских татар Измаила-Мурзу и Куза-Була, что он только с ними вступит в переговоры, Ширгази изъявил на это согласие и в

удостоверение того, что хивинцы нападали на лагерь русских без его приказанья, наказал двух из них в присутствии наших посланных, приказав продернуть одному чрез ноздри, а другому чрез ухо тонкие веревки и водить их на показ перед лагерем.

Доверяясь вероломным обещаниям хивинцев, князь Черкасский вместе с князем Замановым отправился под прикрытием 700 человек драгун и казаков к хану Ширгази, поручил начальство над войсками оставшимися майору Франкенбергу.

Лишь только князь Черкасский прибыл в неприятельский лагерь, где ему уже был приготовлен и шатер, расстоянием в 250 саженьях от ханского, как хивинцы тотчас же расположились таким образом, чтобы он не мог уже более соединиться с войсками, оставшимися под начальством оставшимися майору Франкенбергу.

Ширгази, не приняв князя Черкасского, сделал переход в 10 верст по направлению к Хиве и только на другой день пригласил его к себе вместе с князем Замановым. Свидание их продолжалось несколько часов, в продолжении которого были представлены хану грамота и подарки. Подарки эти в тот же день были возвращены ханом, который велел сказать, что в грамоте все вещи показаны целыми, а поднесенные ему разорваны на куски, каждый в пять аршин. Князь Черкасский сильно сетовал за подобный беспорядок на князя Заманова, заведывавшего подарками, на что сей последний ему ответил, что он сделал эту экономию, дабы иметь средства к возвращению на Урал (Изложенное здесь о подарках основано на показаниях нескольких лиц, заслуживающих более доверия. Уральский же казак татарин Уразмет Ахметов, находившийся в числе 700 человек, взятых князем Черкасским при отправлении в хивинский лагерь, показывает, что хивинский хан возвратил подарки, поднесенные ему от имени князя Черкасского; подарки же, предоставленные от имени государя, он принял (примечание в документе)).

Следующие два дня после свидания князя Черкасского с Ширгази войско хивинское находилось в движении по направлению к Хиве и остановилось у речки Парсу-Сунгула.

Князь Черкасский с своим прикрытием следовал среди хивинцев. Хотя майор Франкенберг расположился от неприятельского лагеря только в двух верстах, но хивинцы строго наблюдали, чтобы вверенный ему отряд никоим образом не соединился с прикрытием князя Черкасского.

На другой день по прибытии на р. Парсу-Сунгул хивинский хан объявил чрез своих приближенных, что, так как он всего отряда в одном месте продовольствовать не может, то предлагает разделить его на пять частей, которые и поставить по квартирам в пяти городах.

Князь Черкасский доверился этому вероломному предложению и, удержав при себе 200 человек, остальных находившихся при нем драгун и казаков разделил на четыре части. В то время он послал приказание чрез дворянина Званского и майору Франкенбергу о разделении вверенного ему отряда на пять частей. Не доверяя словам Званского, майор Франкенберг отправился сам к князю Черкасскому, чтобы лично [51] удостовериться в действительности приказанья. К сожалению, князь Черкасский подтвердил слова Званского, и разделение отряда на части было сигналом к его истреблению. Части, составлявшие отряд майора Франкенберга, были уничтожены спустя несколько часов по их разделении, когда их едва только успели отвести на несколько верст от лагерного места по разным направлениям. Части же, составлявшие прикрытия князя Черкасского, были уничтожены на другой день. На каждого из русских солдат нападало не менее 33 хивинцев, которые защищавшихся рубили, а не оказывавших сопротивления — вязали.

Едва князь Черкасский был лишен защитников, хан Ширгази тотчас же приказал казнить сперва дворянина Экономова, потом князя Заманова, а наконец, и самого князя Черкасского, упрекавшего хана в вероломстве. Первым двум отрубили просто головы а князя Черкасского раздели прежде донага, а потом отрубили голову, при чем распороли и живот. Отрубленные у этих трех жертв головы, были отосланы Ширгази в Хиву, где и повесили их у Айдарских ворот на виселице (Подробно о событиях, связанных с походом отряда А. Бековича-Черкасского в Хиву, о первых стычках с хивинским войском, о предварительных переговорах и встречах

Черкасского с хивинским ханом, расчленении отряда на пять частей, об истреблении отряда и о том, как обезглавили самого Черкасского и его приближенных, см. показания Ходжи Нефеса, Алтына Усейнова, Федора Емельянова и Михаила Белотелкина, опубликованных в ЗИРГО, кн. IX, Спб., 1853, стр. 319—337.).

Из лиц, с коих сняты были показания, только двое русских, а остальные татары. Из показаний сих последних видно:

- 1) что братья князя Черкасского были отпущены хивинским ханом невредимыми;
- 2) что почти все магометане, находившиеся при отряде и обреченные уже на казнь, были прощены по ходатайству старшего духовного лица в Хиве, и
- 3) что спасшиеся татары встречали в Хиве и на дороге только одних молодых солдат, коих вели связанными. Это последнее обстоятельство дает повод заключить, что все офицеры и дворяне, а также старые солдаты, оказавшие сопротивление, погибли под ударами хивинцев.

По получении известия о гибели отряда князя Черкасского повелено крепость Св. Петра, то есть построенную в Тюк-Карагане, удерживать до последней крайности. В этой крепости находилось 11 пушек: 3 медных, 8 чугунных, а гарнизон ее в конце ноября 1717 г. состоял только из 597 человек. Для получения воды рыли через каждые три дня новые колодцы, а старые засыпали, потому что вода в них делалась негодною к употреблению.

Относительно же дальнейшего занятия крепости Красноводской не имеется никаких сведений в найденном деле. Между тем хан хивинский, не довольствуясь истреблением отряда князя Черкасского, подстрекал туркменцев атаковать эту крепость. Ограничившись в августе месяце нападением на команду, высланную за дровами, причем взяли в плен 20 человек, туркменцы объявили потом гарнизону об их неприязненных намерениях, а в сентябре месяце подступили к крепости с моря и с сухого пути и ворвались в нее. Хотя они были оттуда вытеснены, однако на военном совете решено было оставить крепость, из которой гарнизон (численность его неизвестна) отправился 3 октября 1717 г. на 13 судах под начальством полковника фон дер Видена. По выходе в море эскадра эта претерпела сильную бурю, разогнавшую все суда, из коих одна буса погибла, но люди большею частью спасены. Из этих судов: три бусы с 400 человек зимовали в Низовой; несколько офицеров и солдат, находившихся на двух бусах, разбитых у устья [52] р. Куры, зимовали на урочище Бермак, полковника фон дер Видена с пятью судами отбросило к Баку, и, наконец, около Гилян разбило одну шняву и одну бусу, люди с которых, около 100 человек, были выброшены там на берег и умирали с голоду.

Астраханский обер-комендант был уведомлен о гибельном положении гарнизона, оставившего Красноводскую крепость, сделал зависевшие от него распоряжения для доставления ему продовольствия и судов к переезду в Астрахань. Сколько из этих несчастных возвратилось в отечество, о том в деле сведений не находится (В Красноводской крепости был оставлен Коротояцкий полк под командованием полковника фон дер Видена. Из общего числа в 1293 человек погибли и не вернулись 999 человек, а возвратились в Астрахань лишь 294 человека (ЦГАВМФ, ф. 233, д. 170, лл. 37—40 об.).).

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35, ч. II, лл. 1—15.

Копия.

№25

Из «Записки о поездках князя Александра Бековича-Черкасского к восточному берегу Каспийского моря и о сухопутной экспедиции его в Хиву» (Заголовок документа; документ не датирован, но, как видно из содержания, написан позже описываемых в нем событий; датируется по времени события.)

Мыс Тюк-Караган, в северо-восточной части Каспийского моря, был издавна известен астраханским жителям по торговле, производимой ими у сего места с Туркменцами. Русские и татары ездили туда из Астрахани на малых судах компаниями.

В 1713 г. с одною из таковых компаний прибыл в Астрахань знатный туркменец Ходжа Нефес и объявил проживающему в Астрахани князю Саманову (Родом персиянин из Гиляни, где был беком; перешел в Россию и принял христианскую веру (примечание в документе)), что он имеет открыть российскому императору дело великой для государства пользы. Саманов проводил туркменца в Санкт-Петербург, где чрез посредство гвардии поручика Александра Бековича, князя Черкасского (Родом из Кабарды, в то время называвшейся Черкасскою землею, отчего, вероятно, он и получил прозвание Черкасского; сие подтверждается одним из донесений его к Петру Великому, в коем, между прочим, говорит: «Писали ко мне из черкасские земли братья мои». Название же «Бекович» может произойти от слова «бек», так же как от слова «король» производится «королевич» и проч. Бекович был за границей для изучения наук, и в особенности мореплавания, и с 1713 г. делается известным как доверенное лицо государя. Замечателен его проект о покорении российскому владычеству кавказских народов. Он был женат на княжне Марье Борисовне Голицыной, дочери известного князя Бориса Алексеевича Голицына, под надзором которого Петр Великий воспитывался» (примечание в документе)), бывшего у государя в милости, удостоился весною 1714 г. быть представленным его величеству вместе с товарищем своим.

Открытие Нефеса состояло в том, что в стране, лежащей при реке Аму, добывается песочное золото и что хотя река сия, впадавшая прежде в Каспийское море узбеками (Узбеками) (хивинцами) отведена в Аральское море, ради безопасности от россиян, но, перекопав плотину, можно обратить реку в прежнее русло, в чем русским будут помогать и туркменцы.

[53] В это же время прибыл в столицу сибирский губернатор князь Гагарин с предложениями о песочном золоте, имеющемся в Бухарии; с другой стороны находившийся при дворе ханский посол также подтвердил, что Аму-Дарья в вершине своей вымывает золотой песок, вместе с тем просил государя о постройке у старого русла Аму в Каспийское море крепости на 1000 человек.

Хотя в существование плотины, изменившей течение р. Аму и в то время плохо верили, но сказанные показания послужили Петру Великому предлогом к исследованию возможности открыть чрез Каспийское море путь для торговли с Индией, действительно обещавшей России золото.

В таких видах состоялся 29 мая 1714 г. именной ево царского величества указ об отправлении князя Александра Черкасского «в Хиву с поздравлением на ханство, а оттоле ехать в Бухару к хану, сыскав какое дело торговое, а дело настоящее — чтоб проведать про г. Иркень (Яркенд), сколько далеко оный от Каспийского моря и нет никаких рек оттоль, или хотя не от самого того места, однако же поблизости в Каспийское море».

Первая поездка водою к восточным берегам Каспийского моря.

В силу сего указа Бекович отправился сначала в отечество свое в Кабарду, дабы взять оттоль некоторых из верных людей, тот край знающих, а весною 1715 г. он пошел водою из Астрахани к восточному берегу Каспийского моря для отыскания устья Аму. Следы сего устья показались ему в заливе у Красноводской косы и он действительно полагал, что если пойдет следом старого русла, то найдет плотину, посредством которой изменено течение р. Аму. В этом удостоверился он из показаний астраханца Николая Федорова, посланного им с Ходжою Нефесом от Красноводской косы (Здесь допущена неточность. Для осмотра старого русла Аму-Дарьи и плотины на ней Ходжа Непес был отправлен не с Красноводской косы, а с Тюб-Караганского мыса. Об этом см. док. № 24) для осмотра плотины, до которой езды их было степью 17 дней. По мнению туркменцев, для приведения реки в старое русло надлежало от плотины прокопать высокого места до дола (Слово «дол» здесь значит русло, ложе. Следует заметить, что показания Николая Федорова не соответствуют некоторым образом другим

сведениям о первой поездке Бековича; так, например, он говорит, что князь Черкасский пристал к Тюк-Караганскому мысу, где находилось прежнее устье р. Аму, а не у Красноводской косы, но это невероятно (примечание в документе)) около 20 верст. Полагать надо, что Бекович не был готов к сухопутному походу или считал отряд свой для сего недостаточным (Из двух донесений губернатора Казанской губернии Салтыкова усматривается, что на снаряжение сей первой поездки издержано 30638 руб., взято у посадских людей под экспедицию 16 стругов, воинских людей дано из Астрахани и других мест, отколе удобнее, 1500 человек, в том числе 100 человек яицких казаков. Люди снабжены мундирами, шубами и всеми нужными припасами — свинцом, порохом и проч. (примечание в документе)) и что поездка эта была учинена только для собрания предварительных сведений.

С собранными известиями и картою восточного берега, составленную по расспросам, возвратился Бекович в Россию и застал государя императора в феврале 1716 г. в Либаве. При объяснении с ево величеством князь Черкасский умел представить дело с хорошей стороны и подать большую надежду на успех экспедиции, за что и был на месте пожалован в капитаны гвардии.

Петр Великий не терпел отлагательства: тут же состоялся новый указ «Господам сенату» об отправлении князя Черкасского, а сему последнему даны были собственною его величества рукою писанные [54] пункты. Сии документы столь занимательны, что нельзя не вписать их здесь от слова до слова:

а) Именной указ об отправлении князя Черкасского: «Господа сенат! Понеже капитана князя Черкасского отправили мы паки туда, откуда он приехал, и что ему там велено делать, о том дали ему пункты; и чего он против всех пунктов будет от вас требовать, также и сверх того, и в том чините ему отправление без задержания. У подлинного письма приписано его императорского величества собственною рукою тако: Петр из Либоу, 14-го дня, февраля 1716 г.».

Князю Черкасскому данные пункты от его царского величества и по оным как поступать, будучи в Хиве... (Сняты инструкции Петра I А. Бековичу-Черкасскому (см. док. № 5).).

Лейтенанту Кожину, состоявшему в команде Бековича, дана особая инструкция, в делах не отысканная.

Четыре дня спустя по подписании его величеством указа и пунктов состоялось определение Правительствующего сената, из коего можно извлечь некоторые подробности о числе войск и вообще о средствах, предоставляющихся Бековичу (Об этом см. док. № 24.).

...В одно время с вышесказанными приготовлениями Бекович не упустил из вида и другой меры, обещавшей, по-видимому, немалую пользу доставлением прямых и новейших известий из Хивы. Мера эта состояла в отправлении туда нескольких гонцов с известием, что он идет к хану с посольством. Из всех гонцов имеется в делах известие только от двух, а именно: от астраханского дворянина Ивана Воронина и Алексея, по прозванию Святого. От марта и июля месяцев 1716 года писали они, что в Хиве им очень дурно; что подарки, какие у них были, приняты; ответа на послание к хану никакого не дают, держимы они под стражею скудно, а об обратном пути и помину нет; в Хиве же слухи, что князь Бекович идет не посольством, а войною и что они были не раз спрашиваемы: зачем русские люди на их земле хотят строиться? Также негодуют и на туркменцев, зачем дают русским вожатых (Вероятно, они казнены, как и другие русские (примечание в документе)).

И, с другой стороны, доходили известия, что хивинцы смотрят на поход Бековича недоброжелательно, и что кайсакам, усбекам (Казахам, узбекам.) и каракалпакам сделано от старшин воззвание, дабы встретить русское войско в безводных местах большими силами.

Из числа известных лиц при отряде находились: князь Саманов (См. примечание к док. № 13.), астраханский дворянин Кирейтов, майоры Франкенберг и Пальчиков, братья князя Бековича: Сиюнч и Ак-Мирзу, посланный от калмыцкого хана Аюки калмык Бакша и туркменец Ходжа Нефес. Лейтенанту Кожину следовало, по указу, также отправиться в поход, но он остался в Астрахани и подал на Бековича донос в том что намерение сего последнего есть

изменнически предать русское войско в руки варваров. Заслушав Кожин предан военному суду, вытребован в Петербург и допрашивается Сенатом.

От Гурьева до р. Эмбы войско находилось в следовании 10 дней, расстояния примерно 300 верст и, переправившись через реку, прошло к горам Иркутским (вероятно, плоская возвышенность, Устюртом называемая), пробыв в походе 5 дней, расстояния примерно 150 верст; гористым местом войско шло семь недель, пройдя примерно 800 верст. За 8 дней ходу от хивинских пределов отправлен был астраханский [55] дворянин Кирейтов с сотнею казаков в Хиву к хану с письмами и подарками. Главные силы продолжали между тем следование и, спустившись с гористого места, по двухдневном усиленном марше, примерно 100 верст, вышли к озерам р. Аму, оставив вправо многие усадьбы хивинские, так что до г. Хивы оставалось не более как 100—150 верст. В успеньев день, августа 15 дня 1717 г., войско расположилось при одном из озер р. Аму и окопалось с трех сторон (Маршрут сей выписан из показаний возвратившегося яицкого казака и нанесен на карту примерно от устья Эмбы чрез степь, по диагональной линии к озерам, находящимся у устья р. Аму (примечание в документе)).

Таким образом, пройдено от Гурьева в 45 дней 1350 верст. Поход самый трудный! Будучи совершен в жаркое время года по местам бескормным и безводным, его следует считать удивительным делом. Воду, большею частью дурную, добывали выкапывая на всяком привале и переходе колодцы глубиною от 2 до 4-х сажень.

Здесь следует заметить одно важное обстоятельство, решившее, может быть, судьбу экспедиционных войск: посланный хана Аюки (Хан Аюка имел причину ненавидеть Бековича, отказавшего ему по неимению на то царского указа в содействии войсками, собранными для похода в Хиву против кубанского хана, и если Аюка предупреждал об опасности хивинской экспедиции, то это только для отклонения от себя великого подозрения (примечание в документе)) вместе с людьми своими оставил тайным образом на половине пути войска наши и, обошед оные окольную степью, пришел в Хиву несколько позже отряда Кирейтова, о котором говорено выше. Отряд сей, хотя и был до прибытия калмыцкого посланного остановлен вне города, но ему были отпущены от хана кормовые деньги; по приходе же калмыков хивинцы обезоружили отряд и людей одного рассадили по тюрьмам. С этой минуты в Хиве все пришло в движение, и сам хан Ширгази повел против Бековича войска, простиравшееся до 24 тысяч всадников (По другим сведениям 15 тысяч (см. док. № 24). См. также Зап. Русск. геогр об-ва кн. IX, Спб, 1853, стр. 319 и сл.).

Несмотря на нечаянность нападения и несоразмерность сил, хивинцы не могли нанести русскому войску удара. В продолжении трехдневной атаки против окопа было убито из пищалей 10 драгунов и казаков, между тем как от пушечных и ружейных выстрелов наших хивинские всадники потерпели немалый урон.

Тогда хан Ширгази по совету своего казначея Досим-Бая вознамерился прибегнуть к хитрости: в окоп посланы знатные от хана люди с предложением о мире, который по военном совете Бековичем принят и утвержден клятвенно с обеих сторон. В совете произошло разногласие: майор Франкенберг и другие военные люди были против мира, князь Саманов подал голос в пользу одного.

Сообразив все обстоятельства, предшествовавшие неприязненным действиям хивинцев, а также невозвращение ни одного из посланных в Хиву гонцов, а наиболее отряда Кирейтова, трудно было положиться на слова хана, но князь Бекович, вопреки большинству голосов в Совете, решился на заключение мира. Излишнюю и непростительную доверенность его в сем случае приписывают нравственному расстройству, произведенному в нем неожиданной потерей жены и двух дочерей, утонувших в самый день выхода его из Астрахани в море.

По заключении мира хану Ширгази оставалось главное — разъединить войско, которое в совокупности было для хивинцев непобедимо. С сею целью хан оттянул войска свои к Хиве и пригласил Бековича к себе в лагерь под видом почетного приема посланнику великого государя и обмена подарков.

Князь Черкасский имел пагубную неосторожность отделиться от своего войска с

пятьюстами всадников, его сопровождал князь [56] Саманов; по размене подарков и оказании ханом Бековичу различных почестей, сей последний до того уверился в искренности Ширгази, что согласился отделить из числа 500 человек, его сопровождавших, 240 человек для удобнейшего продовольствия оных. Тогда только личина была снята, и оба отряда внезапно окружены и изрублены.

Майор Франкенберг по отбытии Бековича принял, как старший, команду и следовал за ханским войском не в дальнем расстоянии. Вероятно, посредством пытки вынуждены были у Бековича (Судя по показаниям Ходжи-Непеса, Алтына Усейнова, Федора Емельянова и Михаила Белотелкина, А. Бекович-Черкасский давал распоряжения Франкенбергу не в результате пыток, а по своей неосторожности: хивинскому хану, по их словам, легко удалось убедить его в целесообразности расчленения войска, якобы для удобного квартирования (см. ЗИРГО, кн. IX, Спб., 1853, стр. 319—337).) три предписания к Франкенбергу о размещении оставшегося войска по квартирам, где от хивинских посланных указано будет для удобнейшего русских продовольствия. Три раза Франкенберг отказывал, говоря, что послушается личного приказания своего начальника, и только по четвертому предписанию, в котором содержалась угроза военным судом, он предался на волю божию и распустил войско, которое и было по частям избито. Бекович и Саманов вскоре за этим казнены, и голова первого послана ханом Ширгази в подарок бухарскому хану. Зверской поступок этот удивил сего последнего — голова отправлена обратно с вопросом: не людоед ли хан Ширгази?

Немногие из участвовавших в экспедиции оставались живыми, а еще меньшее число возвратилось в отечество. Замечательно, однако ж, что Ходжа Нефес, виновник похода, а также братья Бековича уцелели и были отпущены на родину.

Войска в трех крепостях, устроенных по берегу Каспийского моря, ослабленные болезнями и сильною смертною, по получении известия о плачевной участи сухопутной экспедиции, поспешили удалиться в Астрахань морем, доколе к тому предстояла возможность. В Красноводской крепости полковник фон дер Виден должен был, однако ж, выдержать сильное нападение туркменцев, которые в надежде добычи переменили дружбу свою к нам на ненависть. Попытка их была неудачна, и отряд Видена оставил крепость без большой потери, но по выходе в море два судна с четырьмястами человек погибли.

Таким образом кончилась хивинская экспедиция, надолго сохранившаяся в памяти и оставившая по себе пословицу: «Пропал, как Бекович».

Заключение

По соображении вышеупомянутых обстоятельств нельзя не вынести следующего заключения:

1. Что поход чрез безводную и бескормную степь, на расстоянии 1350 верст, пройденных в два месяца без всяких промежуточных пунктов, где бы были сделаны запасы, даже с трехтысячным отрядом и артиллериею русскому войску возможен.
2. Что хивинцы с 24 тысячами свежих всадников не могли расстроить утомленное изнурительным походом войско в 10 раз их слабейшее и, наконец,
3. Что неудачная развязка похода была делом случая и крайней неосторожности князя Бековича

Генерал-лейтенант Шуберт
Начальник отделения полковник Фолтон-де-Верасон

ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, д. 612, лл. 9—16.
Подлинник.

21 декабря 1722 г.

Судно ластовое плоскодонное, на котором был штурман русской с женою и с матросами, отправлено было от транжимента к Астрахани октября 1-го числа с больными солдаты гвардии Семеновского и Астраханского, Ингермоланского (Ингерманландский) полков, при которых были офицеры Астраханского полку прапорщик Василий Никитин, сын Давидов, Ингермоланского полку прапорщик Иван Никитин, сын Ширков, гвардии Семеновского полку сержант Матвеев, сын Козлов. И всех на оном судне христианских (Христианских.) солдат, матросов и служителей, больных и здоровых, было с двести с пятьдесят человек, в котором числе вышеупомянутый офицер и сержант и штурман, с женою, да гвардии Семеновского полку поп Терентий Никифоров сын Буслаев, двое государевые певчие Василий Кружон, Иван Рожок, Астраханского полку лекарь иноземец Петр, Петров сын, трое семеновских габоистов иноземцев. На нем же были пушки, ядра и картечь. А как оное судно пошло к Астрахани морем, миновав... (Слово неразборчиво), октября против 9-го числа в ночи погодою отнесло в море и несло на восток трое сутки в жестоких валах, и руль был укреплен на баркоте. И октября 11-го числа к полудню принесло к острову, которой, по мнению астрахан (Астраханцев), называют Кулалы, при котором стал на якорь и, немного стояв, того ж числа как оное судно жестокими валами рострасиво (Так в документе) и учало тонуть, отрубили якорь и ко острову пустились, на котором спаслись со 110 человек, а прочие больные потонули. И на оном острову были октября до 16-го числа и, сделав небольшую лодку, учили переправляться к горам, которые со острова немного были видны в красный день, и 16-го числа переправились на одной лодке к горам человек с сорок, часов в десять одним разом, а на утре послали лодку на остров и также другой раз переправились человек с тридцать, а как третий раз послали лодку на остров, и она лодка к горам назад не возвратилась. А в горах явились татары и сказали про себя, что-де «мы — трухменцы, а то-де место Тюк-Караган». И октября 21-го числа оные трухменцы отвели от одного места верст з десять и показали в каменной горе пещеру (Пещеру), в которой мы были до 26-го числа октября, а ели у них бараны, которые выменивали на мундиры. И против 26-го числа в ночь пошли от них тайно и до свету вышли на степь. И день весь шли, а на вечер оные татары наехали, для чего все солдаты в ружье были. И отдохнув тут, шли с неделю и вывезли трухмен[ы] на верблюде больного солдата, который пришел и сказал: «Мы-де были 8 человек на лодке отправлены в Гретенран на остров и погодою носило двои сутки и не допустило-де нас до острова и к горам принесло разбило лодку на камень, и потому знатно, что прочие солдаты, которых человек с 40 на острову остались вовсе, в том числе 7 офицеров; остались: прапорщик Иван Ширков да певчие Василий Кружон и Иван Рожок, а провианту при них не было ни на неделю. И оной солдат [58] сказав итить в путь, за болезнью не смог. И шли степью [с] оными трухменцами каменными превысокими горами и преглубокими рвами днем и ночью ноября до 24-го числа в одних тулупах без прочем мундира, а также что и на ногах было у всех, посвалилось. А во оном пути непрестанно трухменцы спужали, чего ради от солдат немало платы было к ним, а дорогою ели сайгачину, которая стреляная трухменцами и по степи бежала, а пили снеговую воду иногда с немалою скудостью. И на память святой великомученицы Екатерины нашли на калмык, которые нанялись проводить нас. И 24 ноября везли калмыки на верблюдах и на лошадях 11 дней и вывезли нас 14 человек, в том числе поп Терентий Буслаев, а прочие солдаты, 16 матросы, в пути померли, а иные за болезнями остались у трухменцев, также и на степи, а, по прибытии нашем в город... (Слово неразборчиво) поп Терентий Буслаев лежал болен 6 дней, а как взмочь пришел, нашел человека калмыка с верблюдом и приехал в Астрахань декабря в 21-й день.

Сие писал поп Терентий Буслаев своею рукою

Письмо калмыцкого хана Дондук Омбы (Дондук Омба, внук калмыцкого хана Аюки, в 1735 г. был назначен главным управителем калмыцкого народа; в 1736 г. за заслуги, оказанные царскому правительству во время турецкой войны, получил грамоту на ханское достоинство.) кабинетному министру графу А. И. Остерману о завоевании Надир-Шахом Бухары и Хивы, о массовом передвижении туркмен в сторону Мангышлака и возможности оказания им помощи хлебом

13 февраля 1741 г.

Напредь сего бывшие у деда и отца моего в подданстве трухменцы между собою возымели ссору и пришли в несогласие, на которые тогда киргиз-касаки нападали и многих разорили, а оставшие на том месте уже жить не могли и отошли к Хиве. А ныне через бывших людей моих в Хиве получил я известие, что прошлою осенью во время взятия персидским Тахмас ханом (Речь идет о Надир-шахе и его походах в Бухару и Хиву. Надир-шах здесь ошибочно назван Тахмас-ханом.) Бухарии и Хивы, бывшие прибыли из Бадакшана и Бухарии трухменцы, все, собравшись с нашими трухменцами, желая иметь жительство на прежних своих местах и с нами соединиться, перешли на Мангышлак и знатные из них старшины, а именно: сын Векиль Джумат-Назаев сын, Бектеке — Заманбека сын, Эгузербек Эр-Сарин-Эгус беков сын, Джанан бек Эр-Сарин же, Теари Берди Саларинов, Ханджал бакши Екдереев, Алибай Дондураев, Хамбар Абдалов, Хутлу Мембет Бурунцугаев (Наряду с собственными именами здесь перечисляются в большинстве случаев в искаженном виде и названия туркменских племен, из которых происходили вышеуказанные предводители), Назар Алаяриев тем людям моим приказали меня поздравить и притом мне объявить, что, когда они для жительства своего изберут удобное место, тогда пришлют ко мне со уведомлением знатного человека, також ежели на их господин, то бы я у его императорского величества исходатайствовал [59] им, чтоб прислано было к ним для продажи на четырех или пятистах судах муки, ибо они люди не кочевые и обыкные к хлебу, и где хлебных мест нет, тамо они жительство иметь не могут. И хорошо бы было, ежели бы в Астрахань послан был указ, дабы оттуда нынешней весны по вскрытии льда для вспомошествования им отправлять к ним купечество. Оные же люди мои, бывшие в Хиве, сказывали, что персияне в августе месяце приняли Бухарию, а 4 сентября Хиву завоевали, а они выехали из Хивы того же сентября 10-го числа, и слышали от трухменцев, что их от Балхан, от Бадакшана собралось и откочевало с триста тысяч кибиток и передние уже дошли до урочища Мангышлак, а те мои люди, с ними трухменцы разстались на урочище Хашат, а в бытность их тамо в трухменских улусах, когда те трухменцы покочевали от Хивы, прислан был к ним от шаха нарочной с тем, что, хотя они войско его и разбили и людей умертвили, но за то он, шах, на них гневу не имеет, и чтоб они и с улусы своими кочевали и где похотят, токмо бы войска своего дали и оные трухменцы, не послушав того, сюда покочевали, потом от шаха и другой присланной у них был и объявил им, что шах позволяет им сверх обыкновенного жалованья во всех его войсках иметь им первенство и жалует им дарханство (Тарханство — право на различного рода привилегии. Тарханы не платили податей и налогов и нередко освобождались от судебной ответственности), но они, того не послушав, сюда покочевали; и впредь како оным поступать, полагаются на мою волю.

А вы, о сем его величеству государю донесши, какой тому способ употребить изволите, предаю в ваше рассуждение.

У письма печать калмыцкого хана Дондук Омбы

Письмо генерал-лейтенанта князя В. Урусова (Должность В. Урусова установить не удалось) полковнику П. Кольцову, ведающему калмыцкими делами в Царицыне, о перекочевании туркмен к Эмбе и Волге и выяснении причин их передвижения

8 марта 1741 г.

г. Самара

Сего числа получено мною от яицкого войска доношение, в котором объявлено в 3-м числе сего марта прибывший в яицкое войско калмычанин Чамчу Надырев в допросе своем объявил: в бытность-де ево в Гурьеве городке (куда он пришел предшедшей осени водою из Астрахани, а оттуда назад тому месяц и шесть дней в Яицкой городок [к] братьям своим приехали послы, один от хана Дондук Омбы, кой посылан был от него к трухменцам и оттоле возвратился, да четыре человека трухменских, кои едут к хану Дондук Омбе, о которых слышал он от гурьевского калмычанина, что они, сказывали, [60] прикочевали-де трухменцы тысяч з десять, в том числе и калмыки, которые с ними, трухменцами, кочуют вместе з женами и з детьми, на реку Тмишар-нурь, а по-русски Эмбинское устье, разстоянием от Гурьева конной езды пять дней, а куда у них намерение кочевать, к Яйкуль или в другую сторону, тако ж зачем вышеописанной хана Дондук Омбы посол в трухменцы ездили, оттуда трухменцы с ним к хану Дондук Омбе поехали, того он не знает, и оные послы к нему, хану, из Гурьева. При нем, Чамче, справьтесь, почему они [в] яицкое войско послали нарочных [к] караульному атаману Ивану Григорьевичу, которому велели послать ис команды ево в Гурьев, чтоб от гурьевского воеводы взять письменное известие [о том], что показанные послы подлинно ли в Гурьеве были, в каком содержании и зачем к хану Дондук Омбе поехали, а на Эмбинском устье, осведомитца, подлинно ль трухменское кочевье, в коликом числе имеется и куда намерение имеет кочевать, что доднесь, требовали они войско яицкое от меня определения: ежели трухменцы вознамерятся кочевать чрез Яик на самарскую сторону к Волге, то как с ними поступать, по которому войска яицкого доношение послан от меня к ним указ, чтоб они, выбрав между собою ис казаков весьма добрых и надежных людей, умеющих татарской и калмыцкой язык, немедленно отправили от себя, под видом купцов, (и для того дать им товаров из яицкого войска десятков на шесть рублей, которые деньги заплачены имеют быть от комиссии), до самого того места, где оные трухменцы по разглашенному известию находятся, и тамо будучи велеть им, чтоб разведали секретно, какие причины понудили их, трухменцев, в близость Гурьева городка, и с каким намерением то они чинят, не принуждены ли к тому от персидского войска, которое по особливым здесь известиям Хиву завоевало, ибо может статься, что они, боясь того, из прежних кочевьев удаляются или не имеют ли они каких противных предприятий к российской стороне и сколько их числом; сверх того, оным же казакам велено, ежели у них, трухменцев, есть выходцы из Хивы, то проведать у них: персидский шах, который в Хиве тако ж -де при войске своем был, куда оттоль обратился, не оставит ли тамо своего войска, и сколько, и не намерялся когда паки в Персии быть, также и зачем хана Дондук Омбы посланцы у трухменцев были, и они, трухменцы, к оному хану своих отправили, которые разведав, оным посланным велено как можно наискоря с подлинною ведомостью возвратиться сюда, а между тем определено им, ежели оные трухменцы паче чаяния будут подходить, и силитца, чтоб им чрез Яик на самарскую сторону к Волге иттить, того остановить и ожидать от меня определения, которое я, получа чрез вышеописанных посланных, подлинную оных ведомств немедленно учиню, ибо, не имея того известия, не могу знать, нет ли из того их прикочевания какой-либо и пользы государственной; того ради вашему высокоблагородию представляю, ежели вы о вышеописанных трухменцах и о посыланных к ним от хана Дондук Омбы посланцах, зачем оные к ним, трухменцам, ездили и с чем от трухменцев к помянутому хану поехали известны, также и о персидских движениях, буде что у вашего высокоблагородия известное есть, о том обо всем благоволите обстоятельно уведомить, почес здешней стороны надлежащие и к интересу его императорского величества сходственные определения учинить мне было

возможно. Что же до стороны вашей принадлежит, то я уповаю, что во всем к тому потребном чрез старания вашего высокоблагородия не оскудевает. Ежели ж изволите усмотреть, что означенным трухменцам, когда они к хану Дондук Омбе кочевать похотят, для каких-либо высочайших его императорского величества интересов препятствовать не надлежит, в [61] таком случае можете от себя прямо яицкому войску предложить, чтоб оное тем трухменцам никакого препятствия в том не чинили; а между тем, ко мне об оном с нарочным знать дать, а от меня о исполнении по такому вашему предложению, яицкому войску подтверждается.

Князь Василий Урусов

(Ведающий калмыцкими делами в Царицыне полковник Петр Кольцов в письмах от 19 марта 1741 г. на имя астраханского губернатора М. М. Голицына и полковника при Дондук Омбе Боборыкина указал, что «... за отделением от Царицына калмыцких улусов наведаться здесь за достоверно не чрез кого» и просил их «обо всем при Астрахани яко по блиску калмыцких улусов заподлинно наведаться», то есть на месте выяснить все события, связанные с массовым прикочеванием туркмен к рекам Эмба и Яик. В таком же духе 6 апреля 1741 г. Кольцов доносил в Государственную коллегия иностранных дел, а генерал-лейтенанту В. Урусову ответил о предпринятых мерах (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1741 г., оп. 133\1, д. 1, лл. 10, —10 об. и 14 об.))

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1741 г., оп. 133/1, д. 1, лл. 11—12 об.

Подлинник

№ 29

Донесение переводчика калмыцких дел Я. Самсонова ведающему калмыцкими делами о желании туркмен прикочевать к Яику и перейти в подданство России

17 марта 1741 г.

1741 г. марта 17-го дня в Царицыне у калмыцких дел полковнику господину Кольцову, оных же дел переводчик Яков Самсонов словесно объявил, что сего числа сказывал ему, Самсонову, определенный от хана Дондук Омбы при Царицыне калмыцком торгу дарга (Дарга — начальник, командир, предводитель) Кобен, что в прошлом 1740 г. посланной к трухменцам от него хана посланец Чистан (По другим данным Чистан был послан в Хиву и Бухару не в 1740 г., а в 1738 г. для «отзыву трухменцов». Вместе с ним к Дондук Омбе прибыли и три туркменских старшины Чистан доложил своему хану, что Хива и Бухара завоевана Надир-шахом и «трухменцы по отзыву оного паки возвратились на прежние свои жилища в урочище Мангышлак, которых збирается в оное урочище до двадцати тысяч, а старшиною при них Союн, и сообщают оные трухменцы по прежнему во оных урочищах быть, как были при хане Аюке, и хану Дондук Омбе повсягодно платить сялбу, и быть по-прежнему в послушании» (АВПР, ф. «Трухменские дела» 1741 г., оп. 133/1, д. 1, лл. 1—1 об.) Сябга - вероятно, от монгольского сэлбэх наполнять, чинить, исправлять) и при нем несколько человек трухменцев нынешнею зимою возвратно к нему, хану, прибыл и притом -де ему хану, как оной ево посланцев Чистан, так и прибывшие с ним трухменцы объявили, что за взятием Хивы и Бухары персидскими войсками им, трухменцам, ныне в прежних их местах кочевать стало быть зело неспособно; того ради они, трухменцы, со всем кочевьем з дома и со скотом своим всего в десяти тысяч [ах] кибитках ныне из тех своих прежних мест вышли и прикочевали к реке Эмбе и весьма желают кочевать по реке Яику, где прежде с улусы своими кочевал владелец Доржи Назаров, чеве-де для оные трухменцы ево, хана, и просят, дабы им по реке Яику кочевать воспрещено не было, и будучи при оной должны ему, хану Дондук [62] Омбе, как прежде сего и Аюке хану ж, подать платить непременно, також и от приходу касацкого их калмыцкие улусы защищать, и быть в подданстве его императорского величества под его ханским ведомством вечно (Прикочевавшие туркмены обещали Дондук Омбе «...в скорости от себя к хану своих

посланцев прислать, а ныне затем не послали, что еще в соединение не пришли и кочуют в оных урочищах друг от друга в дальнем расстоянии» (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1741 г., оп. 133/1, д. 1, лл. 1—1 об.).).

Самсонов

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1741 г., оп. 133/1, д. 1, л. 13.
Копия.

№ 30

Письмо графа А. И. Остермана калмыцкому хану Дондук Омбе о возможности посылки туркменам хлеба и принятия их в подданство России

21 марта 1741 г.

Письмо ваше от 13-го минувшего февраля я исправно получил, в котором вы пишете о приближении трухменского народа с тем намерением, чтобы чрез вас искать по-прежнему высочайшей протекции императорского величества, и при том просите, дабы при первом случае для продажи выслать к ним муки, а понеже сие дело чтоб к тем трухменцам ехать с торгом состоит в воле купечества, того ради послан императорского величества указ в Астрахань к губернатору князю Голицыну, чтоб он о том велел объявить тамошнему астраханскому купечеству, дабы из оных охочие люди с хлебом и другими товарами туда ехали, а елико же принадлежит до желания тех трухменцов о искании высочайшей императорского величества протекции и о сем, когда их будет формальное прошение, то тогда по усмотрению их состояния и резолюция императорского величества воспоследовать может, в прочем желаю вам, моему другу, доброго здоровья и всякого благополучия и тако наивсегда пребуду.

Граф А. Остерман

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1741 г., оп. 133/1, д. 2, лл. 3—3 об.
Копия.

№ 31.

Предписание Коллегии иностранных дел астраханскому генерал-губернатору князю М. Голицыну о необходимости установления торговых связей с мангышлакскими туркменами и возможности принятия их в подданство России

21 марта 1741 г.

Из приложенных при сем копий с перевода калмыцкого хана Дондук Омбы, и в письме на то к нему отправленного усмотрите (См. док. № 27, 30.) о приближении многих тысяч трухменцов с тем намерением, чтоб чрез [63] хана Дондук Омбу искать протекций его императорского величества к что хан Дондук Омба просит о посылке к ним купечества с хлебом, и какой на то ему, хану, ответ учинен. В получении сего имеете осведомиться, как наперед сего в те места, где те трухменцы бывали, хлеб отпускаван был, и в том деле можете поступить по прежним обыкновениям и по вашему усмотрению.

И сперва отправить туда для пробы с мукою и с другим хлебом хотя небольшое число, и притом послать кого под протектом купечества искусного человека и велеть оному удобовозможным образом разведать о множестве того народа, а особливо в каком состоянии и намерении находится и где прямо свое пребывание иметь желает (В донесении астраханского генерал-губернатора Голицына в Государственную коллегию иностранных дел от 28 августа 1741 г. указывается, что по указу царя необходимо было «разведать о множестве того народа, и военной ли оной, и какое оружие имеет» (см. док. № 32)), и когда в том

усмотрите пользу интересов его императорского величества, в таком случае и еще к ним с хлебом послать и несколько человек из них знатных призвать вам к себе и с оными пространнее переговорить и милостью его императорского величества обнадеежить. И когда усмотрите пристойность, то можете говорить им от себя, чтоб они для всеподданнейшего прошения высочайшего его императорского величества протекций отправили кого из себя знатных старшин ко двору его императорского величества и тако, приласкав на отпуске, можете чем пристойным и подарить, да и в бытность их в Астрахани квартирою и кормом удовольствовать и тем подать им случай, дабы они и мимо калмыцкого хана о всем к вам адресовались, и когда от них нарочные посланцы будут сюда отправлены и вам оных удовольствуя кормовыми и подводами или водяным путем судном с гребцы сюда отправить, а хану Дондук Омбе о купечестве, ежели б он стал от вас требовать, известия, объявлять так, как ныне отсюда к нему писано, и что от вас купечеству о том объявлено, и они при первом случае отправляют туда небольшое число, а впредь по усмотрению могут тут же и больше посылать, и что у вас по сему будет происходить, о том вам сюда в Коллегию иностранных дел репортовать с приобщением вашего мнения, ибо сие дело полагается на собственное ваше рассмотрение и искусство и вы в том имеете поступить, ища лучшую пользу интересам его императорского величества... (Далее следует полная датировка документа.).

Граф А. И. Остерман,
Князь Алексей Черкасский,
Граф Гольдин

АВПР, ф. «Трухменские дела» 1741 г., оп. 133/1, д. 1, лл. 6—7
Подлинник

№ 32

Донесение астраханского генерал-губернатора в Коллегию иностранных дел о посылке в Мангышлак купеческого судна с хлебом и результатах наблюдений капитана Тебелева

28 августа 1841 г.

Понеже сего 1741 г. марта от 21-го числа по присланному его императорского величества высочайшему указу за подписанием господ [64] кабинетных министров (См. док. № 31.) повелено, что бывшей калмыцкой хан Дондук Омба доносил, чтобы прошлую осенью во время подчинения персическим шахом Бухары и Хивы бывшие при Балке (Балхе) и Бадахшине (Бадахшане) и Бухары трухменцы, собрався многие тысячи, перешли на Мангышлак с тем намерением, чтобы чрез ево, хана Дондук Омбу, искать протекций его императорского величества; и того для в те места сперва отправить для пробы мукою и другим хлебным хотя не большое число, и притом послать кого под претектом купечества искусного человека и разведать о множестве того народа и военной ли оной, и какое оружие имеет, особливо в каком состоянии и намерении находится, и где прямо свое пребывание иметь желает. И когда в том усмотрится польза интересов его императорского величества, в таком случае и еще к ним с хлебом послать и несколько человек из них знатных призвать и с оными пространнее переговорить и милостию его императорского величества обнадеежить и прочее, како во оном его императорского величества указе изображено; и что будет происходить, о том в Коллегию иностранных дел рапортовать с приобщением своего мнения, а понеже между оным от упоминаемого Мангышлака прислан был сюда от трухменских старшин, именуемых от Кинжалбагия и от Канбар-бека трухменец Менгли (О нем см. в донесении полковника Боборыкина от 24 апреля 1741 г. в Государственную коллегию иностранных дел (АВПР. Ф. «Трухменские дела», 1741 г., оп. 133/1, д. 1, лл. 35—35 об.)) с прошением, чтоб по-прежнему с ними возобновить торг и для продажи прислать бы на судах довольное число хлеба и прочего, о чем

Государственной коллегии иностранных дел марта от 31-го числа сего года донесено (Документ не обнаружен); и по оному его императорского величества указу, уповая как он, трухменец, здесь объявил, чтобы их у Мангышлака двадцать шесть тысяч двести кибиток, а паче как бывший хан Дондук Омба ко двору его императорского величества доносил, будто бы их с триста тысяч: во-первых, к приласканию учинено было ему награждения его императорского величества милости дан кафтан ... (Два слова неразборчивы.) чрез оное старшинам их трухменским к лутчего для вышеупоминаемого проводывания пола иному (Так в документе) отсюда может придаться случаи и по всеподданнейшему их прошению высочайшее его императорского величества протекций склонению, и потому его императорского величества указу для того разведывания к Мангышлаку отправлен был от меня под протектом купечества на одном судне з запасом астраханского гарнизона капитан Гаврила Тебелев и с ним отпущен показанной трухменец Менгли и велено ему, тамо будучи, секретно наведываться и присматривать из их разговоров о множестве того народа, и военной ли оной, и какое оружие имеют, а особливо в каком состоянии и намерении находятца и где прямое свое пребывание иметь желают, и не будут ли они при разговорах употреблять того, что они желают быть в протекции его императорского величества. В таком случае прилежнейшее свои советы, якобы от себя, им подавать, что они, будучи в протекции его императорского величества, весьма милостию его императорского величества и во всем удовольствием пользоваться имеют, и клонят их знатных двух или трех старшин прислать для того ко мне в Астрахань, где могут о всем пространнее переговорить, и всякий способ к лутчей их пользе получить, нежели ж от них в ответах или в разговорах нимало об оном [65] употреблено не будет, усмотря в сих состоянии, к какой к тому приличной речи между разговорами, и самому от себя о том употребить, дабы чрез оное о намерении их могло точно уведано быть, ежели они склонятся кого из старшин сюда отправить по продаже тех хлебных запасов, приняв их, следовать в Астрахань. А ныне оной капитан Тебелев на том же судне оттоль в Астрахань возвратился и по разведывании ево и о протчем, что последовало, подал при доношении в своем журнал (Журнал капитана Тебелева с некоторыми сокращениями опубликован в «Красном архиве», т. 2 (92), М, 1939, стр. 211—220. Экспедиция Тебелева была снаряжена не столько для продажи хлеба мангышлакским туркменам, сколько для проверки донесения Дондук Омбы о массовом передвижении туркмен на Мангышлак и на низовья Эмбы и Яика. К моменту прибытия судна Тебелева ушедшие на Мангышлак от преследования Надир-шаха туркмены уже успели отойти на свои прежние кочевья. Поэтому Тебелев застал здесь незначительное количество туркмен-кочевников), ис которого усмотрено: оных трухменцов находятца тамо самое малое число, какое выше показано, а именно, [с] читаецца сидящих по островам и по горам в разных местах двести пятьдесят три кибитки, точию имеющие при той пристани трухменские старшины объявили ему, чтобы в приход к Бухарам и к Хиве персидского шаха трухменцы пришли было к Мангышлаку многое число, а сколько числом, точно наведатца не мог и оные, когда шах возвратился в Персию, нынешнего года весною, как трава появилась, за недостатком в оных местах воды и корму сидеть не захотели. Отошли паки возвратно на прежние свои места, а осталось -де при Мангышлаке показанное малое число и претерпевают от кайсак великие утеснения; а что касается до оружия при них: имеют при себе ружье фитильное и сабли, и где ж они прямо свое пребывание иметь желают, о том ничего не уведомился ж, но однако видно из ево журнала, что некоторые старшины трухменские объявили ему, что-де оне издревле при оном месте жительство имеют назад тому з двести десять лет и по оному усматривается в другие места перейти не желают, да и от малолюдства и дикого и своевольного народа и пользы интересам его императорского величества никакой быть неуповаемо, и тако из ево журналу видно, с которого для лутчего усмотрения при сем Государственной коллегии иностранных дел приложена копия; того ради, Государственной коллегии иностранных дел покорнейше прошу, что впредь со оными чинить, определить меня его императорского величества указом.

Князь Михаил Голицын

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1741 г., оп. 133/1, д. 4, лл. 1—3 об.
Подлинник

№ 33

Прошение туркменских старшин Мангышлака астраханскому губернатору о присылке торговых судов с хлебом (Прошение было передано через капитана Г. И. Тебелева)

(1741 г.)

Наперед сего имели мы кочевье при Мангышлаке, и потом от белого моря отошли в Бухары, и ныне паки возвратились на прежние места, где и кочевье имеем, и ежели будете посылать караван водою, до нас изволите отправлять, а мы их будем провожать до Хивы и до Бухары, [66] и для того дадим свой конвой и подводы, а буде из Бухары и из Хивы прибудет караван, то потому ж отсюда отправлятца водою ж, а от нас никакой опасности тому каравану не будет.

Ныне присланной из Астрахани муки четвертой доли народу нашему не досталось.

Для того господина губернатора князя Михаила Михайловича (М. Голицын) просим нынешнею осенью прислать до нас нагроз на двух казенных судах муки, о чем мы, здешние старшины, особливо объявили присланному от вас Гавриле Ивановичу (Г. И. Тебелев.) и прикащику.

Мы, старшины, Тихону Демидовичу кланяемся, и вы извольте прислать к нам хлеба на своем судне с прикащиком.

А ныне в Хиве определен ханом Нурали хан; в Бухару и Хиву послов отправьте с толмачом.

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1741 г., оп. 133/1, д. 44, лл. 22—22 об.
Перевод с туркменского.

№ 34

Из отчёта о беседе хивинского посла Муллы-Хаджи Мухаммеда (В документе Мулла Аджи Магомед) Турсунова с астраханским губернатором В. И. Татищевым по поводу прошения туркмен Мангышлака с принятии их в подданство России

Май 1745 г.

1745 года, майа 4-го дня, у тайного советника и Астраханского губернатора Татищева явился прибывший в Астрахань хивинец Мулла Аджи Магомед и объявил о себе, что он послан от хивинского хана Абулгазья (Абу-л-Гази II — хан Хивы (1742—1744)) с листом ко двору ея императорского величества послом с поздравлением о возшествии ея императорского величества на всероссийский престол (Речь идет об императрице Елизавете Петровне), причем ему, тайному советнику, подал от хивинского хана Абулгазья письмо...

...При том же тайной советник его, посла, спросил, имеющиеся при Мангышлаке трухменцы в каком состоянии живут.

Посол объявил, оные-де трухменцы при оном месте живут благополучно, и в приезде-де его к ним, трухменцам, собравшись, их знатные старшины от шести родов просили его, посла, чтобы он в бытность его при дворе ея императорского величества донес об них, что они все находящиеся при оном Мангышлаке трухменцы желают быть в подданстве у ея императорского величества, и ежели-де ея императорское величество соизволит повелеть на оном месте для охранения их, також и приезжающих купцов для торгу построить город, то -де тамо к тому удобное место есть, о чем-де написав от себя к ея императорскому величеству

прошение для подачи при дворе ея императорского величества, отдали ему, послу, токмо-де у оного печатей не приложено, которое письмо он, посол, имеет при себе.

Тайной советник говорил: весьма удивительно, что они, тухменцы, с тем прошением с ним же, послом, от себя из старшин никого не [67] отправили, к тому ж оное прошение послали, как он, посол, объявляет, без печатей своих, что есть не без сумнения, а ежели б они с тем своим прошением прислали старшин и прочих от их народа знатных людей, чтоб он, тайной советник, их с тем прошением принял честно и со всяким удовольствием отправил ко двору ея императорского величества.

Посол отвечал, что он, тайной советник, говорить оное б им, как и он может разуметь, было полезно, однако ж -де они, как люди степные и российского обыковения не знающие, так учинили сие до знания своего, однако ж-де, ежели он, тайной советник, к ним о том будет писать, то уповаеет он, посол, что они то и учинят.

И быв оной посол возвратился в квартиру его, того же числа к нему, послу, послан переводчик Ибраим Бодиров, что он вышепоказанное данное ему от тухменских старшин прошение для объявления ему, тайному советнику, прислал, которое ему, послу, паки отдано будет.

Возвратясь, оной переводчик объявил, что он того письма у него, посла, требовал, токмо-де он, посол, на то ему, Бодирову, объявил, что-де оное письмо те тухменские старшины приказали ему, послу, подать ея императорскому величеству самой, и затем -де он его отдать ему, тайному советнику, не может, на что от него, переводчика, ему объявлено со уверением, чтоб он о том никакого сумнения не имел, ибо оное письмо паки ему будет отдано по-прежнему он, посол, то письмо и отдал.

Оное письмо явилось завернуто в простой бумаге и заклеено без подписки и печати, которой конверт снят, и со оного списана копия и учинен перевод, а подлинное письмо паки завернуто и заклеено в то же бумаге и отдано ему, послу, обратно, а что в оном письме написано, значит их же.

АВПР, ф. «Тухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 2, лл. 3—3 об., 4—4 об.

Копия

№ 35

Прошение туркменских старшин Мангышлака на имя Елизаветы Петровны о принятии их в подданство России

6 мая 1745 г.

(Дата перевода)

Её императорского величества рабы, живущие при Мангышлаке тухменские старшины делинского роду: менгли-ходжинского роду Суергап Онбеги (В других документах он выступает под именем Сунгурапа Онбеги), угринского роду Мамедберды-бек, курбанского роду Карабатур, бюрунчурского роду Али бай, икдирского роду Баубек-батур; мы, вышеописанные вашего императорского величества рабы, и с мангышлакскою землею желаем быть рабами и в подданстве вашего императорского величества, чего ради сие наше прошение, написав, хивинскому послу мулле Аджи Магомеду вручили, дабы оное до вашего императорского величества дошло.

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1083, л. 1.

Перевод с туркменского.

**Из донесения Астраханского губернатора в Коллегию иностранных дел о посылке
специального судна к мангышлакским туркменам, изъявившим желание принять
подданство России**

13 мая 1745 г.

Сего мая, от 3-го дня, прибыл в Астрахань ис Хивы посол Аджи Мугамет Ахун Мулла Турсунов, который в прошлом году у двора ея императорского величества был при дяде его, хивинском же после Рамджане, и подал мне от хивинского хана Абулгазыя письмо...

2-ое, оной же посол объявил мне словесно, якобы в бытность его при Мангышлакской пристани от кочующих в оном месте трухменцов от шести родов старшин поручена ему комиссия (Так в документе) о исходатайствовании при дворе ея императорского величества о принятии их, трухменцов, в подданство ея императорского величества и для б их зачисления во оном месте повелено построить город, причем объявил: от них, старшин, письмо на имя ея императорского величества, у которого печатей, как у них обыкновенно бывает, нет, и о построении города в прошении их не написано, с которого письма с перевода при сем копий приложена (См. документ № 35) и хотя об оных трухменцах, каким образом с ними поступить, надлежало ожидать указа, но понеже пред недавнем временем были от них у наместника ханства калмыцкого Дондук Даши посланцы и, как слышно, от него с калмыками отправились обратно, и для того, дабы в том не упустить удобного времени, чтоб те приехавшие от наместника калмыки в них ж, трухменцах, какой конфузии не причинили по силе указа, присланного из бывшего кабинета в 1741 году марта от 21-го числа (См. документ № 31) для подлинного об оном осведомления, и сколько их числом как военных, так имеющих скота и прочего избытка; и о сущем их, трухменцов, желании подданства ея императорского величества отправил я на морском судне к тому способного здешняго гарнизона капитана Копытовского (В приказе Астраханской губернской канцелярии Портовой конторе от 13 мая 1745 г. говорится «Посылается ныне для некоторого нужного дела морем до Мангышлакской пристани здешняго гарнизона капитан Владимир Копытовский и с ним ис татар здешних один, переводчик татарского языка один же, солдат двенадцать человек, казаков четыре, хивинцев два человека, да с ним же посылается муки ржаной двести кулей» (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1083, л. 5)) и с ним ис первых астраханских служилых татар табунного голову Мурзая Булатаева да бывшего при прежнем консуле Арапове переводчика Муллу Могомед Машайкова и муки аржаной казенной до двухсот кулей и велел их, если сущее имеют они, трухменцы, желание подданства ея императорского величества, то б написали обо всем к ея императорскому величеству свое прошение обстоятельно и свои печати приложили б ис тем отправляли б ко двору ея императорского величества из старшин и знатных людей несколько человек, к чему всячески с обнадеживанием их склонить, и буде кто ж склонятся, то из оной посланной отсюда муки подарить им, старшинам, мешков по пяти или более по усмотрению обстоятельства, а если не склонятся, продать на червонные и серебряные деньги или променять на товар, который здесь продать без убытку, и что из одного произойдет, о том Государственной коллегии иностранных дел впредь донесу (Документ без подписи)

АВПР, ф. «Трухменские тела», 1745 г., оп. 133/1, ч. 2, лл. 1—1 об.
Подлинник

[69] № 37

**Письмо астраханского губернатора туркменским старшинам о выделении делегатов
для отправки в Петербург**

Май 1745 г.

Прибывший сюда хивинский посол Мулла Аджи Магомед мне объявил, что вы имеете и

с мангышлакскою землею быть в подданстве е[я] и[мператорского] в[еличества] и для охранения вас от неприятностей построить город, причем и прошение свое вы ему, послу, для подания при дворе е[я] и[мператорского] в[еличества] отдали, токмо четырех [у] оног печатей не имеется. По чему на том его, посла, словесном объявлении и на письме, что без печатей, увериться сумнительно, а паче, что оной посол другаго владения и послан от своего хана для их дел ко двору е[я] и[мператорского] в[еличества], чрез которого вам прошение свое иметь неприлично, а надлежит вам с ним, прошением, своих людей отправить; и для того отправил я к вам с сим нарочного почтенного капитана Копытовского и дружески советую, ежели суче имеете желание свое быть в подданстве е[я] и[мператорского] в[еличества], то извольте обо всем к е[я] и[мператорскому] в[еличеству] свое прошение обстоятельно написать и к тому свои печати или знамена приложить, и с ним прошение отправить ко двору е[я] и[мператорского] в[еличества] из вас, старшин, из знатных людей несколько человек, которых, по приезде сюда, я, приняв их с честью, отправлю ко двору е[я] и[мператорского] в[еличества] со всяким удовольствием, ибо оное е[я] и[мператорскому] в[еличеству] весьма будет угодно. Сверх же сего ссылаюсь на устное вам объявления показанного почтенного капитана, который обо всем с вами будет говорить пространно, и что вам будет советовать, извольте ему во всем верить.

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1083, л. 14—14 об.

Подлинник

№ 38

Письмо мангышлакских туркмен астраханскому губернатору о принятии их в подданство России

11 июля 1745 г.

(На документе дата 28 джумади-ль-ахира 1156 г. хиджры)

Услугам вашего превосходительства премного благодарствуем. Присланное ж от вашего превосходительства письмо мы получили, в котором писано весьма нам благоприятно, присланной же от вас капитан всему нашему народу словесно объявлял. Причем был у нас с ним, капитаном, совет, чтоб от нашего народу отправить кого надлежит, однако, оставя, мы то сами, старшины, с ним, капитаном, в Астрахань приехали, уповая, от е[я] и[мператорского] в[еличества] получить себе неизреченную высочайшую милость о принятии нас в подданство свое, а нас состоит четыре рода, а именно, делинского Канар-бек, курбанского Карабатыр, менгли-ходжинского Он-Бегн Суергаб, угринского Ниаз Батыр, и у каждого имеется по шестисот кибиток с подлыми [70] людьми (Термин «подлый люд» употреблялся в русских источниках XVIII в. в значении «простой народ») и для того е[я] и[мператорское] в[еличество] просим нас с оными нашими подлыми людьми в подданство принять, для чего мы в верности к службе по нашему закону через куран должны принять присягу, тако ж и наследником е[я] и[мператорского] в[еличества], вечно служить и в подданстве быть желаем. И когда нам приказано будет какая служба, то мы тогда оное нести должны нерушимо и при сем же от е[я] и[мператорского] в[еличества] просим позволения в построении при Мангышлакской пристани города и во оном удостоить русского доброго командира. Еще ж просим, чтоб дозволено было русским подданным купцам со всякими товарами и съестными припасами к нам ездить и торговать с нами, а ежели иногда с которой либо стороны будет вступатца и нападать неприятели, тогда мы должны всячески от оных охранять и их не допускать. А когда слух подастся, что при оной пристани построен город, то тогда для оног могут и протчие давно живущие трухменцы весьма желательно притти в подданство е[я] и[мператорского] в[еличества], понеже оных множественно число имеется, в чем мы уповаем получить от е[я] и[мператорского] в[еличества] о неоставлении нас высочайшею милостью. За неимением у нас наших абызов (Абыз — грамотный человек, мулла) по нашему прошению сие письмо писал

астраханской нагаец-абыз Юсуп Хаиз и при сем же письме мы, старшины Канбер-бек да Суергаб, две свои чернильные печати приложили, а Карабатыр да Нияз Батыр вместо печати знаки свои приложили.

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 2, лл. 70—70 об.

Перевод с туркменского (Копия документа хранится в ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1083, лл. 65—66)

№ 39

Донесение командира драгунской роты при калмыцком наместнике подполковника Спицына астраханскому губернатору о переходе туркмен в подданство России (Заголовок документа)

22 июля 1745 г.

Сего июля 20-го дня наместник ханства калмыцкого Дондук-Даша прислал ко мне зайсанга (Зайсанг — родоплеменной вождь, старшина по наследству) Топчи Намсу и с ним прикочевавших того ж 20-го числа в подданство е[я] императорского] в[еличества] в 30 кибитках трухменцов: мужеска пятьдесят два, женска пола: баб тридцать, девок девятнадцать, которые присланы из яицкого Гурьева городка от обретающегося тамо комендантом капитана Голдобина под конвоем с капралом и двумя солдатами. Из них же, присланных ко мне трухменцов, один старшина, называемой Новот, по разговоре о себе объявил, по какой причине он сюда ушел; что прежде сего как Хива, так и Бухария и протчия тамошняя орды пошли в подданство к шаху персидскому, а они, трухменцы, итти к нему, шаху, в подданство не пожелали. И для того определено было над ними от шаха шесть ханов, которые им, трухменцам, многие обиды причиняли, но они, трухменцы, не стерпя того, учинились им противны и убили одного хана, за что [71] уже шах персидской приказал собрать войски тамошних орд и свои персидские и итти для разорения их, трухменских улусов. И был у них бой чрез целыя сутки и убили они, трухменцы, ево ж, шаховых, знатных трех ханов, и видя на себе такое нападение, пошли на побег з десять тысяч кибиток по разным местам в урочище Кызылджелын (В других документах Кызылджелгын (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, 2, лл. 13—21 об.)); а он, Новот, покочевал в подданство е[я] и[мператорского] в[еличества], потому что имеются при помянутом наместнике свойственники ево, трухменцы ж, Эркебатыр и протчие.

На сие от меня объявлено «Для чего они не кочевали для объявления себя в Астрахань к вашему превосходительству»? На которое он, Новот, отвечивал, что они за продолжением в пути пришли в самое убожество и все свои кибитки разбросали, а для объявления о себе посылают ныне в Астрахань из старшин двух человек, а сами здесь у свойственников для исправления нужд останутся. Упомянутыя же два человека старшин при сем к вашему превосходительству отправлены.

Из лагеря с луговой стороны, от урочища Банного Ерика (К этому документу было приложено письмо наместника калмыцкого ханства Дондук Даши в Коллегию министерства иностранных дел от 23 июля 1745 г., в котором он просил разрешения на приглашение к себе упоминаемых выше 10 тысяч туркмен, бежавших от преследований Надир шаха (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., д. 2, лл. 8—9))

Подполковник Никита Спицын

ГААО ф. 394 оп. 1 д. 1083 л. 37—37 об.

Подлинник

Показания прикочевавших к Астрахани туркмен об их борьбе против Надир-шаха

[Не ранее 25 июля 1745 г.]

Приехавшие из калмыцких улусов от прибывших от Хивы татар два человека Сафар Али Дженалиев, Сююнден Курбанов тайному советнику и астраханскому губернатору объявили природою они — игдерских кочевых татар, напредь сего имели они свое жилище в урочище Мангышлаке при Иракменских горах (В других документах — Ираклинские горы (АВПР, ф. «Трухменские дела, 1745 г., оп. 133/1, д. 2, лл. 13—21 об.)), а потом тому ныне лет с восемь или более от набегов киргиз-кайсацких, от которых им были всегдашняя беспокойства, отошли кочевать к Хиве, где кочевали по 1741 год, по приход под оную Хиву персического шаха с войском. А во оном году, как оной шах с войском своим к Хиве пришел, то они оттоль паки от кочевали к Мангышлаку и, жив тамо з год, услыша, что шах с войски от Хивы отошел, паки с десять тысяч семей перешли к Хиве и по приходе их за непорядки определенного в оной Хиве от шаха персического хана-персианина, называемого Таймас (Имеется в виду ставленник Надир шаха в Хиве — Тахир хан, убитый в 1741 г. восставшими туркменами и узбеками Хивы), имеющегося во оной Хиве, из них, трухменцов, в службе [и] озбеками с протчими тамошними хивинскими жителями убили. А потом в прошлом году от персического шаха [72] присланы были к ним, кочевным трухменцам, в жилище персияне и указом шаховым требовали от них для вспоможения в службу трехсот человек, токмо они им от себя людей в службу не дали, объявляя им, что они люди вольные и при Хиве кочуют своею волею, и чтоб им давать от себя кому в службе людей убыкновения у них нет, с чем оныя присланные от них и возвратились. А в нынешнем году, тому ныне месяца с три, услыша, они, трухменцы, что ко оной Хиве для разорения их за убийство вышеписанного хана и за недачу от них в службу людей идет персическое войско, соединяясь с озбеками бухарскими, аральскими и ургенчскими под командою главного хана Али Гулия (Али Кули-Хан — племянник Надир-шаха, носивший звание сипахсалара Хорасана) и при нем еще двух ж ханов, болея сорока тысяч, то они, трухменцы, против оного войска приуговетились к супротивлению. А потом вскоре оное персическое войско, пришед на них, напало, причем учинился у них с обоих сторон великий бой и продолжался через целый день с утра даже до вечера, при котором бою побито с их, трухменской стороны, с четьреста человек, а напротиву того они, трухменцы, из них, персиян и бозеков, побили немалое число, а сколько числом, подлинно сказать не знают, и от себя отбили прочь. И на другой день, видя от них, персиян, и озбеков, усильное нападение, все кочующие при Хиве трухменские старшины, собравшись, положили совет, чтоб для спокойного жития итти им паки в Мангышлак в таком разсуждении, что во оном месте будучи, станут они просить от российской стороны вспоможения и чтоб ко охранению их построить тамо город и для довольства к ним: прислан был на продажу хлебной запас, с чем они, все находящиеся тамо при Хиве трухменцы, в том числе и они, поднялись и пошли и намерены по прибытии в Мангышлак о вышеописанном построении города, также о вспомоществовании и о присылке хлебных запасов с прошением послать от себя в Астрахань нарочных. А они, Дженалиев, и Курбанов, с старшинами икдерского народа Науват Тарханом Шукур Мергенем в тридцати кибитках со скотом своим пошли к Гурьеву городку с тем намерением, чтоб им через оной град итти для житья в Астрахань; чего ради по прибытии во оной, Гурьев, явились коменданту, которому о себе объявили, что они желают ехать для житья в Астрахань, почему он, комендант, для препровождения их дал им трех человек солдат и их отпустил, с коими солдаты они через степь и ехали в Астрахань. И будучи в пути, не доезжая Красного Яра, на степи приехали к ним от наместника ханства калмыцкого, Дондук-Даши, калмыки и трухменцы человек около пятнадцати и. всех их, поворотя, принудили ехать в калмыцкие улусы (Об этом подробно см в показаниях сопровождавшего их солдата Краснобородова от 25 июня 1745 г. (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1083, лл. 38—39)), куда они все и приехали и посажены подле трухменцев владения наместника при калмыцких улусах. (Астраханский губернатор Татищев в письме наместнику

калмыцкого ханства Дондук Даши от 26 июля 1745 г. писал: «Получил я известие, что ехавших сюда беглых от Хивы татар [туркмен] в тридцати кибитках вашего высокопочтения владения калмыками и татарами со всем их скотом у посланных из Гурьева городка с ними солдат трех человек силою отбиты и приведены к Вашему высокопочтению, которых изволили вы приказать у себя удержать, и с подвластными вашими татарами при калмыцких улусах кочевать позволили, а понеже Вашему высокопочтению известно, что они подданные персические люди и держать Вам у себя по указам не должно, а надлежит их для учинения с ними по указам прислать ко мне, того ради Вашему высокопочтению советую оных татар со всем их скотом, не оставляя из них ни одного, приказать вручить подполковнику Спицыну, который имеет их ко мне сюда переслать верно» АВПР, ф. «Трухменские дела»; 1745 г., оп. 133/1, д. 2, лл. 13—21 об.) А потом [73] имеющейся при оных калмыцких улусах российский офицер, призвав вышепоказанных их старшин, говорил им, чтобы они для объявления о их приезде послали от себя в Астрахань к губернатору, почему они, старшины, выбрав их, в Астрахань и послали обо всем астраханскому губернатору приказали объявить, куда они вчерашнего числа и прибыли.

ГААО, ф. 394, оп. 1, т. 1083, лл. 42—43 об.

Подлинник

№ 41

Из журнала капитана В. Копытовского о поездке на Мангышлак по указу Астраханской губернской канцелярии (Документ опубликован в журнале «Красный архив», т. 2 (92), М, 1939, стр. 220 —237. В настоящий сборник включены наиболее важные данные о русско-туркменских отношениях. Документ дается с учетом опубликованного текста.)

Июнь—июль 1745 г.

Июня 9. Отправился из Астрахани в путь свой к Мангышлакской пристани на шмаке (*Шмак — мореходное парусное судно.*) «Гусь».

Июля 13. Прибыл к Мангышлакской пристани всеблагополучно

1. Того же числа пополудни в пятом часу послан татарин Муса Утепов и казаков три человека трухменского народа к старшинам и приказано было объявить им о приезде моем, что прислан я из Астрахани от его превосходительства господина тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева для их надобностей, о чем и имею к ним, старшинам, от него, тайного советника, и письмо, и для приема того письма и надлежащего им объявления, чтоб ко мне приехали без всякой опасности. И приказано ж ему было, також и казакам, чтоб между тем и у них, трухменцов, приличным образом секретно наведаться, сколько их числом в одном и в других местах жительство имеют, как военных, так и имеющих скот и протчего избытка и присматривать из их разговоров, в каком они состоянии находятся, и имеют ли прямое свое намерение и желание быть в подданстве императорского величества...

Потом уже объявил им, что послан я от его превосходительству г[осподина] тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева к ним, старшинам, и прислано со мною письмо, которое им отдал, и, приняв оное, Канбарбеков брат приложил печать к голове своей и потом подал Канбарбеку; Канбарбек, приняв, распечатал и просил меня, что нет ли-де абыза, кому б было прочесть, и велел я посланному со мной абызу письмо им прочесть, которой им и прочел.

По прочтении письма Канбарбек и прочие при нем говорили, что то писано к ним весьма изрядно и на одном-де мы благодарны. А что ж-де письмо послали с хивинским посланником по согласию своему для того -де, что он туда едет и нам исходатайствовать по нашему желанию обещал, а что ж-де не подписались на том письме и печатей или знаков не приложили для того, что у нас-де такого обыкновения прежде сего не бывало и писывали так просто, как и ныне, куда надлежит, пишем.

И на оное их объявление приказал я им объявить, хотя вы чрез хивинского посла прошение свое ко двору ея императорского [74] величества отправили для своей пользы, а надобно б вам прилично самим о себе о бытии вам в подданстве ея императорского величества и о зачислении отправить из старшин знатных людей несколько человек, а чрез постороннего владеющего посла ходатайство иметь, кажется, неприлично. И будучи вы в подданстве ея императорского величества, весьма милостию ея императорского величества и во всем удовольствием пользоваться будете, и буде изволите посылать от себя, то, конечно, надобно послать из знатных и умных старшин, которые б обо всем, что к вашей пользе принадлежит, могли как с астраханским губернатором советовать, а паче у двора ея императорского величества свои представления ясно объявить.

Канбарбек с протчими объявил, что от нас письмо послано с хивинским посланником для того, что он поехал ко двору ея императорского величества и обещал-де нам по прошению нашему исходатайствовать, а ныне уже, как видим, что ты-де прислан от астраханского губернатора и говоришь настоящую правду, и тому мы все верим и отправим от себя из знатных старшин, которые могут с астраханским губернатором советовать, а паче у двора ея императорского величества просить о принятии нас, здесь живущих в Мангышлаке, в подданство свое. Ибо-де наше желание к тому уже немало лет, чтоб быть в подданстве ея императорского величества, но токмо не допускало время. А в прошедшие-де лета нас здесь было немалое число, и был у Караганской пристани с русскими немалой торг, куда имели и из Хивы приезжие торговать. Но, по несогласию нашему между собою, многие от Мангышлака отошли, которые к Хиве, а другие к Балханским горам; но ныне слыша, что персическое войско пришло к Хиве, то все трухменцы отошли прочь и многие пришли в Мангышлак, а протчие в другие места, неподалеку от Мангышлака. И как оные, так и протчие, где б они ни были -де услышат, что мы в подданство ея императорского величества приняты будем, то все тому рады будут и о принятии в подданство ея императорского величества просить не оставят для того, как мы, так и протчие, ни у кого еще в подданстве не бывали, а ныне желаем быть в подданстве ея императорского величества, и для этого прошения некого из других нам выбирать, мы-де поедем сами, старшины делинского рода, я, старшина Канбарбек, гурбанова рода Карабатырь, менгли-ходжина рода Онбеги Сунгурап и еще-де возьмем от четвертого рода, кто приедет.

Показанное намерение ваше весьма изрядно и, по мнению моему, видится, чтобы здесь построить и крепость для того, ежели она будет полезна : 1) что можете вы во время [нападения] на вас неприятелей со всеми своими домами укрыться, 2) что российские купцы охотнее и безопаснее к вам для торгу с хлебными запасами и протчим ездить будут, потому что многие российские купцы, не видя здесь к защищению их от неприятеля никакой крепости или оборонительного места, ездить ныне боятся, а когда она построится, тогда многие охоту ездить к вам с торгом возымеют, отчего вам будет немалая польза.

«Об оном -де мы благодарствуем, токмо-де у нас у всех о построении крепости желание есть и, как будем у двора ея императорского величества, то как -де о принятии нас в подданство, також и о построении крепости и о чем принадлежит просить -де будем...».

...Потом говорили, что «есть ли- де у вас для нашего народа для продажи как мука, так и протчее, и что чего имянно скажи нам и по какой цене, и ты -де прислан для торгу ль сюда, или чего другого и, буде что есть, вели продавать и цену невелику держать, и как -де мы здесь положим цену, по тому вели и продавать, для того -де по нашему [75] обыкновению прежде устанавливаем цену мы и по уставлении цены всяк уже повинен так и купить безспорно...»

Послал я татарина Мусу на берег для привозу на судно показанного в 25-м пункте трухменца Мурат Ниаз-муллу, который и приехал и, взяв я его к себе в каюту, и между разговоров обещал ему куль муки; потом спрашивал его, много ли здесь родов и кто в тех родах первенство имеет и сколько у каждого рода кибиток или числом людей, и все ли вы подлинно желаете быть в подданстве ея императорского величества и о построении крепости желают ли, чтоб ее построить ныне, что старшины думают, сами ли с прошением своим желают ехать, или кого посылать хотят, також для чего от трех родов старшин еще и поныне не бывали,

и надеяться, будут ли они сюды или нет, пожалуй, скажи.

Мурат Нияз-мулла объявил: здесь-де всего шесть родов, а именно первенству: 1) делинского рода старшина Канбарбек, онго рода 600 кибиток; 2) гурбанова рода старшина Карабатырь, онго рода 100 кибиток; 3) менгли-ходжина рода Онбеги Сунгурап, онго рода 100 кибиток; 4) угрына рода Шапык Нияз-батырь, онго рода 100 кибиток; 5) бурунчукова рода Алибай, только-де онго не слушают, а послушны Пир Назар-Мергеня, который в том роде знатной человек, онго рода 100 кибиток; 6) икдырова рода Бавбек-батырь знатной человек, онго рода 100 кибиток; и надеюся -де, что ныне и еще к ним их родов много пришло от Хивы, только -де сказать числом еще не знаю, а старшины наши думают, чтоб им самим ехать, а другие-де им разбивают, чтоб не ездить, а послать кого других, только-де я держу, чтоб им самим ехать и конечно они сами поедут, а других посылать некого. И топерече -де приехал к ним и четвертого угрынского рода Шапык Нияз-батырь и советовал, чтоб самим лучше ехать, при том и он -де ехать желает же; а в подданстве ея императорского величества все быть желают, таж, и о построении крепости и, буде то по их прошению учинено будет, то от всех мест, где б трухменской народ ни был, все придут и будут в подданстве для того-де, что, кроме России, неоткуда пропитания ждаты... А скота -де у нас рогатого никакого нет, только-де лошади, верблюды, бараны и козы есть и то не весьма много; что-же-де фабрик— никаких нет, кроме того, что бабы ткут армяки, а мужеск пол более-де довольствуется отъездом для воровства к кайсакам и к Персии, потому что у нас-де люди все оружейные, а пропитание имеют более, что быют по горам коз диких, а что ж -де имеются здесь бурметы (*Бурметы — грубые хлопчатобумажные ткани*) и бязи, и то все выменивают в Хиве на савры (*Савры — кожаные подколеники конского седла*) и на прочие товары, у кого каков есть, а болея на полоненой ясырь.

16 июля. Пополуночи во 8-м часу кричали с берегу, чтоб прислать к ним ялу (*Ял — небольшое гребное судно наподобие шлюпки*), которая того ж часу и послана, а в 9-м часу приехали на судно вышеупомянутые старшины делинского рода Канбарбек, гурбанова рода Карабатырь, менгли-ходжина рода Онбеги Сунгурап, да с ними ж приехал угрынского рода Шапак Нияз-батырь и при них еще четыре человека.

По просьбе оных посланному со мною абызу я приказал прошение от них ко двору ея императорского величества о принятии их в подданство и о построении крепости и о прочем, тако же и письмо к его превосходительству господину тайному советнику и, в каковой силе писать я ему, абызу, сказывал и приказал в том прошении имянно написать, спрося их, сколько которого рода кибиток и в них мужеска [76] полу и, написав, прочесть им и потом, чтоб и печати или знаки свои приложили б...

И по написании прошение абыз им читал, то -де сказали все четверо, что «весьма-де написано изрядно, таж и письмо; к тому прошению мы-де приложим свои печати и знаки тогда, как привезут нам из улусов наших, а лучше мы-де сами поедем и привезем с собою, ибо -де у нас есть в улусах дело, и, исправя оное, поедем в Астрахань, а для взятя -де муки пришем верблюдов и тогда -де возьмем, когда-де поедем в Астрахань, а сколько -де у нас числом людей, того мы в прошении своем не написали для того, что мы -де и сами за подлинно не знаем, только-де знаем, сколько кибиток и в прошении своем написали кибитками ж...».

Июля 19. Пополудни в девятом часу с берегу кричали, чтоб прислать татарина Мусу, которой на яле и послан и привез с собою старшину Карабатыря да Онбеги Сунгурапа, да Шапык Нияз-батыря, которые прежде упомянуты, что едут ко двору ея императорского величества с прошением и между разговоров говорили мне:

Мы-де были в улусе и отпустили возвратно кайсацкого посланника, которой был прислан к нам, таж и от трухменцов ёмутцких, и просили нас оные, чтоб вы их отпустили на судно только -де посмотреть, и мы просим, пожалуй, вели их сюда перевести и так же накорми, как нас кормишь.

По тому их прошению послал я ялу, взяв от них одного человека и татарина Мусу, и приказал, чтоб много людей не сажать и опасаться от прочих, чтоб какой не учинили причины,

как прежде было приказано. Пополудни в третьем часу привезены на судно кайсацкий посланник и от трухменцов от ёмутцких и при них мангышлакских трухменцов восемь человек, в том числе угрынского рода Мамед Берды-бек, которому бекство дано, слышал и, в прошлом году от хивинского хана, и, притом, имел я с ними разговор, что откуда они приехали и давно ли, и до меня какое имеют дело, буде имеют, то б объявили. От ёмутцких трухменцов посланник объявил; «Прислан-де я мангышлацкими старшинами для нашего дела, а зовут-де меня Таган, и кочевали -де мы прежде сего возле Балханских гор и от Хивы недалеко; назад тому будет два месяца, пришло персицкое войско, слышали -де мы, что 10 тысяч, а подлинно не знаем; и увидя мы от них нечаянное нападение, отошли в Балханские горы далее, и думаем притти для житъя к Мангышлаку на старинное свое жилище, а там жить уже не хотим. А ныне что -де в Хиве делается, того не знаем, только слышно, что персицкой хан и хивинской живут в Хиве и никакого разорения нет, только -де дожидаются от шаха указа, а о каком деле, того не знаем...» (Далее в документе говорится о неудачной попытке Мамед Берды-бека — сторонника и агента хивинского хана — помешать развитию дружественных отношений между Россией и туркменами Мангышлака. Действия Мамед Берды-бека, угрожавшего экипажу В. Копытовского, встретили решительный отпор со стороны остальных предводителей мангышлакских туркмен.).

Татарин Муса объявил, что говорил -де показанные Карабатырь и Онбеги Сунгурап Мамед Бердыю: «Чего -де ради ты русским говоришь и им угрожаешь, что ты их лодку разобьешь? Ты -де знаешь, что они твоих угроз не боятся; и шедши -де на судно, из лодки нам говорил, что -де за один мешок мы русским людям служим, а ты -де от кого доволен, да и всем мы от русских довольны, ежели бы -де они к нам не присылали муки, то бы от кого себе получили, что -де разве от хивинского хана хочешь ты получить или от кайсаков; они -де сами, хивинцы, как собаки, помирают, а кайсаки от русских же довольны [77] бывают; разве -де того не знаешь, как русские сюды муки когда не приваживали, то рады бы тогда отдать за один куль лошадь, да негде было взять, а когда к нам более будут возить, то мы против прежняго будем жить все здесь вкупе, а ты своим сердцем хочешь угрожать, а русским тебе в сердце плюнуть». Напротиву того- де Мамед Берды говорил: «Ялу-де разбивать я не говорил -де, кто на меня сказал—лживо, а что -де за одну четверть муки вы русским служите, то и теперя то ж говорю, и вы-де их боитесь, а, мне -де нужды нет». Карабатырь говорил, что -де ты отрекаешься топеря, якобы ты не говорил ялу разбить, да вот -де и татарин Муса слышал. И при том же сказали ему: «Мы -де с тобой управимся, что ты -де, не спрашиваясчи нас, принимаешь к себе посланников кайсацких, також ныне принял двух хивинцев, не сказав нам, а мы -де здесь старшины, а ты -де только тем хвастаешься, что тебя хивинской хан [сделал] беком, потому и становишься вроде и большим, не ты -де больше, много -де более тебя есть. А ты бы -де хотя и помолчал, а то зачал грозить и всему народу теми своими грозами обиду делаешь. И ежели -де услышит народ, что так ты делаешь и русских озлобляешь, то недолго тот час: уходят, не очень -де ты семенист, только -де надежды, что вас три брата, и думаешь тем и всех в страх привести. Нет -де, русские не испугаются». Мамед Берды -де говорил: «Что хотите то и говорите, а я -де русских не боюсь и мне -де нужды нет...»

...Потом приказал я спросить Канбарбека, что прежде сего слышал я от него о Хиве, что пришло к ней персицкое войско, а для чего и много ли его, тогда не сказал, а обещал сказать, будучи в пути, чего для, я ныне припомнил; ежели можно, чтоб пожаловал объявил.

Татарин Муса сказал: Канбарбек -де объявил, что к Хиве -де пришло войско персицкое, а сказывают, будто тридцать тысяч и оное-де войско подлинно пришло не для разорения Хивы, но для -де трухменского народа, чтоб оных привести в подданство, ибо -де в прошлом году живущие трухменцы около Хивы стали противу хивинцов усиливаться во всяких поступках, и мы были не склонны, то -де один хивинец ушел из Хивы к шаху и сказал ему, чтоб он прислал туда свое войско, то можно -де всех трухменцов привести в подданство; потому -де оное войско и прислано. И ёмутовские трухменцы приходу того войска не знали, и, как пришло то войско, нечаянно напали, и великая -де у них между собою учинилась баталия, на которой много

трухменцов побито, а трухменцы -де вдвое более персиян побили и отошли в горы. И потом присылали -де к ним посланника с дарами, чтоб они были у шаха в подданстве, но оные -де им отказали и присылали ко мне посланца, чтоб просить у русских о привозе муки на продажу, то и они придут жить в Мангышлак, которого -де я отпустил обратно и обнадежил их, что подлинно исходатайствовать могу; а потом -де от них уже другой прислан, которой -де был у вас и на судне, то -де я оного отправил паки обратно к ним. При том же -де и сына своего послал с тем, чтоб они все пришли к Мангышлаку, а о себе велел объявить, что я сам для себя и для них поехал ко двору ея императорского величества просить о принятии нас в подданство и обещал им, как -де буду в Астрахань, то -де конечно у астраханского губернатора просить буду, чтоб одно судно послать для продажи муки в Мангышлак, и тому -де они конечно [78] поверят и будут в Мангышлаке, только -де того весьма жаль, что -де мы долго в пути продолжимся (В рапорте В. Копытовского Астраханской губернской канцелярии говорится, что эти старшины сообщили ему, что «после столкновения с персидским войском йомуты отошли к Балханским горам и присылали -де от себя к нам посланца, чтобы просить у русских, дабы прислали на продажу к ним муки, то-де они в Мангышлаке совсем жить будут, а у шаха -де в подданстве быть не хотят, и мы же им то исходатайствовать обещали и нарочно с их посланцем старшины Канбар-бека сына послали и велели им объявить, что мы -де сами поехали просить, а они б приходили в Мангышлак, а о муке -де мы им обещали, что как в Астрахань прибудем, то, не замешкав, выпрося у астраханского губернатора, пришлем» (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 2, лл. 25—26)).

На оное приказал я им объявить: ежели ветер будет благополучной, то конечно прибытием не замедлим...

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 2, лл. 30—67 об.

№ 42

Отчет о встрече и беседе прибывших в Астрахань туркменских старшин Мангышлака с астраханским губернатором

12 августа 1745 г.

У тайного советника и астраханского губернатора Татищева были приехавшие с капитаном Копытовским живущие при Мангышлакской пристани старшины четыре человека: Канбарбек, Кара Батыр, Онбеги-Суергап, Шапык Низ Батыр и ему, тайному советнику, подали письмо за своими печатями и знаки о желании их быть в подданстве ея императорского величества и с их подвластными людьми и притом словесно объявили: что по письму его тайного советника (См. документ № 37) приехали они, старшины, для всеподданнейшего прошения о принятии их с подвластными людьми в вечное подданство ея императорского величества и желают для того ехать ко двору ея императорского величества сами, о чем -де прошение у них письменное имеется.

Тайной советник им говорил: оное они учинили весьма изрядно, что и ея императорскому величеству будет весьма во угодность.

Старшины: при отъезде -де их в Астрахань живущие при Мангышлаке, также и недавно пришедшие от Хивы и ис протчих мест трухменцы просили их, чтоб исходатайствовать им у него, тайного советника, о присылке к ним для продажи на судне муки и протчего, почему -де они им исходатайствовать и обещались и для того они его, тайного советника, просят, что оное судно ныне заблаговременно для приласкания их отправить, дабы тем подать им и протчим дальне живущим трухменцам для принятия всероссийского подданства охоту и буде по надежде той, что они от российской стороны как хлебными запасами, так и протчим оставлены не будут, многия из дальних мест яко же от Хивы и от Балхана хотели ко оной Мангышлакской пристани прикочевать и дожидаться их возвращения от двора ея императорского величества и

для того их, незамедля, отправить ко двору ея императорского величества, представляя при том что, они, как лутчие люди (Подразумевается знать туркмен Мангышлака), оттуда выехали, и если они в проезде долго промедлят, то может без них великое смятение и беспорядок учиниться, и оттого вред произойдет.

Тайной советник по просьбе их с хлебными запасами и протчим судно ко оной Мангышлакской пристани велит отправить ныне ж, також [79] и они ко двору ея императорского величества немедленно со удовольствием кормовых отправятся.

13-го ж числа оные ж старшины паки у него, тайного советника, и губернатора, были и представлены, чтоб на судне, которое имеет отправиться с хлебным, послать людей довольно, дабы их народ какой предерзости не учинили и им бы в том невинно не ответствовать.

Тайной советник говорил: оное их объявление об умножении на судно для осторожности людей изрядное и притом им напомним, что в нынешнем году бежали из Астрахани русские и крещеные персияне, всего мужеска и женска полу семь человек, которые при Мангышлакской пристани переловлены трухменцами и из которых посланной ныне для привозу их капитан по их старанию выкупил трех человек, а о достальных слышно, что тамо ж, и для того они о сыску их от себя отписал: в Мангышлак к сродникам и приятелям своим и как сыщут, то б оных отдали посланным ныне ко оной пристани на судне русским людям хотя на выкуп.

Старшины: об оных-де русских людях будут они писать в Мангышлак, чтоб их отдали, взяв по обычаю их малую заплату и притом просили, чтоб на пропитание без них домашним их учинить награждение — послать на оном судне казенной муки, что пожаловано будет, и велеть отдать их людям.

Тайной советник: по прошению их муки для отдачи в дома их на пропитание отсюда пошлется на отправляющемся ныне туда судне, притом же он, тайной советник, им объявил, что приказал он им, старшинам и служителям, на здешнее бытие и в путь до Москвы выдать кормовые деньги выдать прикажет, и притом подарено им, старшинам, нам, каждому по пятнадцати, служителям, их четверем каждому ж по пяти копеек на день.

Старшины: оную -де милостию ея императорского величества они довольны, однако ж -де имеются с ними в Астрахань в приезде, кроме их, служителей, трухменцов четыре человека, кои приехали для свидания с свойственниками своими, которые -де имеют возвратиться туда в их жилище, и чтоб оне могли по приезде своем туда о милости ея императорского величества всем трухменцам объявить, просят и оным четверем человекам кормовые выдать, хотя против служителей их, ибо если им кормовых денег дано не будет, то не учинили они по легкомыслию своему по приезде своем в Мангышлов (Мангышлак) между их народом какого не полезного следствия.

Тайной советник: что по прозьбе их и оным четверем человекам кормовые деньги выдать прикажет и притом подарено им, старшинам, ис казенного на кафтаны сукна зеленого по четыре аршина да на бешметы по одному канавату, что, приняв, благодарили и притом же представляли, что им вышеназначенных кормовых денег чрез столь дальний путь будет недостаточно.

Тайной советник: когда они прибудут ко двору ея императорского величества, то тамо во всем удовольствованы будут, и для того они в том имели терпение (Об этом посольстве см. также АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 2, лл. 25—26.).

Василий Чириков

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 2, лл. 71/73 (Подлинник документа см. в ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1083, лл. 84—86 об.; ввиду множества ошибок в подлиннике дается копия документа).

Заверенная копия.

[80] № 43

Прошение туркменских старшин Мангышлака астраханскому губернатору о принятии их в подданство России и разрешении послать представителей в Петербург

11 октября 1745 г.

Мы, нижеименованные обретающие при Мангышлакской пристани жители, трухменцы бурунчукского рода, кибиток триста семьдесят пять, между нами старшина Кутламет-бек, аннешского рода, кибиток триста семьдесят пять, между нами старшина Пирназар-батыр, кечешского рода, кибиток триста семьдесят пять, между нами старшина Мрат Тюмена Беасы, чакгуцкого рода, кибиток триста семьдесят пять, между нами старшина Адна Мегли-бек, прибывшие от Хивы бузачинского рода, тысяча кибиток, между нами старшина Менгли Баха-бек, имеем желание свое быть в подданстве ея императорского величества и наследником ея во всех услугах наших неотменно, как мы, старшины, так и наших родов трухменцы. Того ради вашего высокопревосходительства всепокорнейше просим, чтоб повелено было от нас отправить с письмом ко двору ея императорского величества, кто из нас избран будет показанных родов.

К сему доношению во уверение приложены печати бурунчукского рода старшины Кутламет-бека да бузачинского рода Мегли-Баха-бека знак.

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/2, д. 1, лл. 1—1 об.

Перевод с туркменского (Копию документа см. ГАОО, ф. 394, оп. 1, д. 1083, л. 171 об.)

№ 44

Из записи Канцелярии астраханского губернатора, составленной для предоставления в Коллегию иностранных дел, о борьбе туркмен против тирании Надир-шаха

21 февраля 1746 г.

Хивинской хан Абулгазы Илбарсов к губернатору астраханскому (Имеется в виду В. Н. Татищев) между другими от 7 августа 1745 года (Дата слушания в Государственной коллегии иностранных дел) писал, живущие в нашем Хуразимском (Хорезмском) ханстве трухменцы народу нашему учинили немалое беспокойство, чего ради принужден я, не стерпя от них того беспокойства, представить его, шахову величеству персическому, по которому моему представлению его величество, показывая ко мне высочайшую милость, на вспоможение для усмирения оных прислал конное войско под главною командою племянника своею, и из тех трухменцов некоторые побеждены, а другие ушли к Балханским горам, после чего нашего ханства подданные люди остались в покое

При сем же объявляю, наше хуразимское ханство доньше с российским государством, продолжая с обеих сторон купечество, в [81] дружбе находились, чего для и ныне чрез сие прошу, что б как посольство, так и купечество, получая со обеих сторон пользу, лутчее прежнего продолжалось.

По получении сего извольте приказать, что б как с вашей стороны купцам отпуск, так и с нашей стороны приезжающим с товаром пропуск чинен был невозбранно.

Того ж 1745 года ноября 22-го дня прибывший из Хивы хивинский татарин Нияз Мед по разговорам губернатору Брылкину объявил следующее: что когда прошедших годах, назад тому лет с пять, Хивою совладел персидский шах, то ныняшняго хана Абулгази отца, Илбарс хана, умертвил и на его место ханом пожаловал онаго, его, Илбарс-хана, сына, Абулгази, и с того времени и поныне состоит в его шаховой протекции, токмо от податей всяких, подлежащих ему, шаху, он уволен, и в прошедшем году кочующие около Хивы трухменцы, именуемые текеямутцы, екдерцы, чакдерцы (Човдуры), арбачинцы и пеллячинцы (Возможно, дуеджинцы) взбунтовали и около Хивы деревню разорили и сожгли, а людей старых порубили,

молодых мужеска и женска полу полонили, и город Хива от них в осаде была 8 месяцев, и никому из города Хивы выезду не было, однако ж хивинский хан Абулгази тайно к персидскому шаху с прошением посылал нарочных людей, дабы его и город Хиву от них, противных трухменцев, оборонить, почему оной, персидский шах, минувшего лета прислал в Хиву своего племянника Али-Гули хана, которой в Хурасане губернатором, в 30 тысячах военных людей, а тех трухменцев некоторых до смерти побили, а других четырех родов акдерова- де авдерова (Речь идет об игдырах и, возможно, абдалах), а арбачиева и пеллячиева в принадлежащее к бухарам местечко, именуемое Джааржу (Чарджоу), отвели и во оном их поселили и взяли из них в службу персидскую выбранных людей 400 человек, а другия трухменцы, текеямутцы, отошли к берегам Каспийского моря, к Балханским горам, где и живут.

Тот шахов племянник, Али-Гулы хан, при Хиве был месяцев с восемь и при возвращении своем по-прежнему в Персию оставил у хивинского хана из персидского войска шесть тысяч человек, чтоб оным войском у тех отшедших к Балхану трухменцев взять в службу выбранных же людей 400 человек, а достальных для житья перевести в Хурасан (Хорасан). А в бытность его, Нияз Мете у Каспийского моря в урочище Мангышлак трухменцы мангышлакские сказывали ему, яко вышеупомянутые отошедшие к Балханам трухменцы в персидскую службу 400 человек уже дали, с которыми оставшие в Хиве персидское войско 6000 человек возвратились в Персию а те, текеямутцы, жительством остались в Прибалханских горах.

Александр Турчанинов
Петр Попов

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1741 г., д. 3, лл. 1—20.
Копия

[82] № 45

Указ Государственной коллегии иностранных дел губернаторам и воеводам о свободном пропуске туркменского посольства от Петербурга до Астрахани

27 февраля 1746 г.

Отправлены сюда из Санкт-Петербурга трухменских четыре старшины (В Петербург эти старшины прибыли 15 января 1746 г., (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 3, лл. 55—56 об). В донесении астраханского губернатора В. Татищева Государственной коллегии иностранных дел от 27 августа 1745 г. сообщается, что прибывшие туркменские старшины отправлены в Петербург и им «дано от Астрахани до Царицына судно, а от Царицына до Москвы на восемь уездных и ямских подвод прогонные деньги и для старшин четыре черкесские коляски, а кормовых им, старшинам и служителям, на здешнее бытие и в путь до Москвы сего августа с 13-го числа впредь на тридцать дней: старшинам по пятнадцати, служителям их по пяти копеек за день» (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 3, лл. 2—2 об). Из донесения Н. Коптяева из Москвы от 3 октября 1745 г. в ту же коллегию видно, что эти старшины прибыли в Москву 30 сентября 1745 г. (там же, лл. 10—11). Таким образом можно установить, что Канбарбек и другие туркменские старшины из Астрахани в Петербург отправились примерно в 20-х числах августа 1745 г. и «по бытности некоторого времени в Москве» 15 января 1746 г. прибыли в Петербург.), а именно: Канбарбек, Карабатыр, Онбеги Суергап и Шапык Нияз Батырь и при них служителей четыре ж человека да для препровождения их астраханского гарнизона подпрапорщик Афанасий Жумнев (В других документах Жуленьев (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 3, лл. 10—11) и солдат два человека. И в городах по надлежащему тракту до Астрахани, господам губернаторам, воеводам и на учрежденных заставах командующим оных старшин с служителями и с конвоем пропускать везде свободно и чинить возможное вспоможение и давать пристойные квартиры и подводы по данной им подорожной ямские, уездные и казацкие без всякого задержания, и нигде ни в чем в проезде им остановки не чинить, чего

ради дан сей указ из Государственной коллегии иностранных дел за коллежскою печатью.

Статский советник Петр Курбатов
Советник канцелярии Василий Бакунин

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1083, л. 109, и об.

Подлинник.

№ 46

Предписание Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору об отправке туркменских старшин на Мангышлак

6 марта 1746 г.

Были здесь по отпуску тайного советника Татищева в приезде туркменские старшины Канбарбек, Карабатыр, Онбеги Суергап, Шапыкнияз Батыр и при них служителей четыре человека для прошения [83] о принятии их в подданство ея императорского величества (Из Петербурга в Астрахань эти старшины прибыли 14 апреля 1746 г., где они задержались вплоть до сентября. Причиной задержки послужил отказ купца И. Лошкарева отправить судно на Мангышлак Астраханский губернатор И. Брылкин в донесении Государственной коллегии от 12 мая 1746 г. писал, что «хотя они, туркменцы, об отправлении себя просят, но принужден им объявить, чтоб ожидали прибытия с моря купца Лошкарева судов... По прошению их, старшин, определено им, старшинам, с имеющимися при них служители сего мая с 1-го числа до отъезда их производить, а как отправятся в путь, на две недели выдать кормовых денег» (АВПР, ф. «Туркменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 3, лл. 95—96)), и ныне оные отсюда отпущены к вам в Астрахань с дачею им в дорогу кормовых денег на два месяца, а какова здесь им на их прошение учинена резолюция, с оной для вашего известия и исполнения при сем сообщаются копии на российском и татарском языках и особливая записка, с каким удовольствием и здесь оные туркменцы содержаны были и какое им при отпуске награждение учинено.

Вам, по приезде их в Астрахань, отпустить их в Мангышлак на морском судне, и буде данных им здесь в дорогу кормовых денег до Мангышлака не достанет, то дать им, на сколько времени вы рассудите, потому ж, почему и отсюда в дорогу им дано, а в прочем во исполнение вашему рекомендуется следующее:

1. Удобовозможным образом иметь вам старание об освобождении из них, туркменского плена, российских подданных, а паче христиан и за освобождение оных хозяевам их или другим, кому надлежит, давать за каждого человека из казны ея императорского величества, так как и оренбургскому губернатору за освобождение таковых же российских пленных каракалпакам давать велено, а имянно: за каждого человека, от пяти до десяти рублей или сколько вы по тамошнему дел состоянию, усматривая в случае, заблагорассудите...

2. Который из того туркменского народа от Мангышлака или от Яицкого городка будут приезжать в Астрахань морем с прошением, чтоб их тут допустить жить вечно и таковых принимать и приводить к присяге и потом возвратно с их фамилиями уж не отпускать и к таковому их в Астрахань приезду и житию, вам оных туркменцов и приохочивать пристойным образом.

3. Таковых же туркменцов от Гурьева городка сухим путем до Астрахани, а особливо до калмыцких улусов, так как и киргис-кайсака, низачем не пропускать и в том поступать по имеющимся в астраханской губернской канцелярии о киргис-кайсаках указом, и что в том происходить будет, о том сюда в Коллегию иностранных дел репортовать.

Князь Алексей Бестужев-Рюмин

АВПР, ф. «Туркменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 3, лл. 80—81 об.

Подлинник

№ 47

Указ Елизаветы Петровны из Государственной коллегии Астраханскому губернатору о мероприятиях по развитию торговли с мангышлакскими туркменами

13 марта 1746 г.

Указом ея императорского величества из оной Коллегии от 6-го сего марта (См. док. № 46) вам дано знать об отпуске отсюда трухменских старшин [84] Канбарбека, Карабатыря, Онбеги Суергапа и Шапыкнияз Батыра, и какая им здесь резолюция учинена, и чем оные награждены.

А чрез сие вам сообщается, что при отъезде отсюда оные здесь представляли:

1. Что на несколько ис пожалованных им денег купили они здесь небольшое число сукон и протчаго, а на достальные имеют купить в Астрахани муки и просили, чтоб оное из Астрахани отпущено было с ними беспошлинно, так же бы и за перевоз до Мангышлака с тех их покупок было не требовано (В донесении от 15 сентября 1746 г. астраханский губернатор Брылкин сообщал, что «трухменцы докучно об отправлении их просили, чтоб их отправить скорее и как ис Казани для почт прибыли сюда казенные три шнявы, то в рассуждении того, дабы им не было от долгого их задержания огорчения, оных трухменцов на одной шняве до Мангышлака отправил и по прошению их, старшин, и особливо прибывших от Мангышлака ж Нияза Усманова и Амана,... положено к перевозу собственной их муки девяносто одна четверть и с той же их муки и багажу за перевоз надлежащее в казну деньги не взяты» (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 3, лл. 101—101 об).).

2. Что которые купцы из Астрахани будут приезжать к ним в Мангышлак, оные обо всем адресовались к ним, четверем старшинам, а не к другим к кому, изъясняя при том, яко они их не до каких обид не допустят, а буде в противном тому случае от их, трухменского, яко, своеговольного, народа астраханским купцам учинена будет какая обида, того же на них, четырех старшинах, не взыскивать, вам о первом учинить им, трухменским старшинам, удовольствие, а другое отдается на тамошнее ваше рассмотрение, а по здешнему рассуждению, не лутче ли с ними в торгу поступать таким образом, когда российское судно к ним в Мангышлак придет и тогда вышеписанным. старшинам дать о том знать и требовать из них одного и, содержа онаго за заплат, с их, трухменцами, торг производить, и что учинено будет, о том вам сюда рапортовать.

Граф Алексей Бестужев-Рюмин

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 3, лл. 92-93

Подлинник

№ 48

Из письма астраханского губернатора И. Брылкина мангышлакским туркменам о содействии торговле с русскими купцами, отпуске пленных и царском указе о регулярном отправлении торговых судов на Мангышлак (См. также письмо государственного канцлера 26 февраля 1746 г., врученное туркменским старшинам перед их отъездом из Петербурга (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745 г., оп. 133/1, д. 3, лл. 82—84 об).)

23 августа 1746 г.

В прошлом году приезжали сюда а оных ваших четырех родов почтенные старшины, а имянно: делинского — Канбарбек, курбанского — Карабатыр, менгли-ходжинского — Онбеги Суергап, угрынского — Нияз Батыр с прошением, которые старшины к высочайшему двору ея императорского величества были отправлены, где будучи, милость ея императорского

величества видеть сподобились и с награждением отпущены обратно к вам чрез море на казенном судне с [85] протчими имеющимися здесь тухменцами и их служители до Мангышлакской пристани со всяким удовольствием, и вам, видя к себе ея императорского величества милость, должно услугу вашу со усердием оказать, а имянно:

1. С приезжающими из Астрахани к вам для вашей собственной пользы поступать ласково, не чиня им никаких нахальств, меньше же обид и непристойностей, и желающих от Мангышлака ехать с товарами в Хиву и Бухары не токмо свободно пропускать, но и всякое им вспоможение чинить и по возможности препровождать сохранно.

2. А имеющихся ныне российских пленников, сколько их у вас есть, отыскав всех, отпустить в Астрахань или Гурьев, также и впредь, каким образом к вам бы не достались; а особливо, ежели кому случится несчастье на море и принесен будет к вашим тухменским берегам, всех присылать в Астрахань же без наималейшего задержания, которых, по рассмотрению, чинено будет вам награждение и когда вы сим верность свою и доброе усердие к службе ея императорского величества засвидетельствуете, тогда вы из высочайшей ея императорского величества милости оставлены не будете...

Какая к бывшим у высочайшего двора ея императорского величества вашим старшинам и к вам оказана милость и им, старшинам. учинено награждение, могут оные старшины вам о всем подробно объявить и, особливо милосердуя к вам, ея императорское величество указала для лутчего вашего, тухменского народа, удовольствия охотчим людям с хлебом и с другими товарами в Астрахань ездить [и] в Мангышлак.

Иван Брылкин

АВПр, ф. «Тухменские дела», 1745 г, оп. 138/1, д. 3, лл. 103—104.

Подлинник.

№ 49

Рапорт штурмана П. Лебедева Астраханской губернской канцелярии о поездке к туркменам Мангышлака (О поездке П. Лебедева на Мангышлак см. также в ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1083, лл. 157—163 об. и в АВПр, «Тухменские дела», 1745 г., д. 2, лл. 87—96 об.)

18 ноября 1746 г.

По указу Астраханской конторы над портом и поданной мне от Астраханской губернской канцелярии инструкции отправился я от Астрахани на порученном мне шмаке «Гусь» минувшего сентября 17-го дня до Мангышлацкой пристани для отвозу обратно тамошних тухменцев Нияза Усманова и Аман Удеметева с их провиантом и для продажи и раздачи казенной муки тамошним жителям — тухменцев ста тридцати двух кулей и купецкого правиянта — и прибыл ко оной пристани октября 1-го дня благополучно. (28 августа 1745 г. Астраханской губернской канцелярией купцу Лошкареву было предложено отправить судно с мукой и товарами к Мангышлаку, но он под разными предлогами отказался от этого предложения и астраханские власти вынуждены были отправить туда казенное судно «Гусь» (ГААО, ф. 394, оп. 1 д. 1083 л. 119 и об.).) И показанные тухменцы от меня сосланы с татариним Мусою на берег и тамо имеющимся тухменцам о прибытии судна и об оных привезенных объявлено, что прибыли оне из Астрахани все благополучно и в домах отправленных четырех родов старшин ко двору ея императорского величества [86] показанной татарин женам их, детям и родственникам тайно объявил, что отправились оные из Астрахани по желанию их ко двору ея императорского величества со всяким удовольствием... (Опущена бессмысленная часть фразы) к ним вскоре по присланной к ним из Астрахани от тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева милости ея императорского величества муки по четыре куля, которую приказали отдать поверенным от тебя, а имянно: делинскому роду Канбарбекову сыну Бег Мурату, гурбанова роду Кара Батыреву брату ево Пирже Батырю, меглиходжина Онбеги Суергапову сыну его Мурату Суергапову, угрынского рода Шапык Нияз

Батыреву брату его Есергапу Батырю, которых достоверно показанной татарин Муса знает и отдано оным в каждой дом муки по четыре куля, итого шестнадцать кулей, а присланное со мною от его превосходительства письмо (См. док. № 48.) знатым старшинам и тамошним трухменцам октября 6-го дня отдано ж и от меня им объявлено, что милостию ея императорского величества оставлены и впредь не будут, которые, приняв, распечатали и при всех читали. И на то объявили, что мы милостию ея императорского величества довольны, и оною ж октября 11-го дня делинского роду трухменец, Канбарбеков брат, Яган бек аталык, который был в Хиве и объявил через татарина Мусу письмо, присланное-де с ним от Халмет бека Пердалета и хорозиата (Хорезмийца.) аралиских (Аральских.) трех владельцев в Астрахань к его превосходительству, да притом же объявил, что поручен-де ему от хивинского хана посланной ко двору ея императорского величества аргамак один, при котором хивинской татарин Нияз Мамбет, и с ним имеется письмо же, и как письмо и аргамак приняты мною на судно для отвозу в Астрахань, а об отдаче российских людей, которые имелись у них, трухменцов, в икдырове роде, а имянно: тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева русской человек Иван Григорьев, посацкого Алексея, монастырского, персицкой природы человек з женой и с малолетним сыном, Лаврентья Иванова жена, персицкой же природы Катерина Степанова, и с того икдырова рода не в давном времени выкуплены. Его превосходительства показанной человек Иван Григорьев ныне имеется у старшины угрынского рода Шапык Нияз Батырова отца Байберди, за которого я выкупу давал неоднократно муки десять кулей и всеми мерами старался, токмо за одного менее не берут муки тридцать кулей и просили еще на кафтан сукна, и показанной посацкого человека монастырского крещеной персиянин от них-де ушел, а жена ево и с сыном продана кайсакам, а других российских людей у себя не сказывают. Женка Лаврентья Иванова, Катерина Степанова, в то же время выкуплена менгли-ходжина роду Онбеги Суергаповым сыном Мратом, от которого она, согласясь, с российским человеком Никитою Аристовым ушли и, прибежав к морю, лежали в камыше. А сего октября 15-го дня пополудни в 8-м часу ночью помянутой российский человек Аристов приплыл ночью к судну, которого увидел от нас... (Слово неразборчиво.) часовой и, окликав, вытащили из воды едва жива и, отдохнув мало, оной о себе показал, которого города и деревни и каким образом в полон взят к трухменцам, сколько лет был, о всем имянно в опросных ответах показал, а женка Лаврентья Иванова, увидя нашу ялу, которая была от нас послана того же октября 16-го дня к берегу за травой и камышом для заготовления в путь морем посланному с нами аргамак, выбежала ис камышей з берегу в воду, приплыла к яле, и оную [87] вытащили из воды чуть живу ж и привезли на судно, которая, по допросам, в ответах своих показала, имянно каким образом из Астрахани с мужем своим от хозяина отбыла и как оными трухменцами в полон взята и где сколько жила, та показанной трухменец, от которого ушли, Мрат Онбеги Суергапов сын и протчие того же числа, приехав к нам на судно, и спрашивали о приплывшем ночью к нам на судно русском человеке, называл своим, за которого-де нам ненадобно муки двух сот кулей, понеже-де он у нас вырос и достался к нам в малых летах; Азату Бабу выкупу дано -де мной тринадцать лошадей и одна девка калмычка, за которую-де нам выкупу не надобно, просил оных обратно и затем им выкупу ничего не дано, и я сказал, что у меня детины нет, а бабы мне отдать вам не можно того для, что она русская крещеная наша, и просил оной их хозяина с нами ехать в Астрахань о том с просьбой. а после послал от себя он поверенного дядю (Об этом см. его прошение от 22 ноября 1745 г. (АВПр, «Трухменские дела», 1745 г., д. 2 лл. 101—102 об.)) своего Пирчу Абыза и при нем трухменец кашевар один, которых за прозбу имеющихся трухменцов, не озлобя их тем, принял на судно для отвозу в Астрахань в показ оной русской пленник, который приплыл ночью к нам з берегу на судно, хотя у нас и был, токмо онаго по намерению их, трухменцов, и непостоянству тамо объявить не смел того для, чтоб в деле нашем от них не учинилось какого препятствия и вреда. (Интересно отметить, что, обосновывая свой отказ в возврате ему увезенных Лебедевым пленных, астраханский губернатор Брылкин говорил Пирче Абызу, что туркменам требовать их «неприлично, ибо сами они, трухменцы, о быти им в российском

подданстве желание.. изволяют» и что сам Суергап, «показывая свою верность ко всему трухменскому народу писал, чтобы, у кого есть русские полонники, возвратили б всех в Астрахань» и «потому, мнитца, что оные пленники выкуплены нарочно для возвращения сюда... да и всем трухменцам надлежало... в показании своей верности не токмо оных ушедших у них ясырей обратно требовать, а сверх того, если ныне в их жилищах таковые-же русского закона пленники есть, всех, собрав, безо всякой заплаты» возвратить их на родину. «На сие, — отмечается в заключение документа, — оной трухменец объявил, что оным рассуждением доволен...» (АВПР, ф «Трухменские дела», 1745 г., д. 2, лл. 101 об и 102).) И того ж октября 17 и 18-го чисел приезжали к нам старшины бурунчукского рода Кутломет-бек, анешского — Пирь Назар-батыр, каческого — Мрат Темена Агасы, чакгуцкого — Адна Мегли-бек и объявили мне чрез татарина Мусу, имеется-де с ними их родов при каждом по триста по семидесяти по пяти кибиток и оные все одного бурунчукского рода, токмо-де живут в разных местах и для того объявили четырех старшин, а при всех при них тысяча пятьсот кибиток, да прибывшей от Хивы нынешним летом для житья к Мангышлакской пристани бузачинской род тысяча кибиток, которые имеет желание свое быть в подданстве ея императорского величества и чтоб от них взять одного трухменца с письмом в Астрахань к его превосходительству, токмо оные объявили, что Муса у них отлучился в степь за всеми и написать некому, и просили они, чтоб написать от них на русском диалекте доношение к его превосходительству тайному советнику и астраханскому губернатору Василию Никитичу Татищеву, которое от них написано и читано им тако им чрез одного ж татарина Мусу и во уверение ко оному приложена ими одна печать и вместо печати знак, которое в пакете запечатано тою ж печатью и отдано ими поверенному от них бурунчукского рода трухменцу Нияз Усманову, которого я по их желанию с тем доношением для отвозу в Астрахань и принял, и при них трухменец кашевар один, а между тем временем при той Мангышлакской пристани в разных числах в бытность там из посланной со мной казенной муки с торгу с теми трухменцами продано на деньги и на товар променено восемьдесят семь кулей, на удовольствие приезжающим к нам знатных [88] трухменцов, пленников, употреблен один куль, в остатке имеется муки двадцать восемь кулей, которой купить было некому, понеже трухменцы многие разъехались в степь за зверьми. Да принят при оной пристани для отвозу в Астрахань трухменец, прибывший от Хивы бурунчукского рода Ходжамет и при нем жена с малолетней дочерью для сведения их родственников, с которыми отправился я от Мангышлакской пристани октября 20-го дня. Прибыл к реке Болде ноября 16-го дня и следуя в Астрахань, а по силе присланного ис помянутой канцелярии писанному сего ж ноября 10-го, а полученному мною того ж ноября 14-го дня ордера, как аргамачи, так и трухменцы, и хивинцы и пленная астраханского купца Лаврентья Иванова крещеная персиянка и имеющиеся для толмачества татары Муса Утепов и Салтан Акулов, ис которых при татарине Мусе быть послано астраханского купца Ильи Лошкарева с товаром узел один да собственного его товара один же узел с присланным от помянутой канцелярии солдатом сибирского полку Федором Чирковым на взятой им рыбнице с ватаги астраханского купца Ильи Чарина, посланы в Астрахань, а другого пленника послать было не можно, понеже оной им, трухменцам, не объявлен, к тому ж у него одежды ничего не имеется, а ныне уже зимнее время и от студености может умереть, а казенный товар не послан за утеснением в завозке, а впредь мне представлены как пленник и товар будут, да при сем же взятое мною при Мангышлакской пристани от Таган-бека, аталыка, от аральских владельцев к его превосходительству письмо и о поступке моей при помянутой пристани журнал и показанных российских пленников вопросные ответы и о вышеписанном астраханская губернская канцелярия соизволит быть известна.

Штурман П. Лебедев

АВПР. ф «Трухменские дела», 1745 г, д 2, лл 81—86.
Подлинник.

Из записки Астраханской губернской канцелярии о поездке Абдрешита Алтышева на Мангышлак для доставки в Астрахань коней, подаренных туркменскими старшинами царскому двору

15 октября 1754 г

Сего-де 1754 г. в августе месяце отправлен он, Абдрешит, из Астрахани в Мангышлак для приёма помянутых посылаемых от тех тухменских старшин ко двору ея императорского величества двух пар пегих лошадей (В письме мангышлакских старшин астраханскому губернатору А. С. Жилину, полученном 1 июля 1754 г., сообщается: «Бывши у двора ея императорского величества, обещали мы прислать в презент ко двору ея императорского величества две пары пегих лошадей, точию оных на прибывшее к нам ныне судно за теснотою не постановили, ныне просим, чтоб нарочное судно прислать для взятия оных лошадей и с фуражом». Кроме того, они сообщили, что к ним приехал из Хивы «посланец с объявлением, что ныне проезд до Хивы от кайсак пересека, и просят они, хивинцы. у нас, чтоб как из Хивы и из Бухар чрез Мангышлак по-прежнему с купечеством проезд им иметь в Астрахань». (АВПр, ф. «Тухменские дела», 1754 г, оп. 133/1 д 1, лл. 2—2 об.)) на компанейском мореходном судне галиоте (*Галиот* — небольшое двух- или одномачтовое торговое судно) [89] «Санкт-Анна» с письмом генерал-майора и астраханской губернии губернатора господина Жилина ко оным тухменским старшинам Канбербеку с товарищи, на котором судне прибыл он, Абдрешит, в Мангышлак сентября 10-го дня и для знаку, что мореходное судно к их берегам пришло, выстрелили с того судна ис пушки, что, услышав, кочующие у тех тухменских берегов тухменцы приехали против судна на берег, з коим он, Абдрешит, послал с того судна на судовой лодке бывшего на том судне наемного от кампании талмача татарина Мустая со объявлением, что он, Абдрешит, прибыл для подачи к тухменским старшинам от астраханского губернатора господина Жилина письма (Письмо не обнаружено) и принимать от них подарочных лошадей, которой толмач, съехав на берег, привез оттуда из оных старшин Суергапа да с ним тухменцов пять человек, коему старшине он, Абдрешит, то ж, что он прислан к ним от астраханского губернатора с письмом для приема их подарочных лошадей, объявил и спросил, что он, Суергап, может ли то присланное к ним письмо принять один, на что он, Суергап, ответствовал, что он поедет на берег, и о том объявить другим старшинам, и с тем от него, Абдрешита, с судно съехал и на другой день приехали к нему, Абдрешиту, на судно оной Суергап да другие старшины Карабатыр, Нияз Батыр да вышепомянутого Камбарбека сын, Мурат, который ему, Абдрашиту, об оном отце своем объявил, что он за глубокою своею старостию быть на судне не может, а поручил вместо себя принять то письмо ему, Мурату, почему он, Абдрешит, при том им всем оное письмо и подал, кое они, приняв, распечатали и велели ему, Абдрешиту, прочесть, и как он, Абдрешит, прочел, то они, старшины, за оное письмо его, господина губернатора, благодарили и с того судна съехали обратно на берег.

На третий день оные старшины, паки приехав на судно и у бывшего от той кампании приказчика Тихона Мясникова погруженную в то судно ржаную муку торговали, при чем оный приказчик просил за каждой куль по три рубли, а они, старшины, давали по два рубли за куль, которой приказчик за тое даемую от них, старшин, цену ту муку не отдавал, объявляя, что они цену дают малую, которые старшины на то сказали, чтоб он, приказчик, ту муку выгрузил и судно для постановления их подарочных лошадей опростал, ибо -де они, старшины, к господину астраханскому губернатору писали, чтоб для свозу тех лошадей судно прислано было порожнее, а у него-де, приказчика, оное судно нагружено товаром и ежели -де он, приказчик, той муки не выгрузит и судно не опрастает, то они тех лошадей не поставят и будут на него, приказчика, писать к губернатору, что, видя, он, приказчик, принужден был, убегая на кампанию жалобы, бывшую в том судне муку продать за даемую от них цену по два рубля куль и чтоб от тамошних тухменцев не было никаких обид и грабительства, в том для верности взял он, приказчик, во аманаты двух человек: одного чалдырского (Човдурского) старшину Пир Яж Абыза да тухменца Мурата, и оными старшинами с него, приказчика, муки ржаной пятьдесят,

пшеничной четыре куля да сукна синего двадцать аршин, посуды деревянной, блюд и чаш двести, а бес того ево, приказчика, той муки не продавать не допустили, и как он, приказчик, всю муку распродал, то и тех аманатчиков с судна спустил.

Сентября 29-го числа вышепомянутые старшины Канбарбек с товарищей четыре человека показанных подарочных пегих лошадей две пары для отдачи ему, Абдрешиту, привели на берег, к коим он, Абдрешит, съехав, тех лошадей принял и поставил на судно, а потом в тот же день и они, старшины, к нему, Абдрешиту, на судно приехали и отдали [90] ему, Абдрешиту, на имя господина губернатора от них, старшин, письмо незапечатанное, кое он, Абдрешит, приняв, на третий день, то есть октября 10-го числа, отправился к Астрахани, куда и прибыл сего 15-го числа...

Иван Зайцев

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1754 г, оп. 133/1, д 1, лл. 5—8 об.

Подлинник.

№ 51

Указ Правительствующего сената Коллегии иностранных дел о предоставлении Р. Л. Воронцову монополии на торговлю с Хивой, Бухарой и туркменами на 30 лет

11 июня 1759 г.

По указу его императорского величества Правительствующий сенат по челобитной генерал-поручика действительного камергера и кавалера господина Воронцова, который просил позволения собственным ево коштом построить мореходные суда и на них Каспийским морем от Астраханского порта к живущим по левую сторону того Каспийского моря народам: бухарцам, хивинцам и трухменцам товары здешния отвозить, а тамошня оттуда привозить, которыя, показывает он, будут следующие, а именно: отвозимыя туда (кои по большей части российского продукта) мука ржаная и пшеничная, юфтяные кожи, савры, деревянная всякая посуда, котлы чугунные и таганы (*Таган — железный треножник круглой или продолговатой формы.*), холсты, крашенина, иглы, наперстки, пронизки, зеркала, сукна, стамеды (*Стамед — шерстяная ткань красного и других цветов*), семя конопляное и другие тамошним местам приличные с платежом за оныя положенных пошлин. Привозимыя оттуда: золото и серебро, индейския и другая товары, а наипаче камень лазорис, овчинки бухарския и ширязские, тамошня парчи всякия, халаты, камни — алмазы, яхонты, лалы (*Лал — драгоценный камень.*), изомруды, семя драмна, в России называемое цыцвара (*Цытварное семя*) и другия. И дабы весь сей по левому берегу Каспийского моря торг для проведения в действо и размножения отдан был с нынешнего 1759 г. вперед на тридцать лет ему одному, а другим бы всем российским подданным по левому берегу до персидских границ во оныя тридцать лет всякими товарами торговать запретить под конфискацией, в рассуждении того, что он из казны денег не требует, как обыкновенно другим дается, и что между всеми коммерчествующими державами генеральным и неременным правилом есть, что всякой новой и недовольно обыкновениями утвержденной, а особливо в отдаленных местах, торг, во многия руки вручаемой, в самом начале истребляется и ожданная от изобретения его польза погубляется навсегда бесповоротно. А когда о том в Правительствующем сенате рассмотрение и решение воспоследствует, тогда бы у него принят о содержании оного торгу кондиции (*Кондиция — договор, условие, подрядная сделка*).

[91] И по учиненным в Сенате справкам приказали: оной к живущим по левую сторону Каспийского моря народам — бухарцам, хивинцам и трухменцам торг от Астраханского порта по силе имянного... [титул] императора Петра Великого за подписанием собственныя руки 8 ноября 1723 года (*Документ не публикуется*) Указа для умножения в чужие края здешней коммерции в пользу казенного, его императорского величества, интереса учредить, ибо оным его, императорского величества, указом повелено умножать торги во Францию, Гишпанию,

Португалию, Персию, Остзею и в иныя места, где потребно будет компаниями и партикулярно и возить на своих кораблях, к чему сверх охотников и принуждение употреблять.

Да и в 1734 году мая 18-го дня (Документ не публикуется) данного за собственноручным же... (титул) императрицы Анны Ивановны подписанием отправленному для основания Оренбурга статскому советнику Кириллову инструкцией) повелено было по способности тамошнего места старание прилагать о коммерции с Бухариєю и для того сперва на пробу один малой караван, а потом и другая большія отправлять в Бухарию и далее, куда можно будет. А вследствие того и по поводу прошения бухарского и хивинского ханов о распространении с ними купечества по представлению Коллегии иностранных дел определением Правительствующего сената 14 мая 1752 г (Документ не обнаружен) велено было для соглашения со оными ханами об установлении коммерции послать нарочного, знающего и надежного человека, по рассмотрению той Коллегии иностранных дел, но оное производимо быть имеет с оренбургской стороны, которого, не останавливая и не запрещая, требуемой им, генерал-лейтенантом и кавалером, от Астраханского порта Каспийским морем означенной бухарской и хивинской торг производения отдать ему, генералу-порутчику и кавалеру господину Воронцову, по прошению ево с нынешнего 1759 [года] впредь на тридцать лет одному токмо с тем, чтоб он всяким образом с прилежностію старался оный торг не только самым действием производить, но и от времени до времени распространять, как того, без сомнения, и чаять надобно по его собственному возжеланию трудиться изыскивать. И в рассуждении не требования им на то из казны денег и вышеписанной представляемой от него опасности истребления сего торгу, яко новаго, от вручения во многія руки другим российским подданным никому в сию сторону по левому берегу Каспийского моря в Бухары и Хиву во оныя тридцать лет никакими товарами не торговать под конфискаціею оных, дабы от того сему новому торгу подрыва и помешательства не происходило, чего накрепко смотреть и наблюдать главнокомандующим в Астрахани (О содействии Р. Л. Воронцову в развитии торговли с населением восточного побережья Каспийского моря см. отношения Астраханской губернской канцелярии в Адмиралтейств-коллегию от 22 июня 1760 г. (ЦГАВМФ, ф. 212, д. 26, л. 298—300 об.)) и таможенным управителям под штрафом за пропуск взыскания толикой суммы, на сколько товаров пропущено будет. А во время производения онаго торга ему, господину генералу порутчику и кавалеру, товары оттуда из Бухары и Хивы с протчими таможными местами Каспийским морем производить вышеописанные показанія от него по именам и протчія какия случатся полезныя и не запрещенныя, а которыя указами к привозу запрещены, таких не привозить. А от Астраханского порта туда в Бухары, Хиву и протчія тамошнія места Каспийским же морем отпускать российского продукта и чужестраннія товары, которыя указами к вывозу не запрещены, а которые донныне в [92] запрещении состоят, тех отнюдь не отпускать и того по вышеписанному ж накрепко смотреть и наблюдать главнокомандующим в Астрахани и таможенным управителям под таким прицением (Так в документе), как о том в указах положено; и как с привозных, так и отвозных товаров платить ему, господину генералу порутчику и кавалеру, и товарищам и поверенным прикащикам ево портовые и внутреннія пошлины сполна, бездоимочно. И для перевозу оных товаров мореходныя суда построить ему, господину генералу порутчику и кавалеру, собственным ево коштом, сколько их для сего торгу и потребно будет, позволяется, токмо с тем, что их, кроме того, в Бухары и Хиву торгу и протчіе тамошнія персидскія места не употреблять под такими штрафами, как в данных от персидской компании указах изображено, дабы от того помешательства и обиды не было учрежденным астраханской морской судовой и персидского торгу компаниям. А хотя при учреждении оной персидского торгу компании определением Правительствующего сената 2 июля 1758 года (Документ не обнаружен) запрещено другим, не записавшимся в ту компанию, и не положи своих акций во все время всякіе товары от астраханского пор та водяным и сухим путем отпускать и торговать и, кроме компанейских мореходных и дозволенных для перевозу соли судов по Каспийскому морю, ни под каким видом никаких других купецких и казенных, кроме законных нужд, пропускать, но то запрещение торгу другим, кроме оной компании, учинено в

Персию и в протчия тамошние места, а не в Бухары и Хиву, куда оному господину генерал-порутчику кавалеру сим определением торг позволяется. Чего ради оное и учинено в таком рассуждении, что от сего его, господина генерала порутчика и кавалера, бухарского и хивинского торгу оной персидского торгу же компании помешательства и обиды не будет. А ежели, паче чаяния, случится, что оныя ево, господина генерала-порутчика и кавалера, суда во время следования их в Бухары и Хиву, нечаянным образом обыкновенно случающегося на море, противною погодою и жестоким ветром занесены будут куда-либо в другую нежелаемую сторону к персидским берегам, то всемерно и крайним образом стараться там нисколько не мешкать, но как наискоряя возвращаться в свой предпринятый путь в Бухары и Хиву, дабы в таком случае не могли персияне оных судов отнять и ими завладеть к немалому (ежели бы то случилось) предосуждению высочайших е[я] и[мператорского] в[еличества] интересов. А буде иногда по случившейся какой-либо крайней нужде надобно будет необходимо там помешкать, то во время одного и других персидских берегов бытия со оных судов будущих на них товаров отнюдь ничего не продавать под опасением конфискации оставших за такую продажей товаров, или буде оных не останется, то надлежащего взыскания по указам.

И о сем новоучреждаемом в Бухары и Хиву с протчими тамошними местами торгу велеть ис Коллегии иностранных дел пристойным образом знать дать тамошним ханам, бухарскому и хивинскому, и протчим, кому надлежит (Документ без подписи. Копия документа хранится в ЦГАВМФ, ф. 212 д 26, лл. 40—43.)

ГАОО, ф. 394, оп. 1, 1760 г, лл. 89—92.

Копия.

[93] № 52

Из донесения Коллегии иностранных дел Сенату о разрешении туркменам отправлять подарки калмыцкому хану через Гурьев

26 января 1761 г.

1-е

На восточном берегу Каспийского моря, около мыса Мангышлакского, кочует народ, называемой тухменцы, которой наперед сего почитал себя подданными ханам волжских калмык и в знак того время от времени платили им некоторыя небольшие подати, привозя оные к тем ханам сами, а многие из их старшин при тех ханах и продолжительно жила. Но сие пресеклось с 1723 года от междоусобия калмыцкого народа, а по успокоении бывшим астраханским губернатором Волынским того калмыцкого народа многие из тухменцев от взаимного между собою несогласования и от нападения на них киргиз-кайсаки расходились к Хиве и к другим тамошним местам...

2-е

В Коллегию иностранных дел нынешней калмыцкой хан Дондук Даши в 1753 и 1754 годах представлял, что он, получа известие, что они, тухменцы, паки на прежнее их жилище к Мангышлаку собрались, посылал к ним людей своих на лотках для привезения оттуда ловчих птиц, с которыми тамошние знатные старшины присылали к нему, хану, детей своих и братьев и при том представляли, что ежели бы они от стоящего на реке Яике караула свободно к нему, хану, припускаемы были, то бы они по древнему обыкновению привозили к нему дань и подарки. тако же и с купечеством беспрестанно приезжали и паки отъезжали; почему он, хан, и просил чтоб их, тухменцев, чрез реку Як беспрепятственно пропускать. А находящийся при нем, хане, генерал-майор Спицын доносил, что тех тухменцев было к нему, хану. тогда в приезде тридцать три человека, а в подарок привезли ему осьмнадцать ловчих птиц и несколько ковров и протчаго... (Опущены сведения о волнениях среди калмыков и казахов)

Почему на вышеописанное хана калмыцкого прошение 7 сентября 1755 г. такая резолюция ему учинена, что тухменцев с купечеством пропускать впредь осуждение

оренбургскому торгу и за другими могущими из того быть несходствами невозможно, а по прилежному, однако ж, его, ханскому, прошению разсуждено удовольствовать его ч том таким образом, а имянно, пропускать к нему из оных тухменцов единожды в год сухим путем чрез Яицкой Гурьев городок до тридцати человек и чтоб для съезда их не больше при них шестидесяти лошадей было, считая по две лошади на каждого человека, позволяя при том привозить им с собою в подарок ему, хану, птиц и сверх того и других вещей на триста рублей. И для того таковым тухменцам по приезде их к Гурьеву городку являться тамошнему коменданту и будущия при них вещи ему показывать и допускать его осматривать, а он же вещи их будет ценить. И когда по оценке явится, что оныя трехсот рублей не превзойдут и тех тухменцов не более тридцати человек в приезде будет и не более ж как на шестидесяти лошадях, в таком случае их к нему, хану, и пропускать. А когда оные тухменцы поедут от него, хана, обратно в их жилища, то равным образом надлежит им приезжать чрез тот же Гурьев городок и состоять в толиком же числе, в коликом, [94] то есть в тридцати человеках и не более, как на шестидесяти лошадях. А как к нему, хану, единожды в год из-за Яика приезжать позволяется, так и от него, хана, возвращающиеся назад, також -де по однажды в год за Яик чрез Гурьев городок пропускаемы быть имеют. И ежели-он, хан, при отпуске в их жилище заблагорассудит послать с ними к их старшинам подарки, то и оных по цене на сто рублей пропускаемо, быть имеет. А чтоб они под претекством тех от него, хана, посылаемых подарков и других товаров беспошлинно за границу провозить не мог-ли, для того они в подарок от него, хана, отправляемая вещи надлежит показывать генерал-майору Спицыну, а он имеет их осмотреть, и, оценя, защиты в одно место и своею печатью припечатать и притом на даваемых от него, хана, оным тухменцам проезжих письмах подписывать, что оныя вещи им осматриваны и по оценке его нашлись на сто рублей, почему гурьевской комендант их за Яик и пропустить имеет... (Сняты сведения (пункт 5), не имеющие отношения к теме сборника)

4-е

Ныне оной хан калмыцкой Дондук-Даши от 15 апреля минувшаго 1760 г (Документ не публикуется) письмом на имя канцлера присланным представляет, что он в прежде отправленном сюда по сему делу доношении ево, по которому вышеписанное дозволение учинено тухменцев к нему не более тридцати человек и при них вещей и товаров только до трехсот рублей пропускать запамятовал представить, что оные в Мангышлаке живущие тухменцы, будучи из давних времен их калмыцкими подданными, платили им подать с каждой кибитки в год по одному корсаку (Корсак — животное из породы лис) а потом за несколько лет уже перед сим, за произошедшим как в улусах калмыцких, так и между ими, тухменцами, междоусобием, оная подать пресеклась. А как он между тем по высочайшей е[я] и[императорского] в[еличества] милости получил уже и ханское достоинство, а оные тухменцы из рассеяния на прежнее свое жилище собрались, то он при посылке к ним нарочных своих посланцев с проезжими письмами от астраханского губернатора и генерал-майора Спицына данными для привезения оттуда птиц писал, чтоб они, тухменцы по прежнему обыкновению давали ему и вышеозначенную дань с каждой кибитки по одному карсаку в год. Итак он, хан, представляет, что ежели они, тухменцы, будучи ныне во многом числе кибиток, по древнему обыкновению оную подать к нему повезут, а у них и сверх указом определенных трехсот рублей, что излишнее по цене явится, то гурьевской комендант может оное у них отобрать и затруднение им причинить. И понеже при них, тухменцах, что будет послано к нему, хану, оное не для продажи, но подобно подарку или надлежащей ему, хану, подати, для того просил он о скором отправлении указа, дабы отправленного таким образом к нему от тухменцев пропущено было без задержания, заключая напоследок тем, что хотя оное невелико, однако же то, что и он по примеру предков своих некоторую с них, тухменцев, подать будет получать, для славы его надобно.

5-е

Правительствующему сенату Коллегия иностранных дел представляет, что как такая, могущия быть в провозе к хану калмыцкому от тухменцов, вещи имеют быть не на продажу,

но в подарок ему, которых его лишить было бы несправедливо, а оные подарки едва ли могут на великую сумму простираться в рассуждении бедности сих народов.

[95] По вышеозначенному настоящего хана калмыцкого прошению кажется таким образом удовлетворить его можно, чтоб и впредь, пропуская к нему ежегодно по-прежнему чрез яйцкой Гурьев городок трухменцов тридцать человек на шестидесяти лошадях, дозволить им разных вещей к нему, хану, возить с прибавлением против прежнего, а именно на пятьсот рублей, буде больше означенной суммы Правительствующий сенат определить за благо не рассудит, на что от Правительствующего сената Коллегия иностранных дел имеет ожидать е[я] и[мператорского] величества указа.

А между тем, понеже как выше значит хан калмыцкой и о скорой на сие резолюции просил, дабы едущие иногда к нему трухменцы и имеющие с собою больше прежде позволенного числа вещей, в Гурьеве городке задержаны не были, Коллегия иностранных дел определила уже на первой случай таким образом и поступить, чтобы с ними не толикую цену вещей к нему, хану, чрез Гурьев городок пропущено было, о чем из оной Коллегии к оренбургскому губернатору также и к генерал-майору Спицыну указы отправлены, а хану калмыцкому письмом от канцлера знать дано. А что принадлежит до непропуску таковых трухменцов на здешнюю сторону во многом числе и в том, также и в прочем, до потребной при том предосторожности касающемся, имеет быть поступано по прежде посланным из Коллегии иностранных дел указом.

ГАОО, ф 394, оп 1, 1761 г, д 2186, лл 60—67

Заверенная копия

№ 53

Из доклада Сената Екатерине II о взаимоотношениях с туркменами, развитии торговли с Хивой и Бухарой и посылке экспедиции на Мангышлак с целью выбрать место для сооружения крепости

16 октября 1763 г.

Правительствующему сенату Коллегия иностранных дел доносит: на восточном берегу Каспийского моря при мысе и пристани, называемой Мангышлакской, живет трухменской кочевой народ, который просил наперед сего неоднократно о принятии себя в здешнее подданство с тем, чтоб из Астрахани морские суда с хлебом к ним отправляемы были, имея в том великую нужду по недостатку способов из других мест получать... По такой непрочности в сем народе и оказавшейся неудобности к заведению в тамошнем месте крепости для содержания трухменцев в настоящем подданстве, приезжавшим сюда трухменским старшинам в 1746 г. от здешнего подданства отказано, а только отдано астраханским купцам на волю суда свои с хлебом отправлять, когда сами похотят. Между тем, прежде нежели город Оренбург построен в там для азиан торг учрежден, как хивинские, так и бухарские купцы, ездили для торгу в Астрахань сперва чрез реку Яик и простирающуюся от оной реки к Астрахани степь, а потом и чрез море на судах, от астраханских купцов к Мангышлаку высланных, тогда сия коммерция Астрахани, как известно, происходила с немалым успехом. Напротив того, только донныне старания не прилагается о распространении в Оренбурге коммерции, да и сами азиане охоту к тому имеют, токмо почти непреодоленное в том препятствие находится по причине **[96]** варварского и к воровству и грабительствам склонного киргиз-казацкого (Торговые караваны фактически грабились различными группами казацких феодалов, стремившихся овладеть наиболее важными торговыми магистралями на пути из Азии в Европу) народа, чрез которой азиатским купцам в Оренбурге проезжать и возвращаться надлежит, а в том народе не будучи почти такоже никакого подчинения, едва ли оной к чему доброму и доверено быть может. Итак, хивинские и бухарские ханы время от времени здесь домогались, что при продолжающемся с азианами в Оренбурге и в Троицкой крепости торгу дозволено было их

купцам торговать и в Астрахани по-прежнему и для переводу их высылать из Астрахани суда к Мангышлакской пристани, о чем и бывшей на последи в Москве в нынешнем 1763 г. хивинской посланник именем своего хана и всего общества усильно домогался, в чем ему некоторое обнадеживание при отпуске его и учинено. А как в самом деле от азиатской коммерции весьма той прибыли не получается, какова б быть имела от порядочного и безпрепятственного оной производства, которая со временем в таком случае столько б усилилась, чтоб и до самых отдаленнейших мест распространитца могла, но выше сего означено, что весьма мало надежды есть дорогу чрез киргиз-кайсацкую орду безопаснейшею сделать, по крайней мере вскоре, и потому ныне к заведению с азианами порядочного торгу остается удобным помянутой только Мангышлакской мыс, к которому из Астрахани морем приезд свободной, а хотя по учиненным из Астрахани осмотрам способного места не сыскано к учреждению тамо небольшой крепостцы для складки товаров или, на последней конец, для содержания судов, ибо без того на тамошнем берегу для живущих тут тухменцов торговать, да и судам во время случающихся бурь надежного убежища иметь не можно, но может быть прежние осмотры не с такую прилежностью, с какою надобно было б, учинены, почему не совсем еще и безнадежно, не сыщутся ли удобные к тому места, хотя несколько и ниже того мыса, или не можно ли такой крепости завести и на Тюк-Караганском острове, в той же стороне лежащем, буде на нем пресная вода есть и высокое место. Того ради при отправлении из Москвы обратно хивинского посланника поручено было от Коллегии иностранных дел бывшему астраханскому губернатору действительному статскому советнику Неронову посланным к нему от 27 февраля указом (Документ не обнаружен), отпуская хивинского посланника в Мангышлак, послать с ним нарочного способного офицера из морских, инженерных или гарнизонных и приказать ему все тамошние места с возможным радением и прилежностью, однако ж, не вдаваясь в излишнюю опасность от живущих там тухменцов, осмотреть и описать, а потом оному действительному статскому советнику Неронову о том и в Коллегию донести с приложением мнения, на каком основании такая крепость заведена быть может... (Опущена инструкция о выборе местности для постройки крепости на Мангышлаке.)

В протчем Коллегия иностранных дел за нужную находит Правительствующему сенату и такое еще свое разсуждение при сем же случае донести, что если бы сомнение возымелось по воспоследуемому при сих распоряжениях по большой части обращению азиатской коммерции в сие место и, следовательно, в Астрахань, к умалению происходящей с азианами ж в Оренбурге, где получаемая от того прибыль чрез пошлину, сколько известно, назначена и определена на многие тамошние нужные расходы, в таком случае, кажется, не невозможно будет толикое число доходов токмо по Оренбургской губернии будет определить на оную из получаемых пошлин [97] с сего новоучрежденного торгового, о чем однако же в свое время точнее разсуждать будет можно толь наипаче, что хотя б сия вновь заводимая крепость торгом и в самом деле по здешнему желанию усилилась, только во оную приезд быть может по способности из Хивы и Бухарии, а чрез них и из дальних позади сих областей лежащих мест. Но что касается до обоих киргиз-кайсацких орд, также ташкентцев и туркестанцев, то нечаятельно, чтоб они отстали от торгов в Оренбурге и в Троицкой крепости, будучи для них ближе, а потому и способнее ездить в сии оба города, сколько б киргиз-кайсаки ни препятствовали... И как предписанные в доношении Коллегии иностранных дел места осмотреть и описать не только на нынешней, но и на будущей случай весьма нужно, то вашему императорскому величеству Сенат всеподданнейше представляет, что по разсуждению Сената надлежит для осмотра и описи на восточном берегу Каспийского моря Мангышлакского мыса и тамошних околичностей и приискания удобного места к заведению крепости астраханскому губернатору будущей весною на морском судне отправить знающего и надежного человека по рассмотрению своему, которого и надлежащим наставлением по сведению тамошних обстоятельств снабдить ему, губернатору, потребным же числом для того дела офицерами удовлетворить... По окончании теми посланными осмотра и описи астраханскому губернатору обстоятельно представить о том в Сенат, приложив при том мнение, где именно крепость заведена быть может и во что строение

оной стать может, також коликое число во оной гарнизона содержать и откуда его правиантом и протчим потребным довольствовать должно, чему подлежащие планы, профили и сметы прислать же.

Всемиловитейшая государыня! Сенат всеподданейше просит о том вашего императорского величества высочайшего указу.

Подлинной за подписанием Правительствующего сената.

Резолюция Екатерины II: «Коллегии иностранных дел снести с Адмиралтейской в отправлении сих людей по сношении с генералом фельдцейхмейстером» (Указ Екатерины II Адмиралтейств коллегии от 16 октября 1763 г. об организации экспедиции для описания восточного побережья Каспийского моря см. ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 3, д. 5, лл. 37—38. В протоколе Адмиралтейств-коллегии от 3 ноября 1763 г. написано: «Для исправления вышепомянутого... дела от Адмиралтейской коллегии командировать из Кронштадта штурманов поруческого рангу Ивана Панина, прапорщичьяго Ивана Матвеева». В том же протоколе говорится: «По посланному от Коллегии октября 6-го числа сего году в Казанскую адмиралтейскую контору указу велено в Астрахань вместо положенных по штату трех шняв зделать три ж корабельные бота и потребные на то леса приуготовить наступающею зимою». ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 3, д. 5, лл. 47—48)).

ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 3, д. 5, лл 39—46.

Заверенная копия.

№ 54

Из доклада Адмиралтейств-коллегии Екатерине II о командировании офицеров для описания восточного побережья Каспийского моря

17 ноября 1763 г.

Коллегия, получа сие высочайшее повеление (См. док. № 53), определила командировать из морских двух офицеров. О чем Коллегии иностранных дел и генералу фельдцейхмейстеру (Имеется в виду генерал-фельдцейхмейстер Вилбоа) знать дано. А притом вашему [98] императорскому величеству Адмиралтейская коллегия всеподданейше представляет: по карте Каспийского моря по восточному берегу значит[ся] несколько островов, о которых весьма нужно ведать, нет ли и из них способных к поселению людей или для построения крепостцы для произведения коммерции. И для того оному восточному берегу и островам даже до персидских границ надлежит учинить аккуратное описание чрез особливую экспедицию, а которые по сие число и есть, на тех утвердиться не можно, употребля к тому для всякой предосторожности суда, вооруженные с несколькою воинскою командою. Но как в сие дело без имянного вашего императорского величества указу Коллегия вступить не может и не знав обстоятельства, в каком находятся тамошние владетели, то об оном всеподданнейше докладывает, всенижайше прося, буде то высочайшей вашего императорского величества апробации удостоиться, не повелите ли о том с иностранною вашего императорского величества коллегию конференцию иметь, от которой все к тому надобные известия получить будет можно.

Павел Семен Мордвинов
Граф И. Чернышев
Григорий Спиридонов
Иван Рамбур

Резолюция генерал-адмирала Павла Петровича: «Быть по сему»

ЦГАВМФ, ф 227, д 19, лл 43—44

Подлинник.

Из указа Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору Н. Бекетову о посылке экспедиции для обследования восточного побережья Каспийского моря, о взаимоотношениях с туркменами и развитии торговли с Хивой и Бухарой (Документ с сокращениями опубликован в журн. «Красный архив», 1939, № 2, стр. 247—250)

18 декабря 1763 г.

Из приложенных при сем копий (Опущены сведения о канцелярской переписке) ... вы обстоятельно усмотрите о принятом здесь пред сим и доньне продолжаемом намерении и желании восстановить и сколько возможно, отвращая все препятствия, учредить порядочную и непрерывную с азиатскими областями, как-то, с Бухарией и Хивою коммерцию и что по уважении всех с ним сколько важным, столько и полезным предметом соединенных обстоятельств находятся ближайшим и удобнейшим к тому способом построения на восточном берегу Каспийского моря крепости в таком месте, дабы и суда здешние при оной надежно приставить, да и азиатския купцы безопасной туда проезд иметь могли независимо от киргискайсацкого, как варварского народа, которой, располагая своим кочевьем по пути азиатских купцов, к Оренбургской губернии ведущему, всегда в том делает препятствие...

[89] Вы, отправляя инженер-майора Ладыженского (Инженер-майор Ладыженский, ездивший в 1764 г. к восточному берегу Каспийского моря, оставил журнал своего плавания, хранящийся в АВПР, ф. «Трухменские дела», оп. 133/3, 1763—1767 гг., д. 2, лл. 187—269.) и протчих для осмотра восточного берега Каспийского моря определенных, имеете им о всем вышеписанном предписать с тем, чтоб они, когда нужда дойдет до осмотра всего берега, хотя в Астрабатской залив и выезжали, буде бы надобно было оной осмотреть, для приведения в лутчую исправность настоящей Каспийского моря карты, но в самой тамошней близости места под крепость не выбирали для минования могущих из того со временем произойти затруднительств не только с персичкою стороною, но и с портою Отоманскою, которая только напрасное подозрение возыметь принуждена была б. Сверх того, надобно, сколько возможно, стараться и с тамошними обывателями трухменцами обходиться ласково, объявляя им, что как напредь сего сами они, трухменцы, да и ханы хивинския просили об учреждении с ними торгу, имея в оном нужду, особливо для получения хлеба из Астрахани, в чем известным образом они недостаток претерпевают, для того по высочайшему ея императорского величества указу и отправлена сия экспедиция, чтоб приискать удобное место к пристанищу судам, при котором бы такой торг установлен быть мог, но что намерение принято заложить на тамошнем берегу крепость, о том им не объявлять, дабы не возбудить в них преждевременного подозрения и страха и не напаятовать им примера князя Бековича-Черкасского. Равным образом, буде где на тамошнем берегу случатся хивинцы, бухарцы или другия городовые азиане, им также не больше о намерении сей экспедиции сказывать надобно.

Трухменцы, будучи народ несообразительной и один старшина другому отнюдь не подначальной - мною в сем деле успеху быть может, естли несколько из таких старшин приласкаются к здешней стороне, в чем, по их убожеству и лакомству, почти и сомнения не остается, для чего и отправить притом для подарков им и трактования вещей казенных и муки рублей до тысячи; они хотя б другие и не хотели, сами сделаются в надежде больших подарков вожаками и показателями тамошних мест и вод. Но если бы трухменцы, как народ неукротимой и легкомысленной, по учиненном им таком уведомлении и некотором приласкании, однако ж стали делать супротивление и не допускать тамошние места осматривать, тогда можно будет против их употребить и силу, будучи для того уже определено отправить из Астрахани и довольной конвой, а к тому не излишне быть иметь послать и несколько полковых пушек, чтоб оные тою командою в бытность их по берегам употребляемы быть могли, и трухменцы при явном сопротивлении толь лутчей отпор находит, а при оказываемом от них доброхотстве меньше поползновения иметь могли к подыскам и коварствам, буде и уже

издавна во всех кочевых азиатских народах вкоренен великой страх от пушек.

При всем том Коллегия иностранных дел за нужно признает, что наперед разведено было, не найдутся ли из живущих в Астрахане трухменцов, хивинцов и бухарцов таких, которые о тамошних мест положениях и где пресная вода быть может, довольное сведение имели, и могли в сем случае послужить проводниками, каковых для указания оных мест и толь лутчаго уверения тамошних жителей трухменцов о безопасности и отправить может, учиня некоторое небольшое на подъем награждение, а обнадежа большим при случае успеха, но не объявляя, однако ж, и им прямо о принятом намерении тамошней стороны крепость заложить. Само собою разумеется, что и толмачей нескольких [100] человек из лутчих и надежнейших при том же отправить будет надобно, также с дачею на проезд жалования.

Крепость на тамошнем берегу назначена быть имеет, смотря по тому, коль удобно к тому месту приищется, и какая потребуются укрепления по состоянию тамошняго положения и народа, однако ж, как по отдалению оной от всех здешних жилищ надобно будет содержать в оной гарнизон немалой и иметь место для запасного провианта, также и для складки товаров, то и сие все при том в разсуждение принято быть долженствует, о чем вы равномерно предписать будете должны и инженер-майору Ладыженскому, отправляя его по возвращении из сей экспедиции и по учинении им плана и сметы крепости, со всем тем и с вашим о том же мнением сюда для лутчаго в сем деле изъяснения ... (Опущены сведения о Моздоке)

Князь Александр Голицын

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1763—1767 гг., оп 133/3, д 2, лл. 62—70 об.

Подлинник (Копия документа хранится в ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 3, д 5, лл 71—78.)

№ 56

Письмо астраханского губернатора Н. Бекетова туркменским старшинам по поводу отправления экспедиции М. Ладыженского для исследования побережья Каспийского моря

11 января 1764 г.

Почтенные господа трухменские старшины! При сем случае имею вам объявить, что в прошедших пред сим годах, как вы, трухменские старшины, так и хивинские ханы, неоднократно прошения свои ея императорскому величеству всемилостивейшей государыни приносили о возстановлении при Мангышлакской пристани с вами, также и с хивинцами и бухарцами торгу, и ея императорское величество всемилостивейшая государыня из высочайшей своей милости, снисходя ко всему трухменскому народу, высочайше соизволила повелеть для осмотру удобного места к пристани для лутчего и безопасного возстановления со всем трухменским народом и протчими азиатскими купцами торгу к большей вашей надобности и общей пользы отправить нарочного высокопочтенного господина майора Ладыженского на мореходном судне, по прибытии которого ваше почтение во исполнение высочайшего ея императорского величества соизволения имеете в касающихся по сему делу надобностях по требованию ево, господина майора, учинить ему дружеское вспоможение и никакого препятствия в том порученном яко общем деле ему не оказывать, напротив чего ея императорского величества высочайшею милостью вы оставлены не будете как по случаю ваших потребностей, и я всякое возможение вам угодное оказать не премину, в чем, уверяя, пребуду ея императорского величества всероссийской всемилостивейшей государыни.

Генерал-майор и астраханской губернатор Никита Бекетов

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1763—1767 гг.,

оп. 133/3, д. 2, л. 129.

Копия.

[101] № 57

Резолюция и. о. астраханского губернатора М. Лебедева об экспедиции Ладыженского

и свободном пропуске купцов из Астрахани на Мангышлак

25 мая 1764 г.

Минувшего апреля 28-го дня посланными к бывшему в Астрахани господину капитану над портом Токмачеву и в Астраханскую портовую таможенную указам велено по притчине отправляющейся по указам Правительствующего сената и Государственных иностранных дел и адмиралтейской коллегии в Каспийское море к мангышлакским трухменским берегам для описи тамошних мест на трех морских судах повеленной экспедиции, которая тогда по отправлению приготавливалась, дабы об ней за границей чрез купцов прежде прибытия ведомо не было и не учинилось от тамошнего народа во исполнение остановки; находящихся в Астрахани и других купцов отпуском из Астрахани в мангышлакские берега на судах и на малых расшивах (*Расшива — большое парусное плоскодонное судно*) и лодках удерживать до возвращения из Санкт-Петербурга в Астрахань господина генерал-майора и астраханского губернатора Бекетова. А понеже вышепоказанная экспедиция к тем мангышлакским берегам сего мая 20-го дня действительно отправилась, в таком случае и отпуском туда купцов до прибытия сего господина генерал-майора и губернатора, яко не на малое время к могущему быть из того им огорчению, удерживать нужды не стоит и в рассуждении того приказал к Астраханскому порту и в портовую таможенную паки послать указы, коими велеть объявленных хивинских и других купцов с товары, заплатя указанную пошлину, и с надлежащими от губернии пашпортами из Астрахани в мангышлакские берега на морских судах и расшивах пропускать по-прежнему без задержания.

Полковник Михаил Лебедев

ГААО, ф 394, оп. 4, д. 149, лл. 195—195 об.

Подлинник.

№ 58

Из рапорта исполняющего обязанности астраханского губернатора М. Лебедева в Адмиралтейств-коллегию о снаряжении экспедиции М. Ладыженского, И. В. Токмачева и Панина для обследования восточного побережья Каспийского моря

29 мая 1764 г.

От 19-го числа сего мая оной Государственной Адмиралтейской коллегии от меня донесено (*Документы не публикуются*), что по указам её императорского величества из Правительствующего сената и из Государственных иностранных дел и адмиралтейской коллегии для описания Мангышлакского мыса и тамошних околичностей и приискания удобного к поселению места повеленная экспедиция и при оной командированные господин [102] капитан над портом Токмачев и господин инженер-майор Ладыженский с морскими и военнослужителями на взятых у астраханских купцов в астраханское адмиралтейство морских трех судах от астраханского порта сего ж мая 11-го дня к банку (*Банк — подводная отмель, мешающая плаванию судов На Каспийском море это название употреблялось также в значении русло, фарватер, устье, вход*) отправились, а 23 мая ж присланным из банка от него капитана Токмачева рапортом донесено, что он ко исполнению высочайшего её императорского величества именного повеления к порученному делу на приуготовленных из найма купецких двух галиотах, с командою и конвоем, также на шхоуте и расшиве штурман Панин в поведенной путь от четырехбугорной бранд-вахты (*Брандвахта — военное сторожевое судно перед морским портом или гаванью*) в море мая 20-го числа благополучно отправились, какова ж о учинении той описи и о протчей притом предосторожности в силе указов её императорского величества из Государственных иностранных дел и адмиралтейской коллегии по определению господина генерал-майора и астраханского губернатора Бекетова означенному господину инженер-майору Ладыженскому дана инструкция (*Согласно этой*

инструкции, экспедиция должна была обследовать восточный берег Каспия от Мангышлака до Астрабадского залива. АВПР, ф. «Трухменские дела», 1763—1767 гг., оп. 133/3, д 2, лл. 120—128.). Со оной для точнейшего и согласного исполнения и господину капитану над портом Токмачеву сообщена копия; а сколько во оную экспедицию команды морских, воинских и протчих чинов употреблено и какой от астраханского адмиралтейства на оных морской трактament определен на шестимесячное время и сколько при той воинской команде ружья, мундира и амуниции, артиллерии с ее принадлежностями отпущено, об оном с подданных ведомостей и списков для известия Государственной адмиралтейской коллегии всепокорнейше включаются при сем копии... (Опущены сведения о расходах по снаряжению экспедиции.)

Полковник Михайло Лебедев

ЦГАВМФ ф 212, оп. 3, д 5, лл. 151—155 об.

Подлинник.

№ 59

Из рапорта М. Ладыженского астраханскому губернатору о результатах обследования северо-восточного побережья Каспия (Журналы экспедиции М. Ладыженского (АВПР, ф. «Трухменские дела», оп 133/3, 1763—1767 гг, д. 2, лл 187—269), И. Токмачева и штурмана Панина (там же, л. 488—499) в сборник не включены, так как в них в основном описываются морские глубины, направление ветра и рельеф восточного побережья Каспия)

20 июня 1764г.

По отправлении меня из Астрахани с командою на морских судах выехавши за Ярковский банк за противною погодою простояли по 20-е число мая, а как скоро того числа ветер способным сделался, то, не мешкав, отправились к четырем буграм. 21-го числа за переменившейся противною погодою, миновав четыре бугра, стали на якорь и простояли по 25-е число, а того 25-го числа в восьмом часу пополудни сделался благополучной весьма тихий ветерок. Мы подняли якорь, шли до 11-го часа, в котором сделалась великая тишина, почему и стали опять на якорь и простояли по 28-е число, а того числа в 11-м часу пополудни при благополучном, но тихом ветре снялись с якоря и, отошед мили три, за переменившимся ветром стали опять на якорь и простояли июня по третье число, а того числа пополудни в первом часу при хорошем и благополучном ветре снялись с якоря и пошли [103] прямо к Кулалам и в восемь часов пополудни в полумили от острова Кулалов и в виду Тюк-Караганского мыса стали на якорь, осмотрев Кулалинский остров и нашед ево к человеческому обитанию неудобным, потому что на нем ни лесу, кроме жидовиннику, ни травы, ни земли, ни воды пресной нет, а только мятая и целая ракушка, как видно морскими волнами нанесенная, а сверх сего не нашлось и того залива, который на карте подавал надежду к пристанищу судам. Июня 9-го числа в 12 часов, снявшись с якоря, пошли к Мангышлаку и 10-го числа пополудни, в первом часу прибыв к Мангышлаку и зашед за косу в пристань против камня, по-трухменски Сарташ называемого, стали на якорю. О происхождении с подлым, вероломным, своевольным беззаконием и беспутным народом подробно писать короткость времени не дозволяет, а только то и имею честь вашему превосходительству донести, что по отдаче писем четырем старшинам, кои были при дворе (ибо на одном здешнем месте 24 старшины явилось), и не могши на обещание их положиться, заманил, обещая тем, кто пойдет в аманаты, по кулю муки, семь человек, потому, что они аманатов головою давать не хотели, а требовали еще от меня с судна русских человек шесть в аманаты 16-го числа отважился на берег выйти без пушек, которых с ящиками за тягостью и за неудобностью людьми на те высокие и крутые горы таскать было никак невозможно, вышед на косу и протянув линию, пелинговал все нужные места, снял высоту горы, но, отошед от берега слишком на версту, а от судна на две версты, покушался взайтить на гору, но за крутостью и дальностью обхода, також опасаясь собравшегося трухменского народа верхами с саблями и топорками более двухсот человек, окружающих

меня, на гору не пошел и, идучи обратно к берегу, переводчик и толмач услышали от хивинского купца, которой, пришед с товаром, ожидает купецких судов что на горе было до 300 человек с ружьем, да и от окружающих меня слышен был спор: одни говорили, видя что я пошел назад, «мы-де хотя своих человек десять потеряем, а их возьмем всех», а другие, опасаясь ещё на лодках людей или помощи с судов, их от того удерживали, старшин своих никого в бытность мою на берегу не пустили и кричали, что оне «все старшины и ежели -де хотите в том увериться, что мы всех старшин в мелкие части при вас изрубим, мы-де знаем, что вы хотите здесь крепость строить». И так сожалея о том, что такой бестии в приласкание прежде дал для всего народа пятьдесят кулей муки да четырем старшинам по пяти аршин сукна, принужден на судно возвратиться, о положении места и протчих удобствах ваше превосходительство уверяю, что в Мангышлаке поселению быть не можно, горы от подошвы до верху меловые, а на поверхности песок и кремень и изредка растет полынь. Дерну нет, земли нет, лесу и камыша на всем северном берегу оного места головою нет же, колодези от берегу весьма далеко и в тех солодовья вода, а только в версте от моря в ущелике есть яма, в которой снеговая и дождевая вода держится, но на такую воду полагаться не можно. Оной воды имею я, чтоб для показания вашему превосходительству. 18-го числа вытянулись и с косы, чтоб быть в готовности далее к походу, и ожидаем теперь благополучного ветра. Об упомянутом в инструкции урочище Кара-Акын доношу, что, один старшина Карабатыр и еще другой трухменец Агсак-мулла обещали указать и еще урочище, Сеуря называемое, но как их взбунтовавшийся народ не допустил, то надеюсь, что они при оных урочищах от народа тайно там меня ожидать будут и сделают знак; в протчем имею честь вашему превосходительству донести, что команда обстоит благополучно, только один самарского полку гранодир (Гренадер) болен лихорадкою, [104] а из данных мне провожаков одного татарина Кадыржана отправил на шкоуте с штурманом Паниным, а другого татарина Казана осмелился по общему согласию с капитаном над портом, ныне при окази на тюленьем судне купца Мошкова отправить в Астрахань для того, что он уже возможную службу свою отправил и в Мангышлаке неоднократно к старшинам был посылан, а далее он нигде не годится, потому что кроме Мангышлакской пристани он нигде не бывал; а к тому ж по-русски не знает ни слова и в случае нужном за болезнью переводчика и толмача с ним никакого успеха быть не может, чего ради для лутчаго успеха взять по согласию ж с господином капитаном над портом, на место ево астраханский татарин Шабан-Мустаев, который бывал и в Балхане, а притом по-русски знает не хуже толмача.

Инженер-майор Михаил Ладыженской

АВПР, ф «Трухменские дела», 1763—1767 гг.,

оп. 133/3, д. 2, лл. 145—146 об.

Копия.

№ 60

Письмо мангышлакских туркмен астраханскому губернатору о расширении торговли и освобождении их товаров от таможенных пошлин

11 сентября 1764 г.

(Дата получения; на документе дата: «сафара 10-го числа»)

Ея императорского величества отправленную милостивейшую грамоту мы, четыре рода трухменские старшины, получить удостоились, по которому исполнять должны, а понеже и наперед сего по указу от прежних же российских государей из Астрахани в Мангышлак суда отправлялися и приставали оные в местечке в Ак-Чакыле и оттуда отцы и деды наши находящихся на оных судах караванщиков и купцов до Хивы и оттуда обратно сохранно провожали и за то получали те деды и отцы наши от российских государей жалование, а ныне ещё определено по-прежнему отпускать к нам судов, за что мы всемилостивейшей государыни

всенижайшее наше благодарение приносим и просим в силу высочайшего указа к нам отправлять судов в году по два раза и еще бог да поможет находящихся на оных судах купцов куда надлежит, так и обратно имеем мы выпроводить и зато надежно мы получим ея императорского величества жалование, а до сего времени были мы четыре рода тухменцы, а ныне пятый род, называемый арабачи, с нами к тому согласны учинились и приезжающих на судах российских купцов куда надлежит сохранно выпроводить обще подписались точно, но не ожидают к себе высочайшего ея императорского величества жалования.

При сем находящиеся в службе ея императорского величества мы, мангышлакские старшины четыре рода, вас, господина генерала 11 астраханской губернии губернатора, покорнейше просим в нынешнем году от следующих наших купцов с их товаров пошлину и протчих податей не брать. Когда же от местечка Ак-Чахыля отправлено будет судно, то на оном судне определить толмачом татарина Кадыржана, ибо оной татарин нашего обыкновения довольно знает.

АВПР, ф. «Тухменские дела», 1763—1767 гг., оп. 133/3, д. 2, лл. 162—164.

Перевод с туркменского.

[105] № 61

Рапорт И. В. Токмачева в Адмиралтейств-коллегию об обследовании восточного побережья Каспийского моря

25 сентября 1764 г

Из учрежденной по высочайшему ея императорского величества повелению секретной экспедиции по описи восточных берегов левой стороны я на препорученных мне взятых из найму у здешних купцов двух галиотах — «Санкт-Павел» и «Санкт-Петр» возвратился к порту благополучно; а начата первая опись с Кулалинских островов, а потом описан обще с третьим судном шхоутом «Санкт-Петр» и разшивою мангышлакский залив, а по описанию одного тот шхоут и разшива со штурманом Паниным послан от меня к описи особо до реки Яика и сколько им, Паниным, описано, о том по возвращении ево в Астрахань сего сентября 11-го дня от здешнего порта репортовано (Документ не публикуется), а я с двумя галиотами описывал на Каспийском море восточные берега левую сторону, даже и весь Балханский залив с лежащими при нем Нефтяным и Огурчинским и с прочими малыми островами, а оттуда следовало б идти описывать до персических границ к Астрабадскому заливу, но по причине оказавшейся на служителях многих по тамошнему худому воздуху цынготной болезни, коею как я сам тяжко, так и при мне находящиеся обер- и унтер-офицеры и рядовые служители, всего на обоих галиотах до шестьдесят девяти человек, заражено, от чего немало и померло да описано было, чтоб еще и далее людей тем заразиться не могло, к тому ж и пресной воды осталось мало и того для, учиня консилиум, возымел с теми двумя галиотами следствие к Астрахани минувшего августа с 26-го числа и прибыли к четырехбугорной брант-вахте сего ж сентября 22-го числа и по осмотре от учрежденного здесь при море карантинной заставы за вышепоказанную тяжкою моею болезнью с судна сбежал в Астрахань, а потом и все больные служители свезены ж, и в команду я вступил по-прежнему, а те обои галиоты со оставшими на них здоровыми людьми следуют к Астрахани, а каких сколько чинов померло, а также и всех больных имеется и осталось здоровых, о том по прибытии обоих галиотов к порту имеет быть послана в Государственную адмиралтейскую коллегию ведомость. Также и что точно описано, о том я об отысканной мною вновь у тех берегов весьма удобной гавани, коя отстоит, прошедши Александр-бай, в Киндерлинской бухте, при которой имеется пространство к вводу и стоянию судам не только купецким, но и военным, ибо глубина воды вход в нее четыре сажени, а и в ней не менее четырех и пяти сажен и грунты имеются белые иловатые, а в редких местах самой мелкой песок, о которой гавани с протчим описанием по свободе моей и бывших со мною при описи офицеров от болезни обстоятельно обо всем журнал и карты во оную Коллегию

присланы быть имеют же.

Капитан над портом Толмачев

ЦГАВМФ, ф 212, оп 3, д 5, лл 174—174 об
Подлинник.

[106] № 62

**Прошение астраханского купца Л. Иванова в губернскую канцелярию об отпуске муки
для продажи мангышлакским туркменам**

5 октября 1764 г.

Желаю я, именованный, отпустить из Астрахани на мореходном своем судне галиоте «Санкт-Петр» по Каспийскому морю к левому берегу, к Мангышлакской пристани и к протчим тамошним местам муки ржаной, которая продается из астраханских магазинов, купя шестьсот мешков, да пшеничной пятьсот мешков, которая собственная моя и не в числе нынешней продажной в купечестве муки и с протчими товарами с платежом указанных пошлин, и дабы высочайшим е[я] и[мператорского] в[еличества] указом повелено было показанное судно с мукою и товарами в показанные места отпустить, и о погрузке в то судно муки и протчего товару в портовую таможенную послать указ и о том милостивое решение учинить.

Лаврентий Иванов

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 2518, л. 30
Подлинник.

№ 63

**Из указа Астраханской губернской канцелярии о пропуске судна
Л. Иванова с хлебом к Мангышлаку**

9 октября 1764 г.

По указу е[я] и[мператорского] в[еличества] Астраханская губернская канцелярия, слушав доношение, поданного от астраханского купца и шелковых фабрик содержателя Лаврентия Иванова, в котором написано (Об этом см. док. № 62), что желает он отпустить из Астрахани на мореходном своем судне галиоте «Санкт-Петр» к левому берегу Каспийского моря до Мангышлакской пристани и до протчих тамошних мест муки ржаной, которая продается из астраханских магазинов, купя шестьсот, да собственной ево пшеничной пятьсот мешков, которая -де не в числе нынешней проданной в купечестве муки и протчими товарами с платежом указанных пошлин и просит с тем доношением, дабы повелено было оное судно с мукою и товарами в показанные места отпустить и о нагрузке в то судно муки и протчего товару в портовую таможенную послать указ.

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 2533, лл. 167—171.
Подлинник

№ 64

**Письмо старшин прикаспийских туркмен Н. А. Бекетову с просьбой о присылке
торговых судов в Красноводский залив**

23 октября 1764 г.

По поздравлении вашего превосходительства чрез сие доносим, что писанного к нам письма вашего мы приятно получили, которого приняли весьма за благо; то ж и господином майором и все мы, [107] старшины, много довольны и по усмотрению ево Красную Воду ему отдали, а во время приезда к нам судов и на оных судах находящихся купцов, как до Бухары, так до Хивы, и обратно провожать будем а при том мангышлакских старшин впредь чем презентовать будете, тем и нас не оставлять и оное почитать будем за вашу к нам благоприятность.

У подлинного письма на обороте вместо печати два кружочка, а в них написаны имена: Тяко-мулла Кады Суфи да Инаклы-ших

АВПР, ф. «Трухменские дела» 1763—1767 гг., оп. 133/3, д. 2, л. 306
Перевод с туркменского

№ 65

Письмо старшин мангышлакских туркмен Екатерине II об их готовности содействовать торговле России со Средней Азией

23 октября 1764 г.

По поздравлении вашего императорского величества сим рабски доносим, отправленная грамота вашего императорского величества с господином майором нам подана, которую, получа, как мы и напредь с его бывшие у двора вашего императорского величества 4 человека старшины, так и протчие наши верно живущие люди, имели себя тем много порадовать, а понеже во время того нашего бытья у двора вашего императорского величества нам объявлено, что будут отправлены к нам в Мангышлак (Сарыдашскую) пристань суда в году два раза и в то б время нам чинить всякое воспомоществование и прибывших купцов из Бухары и из Хивы индейцов (Индусов) и трухменцов на оных судах, куда надлежит, отправлять, и по оному повелению вашего императорского величества чиним нижайшее исполнение.

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1763-1767 гг., оп. 133/3, д. 2 / 302
Перевод с туркменского

№ 66

Письмо туркменских старшин Екатерине II о враждебных действиях Нурали-хана против туркмен, принятии их в подданство России и о сооружении укрепления на Мангышлаке (Документ в несколько иной редакции опубликован в журн. «Красный архив», т. 2 1939 г., стр. 250—251)

6 мая 1767 г.

Вашему императорскому величеству доносим мы, четыре человека, старшины Канбарбек, Суергап-бек, Карабатырь, Нияз Батырь, что напредь сего российскому монарху учинили мы присягу в том, что [108] приезжающие из Астрахани в Хиву и в Бухарию караваны тож и оттуда приезжающих провожать, однако следующий из Оренбурга в Хиву в шестистах верблюдах караван разбили да еще ныне, услыша Нурали хан (Нурали-хан — сын Абулхаира-хана киргиз-кайсаков, был возведен в ханское достоинство в 1749 г., в 1785 г. лишен ханского звания из-за слабого управления. В 1790 г. киргиз-кайсаками управляло народное собрание. В 1791 г. ханом был провозглашен брат Нурали — Ерали. После смерти Ерали-хана ханом был брат Нурали — Айчувак (примечание в документе).) о следующем из Астрахани в Хиву караване в пятистах верблюдах, прислал к нам брата своего Айчувака с двумя сыновьями да Карабай судью с четырьмя тысячами человеками требовать того каравана об отдаче ему, выговаривая, что якобы они с Россиею имеют ссору, а инако приказано от Нурали все наши юрты изрубить.

Однако мы того купеческого товара не дали. Потом киргис-кайсаки с нами учинили баталию, однако мы их победили и тысячу человек из них побили до смерти, а двести человек взяли в полон, между которых были из начальствующих Карапоай судья, Надер Мухаммед-бек, Сеит-бек, Яман-батырь, а достальные по прибытии из того войска на свой киргис-кайсацкой юрт посланником прислали к нам Акхаджи для мира, напротиву чего им послали же к ним с таким ответом, что как о нашем мире, так и ссоре нашей вольно всемилостивейшей государыне, понеже как оренбургская, так и хивинская дорога кайсаками отсеклась; ежели желаете подобно Оренбургу город строить и нас принять в подданство, наискорейше просим отправить судно. А как не безызвестно, что в жизнь Надыр-шаха (Надир-хан родился в 1688 г. в Хорасане. Отец его занимался шитьем бараньих кожухов. Будучи атаманом разбойничьей шайки, убил и своего дядю — начальника крепости Келат, присоединил келатское войско к своему и освободил Персию в 1730 г. от афганцев. В результате успешной войны с турками присоединил к Персии по миру 1735 г. Армению и Грузию. В 1736 г. избран персидским шахом. В 1738 г. покорил Индию. В 1740 г. одержал победу над Бухарой и Хивой. Вследствие жестокой политики Надир-шаха в войске его был составлен против него заговор, и Надир-шах был убит в 1747 г. военачальником Салих-беем (примечание в документе)) многие из тухменцев и из протчих мест пришли к нему в подданство, а мы его государем не знали, а знали только российского императора и послали четырех человек старшин, а ежели себя признаете нашим царем, а нас нарочным, то есть подданным, то поскорая для строения города пришлите людей.

А на выносе того оригинального письма пишет тако: «Мы, абдальские народы, отдав полномочие Мурат-беку Адаберды, при том из бурунджука Адна-менгли-беку, отправили оных трех человек посланниками».

А при окончании того оригинального письма на обороте четыре чернильные печати с именами оных старшин.

АВПР, ф. «Тухменские дела», 1763—1767 гг., оп. 133/3, д. 2, лл. 511—513.

Перевод с туркменского.

№ 67

Письмо туркменских старшин астраханскому губернатору о согласии отвести место для постройки укрепления на Мангышлаке и об отправлении туркменского посланника в Астрахань

12 июня 1767 г.

Почтеннейшему астраханскому губернатору и генералу-майору от нас, бурунджукских старшин, поздравление, а по поздравлении объявляем, что, будучи мы государыне верными, в такое состояние [109] пришли, ежели ныне о строении крепости государыни указ воспоследует.

Одно судно к нам пришлите; по желанию вашему, в котором месте такую крепость строить похотите, то место отведено будет, в чем мы, бурунджукские народы, с общего согласия старшины Мамеда Гельды Багадыря, брата Адна Менгли Багадыря, посланником отправили; о сем известно вам да будет.

На подлинном письме в начале и внизу приложены две чернильные печати, в которых имен разобрать не можно.

АВПР, ф. «Тухменские дела», 1763—1767 гг., оп. 133/3, д. 2, л. 518—518 об.

Перевод с туркменского.

№ 68

Из доклада Коллегии иностранных дел Екатерине II о туркменах восточного побережья Каспийского моря

17 августа 1767 г.

В Коллегию иностранных дел астраханской губернатор генерал-майор Бекетов от 12 июня сего 1767 года (Документ не обнаружен) представил о приезде в Астрахань присланных от старшин живущего на восточном берегу Каспийского моря при Мангышлакском мысе трухменского или туркоманского народа трех человек с прошением (См. док. № 67) на всевысочайшее вашего императорского величества имя о принятии их по причине происходящего им от киргис-кайсака притеснения в подданство вашего величества и о построении в их месте крепости.

С оного их прошения, также и с письма к губернатору от них, при сем всеподданнейше подносятся переводы.

Губернатор рассуждает, что хотя из принятия их в подданство вашего императорского величества никакой пользы быть не может, однако заведение в их месте крепости, распространению внешней астраханской коммерции много возспособствует.

Трухменцы держат закон магометанской и живут в кибитках так, как калмыки и другие кочевые народы, имея подобное им пропитание по большей части от скотоводства и звериной ловли, в протчем столь грубы, что ни же отцу от сына ни малейшего между ими нет послушания и потому, хотя старшинами и называются у них те, которые других старше или к предводительству при военных действиях других способнее, со всем тем не самого последнего ни к чему принудить не могут, а всякое дело зависит от общего соглашения. Напредь сего при Мангышлакском мысе и в околных местах трухменцов было очень много, но после того в разные времена и по разным обстоятельствам едва не все разошлись к Хиве и к другим в Великой Татарии (Великая Татария — архаичное название обширной территории от Нижнего Поволжья до Центральной Азии) лежащим областям и городам, которым иногда они своими набегами и воровством беспокойства причиняют, а иногда вступают и в их службу, как и Надир-шах персической великое их множество всегда в своем войске содержал...

Издавна уже в обычай вошло отправлять из Астрахани к Мангышлакскому мысу суда с хлебом для продажи трухменцам, на оных судах [110] до учреждения в Оренбурге с азианами коммерции, ежегодно многие бухарские и хивинские купцы с товарами в Астрахань переезжали и назад возвращались, как и ныне еще такие купцы, хотя не столь великим числом, иногда в сей город в приезде бывают же.

Крайняя находящаяся при Мангышлаке трухменцев бедность будучи, тамошние места, сколько по учиненным по ныне разведываниям известно, гористые, каменистые, малопожитные, а потому и к содержанию довольно числа скота неудобные, принудила их уже и пред сим 1744 году чрез нарочно присланных сюда просить о принятии в здешнее подданство (См. док. № 35), с домогательством, чтоб ежегодно отправляемо было к ним довольно количество хлеба, причем они представляли готовность, чтоб у них построена была и крепость, подавая надежду о вступлении в подданство и протчих вдали живущих трухменцев, когда о строении города слух пройдет.

По великому при самом Мангышлакском мысе в пресной воде недостатку, трухменцы, довольствуясь находящимися между гор немногими колодезями, в которых также воды мало, да и та не совсем пресная, они же летом, как и все другие кочевные народы, собственно для себя и нужды большой не имеют в воде, употребляя в такое время не только в пищу, но и от жажды молоко, а при том и по малому числу живущих там трухменцев, как, с одной стороны, никакой надежды не оставалось к удобному заведению на тамошнем берегу крепости, а с другой, из принятия их без того в подданство по неподручности их места немалой пользы быть не могло бы, так оное и в прошении со всем и уважено не было, но прямо им в том отказано.

Трухменцы, по варварскому своему состоянию не только не воздерживаясь при мене муки с приходящих к ним из Астрахани судов на свои товары от продерзостей и от ссор и драк

между собою и с находящимися на судах здешними людьми, покушаясь, их буде возможно и к себе в плен захватывать, и потому производя необходимость поступать с ними и притом с осторожностью и для того вдруг великим числом их на суда не пускать, не были умеренные и тогда, как прошение от них произошло о принятии их в здешнее подданство, ибо при отправлении сюда одними нарочных с таким прошением, другие с присланного за ними судна в то ж время людей пленить старались и по их стреляли.

Сие самое обстоятельство и что они попадающихся к ним пленников содержат у себя в неволе, не возвращая назад никогда ни по каким домогательствам и требованиям, и предъявлено им было препятствием снизойти на их прошение с обнадеживанием, однако, что если они, напротив того, с приезжающими к ним купцами будут поступать ласково и никаких нахальств, обид и непристойностей не [будут] чинить, желающих же из купцов ехать в Хиву и Бухарию не только свободно пропускать, но и всякое вспоможение оказывать, а находящихся у них пленников всех отпускают в Астрахань, так же и впредь каким бы образом к ним ни достались, а особливо ежели кому случится несчастье на море и принесены будут к трухменским берегам, всех отсылать будут в Астрахань, за что по рассмотрению тамошнего губернатора чинено будет им и награждение, в таком случае они и действительно в здешнее подданство приняты быть могут...

Посыланной нарочно в 1764 году для осмотра помянутого берега инженер-майор Ладыженской, который ныне в канцелярии опекунства иностранным советником, хотя около сего оного берега морем объехал и везде с крайним рачением примечал, но не только в Мангышлаке, но и по всему берегу удобного к заложению крепости по разным [111] неспособностям, а по большей части за недостатком пресной воды и за неимением гаваней к безопасному судам состоянию не нашел, кроме лежащего в Киндерлинском заливе острова, называемого Агыз, длиною с небольшим с версту, а шириною в самом широком месте меньше ста сажен, и к которому долгая и узкая коса от матери-земли, простираясь, делает пространную и безопасную гавань; вода ж и на сем острове, хотя не довольная, но пресная, есть в песке, в протчем оный остров по разведываниям в двенадцати только днях тихого хода от Хивы, а и от Астрахани недалеко будучи почти на середине между Мангышлакского мыса и персического города Астрабада, сомнения только такое при том помянутой Ладыженский представил, не поливается ли остров морскою иногда водою, яко низкой и песчаной...

Но как бы то ни было, пока не сыщется удобное на восточном берегу Каспийского моря место к заложению крепости, из принятия в подданство вашего императорского величества трухменцев не только при мангышлакском мысе живущих, но и всех при оном берегу располагающихся, по мнению Коллегии иностранных дел, никакой пользы быть не может.

Не будет ли потому вашему императорскому величеству высочайше угодно приехавших в Астрахань трухменцев повелеть отпустить обратно с выдачею им каждому под именем астраханского губернатора по прежним примерам из казенных вещей по цене рублей до пятидесяти, с таким от онаго же губернатора им объявлением и с письмом с ними к их старшинам отправляемым, что принятия их в подданство вашего императорского величества и построения по их желанию крепости, от которой они действительную пользу иметь могут, находя при оной убежище при опасных случаях и обогащаясь производимым при оной торгом зависит от собственного их же показания удобного к тому места, для чего губернатор может с ними отправить одного способного человека или и двух из находящихся в Астрахани магометан, чтоб меньшей от них при осмотре опасности подвержены были, нежели христиане, через которых и о настоящем трухменского народа состоянии и всех их обстоятельствах ближайшие сведения получено, а соображаясь с тем и дальнейшие меры приняты быть могут, ибо хотя б и не при самом берегу, а в небольшом только удалении пресная вода нашлась, или, по меньшей мере, такие влажные места, где надеяться можно сделать довольные колодези, всем тем воспользоваться было бы можно; остается только желать, чтоб трухменцы по-прежнему не воспрепятствовали осмотру, ежели между тем их обстоятельства переменятся, а потому и желание.

Но, чтоб в полезном и важном виде, с касающемся до отворения свободного пути течению азиатской коммерции и между тем все то, что к тому и сколько-нибудь служить может, не оставлено было без испытания, то ныне же за нужно рассуждается астраханскому губернатору препоручить, сысканному в Киндерлинском заливе советником Ладыженским острову Агызу, в каком оном состоянии находится, вновь осмотр учинить, чрез то ли самое судно, на котором тухменцы в Мангышлак отправятся, или, отправляя и прямо к оному и другое, к чему может быть из тамошних купцов и охотники найдутся, ибо иметь будут случай товары свои продать живущим там тухменцам.

Если бы оной остров по сему вторичному осмотру и совсем неудобным оказался к занятию и к укреплению, но потому, что тут находится гавань удобная и пресная, хотя и недовольная, вода есть, да и от Хивы не в дальнем расстоянии, и дорога от киргис-кайсака еще безопаснее, нежели к Мангышлаку, небесполезно, однако же, быть иметь завести тут торг с тухменцами и для того астраханским купцам [112] подтвердить, чтоб они больше туда, нежели к Мангышлаку, ездили. Весьма чаятельно, что хивинцы и бухарцы, как к купечеству склонные, сведаваго учрежденном в сем месте торге и о безопасности дороги, не преминут оною воспользоваться для переездов своих в Астрахань, а таким образом и без заложения в тамошней стороне крепости, азиатская коммерция независимо от киргис-кайсака ею временем зделаться может.

Н. Панин
К. А. Голицын

АВПР, ф. «Тухменские дела», 1745—1767 гг., оп. 133/3, д. 1, лл. 17—27 об.
Копия.

№ 69

Донесение астраханского обер-коменданта фон Розенберга в Коллегию иностранных дел о прибытии в Астрахань туркменских депутатов и желании мангышлакских туркмен принять подданство России

25 октября 1767 г.

Сего 1767 г. июня от 12-го дня оной Государственной коллегии иностранных дел от астраханского губернатора господина генерал-майора и кавалера Бекетова представлено (Документ не обнаружен) о прибытии морем сюда посланных от мангышлакских старшин и от абдальского народа поверенных татар трех человек Мурат-бека Одаберди и Однаменли-бека с письмом на высочайшее ея императорского величества имя и с другими на имя его, губернатора, коим они просят по причине происходимого им от киргис-кайсака притеснения о принятии их в подданство ея императорского величества и о построении в их месте крепости, а до получения на оное ея императорского величества указа реченные присланные поверенные оставить здесь в Астрахани с производением им кормовых денег каждому человеку по десяти копеек на день, а ныне означенные понесенные, не желая более здесь продолжаться, просили об отпуске их обратно в Мангышлак, но как на вышеписанное его губернатора представление никакой еще резолюции не последовало, в каком случае и оставлены они здесь по-прежнему. Того ради Государственную коллегию иностранных дел прошу на вышеозначенное его, губернатора, представление, и что со оными поверенными чинить, снабдить резолюцією (Документ без подписи).

АВПР, ф. «Тухменские дела», 1763—1767 гг., оп. 133/3, д. 2, лл. 529—529 об.

[113] № 70

Донесение астраханского губернатора в Коллегию иностранных дел об отправлении

туркменских депутатов в Мангышлак

10 мая 1768 г.

Прошлого 1767 г. июня от 12-го и октября от 25-го чисел (Документ не публикуется) Государственной коллегии иностранных дел от меня и от правившего здесь губернаторскую должность господина генерал-майора и астраханского обер-коменданта фон Розенберха (См. док. № 67, 69) дано знать о прибытии морем сюда посланных от мангышлакских старшин и от абдальского народа поверенных татар трех человек с письмом на всевысочайшее ея императорского величества имя и с другим на имя мое, коими они просят по притчине происходимого им от киргис-кайсака притеснения о принятии их в подданство ея императорского величества и о построении в их месте крепости, почему и прошено резолюции, но токмо её ещё не получено, однако ж до воспоследования оной реченным поверенным произродимы были здесь по сие время кормовые деньги, каждому человеку по десяти копеек на день, токмо они между тем, не желая в Астрахани продолжаться, неоднократно просили меня словесно об отпуске их обратно в Мангышлак, а напоследок ныне о том же подали мне письмо (Документ не публикуется) (которое во оригинале с переводом на рассмотрение прилагаю при сем), и потому принужден я оных поверенных татар, в минование казенного и них исходящего допоследования резолюции убытка, а паче, чтоб чрез удержание их здесь при нынешних обстоятельствах не сделать им огорчения и по отсутствию от них места крайнего разорения, отсюда из Астрахани обратно в Мангышлак на отходящем туда купецком судне отпустить со объявлением им, что какая резолюция получится, то тогда к их старшинам знать дано будет, во уверение чего к ним ныне ж от меня и писано, а чтоб они без благосклоннейшего знака с нашей стороны к ним благоприятства не отъехали, то дано им каждому на кафтан по семи аршин сукна из имеющегося в казне для таковых подарков, о чем, Государственной коллегии иностранных дел чрез сие сообщая, прошу на прежние представления резолюции.

Бекетов

АВПР, ф. «Туркменские дела», 1763—1767 гг., оп. 133/3, д 2, лл. 530 — 530 об.
Подлинник

№ 71

Письмо туркменского старшины Еген-бека Аталыка астраханскому губернатору о постройке крепости на Мангышлаке

28 сентября 1772 г.

По отдании моего низжайшего поклона дружески вашему высокому превосходительству я, Еген-бек Аталык, объявляю, а как сии мангышлацкие юрты состоят в числе ея величества юрта и також доброе имя [114] вашего во всех местах рассеяно, но на сем свете никто бессмертной не бывает, однако добродетельная поступка, так и худая, никогда из памяти человеческой не выходит, чего для вас просим всемилостивейшей государыне представить, чтоб соизволила повелеть построить в Мангышлаке город, тогда уже мангышлацкой, бухарской, хивинской и астрабадской ханы, все как под державою ея величества, так и под командою вашей быть имеют, тогда здешнее место полутче Оренбурга быть может, старших почитать будем большими, а молодых меньшими братьями, а Астрахань будет пристанищем нашим, егда ваши подвластные, заблуждая, придут, мы сыскивать и вспомогать должны, а когда наши братья и дети заблудятся, вы в сыске их поможете, ежели на сем месте город построится, то доброе имя ваше наипаче разгласится, и тако вашего высокого превосходительства просим в скорости оное город строением начать и благополучно окончить. Только бы бог вам дал доброе здоровье. Посланное ваше судно к нам прибыло, о чем наш

большой и малой народ весьма порадовались, а протчие наши слова донести изустно перепоручили Ага Юсупу.

У подлинного письма при окончании на обороте чернильная печать с именем онаго Еген-бека Аталыка.

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1763—1767 гг, оп. 133/3, д 2, лл 535—535 об
Перевод с туркменского

№ 72

Донесение астраханского губернатора в Коллегию иностранных дел о просьбе Еген-бека Аталыка соорудить крепость на Мангышлаке

5 октября 1772 г.

Минувшего сентября 28-го числа сего года получил я письмо от мангышлакского старшины Егенбека Аталыка, коим просит меня об исходатайствовании у ея императорского величества и построению в Мангышлаке города, а как не только оной, но и другие мангышлакские старшины прежде сего неоднократно об оном чинили прозьбы и тем ко мне почти непрестанную имеют доuku, в таком случае принужденным себя нахожу представить об оном вашему сиятельству, не угодно ль будет, то их требование принять во уважение, для чего оные письмо и перевод оригиналом при сем вашему сиятельству представляю и прошу, чем оное, по мнению вашего сиятельства, решить поведено будет, не оставить меня милостивым вашею сиятельства уведомлением, в протчем перепоручаю себя [в] непременною вашу милость, с глубочайшим моим почтением остаюсь.

Бекетов

АВПР, ф. «Трухменские дела», 1763—1767 гг., оп. 133/3, д. 2, л. 534.
Подлинник.

[115] № 73

Прошение туркменских старшин на имя Екатерины II о разрешении кочевать в калмыцких степях (26 июля 1778 г. аналогичное прошение туркменских старшин было подано и на имя астраханского губернатора И. В. Якоби. 15 декабря 1778 г. об этом прошении И. В. Якоби донес в Государственную коллегию иностранных дел; оба эти документа опубликованы в 1884 г. в статье Н. И. Веселовского «Первое подданство туркмен России». См. «Исторический вестник», т. XVI, 1884, № 1, стр. 300 — 306)

25 апреля 1776 г.

С начала нашего ис юрт наших назад тому ныне сто лет к е[го] императорскому величеству конаками, то есть гостями (Речь идет о большой группе мангышлакских туркмен, принявшей подданство России в 70-х гг. XVII в. Впоследствии эти туркмены были переселены из Мангышлака в Астраханские степи и переданы Петром I под управление калмыцкого хана Аюки), а последнему нашему выезду шестьдесят семь лет, находились мы при калмыцком Аюке-хане, коим образом тогда в бытность нашу при нем, хане, соизволением е[го] и[мператорского] в[еличества] государя императора Петра Великого губернскою канцелярией учинена всем состоящим при Калмыцкой орде калмыцкому пароду и протчему (кроме нас) перепись, а мы в числе конаков почтены, а в перепись не введены и с самого того времени, будучи вашего и. в. конаками, оказывали верные свои услуги и были на разных сражениях, во-первых, с сыном Аюки-хановым Жерен Дондуком для разорения киргис-кайсаков, во-вторых, во время Дондук-Омбо были на сражениях в Кубане с ногайцами, называемыми азмат, в-третьих, с ногайцами манлюбашцами, в-четвертых, с ногайцами, называемыми едишкульцами,

в-пятых, во время ханства Дондук Дашина были на сражении с кабардинцами, откуда и пригнали до несколько ногайцев, в-шестых, во время наместника ханства калмыцкого Убаши четыре раза ходили на Арслан-Бека, а ждую (Так в документе) и все его услуги употребляли мы к вашему императорскому величеству, не жалея нимало живота своего и, несмотря на своих однозаконцев, и напоследок уже наместник Убаши из-под власти Российской бежав и нас всех усиленно взял с собою, однако ж мы ушли обратно, за что оные калмыки как нас, так скот и имение наше разграбили, где отбили от нас сто тридцать дымов и увезли было с собою. Однако мы, желая остаться под покровительством вашего и[мператорского] в[еличества], лишась всего нашего мнения и положила за Россию некоторые свои головы, называя реку Волгу матерью, ушли сюда, в Астрахань, обратно. В следование наше кайсаками ограблены, причем жены и дети взяты в полон, кои тамо и остались, а по возвращении нашем нас, бедных тухменцев, прежде бывшей здесь астраханской губернатор господин Бекетов отослал кочевать под Кизлярскую крепость, где скот наш [гиб] от непрестанного комара, а из нас многие от тамошнего тяжелого и непривычного воздуха померли, почему мы просили его, господина губернатора, чтоб нам позволить находиться по-прежнему при Астрахани, но токмо на то дозволения [он] нам не дал, а какую погрешность учинили, того мы за собой не знаем, а потом просили мы бывшего здесь после него в Астрахани господина губернатора Петра Никитича Кречетникова аккуратно, чтоб нам дозволили кочевье иметь стоище с калмыцкими улусами по реке Волге, которой по прозьбе нашей во удовольствие до возвращения его из Москвы и дозволил. И мы с удовольствием остались; того ради ныне вашего императорского величества Астраханской губернской [116] канцелярии просим повелеть близ калмыцких улусов прикочевать, с которыми за благо рассмотреть соизволите с коими и кочевку иметь должны, и, тем мы будем довольны, ибо всего нашего бедного тухменского народа общества состоит, о пребывании по прежним нашим обрядам в протчем предаемся на рассмотрение вашего императорского величества. (Далее следуют подписи тринадцати туркменских старшин)

ГААО, ф. 819, оп. 1, д. 104, лл. 1—2.

Перевод с туркменского.

№ 74

Прошение купца С. Шарыпина астраханскому губернатору о разрешении отправить на Мангышлак суда с товарами туркменских и хивинских купцов

28 июля 1778 г.

Сего июля месяца по заключенному мною контракту с приезжающими сюда для купеческой торговли тухменцами и хивинцами желают оные погрузить и отпустить до Мангышлакской пристани на собственных моих мореходных судах галиоте «Санкт-Николай» и шкоуте «Санкт-Павел» разного звания российских и европейских товаров. Того ради вашего превосходительства покорнейше прошу, дабы повелено было о дозволении в вышеупомянутые мои суда для погрузки означенными тухменцами и хивинцами собственных их товаров к отпуску до Мангышлакской пристани. Астраханскую торговую таможню определить повелением и о сем моему доношению учинить милостивую резолюцию.

Стефан Шарыпин

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4758, л. 75.

Подлинник.

№ 75

Письмо астраханского губернатора Пирали-хану о снижении пошлин на товары среднеазиатских купцов, провозимых в Астрахань через Мангышлакский полуостров

(1778 г.)

Почтенный Пирали-хан тухменской! (Пирали был сыном казахского хана Нурали, который в 1767 г. подчинил своей власти туркмен Мангышлака. Пирали добивался у Екатерины II официального признания его ханом туркмен и принятия их в подданство России)

Дошло до меня известие от приезжающих через Мангышлакской мыс в Астрахань бухарских купцов, что вы, находясь ханом над живущими при помянутом мысе тухменцами, взыскивает с оных бухарских купцов под именем пошлины великие сборы при случае их проездов мимо вашего пребывания в империю здешнюю.

[117] Вы—сын такого отца, который, начальствуя над киргис-кайсацким народом, и с сим всем вообще народом, есть действительный подданный ея императорского величества, всемилостивейшей моей государыни, сверх того, он имеет счастье носить на себе с собственным родом своим и особенные монаршие милости, следовательно, по отце вашем Нурали-хане киргис-кайсацком ни вы от подданства здешнего отрешись не можете, в каких бы обстоятельствах ни были, ни же от того равным образом, чтоб щедроты ея императорского величества и до вас не распространялись.

И сего происходит для вас неминуемый долг и обязательство по вашей силе и возможности в потребных случаях ея императорскому величеству служить, соображаясь в том похвальному поведению отца вашего.

А как и всякое оказываемое пособие производимой в здешней империи бухарскими и другими азиатскими купцами для общей пользы торговли к высочайшей ея императорского величества благоугодности касаться может, то и почел за нужно чрез сие подать вам, почтенный хан, благонамеренный мой совет, чтоб вы возможно поступали умеренностью с такими купцами, при Мангышлакском мысе случающимися, и тем не затрудняли их приезда в державу ея императорского величества (В рапорте астраханского губернатора И. Якоби Екатерине II от 1778 г. о назначении специального писаря к Пирали-хану говорится, что наряду с другими обязанностями писарь должен был следить за развитием регулярной торговли между среднеазиатскими ханствами и Россией. В документе говорится «Проезжающим из Хивы и Бухар, а напротив того, и едущим туда из Астрахани купцам с товары, чтоб свободной пропуск чрез тухменский народ происходил, оного ему, абызу, присматривать и при случае каких-либо им остановок и обид попечение иметь ево, хана, уговаривать к воздержанию от того тухменского народа, представляя им от свободного проезда больше самим пользы, нежели они её иметь могут по происходящим от них притеснениям, доводя ему, что тем и совершенно совсем прибыли своей лишатца; и со здешней стороны себе они, и сам хан, благодеяния за какое ево в тухменском народе благоустройство и обнадёживать его высочайшею милостью и, какие от них купечеству обиды происходить станут, об оном ко мне писать напоследок». (АВПР, ф. «Туркменские дела», 1775—1778 гг., д. б/н., лл. 20—21 об.), следуя сему моему совету и чинимому по долгу звания моего требованию, окажете вы себя преданным к высочайшему ея императорского величества престолу, и в настоящем вашем состоянии и прямо пользующимся порученною вам от тухменцев властью, к снисканию себе вящих впредь преимуществ по всемилостивейшему ея императорского величества к вам обращаемому благоволению будучи главнейше от того зависимо сущее ваше благоденствие. (Документ без подписи)

АВПР, ф. «Тухменские дела», 1775—1778 гг., д. б/н., лл. 8—9 об.

Копия

№ 76

Из прошения туркменских купцов в Астраханскую губернскую канцелярию об отправлении их обратно на Мангышлак

20 июля 1780 г.

Мы, именованные, прибыли сюда из Мангышлака с нашими на небольшую сумму товарами в разные времена, яко то прошлого года осенью и нынешнюю весною, на разных мореходных судах, а именно: [118] астраханских купцов Захара Максимова, Ивана Иванова и бухарского посланника на боте, а коих месяцев и чисел того по иностранному нашему не можем, о чем, однако ж, астраханской портовой таможне о прибытии нашем, кто когда из нас и на чьем судне сюда прибыли, известно. И по окончании здесь нашей небольшой коммерции желали на российских же мореходных судах возвратиться паки в свое отечество. Но как отсюда в Мангышлак во отправлении судов долговременно не было, так по сему и продолжались мы здесь даже до сего времени бесплодно с получением себе чрез то продолжение напрасно немалого убытка. А как мы уведомились, что бухарского посланника мореходное судно, именуемое бот, отправляется ныне от Астраханского порта до Мангышлакской пристани, а как наше желание к отъезду отсюда до показанной Мангышлакской пристани есть непременно, того ради астраханской губернской канцелярии о вышеписанном доложу, покорнейше просим, дабы благоволено было сие наше доношение принять и на означенном бухарского посланника отправляющемся ныне в Мангышлак боте нам, именованным, и с нашими покупными здесь товары, с коих мы имеем в казну заплатить указанные портовые пошлины, ко отправлению отсюда в Мангышлак дать дозволение и для свободного туда проезда снабдить нас указанными пашпортами, на что имеем ожидать милостивой резолюции.

У подлинного письма в рукоприкладстве пишет тако: к сему доношению, я, молла Ваном Аллавердиев, и по прошению Рузали Мурадалиева, и Нобат Довлетжанова, Назарали Еген-бек Аталыкова и вместо себя руку приложил. (В реестре имен приведены имена 13 туркменских торговцев (см. ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 5080. л. 31 об.))

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 5080, л. 31.

Перевод с туркменского.

№ 77

Из журнала экспедиции капитана 2-го ранга М. И. Войновича (Все рапорты М. И.

Войновича вице-президенту Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышеву и инструкция, составленная самим Войновичем, командирам судов эскадры Каспийского моря, хранятся в ЦГАВМФ, ф. 172, д. 89, лл. 6—7, 11, 13—14, 15—17 об, 42—43; ф. 212, д. 44, лл. 461—461 об., 605—606 и т. д.) **об исследовании юго-восточных берегов Каспийского моря** (Журнал экспедиции, составленный участником К. Габлицем, опубликован в 1809 г. См. «Исторический журнал, бывшей в 1781 и 1782 гг. на Каспийском море Российской эскадры под командой флота капитана 2-го ранга графа Войновича» М., 1809. Учитывая ценность этого документа и то, что указанное выше издание стало библиографической редкостью, составители сочли целесообразным включить его в настоящий сборник с соответствующими сокращениями. Документ дается в редакции названного «Исторического журнала» после тщательной сверки с подлинником)

[сентябрь 1782]

Назначенная к выходу в Каспийское море эскадра состояла из трех двадцатипушечных фрегатов, одного бомбардирного корабля и двух палубных ботов. Вооружение ее началось в Астрахани со дня прибытия туда командующего, то есть с 11 июня 1781 года; и 22-го числа того же месяца, когда она была приведена совсем в готовность к отправлению, то он поднял на третьем фрегате брейт-вымпел и по [119] призыву к себе всех командиров эскадренных судов вручил им инструкции (Документ не публикуется) о том, что во время плавания наблюдать следовало, сигнальные книги, також и секретные ордера о назначенном рандеву; а потом оставалось ожидать только благополучного ветра, чтоб выйти в море, во ожидании которого 24-го числа торжественно было возпоминовение победы, одержанной над турецким флотом, под

Чесмою, пушечною пальбою со всех эскадренных судов и другими приличными к тому обрядами.

Наконец, 29-го числа помянутого месяца сколь скоро на самом разсвете подул благополучный ветер О.В.О., то дан был сигнал от командующего, чтоб сняться с якоря, и в 9-ом часу вся эскадра выступила в поход... (Опущены сведения о подробностях плавания экспедиции из Астрахани к острову Огурчинскому.)

Переменившемуся состоянию Огурчинского острова без сомнения приписать должно и то, что он ныне необитаем уже совсем трухменцами, кои прежде в летнее время имели тут кочевья свои. Однако ж сказывают, что они и ныне иногда туда приезжают для сыскания себе убежища во время бываемых на матерой земле около Балханского залива между ими замешательств, но не иначе, как только на самое короткое время, потому что как для них, так и для скота их ныне находится во всем великой тут недостаток и пребывание их должно быть сопряжено с большим изнурением.

Из зверей не примечены на оном острове, как только одни тюлени, а из птиц заслуживали наиболее внимания так называемые красные гуси и розовые скворцы, кои летали тут великими стадами с места на место: впрочем вообще в разсуждении естественных произведений не найдено тут ничего достопримечательного.

Итак, при подробном исследовании нынешнего состояния Огурчинского острова нашлося, что он при Российском кораблеплавании по Каспийскому морю ни к чему иному способен не может, как только что может служить убежищем судам во время сильных ветров, ибо вдоль всего одного с юго-восточной стороны находятся хорошие якорные места, где удобно от свирепости моря и шторма скрываться можно; а особливо тем судам, кои идут в Астрабад или оттуда в Астрахань, весьма полезно быть может, чтоб в плавании своем держаться одного острова, дабы в случае противного ветра иметь безопасное подле него пристанище... (Опущены не представляющие интереса для темы сборника сведения об Астрабадском и других заливах на южном побережье Каспия.) При захождении солнца усмотрен был лежащий вдали подле трухменского берега так называемый Серебряный бугор, который прежде состоял на матерой земле и нарочито был возвышен, а ныне от оной отделен и сделался низменным, камышами и болотами покрытым и далеко простирающимися отмелями окруженным островом. В камышах и болотах оных находятся однако ж и поднесь развалины бывших тут каменных стен и других строений, из коих трухменцы уже с давних времен вынимают для продажи персиянам разной величины обожженный, весьма твердый кирпич, который по большей части четвероугольную имеет фигуру, и самые большие величиною 5/4 аршина, а толщиною в 2 вершка бывают. Из всех оных развалин ныне еще целее прочего вышедшая из воды стена, которая все бывшее там строение с морской стороны защищала, и на ином видны еще и остатки бывших тут башен. Прочие ж здания совсем разрушены и покрыты водою, и по всем обстоятельствам заключить должно, что как разрушение оных, так и столь значащее понижение всего того бугра не от чего иного, как от бывших [120] в стране сей сильных землетрясений произойти могло. Вышеозначенное наименование бугра сего произошло от трухменцев, кои его на своем языке Гумыш-тепе называют, что то же самое значит, и оно взято, по их объявлению, от того, что в находящихся там развалинах найдено было в разные времена в закрытых в земле глиняных кувшинах множество серебряных монет, величиною в российский полтинник, коих надписи они разобрать не могли; и они утверждают о тех развалинах, что они суть остатки бывшего тут города Искандером, то есть Александром Великим, построенного. Но как они никаких других на то доказательств, кроме словесных преданий от предков своих, не имеют, то за справедливость такого их уверения ручаться нельзя...

Сходство в разсуждении качеств земли островов Дервиша, Нефтяного и других малых, вдоль залива от сего последнего в виду лежащих, побудило командующего сделать и самому осмотр одного из оных, дабы о всех их удобнее судить было можно. Итак 13-го числа, он съехал на остров Дервиш и, осмотревши оный, также взяв полуденную обсервацию для точнейшего его положения на картуз он пополудни того же дня назад возвратился. Потом приложено было

всевозможное старание к приобретению всех нужных сведений о нынешнем состоянии всего одного залива, к чему много споспешествовали живущие на Нефтяном острове трухменцы; ибо собранными от них известиями заменено было все то, чего эскадра за короткостью времени и за разными другими неудобствами сама не могла исследовать. И здесь следует составленное из того описание:

Балханский морской залив имеет наименование свое от горы Балхан, лежащей против самой внутренней оконечности одного и острым мысом издалека показывающейся. Весь берег, окружающий залив сей, одинакового свойства с тем, который от самого Астрабада до сего места продолжается; ибо он по большей части песчаный, низменный, и на нем только местами вздымаются небольшие каменистые холмы и горы, из коих помянутая всех прочих вышиною превосходит; да за оной следует еще две, к северу простирающиеся, кои хотя и не так высоки, однако ж довольно знамениты и издали приметны. Первая из них называется Кушама, а другая Борджакли. Камень, из коих холмы и горы оные составлены, состоят по большей части из некоторого рода темно-серого с кварцом и глимером смешанного дикого камня или гранита, коего трухменцы карадаш, то есть черным камнем называют. В так называемой Балханской горе попадаются также и чистый кварц разного цвету; а вокруг ея ломают трухменцы и обыкновенный жерновой камень и отвозят его в соседние персидские и хивинские места для мельниц на продажу. Впрочем весь оный берег весьма бесплоден; кроме тростника, на нем никакой почти другой травы не попадает; а из деревьев и кустов произрастает на оном только жидовинник. Одна гора, Балхан, занимающая довольно великое пространство, отличается однако ж своим плодородием; ибо на ней растет и мелкий лес, состоящий по большей части из гранатного дерева, и местами на глинистом, с черноземом смешанном грунте встречаются там и разные кормовые травы; также находится в одной только горе оной и пресная вода; а в прочих на берегу вырытых колодцах она весьма солодковата, потому что вся земля наполнена соляными частицами. Плодородное качество горы причиною также, что на ней и около оной водятся вдовольном изобилии и разные дикие звери, как то: барсы, кабаны, волки, лисицы, дикие козы, или так называемые джайраны, и каменные бараны.

Начиная от самого входа с моря и до самой внутренней оконечности весь Балханский залив наполнен островами, величиною и вышиною между собою разнствующими; но большая часть оных не что [121] иное, как только малые песчаные холмы, водою окруженные, кои никакого не заслуживают уважения и едва стоят названия островов. Итак, опишутся здесь только те, кои знаменитее прочих. Первый, при входе с южной стороны лежащий остров, есть Огурчинский, по-трухменски Идак (Адак) называемый; потом следует Дервиш, а за сим Нефтяной, которого трухменцы Нафтдаг (Нефтяною горою), а персияне Чаркен (Четырьмя колодцами) называют, и все сии названия относятся к находящимся на сем острове нефтяным ключам. Огурчинский остров описан уже выше сего, а остров Дервиш имеет такое с ним во всем сходство, что он не требует особого описания, почему и остается только упомянуть о последнем, то есть о Нефтяном. Сей от всех прочих как величиною своей, которая наиболее в ширину простирается, так и вышиною отменяется и весьма издалека виден бывает, потому что крутые его берега, особливо с южной и восточной сторон, дают ему вид возвышающейся над поверхностью воды горы, от чего и произошло вышеобъявленное трухменское наименование одного. Но, невзирая на отменную высоту сего острова, он в разсуждении качеств земли сходствует по большей части со всеми прочими, ибо он весь почти также состоит из желтого сыпучего песку, и только местами попадаются на нем следы материка, состоящего из желтоватого с белым глимером смешанного суглинка и такого же роду дикого камня, какой на матером берегу вокруг залива находится. И в недрах материка сего нефтяные ключи имеют свое начало. Глубина, в которой они от поверхности земли находятся, не одинокая; в иных местах они по вырытии двух сажен и менее уже оказываются, а в других должно до 10 и более рыть, пока до них достигнешь. Выходящая из оных черная нефть, или так называемое горное масло, бывает двоякого рода, из коих один несколько гуще другого. Но вообще она весьма жидковата, с земляными частицами смешана и в разсуждении запаха гораздо слабее того,

которое близ города Баки находится. Дно колодцев, из коих горное оное масло выходит, состоит из такого же суглинника, какой на поверхности земли попадает; но как проходимое сквозь его горное масло сообщает ему цвет свой, то он черноват. Впрочем, что касается до числа колодцев, на означенном острове находящихся, то оно неопределенное; потому что лежащий по близости их сыпучий песок часто заносит оные так, что вновь другие вырывать должно. Однако ж всех на все их теперь до 20 там имеется, но заносащий. их песок, без сомнения, также причиною, что они и вообще не весьма изобильны, так что из всех ныне имеющих в год не более четырех тысяч пудов нефти выходит. Из чего явствует, что они никак не могут равняться с неисчерпаемыми теми нефтяными источниками, кои около Баки находятся.

Сверх помянутого горного масла, или просто так называемой черной нефти, выступает также близ оных колодцев местами из делающихся сами собою в земле трещин и горной дегодь, который перпендикулярными слоями садится и наподобие смолы от солнечного зноя высыхает. Трухменцы очищают смолу сию от песку и прочих находящихся в ней земляных частиц перетапливанием, ибо когда она на огне растопится, то все примешанные к ней посторонние вещества, по тягости своей, опадают на дно, а чистая смола остается вверху, и тогда сливают ее в сделанные в земле ямки и дают ей застынуть. После чего она еще тверже прежнего становится) и черный блистающий цвет получает, так что на жидковскую смолу или асфальт походит.

Описуемый здесь остров, кроме нефти и смолы, оной изобилует [122] еще и солью, которая однако ж не каменная, как некоторые утверждают, а точно такая же озерная, какая в полуденных странах Российской империи находится. Озеро, на котором она садится, занимает великое пространство и большую часть года совсем сухо бывает, ибо только в дождливую погоду покрывается оно водою; а в прочее время оно до самого дна наполнено солью, которая весьма твердого качества, от чего, может быть, и произошла, что она принята была за каменную; при том же она смешана с песком и другими земляными частицами и весьма нечистого свойства.

Также находится на оном острове и множество таких солончаков, какие около Астрахани, встречаются, на коих соль выступает. Да и вся почва наполнена ее частицами, почему пресной воды на нем нигде нет, а вся та, которая ныне в вырытых там колодцах находится, имеет весьма соленый, горький вкус, так что живущие тут трухменцы не иначе ее для питья употреблять могут, как смешав оную с верблюжьим молоком, как они обыкновенно сие делают и в других местах, где нет пресной воды. Что ж принадлежит до прочих естественных произведений Нефтяного острова, то он в разсуждении оных со всеми другими островами сходствует. Лесу на нем также, кроме жидовинных кустов, никакого другого не находится, а из трав попадают только некоторые породы, коим на песках и солончаках расти свойственно. Но и сии в летнее время от солнечного зноя совсем сгорают и тогда остается один только тростник на низменных болотистых местах, которым имеющийся тут трухменский скот, состоящий по большей части из верблюдов, овец и малого числа коз, в оное время единственно и питается. Из диких зверей находится на оном несколько тех же самых пород, какие на матером берегу водятся, то есть дикие козы, кабаны, волки и лисицы. А из птиц примечены на нем так, как и на всех других островах, красные гуси, бакланы, чайки, рыболовы, мартышками именуемые, и разного рода кулики.

Невзирая однако ж на то, что остров сей столь же бесплоден, как и все другие, в Балханском заливе находящиеся, и что во всех своих качествах с оными сходствует, он с самых древних уже времен обитаем трухменцами; и ныне их до 30 семей там кочует, кои также, как и предки их, сверх скотоводства упражняются в собирании нефти и вышеупомянутой смолы, тако ж и в ломании соли. И для отвозу сих продуктов в ближние персидские провинции, для вымена их там на сорочинское пшено и другие нужные для них вещи они имеют у себя до 50 морских лодок или так называемых киржимов. Перечищенную смолу, которая на их языке мум называется, они отвозят также и сухим путем в Хиву, где она так, как и в Персии, будучи

смешана с воском, на делание свечь и факелов употребляется.

Прошедши Нефтяной остров, глубина Балханского залива становится столько мелка, что только самые малые гребные суда во внутренность оного проходить могут, и на оной глубине, начиная от того острова до матерой земли, находится самое большое число островков, или вышедших из воды песчаных холмов, кои недалеко друг от друга стоят, и столь же бесплодны, как и другие большие острова. Приближаясь к концу залива, находится однако ж еще один, величиною своею весьма знаменитый остров, который на карте капитана Вудруфа под именем Даргана назначен; по настоящее его название, от трухменцев ему данное, Дарджа; и хотя он довольно высок, однако ж на нем также пресной воды совсем нет, и он никем не обитаем; грунт же его состоит из одного сыпучего песку. В правую сторону от сего острова лежит к югу еще другой, по величине своей и другим свойствам примечание заслуживающий. Разстояние между ним и матерым берегом не более двух верст с половиною составляет и глубина [123] воды тут столь мала, что кочующие около горы Балхана трухменцы переезжают туда на верблюдах; и они называют остров сей Нафт-тяпсы, то есть Нефтяным бугром, потому что и на оном в таком же материке, какой на вышеописанном Нефтяном острове находится, найдены ключи черной нефти, которые, по их уверению, гораздо изобильнее тех, также и выходящая из них нефть имеет гораздо более в себе крепости, нежели та, которая там находится, что и по запаху ее оказывается.

Происхождение нефтяных сих ключей, равномерно как и вышеописанных, не может иначе истолковано быть как тем, что они имеют свое начало в состоящих на матером берегу горах, невзирая на то, что от них по сие время никаких еще не найдено там следов; и думать должно, что оба острова оные, на коих они ныне находятся, со всеми лежащими между ими островками, были некогда в соединении с матерым берегом и что происшедшими какими-нибудь неизвестными в природе переменами от него отделились, что по подающемуся на них материке, который состоит из такого же рода земли и камня, какой на матером берегу находится, тако ж по мелководию, на всем разстоянии между ними и оным простирающемуся, и по множеству малых островков, в близости друг подле друга в непрерывном порядке лежащих, и все пространство между ними и оным занимающих, весьма вероятно кажется; да и живущие на островах оных звери, кои, как из вышеобъявленного явствует, тех же родов, какие на матером берегу водятся, могут служить тому доводом.

И естли мнение сие справедливо, то весьма удобно понять можно, отчего нефть на последнем оном острове изобильнее и лучшего качества, нежели на собственно так называемом Нефтяном острове; ибо чем ближе ключи, из коих она выходит к первоначальным своим родникам, тем превосходнее должно быть качество их. Также надлежит здесь еще вообще о нефтяных оных ключах объявить, что они до сего времени одни только те, кои на восточном берегу Каспийского моря отысканы; на западном же в разных местах они встречаются; да сверх того заслуживает еще внимания и любопытства физиков и то, что балханские нефтяные ключи состоят в самом почти том месте, где на противоположном персидском берегу находятся бакинские, коими не столько вся матерая тамошняя земля, полуостров Апшерон и остров Святой изобилуют, оно, от которых и в довольном разстоянии от оных мест на море следы оказываются, как выше сего о сем было сказано. В заключение сего Балханского залива описания должно еще упомянуть, что все лежащие в оном островки названы были прежде от российских мореплавателей общим именем Огурчинских, невзирая на то, что самые знаменитые из них имели всегда особые свои наименования, но ныне по большей части один уже только остров так называется, и название оное произошло от того, что живущие на матером берегу около помянутого залива и на Нефтяном острове трухменцы называются издревле огурджалы, то есть морскими разбойниками. Ибо переселившиеся туда поколения оных с самых древних времен делают [с] помощью морских своих лодок частые нападения на ближайшие персидские провинции. Впрочем, что касается до учиненной ныне описи Балханского залива, сколько время и обстоятельства сие позволили, то она состояла по большей части в определении настоящего положения острова по румбам, разстояния их друг

от друга, тако ж и в промере глубины, между ними и около их находящейся, как из приобщаемой здесь переправленной карты всего Каспийского моря усмотреть можно. И по учиненным ныне изследованиям того залива найдено, что он ни в каком другом отношении не достоин уважения, как только в разсуждении того, что лежащие в нем [124] острова дают весьма хорошую защиту судам. От сильных ветров и во время случающихся на море штормов можно иметь всегда безопаснее возле их пристанище, а особливо восточная сторона островов Огурчинского, Дервиша и Нефтяного весьма к тому способствует, понеже тут повсюду находятся якорные места с хорошим грунтом и довольною глубиною. Но далее последнего одного острова большим судам ходить опасно, потому что оттуда начинается вышеобъявленное мелководие, которое до самого матерого берега простирается. Выход же опять в море зашедшим за оные острова судам весьма удобен бывает, потому что почти ежедневно дуют по утрам с Балханских гор восточные ветры.

16 июля, окончив осмотр Балханского залива, командующий приказал изготавиться к выходу в море.... Под вечер того же дня приехали к командующему на фрегат все начальники балханских тухменцев, кои и остались там для разных нужных переговоров до другого утра...

По окончании осмотра Балханского залива с южной и юго-восточной стороны, командующий вознамерился исследовать и северную часть одного или так называемые Красные Воды, и намерение его клонилось на то, чтоб пройти туда между Нефтяным островом и Дервишем тем самым проходом, которым вышеупомянутый капитан Вудруф прошел. Но по учиненному промеру оказалось, что оный ныне столь мелок, что большие суда там проходить не могут, почему он и положил, обошед в южную оконечность Дервиша, итти туда между Нефтяным и Огурчинским островом, где довольно глубины найдено было, и где также никто из прежних мореплавателей еще не проходил...

Положа якорь, созваны были со всей эскадры штурманы, и командующий приказал промерять глубину около всех эскадренных судов. И по возвращении оных найдено было, что помянутое мелководие недалеко простирается и что оное может почестся за банок, ибо не в дальнем расстоянии от того места, где эскадра стала на якорь, находилась довольноя глубина, а, особливо со стороны к северо-востоку. Также послано было тем же вечером гребное судно на берег для отыскания пресной воды, потому, что находящиеся при эскадре в аманатах тухменцы уверяли, что на вышеозначенном мысе весьма изрядные имеются колодцы; и судно оное, возвратясь назад, привезло с собою несколько боченков к употреблению годной воды; ибо хотя она также солоноватой вкус имела, но против находящейся на Балханских островах несравненно была лучше; почему командующий и велел на другой день послать со всех эскадренных судов туда барказы, чтоб наполнить все порожные бочки оною. А последующие два дня, то есть 20 и 21-е число, употреблены были на осмотр и опись так называемых Красных Вод.

Под именем Красных Вод разумеется нечто иное, как вышепомянутым образом северная часть Балханского залива, и оное название произошло от тамошняго красноватого песчаного грунта, который на мелких местах, а особливо подле берега, сообщает и воде цвет свой тако ж и от вида находящихся тут гор, кои при самом входе в залив оный с северной стороны от NW на NO простираются и от Балханских гор, как будто отделены каменистою низменностью. Но тухменцы не в столь пространном смысле берут оное наименование, как российские мореплаватели. Они называют Кизил-Су, то есть красною водою, только ту бухту, которую вышедший от гор оных к северо-западу мы и далеко в море к SO продолжающийся низменный песчаный полуостров, вместе с матерым берегом составляют, что и гораздо свойственнее кажется; ибо бухта оная может почестся по настоящему особенным заливом, который с Балханским в соединении находится. Залив сей хотя и не весьма обширен, но может служить наилучшим пристанищем для тех судов, кои восточный берег Каспийского моря объезжают. Будучи окружен [124] помянутым образом матерым берегом и полуостровом, он дает защиту от всех почти ветров, а глубина в нем повсюду столь знаменита, что суда подле самого почти берега безопасно на якорь стоять могут. Вход же в него не требует другой

предосторожности, как чтобы обойти банку, не дошед крайней оконечности полуострова, с моря находящуюся, которая наподобие острова сверх воды вздымалась, а ныне на ней глубина местами две сажени, местами же два фута только; но удобно миновать можно, если идучи с моря держаться ближе к Нефтяному острову и, зашедши несколько подалее в Балханский залив, поворотить уже потом туда. Впрочем, что касается до естественного свойства Красноводского берега, то оный во всем сходствует с Балханским. Лежащие около его горы, и издалека по разным выгибам своим весьма приметный вид имеющие, суть двоякого рода: одни состоят из такого же темно-серого гранита, как там, а другие из красноватого хряща составленного камня; також и почва, вокруг их находящаяся, по большей части также, как и там, песчана, на коей ни лесу, ни кустарника нигде не попадает, и в летние месяцы выгорает даже и трава вся на оной. Но, несмотря на то, разные тухменские поколения имеют тут кочевья свои, и число их кибиток до 2000 простирается, кои питаются единственно скотоводством, и содержат у себя множество лошадей, верблюдов, овец и коз, с коими они в летнее время, по недостатку тут корма, на два и на три дня езды от берега в степь уходят для отыскания лучших мест, а потом под осень опять туда возвращаются. Все недостающие им вещи, как для одеяния, так и для прокормления, они получают по большей части из Хивы, которая отстоит от них не более 10 дней езды верблюдами и куда они свои продукты на продажу отвозят. Однако ж иногда пристаю к ним и российские суда, кои за тюленьим промыслом ходят и привозят к ним пшеничную муку, чугунные котлы, деревянную посуду и разные мелочи, которые на войлоки, масло, овчинки и другие меха меняются. В Астрабад и другие персидские провинции они поныне только изредка ездят, потому что никаких морских судов не имеют; а когда им случится для какой-нибудь надобности туда ехать, то берут они в наем киржимов у жителей Нефтяного острова. Во время осмотра Красноводского залива все первостатейные старшины помянутых тухменцев приезжали к командиру с разными предложениями, к пользе российской с Хивою и Бухарию торговли служащими, за что всячески от него угощены и подарены были. И они взялись препроводить от командующего нарочного в Хиву и Бухарию с письмами к тамошним владельцам, который им в го же время и препоручен был. Також привезено было от их подчиненных довольно число баранов на продажу, и вся эскадренная команда довольствована была оными.

От бывшей на Красноводском мысе или полуострове российской крепости (Имеется в виду русское укрепление, основанное Александром Бековичем-Черкасским в 1716 г. на южной оконечности Красноводской косы), в (17) 16-м году нынешнего столетия во время несчастной экспедиции в Хиву князя Бековича заложенной, ныне уже никаких следов там не видно и, по уверению тухменцев, она так же, как и прочие две, из коих одна у Александрбайского залива, а другая у Тук-Караганского мыса находилась, потоплена водою; из чего явствует, что с того времени, как все три оные крепости построены были, стремление Каспийского моря клонилось по большей части на весь восточный берег оногo.

Осмотревши Красноводский залив и по положению его на карту с ученым промером глубины его, командиру весьма желательно было предпринять исследование и Кара-Бугазского залива, который, [126] по всем имеющимся о нем доселе недостаточным известиям, заслуживает точнейшего изыскания; ибо ни один мореплаватель не отважился еще до сего времени войти во внутренность оногo по причине великих опасностей, с коими вход туда сопряжен. Но по недостатку таких судов, с коими бы туда покуситься возможно было, и по немнению столько времени, сколько на исследование оногo залива необходимо нужным казалось, он принужден был оставить сие вместе с осмотром прочих на восточном берегу Каспийского моря недовольно еще известных мест до другого удобнейшего случая; ныне же разные порученные ему в Баке дела требовали, чтоб скорее туда поспешать дабы потом прежде наступления осени, со всею эскадрою мог он возвратиться в Астрахань... (Опущены сведения о возвращении экспедиции в Астрахань).

Подлинник.

№ 78

Грамота Екатерины II о пожаловании тарханства туркменскому старшине Бурамбаю Турдыеву

23 февраля 1794 г.

Дана сия наша императорского величества грамота тухменских народов старшине Бурамбаю Турдыеву для того, что нам, великой государыне, нашему императорскому величеству, известно учинилось, что он, старшина, к нашему императорскому престолу сохраняет должную подданническую верность и служит радетельно. Того ради, мы, великая государыня, наше императорское величество всемилостивейше пожаловала его, старшину Бурамбая Турдыева, между тухменским народом тарханом, я его... (Слово неразборчиво) повелеваю тухменским старшинам и всему тухменскому народу одного Бурамбая Турдыева за его верность и достоинство пожалованного тарханом почитать и признавать, также и во всяких письмах писать оным чином. Напротиву же того должно, чтоб он, Бурамбай Турдыев, чувствуя к себе сию высочайшую нашу императорского величества милость, по верноподданнической своей к нам великой государыне должности верные свои службы и добрые поступки вечно продолжал, как нашего императорского величества верному подданному по присяжной должности благопристойно есть и надлежит.

Во уверение чего ему, Бурамбаю Турдыеву, сию грамоту мы, великая государыня, всемилостивейше пожаловали.

Дана в Санкт-Петербурге, нашей столице, февраля 23-го дня в лето от рождества Христова 1794, государствования нашего тридцать второе.

ГААО, ф. 822, оп. 1, д. 92, л. 10.

Заверенная копия.

[127] № 79

Рапорт астраханского губернатора Аршеневского Павлу I о просьбе туркмен построить укрепление на Мангышлаке для развития торговли со Средней Азией (Аналогичный рапорт Аршеневского от 25 мая 1797 г. в Государственную коллегию иностранных дел (см. АВПР, ф. Гл. архив 1—10, 1798 г., д. 1, папка 1, лл. 5— 6 об.))

18 мая 1798 г.

Тухменский народ, обитающий по кряжу Каспийского моря и в окрестностях Мангышлакской пристани, вспомя принадлежность свою всероссийскому престолу со времен блаженные памяти государя императора Петра Великого, под именем жительствующих при птичьих государевых угодьях, так они себя именуют, ищут ныне вашего императорского величества всемилостивейшего к ним благоволения яко верные подданные и открывают чистейшее свое желание тем, чтобы на земле, им принадлежащей, для обоюдной коммерции построен был город в урочище Тюк-Караган, неподалеку от Мангышлака, где и удобная гавань есть. В сей новый город препровождаемы будут приходящие караваны из Ташкента, Самарканда, Бухарии, Ургенча и Астрахани. Для чего самого 14-го числа сего мая прислали ко мне с четырьмя поверенными от лучших их людей письмо (Документ не обнаружен) вышедонесенного содержания и просят меня у престола вашего императорского величества всеподданнейше о сем ходатайствовать.

Сие обстоятельство дерзаю я, всемилостивейший государь, всеподданнейше представить вашего императорского величества высокомонаршему усмотрению, присовокупя к тому нижеследующее:

Ежели учредится желаемая ими Караганская гавань с укрепленным городом, то по ближнему разстоянию города Астрахани от оной гавани, простирающемуся при хорошем ветре не более, как на двое суток плавания, коммерция совершенно может быть оживлена и обеспечена на противном берегу, тогда не посмеют хищные народы не только грабить, но ни же препятствовать ходу караванов к российским границам, идущих с немалым сокровищем, да и тухменцы, обнадеженные сильною, рукою вашего императорского величества, прохождение оных берут на свой ответ.

Причем оные присланные тухмены словесно объявили мне, что казна вашего императорского величества, имеющая употребиться на построение города, с избытком вознаградится от золотых и серебряных руд, сокрытых в Черных горах (Вероятно, имеются в виду горы Кара Тау на Мангышлаке), лежащих в земле их неподалеку от Каспийского моря.

Не дерзаю сии слова выставять за подлинные, но когда благоугодно будет вашему императорскому величеству, то о достоверности сего можно произвести дальнейший опыт, а оные тухменцы четыре человека до воследования на сию их просьбу высочайшего вашего императорского величества повеления будут находиться здесь в Астрахани.

Всепокорнейше о сем донеся, щастие имею поднести на высокомогущее вашего императорского величества усмотрение сочиненною мною с замечаниями положения противного берега карту (Карта в деле отсутствует).

Тайный советник Аршеневский

АВПР, ф. Главный архив 1—10, 1798 г., д. 1, папка 1, лл. 1—4
Подлинник

[128] № 80

Из рапорта российского генерального консула в Иране в Коллегию иностранных дел о значении Мангышлака в торговле России со Средней Азией

19 июля 1800 г.

Переpravившись на туркменский берег, рассмотрел жалобы туркменских старшин на судового приказчика Калуста Аветикова, и оказались весьма неосновательны. Ибо вся претензия их в том состояла, что сей приказчик не дал подарка — двухсот пятидесяти рублей, а мукою пшеничною пятидесяти четвертей за якорь, или, яснее сказать, за то, что судовщик остановился с судном на водах их, брал пресную воду с берега и солью нагрузил судно. Туркменские старшины основывали право свое требовать с судовщиков якорных подарков на одном обычае, и ежели, как они говорили, не желает судовщик последовать сему обычаю, то и на берег их не пускал бы [с] гребного судна ни за какую надобностью, а паче за солью, которую для соления тюленя или рыбы у них покупают. Хотя представлял я им, что за соль и за пресную воду всегда дает судовщик особо договоренную плату, следовательно, обоюдная польза бывает от пристанища судов у берегов их, однако ж иначе не мог я решить сей претензии их, как предложить им в замену подарка возвышение продажной цены за соль на ту сумму денег, которую берут в подарок, или больше. На предложение сие согласились туркменские старшины и дали мне обязательство впредь поступать таким образом, а подарков не требовать. Ежели они по сему обязательству точно поступать будут, то судовщикам несходно будет покупать у них соль, в таком случае выгоднее будет для них запастись солью для соления тюленя и рыбы из астраханских его императорского величества магазинов. Чем больше цену на соль возвысят туркменцы, тем больше поводу подадут астраханским судовщикам брать соль из Астрахани нужное количество, а теперь для одного виду берут некоторое количество соли из астраханских магазинов. Обычай же оный мало-помалу вышел бы из употребления. Да и нужно сие вывести из употребления, ибо и в прочих пристанях, особливо в Караганской, судовщики выменивают соль для соления тюленя и рыбы за муку. А чтоб судовщикам воспрещено было вывозить муку

на мену соли, то представлено от меня астраханскому гражданскому губернатору. Решив претензию туркменских старшин на вышепомянутого приказчика, отправился я в Караганскую пристань, где наипаче суда пристают для грузки товаров. Коль скоро прибыли хивинские и бухарские купцы с товарами и должно было приступить к грузке, так и открылись те же беспорядки, какие были прежде всего в Баку и в Энзелиях. Оные беспорядки отвращены уравниванием груза на все суда, а купцы облегчены установлением умеренной платы за провоз товаров. Между тем туркменские старшины, наипаче те, которые участвуют в хивинской торговле с Астраханью, равно и хивинские купцы, просили меня куда следует представить о построении на берегу Караганской пристани крепости, а в оной — кладовых амбаров для безопасности товаров от хищных киргизцев и туркменцев. Выгодное положение Караганской пристани Коллегия изволит увидеть из представляемой при сем карты. Цена же товаров, через сей порт привозимых в Астрахань и обратно в Хиву и Бухарию, простирается за полтора миллиона. Ибо одной бумаги пряденой и бязей на девятьсот тысяч рублей вывозится.

[129] Через сию же пристань и хлопчатую бумагу вывозят. Но ежели построением крепости, а в оной кладовых амбаров, доставится полная безопасность купеческим товарам от киргис-кайсаков и от туркменцев, завидующих землякам своим в выгодах, из торговли почерпаемых, то сей торг больше бы распространился, ибо хивинцам дорого стоит покупать у своевольных и праздных туркменцев безопасность своих товаров, особливо в таковом случае, когда приедут с товарами и судна нет в оной пристани для перевоза товаров до Астрахани; а потому принуждены бывают отвозить товары в кибитки кочующих туркменцев, которые, переменяя место, принуждают и их с места на место возиться с товарами до весны, когда суда придут. Правда, что и прежде построена была крепость на Тюб-Караганском кряже, но то место обозревал я и положение того берега, на возвышениях коего сия пристань заложена была, совсем не имеет той выгоды для пристанища судов, каковую описал я на вышеписанном месте. При том не имели тогда туркменцы никакого участия в хивинской торговле с Астраханью. Следовательно, не было им тогда нужды желать такового ограждения для безопасности товаров своих. Кладовой амбар в крепости можно построить из камня, которым весь Караганский кряж покрыт. Камень сей к ломке удобен. Можно из него сделать известку, но поелику леса там нет, то сходнее вывозить оный из Астрахани на судах, а для варения пищи и печения хлебов достаточно будет камыша, растущего на косе, которая в ширину около немецкой мили. Издержки на построение крепости и кладовых амбаров можно возратить сбором денег за складку в оных товаров и за пребывание купцов. Ежели представление сие по каким-либо государственным обстоятельствам неблаговременное, то по крайней мере в другое время подаст повод к дальнейшим по сему предмету подвигам. А я старался, чтобы вояж мой на восточный берег Каспийского моря не был вовсе бесполезен. О чем и в Государственную коммерц-коллегию от меня представлено.

Надворный советник Скибинеvский

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 128, лл. 5—7,
Копия

ГЛАВА II РУССКО-ТУРКМЕНСКИЕ СВЯЗИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

[133] № 81

Письмо мангышлакских туркмен на имя Александра I о посылке своих представителей в Петербург (В 1801 г. туркмены Мангышлака послали ко двору Александра I две депутации для подачи прошения о принятии их в подданство России. Первая из них была направлена в

Оренбург от имени Пиргали-Султана—правителя туркмен Мангышлака, а вторая — в Астрахань от имени старшин четырех родов туркмен абдалов огры, дели, менгли-ходжа и курбан. Посольство Пиргали-султана отправилось в Петербург 23 декабря 1801 г, а депутация туркмен-абдалов — лишь в конце апреля 1802 г)

7 августа 1801 г.

Поелику управляющий нами лет с тридцать высокостепенный и высокоместный Пир-Али-султан (Пир-Али-хан, он же Пиргали-султан), сын Нур-Али-хана, по примеру деда и отца своего состоит верноподданным всероссийской империи и всегда оказывает усердие свое вашему императорскому величеству, а нам правосудие, то мы, видя великое его о нас попечение, с согласия всего общества и в доказательство нашей верноподданической вашему императорскому величеству приверженности, от себя отправили к высочайшему двору вашему депутатов. Во уверение чего все мы, нижепоименованные, подписались и печати свои приложили... (Далее следуют подписи 33 туркменских старшин)

АВПр, ф. Гл. архив 1—8, д. 2, лл. 105—105 об.

Копия. Перевод с туркменского

№ 82

Донесение приказчика Аракелова директору Астраханской портовой таможни С. С. Иванову о поездке на Мангышлак и прибытии в Астрахань четырех депутатов от туркмен-абдалов (О поездке А. Аракелова к туркменам Мангышлака см также ЦГИАЛ, ф. 13, оп. I, д. 73, лл. 4—5 об.)

4 декабря 1801 г.

Руководствуясь данным мне от вашего благородия прошлого 1800 года письменным наставлением (Документ хранится в ЦГИАЛ, ф. 13. оп I. д.73 л.3), по бытности моей при Мангышлакской пристани [с] судном купца Скворцова всемерно старался изыскивать лучшие и удобнейшие средства к распространению в тамошнем краю российского торгова, равно наблюдать за всеми видами тамошних народов, их согласии и расположения к российскому престолу. И по исследовании тамошним порядком всех их обстоятельств, относящихся до торгу с ними, заметил я, наконец, что по Мангышлакскому, или Караганскому мысу, расположенные жительство туркменцы немало способствовать могут ко устройению с Хивою, Бухарию и прочими народами, торгующими при Мангышлакской пристани, торгова: почему в ходе во исследование всех их родов нашел по многом старании, по [134] уверении их самих, до четырех или до пяти тысяч человек, давно приверженных к России и ищущих ее покровительства, происходящих из знаменитого древнего их племени, называемого абдал, а потом разделившихся на четыре поколения, а именно: дели, курбан, огры и менгли-ходжа и сопряженных между собою издавна добрым согласием, которые мне объявили, что они имеют наилучшие и выгоднейшие ко утверждению торговли с ними и прочими обитающими в тех краях народами средства, но только без помощи со стороны России предпринять ничего не могут; почему и предложили мне: первое, чтобы утвердить непрерывный при Мангышлакской пристани и полезный для России торг хивинскими, бухарскими и прочими товарами и приохотить всех к производству оного обитавших там соседственных народов в превосходственном количестве, необходимо нужно построить при самой пристани, где пристаю российские купеческие суда, надежную крепость и снабдить её военными российскими снарядами. Ибо сей вид удалит от сих мест все шайки разбойнические киргизцев для грабежа купечества всюду рассеянные, обратив внимание всех на сие полезное для безопасности торгующих устроенное от России заведение, и торг всей крепости доведен будет до наивеличайшего совершенства; второе, чтобы утвердить таковое положение с обеих сторон

безопасностью и взаимными пользами, то они посвящают себя вечному Российской империи подданству с тем, чтобы общими с Россиею силами удержать все то в вечном и непоколебимом действии; и как я таковые их положения одобрил и уверил их высокомонаршею милостью и особенным благоволением к иностранным народам, то они и прислали со мною с прошением письменным к государю императору сюда четырех старшин, в их роде самых знаменитых и испытанных в вере и честности людей с тем, чтобы они следовали к высочайшему его императорского величества двору и исходатайствовали от имени всей их нации у высочайшего престола на прописанные их положения всемилостивейшего соизволения и им покровительства, которых старшин я к вашему высокоблагородию для личного от них отобрания всех сведений о причине их сюда прибытия имею честь при сем представить (Документ без подписи.).

ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 475, лл. 5—6 Копия

№ 83

Из донесения директора Астраханской почтовой таможни министру коммерции Н. П. Румянцеву о поездке А. Аракелова на Мангышлак и желании туркмен-абдалов принять подданство России

12 декабря 1801 г.

Полагая главнейшим всегда предметом в прохождении моих обязанностей попечение о приведении здешней торговли во всевозможное совершенство и предохранении оных ото всех неприятных и действующих на ее благосостояние влияния, искал я давно случая показать новый опыт моего ей усердия и благоприятствования; а на каковой конец поручал многим испытанным в знаниях о здешней коммерции торговым людям доставить мне к тому каковое-либо ближайшее средство. В числе коих прошлого 1800 г. возложил я на здешнего купца Артемья Аракелова испытать внутреннее состояние здешней торговли с Бухариєю, Хивою, Туркменией и отыскать благонадежнейшие способы ко удалению всех неблагоприятных соседних народов на нее покушении как полагающих всюду границы ее распространению и действию, [135] так как сей Аракелов с давних лет с помянутыми народами производит торг и по знанию их состояния нравов коммерческих и других оборотов прошлого 1798 г. послан был с данным ему секретным наставлением от бывшего здесь обер-коменданта и исправлявшего тогда должность губернатора Астраханской губернии господина бригадира и кавалера Алексея Базина во владение сих народов для исследования внутренних их движений, приверженности к российскому престолу и всех их расположении, относящихся до польз России. И который сего декабря 4-го числа, прибыв от Мангышлака в Астрахань на судне астраханского купца Скворцова, письменно мне донес, что он, руководствуясь данным ему от меня наставлением, по бытности его в Мангышлаке, старался всемерно изыскать лучшие и удобнейшие средства к расширению в тамошнем краю торговли российской, наблюдать за всеми видами тамошних народов, их согласии и расположениях к Российской империи... (Опущены сведения, содержащиеся в док. № 82.) Аракелов в таковых добрых их к Российской державе расположениях уверил их высокомонаршею милостью и особенным к иностранным народам благоволением, то они и прислали с ним в Астрахань с письменным государю императору прошением четырех человек знатнейших в их роде и испытанных в вере и честности старшин, именующихся: первый — Довлет Мурат Нияз Батырев, второй — Бегенч Мурадов, третий — Түфугулл Батыр Карабатырев, четвертый — Эрали Дурды Муратов, и с тем, чтобы они, представ к высочайшему его императорского величества двору, ходатайствовали от имени всей их нации у высокомонаршего престола ей покровительства... Почему я принял тех старшин с приличной лаской и приязнью, расспрашивал их о всех предметах до коммерции российской с ними и другими соседними народами касающихся, и они торжественно уверили меня, что желают

споспешествовать ей всеми мерами, для чего намерены просить именем их нации государя императора о принятии их в российское покровительство, а притом уверили, что буде прописанные их положения благосклонно будут приняты, то они ко утверждению и сохранению оных на все вечные времена пожертвуют всею их собственностью и силами. Каковые обстоятельства я почитая достойными моих о здешней торговле и ее пользах попечении, приемлю смелость представить оные к высокому вашему сиятельству благорассмотрению и уважению. А притом изъяснить, что торговля с бухарцами и хивинцами могла бы быть в лучшем гораздо совершенстве и приносить России превосходнейшие и не сравненные с настоящими выгоды, ежели б не стеснено было соседними кочующими и обыкновенным им грабежом живущими народами, поелику они нередко разными к тому покушениям,¹ и междоусобными враждами пресекают путь к привозу бухарцам и хивинцам на Мангышлакскую пристань товаров и отправлению их на российских купеческих судах в здешний порт. Тем паче, что при сей пристани, как окружаемой одними кочевыми и к торгам не приобыкшими жителями, для торгующих от стороны России, Бухарии и Хивы никакой обороны и защиты не предположено, а потому российские суда по прибытии к той пристани, часто стоя на открытом море по месяцу и более, предоставляют выгрузку из судов и нагрузку во оные товаров до того времени, пока между всеми тут кочующими ордами и купечествующими людьми утвердится доброе на каковых-либо известных условиях согласие и взаимная дружба. А иногда те суда, успев каковыми-либо средствами выгрузить российские товары на берег, по таковому их неустроенному положению принуждены бывают, недождавшись груза, возвращаться от иной пристани и в здешний порт пустые, чему доказательством служит то, что нынешнее лето отправившиеся в [136] другой рейс к показанной пристани четыре мореходных судна по междоусобной там между соседними народами, расположенными жительство и кочевием по туркменскому кряжу, ссоре и неприязненной вражде никаких товаров из Хивы и Бухарин для груза получить не могли. Так как купцы тамошних краев уверяют, что хотя оные и привезены будут, но тогда, когда восстановится между жителями, весь Караганский мыс занимающими, спокойствие и мир... По соображении всех сих сведений, я осмеливаюсь мыслить, что если помянутые туркменцы удостоены будут российского подданства и особенного ее покровительства на предполагаемых ими мнениях, то коммерция россиян в Мангышлакской пристани с Хивою, Бухарию и прочими союзными владениями воспримет навсегда свободное действие, да и возвысится к пользе российской до высочайшей и всевозможной степени. Впрочем, я надеюсь, что все сие благодушно вашим сиятельством принято будет и мое безпредельное к благоденствию отечества и к вашему сиятельству усердие удостоится милостивого вашего внимания. Засим с моим истинным высокопочитанием и глубочайшею преданностью имею честь навсегда пребыть.

С. Иванов

ЦГИАЛ, ф., 13, оп. 2, д. 475, лл. 1—4 об.
Копия.

№ 84

Отношение оренбургского военного губернатора вице-канцлеру А. Б. Куракину об отправлении в Петербург депутации туркмен Мангышлака (Речь идет о посольстве Пиргали-хана, прибывшем в Оренбург летом 1801 г.)

12 декабря 1801 г.

Исполняя именное его императорского величества повеление, объявленное мне 27-го числа июля сего года вашим сиятельством (27 июня 1801 г. А. Б. Куракин сообщил оренбургскому военному губернатору Н. Бахметьеву, что депутации туркмен Мангышлака дано разрешение ехать в Петербург (см. АВПр, ф. Гл. архив 1—8, д. 2, лл. 7—7 об. 15—15 об.)), вызваны были

мною сюда депутаты от туркменского народа (В состав посольства входили: Кульмухаммед Таганниязов (от части абдалов), Джанмухаммед Егенметов (от игдыров), Мухаммеднияз Касыбаев (от бузачи), Кусаб Батыр Сарыбеков (от човдуров), и Кульмухаммед Денгизбаев (от бурунчуков) См. АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 2, лл. 21—23 об., 92—93, 154—155. См. также док. № 91), просящегося во всероссийское подданство, да и управляемый [управляющий] тем народом хан киргиз-кайсацкой Меньшей орды Пиргали-султан, и сколько не старался я отклонять их, чтобы они, перепоруча мне прошение от народа и все бумаги, до предмета сего касающиеся в рассуждении отдаленности, предоставились в обитаемых ими местах и ожидали монаршего благоизволения, но никакими средствами убедить не мог, и по усиленному настоянию их решился отправить при сем к вашему сиятельству для всеподданнейшего к его императорскому величеству представления, кто ж именно в депутации, и при них приставом с чиновниками подношу у сего список. Причем осмеливаюсь вашему сиятельству донести, что от принятия туркменского народа, в пяти поколениях состоящего, в российское подданство, по разведываниям [137] моим, польза быть может та, что они пред прочими азиатскими народами отлично вооружены и потому способны к препровождению следуемых отсель в Азию, а особенно в Хиву и оттоль сюда отправляющихся купеческих караванов, которые за препровождением их предохранятся от тех грабежей, каковы доселе от неблагомыслящих киргиз-кайсаков происходили. Во внимание чего, а особливо по продолжаемой к султану Пиргали всем вообще киргиз-кайсацким народом доверенности, опытностями по делам пограничным доказанной, полагаю мнение мое: удовлетворить желание туркменского народа, поелику султан Пиргали со временем непременно будет преемником хана киргиз-кайсацкого, ибо кроме его, место сие сколько по описанным мною обстоятельствам и по первенству из роду никто занять не может. Что и все предаю в особенное вашего сиятельства благорассмотрение и притом рекомендую в милости вашего сиятельства трудящегося непрерывно по заграничным делам штата моего секретаря 7-го класса Мысовцова, равно пристава Ферари, переводчика титулярного советника Биктяшева и казакского сотника Свяженинова с прочими чиновниками и все то, что ходатайством вашим от щедрот монарших излить на них изволите, приму я неоценимым себе даром. Сколько же для снаряжения депутатской свиты издержано здесь денег, об оном от пограничной комиссии в Государственную коллегия иностранных дел представлен счет. Впрочем с совершенным высокопочетанием и таковою же преданностью имею честь быть.

Николай Бахметьев

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 2, лл. 16—17.

Копия.

№ 85

Прощение туркмен Мангышлака на имя Александра I о принятии их в подданство России

[1801 г.]

Имея счастье быть при августейшем вашего императорского величества дворе, как и родители наши, кои, находясь здесь в царствование ее величества блаженной памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны с изъявлением приверженности их и искреннего усердия августейшему двору империи всероссийской, удостоились получить от нее, великой государыни, высочайшее позволение брать ежегодно с каждого российского купеческого судна, приезжающего к нашим берегам, по некоторому количеству муки на пропитание, кторую они и пользовались; а по чем и мы непрекословно пользуемся, но как ныне мы надеемся оных родителей наших в счастии превзойти, когда удостоимся всемилостивейшего принятия нас в высокое вашего императорского величества подданство и покровительство, то в случае события сего столь усердного желания нашего все четверо, припадая к священным стопам

вашим, просим взамен вышеозначенной всевысочайшей милости не оставить нас, новых ваших подданных, без пропитания и от щедрот вашего величества определить на оное, что благоугодно будет, а доставившему нам честь быть у двора такого великого государя оказать высокомонаршее ваше внимание, [138] впрочем, уповая на милосердие, пребываем высочайшей воле покорны и послушны.

В чернильных печатах означено: в одной — мулла Довлет Мурат, а в другой — Эрали-бек.

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 4, лл. 180—181.

Перевод с туркменского.

№ 86

Из записки директора Астраханской таможни о туркменах и состоянии торговли России со Средней Азией (Опущено начало документа о торговле в Хиве и Бухаре; здесь же вскользь упоминается о торговых взаимоотношениях Хивы и Бухары с туркменами-йомутами, салырами и текинцами. В документе указывается, что Бухара вела торговлю с Россией по путям, пролегавшим через земли текинцев и салыров)

[1802]

Нынешнее состояние Туркмении (В публикуемой записке сохраняются подлинные подзаголовки документа)

Туркменцы в [недавние], по-видимому времена по военным обстоятельствам к нуждам в пропитании многочисленного их скота разделились на многие роды и ведут кочевую жизнь большею частью по берегам Каспийского моря, около разных персидских, ближайших к Хиве, Бухарии и владениям афганского хана, провинций и по Мангышлакскому кряжу: из них знатнейшие в своем роде известнейшие текинцы, которые между Персиею, Хивою и Бухариею со своим скотом проживают; иомудцы от Астрабадского залива к Бухарии и Хиве, кочевой также пост свой занимают; гокленцы от Персии к Мангышлаку по реке Гургенке неперемное свое пребывание имеют; абдальцы, разделившиеся в последние времена на восемь колен и по названию их родоначальников большею частью известные, прежде сего кочевали все около Мангышлакской пристани и при тех самых местах, где российские купеческие суда пристают, поныне по недостатку для самих их хлеба и для скота корма, также по притеснению от кайсаков как (по) всей стране усилившиеся четыре из сих поколений, как-то: бурунчук, човдур, игдыр и бузачи, а всех до шести тысяч кибиток переселившись в степи, около Хивы и Бухарии лежащие; а четыре последние, именующиеся: первое — дели, второй — курбан, третье — огры, четвертое — менгли-ходжа, а всех до четыре тысячи и пяти тысяч кибиток остались навсегда при той пристани и живут там со своим скотом во все зимнее и летнее время.

Торговля туркменцев

Туркменцы, хотя все торгуют с соседними народами скотом, звериными кожами и некоторою частью других товаров, но несравненно больше прочих упражняются к торгу гокленцы в Персии, иомудцы во владениях афганского хана, в Хиве и Бухарии, а особливо приводят в сии земли для промена на товары довольное число прекраснейших лошадей, известных по превосходным качествам их под названием сего рода во всей Азии и несколько в России, абдальцы также торгуют с Хивою сухим путем, а с Россиею через Мангышлакскую пристань. Кроме звериных и овечьих кож, хлопчатую бумагою в Хиве, на скот [139] вымениваемую, привозят сюда также некоторую часть фруктов и других товаров. При всем том туркменцы сего рода, особливо при Мангышлаке живущие, способствуют в перевозе хивинцам и бухарцам их товаров к Мангышлаку и доставлению из Персии на купеческих судах, ими вывозимых во владения сих народов, охраняя военною рукою их в пути от нападения и расхищения их

товаров кайсаками, известными всем азиатским народам под названием разбойнического рода табун, которые для единственного разбоя и грабежа, на летнее время превыше изъясненной горы, лежащей на переднем пути в Бухарию и Хиву, называемой Ернек, кочевьем своим располагаются. В доказательство ревностного и сильного сей торговле благоприятствия часто ведут те туркменцы с сими кайсаками кровопролитные и стоящие им иногда жизни брани и как означенные кайсаки многолюднее сил туркменцев и в жизненных съестных припасах достаточнее, то последние усилию первых при всей природной их храбрости и неустрашимости принуждены бывают часто уступать. Однако ж, укрепясь в местах их пребывания тех кайсаков вооруженных и на брань ополченных до двенадцати тысяч человек, прогоняют, поражают и никогда до расхищения собственности их и купцов, с ними соединенных даже национальною дружбою, не допускают.

Средство по усовершенствованию российской торговли через Астраханский порт с Хивую, Бухарию и другими соседними народами

Мангышлакскую пристань все торгующие здесь сопредельно с Каспийским морем и в окрестности оного обитающие народы почитают средоточием и важным центром их с Россиею торговле, 1, потому, что сия пристань для торгового их сообщения по Каспийскому морю с Россиею через Астрахань изо всех чужестранных портов есть ближайшая; 2, что для всех соседних народов в другие российские границы, как то: Оренбург, Троицк и Палантинную крепость лежат пути через степные места и владения таких народов, кои на каждом шагу торгующих угнетают и грабят, а буде и не так, то издержки на обласкание их, на всем пути употребляемые, бывают для них крайне велики и чувствительны; 3, для сообщения в Россию своих товаров стекаться могут к той пристани не одни хивинцы и бухарцы, а союзные с ними узбекцы, иомудцы, текинцы, афганцы и другие многочисленные народы.

Директор С. Иванов

ЦГИАЛ, ф. 13, оп. 2, д. 475, лл. 17—22 об.

Копия.

№ 87

Рапорт пристава Феррари чиновнику Азиатского департамента С. Г. Лошкареву о прибытии в Петербург депутации туркмен Мангышлака (Посольство Пиргали-хана направилось из Оренбурга в Петербург 23 декабря 1801 г. Об отправке депутации см. АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 2, лл. 21—23, 92—93, 154—155)

28 января 1802 г.

Вследствие высочайшего его императорского величества повеления с отправленными ко двору его императорского величества от [140] туркменского народа депутатами и прикомандированными к ним разного званиями чиновниками, на обороте сего в списке значащимися, сего числа в столичный город Санкт-Петербург прибыли благополучно. О чем вашему превосходительству покорнейше имею честь донести.

Пристав капитан Феррари

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 2, л. 20.

Копия.

№ 88

Донесение С. Г. Лошкарева в Министерство иностранных дел о прибытии в Астрахань депутации туркмен-абдалов Мангышлака (Депутация прибыла в Астрахань еще в декабре

1801 г. и обратилась к астраханскому гражданскому губернатору с просьбой об отправке ее в Петербург (ГААО, ф. I, оп. 1, д. 68, л. 1.).

26 февраля 1802 г.

По содержанию полученного на высочайшее его императорского величества имя от господина генерала-лейтенанта Кнорринга рапорта от 1-го числа сего февраля (Документ не публикуется) и по содержанию сообщения его в Коллегию иностранных дел от того ж числа (Документ не обнаружен), при коем препровождено в подлиннике с переводом прошение к его императорскому величеству от мангышлакских старожил и всего народа, у сего на усмотрение прилагаемое и врученное помянутому генерал-лейтенанту прибывшими оттуда в Астрахань четырьмя старшинами их (О составе посольства см. док. № 83, 92.), долгом почитаю представить, что как сие поколение туркменцев особо занимается коммерциею и кочует при берегах Каспийского моря у Мангышлака, куда нередко пристают российские суда для торговли, коей сии туркменцы оказывают должное благоприятие, то кажется и не без нужно о пропуске тех старшин или посланцев испросить у его императорского величества повеление отправить их к высочайшему двору (6 марта 1802 г. вице-канцлер А. Б. Куракин сообщил астраханскому военному губернатору К. Ф. Кноррингу, что «государь император высочайше соизволяет, что все они, четыре старшины, оставленные вами в Астрахани до получения резолюции, были отправлены к высочайшему двору» (см. ГААО, ф. 1, оп. 1 д. 68 лл. 28—28 об).). А здесь по прибытии их можно будет сделать надлежащее постановление о принятии сего народа в подданство и высокое его величества покровительство, сколько для распространения здешней коммерции, а паче в преграду Персии, Бухарии и хивинцам на всякий случай впредь по обстоятельствам, какие могут встретиться, так как и прежде старание о сем было. О чем, по долгу моему представив, передаю на благорассмотрение.

Сергей Лошкарев

АВПР, ф. Гл. архив, 1-8, д. 4, лл. 9—9 об.

Копия

[141] № 89

Из рапорта астраханского гражданского губернатора А. Повалишина в Коллегию иностранных дел об отправке в Петербург депутации абдалов Мангышлака

27 апреля 1802 г.

Вследствие отношения, последовавшего ко мне от господина генерал-лейтенанта астраханского военного губернатора, начальствующего здесь по гражданской части, и кавалера Кнорринга с приложением при оном в копии такового ж им полученного от господина вице-канцлера действительного тайного советника и кавалера князя Александра Борисовича Куракина с изображением в оном высочайшего его императорского величества соизволения об отправлении к высочайшему двору прибывших в Астрахань от мангышлакских туркменских старожил и всего народа четырех старшин, отправил я оных с двумя при них туркменцами и одним отправленным от меня к ним за пристава отставном губернаторском секретаре Горранове в С.-Петербург (Депутация прибыла в Петербург в мае 1802 г., где пробыла более девяти месяцев. В январе 1803 г. депутация туркмен-абдалов попросила отправить ее обратно на Мангышлак, мотивируя это тем, что их «отчизну беспокоят кочующие вблизи народы» (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 183—183 об). Касаясь задержки депутатов в Петербурге, С. Лошкарев в записке государственному канцлеру от 21 февраля 1803 г. писал, что они не могут выехать на родину, так как «по сие время по делу их [нет] никакого решения» АВПР, ф. Гл. архив 1-8, 1801 г, д. 4, лл. 68—71.) к означенному господину вице-канцлеру и кавалеру, употребив на отправление их из экстраординарной суммы распоряжения помянутого господина генерал-лейтенанта и кавалера денег (Опущен перечень расходов по отправке

депутации из Астрахани в Петербург.).

Тайный советник Повалишин

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 4, лл. 17—17 об.

Копия.

№ 90

Прошение туркменского старшины Эрали-Бека главнокомандующему на Кавказе генералу Цицианову о постройке крепости на Мангышлаке и присылке денег и боеприпасов (Письмо Эрали-бека упоминается в отношении генерала Тормасова государственному канцлеру Н. П. Румянцеву от 12 марта 1810 г. (см. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1. д. 210, лл. 2—3))

Не позднее марта 1802 г.

Я просил астраханского губернатора позволить мне ехать к вам, он мне отвечал, что представит вашему высокопревосходительству, и какой ответ получит, о том меня уведомит, и для того меня оставил здесь (В Астрахани); и теперь десять месяцев, как я здесь нахожусь, и губернатор мне ничего еще не объявил, и народ меня просит об ответе их уведомить. Его императорское величество принял депутатов сего народа, уверил их в безопасности и обещал построить крепость, и [142] четыре депутата, в числе коих и я, были отпущены с удовлетворением, и мы по возвращении объявили народу о толикой милости монаршей в рассуждении построения крепости, чему весьма радовался народ. Сверх того, прибыл один чиновник по повелению и собрал народ наш, спрашивал у него, мерил места и, взяв письмо у народа, возвратился назад; от сего мы весьма радовались и получили надежду на милости государевы, но по отъезде вышесказанного начальника никакого известия не имеем о нашем деле. Сверх того, терпим крайнее беспокойство от бухарских и хивинских жителей, и в Хиве безвинно убиты 17 человек наших, до сих пор с наших купцов не брали пошлин, а теперь берут. Вкратце о всем сем донеся вам, ожидаем разрешения на построение крепости и если в сем произойдет медленность, то по крайней мере прикажите отпустить нам пороху и свинца, так равно и 10000 рублей медными, так как мы не имеем денег, коими бы мы могли производить торговлю с бухарскими купцами, пятый год как мы ожидаем милости от государя. (По указанию Александра I старшинам туркмен-абдалов, а также купцу А. И. Ягулову были преподнесены различные подарки и денежные награды (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, л. 11—12))

Приложена печать Эрали-бека, депутата мангышлакского народа

АВПР, ф. Гл. архив 1—10, д. 1, лл. 9—10.

Перевод с туркменского.

№ 91

Грамота Александра 1 об утверждении Пиргали-Султана ханом туркмен Мангышлака и принятии их в подданство России (Проект грамоты см. АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1800 г., д. 2, лл. 48—49)

9 мая 1802 г.

Объявляем через сие всем нашим подданным: к нашему императорскому престолу всеподданнейше представили начальствующий в туркменском народе Пиргали-султан и тамошние исенского роду беки, бии, батыри и все их общество через нарочно присланных к высочайшему двору нашему депутатов о приверженности их о усердном всех их желании принять высокое наше покровительство и подданство. Депутаты же сии, объясняясь далее, о том же просили в случае удостоения их оным утвердить управляющего тем народом Пиргали-

султана ханом.

А как он, Пиргали-султан, управляя сим народом до тридцати лет, по засвидетельствованию помянутых исенского рода беков, биев, батырей и всего их общества оказывал всегда по примеру отца своего и деда к престолу нашему усердие и верность, что все они управлением его и правосудием довольны, да и мы, великий государь, наше императорское величество, особо о всем том известны. То всемилостивейше снисходя на вышеозначенное туркменского народа желание, засвидетельствованное здесь депутатами его почетными Туланом Ирназаровым, Джан Мухаммед Джиган Метбековым, Кул-Мухамед Тага-нияз Батыровым, Кусаб Батыр Сарыбековым, Кул Мухамед Данзбековым и Мухамед Нияз Касбаевым, так же и на засвидетельствование об нем, Пиргали-султани, силою сей высочайшей императорской нашей грамоты, всемилостивейше приемля весь оный туркменский народ, в [143] отделениях абдальском, бурунчукском, джаудурском (Човдурском), игдерском (Игдырском) и бузачинском состоящий, в наше подданство и покровительство, подтверждаем и управляющего ими Пиргали-султана ханом, повелевая всем нашим вышеозначенных отделений подданным в сем достоинстве его признавать и пристойное во всяких случаях отдавать почтение (Церемония утверждения Пиргали в должности туркменского хана состоялась в Оренбурге 4—14 декабря 1802 г. см. АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1800 г., д. 2, лл. 115—129. Там же (л. 177) имеется текст его присяги на верность России. В проекте так называемой «обвестительной грамоты» от 9 мая 1802 г. бекам, биям, батырям пяти названных выше туркменских родов сказано, что они должны оказывать Пиргали хану «надлежащее почтение и послушание во всем, что к благу и пользе туркменского народа к долгу нашего императорского служения относиться может» (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1800 г., д. 2, лл. 52-53). Сохранилась также присяга старшин туркменских племен - абдалов, бурунчуков, човдулов, игдыров и бузачи, где они обязуются, «верными, добрыми и послушными подданными быть и служить его величеству верно, так то верным подданным надлежит и никакой противности ни явно, ни тайно не чинить, и во всем поступать и исполнение чинить по его, императорского величества, указу, не жалея живота своего, и нам вообще с туркменским народом быть в повиновении и спокойствии и от всяких предприятий противу интересов его императорского величества удержаться и также народу пользу соблюдать, а ежели мы собою сего учинить не можем, о том заблаговременно через поставленного над нами хана давать знать российским пограничным командирам». (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1800 г., д. 2, лл. 121—122).). Напротив чего мы, великий государь, наше императорское величество надеемся, что он, хан, не оставит, тем паче хранит дознанную его к нам, великому государю, приверженность и верность и поступать во всем по указам нашим, как подданному нашему благопристойно есть и надлежит, стараясь и означенный подданный наш туркменский народ содержать в порядке и на благо правосудием по закону и обыкновением той земли довольствоваться. Сию же нашу высочайшую грамоту мы, великий государь, наше императорское величество, собственноручно подписав, повелели утвердить государственною нашею печатью.

Александр

ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3803, лл. 40—46.

Копия

№ 92

Прошение туркмен-абдалов Мангышлака в Министерство иностранных дел о принятии их в подданство России

4 июня 1802 г.

(Дата представления документа в Министерство иностранных дел. Депутация прибыла в Петербург 24 мая 1802 г.

(см. АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801г., д. 4, лл. 3—3 об.)

В царствование ее величества блаженной памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны, отцы наши, и именно: Нияз-Багадур-бай Берды-оглы, Камбар-бай Назар-оглы, Суюрбаб-бай Генж Мугаммед-оглы и Кара-Багадур Достум-оглы имели счастье находиться при августейшем ее дворе и в знак высокомонаршего к их усердию и приверженности благоснисхождения удостоены высочайшей ее величества грамотой (которой повинуются вся [144] вселенная) (См. док. № 35, 38) с коей копия уповательно и ныне в архиве Государственной коллегии иностранных дел имеется и содержание которой суть следующее: «Жителям Мангышлака позволяется приезжать морем в Астрахань и отправлять в сем городе свободно их торговлю», каковым правом они всегда беспрепятственно и пользовались. По смерти их мы, четверо, вступая по наследству во управление принадлежащую каждому из них частью абдальского отделения туркменцев, а именно: первый из нас старшина мулла Довлет Мурад Нияз Багадуров, ставший управлять родом, именуемым огры, состоящим из 1400 семейств, второй Бегендж Мурад-беев — частью менгли-ходжа, состоящих в 1000 семействах, третий Тогулга Кара Багадуров — частью, именуемой курбан, в восьмистах семействах, и четвертый Эрали Дурды Мурадов — частью дели, тоже в восьмистах семействах состоящую, не оставили по примеру вышеименованных отцов наших продолжать к высочайшему его величества двору равные им приверженность и усердие препровождением российских караванов в Хиву и Бухарию к обратно в Россию, обходясь всегда с купечеством дружелюбно и ласково и оказывая ему все зависящие от нас услуги. Также выкупом собственными нашими деньгами российских пленников, увлеченных киргиз-кайсаками и запроданных в Хиву и Бухарию, и доставлением их к российским начальникам. Но теперь уже тринадцать лет протекает, как астраханский житель армянин Авет Исаевич Ягулов, по торговому его промыслу в Мангышлак ежегодно приезжавший, усмотри оказываемое нами российским подданным услуги и ежечасно терпимые от окружавших неприятелей беспокойства и случающиеся нередко ссоры и примирения, подавал нам всякий раз совет в отвращение того вступить в высокое его императорское величество покровительство и подданство и обнадеживал неограниченными его милостями, когда с прошением о том к августейшему его величества престолу мы предстанем. Наследованная еще от отцов наших к высокославному всероссийскому; дворцу приверженность, таковым благонамеренным советом вышеозначенного Ягулова, наивяще усугубленная, побудила нас намерение; наше произвести в действо. Почему и не оставили мы о желании вступить в высокое его императорского величества покровительство и подданство объявить вышеозначенному управляемому нами народу, который, будучи таковым нашим предложением крайне доволен, препоручил старание о том в полное наше распоряжение, написав от всего общества к высочайшему его величества двору всеподданнейшее их о том прошение, которое во удостоверение чернильными печатями и тамгами их утвердили. Приуготовясь к пути в С.-Петербург, не оставили мы о том предварительно уведомить упоминаемого астраханского жителя Ягулова, а он по получении того известия в то же время, то есть прошлой осенью прислал к нам с судном своего приказчика Арутюна Аракелова, который, не имев с собою никаких товаров, также не нагружая ничего и на обратном пути, привез нас в Астрахань без всякой платы. По прибытии туда он же, Ягулов, по приверженности его к высочайшему двору (А. И. Ягулов в действительности был движим не столько «верноподданическими» чувствами, сколько своими личными выгодами. Содействуя депутации туркмен Мангышлака, он, как это видно из его письма от 16 апреля 1803 г., рассчитывал, что царское правительство поручит ему дела «по предмету познания промышленности [туркменского] народа, по ту сторону Каспийского моря обитающего» см. АВПР ф. Гл. архив 1—8, 1801 г, д. 4, лл. 130—130 об.), до воспоследования на пропуск нас в С.-Петербург высочайшего повеления, содержал всех нас и с служителями ровно два месяца на своем коште и оказывал во все то время [145] всевозможные со стороны его услуги и потом, оставя свою торговлю единственно в удовлетворение нашей просьбы, приехал сюда купно с нами на собственном его иждивении, каковыми поступками его мы крайне

довольны и останемся вечно ему обязанными. Ныне, имея счастье находиться при августейшем его величестве дворе, осмеливаемся, повергнув себя в лице всего подвластного нам вышеозначенного абдальского отделения туркменского народа к подножию священного его императорского величества престола, всеподданнейше просить о всемилостивейшем принятии нас в высокое его величества покровительство и подданство и о излиянии на нас в знак высокомонаршего благоснисхождения неограниченных его величества милостей: 1-е, высочайшим повелением построить на Мангышлаке близ гавани небольшую крепость с определением в оную российского начальника с потребным числом служителей, дабы в случае нападения неприятствующих нам киргиз-кайсаки или во время насилий, ими чинимых, когда мы имеем нужду запастись съестными припасами, могли иметь там безопасное убежище и защиту; 2-е, позволением в Караганской гавани, близ обитаемой нами издревле земли Гедик производить по-прежнему ловлю тюленей, каковым правом отцы наши, а потом и мы беспрепятственно всегда пользовались; но четыре уже года, как граф Кутайсов, имеющий поблизости к тому месту принадлежащие ему земли, сей промысел заградил, лиша нас чрез то получаемого доселе необходимого дохода; 3-е, взысканные Астраханской таможней с привезенных к нам туда из Мангышлака собственных наших 58 тюков простого миткаля (*Миткаль — суровая тонкая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения*) и пряженой бумаги (*Сей товар, о коем они показывают, вывезен ими не для коммерции, но единственно по выручке из него денег для употребления на свои надобности (примечание в документе)*), пошлины 1170 руб. повелеть из высокомонаршего милосердия от неограниченных его величества щедрот возратить; 4-е, во уважение крайней надобности, какую имеем мы в стали, которую уже лет 10 как из российских портов за границу вывозить запрещено, всемилостивейше позволить нам, при возвращении восвояси купить для нашего обиходу вышесказанного металла пудов до тысячи и вывозить его с собою беспрепятственно в Мангышлак; и, 5-е, привезенные нами к августейшему его величества двору от управляемого нами абдальского отделения туркменского народа, в четырех тысячах семействах состоящего, всепокорнейшее прошение, утвержденное их печатями и тамгами, удостоить высокомонаршего его величества воззрения и исходатайствовать по оному всемилостивейшую резолюцию согласно с их желанием, а нас, нижайших, равно как и упоминаемого астраханского жителя Ягулова, благонамерением его советом и усердными услугами толико нас обязавшего, осчастливить излиянием неограниченной его величества милости, всемилостивейшим постановлением приличными чинами и другими знаками высокомонаршего к нам благоснисхождения, дабы сим могли мы пред прочими хвалиться. Также и шестнадцать старшин, остающиеся в Мангышлаке, и именно, кази Егеннияз Тангри Бердиева, Бай Полад-бек Поладова, Мухамед Нияз Багадур Хаджи Ниязова, Ширдали Бекмурадова, Кочкар Баидова, Нияз Мурад Худайбердиева, Могамед-хан Шахмурадова, Кочбег Давледжанова, Ширназар Елумова, Омар Есаулова, Полод Бекиева, Новад Гельди Кадир Бердиева, Халли-бай Яр Нефесова, Мухамед Нияз Оглыева, Каныш Аман Ниязова, Эсен Нияз Матэюбова и Айдогды Мухаммедова не лишить излияния неограниченных его величества милостей, какими удостоить высочайше благоугодно будет. Такого беспримерное [146] всемилостивейшего и богоподобного нашего государя и обладателя благоснисхождения и милосердия вяще и вяще усугубит в сердцах наших продолжающуюся издавна к августейшему его двору приверженность и обяжет по жизнь нашу высочайшим его повелением повиноваться и молить всевышнего о долголетнем его императорского величества царствовании, равно как и прославлять повсюду высокославное и прозорливое ею министерство.

В чернильных печатях означаются следующие имена Мулла Довлет Мурад Нияз Багадулов, Бегендж Мурадбеев, Тогулга Кара Багадулов, Эрали Дурды Мурадов.

Записка С. Лошкарева в Министерство иностранных дел о туркменах-абдалах Мангышлака

18 июня 1802 г.

Абдальский народ поднесь, кроме усердия и преданности, никакие противностей не оказывал; напротив того, принадлежащих к нему торговых людей и проезжающих в Хиву, Бухарию и прочие места всегда дружески принимает, защищает и до оных провождает.

Абдальцы к сбережению своих гостей и защищению всегда брали свои меры; случалось, что за них с киргиз-кайсацкими, хивинскими и прочими разбойниками сражались и освобождали их как от рук сих злоумышленников, так и товары, не щадя жизни. Как скоро проводят или от российских начальников получают известие, что вышесказанными необузданными российские подданные уведены в плен, то сии туркменцы всегда стараются отбить оных, или, отыскав и искупив, прислать в те места, куда способнее, без всякой за то оплаты (В одном из документов, помеченном 20 августа 1802 г., имеются сведения о том, что в 1799 г. мангышлакские туркмены выкупили 11 русских пленных из Хивы и доставили их в Астрахань. Астраханское казначейство, однако, не выплатило им полностью денег, израсходованных при выкупе пленных (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г. д.4, лл. 215—216).).

Народ сей к воровству не склонен, более привязан к торговле, скотоводству и ремеслу. Обитает около Мангышлака и держится около берегов моря, добродушен, верен, ревностен, ищет обрести высочайшее покровительство и подданство.

Получа желание свое, он бодрственнее и сильнее сделается. Почему и осмеливаюсь представить мои слабые мысли небесполезно принять его в высочайшее покровительство и подданство.

Выгода в том та, что когда он примется в подданство, то удвою свое могущество против степных бродяг, так что киргизские, хивинские и бухарские ханы и прочие владельцы принужденными найдутся более обуздывать своих подвластных и искать дружбы у них, абдальцев.

Относительно просьбы их о сооружении крепости, сие также небесполезно, ибо уже около сорока лет тому, как высочайший двор желает привлечь к себе сей народ и соорудить крепость, но поднесь остается без выполнения.

Место сие, где должна быть крепость, никому не принадлежит, как им, туркменам, и высочайшему двору, потому что от фарватера не [147] более в расстоянии как до двухсот верст. Оно весьма выгодно как для безопасности приезжающих с товарами купцов, так и в случае нужды, к приведению себя в безопасность от бродяг, где абдальцы на то краткое время могут противоборствовать бродягам. Буде государю-императору не угодно, чтоб здание сие именовалось крепостью, то можно оное наименовать гостинным двором, укрепленным для защиты от бродяг проезжающих и приезжающих российских купцов на судах и возах с товарами.

Сие укрепление, я полагаю, должно быть не в другом каком месте, как в Караганском мысе, откуда судовое и сухопутное хождение всюду безопасно и коротко, где найдена вода пресная и здоровая, а для лучшего об оном и достоверного сведения можно видеть на карте обстоятельнее.

Касательно же упоминаемой ими просьбы о Гедике, буде то справедливо, что они от предков своих всегда пользовались там ловлей тюленей, и буде графа Кутайсова приказчики против прав и сверх высочайше пожалованных ему мест, овладев непринадлежащими водами, воспрепятствуют им иметь сей промысел, то в таком случае высочайше позволить им по-прежнему пользоваться без ущерба одной и другой стороне.

При снабжении их высочайшей грамотой на покровительство и подданство астраханского же жителя армянина Ягулова, к которому они имеют свою доверенность, и так как торговые его суда всегда ходят в гавани и заливы тех мест и он имеет со всеми теми народами знакомство, то и

небесполезно будет его, Ягулова, к вашему поощрению пожаловать советником коммерции или ассессором, дав ему инструкцию от Коллегии иностранных дел и от Коммерц-коллегии, наименовав его депутатом сих народов, через что все их поступки и движения высочайшему двору известны будут, в инструкции же предписать, чтоб он, будучи в доверенности и тесной дружбе у обитающих тех мест разного рода туркменцев, о коих при сем прилагается список (Список не обнаружен), всячески старался также их между собою привести в согласие и довел бы их до повиновения высочайшему двору. Теперь он легко их может преклонить по причине принятия абдальцев под высочайшее покровительство и подданство, оставляя его, Ягулова, по-прежнему в производстве коммерции, но с тем чтоб прочим, в оной же упражняющимся, дать все способы и равное с ним преимущество в производстве торговли.

Таким образом, коммерция может производить свои торги безопасно, господствуя во всех тамошних портах и заливах, через что Хива и Бухария распространяет смело свои сношения с нашим купечеством по способности местоположения и переходов караванами.

О позволении же купить им для вывоза с собой стали на собственное их употребление, как железо и прочие металлы, позволено уже вывозить за границу, то и сего не благовелено ли будет высочайше позволить им вывезти просимое ими количество и также ежегодно позволить покупать по 500 пудов оного для собственного употребления народа, пришедшего в подданство и покровительство великого государя, ищущего в нем своего благоденствия. Равномерно позволить им вывозить каждый год муки до... (В тексте пропуск) кулей, ибо они в оной нередко нуждаются; хотя и позволяется по времени персианам вывозить оную, но сии трудно оное могут иметь.

За привезенные же к ним в Астрахань товары, состоящие в миткале и пряденой бумаге, кою они единственно вывезли, дабы по продаже сумму сию обратить на собственное употребление как люди, [148] приехавшие по делу, а не для коммерции, и за которые взято пошлины 1170 рублей, коя сумма, по их речам, до резолюции хранится в Астрахани, то показуя они прописанные причины, хотя б не справедливы были, но во уважение сего случая и первого их сюда приезда можно, кажется, все милостивейше им возвратить. А, когда воспоследует высочайшая императорская милость принятием в подданство, то четверем находящимся здесь старшинам дать средние золотые медали на голубой ленте, а прочим 16 человекам на красной и объявить, как только хотя мало покажутся после сего следы их приверженности и по долгу присяги повиновения их к признанному ими себе государю, тогда по оказанной ревностной службе и поведению имеют быть награждены чинами и другими милостями, по заслугам подлежащими.

Сергей Лошкарев

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп 1, д. 31, лл. 8-11

Копия (Копия хранится так же в АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 162—166; документ опубликован в АКАК, т. II, 1868 г., № 1997, стр. 999—1000)

№ 94

Из протокола заседания Комитета, учрежденного для устроения и распространения торговли по Каспийскому морю

2 августа 1802 г.

...

2. Прошения присланных к высочайшему двору депутатов от туркменского народа:

- а) о даче им грамоты, каковою удостоены были их предки от императрицы Елизаветы Петровны,
- б) о принятии их в российское подданство,
- в) о позволении построить в Мангышлаке небольшую крепость с определением в оную

российского гарнизона,

г) о позволении ловить опять тюленей близ Караганской гавани при земле Гедик, туркменцами издревле обитаемой, что им было запрещено графом Кутаисовым с тех пор, как отданы были ему земли, к сему урочищу прилежащие;

д) о возвращении взысканных с ним пошлин астраханскою таможнею 1170 рублей за привезенные к ним из Мангышлака 58 тюков простого миткалю и пряденой бумаги, которые выписали они для собственной своей надобности;

е) о позволении купить здесь при возвращении их восвояси пудов до 1000 стали для собственного своего употребления и о беспрепятственном выпуске оной в Мангышлак;

ж) о пожаловании их приличными чинами и другими знаками монаршего благоволения равномерно и о излиянии милости его величества на других 16 старшин, оставшихся в Мангышлаке, и, наконец,

3. О награждении астраханского жителя Ягулова, вспомоществовавшего им во всех их нуждах и давшего им совет вступить в подданство российское для избавления себя от беспокойства неприятелей, их окружающих.

Комитет по прилежном рассмотрении просьб сих находит, что принятие в подданство или паче покровительство российское сих племен [149] туркменских, не имея в себе никакого неудобства, доставит защиту народу сему мирному, промышленному и к земледелию прилежащему от киргиз-кайсаков, коих разные орды беспрерывно с места на место перекочевывающие, нередко его разоряют и, сверх того, принесет пользу торгу российскому на Каспийском море, который доселе не только приметного приращения не имел, но паче оскудевал. Предположение об удовлетворении сей просьбы туркменцев, уничтожая первую статью их требования, то есть возобновление грамоты, какою при императрице Елизавете Петровне жалованы, подкреплять, напротив того, желание их построить крепость в Мангышлаке, поелику и Комитет находит, что построение укрепления при Мангышлаке нужно:

1) для убежища туркменцев, приезжающих туда для торгова с русскими купцами, морем к сему урочищу прибывающих; 2) для пристанища купцам, кои по нечаянному же случаю или по оборотам торговым некоторое время в том месте прожить принужденными найдутся и для рыбных промышленников, на всем левом берегу Каспийского моря ни одного места не имеющих, в коем бы совершенно от набегов киргиз-кайсаков безопасны были; 3) для складки товаров, кои на мену туда привозятся. Укрепление же не должно быть огромно, ниже во всех правилах фортификаций, а только достаточное оградить от киргиз и иметь гарнизон достаточный, но не излишний, что всеместному начальнику одному назначить удобно.

Позволение туркменцам ловить тюленей, мнит Комитет, не должно отказывать не только в тех местах, где прежде ловили, но что буде истинно их показание и имеют они неоспоримое право, но можно бы им особливо по принятии их в подданство пользоваться сею выгодою наравне с прочими российскими промышленниками, если бы не должно для самих же туркменцев ожидать больших затруднений от первых и для того почитает нужным назначить им определенно места, на коих они могли бы производить ловлю тюленей.

Награждение чинами и другими знаками монаршего благоговения депутатов туркменских, как четырех сюда прибывших, так и 16 человек в Мангышлаке оставшихся, предоставляет Комитет величайшему благоизволению; почитал (бы), однако же, что пожаловать их медалями с малым отличием сюда приехавших от оставшихся в Мангышлаке достаточно, тем паче, что сверх сего по обрядам, наблюдаемым в России с азиатцами, получают они при отъезде другие ещё дары от щедрот его императорского величества.

Что лежит до армянина Ягулова, услугам и добрым советам коего сознают туркменцы быть много обязанными, Комитет почитает, что пожалование его чином сколько наградит его усердие к общей пользе, кое он явил при сем случае, столько поощрит на дальнейшие по сему предмету подвиги.

Требование депутатов о позволении купить и беспрепятственно провезти до 1000 пудов стали при возвращении восвояси не кажется Комитету неуместным, чего ради и положено

представить оное на высочайшее рассмотрение.

О возвращении же взысканных с них пошлин за привезенные в Астрахань для выручки на проезд сюда нужных денег разные товары Комитет не имел рассуждения, быв извещен через министра коммерции, что о сем он уже имеет высочайшее повеление.

Граф Валериан Зубов
Граф Николай Румянцев
Граф В. Кочубей

АВПР, ф., Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 222—226.

Копия.

[150] № 95

Из прошения старшин мангышлакских туркмен Александру I о развитии торговли с Россией

3 октября 1802 г.

Мы, верноподданные туркменцы, вашему императорскому величеству всенижайше доносим, что высокому престолу вашего величества верны и усердны, в чем вам, великому государю, учинили верноподданническую нашу присягу по закону нашему, целуя священный алкоран, и потом за долг себе почли отправить к высочайшему двору вашего императорского величества депутатами начальствующих наших чиновников и именно: Идолдурды-бека Нефесбахшиева, Казы Уразмаммет Нурымова, Биргали-бека Ходжа Бекиева, Казы Атнаберди Муллина, Баба-бека Иняшева и Довлета Муратова с донесением о общенародной нашей просьбе, которая состоит в том: во время царствования в бозе почивающего государя императора Петра Великого назначено было российскому купечеству по Каспийскому морю производить торг с нашим туркменским народом в трех местах, отчего купечество имело довольные выгоды; но как ныне в положенных двух местах не производится торговля, а производится торг во владении нашем в одном месте, почему всеподданнейше просим ваше величество позволить, дабы наше купечество могло производить торг в тех помянутых местах, для обоюдной пользы возобновить оные порты; означенные ж места депутатами нашими объявлены будут вашему величеству (**Ответ на это см. док. № 107**). Также осмеливаемся просить ваше императорское величество во выявление верноподданному вам туркменскому народу высочайшего благоволения повелеть построить здесь мечеть, дабы купечество, как из России, из Бухарии, так равно и из Ургенча сюда приезжающая, могли иметь одно назначенное место.

Всемиловейший государь, мы, все верноподданные туркменцы, всеподданнейше утруждаем ваше императорское величество сии просьбы наши с благоволением принять и учинить милостивейшее решение ... (**Опущен перечень имен и фамилий, подписавших прошение туркменских старшин**)

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1802 г, д. 5, лл. 59—61 об.

Перевод с туркменского.

№ 96

Письмо туркменских старшин Мангышлака в Министерство иностранных дел об их отказе подчиняться Пиргали-хану

Ноябрь 1802 г.

Предстоящим пред высочайшим и священнейшим престолом всепресветлейшего державнейшего, всемиловейшего и августейшего монарха всероссийского, тени божьей высокославным министрам **[151]** всенижайший и всеусерднейший мангышлакский

туркменский народ благоговейно доносит о нижеследующем:

Поелику приняли мы пред сим дерзновение отправить к высочайшему его императорского величества престолу четырех наших поверенных депутатов для испрошения у его величества высочайшего его соизволения на построение у нас на границе крепости, нужной для охранения нас от неприятелей и для безопасности здешней торговли, то по сему поводу весь мангышлакский народ и ныне нами единогласно всенижайше просит высокое министерство о исходатайствовании у его императорского величества высочайшего повеления на построение означенной крепости, ибо мы ныне находимся в крайнем расстройстве неприязненность киргиз-кайсак явно обнаружилась, и они чинят нам великие разорения; за сим осмеливаемся высокому министерству донести, что бывшие при высочайшем его императорского величества от Пиргали-хана депутаты августейшему его величества престолу донесли ложно, что оный хан их будет управлять двумя владениями: туркменами и киргиз-кайсаками, ибо когда бы он имел ханское достоинство, управлял народом порядочно и старался о спокойствии своих подданных, в таком случае и над десятью владениями мог бы быть ханом, но по причине беспорядков его и одним владением он управлять не может, как ныне вместо приязненности и ласки взбунтовал противу нас народ и чинит многие нам разорения, убивая людей наших и грабя принадлежащее нам имение, почему всенижайше просим высокое министерство войти в рассмотрение таковых тесных несчастных наших обстоятельств. В противном же случае мы принуждены же будем отправить к высочайшему его императорского величества двору ещё других депутатов наших со всеподданнейшим прошением о покровительстве его императорского величества всемилостивейшего нашего государя о устройстве нашего отечества, поелику мы совершенно ныне погибаем. А из вышеупомянутых ханских депутатов 1) Дулан есть ему родственник, 2) Кусеб Батыр из каракалпаков, 3) Икдыр из беглых, который между киргизцами кое как находился; сии люди суть вредные государству, и мы по преданности нашей к его императорскому величеству, великому государю, уверяем, что их речи и обещания вздорны и несправедливы. Прошлою осенью несколько киргизцев, приехав к нам, увезли особою обманом четырех наших человек и именно: Карамуллу и Гадел вместе с Аднаберди-муллою и с товарищами его. Ежели оные люди дерзнут явиться в столице его императорского величества, то всенижайше просим их арестовать, ибо хан хотя и именует себя владельцем сих двух народов, но сему быть никак невозможно, и все уверения их против сего будут ложны и несправедливы, ибо и оной хан некогда прибегал к нам и находился для безопасности своей под защитой нашей, во уверении чего собственноручно подписуемся и печати наши прилагаем.

Худай Шукур-караванбаши

Баба караванбаши

Худай Назар-караванбаши

Бегназар-казы Тангрыбердиев Юре

Мухаммед сын Мухамед-казя Енбулан

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4. лл. 168—188 об.

Перевод с туркменского

[152] № 97

Письмо Государственного канцлера туркменским старшинам Мангышлака с извещением о предупреждении Пиргали-хана прекратить против них свои враждебные действия

Март 1803.

Высокопочтенные и благородные абдальского отделения туркмен, обитающие при Мангышлаке, старшины, духовенство и прочие.

Из грамоты его императорского величества моего всепресветлейшего государя, данной на имя

ваше и всего подвластного вам туркменского народа, на всемилостивейшее принятие вас с оным в высокое его, государя императора, и империи всероссийской покровительство и к вам отправленной с депутатами вашими почтеннейшими муллою Довлет Мурад Нияз Багодуровым, Бегенч Мурад-беем, Тогульгою Кара Багадуровым и Эрали Дурды Мурадовым, вы усмотрите, что по содержанию особого прошения вашего в рассуждении Пиргали-хана и чинимых вам наглостей, какое послано от вас в ноябре прошлого 1802 г. (См. док. № 96) и по получении здесь поднесено на высочайшее рассмотрение, угодно было его императорскому величеству всемилостивейше повелеть мне на оное вам ответствовать. Я, исполняя таковое высочайшее повеление и поздравляя вас, высокопочтенные и благородные старшины, духовенство и прочие тем счастьем, что все вы купно с подвластным вам народом удостоены всемилостивейшего принятия в высокое его величества покровительство, в то же время вам сообщаю в ответ, что высочайшее повеление по желанию вашему о построении при Мангышлаке укрепления для защиты и охранения обоюдного купечества уже дано главнокомандующему на Кавказской линии генералу-лейтенанту князю Цицианову, как оное и сами вы обстоятельно увидите, можете в высочайшей его императорского величества грамоте, и что объяснение ваше о киргиз-кайсаках и о депутатах, бывших здесь в прошлом 1802 г. от Пиргали-хана, и лично о самом сем владельце принято во всем с полною верою, вследствие коего ныне же и послано к тому хану повеление, чтоб накрепко подтвердил всем, кому следует, оставить вас и подвластный вам народ в покое, отнюдь неприязненности никакой не оказывать.

О чем уведомляя вас, высокопочтенные старшины и духовенство, и по высочайшему его императорского величества соизволению препровождая вам в дар с вышеозначенными депутатами вашими и в знак особого высокомонаршего к вам благоволения 60 аршин сукна разных цветов на платье, 30 аршин алаго, 156 аршин атласу на бешметы, тафты на опушь 30 аршин и 30 аршин парчи на кушаки (Подробнее об этих подарках и денежных наградах туркменским старшинам и сопровождавшим их лицам см. АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г, д. 4, лл. 118—118 об). Извещаю, что оные, почтеннейшие депутаты ваши, по приезде их к высочайшему двору приняты с благоволением, представлены его императорскому величеству, довольствованы от щедрот его содержанием через все время их здесь бытности, а ныне, получив высочайшую государя императора грамоту на имя наше, сие письмо мое и особое награждение обратно к вам отправлены. В прочем, дружески желая всем вам всего того [153] благополучия, какого вы можете сами себе ожидать от высокого покровительства всемилостивейшего моего государя и от всегдашней нашей к нему преданности, пребыванию к услугам готовый.

Высочайше опробовано 6 апреля 1803 г.

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 4, лл. 257—259.
Копия.

№ 98

Письмо Александра I главнокомандующему на Кавказе Цицианову по поводу принятия туркмен Мангышлака в подданство России

13 марта 1803 г.

Предместник ваш генерал-лейтенант Кнорринг препроводил в прошлом году депутатов, присланных от туркменцев абдальского поколения, на левом берегу Каспийского моря обитающих, кои именем народа сего принесли просьбу... (Опущены пункты «Прошения», содержащиеся в док. № 94).

Доставляя при сем для полного сведения вашего все то, что по предмету сему здесь поступило, я следующие по просьбе туркменцев меры признал за благо принять.

- 1) Оградить их покровительством российским, находя, что защита спокойного и промышленного народа сего может быть полезна для торговли нашей на Каспийском море.
- 2) Сие же самое уважение побуждает меня удовлетворить и желанию их иметь при Мангышлаке укрепление, но как обстоятельство сие не может здесь быть с удобностью соображаемо, то и возлагаю на вас рассмотреть, каким образом укрепление сие сооружено быть может с наибольшей удобностью; какого роду ему быть должно; какое назначение гарнизону нужно будет положить и, составя всему обстоятельные планы и сметы, доставить мне на рассмотрение вместе с мнением вашим (Ответ генерала Цицианова на послание Александра I см. АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 266—267; документ опубликован в АКАК, т. II, 1868 г., № 2002, стр. 1001—1002.).
- 3) Что касается ловли тюленей, то хотя вообще предпочесть должно, чтобы совершенная свобода председательствовала в сем роде промышленности, однако ж, если бы туркменцы действительно издревле пользовались ловлей зверей сих при упомянутом урочище Гедик, то и о сем предоставляю я вам сделать рассмотрение, имея в виду наипаче, что таким удовлетворением желаний их могут они или сугубо быть привязаны к покровительствующей их державе или питать опасение, что при которых либо со стороны их шалостях выгоды сии у них отняты быть могут. В прочем депутаты туркменские награждены здесь пристойным образом, и я, повелев им явиться у вас, не нахожу нужным распространиться о комиссии их, зная, что попечительность ваша дополнит все то, чего для пользы народа сего и выгоды тамошнего нашего торгового я желать могу.

Александр

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, лл. 1—2.

Копия.

[154] № 99

Докладная записка государственного канцлера А. Воронцова Александру I о награждении старшин туркмен-абдалов Мангышлака чинами и медалями и назначении им жалованья

31 марта 1803 г.

Министр внутренних дел господин действительный тайный советник граф Кочубей отношением своим от 16-го числа сего месяца сообщил мне высочайшую вашего императорского величества волю: первое, что, как угодно вашему величеству, присланных сюда из Мангышлака депутатов и старшин туркменских, оставшихся при управлении тамошним народом, наградить чинами, какие на основании прежних примеров могут быть им даны, то бы вследствие сего учинил я об оном вашему величеству надлежащее представление. Второе, чтоб я же распорядил и отпуск сих депутатов восвояси, назначив им обычные подарки и награждение медалями, буде при пожаловании их чинами, и сии знаки нужны быть могут для сугубого их приласкания.

Исполняя таковое высочайшее вашего императорского величества повеление, имею честь представить: на первое, что, как в Коллегии нет примера о чинах, какие давались прежде сего туркменцам, коим и всего со времени царствования ее величества блаженной памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны случилось быть здесь только дважды, да в третий — в прошлом 1802 г. по случаю утверждения в ханском достоинстве Пиргали-хана, которого власть мангышлакские абдальского отделения туркменцы над собой не признают, как явствует сие из полученного ныне от них прошения, сему ж в подлиннике с переводом на усмотрение прилагаемого и, наконец, ныне еще по случаю присылки от них сих депутатов с прошением о подданстве и что как народ сей, сопредельный с кочевьем киргиз-кайсаков образом жизни, законом и обычаем сходен с сими последними, различествуя от них только тем, что имеет постоянное на одном месте пребывание и занимается торговлею и земледелием, каковых киргиз-кайсаки чужды, то мне кажется, что в рассуждении награждения

их чинами можно бы было иметь примером чины, киргиз-кайсакам пожалованные, между коими поелику иные уже удостоены майорским чином, как султан Ширгази, а другие статскими, как Нур Мухаммед-доджа, который, быв титулярным советником, потом коллежским асессором, и в прошлом 1802 г. удостоен в надворные советники, в 1800 же году бывший здесь [из] Средней киргизской орды от Букей-султана, внук его Али-султан пожалован в коллежские асессоры, старшины же Уржан Бараков и Кубек Шукур Алиев в титулярные советники, почему и полагаю я, что и оных туркменских старшин и депутатов абдальского отделения можно бы пожаловать в титулярные советники.

На второе, по поводу отпуска их отсюда, нахожу нужным при отправлении дать от высочайшего имени вашего величества сим абдальского отделения туркменцам особую грамоту в удостоверение, что они в высочайшее вашего величества покровительство приняты и, известив о том рескриптом туркменского Пиргали-хана, предписать ему в оном, чтобы он по обязанности подданства своего вашему императорскому величеству не только накрепко подтвердил всем состоящим под властью его туркменцам и киргизцам оставить сие особое абдальских туркмен [155] отделение в покое, но и сам не имел бы отнюдь никаких к ним притязаний. Астраханскому же военному губернатору князю Цицианову по главному его в том крае начальству и к оренбургскому генерал-майору Бахметьеву препроводить с той грамоты и рескрипта копии для сведения и руководства их, а таковые же послать и в Персию к генеральному консулу коллежскому советнику Скибиневскому.

Относительно же подарков, назначенных сим депутатам и прочим старшинам, и денежного некоторым из них награждения, кои состоящим в 27-й день января указом предписано уже кабинету отпустить, оные можно выдать им здесь и, сверх того, в вящее приласкание народа сего отделения наградить всех тех старшин золотыми медалями на алых лентах для ношения на груди, яко залог высокомонаршей к ним милости, которые и дать им одинаковые, чтоб спора и неудовольствия не могло последовать, с тем только малоприметным различием, чтоб четыре из них для депутатов, удостоившихся быть здесь при дворе вашего императорского величества были несколько побольше прочих, которые и дать им здесь, а другие шестнадцать, несколько менее величиной, послать к генерал-лейтенанту князю Цицианову для раздачи по его усмотрению и таковою же медалью не лишнее бы было удостоить и руководствовавшего ими в сем благом намерении армянина Авета Ягулова сверх чина, всемилостивейше уже ему пожалованного.

О прошении же сих четырех депутатов касательно позволения купить и беспрепятственно провезти до 1000 пудов стали при возвращении восвояси, которое как и [в] протоколе Комитета от 2 августа 1802 г. вашему императорскому величеству представлено на благоизволение и которое Комитет не нашел неуместным, нахожу и я с своей стороны, что можно бы было таковое количество стали дозволить им купить и вывести на сей раз без взыскания пошлин, что согласно с мнением Комитета и предаю на благоусмотрение вашего величества (Специальным «Указом кабинета» от 6 апреля 1803 г. Александр I разрешил туркменам Мангышлака производить закупку стали в России (см. АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 198—198 об. Об этом же см. отношение графа Румянцева государственному канцлеру А. Воронцову от 14 апреля 1803 г. (там же, л. 179)). А между тем, изготовив в проектах вышеупоминаемые грамоты туркменцам и рескрипт к Пиргали-хану, подношу при сем оные к высочайшей апробации вашей, а указы князю Цицианову и генералу-майору Бахметьеву представляю у сего к подписанию вашего величества; предписание же генеральному консулу Скибиневскому имеет быть послано к нему от Коллегии.

Сверх того, находящиеся ныне здесь из числа показанных депутатов, а именно мулла Довлет Мурат и Эрали-бек, поданным на имя вашего величества прошением (См. об этом прим. 2 к док. № 89), не только от них собственно, но и от двух других товарищей их, кои с дозволения вашего величества отправились уже восвояси: один в рассуждении приключившейся ему здесь болезни, а другой — по желанию ехать с сим для сбережения его в пути (В записке государственному канцлеру от 21 февраля 1803 г. С. Лошкарев отмечал, что один из членов

депутации около двух месяцев тяжело болел и поэтому просил «отправить его восвояси через Астрахань умереть на родине при семействе своем». Докладывая о том, что отъезд этого старшины «не имеет никакого нанести предосуждения их делу» и что деньги на это им уже отпущены, С. Лошкарев просил ходатайствовать перед Александром I об отправлении этого туркменского депутата с одним из его сотоварищей в Астрахань (см. АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 68—71.) представляют, что отцы их, бывшие здесь в царствование [156] ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны, имели высочайшее ее позволение брать с каждого российского купеческого судна, к берегам их приезжающего, некоторое количество муки в подать, каковую и брали, и коею и сии депутаты, яко дети их, пользовались; и что, как ныне поступая в подданство России, должны уже они будут права сего лишиться, то и просят в замену оного определить им от щедрот вашего величества на содержание, что благоугодно будет. Я, поднося при сем прошение их в подлиннике с переводом, долгом с моей стороны поставлю донести вашему величеству, что отцы их так, как и сии самые депутаты, яко владельцы и хозяева тех мест, подлинно могли пользоваться от купеческих судов некоторыми поборами мукой ли или иным чем за позволение приставать к берегам их. Ныне же, поступая в подданство вашего величества, конечно, право на сии поборы [они] потерять должны, то мне кажется, что в вознаграждение оного можно бы было определить всем четверем жалованье серебром каждому по 100 руб. в год из доходов Астраханской губернии, что, составляя только 400 руб. на год может заменить ту потерю их и послужит особым знаком высочайшей к ним милости вашей (Указом от 16 апреля 1803 г. Александр I назначил вышеназванным четверем туркменским старшинам жалованье в размере 100 руб. в год (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 127—127 об)). В разсуждении же армянина Ягулова, всемилостивейше пожалованного уже чином, о коем сии депутаты ходатайствуют, довольно бы было, по мнению моему, пожаловать ему, как вышепоказано, золотую медаль (Указом от 6 апреля 1803 г. Александр I распорядился наградить и «четырех присланных от них сюда депутатов и других 16 человек тамошних старшин туркмен золотыми медалями» (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 126—126 об)).

Что же принадлежит до прошения, полученного из Мангышлака от других тамошних старшин, домогающихся равномерно о подданстве и о защищении их от нападения киргиз-кайсаков, которое, как выше показано, также здесь прилагается, оное само по себе ныне удовлетворяется через отправление депутатов их с высочайшей вашего величества грамотой и теми мерами, какие указом от 13-го числа сего ж месяца данным господину генерал-лейтенанту князю Цицианову предписано принять ему в разсуждении безопасности их. Относительно ж жалобы их на Пиргали-хана, то и по сей равным образом получают они желаемое удовлетворение, когда вышеупоминаемый рескрипт послан будет к сему хану, ибо в оном именно предписывается ему оставить сие абдальское отделение туркменцев в покое. О чем для сведения сил старшин можно им дать знать в ответ письмом, которое и представляю на апробацию вашего величества. Здесь же подношу к высочайшему подписанию вашему указы о жалованье тем депутатам и о медалях как им самим, так и прочим старшинам туркменским, предавая в прочем все сие на благоволение вашего императорского величества.

Александр Воронцов

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 232—241.

Копия.

[157] № 100

Указание Александра I оренбургскому военному губернатору об обеспечении безопасности туркмен-абдалов, принятых под покровительство России

6 апреля 1803 г.

Господин генерал-майор Бахметьев!

Из приложенных у сего в копиях грамоты, данной от меня туркменцам отделения абдальского и рескрипта к туркменскому владельцу Пиргали-хану (См. док. № 103, 104), вы увидите, что я, снисходя на прошение народа сего, принял его в мое покровительство. Вследствие чего поручаю вам иметь всевозможное наблюдение, чтобы туркменцам помянутого отделения никаких обид ни от кого чинимо не было. Следующий же при сем в особом пакете подлинный рескрипт на имя Пиргали-хана отправьте к нему немедленно и о доставлении оного в свое время донесите Государственной Коллегии иностранных дел (Об этом см. также рапорт Бахметьева в Государственную коллегию от 12 мая 1803 г. (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 192—192 об.)).

Александр

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, л. 252—252 об.

Копия.

№ 101

Письмо Александра I главнокомандующему на Кавказе генералу Цицианову по поводу принятия туркмен-абдалов в подданство России

6 апреля 1803 г.

Известно вам, что от туркменцев отделения абдальского были присланы ко мне депутаты с прошением о принятии их в мое покровительство. Я, признав за благо удовлетворить таковую просьбу их, препровождаю при сем для сведения вашего копии как с грамоты, по сему предмету данной им, так и с рескрипта о том к туркменскому Пиргали-хану посылаемого. Бывшим же здесь от сего народа депутатам, и именно: Мулле Довлет Мурад Нияз Багадурову, Бегенч Муратбееву, Тогулые Кара Багадурову и Эрали Дурды Мурадову всемилостивейше назначив жалованье в год по сто рублей серебром каждому, дал я предписание министру финансов о произведении им оного из доходов Астраханской губернии; да сверх того пожаловал я им медали на алых лентах для ношения на груди. Двое из депутатов сих Бегенч Муратбеев и Тогульга Кара Багадуров незадолго пред сим обратно восвояси уже отправлены, первый по причине болезни, ему приключившейся, а другой для сбережения его в пути. Отпуская ныне и двух последних здесь остававшихся Муллу Довлет Мурата, славнейшего между ними и наиболее значащего, и Эрали-бека, коим поручена та подлинная народу их грамота, я приказал [158] объявить им, чтоб они явились к вам, дабы вы могли отобрать от них все нужные о крае их сведения, а особливо касательно предположенного при Мангышлаке укрепления или принятия по их согласию других приличных мер — для их безопасности, пока то укрепление приведено будет к окончанию, после чего отправьте их восвояси без задержания, ибо там ожидают их, конечно, с нетерпением (О возвращении депутации см. в АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 4, лл. 108. 138—138 об., 268—272; о том же ГААО, ф. 514, оп. 2, д. 2, л. 16). При сем посылаю также шестнадцать золотых медалей с алыми лентами для главнейших старшин в Мангышлаке народом управляющих и в прошении помянутых депутатов их поименованных. Сими медалями я представляю вам удостоивать тех из них, которые по усмотрению вашему вы признаете наипаче России преданными и для общей пользы нужными.

Александр

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, лл. 12—13,

Копия. (Копия документа хранится также в АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 4, лл. 250—251.)

№ 102

Письмо войскового старшины Ибрагима Юлашева тайному советнику С. Г. Лошкареву об

**отправке посольства Пиргали-хана в Петербург и с извещением о золотых, серебряных,
медных и серных залежах в Туркмении**

7 апреля 1803 г.

По усердию моему к высочайшей его императорского величества службе за долг себе поставляю вашему превосходительству изъяснить, что из числа назначенных от туркменского хана в депутаты шести беков оренбургский военный губернатор, отделя двух, а именно Идоль Дурди-бека и Беркели-бека отправил к высочайшему его императорскому двору (Пиргали-хан еще в 1802 г. принял решение направить в Петербург шесть депутатов, чтобы изъяснить Александру I от имени подвластного ему населения Мангышлака свою приверженность России. (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1802 г., д. 5, лл. 41—42)), а четверых оставил в Оренбурге. При сем также доношу вашему превосходительству, что в туркменском владении, как слух носится, есть разные руды: золотая и серебряная, медная и серная, ежели вам угодно будет обстоятельство о том узнать, то можете ласковым образом выпросить у вышеуказанных двух депутатов; конечно, они, нимало не утаив, вам донесут, ибо вернейшие из туркмен мне объявили, что они собственными своими глазами видели те рудники и людей, кои достают от них золото и серебро. (Об этом см. в АКАК, т. II, 1869 г., док. 1999, стр. 1000; интересно, что государственный канцлер в проекте письма Цицианову находил необходимым «для осмотра показуемых там старшиной рудников послать секретно из ближних мест горного офицера и, по осмотре что окажется, донести» (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1802 т., д. 5, лл. 108—108 об.). См. также, лл. 137—144; ГААО, ф. 514. оп. 2, д. 2, л. 49.)

Ибрагим Юлашев

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1802 г., д. 5, лл. 109—109 об.

Копия.

[159] № 103

Грамота Александра I туркменам-абдалам Мангышлака о принятии их в подданство России

(Копия документа см : АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 4, лл. 253—256 об.; ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3803; ЦГВИА, ф. 1398, Полевые походы штаба ТуркВО, д. 41, лл. 4—5,)

16 апреля 1803 г.

Верноусердным абдальского при Мангышлаке отделения туркмен бекам, биям, батырям и всему их обществу, занимающему с народом своим пространство мест Огры, Менгли, Ходжа, Курбан и Дали, наше императорского величества поздравление. Присланные от вас и вашего народа к императорскому престолу нашему почтеннейшие депутаты Мулла Довлет Мурад Нияз Багадуров, Бегендж Мурад Беев, Тогульга Кара Багадуров и Эрали Дурды Мурадов поданным от имени всего верноусердного общества вашего и народа министерству нашему прошением, донеся о совокупном желании вашем и народа вступить в высокое империи всероссийской покровительство, просили с принятием вас в оное построить крепость при Мангышлаке для защиты караванов ваших от нападений неприятелей и позволить по-прежнему производить лов тюленей при урочище Гедик близ Караганской гавани, а на покровительство снабдить вас грамотой.

А как небызвестно нам, великому государю, о том искреннем вашем к престолу нашему усердии и преданности и о всегдашнем тцании вашем заслуживать высокое наше благоволение и покровительство, о чем как от помянутых депутатов, так и от пограничного начальства и от министерства нашего нам, великому государю, донесено и засвидетельствовано, то мы, снисходя на таковое общее ваше, почтенные беки, бии, батыри и подвластный вам народ прошение и всемилостивейше удостоивая пожеланию принятием вас в высокое наше покровительство, не оставили в том случае к защите вашей и пользе обоюдного купечества

повелеть нашему генералу-лейтенанту и астраханскому губернатору князю Цицианову сообразить строение просимой вами крепости, которая, по соображению местной удобности и роду, какого ей быть следует, к по получению от него начертания оной, немедленно с утверждения нашего сооружена будет и снабдится потребным числом людей к содержанию ее и к защищению вас и купечества, о чем и дается тогда же повеление. Прошение же ваше о ловле при Гедике мы предписали удовлетворить.

О каковом высочайшем нашем соизволении и покровительстве сим вам объявляя, надеемся от усердия вашего и преданности к императорскому престолу нашему, что вы, пользуясь таковой высокомонаршей милостью и признавая в лице помянутого нашего генерал-лейтенанта нового о безопасности вашей попечителя и ходатая, не оставите почитать его таковым и должное с вашей стороны, в чем нужно по тамошнему краю обстоятельствам сведение и пособие ему доставлять, оказывая послушание во всем, что к благу народа и пользе и к долгу нашего императорского служения относиться может. По другому ж прошению вашему, ныне из Мангышлака полученному, мы повелели вам ответствовать государственному канцлеру графу Воронцову. В прочем мы, великий государь, наше императорское величество, отправляя к вам вышесказанных депутатов и изъявляя высокомонаршее наше всем вам, верноусердные беки, бии, батыри и всему подвластному вам абдальского отделения народу благоволение, уверяем, что, [160] сверх покровительства нашего, по мере доброго и спокойного вашего пребывания и послушания помянутому генерал-лейтенанту, всегда в нас найдете особую императорскую к вам милость, пребываем благосклонны! (В АКАК, т. II, 1868 г., док. № 2001, стр. 1001, документ ошибочно назван «Высочайшей грамотой туркменскому владельцу Пиргали-хану».)

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, лл. 14—15

Копия.

№ 104

Рескрипт Александра I Пиргали-хану о прекращении враждебных действий по отношению к туркменам-абдалам Мангышлака

16 апреля 1803 г.

Стесненное состояние туркмен абдальского отделения, занимающих при Мангышлаке пространства мест Огры, Менгли-Ходжа, Курбан и Дели, известны их разного виду и жалобы на беспокойства и неприязненность, сказуемую им от киргиз-кайсаков, вам подвластных, до нас достигшие, обратили всемилостивейшее наше к ним внимание, а неотступная просьба их и то положение, в какое они доведены, убедили нас принять их в то императорское наше покровительство, к коему обязует право великого государя и к коему глас человечества призывает каждого. Почему всемилостивейше давая вам знать о том, надеемся, что оное отделение туркмен, находясь ныне под высоким нашим покровительством, воспользуется от сего времени впредь вящею безопасностью и не ощутит ни малейшей со стороны подвластных вам неприязненности, что по долгу учиненной вами в верности присяге и поручаем вам блюсти, как подданному благопристойно есть и надлежит.

Александр

АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 210—211.

Копия (Копию документа см. также в ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 16, проект документа в АВПР, ф. Гл. архив 1—8, д. 4, лл. 208—209)

№ 105

Прошение туркмен-абдалов Мангышлака астраханскому гражданскому губернатору Д. В.

Тенишеву о продаже муки и овса

[Не позднее 30 июля 1803 г.]

Хотя от четырех частей абдалова рода наших туркменцев ко двору его императорского величества отправлены были четыре человека, который благополучно сюда прибыли, показанными его императорского величества благоволениями довольны и оными весьма порадованы, за сим присланном же к нам посланцу по съезду его на берег, [161] присовокупя старшин 40 человек, доброту положения наших земель показали, который все земли и воды описал. А также уведомляем, что назад тому другой год по случившимся засухам чинить посев пшеницы народ наш не мог, а по сему весьма нуждаемся и претерпеваем голод. В таком случае покорнейше просим вашего высокородия повелеть отпустить к нам муки 400 кулей, ибо деньги наши на оную состоят в Астрахани, для чего и поверенный имеется. Сверх сего, хотя все мангышлакские жители охулены, однако о всех обстоятельствах довольно известен господин Аветисов, ибо он через шестнадцатилетнее между нами общение все честные и нечестные наши поведения знает и истину доложить может и паки вашего высокородия просим о присылке вышеявствующей муки, паче если сею осенью доставлена не будет, то от голоду принуждены будем откочевать, також ещё для коней и овец 2000 кулей повелеть отпустить и во всем оном, учиня, поверенным посылаем Нияз Мухамед Батыря.

ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 408, лл. 1—1 об.

Перевод с туркменского.

№ 106

Письмо министра внутренних дел астраханскому гражданскому губернатору о продаже хлеба мангышлакским туркменам (Ходатайство о разрешении туркменам Мангышлака закупать хлеб в Астрахани было возбуждено еще в начале июня 1803 г. в письме С. Лошкарева государственному канцлеру А. Воронцову; к письму была приложена записка, озаглавленная «О муке туркменцам в Мангышлаке». Письмо С. Лошкарева было подано А. Воронцову министром внутренних дел В. Кочубеем (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 199, 200—201 об.).)

8 июля 1803 г.

Милостивый государь мой, князь Дмитрий Васильевич! По сведению, сюда дошедшему, что туркменцы из Мангышлака, принятые в российское подданство, терпят крайнюю нужду в хлебе, которого им, вследствие прежнего запрещения, не дозволяется покупать в Астрахани, и по сей причине принуждены они будут откочевать от Мангышлака, его императорское величество высочайше повелевать соизволил (В письме главнокомандующего на Кавказе Цицианова астраханскому губернатору Малиновскому от 2 августа 1803 г. сообщается, что «туркменцам позволено было в Астрахани закупать хлеб в течение года 500 четвертей и чтоб покупку и вывоз одного производили сами туркменцы, дабы под предлогом их не могло вкрасться каких-либо злоупотреблений» (ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 408, л. 30)), чтоб туркменцам сим дозволено было потребное количество для продовольствия их хлеба покупать в Астрахани по вольным ценам (Благодаря этому указу Александра I туркмены получили в 1803—1804 гг. возможность покупать хлеб в Астрахани и вывозить его на Мангышлак (си ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 408, лл. 38, 52, 54, 408; ф. 1, оп 1, д.205, л. 9)).

Сообщаю вашему сиятельству о сей высочайшей воле для исполнения.

Граф В. Кочубей

ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 72, л. 1.

Подлинник.

Записка государственного канцлера туркменским депутатам из Мангышлака о развитии торговых отношений

19 августа 1803 г.

По содержанию листов, привезенных вами от высокостепенного владетеля вашего Пиргали-хана и от туркменских мангышлакских беков, старшин и батырей, и по особым письмам нашим и прошениям, кои все его императорскому величеству поднесены и высочайшего внимания удостоены, сим вам объявляется.

Что благодарение одного владельца вашего за удостоверение его принятием по его прошению в высокое государя императора и Империи Всероссийской подданство и покровительство принято со всемилостивейшею благодарностью, в знак коей и отправляется к нему высочайшая грамота, и что всеподданнейшее его прошение об определении жалованья находящемуся при нем у исправления письменных дел войсковому старшине Ибрагиму Юлашеву всемилостивейше удовлетворено.

Что относительно другого такого ж прошения тамошних беков, старшин и батырей в рассуждении торговли, производимой земли их (Так в документе) в одном месте, и возобновления неких других двух, где в царствование его величества государя императора Петра великого российское купечество с вашим имели торг свой, и о построении мечети, дабы купцы, приезжающие туда из России, Бухарии и Ургенча могли иметь назначенное к тому место, как в грамоте особо к ним, с вами ж отправляемой, дается им знать, что предписано господину генерал-лейтенанту и астраханскому военному губернатору князю Цицианову, отобрав надлежащее сведение, сюда прислать, то и вам сообщается, что по получении того сведения и по рассмотрении, поколику сие относится к общей пользе, тогда ж и оное государь император, в чем нужно, удовлетворить соизволит.

Что по объявлению о происхождении вашем предписано тому ж генерал-лейтенанту справиться и сюда донести, и что буде подлинно окажется, что род ваш идет от потомков высокостепенного Огуз-хана Караханова, то его величество не оставит подтвердить оный, да и пристойные по тому чины тогда же вам пожалованы будут.

В рассуждении же домогательства об отдаче имеющихся в тамошнем кочевье и рыбьих и тюленьих ловлей и соленых озер в ваше управление (Речь идет о прошении туркменского старшины Илдурды-бека Непесова от 13 июня 1803 г. В прошении утверждается, что места для рыболовства и тюленьего промысла и соляные озера от Акчагула до Кучагчагула находятся в его владении; на, этом основании Илдурды-бек просил «все те места поручить ему во управление и дать высочайшее повеление, дабы в сем промысле никто ему не препятствовал» (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1802 г., д. 5, лл. 71—72, 81—82)), и об освобождении от платежа пошлин с привозимых с тремя прочими туркменскими купцами в Россию из Хивы и Бухарии товаров (Имеется в виду прошение туркменского купца Беркели Ходжи, который вместе с тремя другими туркменами-купцами вел торговлю в Хиве, Бухаре и в России. В своем прошении Беркели Ходжа сообщал, что он и трое названных выше туркменских купцов ежегодно вывозили в Россию из Средней Азии различных товаров на пятидесяти верблюдах (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1802 г., д. 5, лл. 75, 76, 81—82)) нет сомнения, что когда б вы приняли на себя труд рассмотреть ближе существо сих прошений, то сами увидели б, что в удовлетворении первого препятствует польза соотчичей ваших и что [163] все тем промыслом, кому по правам следует, должны вообще пользоваться; да что и последнее никак несообразно с общим народов положением, по коему везде пошлины взимаются без изъятия, чтоб какого звания ни был.

Напротив того, его императорское величество, соизволяя сверх подарков и денежного награждения, коего дано уже вам серебром по сто пятидесяти рублей каждому, оказать

особый знак высокомонаршей своей милости по прошению о позволении вам купить стали и вывезти с собой, всемилостивейше позволяет купить оной по пятисот пудов каждому и везти за границу, о чем вам и объявляется.

А о чинах, просимых находящимся при вас приставу 9-го класса Секретареву, башкирскому походному старшине Абдуле Насыру Субханкулову, служителю из персиян Билялу Аге Меметову и казаку Эдебаю Состобаеву объявлено будет по воспоследовании высочайшего на оное соизволение, которые чины, без сомнения, они и получают.

Относительно же представления вашего о ежегодном пленении россиян киргизцами Меньшой орды в устье реки Джаймы и продажи их в Хиву и Бухарию и прошения построить там крепость вам сообщается, что по сему пункту предписано тому ж генерал-лейтенанту немедленно принять меры, а за благонамеренное ваше о том донесение государь император высочайше указать соизволил объявить вам высокомонаршее его благоволение, которое с удовлетворением сим вам и объявляется.

А. Воронцов

АВПР, ф. Гл. архив 1—8. 1802 г., д. 5, лл. 53—56.

Копия.

№ 108

Рапорт инженер-поручика Лошкарева главнокомандующему на Кавказе о поездке на Мангышлак

(Целью этой поездки была разведка побережья Мангышлака для выбора в ответ на просьбу туркмен-абдалов места для основания крепости. Цицианов решил воспользоваться для этой цели возвращением на родину абдальских депутатов, послав с ними инженер-поручика Лошкарева «для описания удобнейшего места, снятия чертежей и сделания примерной сметы предполагаемому в Мангышлаке укреплению» (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, л. 279 об.). Данные об этой экспедиции см. в рапортах Лошкарева Цицианову от 26 июля 1803 г. (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 59 об.), от 29 сентября 1803 г. (там же, л. 60), его «Краткое описание части восточного берега Каспийского моря, принадлежащей владению абдалов, и причины местного положения под укрепление» (там же, л. 62—63; АКАК, т. II, 1868, док. №2010, стр. 1004—1005), а также его «Описание проектируемого укрепления при Караганском заливе» (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 61—61 об.), рапорт Цицианова от 4 ноября 1803 г. (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801 г., д. 4, лл. 281—282; АКАК, т. 11, док. № 2021, стр. 1015). Вышеуказанные документы не имеют непосредственного отношения к теме публикуемого сборника и содержат главным образом гидрогеографическое и топографическое описание восточного побережья Каспийского моря)

2 октября 1803 г.

По прибытии моем в Мангышлак я, первое, заметил, что бывшие в России абдальские депутаты у народа своего не в уважении и что народ им не оказывал ни малейших знаков почтения, во-вторых приметить мог, что и все сборище их несогласно. Заметя оное, я опасался в даль с ними следовать, не обеспечив себя наперед аманатами. Итак, [164] под предлогом гостеприимства, я взял из общества их четырех человек на судно, не подавая при том туркменам виду того, что я их опасюсь. Вскоре после сего исследовал я всему оному причины. Первое, что упомянутые депутаты в абдальском обществе не есть первые люди или какие старейшины, и посему оные были неуважаемы. Итак, хотя от вашего сиятельства и предписано им делать мне всякое вспомоществование в рассуждении моей должности, но я не мог от них иметь никакого пособия, включая одного Довлет Муллы Мурада Нияза Багадурова; он мне повсюду сопутствовал и предохранил меня от опасности. Второе замеченное мною несогласие в собрании народом происходило от того, что были в оном четыре человека, кои не желали

иметь на своем берегу крепости, а именно Шир Назар, Адна Коч-молла, Ходжа Нефес -батырь, Махмет Нияз Эрали и сверх сего один ургенчского старшины сын, который весьма не желал и даже сто червонцев давал за то только, чтобы туркмены не допустили меня к своему берегу; после он обещал им более, но они уже ни на что не польстились, ибо на нашем судне были уже из их общества аманаты.

Обозревая положение Караганского кряжа, я был провожаем старшинами абдальского общества человек до 50. По осмотре же нужных для меня мест возвратился я купно с упомянутыми старшинами к урочищу Гедик. Не найдя удобнее оного местоположения к построению укрепления, просил я как депутатов, так и все бывшее тогда собрание абдалов проводить меня в Сарташ, но они мне в оном отказали, уверяя при том, что киргизы владеют упомянутым Сарташем. После сего просили, что не можно ли построить город при урочище Гедике, и просили весьма убедительно, чтоб оный был выстроен поскорее; в противность сему объявили, что они принуждены будут оное урочище оставить и откочевать далее, ибо весьма их притесняют киргиз-кайсаки. Потом просили ещё, чтобы Россия не оставила снабдить их хлебом, ибо нынешнее лето по причине великой жары они имеют недостаток во оном. О чем вашему сиятельству сим честь имею донести.

Инженер-поручик Лошкарев

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 66—67.

Подлинник.

№ 109

Из рапорта Российского консула в Иране Скибиневского главнокомандующему в Грузии о желании прикаспийских туркмен выступить на стороне России против Ирана

6 мая 1805 г.

Экспедиция Каспийской эскадры в Энзели или в Мазандеран хотя и будет в состоянии отвлекать Баба-хана (**Имеется в виду правитель Ирана из династии каджаров Фатх-Али-шах (1798—1834)**) от неприязненного нападения на грузинские области, но, рассуждая о времени, в какое может она дойти [до] Энзелей, а именно— не прежде июня, когда гилянцы успеют совершенно окончить шелковое производство и удалиться в горы; рассуждая о худом климате Гилянской и всех приморских полуденных областей даже до Астрабада, а притом и о хитром намерении **[165]** персиян допустить наши войска войти только в Энзели, а после развлекать бы их своими движениями по лесам рештским и не допускать взойти на высоты Лагиджанской округи, где воздух здоровый, — между тем станут персияне выжидать, пока нападут болезни, гилянский климат заражающие в июле месяце, заключить можно, что сии обязательства будут облегчать заботу Баба-хана, следовательно, не оставит от вовсе неприязненного покушения на безопасность областей, сопредельных Грузии. По сему бесполезно, кажется, подкрепить экспедицию сию влиянием на иомудцев, издавна притесняемых владельцами Астрабадской и Мазандеранской областей из поколения каджарского, от коего происходит и Баба-хан. 1800 г. летом, когда я по пути в Мангышлак проходил Красноводские берега Каспийского моря, виделся с Хаджи-Махмудом, старшиной улуса, кочующего по тем берегам, то все любопытство его о вояже моем клонилось к узнанию, не будет ли опять у нас войны с каджарцами, то есть с Баба-ханом, и что весьма бы охотно приняли они участие в экспедиции нашей противу такого владельца, коего предки утесняли их до крайности. А как в 1801 и в 1802 г. Баба-хан посылал войска на какленские (геокленские) и текинские сильные улусы, ближайшие к Астрабадской области, то, без сомнения, и сих улусов старшины ещё больше пожелали бы отомстить персианам, если бы какой-нибудь имели способ к тому. И так нужно только ободрить их посредством тех самых старшин, которые вызваны были в Баку к покойному графу Зубову.

Нетрудно будет их возбудить, если десант наш будет в Гиляне, или эскадра будет действовать в истреблении персидских судов и в пресечении торгового морем сообщения гилянцев и мазандеранцев с Сальянами и с Баку, весьма интересного для них, а на восточном берегу с островами, откуда мазандеранцы вывозят соль и нефть, выменивая сии нужные вещи на произведения своей земли, ибо движением эскадры или действиями десанта (хотя бы оный оставался до времени и в Баку) можно представить иомудцам самые лестные для них виды, а вероятные им потому, что скоро распространится известие о движении эскадры и о действиях десанта и до них дойдет. А дабы принять уважительные виды сей негоциации (*Негоциация — здесь, вероятно, от слова негоциант, означающего купец ведущий оптовую торговлю главным образом за пределами своей страны*), то лучше на военном судне показаться перед берегами, где кочует народ сей. На вызов, на угощение и подарки старшинам кажется довольно 2000 руб. А хотя Генникин — капитан-лейтенант, коего посылали вызвать в Баку Азад-хана и старшин туркменских, издержал до 10000 [рублей], но теперь довольно вышеозначенной суммы, ибо тогда неизвестно ещё было, за кого точно и как приняться должно было. Счастливым себя почту, если угодно будет вашему сиятельству перепоручить мне произведение сей негоциации, ибо совершенно известен мне метод прежней экспедиции и старшины мне знакомы; имею и журнал вояжа, в то время Генникиным сделанного. Я желал бы лично доложить вашему сиятельству о сем предмете, но я имею нужду в пособии для переезда (*Копия документа хранится в АВПр, ф. Гл. архив 1—13, оп. 10, д. 4, лл. 3—4.*).

АКАК, т. II, Тифлис, 1868 г., док. № 1701, стр. 827.

[166] № 110

Отношение товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского главноуправляющему на Кавказе о целях поездки к туркменам восточного побережья Каспийского моря Мухтия Мамед-Джан-Хусейна

8 сентября 1805 г.

В отношении моем от 11 июля текущего года (*См. в АКАК, т. II, Тифлис, 1868 г., док. № 2011, стр. 1006*) имел я честь сообщить вашей светлости, что государь император, желая водворить тишину и порядок между туркменским народом, на восточном берегу Каспийского моря обитающим, высочайше указать Вам соизволил к избранию нового хана вместо Пиргали (*Речь идет о назначении после смерти Пиргали-султана нового хана над туркменами Мангышлака. В 1805 г. между князем А. А. Чарторыйским и главнокомандующим на Кавказе генералом Цициановым шла переписка по этому вопросу. А. А. Чарторыйский предлагал Цицианову назначить ханом туркмен кого-либо из султанов Малого или Среднего Казахского жуза. По мнению Цицианова, выбор хана «не может быть производим ни в ханском Меньшой киргиз-кайсацкой орды совете, ни при Букее-султани, но посреди самого туркменского народа, который от Меньшой киргизской орды совершенно отделен» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1805, д. 144, лл. 14—15; АКАК, т. II, Тифлис, 1868 г., д. 2011, стр. 1006).*). По отдалению вашего сиятельства от тех мест и по важности других занятий, Вас обременяющих, здесь признано, что с пользой употребить можно вообще по туркменским делам оренбургского муфтия Мамед-Джан-Хусейна, коего усердие и опытность в делах азиатских могут содействовать к успешному производству начатых в том крае дел под главным руководством вашего сиятельства. Из инструкции, ему данной, в копии здесь прилагаемой (*См. док. № 112*), Вы изволите усмотреть, милостивый государь мой, что при сем ещё наблюдать ему должно будет. Вследствие чего имею честь сообщить вам, милостивый государь мой, что величайшая воля его величества есть, чтобы при сем случае учинена была проверка доставленному к Вам в 1803 г. инженерным поручиком Лошкаревым и от Вас сюда описанию урочища Гедика, признанного им способным для построения крепости, но при коем открывается недостаток в пресной воде. Для

исполнения сего высочайшего повеления нужно отправить одного из штаб-офицеров свиты его величества по квартирмейстерской части, в команде Вашей состоящих, с наставлением от вашего сиятельства: 1) дабы обозрел, сколько можно будет, восточный берег Каспийского моря, подаваясь от востока к полудню. 2) приискать удобное место для построения крепости, буде вышесказанное при Гедике вовсе неудобно, наблюдая при том виды коммерческие, то есть удобность приставания к берегам купеческих судов. 3) во время пребывания его там стараться приобретать точнейшие познания о разных туркменских поколениях, враждующих с Баба-ханом, и привлекать их к российскому правительству.

Действия сего штабс-офицера будут подкрепляемы властью и посредничеством муфтия, который усердно будет ему во всем способствовать, сколько приметно из оказанных им здесь расположении; а сие самое, согласное к одному предмету, стремление при расторопности российского чиновника и при надлежащей скромности муфтия удобно может произвести диверсию с той стороны против Баба-хана или по крайней мере приготовить иомудцев и прочие туркменские роды, ближайшие к Астрабаду, принять оружие на персиян при первом от вашего сиятельства извещении, коль скоро действительная польза того [167] потребует. Впрочем, таковые средства, будучи в наших руках, во всяком случае не могут быть бесполезны. От вас, милостивый государь мой, совершенно будет распространить или ограничить данное наставление муфтию, смотря по обстоятельствам. Статься может, что по отдалению Вашему от Астрахани нужно будет перепоручить отправление муфтия и штаб-офицера кому-нибудь из воинских или гражданских чиновников на месте; сие предоставляется также на благоусмотрение вашего сиятельства. Коль скоро примечено будет Вами, что сии намерения воспримут оборот благонадежный, то равномерно от Вас же зависеть будет подкреплять оные денежными суммами по Вашему благоусмотрению, отпустив на первый раз, сколько нужно будет, для приступления к делу посылаемому от Вас штаб-офицеру. На путевые издержки и другие расходы муфтию Джан-Хусейну выдано здесь 2500 рублей, как значится в данной ему инструкции, и, сверх того, определяемые ежегодно на канцелярские расходы 500 рублей, которые впредь имеет он получать из экстраординарных сумм, в распоряжении вашего сиятельства находящихся, доколе продолжится его комиссия.

Должно ожидать, что осенние месяцы пройдут в переписке, потом зимние неудобны будут к морскому плаванью, то, по крайней мере, желательно, чтобы муфтий и штаб-офицер находились на туркменских берегах по вскрытии будущей весны, разумея касательно действий, до диверсии относящихся, при случае коих обозрение места под крепость может быть весьма благовидным предлогом и вкупе существенной пользой, если к построению оной откроется возможность. В деле же, относящемся до избрания нового хана к туркменскому народу, муфтий вступить может тотчас по получении от вашего сиятельства нужных наставлений и между тем имеет ожидать оных в Астрахани, в Оренбурге или в ордах киргизских, куда он намерен отправиться для начального приготовления к переговорам и для свидания со своими родственниками, о чем не оставит он уведомить ваше сиятельство, равно как о всякой перемене места своего пребывания.

Из всего выше писанного, ваше сиятельство, усмотреть изволите, что отправление к туркменскому народу муфтия Джан-Хусейна представило благоприятный случай привести в движение начатые там дела и употребить к сему его посредничество. Сколь бы ни мало успешно было сие испытание, должно ожидать, что оно доставит по крайней мере российскому начальству новые сведения о туркменском народе и о восточном берегу Каспийского моря, который почти неизвестен, и через сие самое уже достаточно заменятся издержки, по сему употребленные.

В заключение сего препоручаю муфтия Джан-Хусейна в милостивое вашего сиятельства к нему расположение.

Из инструкции А. А. Чарторыйского, данной Муфтию Мамед-Джан-Хусейну, направляемому к туркменам восточного побережья Каспийского моря

8 сентября 1805 г.

...2) В 1803 г. вступивший в подданство его величества туркменский народ абдальского поколения, на восточном берегу Каспийского моря обитающий, просил о построении российской крепости при [168] урочище Мангышлак для защищения их от притеснения киргизов. Государь император соизволил принять за благо такое прошение, и в том году отправленный от генерал от инфантерии князя Цицианова инженерный офицер (Инженер-поручик Лошкарев), осмотрев сие местоположение, нашел удобнейшим к построению крепости [в] урочище Гедик, при Тюб-Караганском заливе лежащем, но уведомил при том, что там открывается недостаток в пресной воде, годной к употреблению. Ныне генерал от инфантерии князь Цицианов получил высочайшее повеление отправить туда вновь инженерного штаб-офицера (Генерал-майор фон Фелькерзам) для поверки описания поручика Лошкарева и для отыскания места, где бы недостаток воды был менее ощутителен, буде не можно открыть в тех местах самородных ключей. Вам, высокостепенному муфтию, подлежит также и в сем деле по возможности вашей содействовать столь полезному намерению через точнейшие и подробные разведывания у туркменцев о выгодах того края и через доставления инженерному офицеру нужных способов для обозрения восточного берега Каспийского моря, чем окажете Вы важное благодеяние туркменскому народу и доставите России верное средство защищать его от нападений киргизцев, а при том установить между ними и Астраханью теснейшие торговые сношения, сходные с желанием и прошением сего народа, через депутатов министерству изъявленных.

3) Когда через благоразумное и осторожное поведение ваше приобретете Вы у туркменского народа приличную сану вашему доверенность, то можете Вы деятельностью вашей оказать равномерно услугу касательно дел персидских. Известно, что туркменцы находятся во вражде с кадждарами, от племени коих происходит сердарь Баба-хан. Иомудский, текинский и гокленский роды всегда притесняемы от персидских владельцев, и два последние, ближайшие к Астрабаду, в 1802 г. были разорены войсками, посланными от Баба-хана. В 1796 г. во время экспедиции на Персию туркменцы саинханова поколения находились в приятных сношениях с российским начальством, присылали от себя депутатов и готовы были поднять оружие на Ага-Мамед-хана (Ага-Мухаммед-хан — основатель кадждарской династии в Иране (1796—1797)) со стороны хорасанских его владений. Следовательно, ожидать должно, что и теперь не трудно будет склонить их к содействию с российскими войсками против общего неприятеля, коль скоро потребует сего нужда и польза персидских обстоятельств...

Следовательно, предмет ваших стараний должен быть ограничен тем, когда Вы успеете склонить расположение умов туркменского народа к готовности начать воинские действия против Баба-хана. Исполнение в точности сего наставления весьма достаточно будет для приобретения вящего к Вам высочайшего благоволения его величества.

4) Во время пребывания вашего в Астрахани у туркменцев или [в] киргизских ордах по возложенным на вас поручениям имеете Вы, высокостепенный муфтий, относиться по всем вышеупомянутым делам к генералу от инфантерии князю Цицианову прямо или к тому из чиновников военных или гражданских, кому от него будет сделано поручение доставить Вам нужные пособия. В то же время можете относиться Вы к министру иностранных дел, извещая об успехах ваших предприятий. Возлагая на Вас столь важное препоручение, государь император пребывает в твердой надежде, что скромность и благоразумие Ваше не допустят распространиться ложным слухам и толкованиям, свойственным азиатским народам, и что по сей самой причине [169] Вы уклонитесь от всякой наружности, могущей огласить ваши препоручения преждевременно и тем самым соделать их бесполезными. Не может быть для

Вас благовиднейшего предлога к проезду вашему по России и к доступу к туркменским народам, как духовное звание, вами отправляемое, которое, будучи уважаемо, доставит вам приличные способы быть полезным России и вкуче единовѣрным с вами магометанского закона народам, ежели надлежащая осторожность будет всегда соблюдена, в чем не может быть ни малейшего сомнения, равно как и в преданности вашей к высокому престолу его императорского величества.

АКАК, т. II, Тифлис, 1868 г., док. 2012, стр. 1006—1008.

№ 112

Из рапорта генерал-майора фон Фелькерзама инструктору инженерного департамента фон Сухтелену о результатах поездки на Мангышлак

28 февраля 1806 г.

Возвратясь с реки Эмбы в Астрахань, хотя время было уже позднее для плаванья по Каспийскому морю на мелких судах, взирая на безмерную глубину и сильное его осенью волнение, угрожавшее в особенности обратному моему пути, однако ж побуждаем искренним желанием выполнить высочайшую волю его императорского величества (Кавказский наместник князь Цицианов намеревался лично осмотреть Мангышлакский полуостров, но вместо него туда был направлен генерал-майор фон Фелькерзам. В письме князю Цицианову от 5 июня 1805 г. Александр I писал по этому поводу: «Не хотя и ныне отвлекать Вас от поручений, мною на Вас возложенных, я повелел отправляющемуся в Кавказское отделение инженер-генерал-майору Фелькерзаму решительно осмотреть Тюб-Караганский угол и равно устье р. Эмбы в намерении построить по удобности в обоих сих местах два укрепления» (АВПР, ф. Гл. архив 1—10, 1798 г., д. 1, папка I, л. 11)), взявши с собой команду астраханского гарнизонного полка с провиантом на один месяц, отправился 1805 г. в 30-й день сентября месяца из Астрахани к восточному берегу упомянутого моря, но за противным ветром и штормом не прежде мог прибыть к Тюб-Караганскому мысу как уже 11-го числа октября месяца, где и стал па якорь в его заливе при глубине пяти с половиной сажень...

В третий день после моего приезда я извещен был, что прибыло довольно знатное число на верблюдах и лошадях кочующего в окрестностях сего (Тюб-Караганского мыса) языка туркменского народа, которые чрез прибрежных своих по горам надзорщиков извещены были о прибытии наших судов; но они мне не только ни в чем не препятствовали, а еще в предпринимаемых мной обозрениях и изысканиях всякое доброхотство изъявляли и среди многочисленного собравшегося народа их старшины и муллы несколько раз в том словесно обнадеживали, а притом и его императорскому величеству нижайшей своей грамотой тоже самое письменно подтвердили... За сим прибережном каменным хребтом начинается ровная степь, которая в тридцати верстах от берегового сего оплота ограничивается так называемыми Черными горами, в которых я, однако ж, быть не мог по краткости моего пребывания в столь позднее время. Но прибывшие ко мне из тех мест и тамошние же жители мне [170] сказывали, что сии горы заключают в себе множество свинца, железных руд и мрамор, что речка, близ них протекающая, имеет в себе хорошую пресную воду и что вообще вся там земля для хлебопашества весьма удобна.

После осмотра и съѣмки я со всевозможным тщанием сообразил все не только с местоположением, но и с разными обстоятельствами во многих отношениях, касательных сего края, заслуживающего особенного внимания. Положение оногo для торговых видов представляет много вещества к рассуждению, если себе представить, что в нынешнем оногo положения при его пристани весь главный торг производится исключительно с караванами, приходящими из Бухарии через Хиву и совершающими свой путь в двадцать дней, и что все выгоды от сей торговли совершенно условлены азиатцами, которые одни и всю пользу от нее

себе присвоили. Российские купцы в сей торговле суть единственно перевозчики и на своих судах отвозят только хивинские, туркменские и бухарские товары, а так как они здесь ни защиты, ни твердого пристанища не имеют, то от своих избытков в замену получаемых товаров отправляют только малое весьма число собственного товара и не сами на своих судах торг производят, а посылают своих приказчиков, которые, по большей части прибегая к обманчивым хитростям и расчетам, теряют через то у тех народов к себе уважение, возбуждают в них недоверчивость и к своему же ущербу подрывают самую торговлю. Сей их неосновательной оборотливости, равно как и несостоянию ещё столь выгодной для России торговли, которая, взирая на положение Тюб-Караганского края, возросла бы знатнейшей с азиатскими народами, конечно весьма много содействует неимение твердого жилища для россиян под оградой надежной крепости, которая как их, так и торговлю могла охранять от наглости кочующих в окружности народов, а особливо от назойливых из отдаленности набегов киргиз-кайсаков, низложивших с себя уважение к России до такой степени, что со всех приходящих к сему берегу суден вынуждают всякого рода подати как деньгами и товарами, так и мукой, посудой и прочим, и ещё не в малом количестве, а без того ни к берегу пристать, ни отплыть от оного не допускают, чему я и сам подвержен будучи, должен был как за себя, так и за всех, со мной бывших удовлетворить их жадность единственно для отвращения всякой неприятности, а особливо со стороны черни; и кто из оной в своем рубище где-либо у пристани выберет себе место, сядши там на песок, тот уже и за право себе вменяет со всех мимо его идущих на свой участок требовать пошлину, которая даже между ими весьма часто возрождает ссоры, сопровождаемые иногда смертоубийствами; кто из судовых российских приказчиков при таком положении наиболее в состоянии удовлетворять всем их прихотям и алчности, тот перед прочими выигрывает и с полным грузом возвращается в Астрахань, между тем, что другие с одним убытием домой приезжают.

Соображая все сии обстоятельства одно с другим как порознь, так и в связи между собой, я усматриваю необходимость в сооружении там важного укрепления, коего бы прочность соответствовала совершенно и жаркому той стороны климату, и всем внешним всякого рода обстоятельствам; сооружение такой крепости, хотя по истине единожды уже навсегда (хотя) и налагает пожертвование знатных на то издержек, но, с другой стороны, представляются всякому сами от себя те великие выгоды, которые Россия, как в пользу своей казны и распространения своей силы, так и для торговли своей, от того приобрести может иной совсем оборот... Рыболовля, обеспеченная мена российских [171] произведений на азиатские товары, новый торг с каракалпаками, особливо в рассуждении скота и лошадей, и способ лучшие иметь сведения о состоянии и избытках Бухарии и Хивы, умалчивая о политических обстоятельствах, вскоре бы оправдали приводимые мною выше заключения и так, подвергая их, равно как и сии труды мои, к священным стопам его императорского величества...

Выгоды, могущие произойти от исполнения моего предложения в выше приведенном теперь пункте, суть отчасти нижеследующие:

а) российские купеческие суда могут в одном году не один и два раза, а гораздо больше раз пускаться в путь, не так, как то доселе бывает, и не будут уже иметь причины опасаться быть от своих отечественных жилищ отрезанными, взирая на ледяные пространства, которыми при Астрахани морские берега на знатное расстояние в море и все реки покрываются и на которые если купцы опоздают, они, наезжая, неминуемо погибают, и сами суда, и товары их.

б) Так как сверх знатных издержек должно предполагать и немалое предположение времени на совершенное устройство Тюб-Караганской крепости, всех принадлежащих к ней казарм и складочных амбаров, то дабы не протянуть в даль основание сей, толико выгодной торговли, нужно будет в самом начале впредь уже приготовить сие место и устроить оное сходно с прилагаемым при сем планом листа VI, как в нем изображают фигуры С, А и Б; как скоро оное проведено будет в такое положение, то уже в тотчас торговля и мена с приезжающими туда азиатскими и кочующими народами воспримлет свое начало со всевозможном удобством, а означенные в том плане буквою В для товаров временные складочные амбары будут на самом

выгодном месте как для нагрузки из оных на суда, так и для выгрузки товаров в оные, воду же пресную можно будет привозить на лодках с восточной стороны берега, и не из дальнего расстояния...

Отрядить из Астраханского порта, а за неимением даже искупить или построить на первый случай, по крайней мере, четыре транспортных мореходных суда и снабдя оные казенными матросами и лоцманами, которые бы на первый случай могли в те безхлебные места как для рабочих наемных и других из России людей, так и для солдат к прикрытию оных наряженных отвести в достаточном количестве провианта для удобнейшего найма из тамошних кочующих народов в работу людей; ибо оные мне говорили сами, что, имея в хлебе совершенный недостаток, они охотно согласятся вступить в работы и тем, что деньги, как я и сам мог заметить, у них в весьма малой цене находятся; при том же поставляю себе долгом упомянуть и то, что до построения еще Тюб-Караганской и Эмбенской крепост[ей] непременно нужно будет торговлю российским всякою рода хлебом в показанные места и окрестности оных совершенно ограничить и что казна единственно себе одной представить должна право до означенного времени променивать хлеб на разные материалы и припасы, в каковых только нужда будет; и хлебом платить за производство всяких работ по мере оных и по условию с кочующими и другими народами, если сии меры удостоены будут внимания, то наверное полагаю, что самая работа пойдет не токмо поспешнее, но что и казна через сии средства около ста процентов выиграть может...

Сооружение сего Тюб-Караганского укрепления и построение при оном всех принадлежащих зданий согласно с приложенными при сем чертежами и сметами, производя оную работу вольнонаемными из России мастеровыми и рабочими людьми, будет стоить казне примерно до 1050 тыс. руб.; военнослужащими же мастеровыми и рабочими [172] людьми с прибавлением к тому числу нескольких и вольных на жалованье мастеров оно обойдется до...

(Цифра в документе пропущена)

Таковую сумму разделить можно будет на трехгодовой срок, ибо в таковое именно время, если не противопоставятся тому препятствия, выше означенное построение совершено, конечно, быть может.

В заключении сего да позволено мне здесь упомянуть, что казна при первоначальном уже построении и заведениях Тюб-Караганского угла может примерно нижеследующие приобрести доходы.

1. Так как в сем заливе, а равно и около юго-западной стороны берега сего моря в большом множестве водятся тюлени и красная рыба, которым доньше при сих берегах никем еще не производилась ловля, а потому отдавать оную можно на откуп рыбным промышленникам, кои, будучи под защитою гарнизона, охотно возьмут её на себя с ежегодным платежом до 15 тыс. рублей.
2. Сии рыбные промышленники, равно как и другие, издавна уже промышляющие на тюленьих и прочих островах, будут иметь нужду в соли, без коей их промысел обойтись не может; почему казна может в год получать прибыли от продажи им Тюб-Караганской соли до 10 тыс. рублей.
3. От приумножения торговли произойти должно и приращение пошлины с хивинских и бухарских товаров, приращение, которое я, на первый только случай, полагаю до 8 тыс. рублей.
4. Откуп с винной продажи как для продовольствия на тюленьих островах российских промышленников, равно и для азиатских народов, которые оное под видом лекарства употребляют, 25 тыс. руб. Итого 68 тыс. руб.

Генерал-майор Фелькерзам

ЦГВИА, ф. 422, д. 1663, лл. 1—14.

Подлинник (Копия документа в ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 27—41. О результатах географических, топографических и геологических исследований Фелькерзама см. другой рапорт фон Сухтелену (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210,) лл. 42—45).)

Из докладной записки муфтия Мухамед-Джан-Хусейна о туркменах и их взаимоотношениях с Россией, Ираном, Хивой и Бухарой

15 марта 1806 г.

По силе высочайшего его императорского величества наставления, данного мне через товарища министра иностранных дел князя Чарторыйского, имею я о мангышлакской препорученной мне комиссии в постановлении хана в Мангышлаке и в построении крепости объяснить заготовления мои и мнение, предначертанные к будущему предположению...

2) К выбору туркменскому народу хана нужным почитаю к сей комиссии иметь двух кандидатов от колена Чингис-хановых Ширгазы-султана, сына Каип-ханова и Мухаммед-султана, сына Карабай-султана, сына Батыр-ханова, из коих надеюсь, что один будет выбран [173] туркменскому народу в ханы, а другого не успею ли склонить народ быть ему в Хиве ханом. Также нужны из числа обитающих в Астраханской губернии именитые туркменцы, человека три, и прочие, нужные ко употреблению партикулярные люди, и потом отправил бы через Каспийское море в Мангышлакское владение, где, как я узнал чрез прибывшего ко мне в Оренбург прежде посланного от меня, что туркменский народ нетерпеливо желает меня принять и пользоваться моей благосклонностью и слушать даваемые от меня наставления, где б я по усердности моей к службе его императорского величества по духовному сану моему мог склонить умы туркменского народа к пользе отечества.

3) К осмотру восточного берега Каспийского моря объявлено, что инженерный штаб-офицер будет в Астрахани в готовности, но оного не имею и требовать, полагаю, его по неполучению от генерала от инфантерии князя Цицианова разрешения, не можно, а если бы онный при мне был, конечно бы я усугубил свое старание, сделал бы ему помощь, дабы он без всякой опасности, ограничения народу и не вводя их в сомнение мог свободно места нужные и полезные осмотреть и освидетельствовать точность оного, а особенно место, где по соизволению государя императора нужно будет выстроить крепость и где б достаточно было пресной воды и сверх сего и те места может он посредством моим видеть, кои мне ныне секретно от туркменского народа по разведывании моем открыты, что, конечно б, по ревности моей к пользе его императорского величества без дальних трудов по истинности и нелицемерности моей обязуюсь привести до желаемого конца не так, как прежде было, что некоторые посланные пред сим, может быть, с не малыми для казны издержками. Чиновники, не имея средства входить и доехать до надлежащего места в рассуждении недоверия их к тем народам, рассматривали издали глазомерно и, не зная действительно местоположения, списав от других людей нужные мысли, подавали мнения, которые оставались всегда нерешенными.

4) Понимаю я из предписания высшего начальства, что с издавнаго времени есть высокомонаршее его императорского величества милосердие к покровительству туркменского народа и к построению в Мангышлакском владении, в удовлетворение их к защите от набегов киргизских, крепости, но оставалось оное, видно, потому, что крепость строить в отдаленном месте, в чужих краях, есть дело немаловажное и требует на то продолжительное время и сопряжено с разными неудобствами и великими для казны издержками и по неоткрытию еще по сие время настоящего местоположения. Я же крепость в мангышлакском роде вновь строить надобным не нахожу, ибо там есть готовые шесть замков, называемые куганы (Курганы), о коих прилагаю при сем особую записку, с издревнего времени с каменными стенами, некоторые натуральными и другие — отделанные людьми, — каждая с воротами при самом берегу моря, чрез что соделались неприступными и дальнего караула не нужно, кроме одного часового в воротах, в которых и пресной воды при малом копании колодцев или ключей будет не бездостаточно. Ясным доказательством тому служить может, что и поныне туркменцы абдальского рода четырех отделений: дели, минльгужа (Менгли-ходжа), курбан и огры во время нападения на них киргизцев входят в те укрепления со всем семейством и скотом и

довольствуются там травой и водой и пребывают до тех пор, пока им будет в том нужда, и у ворот [174] поставляют малое число караула. Нужным я почитаю теперь, не упуская удобнейшего времени, приступить к постановлению хана и утвердить на подданство присягой, и нужно будет занять крепость воинской командой, артиллерией и главным начальником, куда также поместить можно будет новоутвержденного хана. Войска же большого количества туда, полагаю я, не нужно, кроме небольшой части артиллерии и немалого количества провианта, ибо туркменцы есть народ склонный к воинству и имеет к защите хорошие орудия и лошадей и небезызвестно России, что они находятся в наймах в Хиве, Бухарии и в Персии вместо гвардии стражами из единого только пропитания в хлебе. Посему, я полагаю, можно их до 1000 человек, или сколько надобность потребует, наклонить для защиты крепости служить из единого положенного пайка в месяц, под командою российского начальника, при том не только служить будут находящиеся в подданстве туркменцы, но уповаю, что можно будет наклонять и астрабадских туркменцев для хлеба.

5) По расположении сей крепости можно будет ожидать от туркменцев всякой пользы, а особенно когда они увидят себя при надежной подпоре от России, и как они увидят, имеют злость на хивинского самозванца Инак-Ильтузера Гавазова, делавшего им разные притеснения, так что они готовы вживе кровь его опивать. По сему случаю буде бы России нужны были в Хиву какие обстоятельства, тогда не будет нужды посылать туда больше войска, ибо туркменцы, будучи от оных озлоблены, а при том и многие из хивинских подданных именитых людей и духовных особ и других также на своего хана в неудовольствии, тогда только останется дать малую помощь из артиллерии туркменцам, употребить их против Хивы под командой российского начальника, кои, уповаю, доведут хивинское правительство повиноваться во всем воле России.

6) По приведении сего мною предполагаемого в желаемый успех сверх сего вышеписанного, полагаю я, полезным быть может вновь предполагаемой крепости сделать анбары для купечества, ибо где я предполагаю быть крепости, то место состоит от пристани мореходных судов в весьма близком расстоянии, куда приезжают в больших количествах караваны с товарами из Бухарии и Хивы купцы и останавливаются на самом берегу моря, иногда по прибытии своем не находят в готовности судна, или по наступлении зимнего времени и по замерзании рек и берега моря льдом остаются зимовать, сделав для жилья своего из тюков кожи, равно также и приезжающие из Астрахани хивинские, бухарские и российские купцы по неотысканию иногда для своза своего товара верблюдов остаются весьма долгое время до тех пор, пока отыщут ямщиков; также случается пристают находящиеся из России для рыбного и тюленьего промысла суда, кои в той предполагаемой крепости могут жить и иметь пристанища, и можно надеяться, что не только из Бухарии и Хивы, но и из Астрабадской стороны будет наезжать купечество, ибо прежде его и доныне продолжается в прежде бывшем персидском, а ныне находящемся в бухарском владении г. Маару (Мары), около которого обитают туркменцы, частью иомудского, гокленского и емрелинского родов, при местах Кизыл-Арват, Бами и Бурме и занимаются хлебопашеством, отколь мангышлакские туркменцы иногда частью получают с трудом хлеб и имеют торг с Астрабадом, от туркменцев прогоняют разный скот, а оттоль получают золото, парчевые и прочие материи, а тогда, [175] конечно, будет возвышаться более торговая связь в России, чрез что умножится и польза государственного дохода...

8) Если со стороны его императорского величества не будут в нынешнее лето в Мангышлаке поставлены строением знаки, по крайней мере для уверения туркменских народов, которые, будучи в отчаянности со стороны России получить монаршею милость и безнадежны в покровительстве, принуждены будут удалиться для отыскания себе убежища в разные места — в Бухарию, к Астрабаду, в сторону Мару и киргизцам, и, конечно, не останутся, ибо оные туркменцы отделились от хивинцев, в рассуждении неимения в Хиве на пищу хлеба и по происходящей между ними вражде и распри дошли до крайнего состояния в голоде. По сим обстоятельствам можно легчайшим способом без дальних трудов наклонить их к подданству

России, при том стараться в построении крепости, также в постановлении хана, ибо всем тем стараться приохочивать их отправить к ним в Мангышлак с уверением их высокомонаршей милостью, через что не токмо они могут остаться надежны и приедут сами в оную готовую крепость, кою должно снабдить новыми знаками и обозначениями, то есть отправить отсель из Астрахани для сделания ворот лесу и обделать оные как должно и для житья со 100 калмыцких кибиток или же из состоящих в Астрахани без употребления старых казенных строений на судах и построить для знаку дома два или три и послать непременно провианту для своих команд и для нанятия на первый случай туркменцев, по их обычаю, которые после могут остаться и сформированными войсками для охранения крепости, дабы туркменцы могли поверить, что есть к ним монаршая милость, через что не будут они искать других покровителей, как теперь они колеблются, чему доказательством служить может, что теперь из мангышлацких туркменцев именитые Бей-хужа (Байходжа) Нефес и Кадина Хуш поехали в Бухарию через кунгурадское владение. К сему согласен, видно, кунгурадский начальник Ходжа-Мурад-бай, который с хивинским начальником Ильтузером имеет вражду, уповаю я, что не хотят ли они искать для себя в другом месте защиты.

9) Ныне мангышлацкое туркменское с хивинцами общество находится во вражде, равно бухарцы и киргизцы с хивинцами в несогласии и междоусобии, ибо хивинцы от бухарцев четыре раза отогнали скот, а уехавших Меньшей киргиз-кайсацкой орды киргизцев со скотом для торгу в Бухарию при местечке Ирдер-ата, посланный от хивинского самозванца Илтезера родственник Вали-Тентяк будто бы 100 человек убил и все их имущество взял себе.

10) В Хиве в хлебе состоит дороговизна, так что два чувала продается по червонцу, то есть в 10 рублей, при всем том хивинские жители великое имеют изнурение и хлебопашеством заниматься от вражды время не позволяет, от чего претерпевают крайность, откуда прежде туркменцы мангышлацкие пользовались хлебом, а теперь там доставать не могут, по причине: 1) что между ними вражда, а 2) что у хивинцев и у самих недостает, почему и туркменцы также претерпевают в хлебе недостаток... (Опущены не относящиеся к теме сборника данные о крепости Мангышлак, захвате Ильтузером ханского престола в Хиве, его враждебных отношениях с туркменами, бухарцами, различными феодалами ханства и т. д.).

15) По приезде моем в Астрахань найдены мной присланные от туркменского абдальского рода поверенные под предлогом других надобностей, именующиеся Бавик-бей, Шукур-Батыр-Ших-Али, Дурды-Мурад-бей и Ходжа-Мухаммед, кои только ожидали прибытия моего, [176] где объявили мне от всего общества, что они с сердечным удовлетворением повинуются воле всеавгустейшего и всемилостивейшего государя императора и в доказательство того отдаются во всем моей воле, как духовному пастырю, и в ханском достоинстве быть тому, кто назначен будет и в прочих делах мне порученных с таким наперед уверением, чтоб утвердить себя присягой и открыть мне от имени общества, где имеется пресная вода и где удобное место к построению крепости, которое прежде сего по два раза посланным показано не было. И из тех присланных Бавик-бей отправляется на лодке, дабы радостно известить о приезде моем в Астрахань свои благонадежные орды.

16) По разведывании моем нашел я, что против персиян-каджарцев обитающий между Астрабадом и Мангышлаком гокленский род есть во вражде не только оным двум (?) родам, но и всей Персии с издавнаго времени есть противники и имеют чрезвычайную злость, так что ни за какую сумму персияне их подкупить не могут, а при том есть в Мангышлацком народе отдаленный из абдальского рода минальгуже воин, называемый Мухаммед-Нияз-батырь, имеет нападение к персиянам и по отличности его в воинском искусстве хивинцы, персияне и туркменцы пребывают в трепетании и страхе, но только сей конец переговору с ним время ещё не было, а действительно узнал я, что он будет по нашему намерению согласен, которого упоминаемый хивинский самозванец Ильтузер склонял подарками и звал к себе, но он на то не согласился и имеет великое от Ильтузера-инака огорчение по причине великой пошлыны, наложенной на туркменских купцов.

№ 114

Записка управляющего калмыками и туркменами с ходатайством об освобождении северо-кавказских туркмен от почтовой повинности и привлечении их на военную службу

16 мая 1807 г.

Здесьшний господин гражданский губернатор и кавалер предложил сему правлению предписание его сиятельства господина генерала от инфантерии астраханского военного губернатора и кавалера графа Ивана Васильевича Гудовича, в коем прописывает усердие, показанное обществом туркменских татар, вызвавшихся добровольно из единого усердия к службе его императорского величества поставить 200 человек конновооруженных туркменцев на службу против французов с тем только, чтобы освободить их от содержания почт, дабы они вдвойне не несли повинности, предлагает, изъяв их от сей повинности, доколе туркменцы пребудут на службе (В предписании генерала Тормасова туркменскому приставу Ростованову от 10 марта 1810 г. указывается, что туркмены «должны нести военную службу, наравне с калмыками не в том случае, чтобы наряжать на кордонную стражу, а употреблять их по наряду, как то было против французов», здесь же говорится, что при объединении этих туркмен с калмыками было решено взять их «под одно правление с оными (калмыками) и наравне же с ними употреблять их на военную и кордонную службу». В документе вместе с тем отмечается, что царское правительство дало на это свое согласие (АКАК. т. IV, 1870 г., док. № 1408, стр. 914).), возложив оную на одних ногайцев, поколику от них при нынешнем вооружении не назначается [177] выкомандировка на службу, о чем равномерно дано от его сиятельства знать и управляющему при сих народах приставу коллежскому советнику Макарову.

А по справке в сем правлении оказалось, что показанные туркменские народы содержат почту вообще с ногайцами от Кизляра по астраханскому тракту. Приказали: с прописанием вышеизложенного его сиятельства графа Ивана Васильевича Гудовича предписания относительно изъятия от почтовой повинности показанным туркменцам за подставку ими добровольцев... (Слова неразборчивы) на службу до двухсот человек из их собратий (См. об этом распоряжение И. В. Гудовича астраханскому гражданскому губернатору от 24 марта 1807 г. в СКГА, ф. 84, оп. 1, д. 137, л. 1) и о возложении всей почтовой повинности на одних ногайцев и приставом сих народов господину генерал-майору Суханову и коллежскому советнику Макарову сообщил.

СКГА, ф. 87, оп. 1, д. 137, лл. 3—4.

Копия.

№ 115

Письмо туркменского старшины Эрали-бека астраханскому гражданскому губернатору А. А. Кожевникову о взаимоотношениях мангышлакских туркмен с Россией и их положении

6 февраля 1809 г.

(Дата поступления документа в канцелярию астраханского гражданского губернатора.)

Ваше превосходительство, высокомиловитый государь Лев Александрович!

Честь имею донести вашему превосходительству, что назад тому шестой год, как с сотоварищами своими всего четыре человека сообща [со] всего мангышлакского народа согласия посылаемы были ко двору его императорского величества с прошением о принятии всего мангышлакского народа в вечное подданство, и как удостоились предстать, то изустно его императорским величеством учинено благоволение, что уж всех нас приемлет в вечное и

потомственное свое подданство и во всяких случаях покровительствовать имеет, с чем мы и возвращены; по приезде же нашем в Мангышлак о сем мы и всему нашему народу объявили, которые весьма оным порадованы; а напоследок, услыша о сем, бухарские и хивинские главные начальники возымели немалую ненависть и в прошлом году за сие самое убили из наших туркменцев лучших людей семнадцать человек и начали взимать со всякого нашего товара и верблюдов несносную пошлину, чего искони никогда не бывало, чем причиняют тягчайшую обиду и притяжение, что видя, наш мангышлакский народ и паки отправил меня для донесения о сем его высокоповелительному господину генерал-фельдмаршалу и всех российских орденов кавалеру графу Ивану Васильевичу Гудовичу (8 января 1809 г. И. В. Гудович, уведомленный о том, что Эрали-бек ищет встречи с ним, в своём распоряжении астраханскому губернатору требовал «обласкать его, под благовидным предлогом отклонить его от намерения ехать ко мне в Тифлис». В письме указывалось, что если Эрали-бек пожелает, то может через него или по почте отправить свое прошение в Тифлис. (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 16). 27 февраля 1809 г. А. А. Кожевников доносил И. В. Гудовичу, что он отклонил Эрали-бека от поездки и взял у него письмо, адресованное на имя И. В. Гудовича, где были «описаны все возложенные на него, Эрали-бека, поручения подробнейшим образом» (там же, лл. 17—20).), дабы в сих столь весьма [178] отяготительных и изнурительных обстоятельствах подать руку помощи, с чем я сюда и приехал уже девятый месяц. Но по дальнему расстоянию и весьма трудному пути туда ехать способов не нахожу, а посему с прописанием всех нашего народа изнеможениям при сем приложенное прошение покорнейше прошу как наивозможно доставить к его сиятельству посредством почты и испросить на сию милостивейшего благоведения, чем бы мог я весь наш мангышлакский народ порадовать.

Мангышлакский посланник Эрали-бек Дурды-Мурат-беков

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 19.
Перевод с туркменского.

№ 116

Распоряжение кавказского наместника управляющему калмыцким народом о принятии под свое управление туркмен Северного Кавказа

11 апреля 1809 г.

Прошлого 1808 г. октября 22-го числа сообщал я министру иностранных дел господину действительному тайному советнику и кавалеру графу Николаю Петровичу Румянцеву, что туркменские татары, в пределах Кавказской линии обитающие, всего до тысячи кибиток, вошли ко мне с прошением о причислении их к калмыкам, объясняя, что они до бывшего калмыцкого побега в Китай были в одном составе с оными и управлялись всегда одним безраздельно начальством (Документ опубликован в АКАК, т. III, Тифлис, 1869 г., док. № 1883, стр. 701). Причём объяснил я ему, господину министру иностранных дел, что туркменцы сии, составляя общество свое, находятся под одним управлением ногайских татар, по Кизлярской степи кочующих, называемых карангайцами, и что вся служба их теперь состоит только в том, что в помощь ногайцам сим содержат они одну почту на кизлярской дороге, на Астрахань идущей, и присовокупил мое мнение, что по отправлению калмыками военной службы на кордонах против киргиз-кайсаков и на Кавказской линии, я нахожу со стороны моей гораздо полезнее туркменских татар присоединить к калмыкам под одно управление со оными и наравне же с ними употреблять их на военную по кордонам службу, к чему они имеют довольную способность.

На сие мое сообщение господину министру иностранных дел получил от 4-го числа декабря в ответ отношение от товарища его господина тайного советника и кавалера графа Александра Николаевича Салтыкова, что он по предмету сему всеподданнейше докладывал государю

императору и его императорское величество находит, согласно с мнением моим, что полезнее причислить туркменских татар к калмыкам под одно начальство, и высочайше соизволяет, чтобы я учинил к тому надлежащее распоряжение.

Во исполнение каковой высочайшей воли я предписываю вашему высокоблагородию туркменских татар, обитающих в пределах Кавказской линии в числе до тысячи кибиток, от управляющего ногайским и туркменским народами надворного советника Ахвердова принять в управление вместе с принадлежащими им делами и в присоединение [179] их под одно управление с калмыками принять все должные меры, по присоединении которых к калмыкам имеете уже употребить их наравне с последними на службу.

Между тем пишу я и управляющему ногайцами господину надворному советнику Ахвердову, чтобы он тех туркменцев со стороны своей сдал вам во управление, как и дела их, в возможной исправности, и вы по принятии их в свое ведомство имеете уведомить меня, в каком виде вы их приняли (Текст документа до этого абзаца хранится в ГААО, ф. 1 оп. 16 д. 151, лл. 23—24.).

Относительно же оказанного усердия туркменских татар к развозке казенного провианта по магазинам левого фланга Кавказской линии с Сладкоеричной пристани—в даче им 500 верблюдов за каковую развозку — туркменские старшины объявили, что они отказываются от получения следующих денег, а сделали таковую повинность из единого усердия их к службе его императорского величества, то в воздание такового их усердия по представлению моему государю император высочайше указать соизволил наградить золотыми медалями для ношения на красной ленте старшин: Ахмета Мозокова, Чирак Еген Чиракова, Мирзу Тангры Берды Башиева и Юсупа Дурдиниязова, и господин товарищ министра иностранных дел тайный советник и кавалер граф Александр Николаевич Салтыков меня уведомляет, что как скоро медали сии будут им получены из кабинета, то не замедлит оные ко мне доставить. О сей высокомонаршей награде означенных туркменских старшин я вам поручаю объявить, как равно и о уверенности моей, что они усугубят усердие своё в пользу службы его императорского величества.

Генерал-фельдмаршал граф Гудович

ГААО, ф. 822, оп 1, д. 96, лл. 9—10.

Подлинник

№ 117

Жалоба туркменских купцов астраханскому губернатору на незаконное взимание с них торговых пошлин Астраханской городской думой

11 августа 1809 г.

С давних времен предки наши и мы сами из мест, нами обитаемых, с Астраханским портом производили торговлю ввозимыми сюда собственных произведений наших товарами, за кои, как равно и за вывозимые нами отсюда в свои отечественные земли, платили узаконенные здесь пошлинные деньги в Астраханской портовой таможне до настоящего времени. Ныне неизвестно нам, какие и за что деньги требует от нас городская дума, не объявляя ни повеления вновь изданного, ни причины, за что те деньги с нас, иностранных заезжих временно сюда купцов, следуют думе, и по неотдаче нами требуемых денег они посланными от нее из нас и народа нашего людей захватывает на базаре, задерживает под караулом и на немалое время, чем, во-первых, расстраивает нас в торговых оборотах ж, с упущением удобного времени причиняются нам и немаловажные убытки, а во-вторых, главным [180] поставляем причиняющую нам крайнюю обиду и оскорбление и посрамление, что с базаров уводят под караулим, как преступников, и задерживают по азиатству нашему, какового бесчестия мы вовсе не заслуживаем. Для чего ваше превосходительство, как начальника, убедительно просим нас от таковых обид и неизвестных нам от думы требований защитить. В прочем буде есть вновь

повеление с нас, временно сюда приезжающих иностранцев, собирать деньги за что, с чего и сколько именно, объявить нам оное. После выполнения нами таковой обязанности, кому следует предписать, дабы мы при платеже в астраханской таможне за товары наши пошлин вносили и ту часть в думу, сколько ей следует.

На каковое наше прошение и ожидаем резолюции от вашего превосходительства (В конце документа подписи туркменских и других среднеазиатских купцов.).

ГААО, ф. 1, оп. 2, д. 48, лл. 183—183 об.

Подлинник.

№ 118

Прошение туркменского старшины Ших-Али-бека Дурды-Мурад-бека генералу Булгакову о постройке крепости на Мангышлаке

13 июня 1810 г.

В покровительство всеавгустейшего монарха все наше туркменское общество принято государем императором Александром Павловичем в 1802 г., почему и дано нашему обществу через канцелярию графа Воронцова высочайшее соизволение об удовлетворении нас во всех частях от обид простирающихся, как-то: при Мангышлаке, где наш народ кочует, учредить или устроить крепость,, чтобы нам от киргиз-кайсаков и прочих разорения не было. О чем и дано было бывшему главнокомандующему князю Цицианову предписание, чтобы оную учредить там. Но и по сие время оной не устроено, через что самое народ наш претерпевает крайнее разорение, как от вышеописанных киргиз-кайсаков, бухарцев и хивинцев, ибо они узнали, что общество наше предалось под покровительство всероссийского престола, и делают нашему обществу разные разорения, как в товаре вывозимом, и убивают людей, что уже много и последовало.

А по высочайшей воле государя императора определенного жалованья мне и прочим (кои находятся в Астрахани) не производят более уже 10 месяцев, по каковым моим крайним обстоятельствам осмеливаюсь, ваше высокопревосходительство, войти своим рассмотрением и кому следует представить, дабы народ наш не мог более претерпевать через непостроение при Мангышлаке крепости разорения и убийства от нападения известных (5 июля 1810 г. генерал Тормасов в отношении астраханскому гражданскому губернатору писал, что он уже «по предмету сему отнесся к государственному канцлеру графу Румянцеву». Далее он сообщил, что поручил губернатору отправить Ших-Али-бека обратно в Мангышлак и, «не отклоняя общество мангышлакское от их намерения, продолжать делать им уверения, что государь император не оставит их милостивым своим покровительством и защитой». Считая несвоевременной постройку крепости на Мангышлаке, царские власти находили возможным поощрять переселение местных туркмен в пределы России и обещали, что в случае переселения они «получат все выгоды и пособия» (АКАК, т. IV, Тифлис, 1870 г., док. № 1410, стр. 915)).

АКАК, т. IV, Тифлис, 1870 г., док. № 1410, стр. 915.

Перевод с туркменского.

[181] №. 119

Рапорт астраханского вице-губернатора И. Вельсовского главнокомандующему на Кавказе Н. Ф. Ртищеву о необходимости принятия туркмен-човдуров в подданство России

19 ноября 1811 г.

Сего месяца 13-го числа поданным ко мне прошением уполномоченные якобы от туркменского

народа човдутова рода, кочующего около хивинского города Арала, старшины 6 человек объяснили, что, удостоверясь все они через посланного пред тем в Астрахань нарочно одного из старшин своих Ниязберды Суфи Оденизова о здешних обстоятельствах, и что жительствующие в Астраханской губернии единоверцы их пользуются неописанным милосердием его императорского величества всероссийского государя, решились они в количестве двух тысяч пятисот семей прошлого года в августе месяце быть в верноподданстве всероссийского государя. Вследствие чего, когда откочевали из своих обиталищ, то, быв настигнуты в пути высланным для возвращения их войском хивинским, имели с оным упорнейшее сражение, и хотя по немалом кровопролитии с обеих сторон многие из них ранены, а несколько семейств взяты и в плен, но прочие в количестве 2300 семейств, пробившись, достигли Мангышлака и остановились при местечке Песчаном. Из сего количества три семейства—для совокупного жительства со своими родственниками, находящимися во всероссийском подданстве, в Астраханской губернии кочующими, и они, шесть старшин, уполномоченные от помянутого човдутова поколения для исходатайствования покровительства и принятия всего того народа под всероссийскую державу с девятью при них служителями прибыли в город Астрахань.

Поелику же они по бедности своей на оплату за доставление сюда ничего не имеют, а содержатся от здешнего Казанской слободы муллы Ахмета Муртазина, то просят: прописанные три семьи их рода доставить к их родственникам, а им, старшинам, со служителями дать письменный вид, чтобы они могли осмотреть кочевые здешние места, и желающему переселиться сюда човдутова рода туркменскому народу учинить изустную похвалу; для достижения же большего вероятия в соглашении доверителей их послать с ними означенного муллу Ахмета Муртазина и знающего их российский разговор Юсупа Мурзу Шакулова (что ныне титулярный советник) для того, чтоб тот народ привести его императорскому величеству на верноподданство всероссийскому государю к присяге; равным образом для перевоза их отсель к мангышлакскому берегу и обратно с имеющими прибыть сюда посланцами командировать одно из казенных мореходное судно с начальником; когда же посланцы прибдут сюда, неудержно допустить их видеть его императорское величество. (В письме от 4 марта 1812 г. главноуправляющий на Кавказе Н. Ф. Ртищев сообщил И. Вельсовскому, что Александр I разрешил отправить казенное мореходное судно в Мангышлак для доставки оттуда депутатов туркмен-човдутов, и когда «те семейства от Мангышлака прибдут и расположатся на показанных им местах, тогда и депутатов их к высочайшему двору отправить». Кроме того, Александр I приказал объявить човдурским старшинам свое соизволение осмотреть те места, которые им будут отведены под кочевья (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 88; ЦГАВМФ, ф. 166, д. 3911, лл. 3—3 об.). Об этом же см письмо Румянцева Ртищеву от 6 февраля 1821 г. (АКАК, т. V, Тифлис, 1873 г., док. № 1007, стр. 883))

[182] В заключение сего просят, доколе все дела их по сему предмету Приведены будут в совершенное исполнение, от находящихся здесь хивинцев, от Карагана и прибывших туркменцев и прочих именовавших себя посланцами содержать в секрете, для того чтоб через сие доверителям их човдутова поколения народу не могло последовать вящего зла.

Приняв с приличным снисхождением и ласковостью старшин и рассмотрев прошение их, хотя не имею в виду других удостоверительных актов, подтверждающих желание туркменцев човдутова рода в столь уважительном количестве быть верноподданными его императорскому величеству; но нарочитое прибытие сюда старшин со служителями их и трех семейств почитая некоторым доказательством, осмеливаюсь обстоятельство сие по существу своему немаловажное, разрешение коего зависит единственно от высшего начальства, представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства и просить всепокорнейше начальственного повеления на все пункты, изъясненные старшинами, как равно и на ассигнование суммы, следующей в уплату за доставление в Астрахань старшин с туркменцами, если признать изволисте прописанную просьбу уважительною. (В письме от 3 декабря 1811 г. главноуправляющий на Кавказе Н. Ф. Ртищев поручил И. Вельсовскому отправить депутатов

«при благонадежном чиновнике на кочевые места калмыцкого и туркменского народов к главному их приставу как для осмотра земли, на которой они пожелают расположиться, так и для соображения, каким образом сие привести в исполнение, во все же время их пребывания в Мангышлаке оказывать сим поверенным ласку и снисхождение, а между тем, смотря по надобностям их, выдавать им содержание из суммы, в ведении вашем на сей предмет имеющейся». (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 81—81 об.). В тот же день, 3 декабря 1811 г., Н. Ф. Ртищев донес государственному канцлеру Румянцеву о прибытии на Мангышлак туркмен-човдуров и об их желании вступить в русское подданство (см. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 83—86.).

При сем случае долгом поставляю почтеннейше донести о учиненных с моей стороны распоряжениях, кои на первый случай были необходимы для большего приласкания туркменцев: 1) старшин удостоверил я, что о снисходительном уважении просьбы их ходатайствую у высшего правительства, в котором они, без всякого сомнения, найдут всемогнейшую милость, снисхождение и пособие в их нуждах, так же надежное покровительство; 2) быв известен по разведанию моему о справедливости изъясняемого старшинами расстроенного и крайне бедного состояния как доверителей их, так и самих старшин и прибывших с ними семейств туркменских, кроме пособия в квартирах, для спокойного их прожития, доколе получено будет разрешение, дал я им на первый случай для пропитания сто рублей из сумм, имеющихсЯ в ведении моем на счёт определенных на приласкание и содержание азиатских посланцев; о произвождении же в предбудущее время подобных пособий, ежели благоугодно будет признать то нужным, честь имею ожидать разрешения; 3) независимо от личного моего наблюдения, предписал астраханскому полицмейстеру неуступительно блюсти, чтобы ни с которой стороны спокойствие старшин и прибывших с ними туркменцев не было нарушено; но во всех случаях, до сих касающихся, оказывалось бы всякое уважение и ласка, а при сем случае стороною отклонить могущее быть желание к выезду их вне настоящего жительства далее города Астрахани, как и самой таковой их выезд; 4) если за сим встретят они какую-либо в чем нужду, не оставляю я делать с моей стороны возможное удовлетворение; 5) что касается до позволения старшинам осмотреть кочевые здешние места и избрать удобные для човдутова рода. равным образом до позволения из них трем семействам отправиться к своим родственникам, в кочевых степях пребывание [183] имеющих, то я не решаюсь на таковое удовлетворение, не имея предписания начальства, отклонив старшин приличным образом от исполнения намерения их до удобного времени.

Вице-губернатор Иван Вельсовский

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 78—80

Подлинник.

№ 120

Рапорт астраханского гражданского губернатора С. Андреевского главноуправляющему на Кавказе о необходимости выделения судна для отправки старшин туркмен-човдуров на Мангышлак

26 мая 1812 г.

Получив предписание (Документ не публикуется) вашего высокопревосходительства от 4 марта № 76, хотя и желал я исполнить оное со всею поспешностью, но не мог к сему приступить по невозвращению еще сюда из Кавказской линии старшин туркменских човдутова рода, кои отправились туда для обозрения мест, способных к кочевью помянутого рода, ибо прежде с ними должно было объясниться и потом делать надлежащее распоряжение; когда же они прибыли в Астрахань 20-го числа сего мая, то я, приложив с предписания вашего

высокопревосходительства копию и ссылаясь на высочайшую волю, в нем изъясненную, отнеся к начальнику здешнего порта господину генерал-лейтенанту и кавалеру Жохову, прося его уведомления, есть ли в готовности казенное судно, на котором можно бы было помянутых старшин отправить к туркменскому кряжу и оттолъ привести полномочных депутатов човдунова рота, желающего, по словам старшин, быть в подданстве России Но на сие получил нынешнего числа отзыв, что он, господин генерал-лейтенант, не имеет ниоткуда повеления об отряжении судна именно из числа состоящих в командуемой от Каспийской флотилии, представил господину министру морских сил с прошением его разрешения и, когда оное получит, не преминет в то же время известить (23 мая 1812 г. министр военно-морского флота И. И. Траверсе дал распоряжение командующему Каспийской флотилией А. А. Жохову отправить осенью 1812 г. туркменских старшин на Мангышлак на военном судне (ЦГАВМФ ф. 166, оп. 2, д. 3911. лл. 1—2 об.)).

Поставляя долгом донести о сем вашему высокопревосходительству, честь имею присовокупить, что коль скоро позволено будет дать ожидаемое мною судно, то как и в рассуждении отправления старшин, так и о всем прочем не премину исполнить поручения вашего высокопревосходительства и потом о последствиях особо представить. Между тем по крайнему недостатку старшин, на коих остались одни почти рублища, во уважение просьбы их выдать им на экипирование (которому подносится особый счёт) 780 руб. из суммы распоряжения вашего высокопревосходительства, в ведении моем состоящей (См. док. № 119), под названием 21 тысячи на жалованье и пенсии и на прочие пограничные расходы; затем осталось сей суммы только 20 рублей.

С. Андреевский

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 89—92
Подлинник.

[184] № 121

Указание главнокомандующего на Кавказе астраханскому гражданскому губернатору об отпуске денег на содержание старшин туркмен-човдунов

23 июня 1812 г.

На содержание прибывших в Астрахань поверенных старшин от туркменцев човдунова рода я препровождаю при сем тысячу рублей государственными ассигнациями, в коих ваше превосходительство в свое время пришлёте мне отчет и прошу о получении сих денег меня уведомить. (Из отчёта астраханского гражданского губернатора видно, что эти деньги были израсходованы в основном на покупку одежды и обуви для туркменских старшин (см. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 90).)

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 91.
Отпуск.

№ 122

Рапорт астраханского гражданского губернатора главноуправляющему на Кавказе о прибытии в Астрахань депутации туркмен Мангышлака

1 декабря 1812 г.

Сего ноября 1-го числа прибыли в Астрахань на казенном судне, называемом «Люгерь Белка», под командой лейтенанта Коробки восемь депутатов от туркменского народа, кочующего при местечке Песчаном, коим именной список у сего имею честь представить (Документ не

публикуется; хранится в ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 96).

Депутаты сии, являсь ко мне, представили врученную им от начальников их просьбу, в коей значит:

- 1) когда старшины човдурова рода, возвратись к своему народу из Астрахани, объявили о высочайшем его императорского величества соизволении на просьбу их в рассуждении принятия их в подданство России и об оказанных им от местного начальства благодеяниях, сверх того быв награждены от России хлебом, без коего терпели они великий голод, то весь народ их, будучи преисполнен живейшей благодарности, единогласно изъявили свое согласие быть верноподданными российского государя императора;
- 2) когда распространился о сем слух, то присоединились к човдурову роду, состоящему из 2300 семей, других родов туркменцы, а именно: колдаглыева и игдырова 3100 да эрсарыева 500, всего 3600 семей, соглашаясь единодушно быть российскими верноподданными;
- 3) для исходатайствования у высочайшего российского престола покровительства их народу отправили они депутатов, коих просят, снабдив всем нужным, отправиться к высочайшему двору совокупно с поверенными их, прибывшими с депутатами, титулярным советником Шакуловым, знающим российский и татарский языки, и татарским муллой Ахмед-Муртазаном;
- 4) изъясняясь в крайности на недостаток в хлебе к пропитанию их народа, просят о дозволении вывозить оного из Астрахани до 5000 четвертей.

[185] Рассматривая дела в канцелярии гражданского губернатора, посему обстоятельству в производстве состоящие, я нахожу следующие сведения: ... (Опущены сведения, содержащиеся в предыдущих документах)

На основании сего высочайшего соизволения, испрашивая в разрешение вашего высокопревосходительства повеления о назначении-времени к отправлению их к государю императору, честь имею присовокупить:

- 1) по объяснению депутатов, что они крайне нуждаются в пропитании своем, выдал я им из сумм распоряжения вашего высокопревосходительства на первый случай по 20 рублей каждому на одно лишь содержание; а что касается до найма квартиры, покупки дров, свечей и проч., на что, по мнению моему, потребно для всех в месяц не менее 50 рублей, то с сей стороны не могу сделать никакого удовлетворения по неимению суммы, которая также необходимо понадобится на экипировку всех депутатов, одетых теперь несоответственно их званию, равным образом потребные деньги на путевое их содержание и на прогоны, когда отправятся в Санкт-Петербург, почему и прошу покорнейше начальственного распоряжения о посылке ко мне на все прописанные суммы, сколько вашему высокопревосходительству угодно будет назначить:
- 2) вместе с тем не благоугодно ли будет снабдить меня и особой шнуровой книгой на записку в приход и расход денег, кои ассигнуются на содержание и отправление означенных депутатов, дабы можно было вести записку отдельно от прочих пограничных сумм и не допустить ни малейшего в счетах замешательства. (Документ с сокращениями до пункта 4 опубликован в АКАК, т. V, 1873 г., док. № 1008, стр. 889)

С. Андреевский

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 93—95. 97.

Подлинник

№ 123

Из рапорта главнокомандующего на Кавказе государственному канцлеру о прибытии в Астрахань туркменских старшин Мангышлака и необходимости отправки их в Петербург

10 января 1813 г.

Я отправил к господину Андреевскому из 10 тысяч руб. на посланцев из... (В тексте написано

слово «почта», которое, однако, затем зачеркнуто.) суммы 5 тысяч рублей ассигнациями как на содержание депутатов, так и на предварительное приготовление их к дороге (Об отправлении этих денег см. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 101— 102. О получении см. рапорт С. Андреевского Н. Ф. Ртищеву от 3 февраля 1813 г. (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 104)). Между тем, руководствуясь предписанием вашего сиятельства от 6-го числа февраля ко мне посланном, в коем вы изволили объявить мне высочайшее соизволение на принятие мангышлакских туркменцев в подданство Российской империи, приказали, что когда семейства, желающие поселиться в Астраханской губернии, с единовверцами и родственниками своими придут от Мангышлака и расположатся на показуемых им [186] местах, тогда и депутатов их к высочайшему двору отправить; то на основании сего предписания вашего сиятельства я послал предложение астраханскому гражданскому губернатору отправление депутатов приостановить впредь до повеления, и вашему сиятельству честь имею представить, что все семейства в числе 5900 душ, пожелавшие вступить во всероссийское подданство и поселиться на жительство в Астраханской губернии, не иначе могут прибыть в Астрахань со скотом и имуществом своим, как если для привоза их присланы будут к ним суда и как сего в скором времени сделать не можно, по неприготовлении потребных судов соразмерно числу семей и имущества их; между тем, если до того депутаты не будут отправлены к высочайшему двору, то как они сами придут в сомнение, так и народ, обнадеженный высочайшим соизволением, приведен будет в недоумение, а потому я, представляя у сего именной список восьми человекам депутатов, испрашиваю разрешения вашего сиятельства об отправлении их в Санкт-Петербург и, чтобы семейства в скором времени были доставлены в Астрахань, то не благоудно ли будет вашему сиятельству исходатайствовать у его императорского величества высочайшего повеления господину министру морских сил об отправлении к мангышлакским берегам нужного числа судов для привоза 5900 семей со скотом их и имуществом (О перевозке этих туркменских семей из Мангышлака в г. Астрахань в апреле 1813 г. шла переписка между Н. Ф. Ртищевым, П. П. Румянцевым и адмиралом И. И. Траверсе. В результате они пришли к выводу, что для перевозки имеющимися в наличии судами только 2300 семей со скотом и имуществом понадобится 148 лет (а по другим расчетам — 1730 лет). См. ЦГАВМФ, ф. 166, д. 3912, лл. 1—2 об. я 4—4 об.) и о последующем почтить меня вашим сиятельством уведомлением. Что же касается до просьбы мангышлакских туркменцев об оказании им помощи в хлебе, то оный ежегодно в числе 5 тысяч четвертей в Мангышлак отпускается, если же по недостатку потребно будет им более сего количества, то на отправление сверх сих 5 тысяч четвертей толикого же числа я испрашиваю высочайшего именного его императорского величества повеления через посредство вашего сиятельства. (В рапорте от 30 июня 1813 г. С. Андреевский сообщил Н. Ф. Ртищеву, что, по его мнению, дополнительный отпуск 5000 четвертей хлеба на Мангышлак «может быть допущен, как по мере привоза одного в Астраханскую губернию, которого не всегда заготавливается избыточное количество». Касаясь поселения 2300 семейств в степях Астраханской губернии, он утверждал, что их можно поселить в Уральских степях, но «в том, однако же, предположении, что они тут кочевать могут только в летнее время». Это он объясняет тем, что в Астраханской губернии нет незанятых пастбищных угодий (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 105—108))

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп 1, д 210, лл. 98—101.

Отпуск.

№ 124

Из донесения главнокомандующего на Кавказе государственному канцлеру о принятых им мерах по оказанию помощи туркменам, восставшим против Фатх-Али-шаха (Начало документа о поляках, бежавших из России в Турцию и Иран, не относится к теме настоящего сборника. В документе говорится также о происках англичан в Иране, одной из целей

английских властей в Иране было строительство для каджаров военных судов на Каспии. Говоря о прибытии в Иран трех тысяч англичан со ста орудиями, двумя тысячами винтовок, 1200 тыс. денег, командир эскадры судов капитан-лейтенант Д. Д. Челеев в рапорте командующему Каспийской флотилией от 29 января 1810 г. доносил «о прибытии на иранские берега Каспия английские мастеров для лития пушек и построения судов». (ЦГАВМФ, ф. 166, д. 1139, лл. 2— 2 об.). В дополнение к этому в рапорте от 5 мая 1810 г. Д. Челеев доносил о прибытии в Иран английского генерала, который «намеревается осматривать берега Каспийского моря»; далее он сообщил, что в Персидский залив пришла английская эскадра, состоящая из 16 судов, доставивших Баба-хану в подарок много оружия и военной амуниции (там же, лл. 4.—5). О происках англичан в Иране см. там же, лл. 8—8 об., 12—12 об., 13—16, 18 и др.)

31 июля 1813 г.

...Что касается до разведывания Ханджаева, то он поставил ко мне подтверждение слухов, что якобы сильный туркменский народ, от коего владетель Персии требовал нынешней весной знатную часть [187] войск, отказался дать оные. Когда же посланы были к ним войска Баба-хановы для наказания, то туркменцы, разбив оные, восстали якобы всеми своими силами против власти правительства и приобретают важные успехи под предводительством их начальника, избранного народом, для останова коих послан будто бы старший Баба-ханов-сын Мамед-Али-Мирза с 25 тысячами персидских войск.

Слухи таковые я имел и прежде из разных мест, в том числе и из Талышей от командующего там эскадрой военных судов флота капитана 1-го ранга Веселого, которому ещё от 26 июня мною предписано, по близкому нахождению его от туркменских берегов, населенных сим народом, в подробности удостовериться о справедливости оных, и буде бы сие оказалось верным, то таковое расположение туркменцев против персидского правительства стараться всемерно поддержать, обещая со стороны нашей покровительство и всякую помощь. Однако же, не получив ещё на сие предписание никакого донесения от Веселого, я вторично предписал уже генералу господину Ротгофу, полагая его верно прибывшим к мангышлакским берегам с новой эскадрой военных судов и десантными войсками, дабы он немедленно послал два военных судна крейсировать у туркменских берегов, поручив начальнику тех судов непременно наведаться обо всем происходящем между туркменским народом и буде удостовериться, что оный действительно, отложась от повиновения власти персидского правительства, поднял оружие против Баба-хана, постарался бы дойти до самых туркменских старшин, руководящих народом, поддержать их таковое расположение через .благоразумные внушения и обнадежить во всякой им помощи со стороны российского правительства. (Об этом же см. распоряжение Н. Ф. Ртищева О. Ротгофу от 30 июля 1813 г. (АКАК. т. V, 1873 г., док. № 870, стр. 726—727))

АКАК, т. V, Тифлис, 1873 г., док. № 871, стр. 727.

№ 125

Прошение предводителя приатрекских туркмен Сеид-Мухаммед Юсуп-хана на имя Александра I об оказании военной помощи в борьбе против каджарских властей Ирана (14 августа 1813 г. с такой же просьбой Сеид-Мухаммед Юсуп-хан обратился к О. Ротгофу, который препроводил его письмо к Н. Ф. Ртищеву (см. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 307, л. 399, также см. лл. 398—399))

4 августа 1813 г.

Да будет вашему императорскому величеству известно, что ныне отправил я для облобызания чертогов высочайшего двора вашего в качестве посланников чиновника моего Гусейн-хана, Кият-хана и [188] Ходже-Калиджа, по приезде их туда всенижайше прошу принять их по

неограниченным милостям вашего императорского величества в надежде той, что вы мне воспомоществовать будете, ежели вы по милости своей пожалуете мне помощь войсками с нужной артиллерией, то я, оное соединя с моим войском, завладею Астрабадом, ибо, по намерению моему, военное действие наше должно, во-первых, обратиться на Астрабад. Надеюсь также на ваше императорское величество, что моя просьба будет принята воспомоществованием войск для отомщения общим врагам нашим, через что бог нами будет доволен. По милости божьей и вашего императорского величества я все околичности Астрабада разорил и опустошил, и мое намерение с помощью вашей есть овладеть Астрабадом, за что буду вам благодарен и вечно буду прославлять имя ваше. Присланный от вашего императорского величества чиновник Иван Петрович исполнил свой долг и ныне обратно с моими посланниками отправлен, я надеюсь, что он поручения мои исполнит и не отстанет от моих посланников.

Вверху изображенных в чернильных печатях значатся имена Сеид Мухамед-Юсуф-султан. В другой, меньшей бумаге, изображено такое же содержание, а к кому писано — неизвестно.

АВПР, ф. Гл. архив 1—13, 1801 г, оп. 10, д. 4, лл. 7—7 об.

Перевод с персидского (Возможно, перевод с туркменского).

№ 126

Донесение генерал-лейтенанта О. Ротгофа главнокомандующему на Кавказе о возвращении морской эскадры, посланной для оказания помощи туркменам юго-восточного побережья Каспийского моря

13 сентября 1813 г.

Милостивый государь Николай Федорович! Посыпанный по повелению вашего превосходительства для крейсирования у приморских персидских портов из эскадры, мне вверенной, командир корвета «Ариадна» капитан-лейтенант Рубановский с порученными ему военными судами к туркменским старшинам с письмом на бриге «Змей» и капитан-лейтенант Александрович возвратились ныне благополучно и доставили ко мне: первый — сделанное им во время крейсерства замечание, а последний — письмо от туркменских старшин на имя мое, татарским письмом писанное (Документ не публикуется), которые я при сем в оригинале, так равно и перевод письма и особо рапорт капитан-лейтенанта Александровича флота капитану 1-го ранга Веселому поданной, представляя вашему превосходительству, доношу, что отправленный от меня с письмом к военному начальнику туркменцев Хаджи (См. док. № 131) транспорт «Баки» ещё не прибыл.

Осип Ротгоф.

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 307, л. 400.

Подлинник.

[189] № 127

Рапорт командира транспортного судна «Баки» лейтенанта Коробки капитану 1-го ранга Веселому о поездке к туркменам юго-восточного побережья Каспийского моря

14 сентября 1813 г.

Исполняя предписание вашего высокоблагородия за № 981. прибыв в залив Астрабадский 22-го числа минувшего августа с порученным мне транспортом «Баки», получил 24-го числа достоверное известие от приехавших ко мне двух старшин с Потемкина полуострова, что для безопасного доставления письма к их начальнику Хадже нужно перейти из залива на 9 миль

немецких севернее деревни Беген-Баш, которая отстоит на двое суток езды до стана туркменского Хаджи, почему я отправился из залива с старшинами Ила Варух (Так в документе); за противными ветрами 24-го числа прибыл к упомянутой деревне и немедленно высадил на берег армянина Ивана Петрова с письмом, который того же дня с бывшими у меня старшинами отправился к Ходжи. Оный, пренебрегая опасностями, окружавшими его со стороны персиян, расположенных по дороге, и от самого народа, алчного к сребролюбию, расторопностью, усердием к выгоде его императорского величества успел в исполнении его порученности и прибыл 2 сентября с ответными письмами, одно — на имя его императорского величества, а другое—к его превосходительству генерал-лейтенанту и кавалеру Ротгофу (Эти письма были вручены 15 сентября 1813 г. О. Ротгофу, который препроводил их к генералу Н. Ф. Ртищеву (см. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 307, л. 399).), которые вашему высокоблагородию честь имею представить. Туркменский военный начальник Хаджи через присланных ко мне старшин, изъявляя преданность к августейшему монарху нашему, просил меня взять трех туркменских уполномоченных послов к главнокомандующему здешнего края для личного уверения преданности народа под его начальством и исходатайствования некоторых нужнейших припасов для продолжения войны против персов; равно и челекенский народ, находящийся ныне в подданстве у туркменцев, с воли туркменского военачальника письменно меня просил взять одного уполномоченного от народа и старшин человека для испрошения позволения торговли с купцами российского подданства. По сим причинам я уважил просьбу туркменского военачальника и народа, приняв их на порученный мне транспорт «Баки» как для лучшего объяснения о состоянии народа под начальством Хаджи, отдавшихся в покровительство его императорского величества, так и для заключения договора с ними, буде оный востребуется, о чем вашему высокоблагородию донести честь имею.

Лейтенант Коробка 2

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 307, л. 394.

Подлинник.

[190] № 128

Донесение О. Ротгофа главнокомандующему на Кавказе об отправке в Тбилиси делегации старшин прикаспийских и приатрекских туркмен

17 сентября 1813 г.

Милостивый государь Николай Федорович! Прибывшие ко мне от военного начальника туркменцев Хаджи посланники туркменские Кият-хан, Сойун-хан, Клыч-Ходжа и один таковой же от черекинского (Челекенского) народа Хаджи-хан хотя и объявили мне прежде неременное желание, как я доносил вашему превосходительству, отправить из себя только двух, а ныне рассудили видаться с вами все, для чего я их при всей их миссии и с тем астраханским армянином Иваном Петровым, коего они упросили быть при себе и который трудился перед сим, как я уже объяснил вашему превосходительству за № 181, насчет доставления по сухому пути от берегов туркменских и начальнику тамошних войск Хаджи моего письма (Документ не публикуется (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 307 л. 393)), при сем к вашему превосходительству отправляю с флота лейтенантом Трубниковым и шестью казаками, дав на содержание их на оплату прогонов шестьдесят пять голландских червонцев.

Осип Ротгоф.

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. I, д. 307, л. 410.

Подлинник.

Донесение кавказского наместника государственному канцлеру о посылке двух военных судов к юго-восточному побережью Каспия,, о борьбе прикаспийских и приатрекских туркмен против Ирана и прибытии их депутации в Гюлистан

3 октября 1813 г.

Милостивый государь граф Николай Петрович! В донесении (См. док. № 124) моем вашему сиятельству от 31 июля за № 137 я имел честь уведомить о посылке двух военных судов к туркменским берегам для крейсирования и что начальнику оных дано наставление разведать: действительно ли туркменский и иомутский народы, отложась от повиновения власти персидского правительства, подняли оружие против Баба-хана? При сем стараться дойти до самих туркменских старшин, руководствующих народом, поддержать таковое расположение их через благоразумные внушения и обнадежить во всякой их помощи со стороны российского правительства.

Ныне же долгом поставляю донести вам, милостивый государь, что посылка сия имела успехи весьма полезные для дел здешнего края. Ибо письмо генерал-лейтенанта Ротгофа, отправленное к начальнику туркменского народа, было верно доставлено астраханским армянином Иваном Петровым, который в сем деле оказал весьма важную услугу, [191] решась из усердия к службе его императорскому величеству пробраться сухим путем (по высадке его на туркменском берегу) более трехсот верст до главного стана туркменских войск, действующих против персидской армии.

Письмо генерал-лейтенанта Ротгофа и предложение о подкреплении со стороны Российской империи были предводителем сих народов. по имени Хаджи Сеид Мухамед принять, с крайним обрадованием и немедленно отправлены им ко мне три депутата от туркменских и иомутских народов: Кият-хан, Союн-хан, Клыч Ходжа и четвертый от черекенского народа Ходжа-хан, которые по стечению благоприятствующих обстоятельств прибыли ко мне в лагерь в одно время с Мирзой Абдуль-Хасан-ханом и уполномоченным со стороны персидского правительства. Письма, доставленные ими ко мне от главного их предводителя, одно на высочайшее имя его императорского величества,. а другое на имя генерал-лейтенанта Ротгофа, при сем имею честь в подлинниках вместе с переводами представить к вашему сиятельству для поднесения оных на высочайшее благоусмотрение государя императора.

Между тем обязанным себя считаю довести до сведения вашего сиятельства, что туркменцы-иомутцы и черекенцы, происходящие все от одного поколения, есть народ кочевой, воинственный и весьма сильный. До сего времени состоял оный под непосредственной властью Баба-хана. Но чрезвычайные налоги и грабительства от персидских чиновников, также беспрерывные наборы из них войск и утеснение со стороны требования аманатов, коих обыкновенно персидское правительство содержало в Тейране (Тегеране) до трехсот почетнейших фамилий, с коими обращались весьма неприлично, принудило, наконец, народы сии свергнуть с себя персидское иго и восстать против самого Баба-хана. Главнейшей же пружиной к сему перевороту был нынешний их предводитель Хаджи Сеид-Мухамед, человек великого ума, предприимчивый и умевший воинскими своими дарованиями приобрести любовь и слепую к себе доверенность народа. Настоящее его происхождение мне ещё неизвестно, но известно то, что он был в России, и особливо в Астрахани, равномерно находился в Китае и долго жил в Персии в звании дервиша. Умом своим и хитрым поведением, также разными чудесами, коими он ослепляет простой народ, живущий всегда в степях, и в особенности успехами своими в войне он приобрел теперь имя пророка, от бога присланного, и наименование Шахин-шахов, какой титул им ныне и присвоен себе. Впрочем, две важные победы, одержанные им над персидскими войсками, коими предводительствовал один из Баба-хановых сыновей, Мамед-Кули Мирза, и отнятие у них по 15 больших фальконетов, также совершенное истребление всей Астрабадской провинции, коей жители забраны в плен, а город Астрабад обложен его войсками, и отпадение от зависимости Баба-хана Хорасанской провин-

ции, возбужденной сим примером, приводят дела Персии в замешательство и начинают беспокоить сие правительство. А потому и надеюсь, что нынешняя депутация от туркменцев, так, во время пребывания ко мне (Так в документе) в лагерь и флот, находящийся у талышинских берегов, всегда готовый двинуться к туркменским берегам с десантными войсками, немало может мне способствовать в продолжающихся теперь переговорах моих о мире с персидским уполномоченным Мирзой Абдул-Хасан-ханом.

Итак, по сему уважению, я принял туркменских депутатов весьма благосклонно и оставил их при себе в лагере до окончания дел моих [192] с Персией, оказывая им здесь всевозможные выгоды и удовольствия. Впрочем, обнадежив их во всегдашнем покровительстве от его императорского величества, я откровенно объяснился с ними, что если мир с Персией состоится, в то время я не могу войсками оказать им помощь против Персии, а одарив их прилично, отпущу обратно со всеми почестями и с подарками к их предводителю, но ежели мир с Персией не будет восстановлен, в таком случае я приму всевозможные меры подкрепить их через диверсию.

О всех же таковых обстоятельствах донеся вашему сиятельству, имею честь быть с особливейшим почтением и усердной преданностью. (Документ с некоторыми сокращениями опубликован в АКАК т. V 1873 г. док. № 1009, стр. 884.)

Н. Ф. Ртищев

АВПР, ф. Гл. архив 1—13, 1801 г, оп. 10, д. 4, лл. 5—6 об.

Копия

№ 130

Из отношения государственного канцлера главнокомандующему на Кавказе о разрешении Александра I оказывать помощь прикаспийским и приатрекским туркменам (Опущено начало документа, не представляющее интереса для темы сборника)

9 октября 1813 г.

Уведомление вашего превосходительства о подтверждении слухов касательно успехов туркменского народа обратило на себя также особое внимание его величества и, одобряя те распоряжения, кои вашим превосходительством по сему случаю уже сделаны, его величество соизволяет разрешать вам также на случай, если бы в таковом событии удостоверились оказывать сему народу возможное пособие в его предприятиях и даже заключить с ним договор, если вы найдете сие за весьма полезное и если бы предстоящие переговоры о мире с персидским правительством не имели желаемого окончания.

АКАК, т. V, Тифлис, 1873 г, док. № 1046, стр. 939

№ 131

Письмо главнокомандующего на Кавказе предводителю приатрекских туркмен Хаджи-Сеид-Мухамеду

19 октября 1813 г.

Четыре почтеннейших туркменских старшины, отправленные ко мне депутатами от вашего высокостепенства и от всего туркменского народа с испрошением помощи от моего великого и всемилостивейшего государя императора, прибыли ко мне в лагерь, расположенный [в] Карабагском владении в урочище Гюлистан, в тог самый день, в который прибыл также и уполномоченный от его величества [193] Фатх-Али-шаха персидского для заключения мира между Российской империей и Персидским государством, в чем предварительное согласие

было уже сделано с обеих сторон. Невзирая, однако, на сие, я принял ваших посланных с удовольствием и со всем приличием моего к вам уважения, оставив их при себе до окончания переговоров моих с персидским уполномоченным.

Но как премудрый промысел, управляющий жребием войны и мира, даровал ныне по благодати своей полезный мир и вечную дружбу между всероссийской империей и Персидским государством, которое 12-го числа сего месяца с помощью божьей утверждены постановленным трактатом между двумя державами, то, отправляя ныне обратно ваших посланных, коих я прилично одарил каждого и с прежними же почестями, я в нынешних обстоятельствах не могу ничего более отвечать вашему высокостепенству на предложение туркменского народа, как то, что союз и вечная дружба, соединяющие теперь моего великого и всемилостивейшего государя императора с его величеством Фатх-Али-шахом персидским, не позволяют мне, в нарушение мирного трактата, оказать вам какую-либо помощь в противность пользам Персии. Я могу только искренне преподать вам совет, чтобы народ туркменский, избирая путь для него полезнейший, покорил себя нынешнему промыслу и законной власти (В своем донесении от 19 ноября 1813 г. Н. Ф. Ртищев докладывал Н. П. Румянцеву, что после того, как переговоры «с персидским полномочным были окончены с желаемым успехом, обратился к туркменским депутатам, кои во все время переговоров моих находились у меня в лагере, пользуясь всем уважением и приличным содержанием». И далее: «ея обласкал их наилучшим образом, одарил прилично каждого и снабдил письмом моим и подарками к их правителю, простился с ними и отправил, кажется, весьма довольными мною, невзирая на то, что миссия их не была успешна» (АКАК, т. V, 1873 г., док. 833, стр. 741).). Впрочем, прошу бога, да сохранит вас под кровом своим в счастии и благоденствии. Об усердии же вашем и всего туркменского народа я не оставил довести до высочайшего сведения моего великого и всемилостивейшего государя императора.

Присланную ко мне от вашего высокостепенства лошадь я принял в знак моего к вам уважения и приношу вам чувствительную мою благодарность. При том взамен оной и в память обо мне я имею удовольствие препроводить при сем также небольшой подарок, состоящий в серебряном лошадином уборе, парче и бархате, прося вас принять оные как знак моего особого к вам доброжелательства.

АКАК, т. V, Тифлис, 1873 г., д. 1010, стр. 885.

№ 132

Предписание главнокомандующего на Кавказе генерал-лейтенанту О. Ротгофу об отправлении обратно туркменской делегации, прибывшей в Гюлистан

19 октября 1813 г.

По заключении ныне мира между Российской империей и Персидским государством, одарив прилично туркменских депутатов, ко мне приезжавших, я отправил их обратно с подарками и письмом от меня к правителю туркменского народа Хаджи Сеид-Мухамеду, в котором уведомляю его, что как союз и вечная дружба соединяют теперь моего великого и всемилостивейшего государя императора с его величеством [194] Фатх-Али шахом персидским, то я не могу туркменскому народу подать ныне какую-либо помощь в противность пользам Персии. (См. док. № 131)

Депутатов их я поручаю вашему превосходительству по прибытии их в Ленкорань принять благосклонно с оказанием возможных выгод и тотчас на военном судне отправить к туркменским берегам поручив коменданту судна обращаться с ними во время пути со всею вежливостью и по возможности им угождать, а по прибытии к туркменским берегам высадить их в безопасном месте от персиян и судну немедленно возвратиться к своему месту в Ленкорань. Находившегося же при сих депутатах переводчика Ивана Муратова можно с ними

отправить, буде он сам пожелает, только до туркменских берегов а далее командир судна не должен позволять ему ехать, сколь бы о сем не настаивали депутаты, ибо они могут там в отомщение лишить жизни сего усердного и верного человека.

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 2, д. 303, л. 464 об.—465.

Отпуск.

№ 133

Из рапорта астраханского гражданского губернатора главноуправляющему на Кавказе об опросе депутации туркмен Мангышлака в связи с переселением туркмен-човдуров в Астраханскую губернию

17 июля 1815

...По обязанности моей, желая исполнить с точностью и надлежащим основанием предписание вашего высокопревосходительства, я счёл нужным узнать от депутатов, в Астрахани находящихся, от народов, кочующих на туркменском кряже, човдурского рода и, объясняясь относительно переселения сего народа в Астраханскую губернию в числе 2300 семей, сделал им следующие вопросы... (Далее следуют вопросы о числе човдурских семей, имуществе и количестве их скота)

Засим депутаты човдунова рода, являсь ко мне, объяснили следующее:

1) сколько в каждом семействе туркменцев човдунова рода мужского и женского пола, они решительно положить не могут, но считают в каждом семействе по 5 душ; следовательно, 2300 семейств заключают в себе 11 500 человек;

2) имущество всякой семьи составляют: платье из ладжовых (Ладжа — полосатая домотканая материя) азиатских халатов, не более как на две перемены, три котла, три блюда, два ковша, одна перина, два паласа или войлока, одно одеяло, пять тулупов и армяков, шесть чувалов (чемоданов), два ковра, два чугунных кувшина, пять чашек, два ведра, один медный таз и таковой же деревянный, ружье, сабля, копье и кольчужник;

3) каждое семейство, полагая, примерно имеет верблюдов 25, лошадей 40, быков и коров 20, баранов 300, ишака 1, коз 10 и кур 3; следовательно, по приведении всех штук в общее число, составлять будет оное 917700;

4) распродавать скот на туркменском кряжу некому, потому что все кочующие народы имеют собственный;

[195] 5) все семейства со скотом перевозить морем никак не можно, потому что скот от бескормицы и неимения пресной воды должен непременно погибнуть, равным образом и по сухому пути перейти никак нельзя по причине безводных мест и великого множества неприязненных народов, а при том туркменцы човдунова рода никак не желают оставить занимаемую ими на туркменском кряже землю. Они просят только покровительства, как подданные России, и позволения, чтобы из Астрахани доставляемо было им продовольствие хлебом и чтобы тем, которые пожелают сюда переехать своим коштом, отводимы были здесь для кочевья места;

6) сопредельный с ними народ есть киргизцы, занимающиеся беспрестанным грабежом посредством рассеянных шаек, коих при переходе избежать никак не можно, следственно опасность от них всегда будет очевидна и неминуема;

7) что касается до помощи от российского правительства тем туркменцам, кои пожелают сюда переселиться, то, кроме отвода земель никакой другой не нужно.

По собрании, таким образом, всех к соображению нужных сведений, относящихся к переселению в Астраханскую губернию човдуновых туркменцев, признал я необходимым составить у сего прилагаемое исчисление, из которого, ваше высокопревосходительство, усмотреть изволите, что на перевозку 2300 семей с туркменского кряжа в Астрахань на 5 судах

средней величины потребуется времени 10 [лет], а для скота (изъемя верблюдов) как-то: лошадей, большого и мелкого рогатого скота, коз и ишаков 850000 штук — 1720 [лет], всего же 1730 лет, при каковой перевозке понадобится употребить денег на наем в каждое лето 5 судов, полагая за всякое по 8 тысяч рублей, около 7 миллионов рублей. Следовательно, из сего соображения само собою открывается, сколь неудобно и совершенно невозможно переселение всех 2300 семей со скотом, тем паче ещё и по отзыву депутатов човдуровских, что народ их отнюдь не ищет общего переселения, а только покровительства России как верноподданным и поселения на Астраханских степях тех из туркменцев, кои пожелают прибыть сюда на собственном коште...

Степан Андреевский

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, лл. 115, 116, 118—122,
Подлинник.

№ 134

Письмо главнокомандующего на Кавказе генерала А. П. Ермолова вице-канцлеру К. В. Нессельроде о необходимости установления дружественных отношений с туркменами юго-восточного побережья Каспийского моря

4 января 1817 г.

Из числа народов в Азии, Российской державе неподвластных, туркмены или трухмены, по восточному берегу Каспийского моря с Персией сопредельные, наиболее и самым корыстным образом доказывали к нам свою приверженность, как видно то из дел и событий в те несколько лет, особенно, в которые мы были в войне с Персией. Заключение мира с сей державой в 1813 г. послужило здешнему начальству [196] поводом к тому, чтобы прекратить с ними всякое сношение в том понятии в то время, дабы не навлечь дружбой какого-либо на себя негодования со стороны персиян, против коих не токмо всегда усердно они нам содействовали, но и делали полезные для нас диверсии. Колико же не нужна была бы таковая осторожность в то токмо время, однако же впоследствии и во всякое другое долженствует быть на виду политической необходимости управляющего здешним краем не токмо не ослаблять приверженности к Российской державе храброго того народа, но, напротив, поддерживать оную теми ласками, которые всегда были со стороны России в обычае и в правиле в отношении к народам азийским (Азиатским), коими же паче к тем, с коими была бы возможность или быть в прямых сношениях коммерческих, или пользоваться их к тому посредством. В сем последнем отношении помянутых туркменцев по смежности их с Бухарией не токмо не надлежит, по моему мнению, от них отделяться, но, напротив, должно бы употребить все средства, в возможностях державы Российской всегда находящиеся, дабы всячески их привлекать.

Посему и по другим соображениям, могущим иметь место в случае перемены политических отношений к Персии, я намерен с наступлением будущей весны отправить к берегам туркменским военное судно (Интересно в этой связи ходатайство главнокомандующего на Кавказе генерала А. П. Ермолова о разрешении использовать части находящейся в его распоряжении эскадры для обследования берегов Каспийского моря и ответ вице-канцлера А. Аракчеева о том, что Александр I одобрил его предложение. Документ датирован 12 февраля 1818 г. (ЦГВИА, ф. 483, д. 1, л. 1; АКАК, т. VI, ч. 1, 1875 г., стр. 681; см. также письмо Аракчеева Ермолову от 12 февраля 1818 г. (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 37, л. 17) Распоряжением Александра I от 15 февраля 1818 г. Каспийская флотилия была передана в распоряжение Ермолова (АКАК, т. VI, ч. II, 1875 г., стр. 681)), начальнику коего, избранному офицеру, сверх обозрения берегов, о которых мы никаких точных сведений не имеем, поручено будет изведать главнейшие потребности народа и способы с нашей стороны удовлетворить им, дабы со

временем, обладая достоверностью сих народов, можно обратить в пользу нашу выгоды торговли. Большой недостаток у них хлеба и со стороны нашей удобность доставлять его из Астрахани морем будет необходимой причиной сближения нашего с сим народом. Я в особенности поручу осмотреть место, где бы впоследствии можно было устроить склад наших товаров и учредить род менового двора.

В случае войны с Персией народ сей, всегда враждебный Персии и успехами против нея ободренный, может быть весьма нам полезен: в последнюю войну просил он нашего пособия. Отдаление будет и впредь препятствовать исполнить желание их иметь наши войска; но я признаю необходимым дать им несколько орудий и способных офицеров, которые приготовили бы им артиллеристов. На сие могут быть употреблены взятые в плен у персиян английские пушки, здесь находящиеся.

Я прошу исходатайствовать на сие соизволение государя императора. До заключения мира с Персией управлялся оный народ одним из нации их избранным и называвшимся шахин-шахом или шахом над шахами; ныне же, сколько известно, управляем народ сей несколькими кочевыми старшинами. После того, когда вскоре по заключении мирного в Гюлистане трактата туркменцы были оставлены на произвол судьбы, они потерпели от усиленного на них нападения персиян в Астрабаде, где убит и помянутый шахин-шах.

Предполагаемое, как выше изъяснено, отправление к туркменцам нужно было бы снабдить и такими вещами, которые послужили бы [197] по обычаю Азии в дары старшинам или иным лицам, у туркменцев уважаемым, для вящего их привлечения.

По совершенному здесь в таковых вещах недостатку побуждаюсь я обратиться к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой представить на благоусмотрение государя императора как о моем вышеизложенном намерении, так и испросить высочайшее его императорского величества повеление на отпуск из кабинета на сей предмет нескольких вещей, сукон и материй, которые наиболее свойственны на таковое употребление и о которых прилагается при сем особая записка; ускорением же доставления сюда ко мне к весне ваше сиятельство весьма обязать меня изволите.

АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875 г., стр. 697—698.

№ 135

Письмо главнокомандующего на Кавказе вице-канцлеру А. А. Аракчееву о необходимости обследования юго-восточных берегов Каспийского моря

15 января 1818 г.

Милостивый государь граф Алексей Андреевич. При отъезде моем из Санкт-Петербурга в 1816 г. препровождено было ко мне для местного соображения поданное в комитет гг. министров мнение господина адмирала Мордвинова о способах, коими удобнее привязать к себе постепенно кавказских жителей (**Документ не публикуется**), в котором, между прочим, поставляет он на вид, сколько полезно было бы утвердиться на восточном берегу Каспийского моря, где, приведя, со временем, в зависимость хищные народы, отделяющие нас от Бухарии, обратить к себе богатую сей страны торговлю, какое о сем рассуждаемо было в комитете гг. министров, то и почел я обязанностью, обратиться о том к вашему сиятельству.

Не распространяясь насчет выгод, мнением господина адмирала Мордвинова представляемых, как весьма ощутительных, нужным нахожу сказать, что по рассуждению моему теперь удобно приступить хотя к первым началам исполнения сколько полезного предположения.

Мир и спокойное состояние в здешних странах дают средство употребить на обозрение берегов Каспийского моря часть эскадры, зависящей от распоряжения моего, которая остается теперь праздной. К избранным для сего поручения офицерам присоединю я таких людей, которые имеют знакомство с туркменцами, по дорогам живущими, и были между ими. Если

нужно будет, можно употребить и самих посланцев от некоторых туркменских обществ, с давнего времени бесполезно проживающих в Астрахани.

В 1805 г. важный сей предмет удостоен был внимания государя императора и я отыскал в делах предместников моих, что по устному его величества повелению, данному господину министру коммерции и инспектору инженерного департамента господину генералу фон Сухтелену, отправлен был к восточным берегам Каспийского моря инженер-генерал-майор Фелькерзам, который, по обозрении устья реки Эмбы [198] и Тюб-Караганского (Кроме экспедиции Фелькерзама, в 1807 г. в Каспийское море, в том числе и на его восточные берега, была также направлена экспедиция штурмана Колодкина, произведшая здесь астрономические и океанографические исследования. Документы, касающиеся этой экспедиции, не имеют прямого отношения к теме настоящего сборника и поэтому не публикуются (см. ЦГАВМФ, ф. 166, д. 2477, лл. 1—2, 10, 14, 41—42, 80—86, 87—87 об., 182—184, 228—229 и др.). Об исследованиях Колодкина и принимавшего участие в его экспедиции известного русского ученого проф. Гмелина см. ЦГАВМФ, ф. 166, д. 2778, лл. 100—102) угла, сделанные им замечания, проекты и сметы представил в 1806 г. через инспектора инженерного департамента к господину министру коммерции графу Румянцеву.

Сближение с целью, господином адмиралом Мордвиновым предполагаемой, по некоторым сведениям, должно непременно переменить направление, принятое генерал-майором Фелькерзамом, и учреждение колонии должно быть основано гораздо далее от Тюб-Караганского угла, дабы сколько возможно менее отдалиться от Хивы, и в соображение сие должны войти не одни удобства пристаней, но и самая внутренность земли, ибо полезно, не ограничивая себя одним пребыванием у берегов, препровождать войсковые караваны, охраняя их от хищников.

Предлагаемое господином адмиралом Мордвиновым место Красноводского или Огурчинского залива подвержено тому неудобству, что соседственный ему народ Хорасанской области, воинственный и к грабежам склонный, всегда будет нападать на караваны, из Хивы идущие, и против многочисленности оного невозможно дать защиту, что может быть причиной, что караваны к сей стороне не обратятся. Сверх того, персияне не останутся равнодушными, видя нас учреждающими заведения, сколько близко к границам их, паче к Хорасанской области, не покорствующей им и давно уже возмущившейся. Итак точное определение места зависеть будет от обстоятельного обозрения и сведения.

Полагаю, что ваше сиятельство не имеет при себе мнения господина адмирала Мордвинова, я оно представить покорнейше честь имею, испрашивая при том исходатайствования позволения на отправление будущим летом эскадры. Сие сверх того полезно и в отношении к политическим делам нашим в здешней стране.

ЦГВИА, ф. 483, д. 1, лл. 1—2.

Копия.

№ 136

**Из инструкции главнокомандующего на Кавказе
майору М. И. Пономареву об обследовании восточных берегов Каспия и отправлении посла к
хивинскому хану**

13 июня 1819 г.

Торговля с Хивой по важности своей и многообразию редких произведений сей земли издавна обращает на себя особенное внимание российского правительства. Доселе хивинские караваны, к нам приходящие, имеют одну только дорогу к Астрахани чрез весьма обширные степи, но чрезвычайная дальность сего пути, а наипаче при сближении с Астраханью всегдашняя для караванов опасность от нападения киргиз-кайсацких орд служит весьма

большим препятствием, останавливая свободный ход сей торговли и крайне при этом возвышая [199] цену товаров. Для чего предположено сделать испытание, не возможно ли избежать сих неудобств, учредив торговые наши сношения с Хивой кратчайшей и безопасной дорогой прямо чрез земли туркменских народов к восточному берегу Каспийского моря, а оттуда посредством мореходного сообщения сблизить сию торговлю с Бакинским и Астраханским портами. Вследствие сего предназначено для таковых испытаний отправить нынешним летом к туркменским берегам два судна: одно военное, а другое купеческое. Отличное усердие ваше к службе его императорского величества и известные мне способности ваши, соединяемые с благоразумием, решили меня избрать вас к исполнению сего предприятия. Почему имеете, ваше высокоблагородие, немедленно отправиться в Баку, где вы найдете суда уже готовыми к отплытию в предназначенный путь.

Вместе с вами отправляется свиты его императорского величества по квартирмейстерской части капитан Муравьев и астраханский купец, имеющий ныне жительство в Дербенте, Иван Муратов, тот самый, который в 1813 г. был уже послан к туркменцам и который к предместнику моему генералу Ртищеву привозил депутатов от сего народа (Об этом см. док. № 129). Человек сей, отчасти уже сведущий о дорогах, искавший знакомства между туркменцами, конечно, будет вам много полезен.

Как правительство никаких ясных не имеет сведений ни о положении земли, обитаемой туркменцами, ни об образе существующего в оной правления, то и нет возможности дать вам обстоятельного наставления насчёт способов, какими вы можете достигнуть успеха в возлагаемом на вас поручении. Одни только верные познания о сем народе, основательно и с предусмотрительностью соображенные вами с настоящей целью правительства и с местными обстоятельствами, могут определить меру ваших действий. Впрочем главные предметы вашего поручения должны состоять в следующем:

1) отдаляясь от Астрабада, осмотреть Огурчинскую и другие пристани восточного берега и найти таковую, которая бы сверх естественных своих удобностей к закрытию судов от ветров имела на берегу в близком расстоянии пресную здоровую воду. Ибо важнейшее предположение правительства заключается, чтобы для привлечения из Хивы торговли завести на туркменском берегу обозы избранной нами пристани, магазины для складки товаров, обеспечив их прикрытием устроенной для сего крепости. Без воды же, как необходимейшей потребности, заведения сии существовать не могут;

2) узнать обстоятельно, каким образом управляется туркменский народ, то есть: подчинен ли единовластью государя или состоит из многих обществ, одно от другого независимых и управляемых каждое своим начальником. Также, в первом случае, наследственное ли право принадлежит сему государю или зависит от выбора народа, и власть его на разные туркменские поколения неограниченно ли простирается, или имеет свои пределы; а в последнем—какую взаимную связь и соотношения имеют между собою начальники независимых обществ в случаях принятия мер для общей всего народа пользы или безопасности, и вообще какой [в их] земле существует порядок и образ управления? Равномерно разведать о числе кибиток всех поколений туркменского народа, по коему можно судить и о силе его; также о соседственных народах, их окружающих; о связях и дружественных или неприязненных расположениях к сим последним; о богатстве произведений собственно туркменской земли и в чем именно оные состоят и, наконец, кроме хлеба, о котором известно уже, что туркменцы по образу кочевой своей жизни всегда имеют нужду, в каких ещё существенных [200] потребностях чувствуют они недостаток, дабы через снабжение их теми потребностями со стороны нашей можно было утвердить навсегда связь нашу с сим народом и сделаться для них необходимым:

3) удостовериться с точностью, в какой степени приязнь, доверие и торговые связи находятся между хивинским и туркменским народом. Ибо если между ними не существует национальной вражды по различию сект магометанской веры, или по другим каким-либо обстоятельствам, и если при том туркменцы, как народ кочевой, мало занимающийся изделиями, заимствует

произведения хивинской земли для своей одежды и прочего, то легко можно привлечь их самих к содействию нашей цели, поощрив выгодами, коими они могут пользоваться, когда хивинские караваны будут проходить через все пространство их земля, также когда торговля между Россией и Хивой сосредоточится на их земле и когда при том за одни прибыли, кои, естественно, будет им приносить свободный проход караванов и препровождение оных для защиты от хищников, откроется им легкий способ получить из России хлеб и другие необходимости для жизни;

4) разыскать, какая именно может быть кратчайшая, более имеющая удобств и менее подверженная опасностям дорога из Хивы до места, которое предпочтительно может быть нами избрано для складки товаров;

5) если бы нашли вы, что все обстоятельства могут благоприятствовать успехам нашего предположения, то есть, что отыщется место со всеми удобствами для устройства наших торговых заведений на восточном берегу Каспийского моря, что туркменский народ согласится на сие беспрепятственно и доброй к ним верой и что притом самые хивинцы, рассчитав выгоды свои от сокращения пути почти вполовину против того, какой они ныне должны совершать для достижения Астрахани, не менее же того и от безопасности со стороны хищных нападений киргиз-кайсацких орд найдут для себя полезным соответствовать нашим намерениям, клонящимся к обоюдной пользе и предпочтительно согласятся избрать предлагаемый им новый путь для своей торговли, то все еще подлежит для нас необходимость открыть верные способы, через которые можно было бы на прочном основании обеспечить свободное и безопасное следование караванов из Хивы и обратно чрез туркменские земли так, как и неприкосновенность туркменцев к устроенным нами торговым заведениям. Удостоверение же, в чем именно должны состоять сии способы, то есть в аманатах ли, или других каких. ручательствах более благонадежных, зависит единственно от внимательности вашей к местным обстоятельствам и от соображений, основанных на верном расчете в рассуждении свойств туркменского народа, искренности его к нам расположения, и от образа правления, между ними существующего. Особливо когда узнаете о независимости обществ и неподчиненности их одной верховной власти; нужно иметь верное сведение, может ли, по крайней мере, быть на нашей стороне большинство обществ, желающих сближения с нами и к нам благорасположенных;

Наконец, 6) буде бы по каким-нибудь непредвиденным причинам открылась совершенная невозможность привлечь хивинскую торговлю к желаемым нами местам, то и, за исключением её, нынешние испытания наши уже не могут быть вознаграждены, если мы, сделав шаг к связи с туркменцами, поселив в них к себе доверие и зная как силу сего народа, так и расположения его к Персии, будем в состоянии с достоверностью извлекать впоследствии для себя выгоды собственно от одного утверждения связи с сим народом, который наипаче при разрыве нашем с Персией может быть для нас полезен. Для чего нужно [201] наведаться вам о нынешних расположениях туркменцев к Персии и узнать, не принимают ли оные участия в возмущениях хорасанцев, дав при томим разуместь, что при угрожающей им опасности со стороны соседних своих неприятелей они всегда могут надеяться на возможность доставить из России все нужные для них военные потребности.

Без сомнения, многие еще другие обстоятельства, не менее уважительные, могут открыться при местных ваших исследованиях, коих теперь невозможно предусматривать, но которые, я уверен, не будут вами из виду упущены.

Изложив, таким образом, главнейшие предметы изысканий, вам предлежащих, я обязываюсь присовокупить, что по прибытии вашем на судах к назначенному месту имеете тот час высадить на берег купца Ивана Муратова, которому преподав все нужные наставления и пособия, отправьте его в кочевье туркменских народов с уведомлением от себя начальника их, или государя, буде таковой есть у них, или же почтеннейших из старшин разных их поколений о прибытии вашем и об имеющемся у вас поручении от меня войти с ними в сношения, для них полезные. Обязанность Муратова будет склонить их на отправление к вам на суда пяти или

шести человек старшин, имеющих особенное в народе уважение, для личных с вами объяснений. Весьма бы при том полезно иметь в числе сих людей нескольких их прежних туркменских депутатов, приезжавших к моему предшественнику генералу Ртищеву. Ибо люди сии, без всякого сомнения, должны иметь большое доверие от своего правительства или народа. Между тем, назначив Муратову время возвращения к вам и место, куда он должен прибыть, сами займетесь распоряжениями об осмотре берегов и приисканию места, удобного для построения крепости, которое бы непременно имело хорошую пресную воду. При сем случае господин капитан Муравьев, долженствуя выходить на берег не иначе как всегда с надежным прикрытием, обязан соблюдать строжайшую осторожность, дабы не попасться в руки хищников, а по прибытии же к вам на суда посланных от туркменцев не оставить принять их с возможной благосклонностью и, прилично обласкав, объявите им о причине вашего приезда, отнюдь, однако же, не упоминая о намерениях наших насчет построения крепости и только стараясь узнать прямые их расположения в рассуждении учреждения на их берегах магазинов для склада товаров. Затем, найдя с их стороны соответствие, поступите далее, предложив им о желании вашем отправить одного из своих чиновников в самое местопребывание их главного начальства для личных с оным объяснений, но с тем, притом, буде из числа сих посланных три или четыре человека до возвращения его согласятся остаться у вас на судах в виде залога о его безопасности. При успехе же в сей необходимой предосторожности можете отправить в кочевье туркменцев господина капитана Муравьева с обстоятельным со стороны вашей наставлением относительно поведения и действий его, снабдив также некоторой суммой денег и разными вещами для необходимых подарков.

Что касается до сношений ваших с хивинским ханом, то не прежде можете решиться на отправление в Хиву самого господина Муравьева, как удостоверясь прежде в совершенной для него возможности исполнить сие предприятие беспрепятственно, и то не иначе, как под препровождением туркменцев и получив притом несомненное ручательство туркменских начальников в ответственности их за его безопасность. В случае же малейшего сомнения рисковать отнюдь не должно по известной недоверчивости и дикости нравов хивинцев. Тогда изберите менее опасное средство послать туда одного Муратова в виде купца, но взяв также и за него верный залог от туркменцев. Он [202] должен быть от вас снабжен приличным, по усмотрению вашему, подарком для хивинского хана и письмом от меня, которое при сем прилагается. (Документ не публикуется. Об этом см. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 28.) Сверх сего дайте ему обстоятельное наставление насчет внушений, кои он должен сделать хивинскому хану в рассуждении искреннего расположения моего быть с ним в дружественных сношениях и споспешествовать всеми зависящими от меня средствами распространению торговли Хивинского ханства с Россией так, как и изъяснить подробно все те выгоды, кои через сокращение пути, избежание нападений на караваны киргизцев и покровительство российского флота, единственного на Каспийском море, может выиграть сия торговля, будучи обращена к предполагаемому нами месту. Впрочем все ваши сношения должны быть делаемы не от правительства, а от моего имени, как российского генерала, командующего в Астрахани и всеми землями, лежащими от Черного до пределов Каспийского моря.

От кочевья туркменских народов полагается не более 7 дней езды до Хивы; следовательно, порученность Муратова в короткое время может быть исполнена. А потому вы не оставите дожидаться его возвращения, не оставляя сами судна, или в таком только месте сходя на берег где ружейные с судов выстрелы могут защищать берег, да и в то время же должны быть приняты все нужные предосторожности...

У сего в копии препровождаю данное гвардейского генерального штаба капитану и кавалеру Муравьеву мое наставление. (См. док. № 137)

Генерал от инфантерии Ермолов

Инструкция главнокомандующего на Кавказе

капитану генерального штаба Н. Н. Муравьеву о выборе местности для сооружения крепости на восточном берегу Каспия, его миссии к хивинскому хану и сборе сведений о туркменах

13 июня 1819 г.

Назначив экспедицию к туркменским берегам, все поручения, относящиеся до обитающих по оным народов, возложил я на состоящего по армии майора и кавалера Пономарева. Вместе с сим отправляетесь и ваше высокоблагородие и обязанности ваши состоят в следующем:

1. Выбор удобного места на самом берегу моря для постройки крепости, в которой должен быть склад наших товаров. Место сие не должно быть слишком близко ко владениям персидским, дабы не возбудить опасения против нас, ни близко слишком к Хорасану, дабы караваны с товарами (которые впоследствии правдоподобно к нам обратятся) не подвергнуть нападениям народа хищного.

Главнейшее затруднение в выборе места происходить будет от недостатка пресной воды, и на изыскание оной должно быть обращено [203] все тщательное внимание, ибо всякий другой порок в самом местоположении может при учреждении крепостцы быть исправлен искусством. В выборе места должно иметь в виду самый кратчайший путь от него до Хивы, дабы не впасть в места непроходимые или безводные совершенно, впрочем, если на всем пространстве будут хотя изредка источники или копани, то сего весьма достаточно для караванов по известному способу запастись водой, и потому, что караваны отправляются на верблюдах.

2. Господину майору Пономареву поручено удостовериться, можно ли будет, не подвергаясь опасности, предпринять путь в Хиву. Если несколько человек лучших туркменских фамилий, взятые в залог, могут в том обеспечить, то исполнение сего важного предприятия возлагаю я на ваше высокоблагородие. Господин майор Пономарев будет знать время, когда то сделать удобно, и от него зависеть будет ваше отправление. Вы получите от имени моего письмо к хивинскому хану и приличные подарки. В сношениях с ним внушить ему, что вы посланы собственно от меня, но государю императору донесено будет подробно о том приёме, который им оказан будет, что, впрочем, не смел бы я отправить вас, если бы не знал, что великий государь российской желает дружбы и доброго согласия между обоими народами.

От ловкости в обращении вашем можно обещать немалые успехи и знание ваше в татарском языке много способствовать вам будет; не смотрите как европеец на средства мести. Между народами азиатскими употребление одного обыкновенно, и вы имеете выгоду не страшиться быть расточительным в оном.

3. Если не возможно будет предприняв путь в Хиву, определенной при экспедиции армянин Петрович, имеющий знакомства между туркменцами, доставит вам случай быть между ними, и вам поручаю я употребить старания изведать:

а) Какие силы сего народа в военном отношении? Какого рода употребляемое ими оружие? Не имеют ли они недостатка в порохе? Имеют ли они понятие об артиллерии и в войнах против соседей желали ль бы употребить оную? Можно ли будет из них самих составить, по крайней мере, нужную прислугу для некоторого числа орудий?

б) Исследовать расположение их к персиянам. Прошедшая с ними война дала многие случаи заключить о вражде, между ними существующей. Каковы отношения их к жителям Хорасана и нет ли вражды обыкновенной между соседями? Принимают ли участие в войне Хорасана против Персии и вспомоществуют ли первому освободиться от ига персиян? Какого рода пособие дают они хорасанцам и что служит им условием?

Ваше высокоблагородие можете сделать и другие полезные исследования, к которым может дать повод ваше между ними пребывание более, нежели что могу я предписать, а паче о народе почти совершенно нам неизвестном. Я от способностей ваших и усердия могу себе обе-

щать, что не останутся бесплодными делаемые усилия войти с туркменским народом в приятные сношения и что доставленными сведениями облегчите вы пути к будущим правительствам. (Документ без подписи)

ЦГВИА, ф. 483, д. 1, лл. 9—10. (Копия документа хранится в ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, лл. 26—27)

[204] № 138

**Донесение главнокомандующего на Кавказе вице-канцлеру К. В. Нессельроде об
отправлении экспедиции М. И. Пономарева для обследования юго-восточных берегов
Каспийского моря**

31 августа 1819 г.

Милостивый государь граф Карл Васильевич! На основании мнения господина адмирала Мордвинова, возложенное на меня поручение Комитетом господ министров об открытии с туркменскими народами сношений привожу я в исполнение и отправил два судна, из коих одно военное, к восточным берегам, сими народами обитаемым. Сведения о них, доселе до нас дошедшие, неудовлетворительны и ни к каким с нашей стороны предприятиям не могут служить руководством.

Состоящего по армии майора Пономарева избрал я начальником экспедиции, на благоразумие и осмотрительность которого имею я право положиться. Ему дано от меня сколько возможно обстоятельное наставление. Для военного обозрения присоединил я к нему гвардейского генерального штаба капитана Муравьева. В Астрахани нашел я армянина, не один раз посещавшего туркменские народы и имеющего между ними знакомства.

Если туркменцы составляют народ, покорствующий какой-либо власти, если, по образу многих азиатцев, не развлечены они на разные независимые общества, то в продолжение некоторого времени, с кротостью и терпением и ежегодно их посещая, можно будет сделать прочные с ними связи и можно утвердить оные, удовлетворяя посредством торговых сношений недостатки их в первых потребностях жизни. К хорошему для нас началу довольно уже бедности их в хлебе, а мы избыточествуем оным.

Я обязан сообщить вашему сиятельству, какие, по мнению моему связи с туркменским народом могут доставить нам выгоды.

Место на восточном берегу Каспийского моря, избранное для складки товаров, должно иметь удобную для судов пристань и быть сколько возможно в кратчайшем расстоянии по направлению от Хивы. Караваны из Бухарии, через Хиву идущие, со временем обратятся к сей пристани, ибо путь в половину будет менее теперешнего до Астрахани, и, удалены будучи от киргизов, избегнут их хищничества, от которого иногда погибают целые караваны. Можно ожидать впоследствии, что купечество наше будет отправлять торг непосредственно с Хивой и произведений той земли доставлять из первых рук. Выгоды, от того происходящие, оживят торговлю нашу на Каспийском море, доселе в руках персиян находящуюся, по неимению на персидских берегах заведений и недоверчивости к правительству, алчному и коварному.

Я поручил избрать место для пристани в водах так называемого Огурчинского залива или несколько далее к северу, дабы сближением с персидскими владениями не подать повода к подозрениям, что мы ищем сношений с землями, и без того давно уже усиливающимися свергнуть иго тяжелой зависимости. Между тем, и что имел я в виду, чтобы путь караванов не слишком близок был к Хорасанской области, коей жители к грабежу склонны. Гвардии капитану Муравьеву поручено исследование удобства пути, ибо главнейшее в тех странах затруднение составляет недостаток пресной воды. Армянин, находящийся при экспедиции, надеется доставить ко мне несколько почтеннейших старшин сего народа, я облаascaю их, одарю приличным образом и а [205] будущую экспедицию может быть посредством их найду

способ отправить офицера в самую Хиву, в чем в первый раз, конечно, успеть не возможно. По окончании экспедиции буду иметь честь сообщить обо всем подробно вашему сиятельству, теперь прошу покорнейше довести об отправлении до высочайшего сведения его императорского величества.

Алексей Ермолов

АВПР, ф. Гл. архив 11—18, 1819—1869 гг., оп. 8, д. 1, лл. 5—6.

Подлинник.

№ 139

Донесение главнокомандующего на Кавказе вице-канцлеру о ходе работы экспедиции М. И. Пономарева и миссии Н. Н. Муравьева в Туркмению и Хиву

18 октября 1819 г.

Милостивый государь граф Карл Васильевич! Августа от 31-го дня имел я честь уведомлять ваше сиятельство об отправленных мною судах к восточным берегам Каспийского моря, обитаемых туркменцами (См. док. № 138). Ныне получил я известие от начальствующего экспедицией майора Пономарева, что туркменцы поколения иомудского, живущие на довольно большом пространстве и в числе более тридцати тысяч кибиток, приняли его с дружелюбием, и есть надежда, что они прибегнут под покровительство его императорского величества. Особенно счастливое сие начало доставило господину майору Пономареву случай исполнить предписание мое обозреть дорогу до Хивы и о ней собрать сведения. Гвардейского генерального штаба капитан Муравьев 4-й отправился в Хиву с надежными провожатыми. Путь его до места от рейда, где стоят суда наши, продолжится пятнадцать дней, и есть уже от него известие в ста верстах (В своем донесении от 30 сентября 1819 г. командующему Кавказским отдельным корпусом Вельяминову майор М. И. Пономарев сообщал, что Муравьев находится в 100 верстах от туркменского побережья Каспия, что на дорогу ему дано 13 дней и что деятельное участие в его отправке принимал человек, весьма способствующий к предпринимаемым видам, Кият-ага, являющийся поверенным от всего туркменского народа.) от берега. Теперь зависит от приема, какой сделает владетель хивинский капитану Муравьеву, чтобы с некоторым основанием заключить о возможности сношений с Хивой и обращение караванов прямым путем через приятных нам туркмен к берегам Каспийского моря. Если сего возможно будет достигнуть, то нет сомнения, что торговля наша приобретет большие выгоды. С капитаном Муравьевым отправлены письма к владетелю хивинскому от моего имени с тем намерением, что если они приняты будут хорошо, то он почтет за особенную честь, ежели впоследствии кто-нибудь отправлен будет по воле государя императора. По возвращении экспедиции буду иметь честь обо всем обстоятельно уведомить ваше сиятельство.

Алексей Ермолов

АВПР, ф., Гл., архив II—18, 1819—1869 гг., оп. 8, д. 1, лл. 11—11 об.

Подлинник.

[206] № 140

Из записки вице-канцлера главнокомандующему на Кавказе о туркменах восточного побережья Каспийского моря (Публикуемая в виде извлечений записка была составлена в качестве пособия для экспедиции майора Пономарева и капитана Н. М. Муравьева)

27 октября 1819 г.

Туркменцы обитают на восточном берегу Каспийского моря в окрестностях мыса Мангышлака. Страна сия весьма гориста и горы ее чрезвычайно круты; грунт оных большей частью состоит из земли известковой и меловой, которая от дождей размывается, частью же из кремнезема. Недостаток в реках заменяется колодцами. Порт Мангышлакский весьма годен для галер и купеческих судов, но к укреплению мало имеет удобства.

Против сего порта находится главное кочевье сего народа. Туркменец, будучи чужд всякой подчиненности, не признает над собой даже и власти родительской. Он вероломен, завистлив и склонен к воровству. Оружие его состоит из ружья с фитилем, сабли и лука. Рогатого скота у туркменцев мало; но зато они богаты лошадьми (В начале XIX в. туркменские кони пользовались в России большой популярностью; в Туркмению направлялись суда для покупки лошадей для царской конюшни. Об этом см. ГААО, ф. 514, оп. 2, д. 13, лл. 116, 197 и др.) и верблюдами. Нередко изъявляли они желание выменивать через Астрахань ржаную муку на меха, каковой торг обыкновенно производится у них посредством заложников. У туркменцев есть старшины, которым, однако же, повинуются они тогда только, когда находят в том собственную выгоду. Некогда народ сей был весьма многочислен и кочевал весь в степях Мангышлакских; впоследствии же времени разделился и частью перешел к Хиве, а частью в Великую Татарию. Те, однако же, кои остались в пределах Мангышлака, почитали себя некоторым образом в подданстве у ханов волжских калмыков и платили им легкую дань; напоследок непрерывные набеги киргизцев принудили большую часть из сего народа переселиться из Мангышлака, так что их осталось там не более 3 тысяч кибиток или семейств. Туркменцы исповедуют мухаммеданскую веру, а пишут и говорят на языке татарском...

(Опущены сведения, касающиеся истории русско-туркменских отношений в XVIII в)

Угол Тюб-Караган имеет превосходный порт, годный для 20 купеческих судов и заграждаемый от всех ветров, исключая северный, который причиняет довольно сильный холод. От сего порта в 22 дня переезжают на верблюдах в Хиву; кочующие там туркменцы, из племени абдал, производят небольшой меновой торг. Против сего порта находится остров Кулалы, принадлежащий графу Кутайсову, где в некотором роде казарм живет около 200 рыбаков для тюленьей и рыбной ловли. От мыса Тюб-Карагана до Александровской губы (Александровского залива) или култука пять дней езды на верблюдах и два дня на лошадях. По сему берегу кочуют игдырские туркмены. Александровская губа имеет хорошее якорное место; но русские купцы гуда не заезжают. От Александровской губы до мыса Песчаного пять дней пути, и степь сия обитаема човдурскими туркменцами. От мыса Песчаного до Хивы 12 дней пути, и дорога довольно изрядная; култук Песчаного мыса не глубок и на остров Песчаный ездят для тюленьей ловли. От мыса Песчаного до мыса Камеля два дня пути. Здесь-то кочуют туркменцы ирзалинские (Эрсари), лучшее и добродушнейшее из всех племен туркменских; [207] у них есть суда, могущие вмещать до 120 пудов груза. От мыса Камеля до Кара-Богазского залива день езды на лошади. Здесь равномерно кочуют ирзалинские туркменцы. Вход в самую бухту загражден подводными камнями и в нее заходят только для тюленьей ловли. От Кара-Богаза до залива Красноводского расстояние на два дня с половиной. Сей залив может служить наилучшим портом для судов всякого рода. Ирзалинских туркменцев, коим залив сей принадлежит, легко можно подчинить Российской державе... Кроме ирзалинских туркменцев пригоняют в сию степь стада свои на пастьбу другие три племени туркменцев, как-то: дериджалы (Вероятно, дуеджи), шихи и атакиши.

От залива Красных Вод до горы Балхана 2 $\frac{1}{2}$ дня пути. Здесь кочуют иомуды, самое воинственное из племен туркменских. Они усердствуют в торговле. В заливе Балханском есть два острова, на которых живут туркменцы огурджалинские, из которых, один называется Неф-тяным, а другой Дарджа. Народ сей весьма кроток и приветлив.

От горы Балхана до Белого Бугра (Ак-Тепе) два дня езды сухим путем и день морем. Между сими возвышениями извиляется р. Атрек. По сей степи кочуют иомудские туркменцы до самого Астрабада, то есть до пределов округа, принадлежащего городку Катулу, стоящему на берегу р. Гурген.

Итак, от мыса Тюб-Карагана до залива Астрабадского всего пути 22 дня на верблюдах и четыре дня морем. Весь сей берег изобилует солью, которая составляет главнейшую отрасль торговли с Персией.

В описании берега от мыса Тюб-Карагана до мест, обитаемых киргизцами по Каспийскому морю, сказано, что от Тюб-Карагана до Мангышлака три дня езды сухим путем или один день морем. Здесь находится кочевье абдальских туркменцев.

Мангышлакский порт загражден от всех ветров и отстоит от Хивы на 22 дня. От Мангышлака до острова Долгого два дня расстояния, и здесь кочуют туркменцы бозаджи, а далее внутри туркменцы бурунджуки.

От острова Долгого до Мертвого Култука, называемого туркменцами Атрав, зимой по льду расстоянием 1¹/₂ дня, а горами 10 дней. Здесь начинается кочевье киргизцев из племени чепли, кете и берила, весьма опасных для всех торгующих, которые из предосторожности [от] них убегают...

Урал и Астрахань, почитаемые средоточием таковых заведений, один с сухого пути, а другой с моря, весьма способствовали бы к противостоянию беспокойному и алчному духу сих разбойников. Равным образом все соляные озера, находящиеся по берегу Каспийского моря от устья Урала до Тюб-Караганской губы, а также и все российские рыболовы в том крае были бы прикрываемы от всех набегов. К тому же заметить должно, что укрепления по всем сим местам были бы укрепления жилые, а не для одних только временных нападений, потому что весь край сей или, лучше сказать, весь сей берег с давних лет посещается для промысла русскими подданными и что остров Кулалы, находящийся против Тюб-Караганского порта, есть, как выше сказано, собственность графа Кутайсова, где он поселил от 200 до 300 человек для рыбной и тюленьей ловли.

АКАК. т. VI, ч. II, Тифлис, 1875 г., стр. 705-706.

[208] № 141

Рапорт Астраханского гражданского губернатора Бухарина главнокомандующему на Кавказе о прибытии в Астрахань депутации туркмен-йомутов с просьбой о принятии их в подданство России

23 ноября 1819 г.

Прибывшие в Астрахань в виде посланцев от туркменцев и объявившие о себе, что они уроженцы из степей неподалеку от Мазандерана, иомудского владения, Сеид-Аби, Сеид-Абдулла и Хан-Сеид-Мамед с двумя служителями явились ко мне и подали на высочайшее имя прошение от тамошних ханов и лучших людей о том, что желают избавить себя от персидского владения с 40000 воинственного народа и перейти под покровительство его императорского величества.

Просьбу сию вместе с переводом поспешаю представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства и упрашиваю предписания: оставить ли оных посланцев здесь или препроводить к вашему высокопревосходительству до разрешения их просьбы?

АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875 г., стр. 707.

№ 142

Рапорт капитана Н. Н. Муравьева М. И. Пономареву о результатах своей поездки в Хивинское ханство

17 декабря 1819 г.

Впоследствии отношения вашего (Документ не публикуется) от 14 сентября, № 21, писанного, я отправился 18-го числа того же месяца в Хиву и, возвратившись благополучно на корвет «Казань» 13-го числа сего месяца, имею честь донести вам следующее.

Прибыв в хивинские владения 3-го числа октября, я послал к Мамед-Рахим-хану (Мухаммед Рахим-хан Хивы (1806—1825)) вестника о моем приезде и 6-го числа того же месяца я уже был на дороге в самый город Хиву, когда меня встретили два чиновника, присланные от хана: один из них был Атчапар Аллах-Верди, отец Ходжа-Мехрема, директора таможи, а другой юзбаши (Юзбаши — начальник сотни) Хак-Назар. Чиновники сии воротили меня и, объявив мне, что я гость Ходжа-Мехрема, повезли меня в крепостцу Ильгельды, принадлежавшую вышеупомянутому директору. В сем месте продержали меня 48 дней под самым строгим надзором, льстя мне надеждой со дня на день, что хан меня призовет. Слухи, доходившие до меня от туркмен, привезших меня, согласовались с рассказами русских и персидских невольников, с которыми я по ночам имел тайные свидания. На случай приезда моего собран был совет и на оном решено меня умертвить; но хан не решился на сие, опасаясь мщения со стороны российского правительства. Ко мне был прислан чиновник для узнания от меня, по какому предмету я прибыл, полагая, что я прислан был ходатаем за русских, страждущих в жесточайшей неволе, или для востребования удовлетворения за два купеческих судна, сожженные [209] несколько лет тому назад на туркменском берегу, или ответа за убийство князя Бековича, ходившего в Хиву в царствование императора Петра Великого. По дошедшим тоже до хана слухам, что я дорогой вел записки, меня полагали лазутчиком. Сему присланному ко мне я отвечал, что дела, мне препорученные, никто, кроме хана, не узнает потому, что я ни к кому другому не послан, как к нему. После сего присмотр за мной стал строже, а обращение со мной самое невежливое. По прошествии 7 недель я упросил юзбаши Хак-Назара съездить в Хиву и представить хану, что если меня будут еще долее задерживать, то лед плывущий по Балханскому заливу, принудит корвет возвратиться и что в таком случае я просил его высокостепенство написать к вам, по какой причине он меня задерживает, дабы случай сей не расстроил приязни, которую главнокомандующий желает с ним иметь. Так как юзбаши на другой день не возвращался, то я решился спастись бегством. Для исполнения сего предприятия я принужден был ввериться туркменцу Сеиду, приехавшему со мной. Ночь уже назначена была для побега, но вероломный проводник обманул меня. Мне ничего более не оставалось, как ожидать своей участи: посланный мной юзбаши возвратился с известием, что хан меня требует. 17-го числа ноября выехал я из Ильгельды и прибыл в Хиву, где принят был так хорошо, как необразованный народ узбекский принять умеет. 20-го числа к вечеру я виделся с ханом; 21-го выехал из Хивы в Ильгельды обратно, а 27-го совсем отправился в путь к Красноводску.

Описав вам вкратце людей, с которыми я имел дело, честь имею донести вам об успехе возложенных на меня препоручений и об ответе, данном мне хивинским ханом.

Приветливое письмо, писанное главнокомандующим, понравилось его превосходительству, но он, по-видимому, был бы довольнее, если бы оно совсем не было. Подозрение, знаменующееся во всех поступках Мамед-Рахим-хана, тому причиной. Бесчисленные казни и даже убийство 11 своих братьев возвели его на престол. Он окружил себя людьми, не смеющими ему противоречить. Он не согласен, чтобы караваны купеческие ходили из Хивы к Красноводскому [заливу], и когда я ему представлял преимущество сего пути перед мангышлакским, он отвечал мне, что здешний народ служит персиянам, тогда как мангышлакский ему повинуетя и потому дорога к Красноводску ему кажется опасной и неудобной. «Когда вы будете в союзе с нашим главнокомандующим, отвечал я, то неприятели ваши будут наши, и мы вам дадим всякую помощь». Он ничего не отвечал, но после прислал мне сказать через Ходжа-Мехрема, чтобы мы одни справились со своими неприятелями.

По предписанию вашему я [стал] требовать от Мамед-Рахим-хана отправления послов к

главнокомандующему, и на сие он скоро согласился. Имена оных вам уже известны из предыдущего рапорта моего (Документ не обнаружен). Хан сказал мне, что, препоручая оных Сердарю, он предоставляет к воле его; если угодно будет послать их к государю императору, то они должны туда ехать. Препоручения, данные им мне известны.

Хан, приняв меня, старался как можно скорее расстаться со мной. Он немедленно приказал мне ехать из Хивы. Короткое свидание, которое я с ним имел, не позволило мне распространиться в дальнейших переговорах. Я полагаю также за нужное донести вам, что с нынешнего года согласие, существовавшее между ханом и иомудами или прибрежными туркменцами Каспийского моря, расстроилось. Хан желает покорить под свое владение все окружающие его народы. Он [210] боится Бухарии, но привел в свое послушание киргизского хана, с которым даже вступил в родственную связь; туркменское поколение теке им разграблено и ему послушно; мангышлакские туркменцы поколений абдал и игдыр ему повинуются. Намерение его состоит теперь в том, чтобы покорить иомудцев, которые нередко делают воровства в его владениях. Хан начал с того, что [в] нынешнем году он наложил на приходящие за покупкой хлеба караваны их по полтилли с каждого верблюда, что выходит по два рубля серебром. Он надеется, что налог сей понудит голодных туркменцев поселиться в его ханстве или признать его власть. Налог сей крайне озлобил иомудцев, которые вооружаются на Хиву, предвидя себе такую же участь, как поколение теке, и нужда заставит их желать, чтобы российские суда приходили сюда с хлебом для продажи оного им.

Долгом поставлю себе донести вам о неусыпном старании находящегося при мне армянина Муратова, который не щадил трудов своих, дабы заслужить благосклонность начальства. Я буду тоже покорнейше просить вас, дабы вы благоволили донести о службе его его высокопревосходительству и исходатайствовать ему награждение, достойное его рвения.

АКАК, т. 1, ч. II, 1875 г., стр. 709—710

№ 143

Рапорт М. И Пономарева командующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанту Вельяминову о прибытии экспедиции в Баку и доставке хивинских и туркменских посланцев

29 декабря 1819 г.

Дождавшись счастливого возвращения из Хивы капитана Муравьева в Красноводск, я снялся с тамошнего рейда сего месяца 18-го и прибыл в Баку благополучно 24-го числа.

С капитаном Муравьевым прибыли от хивинского хана два посланца, да от туркменского народа присланы два поверенных, о прибытии коих я донес его высокопревосходительству по нарочной карте и испрашивал разрешения, куда доставить сих людей и каким средством, ибо на станциях, вероятно, не достаточно будет почтовых лошадей (Распоряжение генерала Вельяминова об обеспечении этих депутатов перевозочными средствами для их доставки из Баку в Тифлис см. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 50).

АКАК т. VI, ч. II, Тифлис, 1875 г., стр. 710

№ 144

Письмо Мухаммед-Рахим-хана главнокомандующему на Кавказе о развитии торговых связей между Хивой и Россией

Декабрь 1819 г.

Отец победы Абул-Гази-Мухаммед-Рахим-хан приветствует высокостепенного и

высокопочтенного главнокомандующего Ермолова, который да будет монаршей нашей милостью отличен и да ведает.

[211] Усердное письмо об обращении по дружбе и знакомству, присланное с Н. Н. Муравьевым, предстоящие при дворе нашем чиновники получили, и содержание оно стало известно. Что касается до писания твоего, чтобы основание дружбы было возобновлено и утверждено через продолжение между нами сношений и старанием обеих сторон, купцы имели бы открытые пути и спокойно пользовались бы торговлей, то по сему делу будь известен, что ныне караваны и купцы безопасно и спокойно ездят в сторону крепости Янгийской **(Вероятно, имеется в виду крепость Гурьев)** и астраханского владения. А как иомудские и гокленские народы некоторые служат нам, а другие каджару, то когда по воле божьей поступят и они под власть нашу, тогда может исполниться, то, что угодно будет богу. Написано в столичном городе Хиве и отправлено сие почтительное письмо в лето хиджры 1235 (1819), месяца декабря. В прочем, какие есть словесные поручения, оные перескажут доверенные наши Хак-Назар юзбаши и Якуб-бек. **(В препроводительной записке, приложенной к публикуемому документу, а также в прошении йомутов генералу Вельяминову от 4 марта 1820 г. о принятии их в подданство России отмечается, что в своем письме хивинский хан «извещает, что он ни в какие особенно дружественные связи с русскими входить не желает», (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 70))**

АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875 г., стр. 710—711.

Перевод с узбекского.

№ 145

Донесение старшин Приатрекских и Прикаспийских туркмен главноуправляющему на Кавказе о посылке в Тбилиси депутатов во главе с Кият-Беком с просьбой о принятии в подданство России

(Донесение составлено от имени туркмен юго-восточных берегов Каспия, начиная от Серебряного Бугра до Балханских гор.)

(январь 1820 г.)

22 октября два судна прибыли к пристани у Серебряного Бугра и стали на якорь, куда мы в тот же день послали одного человека к его высокостепенству майору Максиму Ивановичу Пономареву, который все приказания вашего высокопревосходительства, ему порученные, объявил нам. Благодарим бога, что желание наше могло исполниться и появление защитника весьма нас обрадовало, ибо мы находимся в соседстве с дурным поколением, которое, усилившись, увлекает через набеги как скот, так и жен и детей наших. Слава богу, что теперь явился нам хозяин. Мы созвали некоторых сведущих старшин и сделали между собой совет: Кият-агу с несколькими людьми поручили майору Пономареву, отправив его вместе с ним к вашему высокому начальству; сей Кият-ага со стороны нашей имеет полную мочь и доверенность и все то, что ему будет от вас приказано. Просьба наша состоит в том, чтобы ваше высокопревосходительство изволили довести до сведения его превосходительства, покровительствующего свет, имеющего войска столько, сколько имел Соломон Мудрый, вашего государя **[212]** о сей нашей просьбе, дабы он солнечным щитом своим милосердно осенял головы наши. О чем мы считаем обязанностью послать это донесение, к которому прикладываем свои печати и подписи.

(Приложено 6 печатей и 11 чернильных знаков).

АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875 г., стр. 711

**Из рапорта М. И. Пономарева главноуправляющему на Кавказе о поездке к туркменам
восточного побережья Каспийского моря**

25 января 1820 г.

Во исполнение повеления и инструкции (См. док. № 137) вашего высокопревосходительства, данной мне прошлого 1819 г. июня 13-го дня за № 62, имею честь представить на благоусмотрение мои замечания относительно туркменской экспедиции, которую угодно было вам возложить на меня.

Изготовясь всем нужным в Баке (Баку) для туркменской экспедиции, отправился я на корвете «Казань» 18-ю числа июля, отпустив прежде себя шкоут «Святой Поликарп» к острову Саре, для снабжения себя дровами и другими припасами, в коих имел он необходимую надобность, куда и я по тем же самым причинам должен был следовать от острова Сары отправился того ж месяца 24-го числа, взяв направление прямо к туркменским берегам, принял за определительный пункт Белый Бугор, для того, что с одной стороны никто не знал того места, где принято было посольство туркменское в прошлом 1813 г., а с другой, потому, что оный мне казался удаленным на довольное расстояние от границ персидских; не менее и потому, что некоторые господа флотские офицеры признавали Белый и Серебряный Бугор за один и тот же. 28-го помянутого месяца стали на якорь, прямо против Белого Бугра 29-го гвардейского генерального штаба господин капитан Муравьев 4-й был под прикрытием вооруженного гребного судна и переводчик Муратов отправлены на берег для узнания, если ли близ оногo какое-либо жилище и имеется ли пресная вода. По 31-е число производимо было испытание, но ничего не успели открыть и хотя рыты были им в нарочитом расстоянии от Бугра, во многих местах копани, и, однако, вода показывалась соленая и горькая. Переводчик Иван Муратов, продолжении сего времени послан был от господина Муравьева разведывать о жилищах, но и он ничего не мог открыть, почему и возвратился на корвете без всяких успехов.

Не оставаясь на первом сем безуспешном испытании, 1-го числа августа снялись с якоря, взяв направление к Астрабаду с тем намерением, чтобы, войдя в приязненный порт и сыскав там туркменских людей, мог бы без сомнения получить и первоначальное сведение о народе и правлении их, дабы потом, сообразясь с данной мне инструкцией, мог бы начать свои операции. Противный ветер заставил несколько времени лавировать, как вдруг увидели идущие близ берегов 10 киржимов (Киржим—большая мореходная парусная лодка) противным нашему курсу; им немедленно сделан бы I сигнал холостым выстрелом из коронады, чтобы они остановились, но [213] киржимы продолжали свое плавание. Видя их непокорствующих, дан был другой сигнал уже с ядром, однако и оным не остановлены, почему принужден был сделать третий выстрел, но и сим ничего на них не подействовало. Дабы не упустить столь удобного обстоятельства, приказал я спустить вооруженное гребное судно и перехватить по крайней мере хотя один киржим, не оказывая, впрочем, никаких людям неприязненных знаков и, взяв с него одного человека, привести на корвет. На сем судне был отправлен переводчик Муратов для объяснения наших требований и уверить их, что мы не имеем никакого неприязненного намерения, но только нужно отобрать сведения, что они за люди и где мы сами находимся. Между тем приказал я поворотить корвет и держаться одного направления с киржимами, чтобы иметь их под выстрелами, делать им в ходе некоторое препятствие и дать через то им страх. Гребное судно с трудом могло перехватить один киржим и, успокоив их через переводчика, взяли с оногo старшину и доставили на корвет. Привезенный старшина Давлет-Али объявил, что он туркменец, из аула Гасан-Кулийского, что все те киржимы шли из того ж аула к Нефтяному острову за нефтью и солью. Когда он спрошен был, для чего они не остановились по первому сделанному с корвета выстрелу, отвечал, что они не разумели морских прав. По сим причинам была уважена им потеря, трех выстрелов. Сей старшина на дальние вопросы уверил, что мы точно находимся против Белого Бугра, от которого к югу отстоит на три часа езды залив, именуемый Гасан-Кули, при котором находится аул, состоящий

около [из] 150 кибиток, откуда и он сам и все те киржимы; чтобы более получить от него сведения на первый раз, то, обласкав его и успокоив, оставил на корвете в виде гостя и аманата; по дальнем расспросе от него узнал, что от Гасан-Кулийского аула до другого, именуемого Кюмиш-Кулийским (**Кюмиш Тепинским**) или Серебряным, не более как на полдня езды и состоит из такого ж точно количества кибиток, как и первый, что их даже скот там находится и пользуется пресной водой из речки Гургена, протекающей близ него и выпадающей в море. Так как переводчику Муратову был известен более всех из туркмен Кият, но не знал, в каком ауле имеет он свое жилище (один из бывших посланцев в 1813 г. у генерала Ртищева), то на вопрос, не знает ли он его, отвечал, что с ним из одного аула, однако его там нет, а находится около Астрабада по делам своим.

Доволен будучи сим первым сведением, я приказал взять направление к Серебряному Бугру. 3-го числа пришли на вид оного и увидели стоящий там шкоут «Святой Поликарп». (**Шкоут «Святой Поликарп», как указывает в своем донесении от 30 сентября 1819 г. М. И. Пономарев, в результате сильных ветров «потерпел в разных важных вещах худобу» и за ненадобностью в десантной команде вместе с ней отправлен был обратно в Баку (см. АКАК, т. VI, ч. II, 1875 г., стр. 682).**) По прибытии с оного командира лейтенанта Остолопова, который объявил, что он уже четвертый день, как там стоит на якоре, поджидая нас, и что туркменцы к нему без боязни и дерзости пристают. Вслед за сим приехали некоторые из них, кои были обласканы и угощены. Они не оставили по сродному азиатцам любопытству наведаться о причинах нашего прибытия к их берегам. Но как известно было, кто они таковы, то и не хотел ни с кем войти ни в какие сношения, до тех пор [пока] не увижусь с Кият-агою. Не оставил, однако, расспросить сих людей, из какого они аула, есть ли у них какой владелец, и не подвластны ли они кому. Отвечали, что владельца над ними никакого нет и никому не подвластны, есть между ними почетные, известные старшины, коих уважают. По сему первому сведению разослал я окружные письма к старшинам, **[214]** коими приглашал для свидания со мной прибыть на корвет, с сим же вместе отправлен был переводчик Муратов за Киятом. А дабы время не проходило без занятия, то 4-го числа отправлен был на берег под прикрытием господин капитан Муравьев для обозрения местоположения и сделания нужных на оном замечаний, оставив одного старшину на корвете из прибрежного аула в виде аманата.

6-го числа явился ко мне Кият, с которым немедленно вступил в откровенное объяснение, по препоручению от вашего высокопревосходительства на меня возложенному, не опасаясь его ни с какой стороны, потому что он уже был отчасти знаком с русскими и употреблялся по части сей бывшим их владельцем Султан-ханом, но более всего утверждаясь на общем, в первый раз хорошем, об нем отзыве всего почти народа. Сей человек по выслушании от меня о причине приезда нашего к берегам их отвечал откровенно, что туркменцы весьма хорошо помнят первую подобную сему связь с русскими, ибо им ещё и до сих пор весьма чувствительно лишение [от] персиян, что хотя, без сомнения, для туркменцев очень полезно толико выгодное предложение, но, однако, если оставлено будет без точного навсегда утверждения оных, тогда туркменский народ потерпит сугубое разорение и всеконечное бедствие от мстительных соседей своих. Почему и принуждены будут впредь принимать русских как за своих, злодеев, завлекающих по видам своим лишь только в горестное для них положение, для того в третий раз не советовал уже появляться у их берегов, потому что они поступать будут как со своими врагами. Видя его толико искреннее объяснение, старался успокоить именем вашего высокопревосходительства; он, положась на данные мной обещания, начал действовать со всем своим прямым усердием. Находился во все время при мне безотлучно и посредством его отправление в Хиву господина Муравьева 4-го учинено.

С 4-го по 25-ое числа августа продолжались с туркменскими старшинами при Серебряном Бугре сношения, в успехе коих много способствовал Кият-ага. В течение всего времени господин капитан Муравьев 4-й продолжал беспрестанно свои наблюдения на берегу под прикрытием воинской команды, не заметив ни малейшего подозрения со стороны жителей, но, напротив того, еще прислуживали и пожелали даже видеть екзерцицию (**Экзерциция — военные**

упражнения, обучение солдат) русских солдат, что в угодность их берегу и производили оную. Не видя более надобности быть при Серебряном Бугре, 25 августа снялись с якоря, взяв направление к северу и, по положенному с Кият-агой условию, надлежало мне остановиться против его аула, Гасан-Кули, где должны быть собраны старшины, обитающие по реке Атрек и их первенствующий ефенди (В данном случае в документе употреблено турецкое слово «эфенди», означающее «господин») Мамет-Таган-кази. 27-го остановясь верстах в 20 против оногo и вместе с господином капитаном Муравьевым 4-ым съехали на берег, взяв с собою переводчика Муратова. Нас приняли в нем учтиво, но казы их ещё не было. 28-го прибыл он и вместе с собравшимися старшинами посетил мою кибитку. После первых взаимных приветствий объявил им намерение нашего к их берегам посещения, они с охотой выслушали и приняли беспрекословно. 29-го провели в совещаниях между собой, а 30 августа, в вожделенный для России день, они торжественно объявили, что на все согласны и в видах, предпринимаемых со стороны нашей, препятствия чинить не будут, для лучшего ж во всем соглашения представили мне избранного от себя поверенным Кият-агу с тем, что они будут на все то согласны, что он ни [215] учинит и снабдили его в том от себя доверенностью, от имени всего народа возложив на него обязанность прибыть к вашему высокопревосходительству. (О приезде Кият-бека на Кавказ см. док. № 127, 128, 129) В продолжении сего времени были производимы разные туркменские увеселения, за что были одаряемы и угощаемы. Окончив в Гасан-Кули с благополучным успехом дела по туркменской экспедиции, поспешил возвратиться в тот же день на корвет с поверенным Кият-агой, а 31 августа снялись, взяв направление прямо к Нефтяному острову, к коему прибыли 2-го числа сентября пополудни в третьем часу и остановились на якоре против видимой обы (Оба — аул, селение), куда немедленно с господином Муравьевым 4-ым и Киятом съехали, там нашли малую часть воды пресной, которую если лучше бы обработать, то может быть гораздо оной будет больше, ниже как ныне её имеется. Узнал также, что на оном есть и лес, но не в большом количестве. 3-го числа снялись с якоря и хотели пройти в пролив между Огурчинским и Нефтяным, но сего учинить было невозможно, потому что глубина стала быть переменна, для чего, опасаясь какого-либо несчастного случая, принуждены были возвратиться и обойти с южной стороны Огурчинский остров, а потом плыть в Балханский залив к Красноводску, имея руководством карту и описания графа Войновича, которая довольно обстоятельно и верно сделана. 10 сентября прибыли в Красноводск и стали на якоре против колодца, называемого Шах-Гадам, в котором воду нашли довольно хорошую и которой весьма достаточно было не только для корвета, но из оногo также пользовались из всех близ лежащих аулов и из полуострова Дарджи.

По положении якоря Кият немедленно был свезен на берег для приглашения старшин на корвет из лежащих в Балханском заливе аулов. 13-го числа того месяца собрались старшины и духовные ко мне, кои приняты были и угощаемы; 15-го числа в столь знаменательный день для россиян, они все подтвердили гургенских и атрекских старшин желание беспрекословно, после чего отпущены с корвета.

Приведя с божьей помощью дела по туркменской экспедиции к желаемому предмету, я немедленно занялся отправлением в Хиву господина капитана Муравьева 4-го. На предмет сей употреблен был Кият. Он старанием своим сыскал людей и ускорил поездку в Хиву так, что я уже мог совершенно отправление учинить того месяца 18-го числа. Об успехе дел в пределах хивинских я уже имел счастье представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства при рапорте (Документ не обнаружен) моем минувшего 1819 г. декабря 24-го дня за № 36 подлинный рапорт (См. док. № 142) господина капитана Муравьева того ж декабря 17-го числа за № 50.

Представив на благоусмотрение вашего высокопревосходительства весь ход операций моих со всей подробностью, за сим приступаю к тем замечаниям, на кои обращал я внимание согласно данной мне инструкции.

1. Для видов правительства самыми выгоднейшими местами по восточному берегу Каспийского моря к занятию для складки товаров и других заведений преимущественно нахожу

одно при Серебряном Бугре, близ коего впадает в море небольшая речка Гурген, а другое в Балханском заливе у Красноводска... (Опущены сведения, не относящиеся к теме сборника).

2. Народ иомудский безначальный в полном смысле сего значения. Никто ими не управляет и нет ни государя и никакой власти, которая [216] бы означала какое-либо правление, следовательно, и сношений политических со стороны их ни с кем не имеется. Известно однако, что существовало у них некоторого рода политическое бытие, во время бытности у них слабым владельцем Султан-хана, который присылал к генералу Ртищеву своих посланцев, тогда туркменский народ состоявший из трех главных колен, именно: йомутов, гоклен, теке, составлял ханство, но когда посланцы их возвратились без успеха, то первые отложились от власти ханской гоклены и стали зависимы быть более от власти персидской. Хан, видя власть свою поколебленной, оставил место свое и удалился в Хиву, где и ныне находится, теке покорила хивинский хан; йомуты ж, обитающие по восточному берегу Каспийского моря, остались сами по себе, на которых персияне желают производить свои требования, но без дальних успехов. Во всех их главных поколениях, как утверждают жители, значилось: в 1-м от 40 до 50 тыс. семей, во 2-м столько же, а в 3-м несколько больше. Иомутские кочевья начинаются от реки Гурген и простираются вверх до Балханского залива и занимают оный по произволу своему, никого не обсеяя и не утверждаясь на одном месте. Гоклены граничат с первыми и тоже кочевья свои имеют вверх по речке Гурген и с соседями своими, йомутами, живут несогласно, а теке, распространясь близ границ хивинских, подпали под власть одного владения. Иомутское поколение имеет свои еще четыре главные разделения, именно: чуни, шереб, куджук и байрамша, они были дети родоначальника поколения иомутского, живут согласно между собой и перемешаны взаимно в аулах. Есть и ещё другие подразделения частные и мелкие, но оные как не составляют никакого особенного влияния, то и внимания особой важности не заслуживают. Главный сих туркменцев недостаток заключается в продовольствии жизненном всякого рода: следовательно, посредством одного можно привязать с большей выгодой народ иомутский к видам правительства. Все вообще изделия отечественные наши могут иметь выгодный изворот, как то: сукно, холст, юфть, простая посуда в быту домашнем, именно: котлы чугунные, деревянные чашки дорожные, железо, сталь, ножики, ножницы и тому подобное, а собственное туркменцев богатство состоит в овцеводстве, в разведении верблюдов и конских заводах. Нефть, соль и отчасти рыбные ловли, впрочем, какие потребности с лучшей пользой в обращении быть могут, то уже от рассмотрения коммерческих взаимных сношений должны быть приспособлены.

3. Связь хивинцев с туркменцами, по-видимому не есть искренняя. Последние имеют крайнюю необходимость в жизненном продовольствии и даже во всем необходимом в домашнем быту, а потому невозможно [им] не быть зависимыми со стороны сих первых. Туркменцы, будучи обижены природой, почему и не могут иначе себя пропитать, как только хищничеством, а как они, сверх того, еще раздроблены на столько частей, сколько есть аулов, и не образуя из себя никакого вида правления, то и не могут над соседями своими взять перевеса или заставить себя уважать. Одни сильные способы со стороны российского правительства могут важное влияние возыметь как на сей народ, так и на самую Хиву и на всех соседей, прилегающих к иомутцам, если только утвердится на прочном основании заведение в местах, к тому благоприятствующих видам правительства, о коих я уже объяснил в 1-м пункте, и буде приведены будут под единую власть непременно.

4. Самая кратчайшая дорога до Хивы, полагаю, быть может, от Красноводска, по ней езды, на опыте дознанной, нужно употребить не менее как от 15 до 16 дней, из прочих же мест, как не испытанных нельзя положиться на одни сведения жителей, которые не всегда основательно свидетельствуют о расстоянии мест своих.

[217] 5. Так как хивинский хан не согласился принять те выгодные предложения, какие ваше высокопревосходительство через господина капитана Муравьева предложить ему изволили, то и невозможно было мне никаких мер принять к устранению взаимных неприязненных сношений. А народ туркменский, под именем иомудского, на все сделанные оному

предложения с охотой согласен беспрекословно, но сверх того просит принять его под защиту и покровительство всеавгустейшего монарха Александра 1, для чего и прислал от себя поверенных к вашему высокопревосходительству для положения мер.

6. Иомудский народ хотя находится в слабом состоянии, однако на них никто из соседей не нападает, кроме обыкновенно хищническими партиями занимаются взаимно. Сколько можно было заметить, то к соседним персиянам питают непримиримую вражду и готовы по первому зову восстать всеми силами своими на них, а особливо, когда будут еще подкреплены такими способами, в которых они имеют крайнюю нужду и недостаток, именно: в оружии, порохе, но более всего в свинце, и если они будут приведены под одну власть, до чего легко достигнуть можно, когда на обстоятельство сие обращено будет особенное внимание, к чему случай представляется. Так как народ сей окружен соседями ему неблагоприятными, то и в войне с хорасанцами никакого участия не принимал, равно и принять их за отдаленностью мест своих никак не мог. На случай разрыва с Персией от их можно ожидать сугубого успеха. Как я не встретил никаких дальних сопротивлений со стороны туркменцев во всех сделанных им предложениях, то и не мог равно видеть, как нужно особые меры употребить, чтобы ограничить как их самих, так и видам правительства затруднение представить. Но, судя по покорности их, смело заключить можно, что они, приняв высокое покровительство императора Александра I, почтут себя довольно счастливыми, когда будут носить имя подданного всероссийского государя... (Копию документа см также в АВПр, ф. Гл. архив 11—18, 1819—1869 гг., оп. 8, д. 1, лл. 21—32 об.)

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, т. 128, лл. 27—34 об.

Копия

№ 147

Рапорт командующего Отдельным кавказским корпусом главнокомандующему на Кавказе о прибытии в Астрахань туркменской депутации

10 марта 1820 г.

На секретное повеление ко мне вашего высокопревосходительства честь имею донести, что я поручал правителю канцелярии вашей совместно с майором Пономаревым и гвардии капитаном Муравьевым вывести ловким образом у туркменского старшины Кият-бека насчёт посольства, прибывшего в Астрахань с просьбой на высочайшее имя его императорского величества о принятии туркменского народа в [218] подданство России. (Речь идет о том, что одновременно с прибытием в Тбилиси Кият аги в Астрахань прибыла от йомутов другая депутация (АКАК, т. VI, ч. II, 1875, стр. 711). Распорядившись «содержать приличным образом» эту депутацию, Ермолов в своем предписании Вильяминову от 22 февраля 1820 г. отмечал, что содержание их прошения «кажется мне несколько странным, ибо, как известно, племена туркменского народа, будучи вольными, не состоят в зависимости от владельцев, и в письме же является один, будто бы имевший некогда значительную власть». Ермолов поэтому требовал «ловким образом разведать у старшины туркменского народа Кият бека можно ли иметь доверенность к желанию, изъявленному посланцами. Должны ли заслуживать внимания подписавшие прошение и точно ли могут они иметь такое влияние между народом, что он вручил им судьбу свою? Не суть ли это происки нескольких честолюбивых лиц, домогающихся власти посредством российского могущества?.. Прибывшие в Астрахань посланцы именуются Сеид Аба, Сеид-Абдулла и Хан Сеид-Мамед. О них также полезно разведать» (АКАК, т. VI, ч. II, 1875 г., стр. 711—712). Настоящий и особенно последующий документы являются ответом на этот запрос Ермолова.) Вследствие чего поданную ко мне записку статским советником Могилевским при сем долгом поставляю представить в благоусмотрение вашего высокопревосходительства, почтеннейше докладывая при том, что по откровенности, с каковой

в сем случае объяснялся Кият-бек, и по соображению обстоятельств, весьма сходствующих между содержанием просьбы и пояснением его насчет происков Даниара, брата известного Ходжи, выходца из города Чина, бывшего несколько лет тому назад временным у туркменцев военачальником и в сражении против персиян убитого, который во время власти своей употреблял семь разных печатей, в том числе и одну с именем Мустафы-Юсуфа. Нельзя сомневаться, что сие посольство и просьба государю императору фальшиво составлены тем бродягой, домогающимся власти над туркменским народом через посредство могущества России. Сей Даниар, по уверению Кият-бека, будучи совершенно пустой человек, не имеет никакого уважения в их обществе, которое мало даже его помнит и, как иноземный пришелец, совершенно для общества бесполезен и даже вреден. (Документ ранее опубликован в АКАК, т. VI, ч. II, 1875 г., стр. 712)

Генерал-лейтенант Вельяминов

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 83
Подлинник

№ 148

Записка статского советника Могилевского о туркменской депутации, прибывшей в Астрахань с просьбой о принятии туркмен юго-восточного Прикаспия в подданство России

Не ранее 10 марта 1820 г.

(Датируется по док. № 147)

Во исполнение воли вашего превосходительства приглашал я в свой дом туркменского посланца Кият-бека под предлогом угощения его как старинного своего знакомца. Господин майор Пономарев и гвардии капитан Муравьев при сем находились. По предварительному между нами совещанию, нечувствительно заведен был разговор о том, известны ли Кият-беку почётные туркменцы Сеид-Аби, Сеид-Абдулла и Хан-Сеид Мамед, живущие на реке Гургене. Ответ его по некотором размышлении был тот, что из почетных людей в трех главных [219] коленах туркменского народа, именующихся йомут, гоклен и теке, кои все ему известны, он не знает ни одного под вышеозначенными именами, а полагает, что может быть они принадлежат к мангышлакским туркменам, с которыми живущие на реке Гургене почти вовсе не имеют связей. Затем, продолжая разговор, в виде любопытства с моей стороны о главнейших туркменских старшинах, я неприметно довел речь до имен, помещенных в просьбе, присланной к господину астраханскому губернатору якобы от всего туркменского народа, на реке Гургене живущего. Кият-бек на вопросы мои о каждом из них отвечал, что все они, исключая двух или трех, о коих отозвался неизвестностью, точно принадлежат к их обществу и, как людей совершенно знакомых, описывая каждого по их семействам. После сего разговор был склонен на то, частые ли туркменцы имеют сношения с Астраханью, много ли в прошедшее лето приходило к их берегам судов, с каким грузом, и при обратном отплытии оных не отправились ли в Астрахань какие туркменцы. На сие Кият-бек сказал, что, сколько ему известно, то во все лето приезжали к ним не более двух или трех купеческих судов, и что на одном из таковых отправился из Астрабада в Астрахань, как полагает он, в августе месяце один только простой туркменец, коего имени не упомнит, для всегдашнего там пребывания, потому что он женат в Астрахани на одной ногайке и имеет там семейство. Более же никто из туркменцев известных ему поколений в Астрахань не ездил. По сведениям господина майора Пономарева и гвардии капитана Муравьева оказалось, что во время пребывания их у берегов туркменских действительно не имелось там других российских купеческих судов, кроме упомянутого Кият-беком отпльвшего из Астрабада. Следовательно, посланцы, явившиеся в Астрахань от туркменского народа, не могли отправиться туда морем без того, чтобы отъезд их не был им известен. Если ж бы предположить, что уже после торжественного объявления в 30-

й день августа туркменскими старшинами, съехавшимися в Гасан-Кулийский аул, о согласии их на все предложения российского правительства с тем, что они предают себя со всем туркменским народом в прокровительство государя императора, и также после отплытия майора Пономарева в Красноводскую пристань, куда он прибыл 10 сентября, составилось посольство в Астрахань по проискам некоторых честолюбивых лиц, домогающихся власти посредством российского могущества, то по расчислению времени никоим образом невозможно им было сухим путем через Хиву и Мангышлак прибыть в Астрахань в ноябре месяце. Итак, по своим соображениям заключая, что посольство сие или вовсе не имеет связи с препоручением от туркменского народа, возложенным на Кият-бека, и он об нем не имеет никакого сведения или же в сем деле кроется какой-либо обман, мы почли за лучшее с откровенностью объявить ему о прибывших в Астрахань вышеупомянутых туркменских посланцах, стараясь между тем замечать, какое сие произведет на него впечатление. Открытие таковое крайне его изумило. Он, подумав, однако же, несколько, тотчас сказал, что тут скрывается какое-либо бездельничество. Ибо общество туркменских старшин, избрав его поверенным от всего народа и отправив к самому главнокомандующему здешним краем его высокопревосходительству Алексею Петровичу Ермолову, не имело никакой надобности мимо свидания его посылать, ещё другое посольство к астраханскому губернатору, который, как известно им, подчинен главнокомандующему. Когда же мы объявили ему и самое содержание просьбы, на высочайшее имя представленной посланцами Сеид-Аби, Сеид-Абдуллой и Хан-Сеидом Мамедом, то он в то же время и обрадовался сему открытию, и изъявил свое негодование на плутовство, которому объявил нам следующую несомненную, по его заключениям, причину.

[220] Известно, сказал он нам, что туркменцы были всегда народ вольный и не имели у себя государей или владельцев. Только назад тому несколько лет, будучи крайне притесняемы персиянами и желая им противостать, соединили вместе три главные свои племена — иомутцев, гокленов и теке — и по общему согласию избрали начальником своим некоего пришельца из города Чина по имени Ходжа, который при возвращении своем из Мекки был чрезвычайно оскорблен нынешним Фатх-Али-шахом и потому питал к нему сильную злобу, будучи впрочем, человеком предприимчивым, умным и храбрым. Сей Ходжа, по званию военачальник туркменский, жестоким образом разбил на реке Гургене корпус персидских войск, выступивших для наказания туркменцев. Но как он имел слабую власть, то туркменские войска по одержанию столь важной победы и полученной весьма знатной добычи в оружии и пленных, разбрелись в Хиву и другие места для продажи пленных. Между тем персияне вторично послали свои войска на туркменцев, кои, находясь в рассеянии, не могли соединиться, а Ходжа с малым числом, наскоро при нем собравшимся, принужденный вступить в сражение, был совершенно разбит персиянами и сам лишился жизни. После сего несчастья товарищ его и одноземец Султан-хан, всегда неотлучно при нем бывший, принял по смерти его начальство над туркменцами, которые по общему согласию представили и ему над собой такую же власть, какую имел его предшественник. Сей то Султан-хан присылал к генералу Ртищеву посланцев в Гюлистан и искал покровительства России туркменскому народу. Но когда о том было ему отказано по случаю заключения мира с Персией, то поколение гоклен, страшась силы персиян, отложилось от Султан-хана и сделалось некоторым образом зависимым от персиян, а он, видя власть свою поколебавшейся, удалился под покровительство хивинского хана, где и ныне находится. Поколение теке впоследствии оружием покорено хивинским ханом. Таким образом, одно только иомутское племя остается теперь ни от кого не зависимым и ищет покровительства и подданства России, уполномочив от себя его (Кият-бека) на всякое постановление, какое государю императору благоугодно будет дать туркменскому народу.

Вышеупомянутый Ходжа имел у себя брата, который, по смерти его, действительно из города Чина прибыл к туркменцам и от Султан-хана, принявшего тогда власть, требовал оружие брата своего, почитающегося весьма редким, также лошадей и прочее имущество, но Султан-хан принял его с презрением и ничего ему не возвратил. Тогда он обратился к туркменским старшинам с просьбами своими, но и сии, не желая оскорбить Султан-хана, бывшего тогда их

начальником, не приняли в нем, как в пришельце вовсе для них бесполезном, никакого участия. Сие так его озлобило, что он, отъезжая от них, поклялся возвратиться к ним когда-нибудь, если только будет жив, и произвести между ними смятение, которое будет для них чувствительно. После между туркменцами было известно то только, что он по отъезде от них отправился в Астрахань, а оттуда поехал в Мекку и впоследствии прибыл в Мессир. (Египет) Дальнейших же о нем сведений никаких не было.

Переводчик Муратов (известный Петрович) при сем случае объявил нам, что он в 1814 г. действительно видел в Астрахани брата вышесказанного Ходжа, что он склонял его отправиться в Санкт-Петербург с просьбой от него на высочайшее имя его императорского величества как от туркменского владельца о принятии его со всем народом в подданство России, также что когда он, Муратов, отказался от сего предложения и когда все домогательства сего претендента на власть [221] своего брата никем в Астрахани не были уважены, то он отправился оттуда в Мекку.

Наконец Кият-бек присовокупил, что просьба на высочайшее имя государя императора и посольство, в Астрахань прибывшее, есть не что иное, как новые плутовские происки сего самозванца, домогающегося в туркменском народе [с] помощью России той же власти, какую и временно имел брат его Ходжа, также бывший пришельцем. Причем прибавил, что он, зная имена почтеннейших туркменских старшин, мог в просьбе, на высочайшее имя представленной, написать кого он хотел, и приложить фальшивые печати. Посланцы же, от него в Астрахань прибывшие, должны быть или мангышлакские туркменцы или другие какие-либо бродяги, к видам его приставшие. Он убедительно просил при сем случае позволения или ему самому отправиться в Астрахань, или их выслать в Тифлис для личного изобличения их в обмане, употребленном ими против российского правительства. Но, когда таковое требование было отклонено уверением, что в сем случае достаточно одного свидетельства его о ничтожности такового посольства, которое вышлетя из пределов российских без всякого к нему внимания, то Кият-бек вызвался сам дать слепки своей печати, так как и его имя помещено в просьбе на высочайшее имя теми посланцами представленной, дабы отослать оные к господину главнокомандующему в Грузию для сличения с приложенной ими печатью на подлинной бумаге, представленной к его превосходительству Алексею Петровичу от всего общества туркменских старшин. Особливо же прибавил он печать первенствующего их эфендия Мамет Таган-казия, по власти своей весьма в народе почитаемого, по искусству вырезки очень редкая. Почему необходимо нужно и ее также поверить в точность и между той, которая приложена им на подлинной доверенности от всего туркменского общества старшин и на сей, по уверению его, фальшивой просьбе, представленной теми посланцами на высочайшее имя его императорского величества, тогда обман тотчас обнаружится. Обстоятельство сие, соображенное нами с примечанием, означенным на переводе сей просьбы, присланной от господина главнокомандующего, где сказано, что в приложенных на оном печатях нельзя разобрать настоящих имен, а равно и непритворное негодование Кият-бека на таковое мошенничество, учиненное именем туркменских старшин иомутского поколения, ещё более убедило нас в искренности его слов. (В документе ошибочно «следов»)

Правитель канцелярии статский советник Могилевский

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, лл. 84—88

Подлинник.

№ 149

Из рапорта капитана Н. Н. Муравьева главнокомандующему на Кавказе о туркменах и их взаимоотношениях с Россией, Хивой и Ираном

12 апреля 1820 г.

Туркменский народ населяет степи, лежащие между Каспийским морем, хивинским владением, Бухарией и Хорасаном. Народ сей разделяется на одиннадцать главных поколений, кои суть следующие:

1. Човдур-Ессен-эли. Их считается до 8000 кибиток или **[222]** семейств; они кочуют частью около Мангышлака, а частью в Хивинском ханстве.
2. Йомут. Они полагают себя в числе 40000 семейств. Главное местопребывание их по рекам Гургену и Атреку, впадающим в Каспийское море неподалеку от Астрабада, и по Балханскому заливу. (Для соображения сих записок должно руководствоваться картой Каспийского моря, приложенной к описанию экспедиции графа Войновича в Астрабад (примечание автора))
3. Гоклен, 40000 кибиток, кочуют при верховьях рек Атрека и Гургена; главное местопребывание их называется Карри-Кала-Сюид. Поколение сие в непримиримой вражде с иомудами и повинуетя персиянам.
4. Теке, 50000 кибиток, между гокленами и Хивой; народ самый разбойничий, покоренный недавно хивинским ханом и во вражде с йомутами. Дождевые речки, текущие с гор, орошают землю их, которую они обрабатывали до завоевания их. Главный старшина их Мурад-Сердар имеет местопребывание свое в крепости Аркаш. (Аркач)
5. Салыр. Местопребывание их на восток от теке и называется Сарагт; числом их до 4000 кибиток.
6. Имрели кочуют на восток от салыров; считается их до 3000 кибиток.
7. Эрсары. Прежде кочевали около Балханского залива, но теперь перешли к Бухарии, где и покорились тамошнему владельцу, числом их до 100000 кибиток.
8. Ата жили около Балхана, откуда вытеснены йомутами и ныне удалились в степь по дороге к Хиве; числом их до 1000 кибиток; главный старшина их называется Хаджи-пир; народ сей смиренней прочих и, угнетен будучи йомутами, ищет покровительство хивинского хана.
9. Сакар, живут близ Бухары; их считают до 2000 кибиток.
10. Сарык, находятся в соседстве их и в таком же числе.
11. Уз-оймак (Юз-аймак) живут близ Мешеда и полагаются в подданстве персиян; числом их до 80000 кибиток.

Народы сии все мухамеданской веры, исповедания сунни; язык их турецкий. (Тюркский)

Разделение некоторых из сих поколений на другие племена показаны в приложенной при сем таблице с означением названий некоторых из старшин в различных сих племенах. Из поколения йомут джафарбай считается самым сильным и военным.

Туркменцы, поколения йомут, не имеют над собой ни начальника, ни законов; они управляются обычаями, блюстителями коих суть старшины; но власть сих, последних весьма слаба: не имея права наказывать своих единоплеменников, они только могут мирить их, а как они избираются всем народом или поколением своим из людей старших и опытейших, то они вообще пользуются доверенностью их; между ними существует почти всегда доброе согласие.

Замечательнейшие места по туркменскому берегу, начиная от юга, суть следующие... (Опущены географические сведения о восточном побережье Каспийского моря и Хивинском ханстве).

Туркменцы, поколения йомут, прося покровительства и вступая почти в безусловное подданство России, излагают перед правительством российским крайнюю нужду, которую они имеют в хлебе, и претеснения, терпимые ими от персиян.

[223] Туркменцы сии могут разделиться на два рода: то есть первые те, которые, живя на реке Гургене в соседстве персиян, удержаны отчасти в грабительствах, которые они делали в персидских границах; другие, кои имеют до 8000 кибиток, удалились от братии своих к северу и поселились около Балхана, откуда не перестают частыми набегами беспокоить Персию...

Гургенские и атрекские туркменцы торгуют в Персии и посылают к шаху заложники из хороших фамилий; некоторые из них получают жалованье от персидского двора; народ даёт оному иногда небольшое конное ополчение в помощь во время войны персиян против соседей своих; но не платит никакой подати, не состоит ни под чьим начальством, управляется старшинами своими по поколениям и, не видя никогда почти персиян, не признает никакой власти.

Однако люди старые и ездившие ко двору персидскому постигают зависимость свою, хотя никакое письменное обязательство не свидетельствовало сей зависимости народа туркменского от Персии.

Зависимость сия была прежде слабее нынешней, как и ненависть одних к другим... (Опушены сведения, дублирующие док. № 148)

Туркменцы чувствовали слабость свою и принуждены были согласиться, дабы жить покойно на берегах Гургена, — место, удобное для сеяния разного рода хлеба и имеющее пастбища. Они стали сеять хлеб и пасти стада свои, предохраняя себя единственно от набегов других двух соседственных поколений: гоклен и теке, которые опять принялись за прежние междоусобия. Разделение на поколения всех туркменцев, населяющих, степи от Каспийского моря до Бухарии, показано в открытом описании туркменского народа и в таблицах, представленных вашему высокопревосходительству.

Однако все туркменцы поколения иомуд не хотели признать власти персиян над собой. Я уже выше сказал, что 8000 кибиток удалились к Балханскому заливу, откуда были ими вытеснены туркменцы же поколения ата, кочевавшие при оном. С того времени новые пришельцы сии не имеют другого промысла, кроме воровства; они приезжают на Гурген и под покровительством родственников своих делают набеги в Персию, откуда уводят пленных на продажу в Хиву. Не занимаясь ни хлебопашеством, ни порядочной торговлей, они во всем нуждаются, хотя и имеют довольное количество денег; они нуждаются даже в самых необходимых, для них предметах. Водой они пользуются из колодцев; вода сия бывает во многих солоноватая. Хлеб добывают они из Хивы, куда они приезжают после 17 суток по трудной дороге. Наложная на них Мамед-Рахим-ханом хивинским подать почти воспретила им сей отдаленный путь; они злобствуют на хана и готовы ополчиться на него. Вот настоящие причины, понудившие туркменцев искать покровительства России. Жители Балхана нуждаются в оном, а кочевья, на Гургене расположенные, мечтают об исполнении давнишнего желания их избавиться от ига персиян, не удаляясь от родины своей; но тех и других самые приятные надежды состоят в том, что грабеж Астрабадского ханства будет им гораздо свободнее.

По всему расстоянию от Балханского залива до Астрабада представляется только одно удобное место для устройства крепостицы и содержания войска русского, в чем состояла отчасти цель нынешней экспедиции, вашим высокопревосходительством наряженной...

В устройении такого рода заведений было бы излишне руководствоваться правилами фортификации. Народ, не имеющий ни порядка, ни постоянства, ни начальства, не мог бы никогда причинить вреда [224] малейшему отряду нашему, огражденному самым незначительным валом или рогатками для предохранения себя от внезапного нападения. Искусно расставленные караулы не позволили бы нападающим воспользоваться сими выгодами... Изложив таким образом средства, представляющиеся правительству к занятию берегов туркменских, я должен еще представить пользу, могущую произойти от сего, помощь, которую можем ожидать от туркменцев, виды персиян на сей счёт и какие ещё устройства должно сделать, дабы согласно с местоположением и нравственностью народа, поступающего в наше подданство, успех были значительнее.

Выгоды, представляющиеся от занятия сих берегов, двояки: первые — со стороны торговли; вторые — со стороны военных видов.

Я уже несколько раз сказал, что туркменцы, нуждаясь в хлебе, имеют довольное количество наличных денег, которые они добывают воровством и продажей малого числа изделий своих, как-то: ковров, армяков из верблюжьей шерсти, нефти, соли и скота.

Пшеничный хлеб мог бы доставляться из Баку в Красноводск; сверх того ещё толстые сукна, холсты, кожи, ножи и ножницы, посуда чугунная и деревянная, оружие, порох, свинец, весла, веревки и множество такого рода вещей, которых туркменцы с жадностью ищут, могли бы быть доставлены им.

Я не могу судить обстоятельно о выгодах, которые нам доставляли бы нефтяные и соляные промыслы, имеющиеся на острове Челекене или Нефтяном и в других местах сего берега.

Известно только, что туркменцы ежегодно добывают с Челекена до 2 тысяч пудов соли, которую и доставляют в Астрабад.

Промысел сей принадлежит туркменцам, живущим на вышеупомянутом острове. Прочие береговые йомуты довольствуются выгодами, происходящими от одной перевозки сей соли. Перевозка сия делается на киржихмах или плоскодонных лодках с одной мачтой и одним парусом. Они сами строят сии лодки в большом количестве; лес же добывают с границ Астрабада. Туркменцы очень ловко управляют оными, но не пускаются в море, а плывут около берегов, и то днем, на весьма малой глубине; ночью же они становятся на мель, а сами ночуют на берегу. Главное пристанище сих судов бывают в Красноводском заливе, в Челекенской бухте, в заливе Гасан-Кули и у Серебряного Бугра.

Торговые связи наши с туркменцами могли бы еще способствовать нам к разведению в отечестве нашем славной породы лошадей атрекских, известных во всем свете своей добротой, проворством, ростом и красотой.

Торговые сношения наши с туркменцами на первый случай могут простирались далее...

Но учреждая заведение свое при Красноводске, где даже не существует самой легкой зависимости от Персии и, где народ вольный промышляет грабежом тех людей, которые, называясь властелинами соседственных единомышленников их, не смеют перейти границы своей; там может ли вступить персидский двор, который едва знает по слухам, что есть Балханский залив? Народ сей, гордящийся независимостью своей, населяющий страны, лежащие ближе к российским границам, чем к владениям каджаров, просит покровительство русских в надежде получить средства к прокормлению себя, будучи слишком отдален от Астрабада для добывания оттуда хлеба и гнушаясь связью с персиянами, которых они считают созданными, чтобы рабствовать у них в неволе и приумножать их богатства.

[225] Обитатели Балхана, почувствовав выгоды от сношения их с Россией, в короткое время усилились бы гургенскими и атрекскими жителями, из коих переселились бы к нам многие.

Тогда должно бы начальствующему в Красноводске заняться устройством некоторого порядка между обывателями. Самого бойкого из них назвать ханом и дать ему власть. Средства сии, непозволительные в образованном правлении, необходимы с народом зверским и почти диким. Новый хан сей, чувствуя, что сила его зависит от русских, преклоняя главу свою пред нами, рубил бы головы тех из соотечественников своих, которых мнения не согласовались бы с видами нашего правительства. Залоги, взятые из лучших фамилий, были бы нам порукой за верность их.

Такого рода обращение не отвратило бы туркменцев от повиновения нашего, если бы не вкрались злоупотребления; корысть, покушения на жен их, нерачительность к делам и беспечность ко всему, что до собственного лица не касается, судные дела, заброшенные ими, тянувшиеся несколько лет, озлобят народ сей против самого добродушного начальника, тогда как скорое решение и строгое наказание за проступки — смерть оправдает его во мнении народа.

Содержа его в воинственном духе, занимая его игрищами (главное удовольствие, возбуждающее в них соревнование), делая изредка пиршества, отличая при оных тех из старшин, которых народ сам более уважает, и, не нарушая обычаев их, можно привязать туркменцев к нашему правительству, к которому они теперь прибегают, будучи к тому понуждены.

Должно составить словесный суд, заседателями коего были бы сами старшины их; они и занимались бы нарядами для разных повинностей. Русскому начальнику в сии наряды мешаться не должно: они превосходным образом сделаются в народе, разделенном на множество поколений, отличающихся названиями и различными свойствами: одни более склонны к грабежу, другие к торговле, третьи к плаванию и так далее.

Суда, пришедшие в Красноводск, должны бы сперва лечь на якорь в вышеупомянутой бухте. Высаженные люди расположились бы в обывательских кибитках до устройства казарм из леса и кирпича, привезенного из Астрахани и Баку.

Конницы нельзя содержать в Туркмении за неимением пастбищ; да и конница наша ни к чему служить не может там, где наездничество ставится в одну из первых добродетелей народа; но должно бы при пехотном отряде нашем иметь до 100 конных туркменцев, которые получали бы жалованье и очередывались при начальнике; они служили бы вместо полиции и для рассылок внутри края.

Для артиллерийских лошадей наших можно бы привозить фураж; но если сие показалось слишком затруднительно, то перевозка орудий могла бы устроиться на приученных к тому верблюдах.

Построение мечети при укреплении, при которой находился бы туркменский кази, или духовная особа их, служило бы по пятницам сборищем народу, исправляющему с большой точностью обряды своей веры.

Казалось бы, что выгода, со стороны военных видов представляющаяся, гораздо превосходнее тех, которые могла бы нам доставить торговля; но если, по незнанию моему намерений нашего правительства, я слишком много на сей счёт распространился, то представлю еще в лучшем виде ту пользу, которая может произойти по торговым видам от учреждения Красноводской крепости.

Наше правительство с давнего времени намеревалось устроить [226] постоянную и безопасную торговлю с Хивой. Кажется, что после неудачной экспедиции князя Бековича, случившейся в царствование императора Петра Великого, намерение сие осталось без внимания. Экспедиция, снаряженная в прошлом 1819 г. вашим высокопревосходительством, имела столь удачный успех, что оставить предприятие сие могло бы счесться невозвратимой потерей... (Далее сообщается о событиях в Хиве и торговле России с Востоком)

Гвардейского генерального штаба капитан Муравьев 4-й.

АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875 г., стр. 713—716.

№ 150

Из записки главнокомандующего на Кавказе вице-канцлеру о развитии торговых связей с туркменами и необходимости присоединения к России восточного побережья Каспийского моря

(Аннотацию документа см. АВПР, ф. Гл. архив 11-18, 1819—1869 гг. оп. 8 д. 1, лл. 13—14 об.)

21 апреля 1820 г.

Милостивый государь граф Карл Васильевич! Я имел честь сообщить вашему сиятельству о возвращении экспедиции, посланной от меня в прошедшем году к туркменским берегам.

Представляемые при сем в копии рапорты: майора Пономарева января от 25 дня (См. док. № 146) за № 11 и гвардейского генерального штаба капитана Муравьева 4-го от 12 апреля (См. док. № 149) за № 3 заключают в себе собранные ими сведения и могут служить мерой усердия и деятельности их при исполнении возложенных на них поручений. Успехи их по справедливости заслуживают благосклонное правительства внимание; от одного из сильнейших поколений туркменского народа, обитающего по берегу моря, находятся теперь у меня посланцы.

Капитан Муравьев 4-й был в Хиве и вручил письмо мое обладающему страной хану. С особенной похвалой должен я отозваться насчет решительности, с каковой предпринял он путь сей, трудный и опасный, равно и твердости, оказанной им во время его там пребывания. Наклонные к подозрениям свойства хана, похитившего власть убийствами и злодеяниями, подвергали его большой опасности, но он кончил тем, что от хана есть у меня посланцы. Для нужных по многим предметам объяснений я отправляю самого гвардии капитана Муравьева 4-го и прошу покорнейше ваше сиятельство доставить ему счастье быть представленным государю императору.

Из сведений, представленных вашему сиятельству капитаном Муравьевым 4-м, вы усмотреть изволите выгоды, которые можем мы обещать себе от устройства прочного заведения на восточном берегу Каспийского моря, согласно с мнением господина адмирала Мордвинова, сообщенным им в 1816 г. Комитету господ министров.

Если к чему-нибудь служить может мое о сем предмете рассуждение, я обязываюсь изложить следующее: торговля с Хивой, Бухарией и далее, как говорит г-н адмирал Мордвинов, с северной частью Индии есть бесспорно главнейшая [227] цель устройства заведения на восточном берегу Каспийского моря, и для того почитаю необходимым в обеспечение привозимых нами товаров и хлеба устроить в Красноводском заливе крепостицу с достаточным гарнизоном и артиллерией. Хищность народа туркменского делает предосторожность сию нужной.

Теперь боязнь подпасть [под] власть хана хивинского или [в] зависимость от персиян, к которым ведет туркменский народ совершенный в хлебе недостаток, поколение народа сего, называемое иомутским, прибегает под могущественное покровительство государя императора. Теперь удобно воспользоваться сими обстоятельствами, и сколько туркменцы ни наклонны к ветрености, можно обуздать оную их нуждами.

Удовлетворяя в главнейшей потребности хлеба, можно в короткое время истолковать им, сколько выгодны для них сношения с нами.

Правительство на первый раз должно решиться на некоторые пожертвования и привозимому хлебу должна быть цена умеренная.

Купечество наше не может приобрести значительных выгод собственно от торга с туркменцами; не вдруг обратится торговля Хивы и Бухарии, щедро могущая вознаграждать труды купечества, а потому необходимо на первый случай, чтобы правительство, или ободрив некоторых из купцов людей предприимчивых или спомоществуя даже некоторой частью издержек, приняло меры к доставлению хлеба (пшеницы) туркменцам. Таким образом учредится над сими народами власть и в самых началах власть благотворная.

Персия, нет сомнения, что со вниманием будет смотреть на заведение наше на восточном берегу моря; но влияние оной [Персии] на туркменский народ не простиралось никогда далее рек Гургена и Атрека, не в дальнем расстоянии от Астрабада находящихся. Никогда живущие далее туркменцы не только не были в зависимости от Персии, ниже сношений с нею не имели. Итак, не нарушая приятного к Персии расположения, не уничтожая влияния её на туркменцев, ни же разделяя с ней оное, заведение наше устроится между народом, ни от кого совершенно не зависящим, свободным распоряжаться своей волей.

Не должен я скрыть пред правительством, что при устройении заведения встретятся большие затруднения, ибо восточный берег моря не представляет никаких средств, и народ, рассеянный, кочующий, никакой властью не управляемый, пособий дать не в состоянии. На первый случай все привезти надобно с собой: самые жилища для гарнизона и даже дрова для варения пищи, фураж для лошадей. Впоследствии все сие переменить необходимо.

Не думаю, чтобы возразить возможно было против выгод, которые в продолжении времени доставит торговля с Хивой и паче с Бухарией. Заведение наше станет на пути несравненно кратчайшем и удобнейшем для караванов, которые нередко расхищены [бывают] своевольными киргизами. Может быть возможно будет со временем иметь в Бухарии купеческие наши конторы для непосредственного торга с северной частью в Индии... (Опущены сведения, не относящиеся к теме сборника)

В таковом предположении заведение наше на восточном берегу представит несчетную пользу как единственным обладателям всего моря, и другое таковое же заведение надобно будет устроить при урочище, называемом Тюб-Караган, осмотренном в 1805 г. инженером генерал-майором Фелькерзамом по высочайшему государя императора соизволению. Урочище сие лежит на теперешнем пути караванов, из Хивы [228] идущих, хотя путь сей менее удобен и далее того, который будет пролегать от крепостицы, на Красноводском заливе устроенной. Заведение при Тюб-Карагане, думаю я, нужно будет и потому, чтобы впоследствии обладать

племенами туркменского народа, по всему восточному берегу обитающими, из коих одно, по недостатку хлеба, из крайности покорствуем хивинскому хану. Допустив таким образом возможность овладеть Хивой и Бухарией, ничто не может воспрепятствовать иметь выгодную и непосредственную торговлю с северной Индией, не разделяя оной с обладателями полуострова, которые мнят, что все богатства должны принадлежать им исключительно...

В сем рассуждении моем, не на одном правдоподобии основанном, я хотел только, изъяснить, к каким обширным предприятиям может проложить путь прочное на восточном берегу Каспийского моря заведение, но, обращаясь к цели умереннейшей и, конечно, более приличествующей настоящим обстоятельствам, скажу, что если правительству угодно сие заведение, то нужно скорее разрешение, благонадежного чиновника, тысячу человек пехоты и сильную крепостную артиллерию.

АВПР, ф. Гл архив 11—18, 1819—1869 гг, от. 8, д 1, лл. 16—19 об.

Подлинник.

№ 151

Письмо главнокомандующего на Кавказе старшинам туркмен-иомутов об отправке Александру I их прошения о принятии в подданство России

14 мая 1820 г.

Главкомандующий в Грузии, на Кавказской линии и в Астрахани, повелевавший народами, обитающими от берегов Черного до Каспийского моря, и главноначальствующий во многих областях, провинциях и ханствах здешнего края, дружелюбно приветствуя вас, знаменитые и высокопочтенные старшины славного храбростью и добродушием туркменского народа, желаю долголетнего здоровья и никогда ненарушимого благоденствия.

Уведомляю при том, что прошение ваше от имени всего народа иомутских туркмен, живущих у берегов Каспийского моря от Кюмиш-Тепе до Балхана, о принятии оногo под сильную защиту и покровительство ангелоподобного и могущественнейшего всероссийского государя императора получено мною в самое благополучное время. Высокопочтенный Кият-бек, исполненный многих отличных достоинств, объяснил мне обстоятельно все положение ваших дел. Могу удостоверить вас, мудрые старшины, что благие желания ваши приняты мной со всем должным уважением, так как самый выбор ваш в уполномоченные по сему делу столь благоразумной особы, как Кият-бек, истинно преданный пользам вашим и радеющий о благе народа, ясно уже свидетельствует об искренности ваших намерений. С моей стороны, сердечно желая споспешествовать благосостоянию иомутского поколения, я истинно расположен быть вам полезным. Но как желание ваше состоять под высокой державой великого и всемилостивейшего моего государя императора, коего милосердие подобно солнцу освещает и благодетельствует миллионам народов, зависит единственно от высочайшей его воли, то не могли теперь же приступить ни к каким распоряжениям в пользу вашу. Я по обязанности своей представил прошение ваше на [229] высочайшее благоусмотрение его императорского величества. О доброжелательстве же моем к вам и искреннем благорасположении вы можете судить как по благосклонному приему ваших поверенных, пользовавшихся здесь всем должным уважением, так и в особенности потому, что со всеподданнейшим представлением моим по делам вашим отправлен мной к высочайшему двору высокоблагородный и высокопочтенный гвардии капитан Муравьев, тот самый чиновник, который, быв в земле вашей, снискал ваше доверие и который лично может объяснить все обстоятельства. Между тем, зная, сколь вреден мог бы быть для ваших посланных жаркий здешний климат, для них непривычный, и заботясь о сохранении их здоровья, я сходно с собственным их желанием счел полезнейшим отправить их обратно с тем, что сколь скоро получится мной высочайшее решение по вашему делу, то в то же время не оставлю известить вас через нарочно посланного

чиновника. В прочем с особенным удовольствием заключаю сие усерднейшим желанием: да утвердит вас бог крепостью против всех врагов и да дарует храброму иомутскому поколению возвышение славы и прочное благоденствие.

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, лл. 96—97.

Копия.

№ 152

Решение Комитета по азиатским делам об отправлении экспедиции к юго-восточным берегам Каспийского моря и установлении дружественных связей России с туркменами-йомутами

[Не ранее 29 июня 1820 г.]

1820 г. июня 29-го дня Комитет по азиатским делам учрежденный, имел восьмое заседание, в коем присутствовал по высочайшему повелению и статс-секретарь граф Каподистриас.

В сем заседании был принят в соображение предложенный генералом от инфантерии Ермоловым проект относительно учреждения теснейших сношений между Россией и туркменцами.

По выслушании записок, составленных Министерством иностранных дел по оному предмету, в коих изложено равномерно существенное содержание донесения генерала Ермолова, Комитет нашел в принятых сим генералом мерах и в предложении его новый опыт благоразумного усердия, коим отличается управление его во вверенном ему крае, и единогласно признал удобным и полезным дать ход его предначертанию. В сем уважении, рассмотрев тщательно средства, могущие наиболее споспешествовать достижению цели, указываемой генералом Ермоловым, Комитет определил представить на высочайшее его императорского величества утверждение следующие заключения:

I. Генерал Ермолов будет уполномочен принять благосклонно объяснения поверенных, присланных к нему от иомутского поколения туркмен, и объявить им, что государь император, по милостивому своему расположению к оному народу, соизволяет на участие твердых и постоянных сношений как дружественных, так и торговых, подобно тем, кои существуют с прочими независимыми народами, обитающими в краях, ближайших к империи его величества.

[230] 2. Чтоб обеспечить прочность сих сношений и отклонить предварительно всякое возражение, к коему могли бы оные подать повод какой-либо державе, командующий в Грузии пригласит поверенных иомутского народа представить ему письменно их требования, в виде публичного акта, который они подадут от имени своих вверителей. Генерал Ермолов в ответ даст им в вышеначертанном смысле взаимный акт, облегченный приличными формами. Акты сии будут представлять некоторый род договора, обязующего туркменцев, и притом будут служить доказательством совершенного равенства выгод, обоюдными сторонами ожидаемым; необходимо нужно только иметь при сем наблюдение, чтоб акты те были составлены таким образом, дабы Россия ни в каком случае не имела надобности отречься [от] них.

3. Вверить распоряжению генерала Ермолова нужные средства для укрепления на восточном берегу Каспийского моря того места, которое признано будет удобным к установлению торгового сношения с туркменцами и которое представляло бы судам нашим безопасное и выгодное пристанище.

4. Чтоб определить, однако, с большей точностью на означенных берегах то место, которое в сем двойном отношении соединяло бы наиболее удобностей, возложить на генерала Ермолова предварительное отправление второй морской экспедиции для осмотра местоположений со всей подробностью и для тщательного в особенности освидетельствования заливов Красноводского и Киндерлинского. Министерство иностранных дел не оставит, со своей

стороны, сообщить ему все те сведения, кои имеет о восточных берегах Каспийского моря, дабы мог генерал Ермолов поручить поверку сих сведений на самых местах.

5. По возвращении означенной морской экспедиции, и по сведениям, которые доставит она, генерал Ермолов изложит свое мнение относительно довыбора места и составит смету как денежным суммам, так и воинским потребностям, в коих настоит надобность для постройки крепости, могущей вместить гарнизон, из тысячи человек состоящий.

Все сие будет доведено до сведения государя императора, и высочайшее разрешение, которое последует, сообщится в свое время генералу Ермолову.

6. Чтоб поставить командующего в Грузии в возможность послать ныне же к туркменам хлеб, в коем они терпят нужду, Министерство финансов ассигнует в его распоряжение из Астраханской казённой палаты двадцать пять тысяч рублей для закупки пшеницы и найма купеческого судна для перевоза оной. Хлеб сей будет продан туркменам по умеренной цене. Первый опыт такового предприятия покажет исчисление выгод, коих ожидать должно от обширнейших сего рода отправлений

7. Чтоб удержать иомутское поколение туркмен в благонамеренном расположении, которое ныне изъявляет, послать при отправлении хлеба и несколько подарков, состоящих из мануфактурных изделий, для раздачи старейшинам того поколения. Выбор и покупка подарков представляется усмотрению генерала Ермолова, для чего и ассигновать в его распоряжение десять тысяч рублей. (Об отпуске этих 10 тысяч и дополнительно 25 тысяч рублей на покупку хлеба для туркмен см. рапорт астраханского вице-губернатора А. П. Ермолову от 4 августа 1820 г. (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 155))

Комитет, признавая вышеизложенные меры достаточными на сей раз, поручил Министерству иностранных дел довести оные до сведения его императорского величества и, если удостоится высочайшего [231] утверждения, сообщить генералу Ермолову и привести в должное исполнение все прочие статьи сего положения.

Граф Кочубей
граф Гурьев
князь Чарторыйский

(В другом варианте этого документа (АВПР, ф. Гл. архив 11—18, 1819—1869 гг., оп. 8. д 1, лл. 52—54) вместо князя Чарторыйского значится князь Волконский)

граф Нессельроде
граф Каподистриас

АВПР, ф. Гл. архив 1—1, 1819—1869 гг., д. 218, лл. 2—6.

Подлинник.

№ 153

Рапорт лейтенанта Остолопова главнокомандующему на Кавказе о поездке в Красноводский залив

(14 августа 1820 г. комендант Бакинской крепости полковник Меликов доносил ген. А. П. Ермолову о благополучном возвращении транспорта «Пчела» из поездки в Туркмению (см. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 144).)

14 августа 1820 г.

По повелению (Речь идет о предписании Ермолова, в котором он требовал обходиться с туркменскими и хивинскими посланцами «со всем приличным уважением» не в пример тому грубому с ними обращению «при первом их следовании сюда». Далее в документе рассказывается о распоряжениях Ермолова русским властям в Баку по обеспечению закупок в Баку хлеба как для вывоза в Туркмению, так и то, что просят сами депутаты (АКАК, т. VI, ч. II, 1875 г., стр. 721—722)) вашего высокопревосходительства за № 136 мая 14-го дня туркменские

и хивинские посланцы высажены мной июня 8-го числа на берег в Балханском заливе в Балкуинской бухте благополучно. Кият-бек с вверенного мне транспорта от острова Челекена для исполнения возложенных обязанностей по службе отправился 22-го числа того ж месяца, при отправлении коему мною было объявлено, что по малоимению провианта транспорт долее быть в море не может 25-го числа июля, который со дня отправления был заготовлен на два месяца, но Кият-бек прислал ко мне из местечка Гасан-Кули переводчика Ивана Муратова с лошадьми 17-го числа июля, оный прибыл ко мне 30-го числа; Муратов донес, что Кият-бек все поручения вашего высокопревосходительства исполнил в точности, остался, имея все документы при себе, для окончания собственных дел и непременно намеревался отправиться после его через сутки; я с вверенным мне транспортом дожидаясь Кията по 9-е число августа, но малоимение провианта при всей соблюденной экономии и увеличивающееся число больных до третьей части рядовых чинов принудило осмелиться отправиться к крепости Баку, не дожидаясь Кията, нарочито зашедши к Челекенскому острову, где кочует семейство его; была послана шлюпка с переводчиком Муратовым. По возвращении оной донес, что не имеется никаких известий из Гасан-Кули, и потому решился следовать по определенному мною пути, равно долгом поставил поспешнее донести вашему высокопревосходительству известия достоверные, доставленные переводчиком Муратовым по прибытии из Гасан-Кули, что хивинцы объявили войну народу туркменскому и первое нападение ожидали в июле месяце в местечке Кюмиш-Тепе. С вверенным мне [232] транспортом и командой на бакинский рейд вчерашнего числа прибыл благополучно. Привезены: туркменец Якши-Мамед, сын Кият-бека, при оном двое туркменцев в прислугах, переводчик Муратов и шесть лошадей, кои представлены коменданту Бакинской крепости господину полковнику Меликову вчерашнего же числа; о чем вашему высокопревосходительству донести честь имею.

45-го флотского экипажа лейтенант Остолопов

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, лл. 150-151

Подлинник

№ 154

Письмо кавказского наместника Кият-хану об отправлении на родину его сына Яхши-Мухаммед-бека и с просьбой о прибытии Кият-хана в Баку

21 августа 1820 г.

Благоприятель мой! С крайним сожалением известился я, что военное судно, на котором вы отправились к туркменским берегам, не дождавшись возвращения вашего на оное, принуждено было по случаю оказавшегося недостатка в провианте и болезненного состояния матросов отправиться обратно в Баку без вас, с одним вашим сыном. Впрочем командиру судна после семидневного ожидания вас у берегов и когда он, нарочно для вас отбывши к острову Челекену, не нашел вас в своем семействе, вероятно, от того, что вы в сие время отправились берегом, не оставалось ничего более сделать, как поспешить возвращением. Ибо при умножении болезней в матросах он мог бы рисковать самым судном, коим некому было бы и управлять. С моей стороны беспокоясь в сем случае более тем, что вы можете усумниться насчет вашего сына, и желая доказать, сколь особенное имею к вам доверие, я поспешил вторично послать за вами военное судно, на котором сына вашего возвращаю к его семейству. Вас же, благоприятель мой, покорно прошу на сем судне поспешить прибытием своим в Баку. Ибо я, удостоясь от великого моего государя императора получить некоторые милостивые наставления относительно туркменского народа, имею особенную надобность в личном с вами объяснении. Примите в прочем уверение в том искреннем к вам уважении; с коим остаюсь истинно ваш усердный и доброжелательный... (Концовка документа дефектна)

№ 155

Записка кавказского наместника о подготовке экспедиции на восточное побережье Каспийского моря и просьбе Кият-хана отменить пошлину на ввоз рыбы в Астрахань

(1820 г.)

Народ туркменский поколения йомут, желая вступить в подданство Российской империи, просит, дабы правительство наше устроило на берегу, ими обитаемом, крепость и гавань, в которую купеческие суда [233] наши привозили бы им на продажу хлеб. Польза, могущая произойти во многих отношениях от заведения такого рода, признается правительством. Остается изложить меры и средства, нужные для успешного устройства предполагаемого.

Экспедиция 1819 г., отправленная поздно, не могла удовлетворить правительство полными сведениями насчёт восточных берегов моря. Первые изыскания на сих неизвестных берегах не могли иначе производиться, как ощупью, к тому же сношения с Хивой не позволили посланным чиновникам исследовать подробным образом всего до туркменов касающегося и утвердительно назначить то место, которое на восточных берегах моря удобное для устройства крепостицы. Казалось, однако, что Красноводск в Балханском заливе выгоднее других мест на сей предмет. Правительство не может приступить к построению выше упомянутой крепостицы, не имея подробных сведений о крае, вообще столь мало известном. Нынешним 1820 г. сведения сии могли легко собраться. Но медленность Министерства иностранных дел причиной, что жители Балхана, ожидавшие нашего прибытия, удалились к рекам Атреку и Гюргену или в Хиву.

Действия 1821 г.

Действия будущего 1821 г. должны начаться следующим образом. Чиновник, назначенный для исполнения видов правительства, должен сесть на суда, приготовленные в Баку в первых числах апреля месяца (См. также предписание А. П. Ермолова от 24 декабря 1820 г. командиру астраханского порта о подготовке судов экспедиции и их посылке в Баку. (ГААО, ф. 514, оп. 2, д. 2, л. 594)), и плыть прямо к Балханскому заливу, где он немедленно примется за съёмку Красноводской косы северного берега Балханского залива и островов, в заливе находящихся. Окончив, он должен обозреть берега южнее, до самого Астрабадского култука, и стараться побывать в самом Астрабаде или послать в сей город переодетого доверенного человека, который, узнав места, мог бы тоже разведать расположение жителей в сей области; посетив опять обратным путем островитян Балханского залива, должно продолжать путь к северу и обозреть Киндерлинский залив и удобства оного для заведения крепостицы, при сем познакомиться с народом чуждого племени йомутам, после сего, если время ещё позволит, то плыть к Мангышлаку и обозреть сей мыс, а оттуда возвратиться в Баку.

Экспедиция, отправленная в начале весны, успела бы произвести все предположенное в сей записке и ещё увеличить исследования восточных берегов моря по представляющимся обстоятельствам; но дабы успеть в сем, должно заранее взять меры.

Предварительные меры. Первая мера состоит в заготовлении пшеничного хлеба, который по большей части будет продаваться туркменам. Если же им дарить оный, то они привыкнут вменять нам сие в обязанность и будут так, как все ленивые азиатцы, воображать себе, что они нам служат и получают должное. Вероятно, что заготовление сего хлеба может скорее сделаться в Астрахани, чем в другом месте. С открытием мореплавания хлеб сей отправится в Баку; количество оного определится количеством денег, назначенных для сей закупки. (Хлеба намечалось заготовить в размере 500 четвертей (ЦГИА ГрузССР ф. 2 оп. 1, д. 31, л. 184))

Для нагрузки сего хлеба должен быть изготовлен купеческий шкоут или военный транспорт. Суда сии хорошо вмещают груз, к чему обыкновенные военные суда не способны; такого рода судно должно тоже принять военную команду, состоящую из 30 человек пехоты и одного [234] офицера, которая будет необходима в исследованиях берегов. С таким числом людей можно безопасно отправиться и на самые Балханские торы, на которых, по словам жителей, есть строевые леса.

Экспедиция будущего года должна отправиться на двух судах.

Одно военное и хорошо вооруженное, на котором будет находиться главный чиновник, а другое транспортное, для помещения команды и тяжестей, и потому должно заранее предписать командиру эскадры, чтоб суда сии были в совершенной исправности и готовности, чтоб они были запасены на шесть месяцев провиантом и дровами, водой же на сколько можно более времени...

Средства.

Средства, необходимые для удобного исполнения сего предприятия, состоят в следующем:

1) Должно начальствующему иметь должное количество подарков, состоящих из железа, сукон, шелковых изделий, холстов, юфт, ножей, бритв и всяких стальных вещей, зеркал, веревок, пороху, свинца, посуды и пр. и экстраординарную сумму... (Подробнее об этом см. в приложении к предписанию кавказского наместника исправляющему должность астраханского гражданского губернатора от 4 января 1821 г. (ЦГИА ГрузССР, ф. 2. оп. 1, д. 31, лл. 183—184))

Предположения на 1822 г.

Собрав, таким образом, нужные сведения, лето 1822 г. посвятится на приведение в исполнение проекта, составленного высшим начальством, для устройства крепостицы. (14 сентября 1820 г. А. П. Ермолов сообщил в своем отношении к К. В. Нессельроде о получении им 16 июля 1820 г. необходимых средств для проектируемых укреплений на острове Агыз-Ада и при Киндерлинском заливе на восточном берегу Каспийского моря. Далее он просил прислать планы указанных укреплений, без которых нельзя приступить «ни к какому действию». (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1819—1869 гг. оп. 8, д. 1, л. 77).) Тогда способы, представляющиеся самым краем, будут лучше известны...

Жители говорят, что на Красноводской косе можно разводить огороды, сеять арбузы и дыни и что там хорошо принимаются ивы и ветлы — весьма немалая выгода, — и если сие сказание справедливо, то в короткое время Красноводская коса может покрыться рощей... Нефтяные и соляные промыслы и теплые воды, имеющиеся на Челекенском острове, еще слишком мало известны нам, чтоб о них можно было основательно судить. Но поездка будущего 1821 г. должна все сие объяснить, она необходима. Успех же оной будет соответствовать мерам, которые примутся, и средствам, которые дадутся.

Просьба Кият-аги.

Поверенный туркменского народа старшина Кият-ага просит, дабы отменили пошлину, недавно наложенную на рыбу, которую привозили астраханские промышленники с юго-восточных берегов моря. С того времени, как сия пошлина наложена, рыбные ловли у туркмен прекратились, и они лишились тех выгод, которые от того имели. Сие понудило многих искать себе пропитание в Хиве и других местах; но дабы ловля сия была безопасна для наших промышленников, Кият-ага просит, чтоб ему исключительно позволено было снабжать наших промышленников рыбой и чтобы все торги с народом производились через него. Торговля сия ежегодно будет отправляться не более, как на двух судах, и не может быть весьма значительна. Кият-ага просит, чтоб ему в таком случае позволено было солить отсылаемую им рыбу своей солью, добываемой с Нефтяного острова. Народ, говорит он, будет тогда иметь настоящую причину признавать меня за старшего. Между тем он увидит преимущества, [235] полученные мной от российского правительства, будет мне повиноваться, и тогда я могу без сомнения обратить сие повиновение в пользу государя. Если правительство наше, предполагая завести

торговлю с туркменами, опасается понести убыток от сего, то первый опыт может быть сделан Кият-агой, он избавит нас через сие от хлопот и издержек, и народ его поневоле привяжется к нему. «Я предлагаю свои меры, говорит Кият-ага. Правительство само увидит: клонятся ли они к соблазну разбросанного бедного народа? Мои личные выгоды будут велики; но каким только средством, кажется мне, можно управиться с моими соотчичами». (Документ без подписи)

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп 1, д. 31, лл. 177—182.
Подлинник.

№ 156

Письмо командующего Отдельным кавказским корпусом Кият-беку о содействии экспедиции Н. Н. Муравьева, отправляемой на юго-восточное побережье Каспийского моря

26 марта 1821 г.

Высокостепенный и высокопочтенный Кият-бек, искренний мой благодетель. Г-н полковник Муравьев, вместе с вами долженствующий отплыть к туркменским берегам, отправляясь ныне в Баку, доставляет мне весьма приятный случай снова уверить вас в искренности моего к вам благорасположения и усердия. Правительство российское, испытав довольно личные ваши достоинства, благоразумие и прямую преданность как к высочайшему российскому престолу, так и пользам своих соотечественников, с уверенностью ожидает от вас самого ревностного содействия своим видам, клонящимся единственно к укреплению благосостояния и выгод доброго туркменского народа, удостоенного с то-ликим милосердием высокого покровительства его императорского величества всероссийского государя императора. Я прошу вас, благодетель мой, во время пребывания господина полковника Муравьева на туркменских берегах оказывать ему со своей стороны все нужные пособия к успешному исполнению возложенных на него от правительства поручений. Собственная польза ваша и благо туркменского народа требуют от вас такового содействия. Ничего при том не желаю я столько, как чтобы вы приобрели совершенную к себе доверенность (Доверие), любовь и повиновение своих соотечественников. Ибо правительству российскому, знающему цену ваших достоинств, весьма приятно иметь вас единственным посредником в намерениях своих водворить в туркменской земле, покровительствуемой Россией, счастье, покой и устройство. Г-н полковник Муравьев имеет поручение от начальства стараться также о пользах собственных ваших дел, доставляя по мере возможности всякие вам выгоды.

Что же касается до производящегося ныне в Астрахани дела вашего о деньгах (должны вам и некоторым из туркменских старшин), то я сам буду иметь попечение о сем деле и не премину доставить вам сведения о решении оною.

[236] При сем посылаю к вам погребец со всем чайным прибором. Прошу вас, благодетель мой, принять оный в память обо мне и как знак того отличнейшего к вам почтения и усердия, с коим навсегда остаюсь истинно вам доброжелательный.

ЦГИА ГрузССР, ф. 2 оп. 1, д. 31, т. 201
Отпуск.

№ 157

Из инструкции командующего Отдельным кавказским корпусом Н. Н. Муравьеву об исследовании восточного побережья Каспийского моря и укреплении дружественных взаимоотношений с туркменами

26 марта 1821 г.

Господин главнокомандующий в Грузии его высокопревосходительство Алексей Петрович Ермолов изволил предположить, дабы в течение нынешнего лета сделать новую экспедицию к туркменским берегам, как для приобретения яснейших понятий об их положении и удобствах к каким-либо заведениям, так и в особенности для отыскания выгодного места к построению крепости, которая туркменскому народу, ищущему покровительства России, могла бы служить защитой от его соседей и вместе обеспечивать складку российских товаров по случаю предполагаемого привлечения к сему месту хивинской торговли и открытия наших торговых сношений с разными обитателями восточных берегов Каспийского моря.

Употребление вас в экспедиции 1819 г. доставило правительству о разных поколениях туркменских народов и их соотношениях к своим соседям весьма полезные и основательные сведения, которые познакомили оное с краем, дотоле вообще мало известном. В сем же случае определенные на самом опыте отличные ваши познания, соединяемые с благоразумием и ревностным усердием к пользам службы его императорского величества, побудили господина главнокомандующего в Грузии избрать вас главным начальником для совершения сей новой экспедиции, вследствие чего поручаю вашему высокоблагородию с получения сего отправиться в Баку, где вы найдете в готовности два военные суда, назначенные в сию экспедицию, на которые, приняв пехотную команду бакинского гарнизона, назначенную в числе 50 человек при одном офицере, и из Ленкорана одно легкое полевое орудие с двойным комплектным количеством зарядов при 12 артиллерийских служителях, имеете немедленно отправиться к туркменским берегам.

Причем для руководства вашего в операциях, предполагаемых к вашему исполнению, я нахожу нужным, сообразно с волей господина главнокомандующего в Грузии, предписать вам следующее

1. По прибытии вашем в Красноводскую пристань немедленно заняться съемкой Красноводской косы, северного берега Балханского залива и островов, в заливе находящихся. Потом можете приступить к обозрению Балханских гор, на коих, по уверению жителей, имеется строевой лес. В помощь же вам для съемок и употреблений в разных по службе поручений командируются под распоряжение ваше весьма отличные артиллерийские офицеры господа подпоручики Рюмин и [237] Катани, которые вместе с вами и должны из Тифлиса отправиться в предположенную экспедицию.

2. По обозрении и съемке вышепоименованных мест, главнейшей обязанностью вашей будет избрать на оных и определить одно место, наиболее выгодное как по удобству пристани, так и по возможности иметь в изобилии хорошую пресную воду, для построения на оной крепости, долженствующей впоследствии помещать в себе российский гарнизон и разные товарные заведения.

3 Когда сии важнейшие предметы нынешней экспедиции будут вами основаны, то не оставьте предпринять обозрение Киндерлинского залива и острова Агиз-ада, а если время позволит, то можете также плыть на север и обозреть Александр-бай, Мангышлак, устье Эмбы и далее восточные берега Каспийского моря.

5. Туркменского старшину Кият-бека с сыном его, ожидающих вас в Баку, не оставьте взять с собой на суда и доставить в места их жительства. Не нужно упоминать мне о ласковом и уважительном с ним обращении ибо вы сами довольно знаете как достоинства его, так и ту пользу, какой правительство ожидает от его преданности к России. Прилагаемое при сем письмо (См. док. № 156) от меня на его имя имеет лично вручить ему в Баку с чайным погребцом, посылаемом ему от меня в подарок, который получит от казначея г. Майвалдова. Копия же с письма моего к нему прилагается здесь для вашего сведения.

6. При сношениях ваших с главнейшими старшинами и даже простым туркменским народом, старайтесь ласковым обхождением, также удовлетворением их просьб, не превышающих вашей власти и возможности, на случай обид кем-либо из вашей команды им нанесенных, поселить в сем народе добрую к вам веру, искренность и чистосердечное расположение к

российскому правительству. Причем, если начальники разных туркменских поколений, исключая признающих над собою зависимость персидского государства, сами добровольно изъявляют перед вами желание принять присягу на верность подданства его императорскому величеству, то не отклоняйтесь от такового их расположения и по обычаям той земли приведите их к присяге с приличным сему случаю торжеством; однако никакое с вашей стороны настояние о сем, а и того меньше принуждение, не должны иметь места.

7. Равным образом при добровольном желании старшин дать в залог своей верности аманатов, можете принять двух или не больше трех по выбору вашему из почтеннейших старшин или их детей, коих при возвращении из экспедиции возьмете с собою для пребывания их в Баку, где назначится им пристойное от казны содержание. Кият-беку, по мнению моему, гораздо для целей наших будет полезнее оставаться в месте его жительства, дабы он мог от туркменского народа более и более приобретать к себе доверенность и влияние на оный. Между тем для приобщения туркменцев признавать в лице его некоторую власть над собою и подчиненность ему, необходимо нужно, чтобы вы при сношениях своих с главнейшими старшинами употребляли Кият-бека во все дела и сами бы подавали им пример уважения к нему, как особе, пользующейся особенной доверенностью российского правительства, которое готово через его посредство доставлять всякие возможности для туркменского народа

8. Принять за нерушимое правило не приближаться к Астрабадскому култуку и никого не посылать в город Астрабад из вверенной вам команды, по каким бы то ни было поручениям, но даже и в самих туркменских [делах] при нынешних наших дружеских связях с Персией [238] стараться отклоняться [от] всякого на то покушения, как они по надежде на покровительства России вздумали бы паче чаяния предпринять и которые могли бы подать персиянам хотя малейшую причину подозревать в соучастии с ними российское правительство, ибо постоянная и неременная воля государя императора состоит в том, дабы всемерно сохранять святость заключенного с Персией мирного трактата (Имеется в виду Гюлистанский договор, заключенный между Ираном и Россией в октябре 1813 г.) и поддержать доброе согласие с сей державой.

9. Буде найдете кого-либо из туркменцев человека верного и скромного, то можете из одного любопытства послать его в Хиву для разведывания о происходящем там и для узнания о расположениях к нам хивинского хана, но отнюдь с вашей стороны не начинайте с сим владельцем никаких сношений. Если бы ж он сам сведал о нахождении вашем на туркменских берегах, прислал к вам людей с какими-либо поручениями, в таком случае посланных примите сколь можно ласково и, уверив их в самом искреннем расположении господина главнокомандующего в Грузии к их хану и желании его всегда продолжать дружественные с ним связи, отпустите их от себя довольными. На поручения же, какие к вам будут, если в них заключаться будет важность, не ответствуя ничего решительно [сообщите], что вы оные представите на усмотрение самого главнокомандующего. При том без затруднения согласитесь принять на суда посланцев от хивинского хана на случай, если бы он сам пожелал отправить таковых в Тифлис к господину главнокомандующему. Только в сем случае постарайтесь предварительно вывести о настоящих причинах такового посольства и отклонить оное под благовидным предлогом, в случае буде бы причины сии признаны, вами несовместными с достоинством империи, дабы избежать таким образом всяких открытых неудовольствия и разрыва в сношениях. Сверх того, примите меры, чтобы посольство сие, когда оное должно будет принять, не было, по обычаю азиатцев, слишком многолюдно, для отвращения излишних, со стороны казны на оное, издержек.

10. В рассуждении вещей, кои из Астрахани на военных судах будут к вам доставлены, также тех, кои вами самими будут в Баку искуплены, и 500 четвертей пшеницы, долженствующей из бакинского магазина погрузиться на суда, я предоставляю употребление оных собственному вашему усмотрению, то есть продать их туркменскому народу [по] умеренным ценам, не гоняясь за прибытками казны, и некоторую часть даже подарить им, буде, по соображению обстоятельств, вы признаете сие полезным для будущих предположений правительства...

12. Для приласкания тех из туркменцев старшин, коих наиболее нужно к нам привязать, отпускается для подарков им в ваше распоряжение потребное количество экстраординарных вещей, кои по прилагаемому при сем реестру изволите принять от господина казначея Майвалдова, вместе с 150 руб. серебром, назначенных мной на покупку вами в Баку разных мелочных вещей, нужных для продажи туркменцам...

14. Для письменных дел на татарском языке позволяю вам из Баку взять одного мирзу, (*Мирза — писарь, грамотный человек.*) которому вместе с переводчиком Муратовым назначьте пристойное, по усмотрению вашему, содержание из экстраординарной суммы, а в случае недостатка в оной можете употребить и ту сумму, которая будет вами выручена за продажу хлеба и разных вещей туркменскому народу.

В заключение же мне весьма приятно присовокупить, что начальство [239] от известных ваших талантов, предусмотрительности и ревностного усердия к пользам службы его императорского величества с уверенностью будет ожидать успехов от сей, начальству вашему порученной экспедиции, и надеяться совершенно, что ваше высокоблагородие ничего со своей стороны полезного и достойного уважения не упустите из виду, тем самым общите (*Обеспечите*) к себе признательность высшего правительства.

Генерал-лейтенант Вельяминов.

ЦГВИА, ф. 483, д. 6, лл. 1—6.

Копия.

№ 158

Рапорт Н. Н. Муравьева командующему Отдельным кавказским корпусом о ходе экспедиции на юго-восточное побережье Каспийского моря

(Материалы экспедиции Н. Н. Муравьева (1821 г.) полностью были опубликованы в журн. «Русский архив», 1888 г., № 1, 2 и 3. Поэтому в данный сборник вошло незначительное количество документов.)

27 июля 1821 г.

Имею честь донести вашему превосходительству об успехе возложенного на меня поручения. 25-го числа прошлого месяца я снялся с якоря с бакинского рейда. 28-го числа к вечеру после благополучного плавания прибыл к южному берегу острова Нефтяного, где кочуют туркмены в числе 80 семейств, находящихся в повиновении Кият-аги, мне надобно было сперва направить путь свой к сему месту для того, чтобы разведать о поколениях, живущих на Красноводской косе и в других местах Балханского залива, к тому же Кият хотел видаться с родными и должен был распорядиться в сем месте для привлечения в Красноводск нужных мне проводников из обывателей.

Дабы не упустить сего времени, я занялся обзором острова и кончил почти совсем инструментальную съёмку одного; отправившись сухопутно на северный берег Нефтяного, я отпустил суда кругом, на северной оконечности косы, идущей от острова, сел на транспорт «Кура» и поплыл к балханским колодцам, находящимся верстах в пяти от начала Красноводской косы на северном берегу залива.

На острове Челекен, или Нефтяном, нет ни одного места, на котором была бы возможность иметь заведение. Сами жители нуждаются в воде и в малом количестве добывают горную и негодную к употреблению воду из колодцев; богатые нефтяные и соляные промыслы заслуживают особенного внимания. Беспечные и ленивые туркмены, трудящиеся только тогда, когда голод их к сему принудит, добывают ежегодно до 60 000 пудов нефти, которую променивают персиянам за хлеб, но они обрабатывают, по мнению моему, самую малую часть богатства своего. Солёное озеро имеет полверсты в поперечнике, соль в нем очень хороша, прежде вывоз оной был довольно значителен, с тех же пор, как нашим судовщикам запрещено на него

ездить, то промысел сей остановился, ибо персияне астрабадские не нуждаются в соли. Прежде же соль сия продавалась по одному рублю серебром за 23 пуда. На [240] Челекене имеются ещё ручьи теплых соленых вод, которые, по словам жителей, считаются целительными. При чем имею честь представить вашему превосходительству образцы камня, похожего на антимонию, (*Антимоний — сурьмяной блеск, природная сернистая сурьма*) коего на вершинах Челекенских гор много находится, также и кусок соли, имеющейся на Красноводской косе.

18-го числа сего месяца я подвинулся к Красноводской косе для избрания по восточному берегу оной удобного места, где бы я мог укрепиться и начать съёмку. Я остановился верстах в восьми на юг от начала косы и обвелся каменной стеной с четырьмя круглыми бастиянами, которые я накрыл мешками, насыпанными песком. Я должен был взять сии меры потому, что здесь слух носится, что туркмены отдаленных поколений будут нападать на нас по внушениям хивинского хана, до прибытия моего они точно грабили кочевья иомудов и потому последние удалились большей частью к Астрабаду; оставшиеся здесь обыватели в большом количестве живут в страхе и укрываются на косах. Слухи о нападениях, готовящихся на нас, могут быть ложны, но менее того, я счёл за нужное посвятить несколько дней для построения укрепления. Место, которое я избрал, находится почти на середине косы, так что можно равно уходить с инструментом на обе стороны, не отдаляясь от пристанища. Для большей же безопасности в случае нападения я сгрузил с пакетбота (*Пакетбот — почтовое судно*) четыре орудия, которые и поставил в выстроенные бастияны. Через несколько дней я приступлю к съемке Красноводской косы.

Позднее отправление мое было причиной, что привезенная мной пшеница не продавалась по выгодной для казны цене. Персидские расшивы привезли до прибытия моего на Нефтяной остров много хлеба и я отдавал пшеницу по 16 пудов за червонец. Можно бы несколько поболее выручить за сей хлеб, но, следуя предписанию вашего превосходительства, я не искал прибытков, тем более, что хлеб сей, назначенный в подарок туркменам, продавался единственно для того, чтобы жители не считали нас обязанными продовольствовать их, в последствии времени. Прочие товары, полученные мной из Астрахани, продаются туркменам тоже по умеренным ценам; по возвращении моем я буду иметь честь представить вашему превосходительству подробные отчеты по сему предмету. Отправляя с сим транспорт «Кура» в Баку за остальными 250 четвертями хлеба, я предписал командиру оного, господину лейтенанту Юрьеву, дабы он дождался повеления вашего превосходительства; по возвращении его, предприму путешествие на Балханские горы. Обзорение сих гор необходимо. До сих пор я еще не нашел места, которое бы можно было назвать выгодным. Я показал возможность укрепиться на здешних берегах и жить на оных, но сие сопряжено с большими трудами и неудобствами. Балханские же горы, по словам жителей, представляют мною средств для предполагаемого заведения. Но путешествие на них не совершенно безопасно.

Прошу покорнейше ваше превосходительство усилить отряд, при мне находящийся, ещё десятью отборными пешими казаками, которые бы имели при себе хорошее оружие и седла, дабы в случае нужды обеспечить отряд свой разъездами. Люди сии могли бы прибыть ко мне на транспорте «Кура», ожидающем ваших повелений в Баку. Они бы заменили и больных, которых теперь хотя и нет, но в последствии времени должно ожидать.

Я надеюсь нынешним летом успешно кончить поручение и доставить начальству подробные сведения о здешних берегах, но не [241] возвращусь прежде глубокой осени. Господа флотские офицеры содействуют мне в трудах, усердие их заслуживает внимания вашего превосходительства. Осмеливаюсь покорнейше просить вас, дабы вы поощрили капитанов судов флота господ лейтенантов Ратькова и Юрьева предписанием вашим, в котором бы вы изъявили всем господам офицерам, в особенности же командиру обеих судов Ратькову, благоволение.

Старшина Кият-ага всеми силами старается заслужить милости, оказанные ему в бытность его в Тифлисе, он просит покорнейше ваше превосходительство, дабы вы приказали известить его о решении его дела в Астрахани, буде оно кончено. Нынешние обстоятельства его по словам его,

несколько затруднительны. Астрабадское начальство уговаривает его оставить нас, угрожая ему в противном случае; сие весьма вероятно, но может быть, что он увеличивает опасность для того, чтобы его взяли в Баку при отплытии моем на место других старшин для залога. Можно бы уменьшить его содержание, если вашему превосходительству угодно будет сие. Он не издерживал половины положенного ему содержания в бытность его в Грузии. Я буду ожидать на сей счёт разрешения от вашего превосходительства. (Документ без подписи.)

ЦГВИА, ф. 483, д. 6, лл. 11—13 об.

Копия.

№ 159

Из рапорта Н. Н. Муравьева командующему Отдельным кавказским корпусом об осмотре Балханского залива и старого русла Аму-Дарьи

22 ноября 1821 г.

По отбытии транспорта «Кура» из Балханского залива, я занялся съёмкой Красноводской косы, под прикрытием части отряда при мне находившегося. Между тем остальные люди занимались устраиванием укрепления, о заложении коего я имел честь доносить вашему превосходительству рапортом (См. док. № 158) от 27-го числа прошедшего июля месяца за № 66. Мера сия оказалась нужной, ибо в непродолжительном времени окрестности укрепления моего были посещены тридцатью туркменами поколения теке, подвластного Хиве и живущего близ ханства...

Транспорт «Кура» прибыл в Красноводск 4-го числа сентября месяца. Несколько дней я готовился к походу на Балханские горы. 16-го числа я пустился в путь северным берегом залива, я шел с командой сухим путем, суда же равнялись со мной и ложились на якорь против моих ночлегов. Как скоро глубина не позволила судам далее идти, я переправился на остров Дарджу и пошел северным берегом оною, до старого русла реки Аму-Дарьи, прежде впадавшей в залив. Путь был дальний и, по словам жителей, сопряжен с опасностью, и потому я решился усилить свой отряд 25 отборными матросами с лейтенантом Юрьевым, коему я поручил начальство всего отряда...

Актам, или русло Аму-Дарьи, остановило дальнейший путь мой, в сем месте оно довольно глубоко, вода в нем необыкновенно солена. Я находился почти в 100 верстах от судов, надобно было продовольствовать водой отряд, состоявший из 50 человек, ибо ко мне пристало много обывателей, желавших показать свое усердие.

[242] Верблюды везли орудие и воду, коей у меня оставалось едва только на пять дней. При том же слухи носились, что с часу на час мы должны ожидать нападения от туркмен поколения гоклен, посланных астрабадским ханом, я сделал паром [и] через стоящую со мною воду Аму-Дарьи на бочёнках стал переправлять людей на другую сторону но, видя медленность сей переправы, которая бы продлилась два дня если бы со всем отрядом пошел, я решился отобрать 30 человек лучших стрелков и 10 туркмен и послал их с лейтенантом Юрьевым и подпоручиком Рюминым и Катани на Балханские горы, а сам остался для прикрытия переправ с орудием и остальными людьми у Актама. Чрез два дня посланные мною возвратились благополучно, достигнув вершины гор Балханских и нашедши хорошую пресную воду. Немедленно я отправился назад. 13-го числа октября я остановился лагерем на западной стороне полуострова Дарджи и соединился с судами, которым назначил сборное место около кочевья. Тут я провел несколько дней, делая подарки жителям, которые во все время усердствовали на службе по внушениям Кият-аги.

Отсюда я поплыл на гребных судах к южной части Балханского залива для открытия другого устья Аму-Дарьи, но сильная погода заставила меня возвратиться и я окончил съёмку острова Челекена. Окончив занятия свои в Балханском заливе, мы провели более недели близ

Балкуинского колодца, где наливались водой и пекли хлеба. 7-го числа ноября я остановился при въезде из Балханского залива в Красноводском култуке, против остатков укрепления, построенного в царствование Петра Великого, для точнейшего исследования сего места, казавшегося мне единственным по всему заливу, где бы возможно было иметь заведение. Мне надобно было также сделать ещё несколько промеров в сем месте. Через три дня я окончил занятия свои и по сношении с командиром обеих судов господином лейтенантом Ратьковым, представившего мне затруднения в следовании к Киндерлину (**Киндерлинскому заливу**) как по причине позднего времени, так и по недостатку в провианте, я решился прекратить действия экспедиции и возвратиться в Баку...

Я привез в аманаты сына Кият-аги — Яхши-Мамеда, того самого, который находился в прошлом году в Тифлисе. Отец его, помня милости, коими он был осыпан в Тифлисе, истинно привязанный к нам и не имеющий другого убежища от гонений персиян, как Россия, всячески старался служить в пользу видам правительства, при сем имею честь приложить к вашему превосходительству письмо от него. (**См. док. № 160**) Власть его в народе, основанная на доверенности, ныне прибавилась, он располагает жителями Челекена и островов в Балханском заливе и имеет значительное влияние в советах старшин туркменских, живущих на Атреке и Гургене; персияне угнетают их и хотят привести в совершенное повиновение. Народ страждет и с нетерпением ожидает заверения нашего, дабы оставить границы Персии и поселиться около Балхана, где ныне не могут они жить, страшась набегов теке, подвластных Хиве. Я не имел никаких сношений с Хивой, ибо посланный мною лазутчик воротился с половины дороги, опасаясь хищников и самого хана.

Пшеница и вещи, привезенные из Астрахани, проданы туркменам по умеренным ценам. Отчёты в деньгах и вещах я буду иметь честь представить вашему превосходительству по прибытии моем в Тифлис. (**Документ без подписи**)

ЦГВИА, ф. 483, д. 6, лл. 7—10.

Копия.

[243] № 160

Прошение Кият-хана командующему Отдельным кавказским корпусом об оказании помощи туркменам-йомутам Прикаспия для отражения грабительских нападений хивинских ханов и каджарских шахов

[1821 г.]

Вступив уже я с родственниками и приближенными моими под высокое покровительство Российской империи, желаю служить вам, жертвуя собой и состоя в подданническом повиновении, оказывать услуги не только по возможности моей, но ещё превышающие её взамен таковой вашей ко мне милости. Почему я, исполнив по всей возможности моей все то, что мне приказывал господин полковник Муравьев, которым, как известным обо всем, я полагаю, уже вашему превосходительству донесено. При чем имею честь вам донести, что находящиеся на Челекене, Гургене и Атреке йомутские народы терпят страх и притеснение от астрабадцев и хивинцев, так что всякий день их беспокоят и желают привести их в повиновение себе. Словом, они хотят достать их в свои руки, нам же, кроме вас, нет другой надежды и покровителя, день и ночь нетерпеливо ожидаем, будет ли когда-либо начальник, чтоб один начальник был сюда прислан и поставлен на здешних границах, по которому бы мы могли безопасно жить от неприятелей и быть в спокойствии и тишине под защитой того начальника. В прочем народ нашей юрты (**Правильнее «нашего юрта»**) в крайнем положении. Если счастье наше не подействует и от вас не будет прислан в нашу юрту доверенный начальник, то мы должны отдаться на расправу жаждущим крови нашей соседям, а семейства наши отдадутся им в плен, оставаясь навсегда с кровавыми слезами, и прежде всех я буду истреблен. Если вам

угодно, чтоб я собрал рассеянных туркменцев и вручил всех их прибывшему сюда начальнику, то хорошо, а если сего быть не может, то просьба моя в том состоит чтоб в обширных землях ваших отвести мне один небольшой угол, дабы привести мне туда семейство свое под покровительство ваше и не узнать уже лица неприятеля, молясь день и ночь о долгоденствии великого государя императора. Ныне посылаю к вам сына своего Яхши-Мамеда, который имеет остаться под властью вашей, так как я и сын мой — подданные его величества, — подобно солнцу освещающему, и правосудному всемиростивому государю императору. Молю только бога, чтоб он даровал мне жизнь и не умереть мне прежде, нежели удостоюсь лобызать лучезарный престол великого государя, а после хотя умереть не жаль мне.

При том осмеливаюсь донести вашему превосходительству, что прежде сего изволили вы повелением своим меня уведомить, чтоб в рассуждении армянина Авета был я уверен, и хотя надеюсь, но за всем тем еще напоминаю, что сие не было забыто из счастливого сердца вашего. В прочем прошу бога продолжать дни и начальствование ваше на долгие времена.

Приложена печать

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 271.

Перевод с туркменского

[244] № 161

Прошение туркмен Прикаспия главнокомандующему на Кавказе о развитии торговли с Россией

[1821 г.]

Сделанное вами по своей щедрой милости по делу нашему распоряжение, присланное к нам, мы получили через Кият-хана и Аллаберди; вместе с тем, что вами было нам пожаловано, и мы, на все повеление ваше согласясь, учинились вашими подданными и исполнителями ваших повелений. Хотя мы учинились ныне вашими подданными, но, с одной стороны, от персиян, с другой стороны, от текинского народа, с третьей стороны, от узбеков мы покоя не имеем, остаемся только по бога всевышних, **(Так в документе)** в надежде на вас и в ожидании вашего повеления. Повелеть, дабы купеческие суда приезжали сюда и отъезжали и мы могли начать торговлю, покупать потребности как жизненные, так и прочие и построить свои юрты. Тогда уже другой заботы у нас не будет. Просьба наша состоит в том, что нами препоручено Кият-хану. Какое будет от вас повеление, объявленное Кият-хану, мы тому покорны и имеем исполнить. Другого слова у нас нет. Приказать открыть челекенскую нефть и соль к удовлетворениям нашей нужды, получая оные от купцов. Во всем доверенность мы дали Кият-хану и просим, откуда вам будет угодно приказать покупать в год по два или три... **(Документ в этом месте сильно поврежден)** за деньги и доставлять сюда, во всем от нас доверенность имеет Кият-хан, и что им угодно будет, мы согласны. Остаемся за вас богомольцы.

Приложена печать.

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 272.

Перевод с туркменского.

№ 162

Из записки Н. Н. Муравьева о туркменах восточного побережья Каспийского моря

(Документ дается в виде извлечения)

[1821 г.]

Население. В 1821 г. на Челекенском острове не жило более ста семейств туркмен; они могут

называться постоянными обывателями оного. Они не имеют почти никакого скотоводства. Несколько тощих верблюдов пасется по бесплодным степям острова, баранов держат мало, а лошадей совсем нет.

Главный и единственный промысел сих иомудов отрасли шереб состоит в черной нефти, коей вывозится ежегодно около 30 тысяч пудов в Персию, они выменивают сию нефть на пшеницу, сорочинское пшено и различные материи для одежды; вывоз сей производят они на своих киржимах, плоскодонных судах с одним большим парусом, которые поднимают по 300 тулуков (Тулук (бурдюк) — мешок из шкуры животного для хранения жидкостей) нефти. Сверх того приезжает почти всякий [245] год по два и по три персидские сандала или купеческие суда из Мазандерана, нагруженные хлебом, которые выменивают его в Челекене на нефть. Когда же туркменам случается продавать сию нефть за деньги, то они получают по одному рублю серебром или по два реала за двадцать три пуда. Промысел сей мог бы гораздо увеличиться, но беспечные туркмены мало трудятся. Они вырывают новые колодцы и не обделывают их, так что края оных обваливаются. В иных местах имеют они большие ямы, в коих нефть никогда не истощается, сколько бы ее ни брали, — они называют места сии анбарами, из коих вытекают речки соленой и теплой воды, смешанной с нефтью. Весь хребет гор, начиная от западной оконечности Чахрака до западного берега моря, нефтяного свойства. Колодцев тут множество и старых и новых. По словам жителей, их считают до трех тысяч. Если сие и увеличено, то не менее того. Нет сомнения, что с малым тщением и трудом можно бы их гораздо более сего иметь, и промысел сей мог бы сделаться из богатейших. Число киржимов, имеющих на Челекене, простирается до тридцати, сверх того приезжают туда ещё сего промысла киржимы из Гасан-Кули.

В Челекене есть ещё одно произведение, которое туркмены добывают из земли и называют нефтахиль. Оно имеет все свойства нефти кроме жидкости. Добывается в твердом виде, черного цвета и служит обывателям для освещения. Прежде продавалось сие произведение в Хиву и Бухарию, но ныне торг сей прекратился.

На горах Челекенских находится ещё в довольном количестве сыпучая цветная земля, которая может быть употреблена для крашения темным кирпичным цветом.

Главные колодцы нефти принадлежат трем хозяевам, они переходят из рода в род. Сия собственность не утверждена письменными свидетельствами, но изустные предания, уважаемые в сем народе до чрезвычайности, доставляют потомкам бесспорное владение в имуществе предков. Прочие колодцы вырываются всяким желающим трудиться без малейшего воспрещения, ибо вся почти цепь гор производит нефть.

Главная пристань обывательских киржимов находится на южной стороне острова. Сии суда при способном ветре ходят очень скоро, но на веслах не могут почти совсем подвигаться. Они вмещают до сорока человек, перевозят туркмены также лошадей и верблюдов.

На них отправляются они также для нападений, делаемых ими на берегах Мазандерана и Астрабада. Неожиданные нападения сии, которые могли бы быть ужасны для персиян, если бы ими управляло единокудие, весьма неважны. Туркмены сажают по пяти всадников с лошадьми в каждый киржим и пристаю ночью к берегам Персии, куда конные съезжаются за добычей и прежде рассвета возвращаются. Иногда пускается до четырех киржимов вместе на разбой, но ныне и сии разбои уменьшились, ибо персияне берут всевозможные меры для приведения туркмен в совершенное подданство. Жители Челекена по отдалении своему от Персии не подвержены власти персиян; занимаясь более торговлей, они мало обращаются к воровству.

Кият-ага, преследуемый персиянами, поселился между жителями Челекена. Видев пользу образования и общественного порядка, он старается обратить соотчичей своих к трудолюбию, согласию и повиновению одной власти. Он успевает понемногу в своих намерениях, и народ челекенский, если не из страха, то из уважения и привязанности, повинуется ему... (Опущено описание рельефа Красноводской косы)

В северной половине косы видно много солончаков и одно озеро с хорошей солью розового цвета, имеющее около полуверсты в [246] поперечнике; оно составляло прежде некоторую

промышленность для обывателей, когда русские суда приходили на их берега за солью, но ныне как сие запрещено, то и озеро сие остается без употребления и довольствуется только малым потребностям обывателей.

По всей Красноводской косе нет ни одной речки, но она имеет в некоторых местах пресную воду в колодцах. Вода сия преимущественно находится разных вкусов по западному берегу косы. При начале её находятся колодцы Сегрешем, издавна вырытые, около них всегда кочевали туркмены, но ныне оставили сие место, опасаясь набегов туркмен поколения теке, которые их не один раз разоряли. Тут засевали даже арбузы и дыни, которые очень хорошо принимались...

На сей оконечности Красноводской косы всегда кочевало до 40 кибиток туркмен разных поколений, которые жили рыбной ловлей. В конце 1821 г. кочевье сие удалилось и разбрелось по островам Балханского залива, дабы быть в безопасности от нападения теке. Вероятно, что на будущий год, когда сей страх пройдет, они снова поселятся тут и займутся своим старинным промыслом... (Опущено географическое описание окрестностей Красноводского и Балханского заливов)

Весь северный берег Балханского залива не имеет ни лесу, ни кустов, ни земли, ни воды, кроме Балкуинских колодцев, выше описанных, но далее в степи имеются колодцы с хорошей пресной водой. Также и места, в которых можно засевать огородные овощи.

Бедная страна сия была населена прежде многочисленным поколением туркмен эрсари. В 1819 г. кочевало в сем месте близ тысячи, а может быть и более семейств йомутов, ищущих подданства российского; но в 1821 г. не оставалось уже никого из них. Боясь нападений туркмен, сильных поколений теке и гоклен, грабивших их по приказаниям ханов хивинского и астрабадского, они удалились от сих мест, часть переселилась в Хиву, где и вступила в подданство властолюбивого Мамед-Рахима, часть уже перешла к границам Персии и расположилась кочевьями на берегах рек Атрека и Гюргена, где они пасут стада свои, злобствуя на персиян, иногда покорствуя им, иногда грабя их, но всегда ожидая прибытия русских, дабы занять опять окрестности Балхан и обратить на себя внимание нашего правительства.

Сухопутные сообщения по всему северному берегу Балханского залива затруднительны от безводья; настоящих дорог нет, но от Балкуинских колодцев идет тропинка, называемая дорогой в Хиву; по ней ходили всегда караваны в большом количестве; она поднимается верстах в двух от моря на утесистую гору, заключающую с восточной стороны Балкуинскую равнину, а там идет степью на колодцы Сюлмек, Сюйли, Туер в близком от Кара-Бугазского залива расстоянии.

В вышеописанных горах водятся волки, лисицы, дикие козы, а иногда бывают и барсы, заходящие с Балханских гор, где, по словам жителей, их большое множество.

Весь берег вообще имеет вид дикий, не плодороден и не представляет никакого удобства для населения. Прежде кочевавшие на оном туркмены несколько оживляли сии места, но ныне представляют они печальный вид обширной пустыни, забытой богом и людьми... (Опущено географическое описание острова Даг-Ада, полуострова Дарджи к старого русла Аму-Дарьи).

На степях Дарджи паслось в 1821 г. довольно количество верблюдов, принадлежащих жителям кочевья, расположенного около моря между мысами Ат и Чадыр-депеси.

Кочевье сие состояло из пятидесяти кибиток, все почти поколения их; слабое племя сие живет в дружбе с обывателями Челекена.

[247] Старшина у них был Мулла Каиб, человек умный и бойкий, коего советы и даже приказания принимались с уважением в народе.

Однако же осенью 1821 г. пятьдесят семейств удалились из Дарджи, опасаясь нападений туркмен поколений теке и гоклен. Мулла Каиб хотел пробраться с большей частью своих единоплеменников в Мангышлак, а оттуда в Хиву и поселиться в ханстве. Некоторые перешли на остров Даг-Аду, а остальные в Челекен. Люди сего кочевья уважают Кият-агу и признают отчасти власть его. Они имеют много родственников, живущих около Кара-Бугаза, и потому влияние их [на] в малом числе оставшихся жителей около Балханского залива довольно

значительно. Они живут порядочнее и в большем довольствии, чем обыватели Красноводска и имеют между собой людей, испытанных в проворстве и храбрости.

Настоящий промысел их состоит в продаже нефти, которую они добывают на острове Челекене. Иные ловят рыбу, но в малом количестве, некоторые проводят время свое на охоте в Балханских горах. Общественные должности их состоят в содержании караула близ Ак-тама и в доставлении кочевью пресной воды из Балкуинских колодцев. Очень многие отправляются на лодках для ловли птиц, которые покрывают необозримыми стаями воды Балханского залива между Красноводскою косою и мысом Упрак. Они бьют их палками и часто питаются одним мясом их. Денег вообще бывает немного у туркмен, и они выменивают нужное им большей частью на нефть, верблюдов и баранов. Сих последних, бывает очень мало на Дардже и те, которые там находятся, очень худы, потому что на всем полуострове не имеется пастбищных мест; верблюды же довольствуются всякой пищей, могут держаться в сих бесплодных степях. Терпеливое животное сие поддерживает бытие ленивых и беспечных хозяев своих, которым не было бы никакого средства для существования без него... (Опущено географическое описание Балханских гор)

У подошвы ее идут дороги из Астрабада и из владений теке. Когда берега Балханского залива были населены кочевьями, то сим местом часто ходили торговые караваны, ныне же они служат путями хищникам, приезжающим из Аркача — столицы текинцев.

На Балхане паслись прежде конские табуны туркмен. По сему ещё не должно заключать о богатых пастбищах той страны. Лошади туркменские пасутся тоже в бесплодных степях и питаются почти тем же, чем и верблюды. Отличная порода сих жеребцов не имеет, может быть, себе подобной в свете, они соединяют в себе силу с красотой, проворство с терпением, пробегают ужасные безводные степи, проводят по двое и по трое суток без воды и довольствуются самой бедной пищей. Можно сказать, что сие создание есть самое благородное во всей Туркмении...

Туркмены не живут сами в Балханских горах. До 1820 г. укрывался в них многие годы один старец с двумя сыновьями. Он славился разбоями. Боясь мщения от своих соотчичей, которых он много побил и разграбил, он не смел показываться в их кочевья и жил одной ловлей. Теперь же оставил горы и переселился в Хиву.

Туркмены, любящие украшать старинные предания баснословными рассказами, говорят много чудес о сих горах, о развалинах городов, имеющих в них, о крепостях, о славных чародеях, живших в сих скалах. Рассказывая о них, они принимают таинственный вид возбуждающий любопытство путешественника...

Архив АН СССР, ф. 157, оп. I, д. 129, лл. 29—47 об.

Копия.

[248] № 163

Свидетельство, выданное штурманом В. Ф. Барановым Кият-хану о помощи, оказанной им экипажу потерпевшего кораблекрушение шкоута «Св. Иоанн»

1 июня 1822 г.

Дано сие челекенскому владельцу хану Киятову (Имеется в виду Кият-хан (он же Кият-бек, Кият-ага)) в том, что прошлого 1821 г. от Комитета учреждений в Астрахани по пересылке казенного провианта на вверенном мне по распоряжению начальства шкоуте «Св. Иоанн», принадлежащем из персиан купцу Аджи Абдуллаеву, транспортировал я морем в крепость Дербент для сухопутных войск провиант: во время этой транспортировки означенный шкоут унесло противными сильными бурями к туркменским берегам, где между Кара-Бугазским и Красноводским заливом от жестоких бурь и штормов потерпел крушение, шкоут выкинуло близ берега на мель, разбило. Сие случилось 30 ноября 1821 г. (Подробности о спасении

челекенскими туркменами экипажа шкоута «Св. Иоанн» см. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 1003, лл. 5, 12, 13—14, 33, 35; Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 2697, лл. 1, 2, 5, 8—10, 13—16 и т д.).

В таком несчастном случае, зная, что на этом месте, где выкинуло и разбило шкоут, обитают хищные народы, и известно было, что оттоль не слишком далеко на Нефтяном (Челекенском) острове проживает преданный к российскому начальству Кият-хан, решился я с унтер-офицером и одним матросом на двухвесельной будерке, бывшей при шкоуте, пуститься морем в путь 10 декабря и по милосердию божию 19-го числа того же месяца достиг благополучно Челекенского острова, где явился к хану Кияту с просьбой о принятии соучастия в помощи к спасению шкоутского экипажа.

Хан Кият, лишь только выслушав предложение мое, немедля собрав четыре киржима с 60 человеками вооруженными, из числа подданных своих туркмен, отправился сам лично с сыном своим Кадыр Мамедом, взяв и меня с помянутыми людьми, к месту погибшего шкоута; там по прибытии нашем [оказалось] хищных хивинских подданных вооруженных туркмен более пятисот человек, коими бывший на шкоуте провиант весь разграблен и команда, бывшая на берегу, заключающая семь человек матросов и одного рядового дербентской инженерной команды, взята в плен.

Кият-хан, видев такое множество народа, в невозможности приступить к взятию от них награбленного силой, но старался просил убедительно и даже с угрозой требовал возврата, наконец, просил их, хотя бы выдали ему людей пеших, взятых ими в плен, почему из числа восьми обратили только два человека матросов и с тем возвратились в Челекен, где я с четырьмя человеками шкоутной команды, спасшихся от кораблекрушения и плена, находились под покровительством его, Кият-хана, с 26 декабря 1821 г. по 1-ое число июня 1822 г. который по душевному к нам расположению содержал нас собственным своим иждивением как пищей, так и одеждой, имел об нас попечение, вспоможествуя во всем, так что во время приключившейся мне от простуд тяжелой болезни он сам лично пользовал меня следующими средствами: 1) производил тузлучные пары, 2) почерневшие и распухшие ноги исчерчением бритвою на теле больных мест с натиранием мелкой солью и 3) приложением каленым железом, через каковые [249] средства получил я скорое облегчение и совершенно, при помощи божией, попечением его, Кият-хана, освобожден от смертельной болезни. После этого он ныне отправляет меня с упомянутыми унтер-офицерами и тремя человеками матросов на шкоуте, бывшем там на рыболовстве, в крепость Баку.

Итак, я, по неограниченным благодеяниям и покровительством его, Кият-хана, спасен от хищнического плена и от смертельной болезни, то в обязанность себе поставлю все это изъяснить в свидетельстве и выдать оное ему, хану Кияту, за своей подписью.

Местечко Челекен. Штурман Василий Федоров Баранов.

АВПР. ф. гл. архив 1—9, д. 12, лл. 52—54

Подлинник

№ 164

Предписание командующего Отдельным кавказским корпусом командующему Каспийской эскадрой капитану 2-го ранга Рубановскому о запрещении частного вывоза нефти и соли с острова Челекен

24 октября 1822 г.

Откупщик бакинских казенных статей от армии прапорщик Герасим Тарумов в просьбе своей, представленной ко мне при рапорте генерал-майора барона Вреде, жалуется, что продажа им за границу нефти и соли около десяти месяцев вовсе приостановилась и что он через сие несет по откупу важные убытки и самое разорение. Причиной же такового бездействия в продаже

сих произведений он, по верным сведениям, им собранным, полагает то, что как российские подданные из обывателей бакинских, сальянских и ленкоранских, так и в особенности заграничные зинзилинские (Энзелинские) жители беспрепятственно теперь производят тайный вывоз нефти и соли с острова Челекен, находящегося у туркменских берегов.

При соображении сего обстоятельства, находя, что с подрывом бакинского откупщика и казна неминуемо будет вовлечена в потерю важных выгод, ею получаемых от сих оброчных статей, я признал справедливым предписать генерал-майору барону Вреде немедленно подтвердить во всем вверенном ему округе строгое запрещение всем российским подданным ездить на остров Челекен для тайного вывоза нефти и соли под опасением неперемennого на основании седьмой статьи контракта конфискования судов, пойманных с сими продуктами, половины—в пользу казны, а другой доносителю и поимщикам. Равномерное запрещение предписано от меня сделать в Сальянах ширванскому, а в Талышах ленкоранскому комендантам. Вашему же высокоблагородию поручаю и с своей стороны в предохранение бакинского откупщика от подрыва на основании того же седьмого пункта контракта посылать в свободное для мореплавания время к туркменским берегам военное судно, которое обязано будет делать разезды и строго наблюдать, чтобы зинзилинские и прочие заграничные жители не были допускаемы [250] к вывозу с острова Челекена нефти и соли, а российские подданные, покусившиеся на тайный вывоз сих продуктов, в то же время были арестуемы, а суда их конфискованы. (В ответ на это предписание капитан Рубановский рапортом от 1 декабря 1822 г. доносил командующему Отдельным кавказским корпусом о своем намерении послать для крейсерства у острова Челекен транспортное судно «Геркулес» (ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 1156, л. 8))

Вельяминов

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 1156, л. 5.
Отпуск.

№ 165

Письмо главнокомандующего на Кавказе Кият-хану с запросом о количестве подвластных ему семей, желающих переселиться в Россию

26 мая 1823 г.

Полковник Муравьев довел до моего сведения желание ваше видеться с сыном вашим Яхши-Мамед-беком, здесь находящимся, и намерение перейти на жительство с несколькими подвластными во владения моего великого и всемилостивейшего государя императора.

Удовлетворяя родительскому вашему чувству, я спешу отправить к вам сына вашего, жившего у полковника Муравьева и пользовавшегося общим ласковым приемом, летам его и благосклонному вниманию правительства к отличным достоинствам вашим приличествующим, о чем подробнее сам он перескажет.

Что же касается до намерения вашего перейти на жительство под мудрое и кроткое правление моего милосердаго монарха, то прежде изъявления на сие согласия моего желал бы я предварительно знать: с каким количеством подвластных ваших перейти вы намереваетесь и какой род жизни повести здесь предполагаете, то есть хлебопашеством ли заняться намерены, скотоводством ли или торговлей, дабы, зная сие, я мог заблаговременно назначить для жительства вашего места, каждому из поименованных состояний свойственные.

Уведомление таковое доставьте мне при удобном случае, которое получаю, я займусь изысканием средств к переезду вашему, о чем надобно и вашему высокостепенству со своей стороны позаботиться, в особенности же, если последует за вами значительное количество подвластных, ибо по ограниченности нашей Каспийской флотилии невозможно надеяться поместить их вдруг и перевезти на наш берег.

№ 166

Сведения о туркменах Мангышлака, собранные канцелярией астраханского гражданского губернатора

20 марта 1824 г.

1. Туркменцев, жительствующих на восточном берегу Каспийского моря, находится два рода, первый называется абдальский; кочуют близ пристани Гедыкской или Мангышлакской, число их простирается [251] до 400 семейств; они имеют небольшое скотоводство, а главная торговля состоит в том, что они привозимые к ним из городов Хивы, Ургюкека (Ургенч), Санга (Ханках), Азарв (Хазарасп), Ишбид и прочих халаты, ковры, бурметы и прочие тамошние изделия меняют на скот, который также они гоняют туда и сами променивают на таковые изделия, что же ими выменивается, отправляется в Астрахань на купеческих судах, приезжающих к Мангышлакской пристани, и, продавая в Астрахани, покупают пшеничную, а более ржаную муку, которую и вывозят с позволения начальства.
2. Сии туркменцы происходят от одного рода абдальского, как и выше сказано. Значительные между ними люди Атам Ходжа Хихит Пирверды, Мурат Нурберды, каковые и есть их начальники, а уважаются по состоянию известности по торговым оборотам, обязанность их состоит в том, чтобы разбирать случающиеся ссоры и наблюдать в обществе порядок и спокойствие.
3. В случае вышедших из Хивы российских пленных оказывается, им со стороны сих туркмен всякое пособие и нередко доставляются в Россию.
4. Другой род туркменцев называется икдыров, они кочуют рассеяно с киргизами и, как с абдальским родом имеют всегашнюю вражду, то и неизвестен их род правления, а так же кто именно их старшины и значительные в обществе люди.

К сему сведению старшины за себя и за прочих печати приложили.

ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 1069, лл. 14—16.

Подлинник

№ 167

Из годовой ведомости астраханской портовой таможни о торговых оборотах туркмен

[1825 г.]

Имена купцов, какой губернии или какого города	На какую сумму			
	привозных товаров руб.	коп.	отвозных товаров руб.	коп.
Туркменцы				
Аттакий Караджаев	712	40		
Амет Гули Ходжа Ниязов	399	30		
Курт Кельды Сеит Мамет	725	20		
Еген Мамет Алиев	9041	70		
Амир Ходжа Ниязов	3811	00	3364	00
Мамед Годжа Нияз Аширов			1061	00

ГЛАВА III РАЗВИТИЕ РУССКО-ТУРКМЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

[255] № 168

**Фирман наместника Мазандерана об отдаче купцу Мир-Багирову
на откуп рыболовных промыслов, принадлежавших астрабадским туркменам**
(Об этом см. док. № 169)

Апрель 1826 г.

Высокое повеление последовало тако: Мир-Абу-Талиб-бек-Машади-Мир-Багирову, судовщику, отдали мы ему на откуп с сего собачьего до свиного года (Даты приводятся по календарю двенадцатилетнего цикла, употреблявшегося у туркмен) — на 10 лет — рыболовные воды по рекам Гурген, Багу и другим речкам Беш-Тепе, которые от Гургена и до Ашрефа находятся, и до трех сажений глубины в море при окрестностях сих рек за 165 туманов тавризскими деньгами каждоудно (то есть 1650 рублей российскими деньгами), дабы с начала месяца Созвездия Рака собачьего года (то есть июня месяца 1826 г.) — со времени заключения сего договора отправил он от себя человека, который будет заниматься рыболовством, а между тем для жительства работников избрал бы место, где пожелает, и никто ему препятствия чинить не должен; равно брать рабочих людей на месте или из других мест привозить он волен и никто ему воспрещать того не должен, откупные же деньги по переводу обязан уплачивать каждогодне и отнюдь не медлить и не задерживать их. Любезнейшему сыну нашему Бедиуз-Заману, беглер-бегу Астрабада, Гургена и прочих мест подтверждаю поступать по прописанному и чтобы в промыслы по реке Гурген и прочим, как объяснено выше, отданные только одному Мир-Абу-Талиб-бек-Мир-Багирову, судовщику ленгерудскому персиянину, никто другой не вмешивался, что и обязывается исполнить.

На обороте приложены шесть печатей разных чиновников, при шахзаде находящихся и управляющих его делами.

АКАК, т. IV, ч. II, Тифлис, 1875 г., стр. 742.
Перевод с персидского.

[256] 169

**Письмо туркменских старшин астраханскому гражданскому губернатору о принадлежности
им рыболовных промыслов в Астрабадском заливе**

19 июля 1826 г.

После молитвы к богу и пророку следует: «Свидетельствуем особенное высокопочтение от лица всего туркменского народа губернатору и всем начальствующим в присутственных местах

и уведомляем, что мы благополучны. Да сохранит и вас всевышний господь бог под своим покровительством и да не оставит своей милостью! После засвидетельствования сего высокопочитания уведомляем вас, что астраханские купцы прибыли, ходили к шаху-заде и за несколько туманов денег взяли на откуп култук и получают на то бумагу. Мы все, туркменцы, согласились на следующее: култук наш, рыба наша, рыбу ловим мы, рыбу продаем мы, персиянам до того никакого дела нет. И сколько уже времени они не вступались в оный! Из уважения к российскому государю мы думали, что о сем довольно будет до сведения вашего каким бы то ни было образом; но сие никак до вашего сведения не дошло. Теперь мы так решили: сделать оное известным вам; вы же непременно доведете до сведения главнокомандующего Ермолова, что тот култук в нашей власти и что шаху-заде до оногo дела нет.

Да будет также известно вам, что ежели после сего купцы придут и с шахом-заде учинят сделку, то мы им рыбы не дадим; что вздумаем, то и сделаем: не сомневайтесь в этом. Ещё уведомляем вас: ежели купцы станут уверять нас, что култук состоит за шахом-заде и что туркменцам до онагo дела нет, то сие неправда: будьте в том уверены».

(Вместо подписи приложено четыре печати)

АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875 г., стр. 742—743.

Перевод с туркменского.

№ 170

Рапорт командующего Каспийской флотилией генерал-майора П. Г. Орловского (Орловский Петр Герасимович (ум. в 1853 г) — генерал-лейтенант; автор ряда трудов по истории русского флота, в 1821—1829 гг. генерал-майор, главный командир Астраханского порта и командующий Каспийской флотилией) начальнику морского штаба вице-адмиралу А. В. Моллеру об исследовании Г. Г. Басаргиным древнего русла Аму-Дарьи

14 августа 1826 г.

Имевши честь доносить вашему превосходительству рапортами (ЦГАВМФ, ф. 203, д. 1999, лл. 49—52. Документ не публикуется; его содержание целиком излагается в отношении Адмиралтейств-коллегий в Адмиралтейский департамент от 20 октября 1826 г. (см. док. № 172)) моими от 25 марта сего года № 190 и от 23 июня № 474 о счастливом открытии впадения вдревле знаменитой реки Аму-Дарьи из Аральского в Каспийское море, которая теперь называется обитающими на степях между морей Каспийского и Аральского туркменами рекой же Актамом, я не имею ничего более сказать, как что сказано мной в прежних [257] моих рапортах. А препровождаю при сем и сочиненную капитан-лейтенантом Басаргиным карту дальнейшим открытиям противу его предшественников и доказывающую, во-первых: по остаткам разрушившихся зданий, укреплений и кладбища, что действительно степь сия древле была обитаема и, следовательно, искомая и древностью покрытая река Аму-Дарья существовала; во-вторых: поездки туркмен и промышленность их нефтью с острова, виденного в горизонте Басаргиным, но оставленные по обмелелости, чаятельно от ветров, занесших песком как сию реку, так и насыпающих целые горы вновь, снося прежние, что доказывается и насыпью в русле от берегов реки, суживающейся теперь до чрезвычайности.

ЦГАВМФ, ф. 215, д. 808, л. 2.

Заверенная копия.

№ 171

Предписание кавказского наместника астраханскому губернскому правлению о рыбных

**промыслах астрабадских туркмен, отданных на откуп персидским наместником
Мазандерана**

24 августа 1826 г.

На представление от 24 июля (**Документ не обнаружен**) № 18469 даю знать губернскому правлению, что по причине разрыва и войны с Персией нет никакой надобности входить в разбирательство, кто из персидских откупщиков должен пользоваться рыбными ловлями в Астрабаде, кои в 1825 г. от астрабадского правителя отданы астраханскому купцу из персиян Мамеду Алиеву на три года, а в сем году от мазандеранского шаха-заде ленгерудскому Мирбек-Багирову на 10 лет, на кои астрабадские туркменцы считают себе принадлежащими. Нечего удивляться, что правители персидских областей отдают одни и те же промыслы разным лицам в откупное содержание: степень бескорыстия их и порядок в употреблении власти своей и без сего примера известны, не говоря уже о том, что рыболовные промыслы, быть может, отнимаются у туркменцев, кои решаются не допускать ни одного из откупщиков.

Вместе с сим одобряю распоряжение губернского правления о воспрещении откупщикам отправлять судна на астрабадские воды из Астрахани, дабы лоцманы из подданных наших не были жертвой бесчестных неприятелей или при недопущении туркменцами откупщиков к пользованию рыболовными промыслами.

АКАК. т. VI. ч. II. Тифлис. 1875 г., стр. 743.

[258] № 172

Из отношения Адмиралтейств-коллегий в Адмиралтейский департамент о результатах исследования древнего русла Аму-Дарьи лейтенантом А. Н. Ладыженским (Ладыженский Александр Николаевич (умер в 1840 г.) — в 1817—1826 гг. лейтенант, в 1825 г. командир корвета «Геркулес» (примечание в документе)) и капитан-лейтенантом Г. Г. Басаргиным (Басаргин Григорий Гаврилович (умер в 1853 г.)—вице-адмирал; в 1823—1826 гг. капитан-лейтенант; проводил гидрографические работы на Каспийском море: на Ап-шеронском рейде, Балханском заливе и старом устье Аму-Дарьи (р. Актан); с 1844 г. контр-адмирал, главный командир Астраханского порта и военный губернатор (примечание в документе))

20 октября 1826 г.

Командующий Каспийской флотилией и Астраханским портом генерал-майор Орловский по указу Коллегии, последовавшему вследствие предложения господина начальника морского штаба, в рапортах от 28 августа за № 631 и 632 прописывает следующее: (**Рапорты не обнаружены**) в первом, что корвет «Геркулес» под командой 45-го флотского экипажа лейтенанта Ладыженского, отправленный в минувшем году по высочайшему соизволению через главнокомандующего тамошним краем генерала от инфантерии Ермолова с ординарным профессором Казанского университета Эйхвальдом для точнейшего описания Каспийского моря в отношении к произведениям природы, — окончил свое плавание благополучно, объехавши все Каспийское море по предписанию и давши все способы натуралисту совершить данное ему поручение в обозрении, почему он, Орловский, желая воспользоваться благоприятным случаем сего вояжа, поручил особо лейтенанту Ладыженскому во время бытности его на восточных берегах Каспийского моря дознать, если то будет возможно, следы древних рек Оксуса и Аму-Дарьи, из коих первая по разрушении Пальмиры была ключом торговли с Индией через Каспийское море; а другая славилась своим течением из Аральского моря в Каспийское, имея на своём русле будто бы и золотой песок, но более любопытна по своему течению и через Хиву; следовательно, также в свое время была сокровищем для торговли европейской с Хивой и Бухарией.

Лейтенант Ладыженский исполнил поручение над исследованием реки Аму-Дарьи,

протекавшей через Балханский залив, к совершенному удовлетворению догадок о сей реке, если не прямой истины, и описал даже и промерял глубину истока оной, сколько дозволили ему обстоятельства и случай, с удостоверением благоприязненного нам туркмена Кият-бека и кочующих разных орд: «что река сия действительно идет в степь до города Хивы, где она для прекращения судоходства торговли запружена; в древности, текучи в Балханский залив, изливала в оной пресную воду, но ныне сей заваленный исток наполняется северными ветрами морской водой; берега сего истока приметно возвышаются и образуют истинное положение реки. Полковник Муравьев в описании его поездки в Хиву по нарочному препоручению от главнокомандующего здешним краем генерала от инфантерии Ермолова удостоверяет о русле сей реки в степи, по которому он проезжал с караваном, и что сия река орошает теперь всю Хиву по нарочным каналам и протокам, быв отведена от натурального и первоначального своего течения».

Он, генерал-майор Орловский, представляя Коллегии при сем рапорте карту с журналом сему любопытному обследованию, **(Документы не обнаружены) [259]** присовокупляет, что если виды торговли и сближение сообщений через сию реку и Аральское море достойны уважения, то предначертание будущих выгод свыше его суждений; но, впрочем, он обязанностью поставляет сказать, что всякое заведение, оседлость и укоренение на восточном берегу Каспийского моря весьма сбыточны и незатруднительны, потому что какое бы предприятие ни началось, оно может быть из наших портов на западном берегу Каспийского моря легко вспомоществуемо и даже еженедельно снабдваться провизиями, не только всеми потребностями; и если бы восстановление навигации и коммерции через Аральское море случайно и замедлилось, то наша оседлость на сем месте сделает великое облегчение и пособие теперешним караванам, идущим к нам из Хивы по западную сторону Аральского моря, обеспечивая гостеприимным пристанищем перепутья и некоторой безопасностью от кочующих и вечно враждующих между собой орд, не только беспокоящих проходящие караваны, но сии враждебники все без изъятия в мнении хивинцев, как уже степенного народа азиатского, суть рабы, не достойные почитаться равными с прочими народами. Передавая суждения сии благосклонности принятия оных, он вместе с сим просит Коллегию о награде лейтенанта Ладыженского орденом Св. Анны 3-й степени, как за благоразумный вояж с профессором Эйхвальдом, которому он доставил случай исполнить высочайшее ему поручение и обогатить натуральный кабинет новыми сведениями в отношении к произведениям природы, так и за открытие такого любопытного исторического вопроса о существовании в древности реки Аму-Дарьи, забытой веками и могущей в новом теперь свете сблизить сообщение народов и возобновить торговлю и навигацию. И, во-втором, что флота капитан-лейтенант Басаргин, отправлявшийся на брике «Баку» к исполнению поручения свиты его императорского величества по квартирмейстерской части полковника Берга в рассуждении поиска, описи и удостоверения реки Аму-Дарьи из Аральского моря через Балханский залив в Каспийское — исполнил поручение сие в точности, и приобретенные сим сведения по предмету деланного ему поручения состоят в следующем:

27 апреля бриг отправился от четырехбугорного маяка, 2 мая пришел на вид острова Нефтяного, отколь, для расспросов взяв туркменина, перешел в Балханский залив; по прибытии отряжена была шлюпка в реку Актан... **(Опущены сведения об исследовании р. Актан)**

При сем рапорте он, генерал-майор Орловский, представляет в Коллегию и сочиненные капитан-лейтенантом Басаргиным карту и журнал дальнейшим открытиям противу его предшественников, **(Документы не обнаружены)** доказывающие, во-первых, по остаткам разрушивающихся зданий, укреплений и кладбища, что действительно степь сия древле была обитаема и, следовательно, искомая и древностью покрытая река Аму-Дарья существовала; во-вторых, поездки туркмен и промышленность их нефтью с острова, виденного в горизонте Басаргиным, но оставленные по обмелелости, чаятельно от ветров, занесших песком сию реку и насыпающих целые горы вновь, снося прежние; что доказывается и насыпью в русле от берегов реки, суживающейся теперь до чрезвычайности...

ЦГАВМФ, ф. 215, д. 809, лл. 1—8.
Подлинник.

[260] № 173

**Письмо туркменского старшины Кият-бека дипломатической канцелярии при
главноуправляющем на Кавказе с просьбой о защите туркмен от притеснений иранских
властей**

18 мая 1828 г.

Персияне, боясь вас, прежде не могли нас стеснять, а ныне после заключения мира с Вами начали нас обижать и многих из нас людей арестовали. Ежели от вас не будет особого какого-либо о нас распоряжения, то нам жить в сем берегу невозможно. На здешних же жителей полагаться нам нельзя, ибо у них нет никакого постоянства и верности. Если один корабль (Перевод с туркменского языка неточный. Слово «бина», значащееся в оригинале, употреблено в значении «крепость», «укрепление») ваш будет в Челекене, то для нас будет весьма хорошо.

На документе пометы:

- 1) Написать Амбургеру, чтобы представили персидскому правительству о непритеснении туркменцев наших союзников.
- 2) Кият-беку отправить подарок.
- 3) Написать П. Г. Орловскому, не могут ли они на некоторое время послать судно для нахождения на этом берегу. 3-й пункт отменяется, ибо судно там находится.

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 3, д. 988, л. 1
Перевод с туркменского.

№ 174

**Предписание дипломатической канцелярии на Кавказе российскому посланнику в Тегеране о
необходимости войти с просьбой к шахскому правительству не притеснять туркмен**

21 мая 1828 г.

После заключения мира с Персией подданные её стали наносить большие обиды туркменам, живущим по берегу Каспийского моря, и уже многие из них находятся под арестом у персиян. Получив о сем письмо от Кият-бека туркменского, я прошу Ваше высокоблагородие довести таковые поступки персиян до сведения его высочества Аббас-Мирзы и просить, дабы воспретил им впредь делать обиды и притеснения жителям Туркмении, находящимся в дружественных связях с нами.

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 3, д. 988, л. 4.
Отпуск.

[261] № 175

Записка есаула Лалаева о поездке в западные и юго-западные районы Туркмении

1830 г.

(Точная дата составления документа неизвестна)

Со времени отъезда моего из Тифлиса с Кият-беком в продолжение всего пути до Баку,

месячного пребывания нашего в сей крепости, и оттоль до Челекена, главного жилища хана сего, находящегося на берегу моря в песчаных необозримых степях, — я старался, как и все прочие морские офицеры, оказывать ему всевозможное уважение. По прибытии нашему в Челекен на другой день он ввел меня в аул, представил родственникам своим, в числе 30 кибиток при нем живущим, и я пробыл у него пять дней.

В сих местах большие нефтяные колодцы, превосходящие даже бакинские, куда приезжают на судах беспрерывно из Гиляна персияне за покупкой нефти и отправляют оную во внутрь Персии. Здесь же ломают отличную белую вкусную соль на берегу моря, которой продовольствуются во всей Туркмении и даже возят оную в Мазандеран, Астрабад, Гилян и далее в персидские владения. Бакинские купцы желали бы сделать подряд на вывоз соли в Сальяны и Баку, но страшатся туркмен.

Кият-бек просил меня быть с ним откровенным и действовать, буде что нужно, через него, но получил от меня ответ, что цель пребывания моего в Туркмению есть покупка лошадей. Между тем, я в это же время узнал тайно от других, что Кият не далее как в своем ауле известен ханом и что его не только никто не признает за владельца, но и не оказывает ему ни малейшего уважения.

От Челекена на судне мы поднялись к Кара-Сенгеру, на 300 верст, по их исчислению, и около 20 верст до Астрабада. Во все это время Кият советовал мне не сходить с судна, дабы не подвергнуться опасности со стороны туркмен, презирающих русских. Представив же ему необходимость лично видеть лошадей и испытать достоинство оных, я едва мог склонить его выйти на берег вместе со мною. Здесь я удостоверился, что Кият-бек хотел все от меня скрыть, а между тем, сам страшась погибнуть от рук народа, ненавидящего его, убедил не отваливать катера от берега и иметь в готовности заряженные фальконеты.

Наконец, несмотря на все сии хитрости, я, по просьбе туркмен, давших, слово оказывать всевозможные ласки и священно сохранять права гостеприимства, отправился с ними в недалеко лежащий ($\frac{1}{4}$ версты) аул и был принят там с необыкновенной вежливостью. При угощении в юрте меня неожиданно поразила весть, что Кият-бек не что иное, как кузнец, хитро старавшийся из корысти обмануть русских. Не найдя хороших лошадей в сем ауле, я простился с жителями, приглашавшими меня прибыть снова, дабы побеседовать с ними, сел на судно и отправился за 30 верст далее, к Серебряному кургану, жилищу Сатлых-хана (**Сатлык-хан**), в большой аул. В сем месте от старшины Гюрген-бека осведомился, что Кият давно лишен был жизни, если бы не находился при мне, и что сие делается единственно из уважения к русским.

Когда я предложил Кият-беку уехать далее во внутрь за 100 верст для выбора лошадей, он, со страха бросив меня в кочевье, бежал на **[262]** наше судно. Между тем Саглых-хан, желая показать свое усердие, взялся всюду сопутствовать мне. Вообще все жители изъявляли радость, что торговля их будет процветать от посещения русских торговцев.

С Сатлых-ханом я прибыл в Гокленское ханство, в 160 верстах оттоль лежащее, к Ага-Мамед-хану. В стороне купил лошадей и обратно приехал к нему. Хан сей говорил мне, что с Сатлых-ханом можно пройти в Хиву, Бухару и даже проникнуть в Индию. Туркмены спрашивали меня, почему я не привез товар и только занимаюсь покупкой лошадей; что им весьма было удобно, если бы из русских владений возили товары, ибо они часть только покупают в Астрабаде, а прочее все в Хиве, куда путь им чрезвычайно труден, по неимению воды, в течение 30-дневного и более проезда чрез песчаные степи, убийственные по жару (бывает до 50 градусов). Они говорили, что купцы хивинские и бухарские проезжают через середину Туркмении в Астрабад для покупки товаров. Из Бухары возят мерлушки, кашмирские шали, бирюзовые и прочие каменные и разные другие произведения.

Вообще хивинцы и туркмены имеют нужду в железной и чугунной посуде, железе, простых сукнах, ситцах и прочих домашних вещах.

Всего жителей в Туркмении (**Автор документа имеет в виду западные и юго-западные районы Туркмении**) считается до 60 тысяч дымов (**Здесь в знач. кибитка, семья**) и более, ибо многие

находятся близ Хорасана. Народ вообще живет богато, чисто одевается и любит опрятность (!!). Туркмены весьма преданны России и предпочитают её прочим государствам, в соседстве находящимся, и, как видно, желают вступить в подданство империи. Персиян искони не терпят, хивинцев и бухарцев почитают только по закону, ибо не видят от них ни малейшей пользы. Рассуждают так, что если Турция и Персия ищут дружбы и согласия с империей нашей, то и они считали бы себя счастливыми вступить в подданство и давно бы о сём заявили, если бы для переговоров был к ним прислан кто-либо из русских, человек основательный и опытный во всех отношениях. Одно ласковое кроткое обхождение с сим народом может привлечь его совершенно на нашу сторону. Туркмены — народ воинственный, храбрый, остроумный, осторожный, весьма трудолюбивый и склонный ко всем полезным предприятиям. Отличительная черта их — гостеприимство. Они готовы также и к оседлой жизни, но, по словам их, не имея хозяина и распорядителя в делах, они желали бы как милости иметь русского начальника, который водворил бы между ними порядок и спокойствие. Имея частые неприятности во время кочевья близ персидских берегов, они всегда готовы на брань с Персией. В доказательство любви своей к русскому народу они представляют, что в то время, когда в 1826 г. возгорелась война с Персией, они, со своей стороны, делали непрерывные нападения на персиян, дабы тем разорять их. Через сие самое, как известно, потеряли самого главного, издавна известного хана своего знаменитой фамилии Бута-хана, **(Личность Бута-хана выяснить не удалось)** именуемого у них грозным, управлявшего всей Туркменией. Он убит по возвращении с поля брани в отечество одним же туркменцем, подкупленным персиянами. На место хана сего вступил в управление старший в роде, двоюродный брат его, Султан-Мамед, кроткий, но лишенный слуха, пока достигнет совершеннолетия сын Бута-хана, имеющий от роду 12 лет.

[263] Из старшин, повсеместно уважаемых, первый, Сеид-хан, признаваемый ими из священного поколения, бывший известным с отличной стороны графу Зубову во время пребывания в Дербенте. Он желал по усердию своему приехать в Тифлис в минувшем 1830 г. вместе с Кият-беком, но получил в том, как и все прочие главные беки, отказ будто бы по поводу того, что ген. Муравьёв воспретил сие. Ныне он просил дозволения вместе с другими почетными лицами совершить этот путь.

Все поколения, туркменский народ составляющие, в политических мнениях согласны между собой; разногласий, раздоров и междусобных войн ныне не бывает, как случалось прежде.

От Астрабада в 20 верстах, а от берега моря в 15, лежит остров Ашур-Аде: сюда приезжают туркмены на своих лодках засеивать арбузы, по множеству земли и отличному плодородию оной. В сих местах были рыболовли астраханских купцов, разоренные во время персидской войны. Здесь в ямах нашел я много соли, сети, кирпичи и разные снасти. Воды на сем острове изобильно, камыша для топления много и по местам травы. Из Мазандерана приезжают сюда для рубки камыша на делание разных вещей. По берегу моря под Астрабадом большие леса, коими и туркмены довольствуются во время зимнего кочевья близ сих мест.

Остров Ашур-Аде имеет глубокую, весьма удобную пристань, и корабли пристают так близко, что по лестнице можно выйти на берег.

АКАК, т. VII, Тифлис, 1878 г., стр. 859—860.

№ 176

Письмо оренбургского военного губернатора председателю Оренбургской пограничной комиссии полковнику Генсу о намерении русскоподданных туркмен причислиться к младшему джузу

5 ноября 1831 г.

По некоторым обстоятельствам сделалось мне известно, что лет за тридцать перед сим из

племени туркменского рода бузачи под предводительством своего старшины князя Ильдурды перешли в числе нескольких сот семейств в Астраханские степи в чаянии по обнадеживаниям тамошнего начальства получить земли, но, будучи по сие время в тщетном оных ожидании, намереваются просить о присоединении их к Внутренней киргизской орде или о дозволении возвратиться на родину между заливами: Мертвым Култуком и Мангышлакским. Вследствие чего предлагаю вашему высокоблагородию донести мне: имеет ли пограничная комиссия в виду какое-либо дело о сих туркменцах, которые, как я из частного сведения узнал, намереваются прислать ко мне депутацию. Если же таковое дело производилось комиссией, то объяснить, в каком оно положении теперь находится. При чем не оставьте присовокупить, не полагаете ли Вы полезным сопчислить сих выходцев ко Внутренней орде.

Генерал-адъютант граф Сухтелен

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1831—1833 гг., д. 3803, лл. 4—5.

Подлинник.

[264] № 177

Письмо туркмен хану младшего казахского Джуза Джангеру о содействии в принятии подданства России

(Письмо туркмен хану Джангеру было передано оренбургскому военному губернатору графу П. Сухтелену, который в свою очередь препроводил это прошение графу К. В. Нессельроде и просил его сообщить, что ответить туркменам. Дубликат этого документа хранится в ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3803, лл. 8—9 (см. док. АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1832—1848 гг., д. 12, л. 4))

(1831 г.)

Уполномочены будучи от наших соотечественников, туркменских родов: абдальского, игдырского и бузачи в числе более четырехсот кибиток, ныне без оседлого пристанища остающихся в пределах российских, (Речь идет, видимо, о тех туркменах, которые в начале прошлого столетия самовольно переселялись в астраханские степи и на протяжении ряда лет оставались в неопределенном положении (см. ЦГВИА, ф. 400, Гл. архив, Азиатская часть, д. 14)) мы нижеподписавшиеся усерднейше и всепокорнейше просим ваше высокостепенство принять нас в число ваших подвластных и, удостоя покровительством, ходатайствовать у высочайшего престола о исполнении сего искреннейшего нашего желания. Изведав правоту, милость, добросердечие и все высокие качества, ваше высокостепенство украшающие, мы остаемся в твердом уповании, что под управлением вашим и в тесной связи с единоверным нам киргизским букеевским народом соделаемся совершенно счастливыми. Удостойте прошение наше милостивейшего внимания и верьте непоколебимой решимости нашей не отступать ни по каким могущим впоследствии родиться уважениям или предложениям от сего намерения, которое, если бог благословит счастливым окончанием, будет для нас благодетельным. Если же последует таковое к киргизскому народу присоединение, то полторы тысячи кибиток наших единокровцев, обитающих при Мангышлакском заливе, имеющих с нами частые сношения и стонущих под тяжким хивинским игом, равномерно прибегнут к покровительству вашего великого российского государя его императорского величества.

Во свидетельство же истины всего нами сказанного мы, уполномоченные от имени народа, прилагаем свои печати и тамги. (27 марта 1832 г. настоящее прошение туркмен было передано на рассмотрение министра внутренних дел Блудова (см. АВПР, ф. Гл. архив 1—9 1832—1848 гг. д. 12, лл. 7—10))

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1832—1848 гг., д. 12, лл. 5—5 об.

Перевод с туркменского.

№ 178

Из инструкции оренбургского военного губернатора Г. С. Карелину о снаряжении экспедиции к северо-восточным берегам Каспийского моря

(Копия инструкции хранится в Госархиве Оренбургской области ф. 6 оп. 10 д. 3590, лл. 117-120.)

10 марта 1832 г.

По высочайшему соизволению имеет быть отправлена к восточным берегам Каспийского моря экспедиция (Об экспедиции Г. С. Карелина (1832 г.) к северо-восточным берегам Каспийского моря см. «Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю» в кн. Записки Русского географического общества, Общая география, кн. X, Спб, 1883.) легких судов, снаряженных в [265] устье реки Урал. Избрав ваше благородие начальствовать оной, я убеждаюсь, что, главная цель сего предприятия вам будучи известна; излишне подробная инструкция более послужить бы могла стеснить ваши действия, нежели способствовать оным. По сему, полезным считая представить вам все частные распоряжения и полагаясь с полной надеждой на осмотрительность и познания ваши, я довольствуюсь здесь обратить только особенное ваше внимание на некоторые главнейшие статьи.

1. Достижение цели сей экспедиции зависит преимущественно от ясного решения следующих доселе существующих сомнений или вопросов...

е) Может ли представиться удобность завести коммерческие фактории или военную оседлость в оном или разных местах сих восточных берегов.

ж) Буде окажется тому возможность, то какие предстоять могут препятствия со стороны береговых жителей или племен и народов, в некотором отдалении обитающих.

з) Может ли представиться удобность сообщения с Хивой и какие от сего извлечь можно выгоды для коммерции или в военном отношении.

2. Хотя весьма желательно, чтобы экспедиция, вам доверяемая, могла быть достаточна без повторения оной, но сохранение следующей с вами команды, судов и казенного имущества принадлежит к одной из важнейших ваших обязанностей, в особенности вы должны предохранить российское оружие от какого-либо бесславия. По сему вы решительно должны избегать употребления оружия, если вы не будете к тому вынуждены обстоятельствами повелительными, которые предвидеть невозможно.

3. Познания ваши удостоверяют меня, что вы также не упустите из виду все, что способствовать может к приобретению сведений, любопытных и полезных для наук.

4. Сношения ваши с киргиз-кайсаками, туркменцами и особенно с хивинцами должны быть сколь можно дружелюбные; вам стараться должно скрывать от них, чтобы посещение ваше и изведывание имели какую-либо политическую цель.

5. Сохраняя повиновение и порядок во вверенной вам команде, вы должны стараться одобрять казаков мыслью, что труды их при сей экспедиции не останутся без вознаграждения для них, а может быть будут полезны со временем и всему войску.

6. Наконец, если вы усмотрите возможность завести какие-либо частные переговоры, могущие способствовать к освобождению пленных, в Хиве находящихся, то вы на сие совершенно разрешаетесь; но в политические сношения с хивинским правительством вам решительно возбраняется входить... (Сняты сведения, не представляющие интереса для темы сборника)

Оренбургский военный губернатор генерал-адъютант граф Сухтелен.

Архив АН СССР, ф. 157, оп 1, д 7, лл. 17—19 об.

[266] № 179

Из записки генерал-лейтенанта Хатова о северном и восточном берегах Каспийского моря

16 марта 1832 г.

На восточном берегу Каспийского моря есть три главных пункта, на которые всегда обращено было внимание нашего правительства.

1. Пристань Серташ, или Мангышлакская, в заливе Кочак, куда самый ближний переезд морем из Астрахани.
2. Залив Киндерлинский, при коем около 1740 г. предположено было построить крепость. Проект оной, довольно хорошо и сообразно с местными обстоятельствами составленный, хранится в архиве Министерства иностранных дел.
3. Залив Балханский и при нем коса Красноводская, на коей при Петре I построено было укрепление. Здесь приставал гвардии капитан Муравьев во время путешествия своего в Хиву и в сем месте наименьшая ширина Каспийского моря — между мысом Апшеронским и городом Баку и Красноводской косой.

При Морском министерстве несколько лет тому назад издан морской атлас Каспийского моря по описям штурмана Колодкина. Может быть, в сем атласе есть изрядная карта окрестностей пристани Мангышлакской, начиная от устья залива Тюб-Карасу до мыса Тюб-Караганского, но южнее сего последнего мыса карта Каспийского моря, штурманом Колодкиным составленная, очень не надежная... (Опущены некоторые общие сведения о Каспийском море).

Что касается до восточного берега Каспийского моря, то на оном только один Балханский залив с Красноводской косой, остров Нефтяной и полуостров Дарджи описан морскими офицерами в 1826 г. с надлежащей верностью.

Из всего вышесказанного можно заключить, что первое внимание морской экспедиции, отправляемой для описи берегов Каспийского моря, должно быть обращено на заливе Мертвый Култук, чтобы продолжать опись берегов оттуда, где она прекращена была прежней экспедицией в 1826 г., то есть от устья реки Маначи-Су в направлении к западу. Таким образом, должно поверить залив Тюб-Карасу, полуостров Бачарчи-Тюб, остров Кулалы, мыс Тюб-Караганской и так далее весь восточный берег моря до залива Балханского, которому уже имеется довольно исправные карты.

К югу от Балханского залива, сколько известно, нет никаких мест, удобных для пристанища даже для мелких судов, кроме устья реки Атрек, в 60 верстах от Астрабадского залива в Персии. Но сей пункт за великим отделением его от прямого пути в Хиву, через земли туркменцев, уже выходит из соображений, которые можно бы было сделать для установления торговли с Хивой на прочном основании.

По новейшим известиям, речка Турахта, впадающая в Каспийское море южнее Киндерлинского залива, под 42 градусом широты, составляет границу между кочевьями киргизскими и туркменскими. По сему если б правительство наше вознамерилось установить на берегах Каспийского моря заведения для торга с Хивой через земли киргизцев или через земли туркменцев, то в первом случае, как выше сказано, будут пункты Мангышлак и залив Киндерлинский; а во втором — залив [267] Балханский. На сии то пункты при описи берегов и должно обращать наибольшее внимание.

Но при морской экспедиции, для описи берегов снаряжаемой, кажется, полезно было бы иметь несколько человек топографов для съёмки внутренности страны сколь можно на дальшее от берегов расстояние, разумеется, в тех местах, где можно будет производить съёмку с безопасностью, что и зависит от благоразумия начальствующего экспедицией.

Во время исправления мной должности генерал-квартирмейстера главного штаба его императорского величества составлялась в канцелярии генерал-квартирмейстера под руководством моим карта Средней Азии в довольно большом масштабе. Вместе с должностью генерал-квартирмейстера я сдал и сию карту генерал-лейтенанту Адеркасу, и мне известно, что впоследствии доканчивал оную капитан Гастфер. На сей карте берега Каспийского моря нанесены были по последним известиям и потому, кажется, не худо было бы иметь при

отправляемой для описи экспедиции копию с северного и восточного берегов Каспийского моря, на сей карте назначенных, для удобнейшей поверки оных, или, по крайней мере, для соображения.

Генерал-лейтенант Хатов

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1830—1835 гг., д. 3540, лл. 130—132

Подлинник

№ 180

Рапорт управляющего уральским казачьим войском полковника Покатилова начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса генерал-майору Мистрову об отправлении экспедиции Г. С. Карелина

14 мая 1832 г.

Вашему превосходительству имею честь донести, что экспедиция под начальством титулярного советника Карелина в Каспийское море вступила после полудня 11-го сего мая благополучно, в совершенной исправности. (В сборник не включено большое количество документов, освещающих ход подготовки экспедиции под начальством Г. С. Карелина. В этой огромной канцелярской переписке говорится об обеспечении экспедиции морскими судами, провиантом, оружием, порохом и т. д, дается наставление начальнику экспедиции и инструкция (см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3590, лл. 74, 116—117, 130—132, 231—232; д. 3803, лл. 11—12 и др.)

Полковник Покатилов

ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 3590, л. 243

Подлинник.

[268] № 181

Рапорт Г. С. Карелина начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса генерал-майору Мистрову о туркменах, сопровождавших его экспедицию

22 мая 1832 г.

Во время бытности моей 19-го сего месяца при съемке и наблюдениях между островами: Большим Мокрым, Гогольским и Камыниным на пути к Эмбинскому гранному берегу прибыли ко мне посланные по просьбе моей от высокостепенного хана Внутренней киргизской орды Джангира Букеева туркменские старшины игдырского поколения Ярмамет Кутлуфулатов с сыном покойного бека, выведшего туркменский народ в Россию, Хальмаметом Идельдурдыевым, мангышлакского поколения Бузачи Акмаметом Бердыбакиевым и абдальского поколения Ходжамурадом Байназаровым. Сии старшины доставлены ко мне через посредство господина гурьевского начальника войскового старшину Чегнахарева и, как я надеюсь, будут весьма полезны для обозрения части северо-западного берега Туркмении между Мертвым Култуком и Киндерлинским заливом, о чем вашему превосходительству почтительнейше донести честь имею.

Титулярный советник Карелин,

ГАОО, ф. 6, оп. 1, 1830—1835 гг., д. 3590, л. 276

Подлинник.

№ 182

Представление Г. С. Карелиным к награде туркменских старшин, сопровождавших его экспедицию

(1832 г.)

Бывших проводниками туркменских старшин, присланных от высокостепенного хана Киргизской Букеевской орды, поручая в милостивое внимание вашего сиятельства, осмеливаюсь просить о исходатайствовании награждения по благоизволению Вашему.

Имена сих туркменов суть следующее:

Поколения игдыр: Ярмамет-бек Кутлуфулат-беков и Халмамет-бек Ильдурды-беков.

Рода бузачи: Акмамег-бек Бердыбакиев.

Рода абдал: Ходжамурад-бек Байназаров.

В заключение всепокорнейше прошу ваше сиятельство удостоить, чести находившиеся в составе экспедиции нижних чинов объявлением им вашей благодарности.

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 7, лл. 182-182 об.

Подлинник.

[269] № 183

Рапорт Г. С. Карелина оренбургскому военному губернатору генерал-адъютанту В. А. Перовскому об отношении хивинского хана к его экспедиции

11 июля 1832 г.

Хивинский хан предполагал было сначала, что появление русских на здешних берегах имеет целью одну из тех временных экспедиций, которые в течение последнего пятнадцатилетия столь нередко совершались в киргизские пределы. Всегдашнее опасение покойного хивинского владельца завоевателя Махамет-Раима (**Мухаммед-Рахим**) и нынешнего хана Алла-Кулы заключались в том, чтобы русские каким-либо постоянным заселением на восточном берегу Каспийского моря не ограничили хищничества киргизов на море и не привлекали к себе как их, так и соседних туркмен заманчивостью несравненно выгоднейшей и совершенно свободной торговли. От морских разбоев адаевцев приобретало ханство множество невольников, из коих часть по праву доставалась самому хану даром, а стекавшиеся в Хиву за первыми потребностями жизни кочующие народы тягостными для них, пошлинами с каждого барана и вьючного верблюда доставляли одну из главных статей дохода его высокостепенства. Кроме сих второстепенных причин, естественное опасение могущественного соседства и справедливый страх поплатиться на прежние оскорбления, грабежи и разбои заставляли хана взирать неприязненным и беспокойным оком на всякую нашу попытку сблизиться с Средней Азией. По сему то сведав, что отряд не только вступил в дружественные торговые сношения с туземцами, но и начал постройку крепости, хан, как слышно, вознамерился принять решительные меры. Доселе находился он в сомнительных отношениях к адаевским киргизам и племенам туркмен, несколько отдаленных. В 1832 г. подсланные туркмены убили более 300 киргизов и увлекли в Хиву сына и дочь почтеннейшего из абдальских биев Союн-Кары. Ныне хивинский владелец всеми мерами старается примириться с адаевцами и, зная, сколь великое влияние имеет на сей народ Союн-Кары, возвратил ему сына с приглашением приехать в гости и взять дочь. Но упрямый старик отвечал, что считает её умершей и не поехал. Несмотря на то, снисходительный по обстоятельствам хан за две недели пред сим возвратил ему и дочь с новым и ласковым приглашением в письме. Между тем, не забыты и другие бии; ко всем посланы дружественные письма, и в особенности к Мае, вступившему с нами в тесные сношения. Сей старшина чрез сына своего тайно уведомил меня, что должен уступить [по] настоянию народа и отправиться в Хиву, чтобы мы держали себя сколь можно осторожнее, что

хан уже два раза присылал осматривать наше укрепление и вывести силу; что независимо от узбеков и всегда по первому зову готовых туркмен, составляющих ныне 11 000 всадников, отправил гонцов к дальним воинственным племенам, кочующим у северных персидских пределов, и что послан нарочный остановить караван до новых приказаний. Последний гонец получил строгое приказание возвратиться чрез 16 дней и непременно привезти бия Маю. Старик уехал за 9 дней пред сим, обещав чрез 18 или 20 дней возвратиться. Сын его, которому приказал он служить нам по возможности, условился с нами, каким образом должен, не подавая подозрений, известить нас в случае опасности. От [270] него и многих других сведали мы, что туркмены и преданные хану киргизы вызвались, избрав темную бурную ночь и, оставя далеко лошадей, подползти почти нагишом, с одними кинжалами, и, таким образом ворвавшись нечаянно в укрепление, всех перерезать. У хана три больших пушки и восемь малых. В укреплении взяты все возможные предосторожности и на случай нападения установлены сигналы для сношения с приходящими судами.

Коллежский ассессор Карелии.

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1834—1840 гг., д. 4110, лл. 404—405.

Подлинник.

№ 184

**Отношение управляющего Министерством иностранных дел К. К. Родофиникина
оренбургскому военному губернатору о награждении туркмен, сопровождавших
экспедицию Г. С. Карелина**

13 октября 1833 г.

Милостивый государь Василий Алексеевич! Отношением от 13-го минувшего августа (Документ не публикуется) за № 1873 г. вице-канцлер уведомил ваше превосходительство о пожаловании бывшим проводникам экспедиции, посланной к северо-восточным берегам Каспийского моря, туркменским старшинам: Ярмамбет-беку, Кутлуфулатову, Акмамбет-беку Бердыбакиеву, Халмамбет-беку Ильдурдыбекову и Хаджамурат-беку Байназарову — первым двум — золотых медалей на анненских лентах, а последним — сабель в серебряной оправе, а также о награждении мещанина Астраханской губернии Ивана Мазлова, находившегося в той же экспедиции, серебряной медалью на анненской ленте. (О вручении туркменским старшинам указанных наград см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1830—1835 гг., д. 3590, л. 488)

Ныне я долгом поставляю доставление из кабинета для означенных туркменских старшин две золотые медали с орденскими лентами и две сабли в серебряной оправе препроводить при сем к вам, милостивый государь, особо в ящике под лит. В. П., покорнейше прося приказать доставить их по принадлежности вместе с прилагаемыми у сего свидетельствами на медали тем способом, какой признаете удобным; о получении же почтить меня вашим уведомлением. Что касается до медали, пожалованной мещанину Мазлову, то она препровождена к господину астраханскому военному губернатору для отсылки к помянутому мещанину.

Родофиникин

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1830—1835 гг., д. 3590, л. 481.

Подлинник.

[271] № 185

**Из инструкции Г. С. Карелину, руководившему работами по сооружению укрепления в
местечке Кизыл-Таш**

(1833 г.)

1. По высочайшей воле может быть основано укрепленное заселение на восточном берегу залива Кайдака, или Кара-Су, в урочище, называемом Кизыл-Таш. (Решение о постройке крепости в Кизыл-Таше (севернее Мангышлакского кряжа) было принято после экспедиции 1832 г. к северо-восточным берегам Каспийского моря. Представленный Карелиным журнал экспедиции и все собранные им на месте сведения 19 мая 1833 г. были внесены на рассмотрение Азиатского комитета. Краткий отчет Азиатского комитета об экспедиции Карелина см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1062)
2. Ваше высокоблагородие назначается начальником сей колонии.
3. Цель оной есть сблизить торговлю с Хивой и открыть меновой торг с многочисленными туркменскими племенами; приобретенным влиянием воздержать хищных, адаевских киргизцев от разбоев на море, грабежей и насилий караванам, следующим в Мангышлак и другие места, покровительствовать нашим рыбным и тюленьим промыслам, собрать возможные сведения о западной части Средней Азии, и преимущественно об Аральском море со впадающими в оное реками.
4. Так как правительство желает, чтобы учреждение сего заведения не подало даже вида завоевания или политического предприятия, то вы обязаны с самого начала водворения на берегу залива Кара-Су действовать в сем смысле, прилагая все от вас зависящие средства, дабы доказать кочующим близ Кизыл-Таша ордынцам и другим азиатцам, сей берег посещающим, что колония основана единственно на предмет торговли для обоюдных выгод, интересованных в оной стороне... (В 1834 г. была организована специальная экспедиция на северо-восточные берега Каспийского моря для сооружения русского укрепления. Работа данной экспедиции не имеет прямого отношения к теме сборника. Однако учитывая, что сооружение Ново-Александровской крепости на Мангышлаке сыграло известную роль в развитии торгово-экономических связей России со Средней Азией, мы сочли целесообразным включить в сборник этот документ. Об организации этой экспедиции, о ходе ее работы имеется разная переписка, отчеты, рапорты и другие документы, которые хранятся в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1062, лл. 223—224, 225, 226, 247—249; ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4110, лл. 155—156, 206—208, 418—420 и т. д.)
6. Из оных ваше высокоблагородие достаточно убедитесь, что всякое напрасное употребление оружия, будучи совершенно противно воле правительства, вам воспрещается и должно пасть на вашу ответственность. (Опущены пункты, в которых дается характеристика гарнизона, вооружения и провианта предполагаемой крепости, сообщается о денежных средствах, о внутреннем порядке в колонии и т. д.)

Генерал-адъютант Перовский

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1062, лл. 126—134.

[272] № 186

Из предложений купца Воскобойникова главнокомандующему на Кавказе барону Розену о развитии русской торговли в Северном Иране

11 марта 1834 г.

Для исследования же причин упадка торговли нашей минералами в персидских владениях и для изыскания средств восстановить её в прежнем виде, по мнению моему, необходимо нужно обозреть во всех отношениях персидскую торговлю нашими минералами в самых главнейших пунктах сбыта оных, как-то: в Энзели, Ленгеруде и Астрабаде. Чтобы показать, сколь полезно для правительства таковое местное исследование торговли нашей в Персии, я решаюсь касательно сего изложить нижеследующие замечания мои... (Опущены сведения, не имеющие

прямого отношения к теме)

4) и прежде сего упомянуто было мной, что более 10 лет уже есть, как Мазандеранская и Астрабадская провинции стали довольствоваться себя туркменской нефтью и солью, и что вообще сбыт наших минералов в Персию уменьшился, то необходимо нужно раскрыть причины сему на месте и изыскать средства обратить торговлю нашу минералами опять в сии места. По мнению моему, достигнуть сего можно двояким способом: или уничтожить чрез крейсерство военных судов наших вывоз минералов с острова Челекен, занятого ныне, по уведомлению некоторых самовидцев, не более как 15 семействами туркменцев, или уменьшать цену на наши минералы, туда вывозимые, до таковой степени, чтобы тамошние жители имели более выгоды снабжать себя нашими произведениями, нежели туркменскими или другими местными, заменяющими нефть. При сем последнем исследовании должно обратить особенное внимание, что если за всем возможным понижением ценности на соль, вывозимую за границу, нельзя заставить Астрабадскую и Мазандеранскую провинции брать нашу соль, то не представится ли возможность без всякого вреда прочей торговле оной еще несравненно более понизить цену на соль, идущую собственно в эти только места, потому что казна через открытие нового пути сбыта соли может получить значительное приращение доходов, несмотря на большое понижение ценности на оную, ибо приобретение соли даже в двойном количестве против настоящего ее расхода казне ничего не будет стоить, и

5) все рыбные промыслы, имеющиеся в Персии по южную сторону Каспийского моря, гилянские и астрабадские, постоянно находятся на откупе у астраханских жителей, которые и пользуются со стороны российского правительства правом ввозить в Астрахань ловимую в сих местах рыбу без всякой пошлины, если они для соления ее будут употреблять соль российского произведения. С первого взгляда таковое постановление представляет значительные для промыслов наших выгоды, потому что рыбопромышленники, пользуясь таким благодетельным правом, без сомнения, должны находить большую пользу через покупку бакинской и сальянской соли, тем более по той причине, что все суда их, приходящие в бакинскую гавань для разгрузки товаров, с выгодой могут брать даже на место балласта необходимую для промыслов сих соль; но, к сожалению, не было по сие время обращено должного внимания на устранение всех злоупотреблений, какие могут рождаться от такового постановления. Нет сомнения, что астраханские [273] скупщики персидских рыбных промыслов употребляют во зло данные им права; ибо дознано мной через частные расспросы, что они берут весьма мало соли в сравнении с обыкновенным уловом у них рыбы и, вероятно, закупают соль нашу для того только, чтобы иметь право ввозить весь рыбный товар свой в Россию без платежа пошлины; но между тем для соления большей части рыбы употребляют туркменскую соль, привозимую к ним или на персидских или собственных своих судах...

АКАК, т. VIII, Тифлис, 1878 г., стр. 113.

№ 187

Из показаний Санкибай-муллы Курманбаева о событиях в Хиве

14 мая 1834 г.

Из заведенной хивинским правительством около Янгы-Дарьи крепости в недавнее время вышло значительное количество хивинцев с тем, чтобы собрать зекаты, (Закат — сбор со скота) или подать, с кочующих там чуликивцев, кара-катинцев и кичкин-чиклинцев, но киргизы напали на них ночью и всех убили, а потом подошли к крепости в намерении истребить и оставшихся в ней, но они успели ночью скрыться, крепость же киргизы совершенно разорили.

В исходе апреля месяца прибыли в аулы изаровского отделения выехавшие из Хивы в начале того же месяца муллы числом около 20 человек. В числе провожатых находился киргиз Чуликивского отделения Бяки, который рассказал Санкибаю, что делается в Хиве.

По словам его, туркменцы рода теке изменили хану хивинскому и передались персиянам. Для увещевания хан послал пять человек верных туркменцев, но мятежники убили их. Теперь хан готовится к походу, но неизвестно, против кого именно: против киргизов, или против туркменцев, или против Ново-Александровского укрепления.

Заведение сего укрепления хану хивинскому крайне не нравится. По получении о том сведения он запретил выпустить в Россию караван и послал лазутчиков для того, чтобы узнать, где выйдут на берег русские и где заложено будет укрепление.

Хлеб в Хиве опять крепко дорого, и потому вывоз его запрещен. (Документ без подписи)

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1834—1840 гг., д. 4110, л. 162.

Заверенная копия.

№ 188

Из инструкции штаба корпуса горных инженеров Г. С. Карелину об организации второй экспедиции к восточным берегам Каспийского моря

15 июня 1835 г.

Государь император по всеподданнейшему докладу моему в 6-й день сего июня высочайше повелеть соизволил: для ближайшего и подробного исследования восточных берегов Каспийского моря, начиная от [274] Тюб-Караганского мыса к югу, до пределов персидских, но не далее, учредить особую экспедицию примерно на 15 месяцев под начальством вашего высокоблагородия.

Вследствие сего и на основании высочайшей его императорского величества воли, предлагаю вашему высокоблагородию к руководству нижеследующие начертания.

1. Предприятие, вашему управлению вверяемое; должно иметь предметом:

а) Географическое определение восточного берега Каспийского моря, начиная от Тюб-Караганского мыса до персидских пределов, составление, по возможности, сему побережью общей карты и снятие на план инструментально важных по чему-либо мест, как-то: гаваней, якорных стоянок, островов и пр.

в) Описание племен, населяющих берега и внутренние земли; объяснение взаимных сношений племен с их между собой и к соседственным владениям, особенно к Персии и Хиве, и соображение о степени наших с теми народами сношений.

с) Исследование естественных по трем царствам природы произведений и в особенности тех, кои могут быть предметом промышленности и торговли. Собрание надлежащих в сем отношении коллекций; исследование климата, качества почвы, изобилия или недостатка пресной воды, предмета в тех странах особенно важного; исследование в подробности течения древнего Окса, а в особенности приписываемого заливу Кара-Богаз периодического поглощения вод Каспийских.

д) Собрание топографических сведений о путях в Хиву, Персию и Афганистан; и вообще описание страны в физическом, политическом и торговом отношениях.

е) Наконец, ознакомление жителей с нашими произведениями, привлечение их к непосредственным с нами торговым сношениям и изыскание средств к прочному основанию с их сношений

2. Для успешного выполнения возлагаемого на Вас поручения предоставляются вам следующие способы... (Опущены пункты инструкции, в которых говорится о материально-техническом и финансовом снабжении экспедиции: об экипаже и вооружении судов, назначении отпускаемых средств, необходимом запасе провианта и т. д.)

Министр финансов, главноуправляющий корпусом горных инженеров, генерал от инфантерии

граф Канкрин

Начальник штаба генерал-майор Чевишин

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д 16, лл. 5-9 об.

№ 189

Рапорт командира брига «Мияна» лейтенанта Усаченко астраханскому военному губернатору генерал-майору Тимирязеву о желании туркмен Мангышлака принять подданство России

(Содержание этого рапорта впоследствии, 12 июля 1835 г. было доведено до сведения начальника Главного морского штаба (см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4358, лл. 10—11))

25 июня 1835 г.

Туркменцы, кочующие за меловым углом к заливу Александр-бай в числе 5500 кибиток, два старшины сего народа пришли ко мне и [275] объявили, что они с 1807 г. находятся под покровительством России, что справедливость сего объявления могли даже подтверждать свидетельством, данным от бывшего в то время астраханского губернатора. Если бы по несчастью киргиз-кайсаки не разграбили того аула, в коем жил прежде бывший их старшина, который во время грабежа киргиз-кайсаками был убит и все имущество разграблено, в том числе и сии документы, с коего копия хранится в астраханском архиве; по поводу сего они требовали от меня две лодки (сии лодки и другие они купили от астрабадского хана Хиатки, (Вероятно, иомутский старшина Кият-хан) а другие ветром прибило к их берегу, оторванные, вероятно, от наших расшив рыбопромышленников, все сии лодки неудобны к плаванью в открытом море, взяты кусовыми посланными мной к заливу Александр-бай для осмотра берега; возврат лодок сим двум старшинам я под разным предлогом отклонил, пока не получу на сие позволение вашего превосходительства; но дабы не потерять сего благоприятного случая для сближения себя с сими старшинами, я одарил, чем мог, как-то: сахаром, чаем, гвоздикой, корицей, табаком и прочими ничтожными вещами и обещанием присылки лодок через месяц; дабы сим обещанием и многими другими, могущими на будущее время упрочить их приезд к нашему правительству, а чтоб показать привязанность свою к нашему правительству на самом деле, то старшины и весь народ готовы теперь же утвердить то клятвой и согласны выдать аманатов из среды своего народа, что если бы они узнали, что карсаки (Казахи) или другие народы готовятся выехать на грабеж на наших рыбопромышленников, то они тотчас дадут знать ближайшему военному судну, где оно будет находиться, сии два старшины обещались через две недели непременно приехать ко мне с открытой просьбой от своих старшин и народа о принятии их в подданство России и о защищении их от прочих кочующих народов; а до того дали Краткую записку, которую при сем имею честь представить на благо усмотрение вашего превосходительства. (Копия этого рапорта хранится в ЦГАВМФ, ф. 205, д. 2008, лл. 3—4 об.; ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4358, лл. 8—9)

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 135, лл. 2--3.

Лейтенант Усаченко

№ 190

Рапорт командира брига «Мияна» астраханскому военному губернатору о желании туркмен Мангышлака принять подданство России и мерах по удовлетворению их просьб

Август 1835 г.

Имею честь при сем к вашему превосходительству представить покорнейшую просьбу 30 старшин туркменского племени, кочующих на восточном берегу Каспийского моря, от мелового угла до залива Александр-бай с народом, состоящим в числе 5900 кибиток, о принятии их в

вечное подданство России, счастливым считаю себя потому, что присоединение туркменцев к российскому престолу случилось в настоящее время, в которое имею честь находиться; под распоряжениями вашего превосходительства обязанностью считаю донести вашему превосходительству, что желание туркменцев быть в подданстве России более всего зависело от ревностного старания и деятельности двух первых старшин—Нур-Мухамед Махтум ишан и Мулла Мухаммет Кулла, которые [276] с начала прихода их в залив Тюб-Караган за товарами были, так сказать, мной обворожены самыми лестными обещаниями и выгодами от нашего правительства, если они будут его поданными: сии-то лестные обещания, подарки и блестящая будущность сильно подействовали на умы сих двух старшин. Желая воспользоваться все сими предложениями, существенно приносившими им пользу, старались и прочих товарищей склонить к желанию быть подданными России, которое, наконец, с желанным успехом исполнилось, и сии два старшины в полной мере заслуживают награды за ревностное их старание о присоединении такого количества народа к российскому престолу, и я именем вашего превосходительства обещал сим старшинам золотые медали, а чтобы показать им на самом деле готовность нашего правительства награждать всех тех, кои привержены к оному усердно, то я воспользовался позволением вашего превосходительства касательно отдачи четырех лодок (не способных к плаванию в открытом море), которые старшины приняли с большим благоговением, потому более, что они сего не ожидали.

Касательно же присылки депутатов к вашему превосходительству о поддержании лично покорнейшей своей просьбы о принятии их в вечное подданство России, настоящим временем не могли воспользоваться, потому что не знают, как угодно будет начальству их просьбу, и в случае, если по ходатайству вашего превосходительства государю императору угодно будет изъявить свое согласие о принятии их в подданство России, то они обязанностью поставят. Если на сей год, то весной на посланном от правительства судне могут отправить или в Астрахань или в Санкт-Петербург; до получения настоящего диплома на право быть российско-подданными и пользоваться оными правами от государя императора они просили от вашего превосходительства теперь же охранного листа, в случае если военные суда, купеческие и кусовые имеют прибыть каким-нибудь образом к месту их жительства и будут их обижать, то в таком случае могли бы показать им бумагу, что они российские подданные и не подлежат никаким обидам; а на настоящее время такового открытого листа просили за подписью моей, который я и дал, прописав в сем листке, что по распоряжению вашего превосходительства сим старшинам позволяется иметь четыре маленьких лодки для ловли только рыбы и лов рыбы производить около берегов не далее Мелового угла (где нет наших рыбопромышленников) в течение только двух месяцев и что они действительно находятся в подданстве России, о чем вашему превосходительству донести честь имею и о последующем не оставьте приказать, кому следует меня уведомить.

Лейтенант Усаченко

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 135, лл. 20-22

№ 191

Просьба туркмен Мангышлака о принятии их в подданство России

[1835 г.] Объявление

На песчаное место пришедши, поселились роды: кулдайский (Так в документе) — три тысячи сто домов; джавдырский (Човдурский) — две тысячи триста домов; [277] арсарский (Эрсаринский) — пятьсот домов. Всех сих родов главный голова Нур-Мухаммед Махтум, просим подданства.

Я, Нур-Мухаммед Махтум Бекдурды Ишанов, руку приложил. Я, Мухаммед Кул мулла Илчи бек хан Кулиев, руку приложил и все это писал. Писано это по Р. Х. в тысяча восемьсот тридцать

пятом году в весеннем месяце.

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 135, л. 5.

№ 192

Предписание астраханского военного губернатора командиру военного брига «Мияна» сообщить туркменам об условиях и возможностях принятия их в подданство России

Июль 1835 г.

(Датируется приблизительно по док. № 189)

В разрешение рапорта *(См. док. № 189)* вашего благородия от 25-го прошедшего июня за № 232 я поручаю вам объявить туркменам, кочующим за Меловым бугром, что они в полной мере могут надеяться на покровительство России, если только верность их и приязнь к оной ничем не будут нарушаемы.

Главным образом им дозволяется утвердить клятвой преданность свою и выдать аманатов в залог оной из среды людей знатнейших и почтительнейших между ними; под тем, что переселение их на астраханские степи, если бы они того пожелали, должно зависеть от их произвола и на их счёт. Причем объявить старшинам туркменским, что сбережение во всяком случае русских промышленников от захватов и употребление всех средств к освобождению из плена наших рыбопромышленников и прочих людей будет принято начальством с признательностью и что действия таковые, указав прямую преданность их к нашему правительству, будут поводом к получению истинных прав на покровительство России.

А дабы туркменцы по неведению нашего языка могли бы удобнее знать содержание настоящего моего отношения, то я и препровождаю у сего перевод с моего к вам предписания.

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 135, лл. 7—8.

№ 193

Письмо туркменских старшин Мангышлака коменданту Ново-Александровской крепости об их верности России

(1835 г.)

Почтенному высокоблагородному начальнику Ново-Александровской крепости посылаем множество поклонов и молитв. Мы благополучны и вам желаем быть таковыми же. Да не отлучит от вас бог всевышний жизнь многих лет и счастья обоих миров. Аминь! Я.... *(Опущены слова, не имеющие смысла)* со времен [278] императора Петра пребываю верноподданным русским, а в царствование императора Александра Павловича мы четверо, старейшины абдальского рода, по единодушному согласию всего народа нашего приняли подданство. Аксакалы эти суть: Давлет Муратов, Аралий-бек Карабатырев, Тулига бек Муратов и Бегендж-бек Ниязбатыров. Все мы тогда приняли присягу, которой и по сие время неизменяем. Спустя несколько времени наш абдальский народ увеличился и начал неприятствовать с мангышлаками; почему часть отправилась по Кара-Бугазу к хивинскому владению, а Аралий Ильчибеков с небольшим числом своего народа подвинулся к Астраханскому краю. Хивинский хан, узнав об этом, возымел на меня гнев, говоря, что напрасно он много надеется на русских. Вследствие этого гнева он отказал мне в тех деньгах, которыми пользовались все мои предки. Я решил удалиться оттоль к владениям узбеков, по пробытию нескольких лет, по случаю возникших неприятностей с иомутцами в 1835 г. я решился переселиться оттоль в Мангышлак, на границах коего и по сию пору проживаю, молясь о здравии императора. С самого прибытия моего сюда я имел в виду завести с вами дружественные сношения, но боялся хивинского хана,

потому что он имеет над нами большую власть. Я ещё много имею, о чем хотел бы к вам писать, но сокращаю своё желание и спешу только изъявить свое дружество. Из предыдущих слов вы сами можете понять мое намерение, и потому я здесь изъясняю только главное мое желание видиться с вами лично. Бог велит, я не замедлю явиться к вам, и тогда при личном свидании обо всем переговорим. В надежде пользоваться вашим дружеством я написал к вам это письмо.

Руки приложили: Ширдагалий-беков, Мукым Галий-беков, Мухаммед-хан Халишбагадуров, Нияз-Мухаммед Бегенджбеков и печать Шургалий Бекова. Писано в 1835 г. 14-го дня, месяца рамазана.

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1838—1840 гг., л. 477, лл., 10, 11.

Перевод с туркменского

№ 194

Письмо туркменского старшины Нурмухаммеда Махтум Бекдурды Ишанова коменданту Ново-Александровской крепости о желании туркмен Мангышлака укрепить дружественные отношения с Россией

[Не позднее 30 июня 1835 г.]

Да читаются слова сии в тайне, и да сокроются они от врагов наших!

Почтенному, знаменитому и высокоблагородному начальнику Ново-Александровской крепости посылаем в знак истинного дружества бесчисленные поклоны с сердечными желаниями здоровья и благополучия вашему всему народу. Мы здесь, слава богу, живы и здоровы, просим у всевышнего того только, чтобы он допустил нас сблизиться с вами. Мы, аксакалы родов: човдурского — Нурмухаммед-Махтум Бекдурды Ишанов, абдальского — Мукымгалий-бек Ширдагалийбеков, игдырского — Мухаммедкулы Мулла-хан Кулы, в 1810 г. по случаю бывших у нас с хивинским ханом ошибок и междоусобных нападений должны были оставить обыкновенное местожительство наше — Арал и перекочевать к Мангышлаку, в местечко Фишани. Тут по общему народному [279] согласию положили мы перейти в подданство России. Избрали четырех старшин: Ниязберды Удяниязова, Кульназара Бексафарова, Муллу-Бабу Таганова и Худайберды Аvezбердиева, к коим приходится около двух тысяч човдурцев, отправил всех их к великому государю. Они по прибытии своём в Астрахань явились немедленно к тамошнему губернатору, который, споспешествуя нашему намерению, тогда же отправил прошение их к великому государю. Через несколько времени на означенное прошение последовала высочайшая воля, чтобы отправить к нашему народу чиновника, который мог бы лично удостовериться в единодушной преданности народа и потом привести с собой в Астрахань нескольких почтенных аксакалов. Чиновник этот с вооруженным конвоем на судах приезжал к нам в Фишани и объявил милость великого государя. Народ наш в числе 1800 кибиток из родов: игдырского, эрсары-дарбишского и човдурского в общем собрании, единодушно вступив в подданство России, избрали из среды себя восемь почтенных, аксакалов и отправили их в Астрахань с всенародным прошением. Но, к несчастью, до возврата упомянутых старшин кайсакцы усилились и весь мангышлакский народ пришел в расстройство. Часть его под предводительством Ильчкаралы-бека, (Личность Ильчкаралы-бека установить не удалось) удалась к астраханскому краю, а другая, большая половина перешла к хивинскому владению; таким образом не могло совершиться великое намерение наше. Киргизцы впоследствии много и сильно грабили народ наш, многих перебили и привели нас в совершенную нищету, и тогда по необходимости човдурский род наш должен быть по близости места передаться Хиве, оставшись изменниками в данном слове перед великим государем. Род игдырский также последовал за нами. Арсарыйцы же передались тогда Лябabsкому владению. Хивинский хан забирал тогда к себе даже и тех, которые оставались на Кара-Бугазе. После этого

происшествия Мангышлаком овладели киргизы. В 1816 г. их, вышеупомянутых аксакалов, трое возвратились к нам через Персию, но мы не имели уже никакой возможности исполнить прежнее наше желание и не могли даже уведомить великого государя о злополучии своем, но при всем том мы не лишались все же надежды когда-нибудь соединиться с вашим народом. В нынешнем году по случаю возникших неприятностей с ямутцами (Йомуты) мы возвратились на прежнее наше жительство в Фишани на Кара-Бугазе. Я, Ишанов, с двадцатилетнего возраста узнал русского государя и предался ему душой и телом. Доказательством сему может служить то, что я в 1829 г. выкупил двоих русских подданных, из коих один, по пробывании у меня 10 дней, по недоверенности от меня сбежал, а другой и теперь находится у меня; я взял его к себе по 16-му году, а теперь он уже 21 год. По пословице: «Где есть девица, там есть дума», я знаю, вам очень желательно получить поскорее его от меня. А я вам скажу, что если бы была возможность, то я, одного дня не держа его при себе, немедленно доставил бы его к вам. Потерпите до весны, я уведомлю вас тогда о средствах видетсья со мной. Между киргизами много голодных людей, но ты не бойся, приезжай прямо ко мне, по начале я буду зажигать огонь по двум местам. Если же ты не захочешь приехать ко мне сам, то уведоми меня. Ты чиновник государев, а я его друг. Итак мы должны печисть (То есть беспокоиться) взаимно о сохранности друг друга. Прошлой весной услышал я о прибытии к берегам нашим нескольких лодок для занятия по повелению государя караулов по берегам Карагана. Я немедленно поехал сам на свидание. Людьюми этими из Фишань взяты были четыре лодки, но когда я изъясвил им о себе, то они эти [280] лодки немедленно мне возвратили, объявля мне, что им надобен один хороший ковер, каковой я им и доставил ценой в 75 рублей. Потом я отправился в Фишани. Я хотел доставить им одного русского подданного, находившегося тогда в Синбре у начальника Дернича, но не успел. Да не останется вам тайной дело, что на Кара-Су захватывают много русских подданных и продают в Хиву. Неужели великому государю об этом не доносят. Я слышал, что в нынешнем году взято там 46 человек; я думаю, что если бы великий государь повелел выстроить на Барюкаге крепость и взяв людей из народа Аргалия Ильчева, присоединяя к оным несколько солдат на занятие караулов, то разбойники непременно должны будут укротиться. Я прошу вас, чтобы вы отправили это письмо мое к великому государю, а к нам пришлите грамоту на русском языке с татарским (туркменским) переводом. Если вы будете иметь к нам какую-либо нужду, то уведомляйте обо всем нас тайно и берегитесь, чтобы не осведомились обо всем, мной писанном, кайсаки. Если они узнают что-либо о наших сношениях, то тотчас же донесут об этом хивинскому хану, и тогда мы пропали, потому что игдыры и човдуры завися вполне от хивинского хана, не имеют к себе никакой воли. Если бы мы были самобытны, то, конечно, давно уже предались бы великому государю, но при всем том мы по прежнему данному слову пребываем в совершенной готовности при первой возможности вступить в подданство. Со времени заселения вашего на настоящем месте мы имели желание вступить с вами в сношение, но, опасаясь врагов своих, мы удерживались до удобного случая. И мы во всем полагаем надежду свою на великого государя. Вы обо всем узнаете достоверно, когда состоящий теперь при мне русский подданный явится к вам. По праву дружбы писано сие письмо в 1835 г. 14-го дня месяца рамазана. Я слышу, что на Карагане-Барюкаге два богача выставили по лодке в намерении, по вскрытии моря, на одной плавать в Карагане, а на другой в Кызыл-Узане. Если вы уничтожите их намерение, то весной на воде водворилось бы спокойствие, потому что, кроме сказанных, там нет ни одной лодки.

На подлиннике приложены три печати

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1838—1840 гг., д. 4778, лл. 13- 16.

Копия.

посещении крепости туркменскими старшинами

30 июня 1835 г.

Сего месяца 11-го числа приехали к укреплению поселения игдыр и бурунчук туркменцы четыре человека, которых я принял вне крепости; спросил, какая их есть надобность; они объяснили мне через татарина, что они угнетаются хивинцами и своими однородцами, просят покровительства и защиты вашего превосходительства; я приказал их участить, дал им подарки согласно данному уведомлению г-ну Челееву от коллежского асессора Карелина от 23 сентября прошлого 1834 г. № 526, пункт 4-й, и отправил их в свои места.

[281] Сего же числа приехали двое и кроме их четыре человека стариков того же поселения, объясняя, как выше сказано, свои надобности, и подали мне бумагу. Я приказал их угостить и сделать им подарки к отправил в свои места; бумагу же, доставленную ими мне, имею честь представить вашему превосходительству и докладываю, что, не уверяясь на туркменцов и других кочующих киргизов преданность, имею осторожность; во всякое время, как днем, так и ночью, всегда гарнизон готов к защите укрепления.

О чем вашему превосходительству донести честь имею.

Комендант Ново-Александровского укрепления подполковник Лихошерстов

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1835 г., д. 4358, лл. 1—2.

Подлинник.

№ 196

Письмо туркмен Мангышлака коменданту Ново-Александровского укрепления о принятии в подданство России

(Копия этого документа хранится в АВПР, ф. Гл. архив, 1—9, 1832—1848 гг., д. 12, лл. 27—27 об.)

(1835 г.)

Господину начальнику Ново-Александровского укрепления Лихошерстову. По засвидетельствовании нашего почтения имеем честь объяснить, что мы, старейшины и бии туркменцев икдырова отделения, кочующие около Мангышлака в числе 1800 кибиток, обязаны России присягой отцов и дедов наших, вследствие коей и мы по собственному нашему желанию присягаем именем всевышнего быть верными слугами. Отцы и дяди (или старшие братья) наши во времена государя императора Александра Павловича были в Петербурге, имели счастье видеть его величество, принимали присягу, пользовались милостями его и с удовольствием оказывали услуги свои... А как старейшины и бии того времени уже померли, то мы, при вас желая возобновить присягу, посылаем к вам четыре человека старшин биев, и именно сына Гаввая-бия Нургали-бия, сына Мамет Нияз-бия Нурмухаммет-бия и сына Маметкильды-бия Хучимчар-бия. Если уважете сию просьбу нашу, то просим с ними посланными от нас четырьмя биями уведомить нас письменно. (В ответ на данное письмо оренбургский военный губернатор В. А. Перовский в письме К. К. Родофиникину предлагал не отказать в просьбе туркмен и назначить в качестве их правителя кого-либо из казахских султанов (см. АВПР, ф. Гл. архив, 1—9, 1832—1848 гг., д. 12, лл. 25—26))

В удостоверение всеозначенных слов Курбанбахия сын Ходжа Мурат-бий Хатям Иман Курбан Батырь руку и тамгу приложил.

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1835 г., д. 4358, л. 4.

Перевод с туркменского.

**Донесение астраханского военного губернатора министру внутренних дел о намерении
туркмен принять подданство России**

(Копия этого донесения была препровождена Главным морским штабом оренбургскому
военному губернатору (см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4358, л. 7))

31 июля 1835 г.

В числе мер предосторожности, принятых в настоящем году противу захватов хищниками наших рыбопромышленников, отправляющихся на эмбинский лов рыбы, признали необходимым командирование к северо-восточному берегу Каспийского моря военного брига для занятия у так называемого Тюб-Караганского мыса неперменного поста. Командир помянутого брига лейтенант Усаченко, крейсируя в предназначенных ему местах и с целью истребления хищнических лодок, открыл близ залива Александр-Бай за так именуемым Меловым Бугром туркмен, кочующих у сего места в числе 5500 кибиток. (Об этом см. док. № 189) Войдя в ближайшие с ними сношения, Усаченко дознал, что старшины от народа ищут и желают подданства России, что, по сказанию тех туркмен, они считают себя под покровительством нашего правительства и что туркменцы ищут неприязненных действий противу наших рыбопромышленников. Далее Усаченко доложил, что туркмены добровольно изъявляют свое согласие содействовать к открытию захватов, чинимых сыздавна в соседстве кочующими киргиз-кайсаками, и что в удостоверение прямого их желания содействовать искренне в означенном деле нашим крейсерам они согласны на выдачу от себя аманатов.

В заключение всего Усаченко, представя ко мне первоначально отобранное им удостоверение относительно желания их подданства... (Опущены слова, не имеющие смысловой связи с текстом) просит насчёт удовлетворения ходатайства туркмен распоряжения. Получив такое донесение и желая поверить означенное ваше показание туркмен касательно давнего их нахождения под покровительством нашего правительства, я обращался к делам прежнего времени, которые указали мне, что однородцы открытых командиром брига туркмен действительно просили в 1811 г. принять их в подданство России (Об этом прошении туркмен см. док. № 119) в числе 5900 кибиток, но дело прекратилось без всяких дальнейших успехов и выгод для нашего правительства, как, ваше высокопревосходительство, усмотреть изволите из включаемой у сего краткой записки.

Основываясь на таковых видах дела, я некоторым образом хотя и убедил, что нынешнее ходатайство туркменцев не может сопровождаться лучшими успехами, но как желание туркмен подданства на первый раз не сопровождается никакими в вознаграждение их требованиями и льготами, то я, не находя к исполнению их желания препятствий, разрешаю командиру брига объявить туркменцам, что они в полной мере могут надеяться на покровительство России, если только верность их и приязнь в оной ни чем не будут нарушены, что равным образом им дозволяется утвердить клятвой преданность свою и выдать аманатов в залог оной из среды людей знатнейших и почтеннейших между ними, но с тем, что переселение их на астраханские степи, если бы они того пожелали, должно зависеть от их произвола и на их счёт. При чем поручил Усаченко предварить старшин туркменских, что сбережение во всяком случае русских промышленников от захватов и употребление всех средств к освобождению из плена наших рыболовов и [283] прочих людей будет принято начальством с признательностью и что действия таковых, указав прямую преданность их к нашему правительству, будут поводом к получению истинных прав на покровительство России.

О чем вашему высокопревосходительству имею честь донести. (Документ без подписи)

Архив АН СССР, ф. 157. оп. 1, д. 135, лл. 9—12 об.

Копия.

Предписание Азиатского департамента Министерства иностранных дел Г. С. Карелину о его правах и обязанностях во время экспедиции в Туркмению

3 сентября 1835 г.

Министерство иностранных дел, сим подтверждая вам о сообщении возможной осторожности при сношениях, какие будете иметь во время путешествия с кочующими по восточному берегу Каспийского моря киргизами и туркменами, и о ласковом с ними обхождении, чтобы тем самым более и более вкоренить в них любовь, преданность и доверие к России, долгом считает, между тем, поставить вам на вид, что в случае, если бы при сих сношениях какие-нибудь племена туркмен обратились к вам с изъявлением своего желания прислать сюда депутатов, дабы ходатайствовать о чем-либо, то, не отклоняя подобного с их стороны домогательства, а, напротив, поддерживая их в сем намерении, вы можете внушить им, чтобы они отправили для сего депутатов своих в Астрахань как ближайший пограничный город, откуда местное начальство даст им дальнейшее направление; сами же немедленно дадите знать о сем астраханскому главному начальству, вместе с чем донесете и министерству. Действия ваши в сем случае должны ограничиться одними внушениями и советами, которые дадите в виде ваших собственных, воздерживаясь, впрочем, от всяких внушений туркменам, подвластным Персии.

Родофиникин

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 16, лл. 47—47 об.
Подлинник.

№ 199

Обращение туркменских старшин к астраханскому военному губернатору с просьбой принять их в подданство России

24 августа—3 сентября 1835 г.

Его превосходительству господину астраханскому военному губернатору великая просьба старшин туркменского народа.

Еще в 1811 г. мы просились в подданство России, посылали об этом бумаги к г-ну вице-губернатору Вельсовокому, наложив, что нас [284] числом 2300 семей. Потом еще поколений: икдырского 3100 семей и арсарского 500 семей снова входили с помянутой просьбой. В 1812 г., при Степане Семеновиче, выбрав из среды нас доверительных людей, отправили их в Астрахань как полномоченных послов, присовокупив к прежней просьбе новую: иметь счастье представиться великому императору. Из 20 посланных трое возвратились к нам без успеха, и с того времени мы никакого известия не имеем, как бы великий государь забыл нас.

Карсаки — враги наши — в набегах своих одних умерщвляют, других в плен берут. Ловят рыбу в водах наших.

Однако мы просим как величайшей милости: охранить нас высочайшим могучим покровительством монарха русского, осенить нас благословенной тенью его!

Мы — народ бедный, неимущий и переплыть в Астрахань не можем, а здесь, на песчаном местечке нашем, притесняют нас все!... (Приводятся подписи 24 туркменских старшин Мангышлака)

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 135, лл. 25—26.
Перевод с туркменского.

**Отношение министра внутренних дел астраханскому военному губернатору о просьбе
туркмен принять их в подданство России**

29 сентября 1835 г.

От 31-го прошлого июля ваше превосходительство изволили сообщить мне об изъявленном одним туркменским племенем желании поступить в российское подданство.

Я входил в сношение по сему предмету с г-ном управляющим Министерством иностранных дел, который ныне отозвался, что признание сих туркменцев нашими подданными хотя и не сопряжено, по-видимому, ни с какими издержками или дарованием им каких-либо льгот, но, не менее того, оно влечет за собой необходимость защищать их и покровительствовать, ибо признать их российскими подданными и в то же время оставлять без всякой помощи против нападения хивинцев и других соседственных им кочевых народов было бы несообразно с достоинством России, и что, следовательно, предмет этот довольно важен и должен быть рассмотрен в Азиатском комитете, а до тех пор он полагает воздержаться от всяких, решительных мер.

Уведомив с сим вместе тайного советника Родофиникина о согласии моем на его предположение с тем, чтобы изъясненное дело он внес на рассмотрение азиатского комитета, я долгом считаю сообщить о том вашему превосходительству, присовокупляя, что о положении по сему делу азиатского комитета я буду иметь честь дать знать вам, милостивый государь, в свое время.

Министр внутренних дел статс-секретарь. (Подпись неразборчива)
За директора статский советник Джевский

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 135, лл. 19—19 об.

Подлинник.

[285] № 201

**Отношение управляющего Азиатским департаментом Министерства иностранных дел К. К.
Родофиникина оренбургскому военному губернатору по поводу принятия туркмен в
подданство России**

7 октября 1835 г.

Милостивый государь Василий Алексеевич!

Отношение (Документ не обнаружен) вашего превосходительства от 24-го истекшего сентября за № 1393 по предмету поступившей к вам просьбы от туркмен игдыров и бурунчукского племени я имею честь получить и поспешил препроводить оное к государю императору.

Подобная же просьба туркмен, другого только племени, сообщена была астраханским военным губернатором министру внутренних дел, а от сего последнего Министерству иностранных дел.

Дело сие нахожу весьма заслуживающим уважения и зрелого соображения, а потому как скоро вице-канцлер возвратится, оное внесено будет на окончательное рассмотрение Азиатского комитета, о решении коего задолго себе поставлю вас, милостивый государь, в свое время уведомить.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Родофиникин

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1835—1840 гг., д. 4358, л. 16.

Подлинник.

**Представление управляющего Азиатским департаментом Министерства иностранных дел
Николаю I о желании туркмен принять подданство России**

11 октября 1835 г.

При сим имею счастье поднести на благоусмотрение вашего императорского величества отношение генерал-адъютанта Перовского о желании, изъявленном некоторыми туркменами, поступить в подданство России. По сему предмету имеются в виду Министерства иностранных дел по Азиатскому департаменту разные предположения, клонящиеся к отвращению враждебных действий хивинцев. Осмеливаюсь испрашивать высочайшего повеления как дело сие, так и предположение Министерства, имеющее связь с оным, внести на рассмотрение Азиатского комитета.

Тайный советник Родофиникин

АВПР, ф. Гл. архив, 1—9, 1832 -1840 гг., д. 12, л. 34—34 об.
Подлинник.

[286] № 201

**Из решения Азиатского комитета о желании мангышлакских туркмен принять подданство
России**

(1835 г.)

Оренбургский военный губернатор, извещая, что туркмены поколения игдыр и бурунчук изъявили желание поступить в подданство России, полагает назначить для них четвертого султана-правителя под именем Усть-Уртского, который бы имел в своем ведомстве и киргизов адаевского рода. В то же время другие поколения туркмен, кочующие за Меловым бугром, обратились с просьбой о том же к астраханскому военному губернатору. По рассмотрении сего предмета (*Вопрос о туркменах, изъявивших желание вступить в русское подданство, был обсужден в Азиатском комитете Министерства иностранных дел 26 октября 1835 г. (см. АВПР, ф. Гл. архив 1—1, 1833—1837 гг, оп. 10, д. 1, лл. 3—4 об.)*) Азиатский комитет полагал бы предварительно отнестись к генерал-адъютанту Перовскому, (*Отношением от 25 ноября 1835 г. Азиатский комитет просил оренбургского военного губернатора В. А. Перовского высказать свое мнение по вопросу о создании единого правления над туркменами и назначении к ним хана (см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4358, 1835—1840 гг., лл. 18—19)*) дабы, сообразив все в совокупности, представил свое мнение насчёт возможности подчинить тех и других туркмен под власть одного султана правителя, и по получении такового (*Оренбургский военный губернатор в ответ на письмо Азиатского комитета вновь подтвердил свое мнение о целесообразности назначения единого правителя хана для туркмен и казахов, населявших Устьурт (см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4358, 1835—1840 гг., лл. 20—21)*) приступить к окончательным суждениям.

АВПР, ф. Гл. архив, 1—1, 1833—1837 гг., оп. 10, т. 1, лл. 2—2 об.

**Из письма Г. С. Карелина министру финансов Канкрину о значении Ново-Александровской
крепости в торговле России со Средней Азией**

27 ноября 1835 г.

...Бесчисленные препятствия и самый отказ в казенном пароходе для вывода экспедиционного шкоута «Гавриил» из устьев Волги заставили меня зимовать здесь, с потерей некоторых, хотя, правда, незначительных издержек, на снаряжение шкоута, наём людей и содержание казаков.

Не ранее, как в исходе февраля или в начале марта, могу я выбраться отсюда, но чтобы не совсем потерять время, то офицеров моих посылаю в разные места: штабс-капитана Бларамберга в Тифлис к туркменскому старшине Кият-ага для собрания предварительных сведений по предстоящему осмотру берегов от реки Атрек до залива Кара-Бугаз; поручика горных инженеров Фелькнера в ханство Талышинское для произведения геологических наблюдений, если холера, чума и другие обстоятельства не попрепятствуют. Сам же займусь здесь составлением подробнейших отчётов об истинном положении торговли и промышленности, в особенности же рыболовства и шелководства.

Соляная операция по злоупотреблениям на северо-восточных [287] берегах и острове Челекен также достойна внимания его сиятельства графа Егора Францевича. Доселе нет ещё верной карты западной части Каспийского моря: купцы наши весьма часто приобретают новые сведения собственным несчастьем. Весьма любопытно и важно собрать известия о вновь замеченных рифах, камнях и мелях и впоследствии поверить. Правильного плаванья здесь нет; всю неудачу и морское дело в худшем положении того, в каком было за 100 лет при Петре Великом. Считаю долгом совести донести вашему превосходительству обо всем мне известном относительно Ново-Александровска.

В настоящее время укрепление это производит недоразумения между вами и Василием Алексеевичем Перовским, который письма вашего превосходительства считает, кажется, более или менее основанными на ложных, со стороны моей, внушениях. Не только мне всегда казалось, но и теперь я совершенно уверен, что Ново-Александровский пункт полезен в следующих отношениях: 1) близок к Хиве, следовательно, выгоден как для торговых, так и для военных, в случае нужды, видов; 2) в содействие с Аральским морем, на котором рано или поздно не обойдется без надежной точки опоры и небольшой флотилии для разъездов по Сыр и Аму-Дарьям, вопреки нелепому разглагольствованию Сеньковского, (Личность Сеньковского не установлена) которому стороной внушено соврать об устьях последней реки; 3) для влияния на туркмен и киргизов, находящихся в неопределенных, но вредных для нас к Хиве отношениях; 4) наконец, чтобы иметь глаз и ухо в крае, к которому не можем мы быть политически равнодушны. Хотя не видели мы еще вполне сбывшихся ожиданий, но краткость времени позволяет надеяться на многое в будущем. Теперь ещё идут одни попытки. Таким образом, отправлено в Ново-Александровск на значительную сумму хлеба и товаров, и я знаю, что мена с киргизцами была весьма выгодная. Что же касается до караванов азиатских, безотчётно недоверчивых, то они не идут в Ново-Александровск, весьма естественно, не столько по собственному убеждению, или произволу (в чем имел я случай удостовериться), как по распоряжению своего правительства, без сомнения рассчитывающего, что если оно дозволит этот новый и по сравнению кратчайший путь, то как бы ободрить нас более и более утверждаться в укреплении, соседство которого ни в каком разе не может быть для Хивы приятным. Василий Алексеевич думает, что основание укрепления в Новом Мангышлаке при Тюб-Караганском мысе было бы выгоднее, как по местным удобствам, близости к Астрахани, глубине моря, так и потому, что хивинские караваны искони приходят туда для переезда в Астрахань. Насчёт местных удобств думаю, что Ново-Александровск не так обижен природой, как мангышлакские окрестности, где колодцы хуже и скуднее Ново-Александровских. Комендант укрепления делал опыты в течение нынешнего года, засевая хлеб и разные огородные овощи: все, кроме картофеля, родились превосходно.

Близость Тюб-Караганского выкупается большим отдалением от Хивы, а если мы хотим достигнуть до прямых и самостоятельных торговых сношений со Средней Азией, то мангышлакским путем, без больших пожертвований, едва ли выполнится это желание. Астраханские купцы издавна помогали, не продавая своих товаров азиатцам на месте, самим отвозить в Хиву, но никогда не достигали этой цели и, следуя между враждебными племенами киргизов, туркмен, не редко платились не только благосостоянием, но и самой жизнью, особенно христиане.

Занятие Мангышлака имело бы последствиями: конечное уничтожение морских разбоев на

восточных берегах, обращение хивинских [288] караванов на Ново-Александровск и распространение рыболовства. Азиатские купцы увидели бы обычный свой притон занятым вооруженной рукой и разочтя, что выиграют 10 или 11 [дней] трудного, лишнего пути, а притом сберегут издержки, поворотили бы к месту, от которого плавание до Астрахани и безопасно и доступно тем же плоскодонным судам, которые ходят ныне в Мангышлак... (Опущен абзац, не относящийся к теме сборника).

Еще донесу вашему превосходительству, что вызванные лет за 30 перед сим в Россию туркмены и вопреки обещаниям не получившие ещё для кочевков своих участка земли, приезжали сюда ко мне с тайной просьбой о дозволении им в числе 270 кибиток перекочевать в окрестности Ново-Александровска. Они летом и зимой вынуждены платить кондуровским татарам тяжкую плату за дозволение приютиться и предложили из среды своей давать по 100 человек для содержания стражи в укреплении. Мангышлакские однородцы их, как, я думаю, уже известно вашему превосходительству, также просят о принятии их в подданство России. Таким образом, если уже не для политических видов, то для безопасности укрепления и торговых выгод, казался бы мне подобный случай вполне заслуживающим внимания вашего превосходительства. Вообще, если будет только на то воля Ваша, я готов поселиться года на три в Ново-Александровске, доказать всю суетность и пристрастие предубежденных противу этого места. Велите только: я всегда готов, и если только бог даст здоровья, надеюсь заслужить ваши милости.

Относительно англичанина Стрейндона, о котором давно ко мне писали (от 6 августа), вот что известно: он нанял судно у зензелинского купца Мешеди Багира, отправлявшегося в Челекен (Нефтяной остров) за солью; обрил голову, оделся по-татарски и хотел пробраться в Туркмению, но, преуведомленный о грозившей ему опасности от туркмен, убрался на том же судне назад и вышел на берег в местечке Каргазу, в 15 милях от Ленкорани, откуда поехал в Таврис. Только кажется, что возил его родственник здешнего, принявшего подданство России Мир-Абуталиб Мир-Багирова, но и в политическом отношении [о нем] буду иметь честь писать особо и очень много. Теперь же всепокорнейше прошу ваше превосходительство не говорить ни слова из написанного астраханскому военному губернатору Тимирязеву, с которым он большой приятель и опутал бедного губернатора кругом... (Далее приводятся данные, не относящиеся к теме сборника)

Григорий Карелин

Архив АН СССР, ф 157, оп. 1, д. 17, лл. 1—4 об.
Подлинник.

№ 205

Из инструкции Генерального штаба штабс-капитану И. Ф. Бларамбергу об обследовании восточного побережья Каспийского моря

[Начало 1836 г.]

Господин военный министр входил со всеподданнейшим докладом о пользе назначения офицера генерального штаба в числе чиновников, составляющих высочайше учрежденную экспедицию для обозрения восточного берега Каспийского моря — от Тюб-Караганского мыса к югу [289] до пределов персидских. Государь император, обратив внимание на сие представление его сиятельства, высочайше соизволил назначить для сего ваше благородие. Экспедиция сия, состоявшаяся по всеподданнейшему докладу г-на министра финансов, высочайше назначена для подробного исследования восточного берега Каспийского моря с целью распространить торговые выгоды наши с сей стороны открытием кратчайшего и удобнейшего пути, по коему можно бы войти в теснейшие торговые сношения с тамошними прибрежными племенами, а впоследствии и с народами, расположенными от сего моря на

юго-восток.

Начальство над экспедицией и исполнение сего предначертания в назначенных пределах возложены на Министерства иностранных дел коллежского асессора Карелина, снабженного на сей конец особой, составленной по высочайшим указаниям, инструкцией.

Ваше благородие имеете состоять в полном распоряжении начальника экспедиции, исполняя в точности его приказания и стараясь всеми зависящими от вас способами содействовать ему в успехе предстоящего поручения, коего последствия могут быть для нас весьма важны.

Направление экспедиции и всех работ, кои следует произвести при сем случае, будет совершенно зависеть от г-на Карелина, который имеет употребить вас, по своему усмотрению, собственно для топографической и этнографической части экспедиции, в военном отношении и в применении оных к торговым сношениям нашим с прибрежными племенами Каспийского и Аральского морей и их соседями. По сему мне остается только указать предметы, на кои вам надлежит в особенности обратить внимание.

1. Весь восточный берег на показанном пространстве должен быть снят вами на план по возможности; важнейшие заливы, якорные стоянии и места, важные в военном или торговом отношении, следует определить и описать в подробности. Заливы Александрийский, Киндерлинский и Кара-Бугазский почти вовсе неизвестны. Желательно иметь подробные планы сих заливов со входами в гавани их; из них особенно замечателен последний по двум носам, заграждающим вход в оный. При сем не должно упустить из вида промер глубины главных проходов и залив Балханский, описанный генерал-адъютантом Муравьевым.

2. Каспийское море соединялось, как полагают, с Аральским. Генерал-адъютант Берх, думает, что соединение одного посредством вод залива Мертвого Култука невозможно в сем месте, ибо моря разделяются плоской возвышенностью, называемой Устюртом. Начало и конец сей возвышенности надлежит исследовать в подробности, особенно южный берег оной, оканчивающийся на всем протяжении своим обрывом и называемый туземцами, по словам генерал-адъютанта Муравьева, «берегом прежнего моря». Сие заставляет полагать, что берег сей связывал два соседственных моря... (Опущен третий пункт инструкции, не относящийся к теме сборника)

4. Об Астрабаде имеется весьма мало сведений... Определение в сем месте границы Персии с Туркменией и описание оной во всей подробности не менее важно. Река Туран, так называемая астрабадцами в противоположность Ирану (Персии), а на наших планах именуемая рекой Турчинкой, (Гургенкой (примечание в документе)) служит исстари пределом персидских владений с туркменскими кочевьями. При сем следует заметить, что Астрабадский порт нельзя смешивать с городом сего же имени, находящимся в некотором отдалении от берега. О положении Зензели и близ него расположенного города Решта также следует собрать всевозможные сведения, хотя из расспросов, как о пункте, не менее астрабадского, важном. По [290] бумагам, имеющимся в департаменте генерального штаба, видно, что рыбные ловли на оконечности Потемкина полуострова богаты и отдаются от астрабадских ханов русским астраханским купцам в откупное содержание; нет сомнения, что от них можно получить при соблюдении надлежащей осторожности о сем месте весьма полезные сведения, если только известие об откупном промысле сих купцов справедливо.

5. Совокупно с определением берегов вы должны собирать, по возможности, сведения о дорогах от Каспийского моря к Аральскому и о всех караванных путях, ведущих от значительных мест восточного берега, а также и от Астрабада в Хиву, Бухару, Герат, Самарканд и Балх. Показания разных мест по подобным предметам не должно смешивать одно с другим; познакомившись с купцами, следовавшими при караванах, вам будет легко собрать много таких маршрутов, кои потом друг другу должны служить проверкой. При сем надлежит обратить внимание на оба пути, пройденные генерал-адъютантом Муравьевым в 1819 г. от Красноводского залива к Хиве, для сличения выгод и невыгод, представляемых оными, с теми, кои описывает генерал-адъютант Берх от Мангышлакского залива, Сарайчика и Оренбурга.

6. За сим следует собрание сведений о торговле по восточному и южному берегам Каспийского

моря с означением в подробности предметов, составляющих оную; времени отправления караванов из разных мест и величину оных; различных пошлин, взимаемых туземцами с товаров; мест, известных промышленностью, и какой именно; народонаселения, управления краем, духа обывателей и проч... (Опущены сведения о подготовке астрономических наблюдений и данные о финансовых расходах и т. д.)

Генерал-лейтенант Шуберт

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 16, лл. 15—20 об.

Подлинник.

№ 206

Записка астраханского купца Мир-Багирова астраханскому военному губернатору о развитии торговли с Хивой и Ираном через остров Челекен

(11 апреля 1836 г. записка Мир-Абуталиба Мир-Багирова была доведена до сведения канцлера К. В. Нессельроде (см. АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1836—1864 гг., д. 5, лл. 11—11 об.))

5 февраля 1836 г.

Остров на Каспийском море, называемый Челекеном, он же и Нефтяной, лежит на восточной стороне близ туркменского кряжа, в расстоянии от Астрабадского залива на 350, а от берега в 20 верст.

На всем пространстве сего острова находятся источники нефтяные, соляные и особо жидкости сального свойства черной цветом, удобной для освещения, называемой нефтягил, без дурного запаха.

Лет за 16 тому времени остров Челекен не был обитаем туркменами, он находился в свободном положении, но один из туркмен, кочевавших при берегу Астрабадского залива, некто из кузнецов по имени Кият, который имел случай быть в Астрахани, научившись объясняться по-русски, всмотревшись в свойство торговых дел и положение прав Каспийского моря, отправился через три года обратно на прежнее жительство и в упоении духа к приобретению богатства и желания независимости от неиствующих туркменских старшин от них отложился.

[291] Остров Челекен в исполнение плана его стал удобнейшим предметом, Кият нашел из туркмен последователей себе, склонил их и с ними, в числе 40 кибиток, (В другом документе сообщается «Из туркмен покровительства России ищут те в особенности, которые, отложась от своих ханов, в персидских владениях пребывающих, находятся на обливных Каспийского моря островах, вообще называемых нефтяными. Число их не более 1000 кибиток, над коими старшиной известный Кият, обрусевший, так сказать, по связям с русскими, и который, из простого кузнеца сделавшись старшиной, имеет большое влияние на умы своих островитян» (см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4358, лл. 30—31)) бежал с прежнего кочевья на означенный остров Челекен, где свое кочевье, чтобы лучше удержать свою независимость от туркмен, которые не оставляли его без преследования, он обратился к российскому правительству, отправляясь несколько раз в Тифлис и являясь там к главноначальствующим, представил себя к услугам, кои были приняты. Но польза их более или менее соответствовала настоящей своей цели, по крайней мере Кият не упустил ничего из виду для своего блага, он при каждом возвращении из Тифлиса посеивал слухи между туркменами об особенном к нему благорасположении российского правительства и, наконец, внушил, что пожалованная ему золотая медаль есть знак благоволения на уступку в полное его распоряжение означенного острова и что всякое к нему, Кияту, и выгодам острова притязание может быть со стороны российского правительства уничтожено во всем существовании того, кто будет виновником в покушении.

Народ, каковы туркмены, состоя в глухой давности от России, и чужды всякого сведения, допустив к себе вероятность, Киятом выдуманную, и они из уважения к российской державе, в

владельчествовании которой состоит и самое Каспийское море, не простирают далее к тому острову Челекен, как чуждому твердой земли, никакого влияния.

Таким образом, природные источники острова Челекен обращаются в собственную корысть одного туркменца Кията, который нефть отпускает продажей для продовольствия жителей персидских провинций: Астрабадской, Мазандеранской и Тункабинской, оставя через то бакинскую нефть, состоящей казенной оброчной статьей на откупе, для одной Гилянской провинции; соль с озер, лежащих на том острове, без исключения идет для жителей Гилянской и прочих персидских провинций; прежде же произведение источников в виде черного сала отпускается в Хиву, для которого хивинцы нарочито приезжают на туркменский кряж и разбирают более 2 тыс. пудов.

Сие последнее сношение хивинского народа с островом открывает особую дорогу от туркменского кряжа в Хиву, эта дорога идет подле Балханской горы и не более как в 7 дней совершит ход караванов до Хивы, она достаточна пресной водой и не имеет никакого пути затруднения. Другая же дорога под названием Ох имеет совсем тому противное положение. Она идет близ Мангышлака, безводна, песчана, гориста и далека; по ней хотя известный российский путешественник г-н Муравьев и был проводим вызвавшимся из преданности к российскому правительству кем-то из туркмен, и едва ли не тем ли Киятом, о котором упоминается здесь под именем обитателя острова Челекен, но он, конечно, не хотел показать той ближайшей дороги близ Балханской горы и повел нарочито дорогой Ох, дабы первую сокрыть от сведения российского правительства.

Что дорога Балханской горы имеет противу дороги Ох совсем другую удобность, доказательством тому послужит бывшее отправление в Хиву в 1833 г. товаров российскоподданным из персиян 1-й гильдии купцом Мир-Багировым, приказчик которого из персиян доставлял этой [292] дорогой без всякого затруднения товары, привез оные в Хиву и по продаже возвратился оттуда тем же путем с искупленным там товаром.

Выгодные и необходимые для жителей персидских провинций источники, коими изобилует остров Челекен, хотя и обращали на себя внимание персидского правительства на обладание сим островом, но неимение морских судов, необходимых в сношении с островом, уничтожило эту предприимчивость, следовательно, в настоящем положении сего острова нет ближе и справедливее принять остров Челекен в принадлежность российского правительства подобно прочим островам, состоящим в Мангышлакском заливе, а именно: Кулалы, Подгорный, Святой, Орлов и прочие, на которых ныне свободно производится российская промышленность. Остров Челекен сам по себе не менее откроет полезнейших видов для России, то есть и через приобретение пользы от источников онаго, которые из персиян российский подданный 1-й гильдии купец Мир-Багиров на первый случай соглашается взять на четырехгодичное содержание и может платить за это в год по 40 тыс. рублей в пользу государственных доходов, и ближайшее сношение с Хивой; допустив только на туркменском кряже некоторые торговые связи, тут обитаемый народ охотно войдет и в подданство России, и пленные в Хиве откроют для себя путь к выходу на свободу. (Документ без подписи)

АВПР, ф. Гл архив 1—9, 1836—1864 гг., д. 5, лл. 4—8.

Копия.

№ 207

Донесение астраханского военного губернатора управляющему Азиатским департаментом Министерства иностранных дел о природных богатствах острова Челекен

21 марта 1836 г.

Милостивый государь Константин Константинович! По прибытии моем из С.-Петербурга в Астрахань здешний из дворян 1-й гильдии купец Мир-Абуталиб Мир-Багиров при официальной

бумаге от 5-го февраля (См. док. № 206) представил ко мне записку, в списке у сего включаемую, с изложением описания острова Челекена (он же и Нефтяной), лежащего близ туркменского кряжа около восточных берегов Каспийского моря.

В записке этой Багиров главнейше изъясняет:

а) что остров Нефтяной изобилует знатным количеством нефти, солеными местами и особо, по его словам, жидкими веществами черного цвета, сального свойства, годными на освещение;

б) что остров Челекен, или Нефтяной, находится в владении некоего Кията из рода трухменцев, который, завладев сам собой (То есть самовольно) сим островом и произведя торг добываемой там нефтью и солью, сбывая оные в Астрабадской, Мазандеранской и Тункабинской персидских провинциях, делает подрыв сбыту нефти и соли, добываемых в российских провинциях;

с) что изобилие Нефтяного острова вышесказанным сальным веществом, годным для освещения, привлекает туда хивинцев, которые и разбирают оное для своего употребления до 2 тыс. пудов;

[293] д) что от туркменского кряжа к Хиве, кроме дороги, именуемой Ох, указанной туркменцами генералу Муравьеву во время следования его в Хиву, существует неизвестная ещё для российских подданных дорога, удобнейшая и кратчайшая для следования караванов в Хиву, помимо Балханской горы;

е) что богатство Нефтяного острова нефтяными источниками, солью и проч., для Персии необходимых, хотя и обращали внимание тамошнего правительства, но Персия не имеет способов сим островом воспользоваться по неимению морских судов для сообщения с государством... (Опущены слова, не имеющие логической связи с текстом) и что по обладанию нашим правительством Каспийским морем утверждению за собой островов у восточных же берегов сего моря остров Нефтяной должен быть усвоен ближе Россией подобно островам, близ туркменского кряжа лежащим, как-то: Кулалам, Подгорному, Святому и проч., нежели находиться в руках частного лица, каков Кият из рода туркменцев.

В заключение всего астраханский из дворян 1-й гильдии купец Мир-Абуталиб Мир-Багиров присовокупляет, что в убеждение несомненных выгод, предоставляемых по торговле с островом Нефтяным, он вызывается платить казне за отдачу сего острова ему, Багирову, в четырехгодичное откупное содержание на первый уже раз по 40 тыс. рублей в год.

Находя вышеупомянутые обстоятельства, изъясненные Багировым, заслуживающими внимания и предавая оное ближайшему благоусмотрению вашего высокопревосходительства, обязываюсь довести до сведения вашего, милостивый государь, что, имея в виду отношение (Документ не публикуется) ваше от 6 августа 1835 г. № 1945, я признал нужным подлинную записку гражданина Багирова по сему делу в то же время передать начальнику экспедиции, посылаемой для осмотра восточных берегов Каспийского моря, коллежскому асессору Карелину.

Примите удостоверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими имею честь быть вашего высокопревосходительства милостивого государя покорнейший слуга

Н. Тимирязев

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1836—1864 гг., д. 5, лл. 2-3, 10.

Подлинник.

№ 208

Рапорт Г. С. Карелина главнокомандующему на Кавказе о мерах по развитию торговли рыбными продуктами в Юго-Западной Туркмении

(27 марта 1836 г. Г. Карелиным был послан рапорт такого же содержания министру финансов и главноуправляющему корпусом горных инженеров Е. Ф. Канкрину (см. Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 23, лл. 22—25))

23 марта 1836 г.

Астраханский купец Александр Герасимов (Александр Герасимов лично отвез этот рапорт Г. В. Розену) по совету моему в исходе 1834 г. предпринял поездку в Туркмению к юго-восточным берегам Каспийского моря, где через посредство известного приверженностью к России старшины иомутского племени Кият-бека вступил в [294] самое дружественное и тесное сношение с туземцами, заключил с ними промышленный договор, по силе которого туркмены отдали ему воды, между Черной речкой и Белым бугром заключающиеся, с обязательством ловить для него рыбу и готовить клей и икру. Полезные начинания Герасимова увенчались совершенным успехом, но по приходе его в Астрахань вместо ожидаемого ободрения астраханское губернское правление предписало отобрать привезенную им рыбу и товар, а самого Герасимова ещё до прихода с моря без следствия и разбирательства отдать под суд. На эту меру решилось губернское правление, основываясь на прошении, поданном купцом из персиян Мир-Абуталиб Мир-Багировым, что будто бы воды, отданные туркменами Герасимову, суть достояние персидского правительства и от сего последнего даны ему, Мир-Багирову, на откуп. (По этому вопросу впоследствии шла переписка между министром финансов Е. Ф. Канкриным и вице-канцлером К. В. Нессельроде, в результате которой было решено лишить купца Мир-Багирова монопольных прав на перевозку челекенской нефти и соли, на ловлю рыбы у туркменских берегов (см. АВПр, ф. Гл. архив 1—9, 1836—1864 гг., д. 5, лл. 22—24, 27—28 об.).) Впоследствии, когда сам Мир-Багиров усмотрел неосновательность своего домогательства, чтобы подкрепить прежнее прошение свое, представил другие талаги, никем не засвидетельствованные и будто бы данные ему от иомутского отделения туркменов джафарбай, живущих на речке Гурген, подвластных Персии. (20 июля 1836 г. туркмены-иомуды дали купцу А. Герасимову письменное свидетельство о том, что они только с ним заключили контракт на ловлю рыбы, а контракт Мир-Багирова является поддельным (см. док. № 214)) Купец Герасимов, в твердой уверенности на правоту свою полагая, что несправедливый приговор губернского правления, вступившего в разбирательство не принадлежащего ему дела, есть только временное недоразумение или ошибка присутственного места, приготовил по уговору с туркменами шесть мореходных судов со всеми припасами, стоивших ему большей части капитала, но губернское правление, упорствуя в первом своем незаконном определении, приказало обязать его подпиской, что из вод, обозначенных в прошении Багирова, рыбы ни под каким предлогом не принимать и не покупать. Когда же Герасимов, лишась таким образом почти всего состояния, решался уже, известив лично вступивших с ним в связи туркмен о постигшем его несчастии, искать промыслов в других водах, губернское правление предписало, вызвав в Астрахань лоцманов его, стоявших за 100 верст во всей готовности на взморье, обязать подписками в такой же силе, как и самого хозяина их, купца Герасимова. Столь явная затяжка имела следствием то, что, пока лоцманы ездили в Астрахань, наступила зима и Герасимов увидел себя в печальной необходимости нарушить договор с туркменами, ожидавшими его, по условию, осенью, обратить труды их ни во что и лишиться, как он показывает, до полумиллиона рублей в разных по проискам Багирова убытках. Опираясь на благодетельный и справедливый отзыв, данный вашим высокопревосходительством господину астраханскому военному губернатору, и на объяснение, полученное губернским правлением от астраханского порта, Герасимов льстил еще себя надеждой, что в деле спорном, в котором все оправдывало его, он, по крайней мере, до произведения формального следствия на месте или до получения решительного настояния вашего высокопревосходительства будет в законтрактованных водах пользоваться равными с Багировым правами, и во ожидании этого подал господину астраханскому военному губернатору прошение, в котором излагал все подробности, выказал неблагонамеренность и происки Мир-Багирова к устранению в богатых рыболовных водах всякого соперничества с коренными русскими и в [295] заключение просит, чтобы во уважение того, что он вместо чаемого ободрения на поприще отечественной промышленности лишается всего благосо-

стояния, дозволено ему было с самим Багировым или его поверенным разобраться на месте при посредстве моем как чиновника, которому от правительства поручено завести с туркменами промышленные и торговые связи; вместе с тем обратился он и ко мне с просьбой: не отказаться от этого поручения как такого, которое может иметь последствием кратчайшее достижение предположенной мной цели. Я не счёл себя в праве отвергнуть желание Герасимова, во-первых, потому, что дело его тесно связано с видами правительства, изъясненными в высочайше утвержденной, данной мне от его сиятельства господина министра финансов инструкции, во-вторых, Герасимов начал сближение с туркменами по собственному моему совету для расширения отечественной промышленности и торговли, в-третьих, что ещё до приезда моего в Астрахань получил я секретно от господина астраханского военного губернатора бумагу, которою просил меня препятствовать Герасимову в водах, оспариваемых Багировым, таким образом видя, что астраханское местное начальство всеми мерами берет одну только сторону Багирова в конечный вред попыткам коренных русских; я отнесся частным письмом к губернскому прокурору господину надворному советнику Нефедьеву, прося его в случае надобности поддержать Герасимова в справедливом его домогательстве. А как на этот раз губернское правление осталось непреклонным, то господин прокурор нашелся вынужденным протестовать.

Наконец, на днях получен отзыв нашего полномоченного министра в Персии генерал-майора графа Симонича в ответ на требование здешнего военного губернатора объяснение: имеют ли какое-либо право туркмены Гасан-Кулийского и Кюмиш-Тепинского обществ на распоряжение без соучастия персидского правительства водами, оспариваемыми у Багирова Герасимовым (то есть водами, заключающимися между Черной речкой и Белым бугром, лежащим восемнадцатью верстами севернее реки Атрек, вне Астрабадского залива). Отзыв этот написан вовсе неясно, а именно, что полномочный министр обращался к персидскому министру иностранных дел мирзе Масуду с вышеизложенным вопросом и получил в ответ (как и ожидать должно было), что все туркмены суть подданные Персии и не имеют права располагать водами без особенного на то разрешения от астрабадского правителя. Затем его сиятельство граф Симонич, оговорив, что хотя, в сущности, туркмены считают себя независимыми, но персидское правительство всегда старается доказывать права свои на покорность сих племен, заключает: «Вследствие такого объяснения я не затруднился приказать засвидетельствовать в нашей миссии акт, представленный Багировым на откуп астрабадских вод. Губернское правление, не имея ещё в виду подобного решения, всеми мерами поддерживавшее персиянина Мир-Багирова, получив этот отзыв, не только отказало Герасимову, но через полицию определило опубликовать по городу Астрахани, что: как все туркменские племена, по отзыву графа Симонича, подвластны Персии, то чтобы никто не осмеливался ходить в туркменские воды, не спрося предварительного дозволения от астрабадского правителя, причем возвратило Герасимову заключенные им с туркменами талаги с надписью, что они уничтожаются, не приняв в соображение, что подобные талаги то же, что и вексель, ибо по силе заключенного уже условия, нашим начальством засвидетельствованного, как Герасимов, так и туземцы сделали издержки и вошли во взаимные обязательства на большие суммы. Таким образом, определением здешнего губернского правления, неправильно растолковавшим отзыв полномоченного министра в Персии, приведены в недоразумение здешние капитальные [296] промышленники, взиравшие на дело Герасимова как на опыт, долженствовавший указать им новый путь и новые богатства к возвышению упований промышленности и торговли. Купец Герасимов, сделавший большие приготовления, совершенно пал духом и видел неизбежность конечного разорения, ибо распоряжением астраханского губернского правления предоставлен ему был единственный ход в незначительную часть Каспийского моря, эмбинскими водами именуемую, куда ни по роду судов его, ни по запасам итти было незначительно. В этом критическом положении он вновь обратился ко мне, умоляя спасти его и предлагая, что примет все условия, лишь бы помочь отчаянному его положению, которое еще тем становилось ужаснее, что публикация по городу отняла у него кредит как у человека, которого дела и предприятия

должно считать вовсе погибшими. Имея в виду, что начинания Герасимова в тесной связи с государственной пользой и давнишними ожиданиями правительства, я взял его сторону и заключил с ним контракт, по силе коего и на основании данной мне инструкции отдал он суда свои: бриг «Астрахань», шкоут «Св. Андрей» и «Св. Николай» и разъездное судно «Василий» в распоряжение экспедиции с тем, чтобы за разъездное судно с комплектом служителей, долженствовавшее исключительно быть употребленным для береговых описаний, заплатить ему за все время плаванья экспедиции 3 тыс. рублей ассигнациями; а остальными судами располагать по моему усмотрению для торговли и промышленности у туркменских берегов, при чем довольствоваться ему только тем, что доставят примерные опыты, предоставляя дальнейшее ободрение, по мере заслуг, благоизволению высшего правительства. Единственно этой мерой и после неприятной переписки с господином астраханским военным губернатором успел я ободрить купца Герасимова, которого, равно как и брата его Никиту Герасимова, принял я в состав экспедиции и отправляю ныне с почтительнейшим рапортом к вашему высокопревосходительству, осмеливаясь всепокорнейше просить: силой высочайше предоставленной вам власти разрешить Герасимову лов рыбы в туркменских водах, искони свободных, вразумить астраханское губернское правление в важности сделанной им к государственному вреду ошибки, могущей ещё быть исправленной, возобновить контракт, заключенный Герасимовым с Кият-беком и двумя туркменскими обществами иомутского племени, святость которого не дозволяют нарушать ни правота самого дела, ни политика, и что под названием астрабадских вод должен быть подразумеваем Астрабадский залив, омывающий берега двух провинций: Астрабадской и Мазендеранской. Если бы я внял публикации по городу Астрахани, что все кочевые племена Туркмении в подданстве Персии, то мне нечего бы было предпринимать высочайше поведенную мне экспедицию, ибо в инструкции воспрещено касаться персидских пределов. В Баку буду иметь честь ожидать повелений вашего высокопревосходительства.

Карелин

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 23, лл. 9—12.

Копия.

№ 209

Донесение Г. С. Карелина российскому полномоченному министру в Иране генерал-майору Симоничу о тяжбах между астраханскими купцами по поводу рыбной торговли среди приатрекских туркмен

(Март 1836 г.)

Спешу довести до сведения вашего сиятельства событие, которое может иметь важные последствия, и в особенности для астраханского края.

[297] Отзыв вашего сиятельства астраханскому военному губернатору относительно возникшего спора между купцом Герасимовым и из персиян купцом Мир-Абуталиб Мир-Багировым растолкован здешним губернским правлением таким образом, что вся Туркмения есть достояние Персии, и вследствие того постановлено публиковать по городу Астрахани, чтобы никто не осмеливался входить в сношения с туркменами по рыболовству, не испросив на то предварительного позволения от астрабадского правителя. При этом талаги, данные Герасимову туркменами, никогда не признававшими над собой власти персидского правительства и постоянно искавшими сближения с русскими, уничтожены с надписью от губернского правления, что это сделано на основании отзыва вашего сиятельства. Таковое постановление привело в изумление здешних капитальных промышленников, взиравших на дело Герасимова как на опыт, долженствовавший служить мерилom будущих промышленных и торговых сношений с туркменами, которых искони почитали вольными, считая воды

Астрабадского залива пределом персидских владений. Назначенный по высочайшему повелению начальником экспедиции для осмотра восточных берегов Каспийского моря преимущественно в промышленно-торговом отношении, я принял суда Герасимова, который по моему внушению начал похвальное свое дело попытками у туркменцев, в составе экспедиции и ныне нахожусь в совершенной готовности к выступлению в море. Осмеливаюсь всепокорнейше просить ваше сиятельство неумедлить пояснением астраханского губернского правления первого вашего отзыва, по превратному толкованию которого не только терпит Герасимов убытков до полумиллиона рублей, но, не говоря уже о политическом изменении нашей отечественной промышленности, о котором не принимаю смелости рассуждать, угрожают весьма возможные потери. В заключение, по изъявленному сомнению купцом о том, что были ли действительно препровождены к вашему сиятельству подлинные талаги его, Герасимова, с туркменами, имею честь почтительнейше присовокупить, что купец Герасимов на основании контракта с Кият-беком и его однородцами просит утвердить право рыболовства вне Астрабадского залива, от входа в сей залив до Белого бугра, по-туркменски Ак-Куфэ именуемого и лежащего 18 верстами севернее устья реки Атрек.

Карелин

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, ф. 23, лл. 21—21 об.
Подлинник.

№ 210

Инструкция Г. С. Карелина прапорщику Масленникову по обследованию острова Челекен (В настоящее время полуостров)

12 апреля 1836 г.

В состав экспедиции, кроме шкоута «Св. Гавриил» и пакетбота «Св. Василий», вошли ещё следующие суда, принадлежащие астраханским купцам Александру и Никите Герасимовым: (В письме Никите Герасимову от 12 апреля 1836 г. Г. С. Карелин просит братьев-купцов Александра и Никиту Герасимовых придерживаться данной же инструкции (см. Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 23, лл. 36—39)) бриг «Астрахань» и шкоуты «Св. Андрей» и «Св. Николай».

[298] Предписываю вам отправиться с сими судами и хозяином их, астраханским купцом Никитой Герасимовым, прямо к острову Челекену, или Нефтяному. К непременно вашему руководству предлагаю:

1. Отправясь сего числа к месту стоянки брига «Астрахань» и шкоутов «Св. Андрей» и «Св. Николай», принять на них по прилагаемому у сего списка экипаж вольнонаёмных служителей и без малейшего замедления времени, если ветер позволит, снявшись с якорей, следовать прямым курсом к острову Челекену.
2. Отдать приказание, чтобы в ночное время суда не разбивались, но непременно следовали бы вместе и как по этому предмету, так и для других важных случаев условиться в сигналах.
3. По приходе к острову Челекену известите о своем прибытии старшину иомудского племени Кият-хана, которому вручите от меня прилагаемое сие письмо и подарки. С старшиной этим, известным преданностью к России, обойдитесь со всевозможным уважением, а с народом вообще с отличной лаской, стараясь, таким образом, снискать их дружбу и расположение.
4. Так как цель присоединения к экспедиции судов купцов Герасимовых есть опыт о торговом и промышленном отношениях, то вы не только не противьтесь, но всячески старайтесь помогать успеху этого дела.
5. Дозволяется вам в течение дня съезжать на остров Челекен, но к ночи непременно возвращаться на суда.
6. Как вы уже приобвыкли к составлению коллекции по естественной истории, то я вас прошу между прочим заняться и этой частью, на каковой предмет препровождаю к вам разные

запасы. Весьма желательно было бы, чтобы вы до приезда моего из Баку посетили передовые горы Балканского хребта, отстоящего недалеко от острова Челекен, но на это предприятие должны вы решиться не иначе, как на следующих условиях:

- а) получить на то согласие старшины Кият-хана и его однородцев;
- в) взять на суда двух или трех аманатов из известных туркменцев;
- с) отправить верхами и не иначе, как в сопровождении одного из сыновей Кият-бека с достаточным прикрытием вооруженных туркменцев.

7. Ежели во время стоянки вашей у острова Челекен понадобится купцу Герасимову послать куда-либо одно из судов его, то этому не противьтесь, а узнайте только место и цель надобной посылки.

8. В распоряжение ваше вверяется четыре человека уральских казаков и два астраханских с должным на них продовольствием примерно на два месяца.

9. Если на пути противные ветра уклонят вас к восточным берегам и вынудят где-либо остановиться на якоре, то на берега не съезжайте; а если приедут к вам туркмены, то, избегая повода к малейшим неудовольствиям, будьте с ними ласковы, но вместе с тем и крайне осторожны.

10. Если по какому-либо несчастному случаю я замедлю приходом, то вы оставайтесь у острова Челекен до того времени, пока достанет запасов, после чего можете идти прямо в Астрахань. Но ни в коем случае не должны вы отбывать прежде первого июля сего года.

11. Строжайше вам воспрещается при сношениях с туркменами входить в какие-либо рассуждения насчет Персии; вы должны ограничиться просто вежливостями, отклонять вопросы, могущие завлечь вас в политические рассуждения, и твердить им, что вы посланы для теснейшего сближения с ними и чтобы открыть промышленные и торговые связи.

[299] 12. Поставляю вам в обязанность посетить остров Огурчинский, известный лоцманам, с вами отправляемым. Остров этот необитаем, на нем найдете вы пресную воду и в изобилии топливо и проч. Прося вас во всех действиях быть сколь можно осторожнее, я надеюсь, что столь важное поручение окончите к совершенному удовольствию высшего, почтившего нас тесной доверенностью начальства.

Карелин

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 23, лл. 36—39.

Подлинник.

№211

Отношение управляющего Азиатским департаментом Министерства иностранных дел оренбургскому военному губернатору с характеристикой Кият-хана

(Копии этого документа хранятся в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 387, лл. 1—2 и в АВПр, ф. Гл. архив
1—9, 1836—1864 гг., д. 5, лл. 16—18 об.)

22 июня 1836 г.

Милостивый государь Василий Алексеевич!

Отношением (Документ не публикуется) от 6 минувшего апреля № 662 я имел честь сообщить вашему превосходительству выписку из разных сведений, доставленных мне г-ном астраханским военным губернатором, полагая, что оные могут быть бесполезны для отправляемой вами экспедиции в Каспийское море.

В добавление к сим сведениям поспешаю ещё сообщить некоторые подробности о туркменском старшине Кият-беке, доставленные министерству г-ном главноуправляющим в Грузии бароном Розеном: Кият-бек считается старшиной одного отделения туркмен из племени иомуд, он занимает ними весь Челекенский остров (иначе остров Нефтяной), известный своими богатыми нефтяными источниками, на единокровцев своих, обитающих на твердой

земле, он также имеет влияние.

Кият в душе ненавидит персиян, и это было причиной, почему [он] с давнего времени поселился на острове Челекен, цель эта была — избавиться совершенно от их влияния. России он по наружности кажется совершенно преданным и неоднократно являл это на самом опыте, себя и своих считал как бы русскими подданными до того, что детей своих пожелал воспитывать в Тифлисе, где [они] и находятся.

Все вышеизложенное клонится к тому, что Кият-бек, как изволите видеть, лицо полезное и могло бы во многом служить нам орудием. Я за нужное счёл сообщить вам все эти подробности на тот конец, чтобы, во-первых, ознакомить ваше превосходительство на всякий случай с сим туркменским князьком, а во-вторых, поправить невольную ошибку, которая вкралась в помянутом моем отношении за № 662, ибо, помнится, я к вам писал о нем не с должным уважением, передавая единственные сведения, которые тогда имел о нем от астраханского начальства, вообще не благоволящего к Кият-беку. Но после того получены о нем с разных сторон разные сведения, которым нельзя не давать веры и которые проливают ясный свет на достопочтенную особу.

Родофиникин

ГАОО ф. 6, оп. 10, 1835—1840 гг., д. 4358, лл. 22—23.

Подлинник.

[300] № 212

Из рапорта Г. С. Карелина министру финансов о работе экспедиции на юго-восточных берегах Каспийского моря

(Подробные сведения об экспедиции Г. С. Карелина на восточные берега Каспийского моря см.: Г. С. Карелин Путешествия по Каспийскому морю. Записки Русского географического общества, Общая география, кн. X, СПб, 1883. В этой книге помещены журнал или дневные записки экспедиции, статистические, топографические и другие данные о туркменских племенах, об их взаимоотношениях и т. д., сведения о торговле и промышленности восточных берегов Каспийского моря и пр. Подлинники этих документов хранятся в ЦГАДА, ф. 21, разряд XXI, д. 6, ч. I, лл. 20 об.—76; ч. II, лл. 140—415 об.)

1 июля 1836 г.

19 мая суда экспедиции шкоут «Св. Гавриил» и разъездное судно «Василий» снялись с якорей и, отсалютовав крепости Баку, отправились при NNO ветре к острову Челекеню по восточный берег Каспийского моря. На следующий день лотом в 120 сажен дна не достали. Встретившие нас переменные ветры беспрестанно уклоняли, то к острову Огурчинскому на север к Красноводской косе, на которую едва не попали, очутившись в течение 5 минут с 11 сажен на 12 футах. Четыре дня не имели мы возможности пристать к острову Челекеню, или Нефтяному. Разъездное судно «Св. Василий» разлучилось с нами ночью во время шторма, и шкоут получил сильную течь. 25 мая положили якорь на 5 саженях у низменного полуострова Дервиш, за 30 лет перед сим составлявшего отдельный остров. Дервиш длиною в 13 верст очень узок, состоит из песчаных бугров, поросших кустами селитренницы и соляными травами; на южной оконечности есть несколько колодцев с водой солонцеватой, дурного качества. На Дервише живут несколько туркмен иомутского рода, поколение огурджали, то есть морских разбойников; теперь они пасут верблюдов и зависят от Кият-хана, преданного России, которому также принадлежит остров Челекен и полуостров Дарджа, отделяющий Балканский залив от Хивинского. Дарджа и Челекен, или Нефтяной, славятся огромными местами превосходной соли, а последний, сверх того, — изобилием лучшей нефти, для добычи которой вырыто до 1000 колодцев. Оба места подрывают казенный бакинский откуп, и нет сомнения, что в скором времени подобное соперничество совершенно его уничтожит, если

благовременно не будет принято мер, решительных и строгих, как, ваше сиятельство, из донесения моего усмотреть изволите. В Баку находится множество одномачтовых судов, именуемых бакинками и поднимающих от 1000 [до] 1500 пудов груза. Они занимаются перевозкой товаров и только именем принадлежат русским подданным, составляя наибольшей частью собственность подлинных персиян, в руках которых сосредоточивается истинная каспийская торговля. Часть этих бакинок приходит к острову Челекеню, или Нефтяному, где, нагрузившись солью и нефтью, развозят в Астрабадскую, Мазендеранскую, Тункабинскую и Гилянскую провинции.

Получив сведение, что бриг «Астрахань» и шкоут «Св. Николай», принадлежащие купцу Герасимову, находятся у острова Огурчинского, я приказал сняться с якоря и следовать туда. 27 мая съехал я с гг. офицерами на остров Огурчинский, где вступил в близкие сношения с туркменами. Остров необитаем. Зимой живет на нем несколько семей, подвластных Кият-хану, а весной, засеяв огороды арбузами, дынями, огурцами, уезжают, оставляя на 8 месяцев лошадей, коз и баранов; только изредка наведываются, не успели ль в огородах овощи... (Опущены сведения, не представляющие особого интереса для темы сборника) Остров Огурчинский покрыт кустарником, годным на топливо, и отчасти [301] добрыми пастбищами, имеет в длину с N на S 37 верст, но по соразмерности очень малую ширину. В настоящее время по географическому положению своему относительно к Туркмении и Персии представляет большие выгоды. Во всю длину его по восточную сторону наилучшие якорные стоянки для судов большого и малого размера. Окружающие его воды очень рыбны. Отстоит он: от острова Челекена в 20 верстах, от восточного берега Туркмении в 50, от Гасан-Кулийского селения, неподалеку от устьев реки Атрек, в 150, а от мазендеранского берега Персии в 200 верстах. Предприимчивый, капитальный купец мог бы откупить остров у туркмен с предоставлением им единственного права пасти на нем скот. Купец Герасимов находит это легким и возможным, если правительству благоугодно будет согласиться. Северная часть острова, составлявшая прежде отдельный остров и называемая Идаком, (Адак или Айдак) снята нами и положена на карту.

28 мая оставили остров Огурчинский и пошли на юг вдоль восточного берега Каспийского моря, миновали урочище Мамакыз, близ которого залегают пласты каменной соли, прошли бугры Зеленый и Белый и 31 мая положили якорь против главного селения вольных туркмен — Гасан-Кули, где нашли бриг «Астрахань», шкоут «Св. Николай» и разлучившееся с нами разъездное судно «Василий» Прапорщик Масленников, находившийся на бриге «Астрахань», будучи обласкан Кият-ханом и дружественно принят туркменами, позволил купцу Герасимову вступить с ними в торговые сношения; вследствие чего Герасимов купил на деньги и выменял на товар... (Слово неразборчиво) рыбы, клею и икры. Туркмены обещали доставить столько же, если он обождет малое время, на что я и согласился, дозволив ему остаться с своими судами против Гасан-Кулийского селения. В то время, как Герасимов несправедливо был задерживаем в Астрахани, соперник его, купец из персиян Мир-Багиров, всячески домогавшийся разорить его, через брата своего персиянина Мир-Садыка и поверенных, поселял между туркменами, заключившими с Герасимовым контракт, самые нелепые слухи, стараясь повредить ему в особенности, к русским промышленникам вообще; причем склонял туркмен отдать ему приготовленный для Герасимова ещё с прошлогодней осени рыбный товар. Половина туркмен, искушенная разглашениями и тщетно ожидая Герасимова, уступила Мир-Багирову за безделку то, что было наловлено снастями и припасами его противника. Но другая половина, убежденная Кият-ханом и его сыновьями, сберегла приготовленное для Герасимова. Хотя в контракте, заключенном Мир-Багировым с астрабадским начальством, и несправедливо дано ему право исключительного рыболовства от границы Астрабадской провинции до туркменской реки Атрек (от устья, который на юг, до самого Гюргена обитают, свободные туркмены иомутского поколения, не признающие власти персидского правительства), но чтобы впоследствии не подать на себя повода к жалобам, я запретил Герасимову приближаться к устью Атрека, а ограничиться покупкой и выменом рыбы и других товаров у туркмен, начиная

от Гасан-Кулийского селения на север до Красноводской косы.

Во время стоянки на якоре посетили меня два старших сына Кият-хана с многими почётными туркменами. Оба живали в Тифлисе, до некоторой степени образованы, говорят и пишут по-русски и искренно преданы пользам России. В Гасан-Кулийском селении живет несколько сот семейств йомутов, разделяющихся на 12 колен, из коих каждое имеет свои подразделения. Жители занимаются скотоводством и [302] рыболовством, но главный их промысел, общий с челекенцами, — добыча и развозка нефти и соли. Здесь и в Челекене считаются до 100 киржимов и более 60 лодок. Киржимы сделаны из персидского леса, свободно ходят в море и поднимают от 400—800 пудов груза. Вся Северная Персия, то есть провинции Астрабадская, Мазандеранская, Тункабинская и часть Гилянской, освещаются туркменской нефтью и продовольствуются от них солью, а потому вывоз той и другой из Баку ежегодно уменьшается. Нефть продается в кожаных мешках, называемых тулуками, весом в 2 пуда каждый, а соль правильными четырехугольными кусками или кулюпами в 1 $\frac{1}{2}$ пуда. Летом возят туркмены мало и продают дешевле, потому что боятся тамошнего климата, действительно в это время для них вредного, и только в крайней нужде приезжают на персидские берега, спеша распродать товар свой и удалиться. В осеннее время по причине сильных и опасных бурунов ездят в Мазандеран не иначе, как по 25—40 киржимов разом, чтобы на случай бедствия подать друг другу помощь. Вот и приблизительный расчет нефти и соли, вывозимых самими туркменами; сведения сии почерпнуты мной из верных источников.

Нефть. Киржим поднимает от 200 до 400 тулуков нефти, а в лодку грузится от 40 до 100 тулуков. Следственно, средним числом можно положить по 300 тулуков на киржим и по 70 тулуков на лодку.

В Астрабадском заливе в Мазандеране и проч.

Число судов	сколько всего тулуков	По сколько реалов за тулук	всего реалов	Число судов	сколько всего тулуков	по сколько реалов за тулук	Всего реалов
30 лодок	2100	1	2100	20 киржимов	6000	1	6000
летом 10 кирж.	3000	1	3000	40 лодок	2800	1	2800
весною 60 киржимов	18000	1 $\frac{1}{4}$	22500	110 киржимов	33000	1 $\frac{1}{2}$	49500
Осенью и 1400		1 $\frac{1}{4}$	1750	20 лодок	1400	1 $\frac{1}{2}$	2100
зимою 20 лодок							
Итого:	24500		29350		4320		60400

Следовательно, всей нефти, вывозимой собственно туркменами, ежегодно будет 67700 тулуков, или 135000 пудов на сумму 89750 реалов; полагая новый персидский реал в 1 рубль 20 копеек ассигнациями, всего выйдет 107700 рублей ассигнациями, то есть около 80 копеек за пуд нефти, доставленный в Персию. Кроме того, вывозится ежегодно очень большое количество нефти на бакинках в персидские пристани, особенно же к устью реки Сафидуры и в Энзелинский залив. В Хиву отпускается не более 1000 тулуков. Нефть добывается разных сортов

1. Нефтакыль (*Нефтакыль, нефтагыль — озокерит*) — затвердевшая, липкая смола черного цвета, в смешении с земляными частицами, перетопленная употребляется на осмолку судов и делание факелов.

2. Нефть обыкновенная, совершенно жидкая, черная.

- 3 Пырдюм, чистейшая, бесцветная, жидкая нефть, которая в смешении с водою горит.

4. Янги-Тюфя или Нового Бугра, ниже обыкновенной нефти. Сверх того, выбрасываются морем и находятся в ямах гнездами куски асфальта или жидовской смолы.

Соль. Каждый год в разное время отправляется из Гасан-Кули и Челекена до 300 киржимов и 45 лодок с каменной солью в [303] Астрабадскую и Мазандеранскую провинции... (Опущены сведения о количестве и стоимости вывозимой соли с полуострова в Иран и получаемых доходах при этом туркменами) В Персии, особенно в Мазандеранской провинции, перекупают у туркмен оптом и продают из барышей. Сами же туркмены в Гасан-Кули передают друг другу готовую соль по 7 кулюпов за реал, то есть по $11\frac{1}{2}$ копеек за пуд; а добытую в Челекене нефть по тулуку за $\frac{1}{2}$ реала, или 30 копеек за пуд. Главные места рубки каменной соли: полуостров Дарджа, остров Челекен и урочище Гарям в Хивинском заливе, в 10 верстах на восток от бугра Мама-кыз при проливе Эппё Ходжа.

Большая часть добываемой соли хранится на острове Челекен и в Гасан-Кули для продажи приезжающим бакинцам и рыбопромышленникам, из которой астраханский из персиян купец Мир-Багиров, через посредство брата своего Мир-Садыка, постоянно в Персии живущего закупает важнейшее количество и отвозит на свои персидские рыбные промыслы, продает в Гиляне и Тункабине. Мир-Багиров, привозя в Астрахань рыбу, выдает её за персидскую, посоленную русской солью, и потому платит только по 5 процентов, между тем как за туркменскую рыбу, которая предполагается посоленной тамошней солью, таможня взимает по 25 копеек серебром с пуда, то есть почти половину цены самого товара. Из такого злоупотребления следует: с одной стороны, ощутительная потеря в бакинском откупе и таможенных сборах, а с другой, — подрыв нашим предприимчивым купцам, вступающим, согласно с видами правительства, в промышленные связи с туркменами. Естественно, что русский купец не может, сбывая рыбу, выдержать соперничества с купцом, подобным Мир-Багирову, которому соль достаётся задаром и который за привоз почти ничего не платит.

Туркмены, привозящие соль и нефть на персидские берега, платят шаху одну десятую долю груза.

В Гасан-Кули узнали мы о поражении, претерпленном персиянами от туркмен иомудского рода, соединенных с геокленами, под предводительством иомудского родоначальника Махтым-Кули-хана. Персидский сардар Мирза Мамет хан Максютли, брат астрабадского правителя, и все офицеры перерезаны, а 1400 человек персиян взято в плен; из них одна часть отвезена в Хиву, а наибольшее число разобрано по рукам. Сражение происходило в прошлом месяце мае на реке Гюрген, при урочище Сырген-Суат.

1 июня подняли якоря и направили путь к Астрабадскому заливу, куда и надобно было поспешить для починки шкоута «Св. Гавриил» и для запасения дровами и водой. Восточные берега Туркмении от Хивинского до Астрабадского залива песчаны и отмелы: стоя на пяти саженях глубины, находились мы от Гасан-Кули не ближе 14 верст. Подавшись немного на юг, увидели мы высокий хребет гор Энезан-Ко, окраивающий южный берег Астрабадского залива. От Гасан-Кули простирается на SSW длинная опасная подводная коса, закрывающая устье реки Атрек; её надобно было обходить, и потому склонились мы несколько к западу. Река Атрек, или Атрак, вытекает из Хорасанских гор и проходит через земли геокленов и йомутов. Длина её течения более 500 верст, но ширина самая незначительная. Далее на юг от урочища Кююмуш-Тепе, или Серебряного Бугра, начинается система реки Гурген, состоящая из речек: Кююмуш-Тепе-Агыза, Байрам-Кия, Нура, Малой и Большой Ходжа Нефес, Кичика, собственно Гургена и Кара Килека. Все они, ветвясь от главной реки, непосредственно впадают в Каспийское море. Гурген берет начало из гор Эльбруса, на восток от Астрабада... (Опущены описания Астрабадского залива и прибрежных персидских селений, характеристика хозяйства и торговли этих районов)

[304] ...Вообще можно сказать, что Астрабадский залив и пространство прибрежий, заключающихся между устьями речек Кара-Су, Гюрген и Атрек, не имеют себе подобных, и рыболовство превосходит даже сальянское. Добрый хозяин может платить миллион откупа и иметь столько же выгоды. В настоящее время все это находится в небрежении: пронырство

астраханского купца из персиян Мир-Багирова, имеющего целью не столько воспользоваться богатством вод во все обширном их объёме, сколько удалить отсюда русских подданных, производит одни беспорядки, не доставляя ни ему, ни другим никаких особенно великих выгод. Персияне, не имеющие никакой власти, а следовательно, и права на рыболовство далее реки Кара-Су, отдали Гюрген и Атрек на откуп Багирову, а туркмены, настоящие хозяева, вырезают его сети и захватывают у него русских рабочих людей (из которых и нынешней весной взяты четверо, но по прихоти нашей отпущены)... (Опущены сведения о скотоводстве и торговле Астрабадской провинции)

Туркмены иомудского племени населяют плодородную долину, орошаемую реками Кара-Су, Гюрген и Атрек. Первая из сих рек отделяет иомудов от Персии и астрабадцами признается за настоящую границу; на правой стороне её нет ни одного персидского селения. К востоку йомуты граничат с геокленами, или гёкленами, и родом теке, с северо-востока с безводной пустынной степью, а к северу с игдырами и небольшим племенем эрсары между заливом Кара-Бугаз и Красноводской косой. Земли йомутов на север от реки Атрек бесплодны и потому туркмены сего рода, кроме разделения на 12 племен, различаются ещё именами: чарва и чумур. Чарва называются те, которые имеют верблюдов и перекочевывают с места на место; земледелием не занимаются. К чарва принадлежит племя огурджали, исключительно промышленное морским делом. Они живут в Гасан-Кули, Челекене и на Дардже. Чомуры большей частью занимаются земледелием, верблюдов почти не имеют, оставляют жилища только в крайней опасности от персиян и живут при Серебряном Бугре и у персидской границы. Незначительная часть их находится в сомнительной зависимости от астрабадского правителя. Плодородные земли, занимаемые чомурами, отличные. На батман посеянной пшеницы собирают от 50 до 80 батманов. Сорочинского пшена, требующего великих трудов, сеют очень мало. Во время неурожая и засух чомуры подгоняют скот свой к Персии и в сем разе платят правителю по два реала с кибитки. Но это случается очень редко. Сбор этот неправилен, производится не деньгами, а скотом, который оценивают сами туркмены и, следовательно, всегда более настоящего. Хотя персидское правительство всячески старается ласкать почтеннейших из чомуров, даря их и величая титулом ханов, но у своих хлебопахотных однородцев оно не в уважении, а кочевые и вовсе их презирают. Между туркменами, из личных выгод держащими сторону персиян, известны: Султан Мамед хан и Пиркули хан. Первому поручено собирать десятинную пошлину с привозной соли и нефти, а другой получает ежегодно значительные подарки, не взирая на то, чомуры не перестают грабить персиян и увозить их в неволю. Персия помогает власти над йомутами не столько для увеличения доходов или расширения пределов, сколько из желания обезопасить свои границы, но, кажется, не достигает этой цели. Ещё не было примера, чтобы персияне возвратились от туркмен непобитыми. Прошлого года Шах-Заде, правитель мазандеранский, давал йомутам десять тысяч харваров рису с тем, чтобы они берегли с моря Астрабадскую и Мазандеранскую провинции, но туркмены не согласились, требуя двадцать тысяч харваров, или 400 тысяч пудов. Шах-Заде отказал, и следствием того было разорение многих [305] [туркменских] деревень и увоз нескольких сотен людей туркмены-геоклены, теснимые с двух сторон йомутами и родом теке, передались было персиянам в числе не 9 тысяч кибиток, как пишет Борнс со слов бывшего правителя их Гамзы-хана, но 17 тысяч; выведенные из терпения непомерными поборами, они взбунтовались и обще с йомутами уничтожили высланный против них отряд. Ныне собралось в Бостаме, неподалеку от Астрабада, до 10 тысяч войск под предводительством шахского брата Феридун-мирзы, (как слышно) сам шах прибыл в Калпуш, чтобы в случае нужды подкрепить своего брата. Но туркмены не страшатся этих приготовлений и почти ежедневно, большими и малыми партиями впадают в персидские пределы, увозя скот и людей. Впоследствии я объявил по ближайшим деревням, что, пока мы, русские, будем находиться на их берегу, туркмены разбойничать не осмелятся. Нам легко было сдержать слово потому, что почтеннейшие из йомутов, беспрестанно навещая нас, добровольно оставались аманатами. От устья реки Кара-Су по астрабадским и мазандеранским берегам устроены небольшие четырехугольные окопы,

сенгирами называемые. Караул в них содержат цыгане, издавна здесь заселившиеся. Обязанность их смотреть, не идут ли туркменские киржимы или лодки. В случае появления йомутов они только уведомляют жителей, которые убегают в деревни.

Ежегодно множество поселян попадает в туркменские руки: часть из них продают в Хиву, а наибольшее число остается в неволе у пленивших их хозяев; достаточные откупаются за цену от 300—1500 реалов. Договоры производятся о выкупах чрез ближайших к реке Кара-Су туркмен, которые в отношении к Персии то же, что наши мирные черкесы относительно к Кавказу.

Теперь находится при мне второй сын Кият-хана Кадыр-Мамед с многими старшинами. Они присланы от йомутов просить меня в Гасан-Кулийское селение для совещания по делам, о которых хотят просить российское правительство. Там собрались почтеннейшие люди от 20777 кибиток йомутов. Завтра отправимся для описания и съемки берегов от Кара-Су до Атрека и выше. Оттуда в сопровождении одного из сыновей Кият-хана поедем на Балханские горы и Аму-Дарью; он же вызвался провожать нас в неизвестный ещё, никем не посещенный залив Кара-Бугаз, которого окружность, полагают туркмены, в 12 дней конной езды. Там обитает неприязненный йомутам туркменский род игдыров, промышляющий морскими разбоями.

С сим почтительнейшим моим донесением отправляется сего числа в Баку разъездное судно «Василий», которое по окончании некоторых закупок соединится с нами у Красноводской косы, севернее острова Нефтяного. Вся команда на бриге, шкоутах и разъездном судне «Василий» здорова. Шкоут «Гавриил» исправлен и суда готовы к выступлению.

Коллежский асессор Карелин

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 23, лл. 58—68.

Подлинник.

№ 213

Письмо туркмен-йомутов русским властям с просьбой принять их в подданство России, переданное через Г. С. Карелина

[1836 г.]

Издавна народ иомутский, хотя отдаленный от России морем, полагал, что имеет счастье пользоваться вниманием и покровительством [306] России. Наш почтеннейший старшина Кият-хан много раз был в Грузии и Астрахани и не упускал случая от лица народа стараться служить русским. Йомуты не смели просить великого императора всероссийского о принятии их под высокое его величества подданство. Ныне на общем совете казья и почтеннейших людей рассуждали, что хотя народ иомутский и силен, состоит из сорока тысяч домов, которые могут, в случае нужды, выставить двадцать тысяч конницы, но кругом нас соседи-неприятели. Наши собраты других родов признают власть Хивы или Персии и потому часто нас беспокоят. Хотя мы живем на границе Персии, но её не боимся, никогда не признавали власть её, и из всех туркмен одни сохранили совершенную свободу. Эта наша вольность не нравится Хиве и Персии. Хива боится, чтобы другие туркмены, завидуя нам, против нее не вооружились, а Персия опасается, что мы завладеем её землями. Хотя Персия и называет йомутов, которые живут близко [от] Астрабада, своими подданными, но это несправедливо. Есть несколько продажных людей, которые отстали от народа и за подарки сделались слугами Персии, которая называет их ханами, но они у нас власти не имеют и мы их почитаем изменниками. Таких презренных йомутов нет и двухсот кибиток, между тем как всего народа будет сорок тысяч кибиток. Мы сильны числом и храбростью, но слабы согласием, умом и порядком. Нам надобно великого покровителя, который бы из всех йомутов сделал одну душу и тело. Тогда мы будем страшны соседям и тогда к нам пристанут все другие племена туркменские.

Всепокорнейше благодаря российское правительство, пославшее вас к нам для заведения с нами торговли, мы убедительнейше просим вас довести до сведения советников государевых,

что мы осмеливаемся нижайше испрашивать покровительства его императорского величества; желания же наши при сем заключаются в следующем: российское правительство благоволит объявить, что оно признает теперешние границы наши: к Персии—реку Кара-Су, к северу—залив Кара-Бугаз, а к востоку — земли геоклен и теке. Великий российский государь, у которого находятся под державой киргизы, позволит и нам, по примеру их, не платить никаких податей и остаться при своем законе. Чтобы йомутам не быть принужденными ездить за разными потребностями жизни в Хиву и Персию, то испрашиваем мы, чтобы русские купцы приезжали в одно место, к берегам земли нашей, при котором нужно будет сделать крепость, но с тем, чтобы за товары пошлин не платить. Наконец, дозволить привоз к нам оружия. Народ иомутский за такие милости великого государя обяжется под присягой: служить государю и быть послушным; в случае надобности на войну против Персии и Хивы выставять на свой счёт и содержание десять тысяч конницы; представлять сколько понадобится каменной соли по двенадцать копеек за пуд; провожать русские караваны в Мешхед и другие места; рыбные ловли отдавать только русским купцам на откуп. Всего, что мы желаем сказать, нельзя написать на бумаге. Если его величеству благоугодно будет принять наши верноподданные просьбы, то просим явить нам снисхождение дозволением отправить в Петербург посланника, который по первому требованию российского правительства отправится в Астрахань или куда приказано будет. Писана сия бумага в главном месте туркмен иомутской земли, Гасан-Кули. (Документ без подписи)

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 28, лл. 9—10,
Перевод с туркменского.

[307] № 214

Свидетельство от туркмен-йомутов астраханскому купцу Александру Герасимову об отдаче ему на откуп рыбных промыслов юго-восточного побережья Каспийского моря

20 июля 1836 г.

В прошлом году заключили мы, иомутский народ, контракт с купцом Александром Герасимовым, по которому обязались мы в наших водах от самой реки Кара-Су до Гасан-Кулийского селения, выше реки Атрек, ловить для него, Герасимова, рыбу и готовить клей и икру, а он оставил нам деньги, товары и снасти и обещал прибыть осенью прошлого года для забрания рыбного товару, который мы должны были приготовить. При отъезде его в Астрахань отправили с ним своего поверенного однородца Кадыр-Мамеда. Но мы дожидались Герасимова напрасно всю прошлогдную осень, зиму и весну нынешнего года, так что вся почти наловленная рыба испортилась. Между тем астраханский купец из персиян Мир-Абуталиб Мир-Багиров (О действиях купца Мир-Багирова см. док. № 212) через брата своего персиянина Мир-Садыка старался нас уверить, что Герасимов обманул нас, и просил, чтобы мы отдали ему приготовленную для Герасимова рыбу, заявляя, что его [Герасимова] не будет, а между тем рыба вся пропадает даром. Часть из нашего народа, видя, что действительно в течение почти года Герасимов не являлся, а рыба и икра на большие суммы делалась негодной, уступила Мир-Багирову то, что было приготовлено для Герасимова. Наконец, прибыл и Герасимов, а с ним и наш туркменец Кадыр-Мамед, от которого узнали мы, что Мир-Багиров представил какой-то контракт, данный ему будто от народа йомутов, и что воды наши от Кара-Су до реки Атрек и выше по проискам Мир-Багирова будто бы названы персидскими. Поэтому мы, народ иомутский, должны торжественно объявить, что мы от Персии никогда не зависели, живем на теперешних землях триста восемьдесят лет свободными и с божьей помощью никогда не будем слугами Персии, а единственно ищем высокого покровительства и милости великого российского императора, которого почитаем нашим государем; что печати, представленные Мир-Багировым, поддельные, им самим составленные, а если кто-либо из

туркмен-йомутов дал ему такие, то разве какие-нибудь подлые люди, подобно собаке, за куском хлеба бросающиеся; таких людей считаем мы изменниками, разбойниками, ворующими у родной матери и отца, ибо мы всегда считали Атрек отцом, а Гурген матерью, и родителей своих не продадим. Если бы земля наша и воды были персидские, то персияне как хозяева и господа нас не допустили ими распоряжаться, но, благодаря бога, ещё ни один вооруженный персиянин не смел показаться на земле йомутов без наказания. Наконец объявляем, что хотя Герасимов до решения своего начальства отказался производить рыболовство ниже реки Атрек до Кара-Су, но мы ему вновь подтверждаем контракт во всей прежней силе и не допустим персиян распоряжаться нашей собственностью. Милость и правосудие бога и белого царя вознаградят понесшего великие убытки купца Герасимова и накажут негодного, злого и несправедливого Мир-Багирова. Свидетельство сие дано Герасимову за подписями и печатями казья и старшин иомутского народа 20 июля 1836 г. в главном месте иомутской земли — Гасан-Кулийском селении.

Переведено со слов Якши-Мамеда, старшего сына Кият-хана.

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 28, лл. 18—18 об.

Перевод с туркменского.

[308] № 215

Рапорт Г. С. Карелина главноуправляющему на Кавказе о предварительных результатах экспедиции на юго-восточном берегу Каспийского моря

(Выписка из этого документа хранится в АВПР, ф. Гл. архив 5—9, 1836— 1864 гг., д. 5, лл. 21—21 об. и в ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 540, л. 13)

25 июля 1836 г.

Вашему высокопревосходительству благоугодно было почтить меня поручением донести вам о том, что найдено будет экспедицией относительно настоящих границ между Персией и Туркменией. Прожив целый месяц в Астрабадском заливе, мы занялись как сим предметом, так и съемкой Астрабадского залива, которого карта, составленная капитан-лейтенантом Левендалем в 1827 г., оказалась поверхностной. Карта эта доставлена г-ну капитану Бларамбергу из штаба Отдельного кавказского корпуса. Вместо 11 назначенных на ней речек нашли мы 30, а вместо 9 деревень насчитали 92. В семи верстах на юг от входа в Астрабадский залив впадает в него река Кара-Су, или Черная, отдельно выходящая из астрабадских гор. Она отделяет туркмен иомутского племени от Персии. Между рекой Гурген и ею нет ни одного персидского селения, напротив того, при устье Черной речки на левой её стороне находится Сенгир, или земляное крепление, для наблюдения за туркменами, которые непрерывными набегами приводят в страх жителей Астрабадской провинции, всего менее помышляющих называть их персидскими подданными. Двое иомутских старшин: Султан Мамед-хан и Пиркули-хан, находя личные свои выгоды, называют себя с 200 кибиток следующих за ними туркмен преданными, но независимыми от Персии и повинностей никаких не платят. Народонаселение туркмен иомутского племени приблизительно можно положить 30 тысяч кибиток или 150 тысяч душ обоего пола; земли их граничат: на юге—речка Кара-Су, или Черная, на востоке — река Караджа-Су, впадающая с левой стороны в Гурген и 250 верст от реки Атрек; на северо-западе — необитаемые пустыни, отделяющие йомутов от племени алили и карадашлы, на севере — параллельно урочищу Тарта между Балканским и Кара-Богазским заливом. Йомуты, кроме обычного разделения на роды и отделения, различаются ещё по роду жизни на чарва, или кочевых, чомур, или хлебопашцев, и огурджали, или моряков. У последних до 100 киржимов и 60 лодок, на которых могут туркмены поместить более 1000 всадников; сверх того, занимаются они добычей и развозкой нефти и соли, что не только подрывает бакинский откуп, но в скором времени может и вовсе его уничтожить. По собранным мной

здесь сведениям, бакинские суда и астраханский из персиян купец Мир-Багиров вывозит отсюда на великую сумму нефти и соли, которые продает в Персии, а часть соли употребляет на свои рыбные промысла. Злоупотребления его остаются скрытыми, потому что он действует через своих братьев, которые, будучи персидскими подданными, поступают произвольно. Следствием таких беспорядков, кроме больших убытков для казны, есть пересечение возможности нашим капитальным промышленникам предпринимать что-либо на восточных берегах Каспийского моря, ибо, по самым умеренным счетам, русский промышленник при настоящем положении дела на каждый миллион оборота теряет противу Мир-Багирова 340000 ассигнациями. Впоследствии буду иметь честь [309] подробнее донести обо всем Вашему высокопревосходительству. Отсюда отправимся в Балканский залив и к устью древнего Оксуса.

Карелин Шкоут «Св. Гавриил». На якоре против устья р. Атрек.

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 25, лл. 70—71 об.

Подлинник

№ 216

Отношение главноуправляющего на Кавказе астраханскому военному губернатору о необходимости развития торговых связей России с Туркменией

30 июля 1836 г.

В дополнение к отношению (Документ не обнаружен) моему от 30-го числа настоящего месяца за № 569 я почел нужным изложить вашему превосходительству не в ответ на вопрос астраханского губернского правления, изъясненный в отношении вашем № 1545, но единственно для собственного вашего, милостивый государь, сведения следующее мое мнение: Багиров вошел в сословие русского купечества, дабы пользоваться правами оно, но вместе с тем он остался персиянином. Виды его есть собственное набогатение и польза родного его края. Распространение промышленности и торговли между туркменами и персиянами, к коему он стремится, может рано или поздно сблизить сии враждебные между собой народы, а как персияне сильнее туркмен, то и даже домогательство их владычествовать над последними может со временем увенчаться успехом, что должно быть решительно противно видам нашим. Издавна уже мы сами ищем торговых связей, а следственно и первенства в Туркмении, чего не иначе достигнуть можно, как обращением туркменцев не к персидским, как желает Багиров, но к нашим берегам, дабы нужные для них произведения и изделия они получали от нас, а не от персиян, которые, снабжая их произведениями англичан, могут лишать нас всякого сношения с обитателями восточных берегов Каспийского моря, а следственно и далее, куда должны стремиться виды наши по торговле.

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1836—1864 гг., т. 5, лл. 25—26

Копия

№ 217

Донесение управляющего Министерством иностранных дел П. Г. Дивова вице-канцлеру о намерениях иранских властей захватить остров Челекен

23 августа 1836 г.

Милостивый государь граф Карл Васильевич! Из представляемой при сем выписки ваше сиятельство изволите усмотреть, что персияне [310] вознамерились овладеть островом Челекен и уже приступают к найму и вооружению нужных для сего судов.

Министерство при получении сего извещения не могло не принять во уважение, что остров

Челекен, находящийся на Каспийском море против Туркменского кряжа, никогда не был нами признаваем принадлежностью Персии, что туркмены, на нем обитающие, равномерно не считая себя подданными персиян, с давнего времени преданы России, и главный их родоначальник пользуется особенным нашим покровительством (сын его даже был в прошлом году в С.-Петербурге, что, наконец, правительство давно уже имеет виды на сей остров, богатый нефтяными источниками, и не далее, как при последних суждениях Азиатского комитета касательно составления торгового дома для астрабадской торговли, предположено было предоставить сему дому войти в сделку с туркменами для занятия острова Челекен. Все таковые соображения, как равно и то, что персияне, по-видимому, решились не откладывать сие дело, — пробуждают без потери времени отнестись к графу Симоничу, дабы принял нужные меры к отклонению персиян от подобного предприятия, столь несогласного с видами и пользами России.

Обстоятельство сие по важности своей должно быть доведено предварительно до высочайшего сведения, а потому я спешаю представить у сего на благоусмотрение вашего сиятельства заготовленный по сему предмету проект депеши к графу Симоничу на случай, если вы изволите заблагорассудить поднести оный также на утверждение государя императора.

А так как надворный советник Ходзько (**Русский посол в Иране**), вместе с тем, другим, доношением испрашивал разрешения по предмету просимого некоторыми из наших матросов (случившихся по торговым делам в Реште) позволения поступать на суда, снаряжаемые персиянами в сию экспедицию, в случае, если бы стали нанимать их, то я счел нужным ныне же предписать помянутому чиновнику, дабы отнюдь не давал подобного позволения, так как самое снаряжение персиянами судов есть действие, противное существующему с Персией трактату, коим положено, что, кроме России, никакая другая держава не должна иметь вооруженных судов на Каспийском море. Копию с посланного надворному советнику Ходзько предписания имею честь равномерно у сего приложить на благоусмотрение вашего сиятельства.

Павел Дивов

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1836—1864 гг., д. 5, лл. 36-38
Подлинник.

№ 218

Отношение оренбургского военного губернатора о необходимости занять о. Челекен и возможности передачи его в ведение Азиатского департамента Министерства иностранных дел

(Копии этого документа хранятся в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 387, лл. 4—6; ГАОО, ф. 6, оп. 10. 1835—1840 гг., д. 4358, лл. 25—26)

28 октября 1836 г.

Милостивый государь Константин Константинович!

Ваше высокопревосходительство сообщили мне от 22 июня (**Об этом см. док. № 211**) нечто об острове **[311]** Челекен, или Нефтяном, лежащем у восточных берегов Каспийского моря, равно и об отношениях к нему туркменского старшины Кията, поселившегося на этом острове; спешу в свою очередь поделиться с вами, милостивый государь, некоторыми сведениями, дошедшими до меня о том же предмете из нового и, как мне кажется, достоверного источника. Остров Челекен, Черекен или Нефтяной лежит в верстах в 20 от берегов между заливами, к северу Красноводским, а к югу Челекенским. Остров имеет в длину до 25, а в ширину до 15 верст. Западный берег его крут и возвышен, восточный — полог и песчан. Остров довольно горист, почва как и на западном берегу, так и внутри острова каменисто-солончаковая. По всему острову разбросаны богатые источники нефти, белой и черной, или горной, смолы, и

есть, кроме того, соль.

Около 1820 г. остров был ещё необитаем. Туркменец Кият, сын простолюдина, бывший в Астрахани и знавший несколько по-русски, как сметливый и расчетливый человек, обратил внимание свое на Челекен. Поездка в Астрахань, изучение русского языка и предприимчивость его дали ему некоторый вес между единокорядцами его; он подговорил нескольких туркмен бежать от старшин своих и поселиться на Челекене. Здесь был он избран старшиной нового поселения и вслед за тем удачно воспользовался путешествием г-на Муравьева, чтобы упрочить могущество свое и придать себе более силы и веса. Кият перед туркменами хвалился дружественными сношениями своими с русскими, а последних уверял в значительности и важности своей между первыми. Оказанное Кияту за услуги эти правительством нашим внимание и наконец, поездка его, Кията, в Тифлис окончательно утвердили за ним самопроизвольное владычество над островом, на которое не имел он никакого права.

Соль и нефть Челекена снабжают всю прибрежную Персию; вот почему бакинская нефть не идет далее Ленкорана: нефтяные источники на острове столь значительны, что один астраханский купец, как слышно, вынужден платить за них несколько десятков тысяч откупной цены. Челекенская нефть и прежде того давала повод к корчемству, а потому главноначальствующие Закавказским краем (по крайней мере в прежние времена) отряжали особые морские крейсера к острову для предупреждения этого зла, подрывающего наш бакинский откуп. Ещё одно обстоятельство заслуживает особое внимание: от Челекена пролегает малоизвестная, но удобная и самая краткая дорога на Хиву, по ней всего только 11 дней караванного ходу. Кият, как слышно было, с намерением скрыл этот путь от г-на Муравьева.

Из всего этого видно, что остров Челекен составляет для нас в торговом и других отношениях немаловажную точку, хотя доселе ею никто не пользовался, и что правительство наше имеет полное и законное право объявить остров этот своим.

Если позволено будет мне, человеку в этом деле постороннему, сказать для общей государственной пользы мнение мое, то я бы полагал, что Азиатскому департаменту всего ближе и приличнее взять в ведомство свое остров Челекен, который даст довольно значительный новый доход, сблизит нас в этой точке с туркменами, хивинцами и персиянами, породит новые средства к развитию промышленности и торговли нашей и, наконец, представит немаловажную в военно-политическом отношении опорную точку. Министерство финансов, как кажется, не имеет никаких видов на Челекен, а следовательно, предполагаемое мною причисление острова в ведомство. Я думал бы даже, что если бы высшее правительство и захотело признать, что туркменец Кият имеет [312] какое-либо право на владение островом Челекен, то и тогда было бы приличнее отобрать остров в ведение казны и Кияту дать единовременное вознаграждение или назначить пенсию.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в моем совершенном к вам почтении и преданности.

Перовский

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1836—1864 гг., д. 5, лл. 30—31.

Подлинник.

№ 219

Письмо начальника экспедиции купцу А. М. Герасимову об ускорении отправки торговых судов в Гасан-Кули

(Г. С. Карелин в декабре 1836 г. подал рапорт К. К. Родофиникину с просьбой исходатайствовать у правительства разрешение купцу А. Герасимову на беспошлинную продажу рыбы, купленной им у туркмен весной 1836 г. (см. Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 23, лл. 133—134 об.))

13 ноября 1836 г.

Нужным считаю напомнить вам, сколь необходимо поспешить отправлением судов наших к Гасан-Кулийскому селению вследствие условия, заключенного с туркменами. Вы уже имели несчастье по первому с ними договору не устоять в слове, через что не только сами подверглись великим убыткам, но невольным образом лишили многих выгод туркмен и едва не расторгли коммерческую связь с народом, от которого российскому купечеству представляется на будущее время столько выгод. Узнавши, что самим вам нельзя отбыть и что вместо себя отправляете брата своего, я прошу вас передать ему это приглашение, наказав в сношениях с вольными туркменами быть сколько можно ласковым, снисходительным, но вместе с тем и осторожным; в особенности же сколько можно сблизиться с Кият-ханом, старшим его сыном Якши Маметом и их приверженцами, при чем до решительного распоряжения высшего правительства остерегаться от сделок в спорных водах.

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 23, л. 123.

№ 220

Донесение начальника экспедиции начальнику штаба корпуса горных инженеров генерал-майору К. В. Чевкину о туркменах-йомутах и желании их принять подданство России

[Осень 1836 г.]

По прибытии экспедиции, начальству моему вверенной, из Астрабадского залива в Гасан-Кули, главное селение туркмен иомутского рода на восточном берегу Каспийского моря, был я приглашен старейшинами рода на совещание об упрочении российской торговли и промышленности на берегах, ими занимаемых. Они изъявили полную готовность к теснейшему сближению с Россией, а по прибытии казы, или первенствующего их духовного лица, 17 июля дали мне бумагу, в которой просят довести до сведения высшего правительства о желании их вступить в подданство его величества всемилостивейшего государя [313] императора. Бумагу сию в оригинале с переводом имею счастье препроводить к вашему высокопревосходительству. Считаю обязанностью донести вашему высокопревосходительству о собранных нами о сем народе сведениях. Народ иомутский свободный, за исключением двухсот кибиток, сомнительно переданных Персии. Народонаселение сего племени приблизительно можно положить в 150 тысяч душ обоего пола. (См. об этом док. № 215) Они занимают восточные берега Каспийского моря на протяжении 300 верст, пограничным с Персией рекой Кара-Су до урочища Тырта (Тарта) севернее Балханского залива; тут обитают зависимые от Хивы туркменского рода игдыры. На восток границы йомутов с туркменами гоклен, теке, алили и карадашлы. У туркмен иомутского рода единовластие, а управляют они старшинами, из которых некоторые имеют титул ханов. Впрочем, власть сих старшин невелика и приобретает временно богатством или особенными умственными способностями. Почтеннейшие из нынешних старшин народа суть: Махтум-Кули-хан, Авес-хан (Очевидно, Овез-хан), Артыкали-хан, Кият-хан и сыновья его Якши-Мамет и Кадыр-Мамет (оба знающие говорить, читать и писать по-русски), Султан Мамет-хан, Артыкали-хан, старшина Мамет-сардар и первенствующее духовное лицо, или казы, Мамед-Таган, с которым идут на окончательное решение все важные спорные дела и тяжбы. Махтум-Кули-хан, предводитель йомутов, напал в мае месяце на реке Гурген на персидский отряд войска, под начальством известного мирзы. В Гасан-Кули ожидали меня посланные от него депутаты, но я велел сказать им, что поручение мое относится только до торговли, промышленности и потому в политические дела мешаться не смею. Живут в буйном равенстве, весьма не нравящемся ханам, старшинам и почётным людям. Простой народ об общей пользе понятия не имеет, а потому слепо доверяет решение старейшинам. С Хивой живут йомуты недружно, а с Персией в непримиримой вражде, торгуя с ней по необходимости и производя беспрестанные набеги, или чапаулы, по наклонности. Земля йомутов плодородна и орошена реками Атрек, Гурген и Кара-Су. В Хиву из земли

Йомутов ведут четыре дороги, из которых кратчайшие—две недели ходу на верблюдах. Йомуды делятся на 18 племен и подразделены на многие колена, но главных разделений по роду жизни три: чомуры, или хлебопашцы, чарва, или кочевые, и огурджали, или моряки. Первые занимаются земледелием, вторые скотоводством, третьи рыболовством и развозом в Персию соли и нефти, которые находят в разных местах земли их в великом изобилии. Йомуты могут выставить 20 тыс. человек отличной конницы и в случае нужды поместить на свои морские лодки до 1500 всадников.

Земля йомутов для России представляет три выгоды: торговлю, богатую рыбопромышленность и даровые, на случай войны с Персией, войска. Народ небогат и содержать его в повиновении не будет затруднительно через почтеннейших людей, которых легко привязать небольшими подарками. Верить йомутам и положиться на них невозможно, и потому если правительство удостоит их... (Пропуск в документе), которое наивыгоднейшим образом может быть устроено обще с корабельной верфью на самой границе Персии у Астрабадского залива.

Карелин

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 23, лл. 89—90 об.

Копия.

[314] № 221

**Из донесения начальника экспедиции управляющему Азиатским департаментом
Министерства иностранных дел о туркменах-йомутах и их взаимоотношениях с Хивой и
Ираном**

(Документ подобного содержания хранится в Архиве АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 23, лл. 92—95 об.)

[Осень 1836 г.]

Из рапорта моего от 1 июля сего года (См. док. № 212) господину министру финансов ваше высокопревосходительство изволите усмотреть о подробностях плавания экспедиции, начальству моему вверенной. Проведя несколько времени в сношениях с персиянами и туркменами, имею честь представить краткий отчет о всем мной виденном и слышанном.

Вашему высокопревосходительству известно, что из всех туркменских племен одни йомуты постоянно искали сближения с Россией и время от времени как бы выказывали перед другими племенами и Хивой непосредственную связь свою с нашим отечеством, посылая к главнокомандующим в Грузии почтеннейшего из своих старшин Кият-бека, которого теперь титулуют ханом. Он был при генералах: Ртищеве, Ермолове, князе Варшавском и бароне Розене. Сим, по видимому, незначительным поездкам обязаны йомуты частью своего влияния на соседственные племена гоклен, теке, алили, карадашлы и игдыр. Первое из них до последнего возмущения в мае месяце признавало власть Персии, а последние находятся в большей или меньшей зависимости от Хивы. Йомуты из всех туркмен единственное племя, сохранившее свою независимость. Двести семейств, условно подвластных Персии, не могут быть доказательством противного. Йомуты считают свое народонаселение в 40 тыс. кибиток и, следственно, 200 тыс. душ. Они занимают обширную равнину между рекой Кара-Су, или Черной, со стороны Персии и Кара-Бугазским заливом к северу, примыкая на восток к туркменам, зависящим от Хивы. Через земли их протекают реки Гурген и Атрек, орошая весьма плодородную, хлебородную почву. Река Кара-Су, правый берег которой занимают они своими жилищами, впадает в Астрабадский залив, в шести верстах от входа в оный. Тут находится лучшая гавань во всем Каспийском море. Остальные берега йомутов открыты, и отмелы, а потому рейды отдалены и беспокойны. Йомутам принадлежат два острова: Нефтяной, или Челекен, и Огурчинский, или Айдак. На первом нет пресной воды, но взамен того неистощимые богатства нефти и соли, которыми туркмены снабжают Северную Персию... (Опущены сведения

об острове Огурчинском (ныне Челекене)).

Йомуты действительно многочисленны. Если на основании того правила, что азиатцы всегда и все преувеличивают, убавить число кибиток противу оказываемого ими четвертой долей, то будет 30 тыс. кибиток или 150 тыс. душ обоего пола. Йомуты могут выставить до 20 тыс. человек конницы и сверх того имеют флотилию небольших судов, называемых киржими. На них ходят они в Северную Персию для торговли нефтью или солью и в случае надобности могут высадить до 1500 всадников. Эта флотилия более сухопутной силы страшна береговым жителям Астрабадской, Мазандеранской и Тункабинской провинций. Всегдашний притон йомутов — необитаемый остров Ашир, лежащий при входе в Астрабадский залив. Если бы йомуты действовали единодушно и были предводимы толковым человеком, то персияне должны бы были оставить берега и удалиться за горы или платить тягостную дань. Но, [315] к счастью их, находят они в среде туркмен продажных людей, которые во время извещают их и дают средства отвращать грозящее бедствие.

Персидское правительство так слабо и беспечно, что до сего времени не решилось не только уничтожить туркменскую флотилию, но и занять вооруженной рукой остров Ашир. Туркменские суда находятся: в Гасан-Кулийском заливе при устье реки Атрек, у острова Челекен и весьма малая часть при Серебряном бугре, неподалеку от северного рукава реки Гурген. Персияне разбиты йомутами в мае месяце на реке Гурген; два отряда: один в 8000 человек находится в Бостаме, в двух днях на восток от Астрабада, а другой собран в Кальпуше, куда, как слышно, ожидают самого шаха. В Бостаме командует шахский брат Феридун-мирза, а под ним Гасан-хан, бывший сардаром в Еревани. Туркмены не боятся этих приготовлений, смеются над грозными силами, не в первый раз против них выставляемыми, и говорят, что шах готовит для них незаслуженные подарки. В доказательство того, как сами персияне худо верят этим сборам, служит то, что отдельные владельцы вдоль берегов Астрабадского залива через своих поверенных вели переговоры с приезжающими к нам туркменскими старшинами о сумме, какую должны заплатить йомутам за охранение астрабадских берегов от нападения их однородцев. Между тем, пока персияне грозят, туркмены действуют, ежедневно угоняя скот и увозя или убивая жителей. Узнавши положительным образом от гостивших у нас туркмен о преднамеренном ими нападении большими силами на пять разных пунктов Астрабадской и Мазандеранской провинций, я поспешил сказать об этом господину Ходзько при свидании с ним в Эшрефе, отдавая на его произвол предупредить о сем под рукой правителей обеих областей, что им и исполнено. Туркмены узнали о принятых мерах предосторожности от самих же персиян, из которых многие, и даже сами владельцы, не совестятся тайно помогать им, действуя, смотря по обстоятельствам, словом и делом: этого туркмены нисколько не скрывают. В бытность нашу в устье речки Шакиля, один персиянин, житель города Эшрефа, старинный знакомец бывших с нами йомутов, выкрал ночью из ближайшего селения двух мальчиков, которых связал и, брося в камыш, пришел уведомить туркмен. Сопровождавший нас бек разбудил меня, прося 40 реалов. Узнав, что он хочет заплатить за труды бессовестному персиянину, я не дал денег, велел прогнать негодяя и освободить несчастных мальчиков, причем объявил, чтобы там, где будем находиться, ни один туркмен не осмеливался дозволять себе ни малейшей дерзости под опасением быть выданным областному правителю.

Я был изумлен, услышав от господина Ходзько, что, по его мнению, йомуты, или по крайней мере земля, ими занимаемая, есть собственность Персии. Может быть это нужно для подкрепления отзыва, данного полномочным министром в Персии астраханскому военному губернатору по спору о водах между астраханскими купцами Герасимовым и из персиян Мир-Абуталиб Мир-Багировым; почитаю долгом совести почтительнейше довести до сведения вашего высокопревосходительства, что на деле это совсем иначе. Сами персияне, находясь в беспрестанном страхе, наводимом им от туркмен, и не думают обманывать себя, именуя их подданными. Река Кара-Су, или Черная, течет отдельно из Хорасанских гор, восточнее Астрабада, на правом берегу её нет ни одной персидской деревни и ни один персиянин не осмеливается явиться туда иначе, как под видом торговли или приятельского посещения. Во

время засух и недостатка травы персияне переносят часть скота своего на правый берег реки Кара-Су, платя за это право обитающим там йомутам. То же разумеется и о туркменах, в случае нужды входящих со стадами [316] на персидские земли. Йомуты получают от Персии одежду, оружие, лес и частью пищу и платят лошадьми, скотом, нефтью, солью, курами и коврами, которые ткнут их жены.

Вечные неприятельские действия не мешают коммерческим сделкам, в которых лживые персияне редко обманывают, боясь жестокого мщения, а туркмены держат слово за поручательством почтеннейших из среды своей, которым персияне платят за то 10 процентов из продаваемого товара. При размене пленных туркмены отдают трех персиян за одного йомута.

Положение йомутов относительно Хивы несравненно хуже. Они боятся хивинцев по трем причинам: во-первых, этот народ воинственнее и деятельнее трусливых и беспечных персиян; во-вторых, сторону Хивы держат, волей или неволей, большая часть других туркменских племен, неблагоприятно расположенных к йомутам; третье, от большей силы персиян могут они удалиться за реку Атрек, в пустыню, куда врагам их нет хода, а хивинцы легко туда проникнут.

Хивинский хан воспользовался теперешними приготовлениями Персии и прислал к йомутам грозную грамоту, требуя безусловной покорности и тягостной дани, и на этот раз сблизился было с Персией, но, увлеченный представившимся благоприятным случаем, приказал отряду своих войск сделать чапаул на персидские пределы, где получил богатую добычу. Неизвестно, чем это кончится, а между тем йомуты хотя и отвечали хану как народ свободный, но, тем не менее беспокоится, страшась соединения Хивы с Персией и не совсем надеясь на свои силы.

Прибытие экспедиции на берега Туркмении для заведения торговли и сомнительное положение йомутов заставило их собраться в главном селении Гасан-Кули, в 8 верстах выше устья реки Атрек. Во время одномесячного пребывания экспедиции на границе Персии и Туркмении приезжали ко мне четыре раза депутаты с приглашением в Гасан-Кули для совещания о торговых делах и желании народа вступить в подданство России. Я обещал им приехать по окончании дел в Астрабадском заливе, но отозвался, что не имею права входить ни в какие договоры, исключая торговлю и промышленность.

Жители берегов Астрабадского залива, благодетельствованные всеми дарами природы, бедствуют от слабости и безурядицы своего правительства Туркмены грабят их извне, а правители-ханы внутри. Налоги и поборы тяжки, часты и произвольны. Слух о желании шаха вывести из ничтожества Астрабад вместо того, чтобы радовать жителей, печалит их, заставляя страшиться новых налогов и работ. К этому ещё присоединилось известие об учреждении почт и переписи народной: диковинок, о которых старики не ведали и которые, как они провидят, лягут на их шею. Мелкие владельцы, зная шаткость своих поместий, обирают народ, чтобы до невзгоды убраться с деньгами. Все вообще невыгодно относятся о своем государе, упрекая его в несправедливой, насильственной смерти какого-то министра, от которого ждали они много доброго. Разъезжающие англичане немало раздувают эти искры грядущих беспорядков, давая вразуметь, что шах действует таким образом под руководством русского посланника. Во время стоянки экспедиционных судов в Астрабадском заливе один странствующий англичанин прислал к берегу персиян с просьбой дозволить ему посетить шкоут. Но как в то время находился я на съемке верстах в 40 внутри залива, то командовавший штурман отказал ему. Имени его не знаю, но известно мне, что впоследствии дожидал он в городе Сари г-на Ходзько в намерении сопутствовать ему на обратном пути в Гилян.

Если справедливо почитают астрабадцев за народ воинственнее прочих персиян, то я не знаю, что и подумать о жителях других персидских [317] провинций. Туркмены немногим отважнее наших киргизов, но астрабадцам кажутся непобедимыми. Берега Астрабадского залива богаты корабельным и строевым лесом, особенно много дуба, восточного блатана, азата и железного дерева. Жители продают деревья туркменам, а сами довольствуются самыми малыми лодками. Напротив того, в Мазендеране, Тункабине и Гиляне судов втрое более туркменской флотилии. Хотя собственная безопасность и приобретение Нефтяного острова, который

освещает Северную Персию нефтью, и требовали бы уничтожения морской силы йомутов, но местные правители никогда не отваживались на столь дерзкое, по мнению их, предприятие и понуждение к тому правительства всегда отклоняли под какими-нибудь ничтожными предложениями. Два русских военных судна могут в один день взять или сжечь всю туркменскую флотилию.

Если правительство не найдет выгоды в сближении с йомутами, то истребление туркменских судов — как великая услуга Персии, не может ли быть вознаграждена со стороны сего государства уступкой России, хотя бы на определенное время, рыболовных вод вдоль южного берега Каспийского моря, которые, без сомнения, принесут казне более миллиона откупной суммы.

Предавая собранные сведения на благоусмотрение вашего высокопревосходительства... (На этом текст обрывается)

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 23, лл. 107—110 об.

Подлинник

№ 222

Письмо туркменских старшин игдырского племени астраханскому губернатору о необходимости постройки крепости в районе Карагана

(В 1837 г. Нурмухаммед Махтум Бек-Дурды Ишанов написал письмо на имя начальника Ново-Александровской крепости, в котором он еще раз подтверждал преданность туркмен-човдуров русскому царю и жаловался на хивинского хана и казахских феодалов за то, что они препятствуют развитию русско-туркменских отношений (см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4778, л. 9))

[1836 г.]

Беспредельному вместилищу дружбы, единственному образцу сердечной признательности, истинному благотворителю, знаменитому достоинствами мужу с душой редкой по своему благородству — стихии всего прекрасного.

Наше племя довольствуется, слава богу, благосостоянием; дай бог, чтобы вы были благополучны и счастливы и наслаждались под защитой и покровом всевышнего лучшими благами мира; чтоб на многие лета, на бесчисленные дни тень счастья не переставала осенять вас. Не знаю, когда случай приведет нас увидеться друг с другом.

Мы обыкновенно пишем письма по свойствам и формам своего языка, ваши переводчики облачают мысли наши в слова и выражения, приличные языку русскому. Не прочитавши начала письма, нельзя знать и конца его: из толпы людей, принадлежащей нашему игдырскому племени, один человек взят хивинским ханом в нукеры, а я, не в силах будучи сопротивляться, должен был уступить поневоле.

На мангышлакской земле явились поселенцами киргизы. В 1816 г. отсюда было отправлено в Россию восемь старшин; трое из них, [318] прошедши через Персию, возвратились с наказом от императора собрать сведения об обитающих здесь племенах. Сведений тех нам самим царю передать невозможно было тогда, а от него посланных в то время для этой цели тоже никого не было. У нас с племенем иомутским возгорелась была ссора, но вскоре потухла; у него есть на Кара-Бугазе владения свои, но я живу на земле моего отца Бекдурды Ишана и молюсь богу о здравии и спасении императора; 25 лет уже питаю к нему всю мою истинную преданность и доказываю её самыми делами: для удостоверения моей признательности к нему и усердия я выкупил в 1826 г. двух пленных, подданных русскому государю. Вдвоем они находились у меня только десять дней; один из них, не положась на мое расположение, бежал; другого же, оставшегося при мне, совершенно не с кем было отправить; семь лет он пробыл у меня. В прошедшее лето Федор Александрович Усаченко, прибывший на Караганскую пристань, взял было четыре наших лодки; но когда я дал ему знать о себе, он лодки те немедленно возвратил,

да и вообще сделал для нас много хорошего. Рад бы здесь высказать вам все, что знаю и чувствую, но мысль, что раскрытием всего могу оборотить ход дел в худую сторону, заставляет меня умолчать о многом. В этом году множество захвачено в плен подданных русских. Узнавши, что один хищник с русским пленником набрел на наше кочевье, я тотчас осведомился о нем. Открылось, что пленный этот был из числа крепостных людей Алексея Петровича Сапожникова. А когда я объявил ему о себе, он неотступно и слезно стал просить, чтоб я сжалился над ним: выкупил бы его. Тронутый его убеждениями, я не мог для императора не выкупить его. На счёт сего мной были отправлены в Надкурт письма, но как начальник крепости этой затерял их, то и посланные мои возвратились назад. Наконец, представился было и здесь случай к тому: в Караганскую пристань приходило одно казенное русское судно. Я обрадовался этому чрезвычайно, надеясь находящихся у меня на руках пленных отправить на нем в их отечество. Приготовлено было и письмо уже от 13 июля, но меня на судно то не допустили. Обстоятельство это Семенов знает хорошо и много того, чего я здесь не могу открыть, он объяснит перед вами: я пересказал было намерения свои находившимся здесь довольно значащим двум человекам, но после раскаялся, что через эту оплошность много повредил своим делам. Не умолчу, однако, того, что несколько лет уже на водах (Думаю: моря Каспийского (примечание в документе)) похищаются хищниками и перепродаются беспрестанно в Хиву. По нашему мнению, для обезопасения Карагана нет другою средства, как только выстроить на нем крепость и с арами или беком назначить в ней несколько человек из здешнего народа и русских солдат. Тогда на море водворится тишина, тогда и Караган нашествием разбойников не будет возмущаем. Мы так думаем.

25 лет я дышу преданностью к великому императору со всем моим племенем от всей искренности сердечной. Но все-таки, думаю, этого недостаточно, чтоб отблагодарить за милости, им изливаемые на нас, и благоволение. Мы льстим себя надеждой, что император, распространяя свою власть на два народа, не отринет от себя и нас примет тогда в число своих подданных. Здесь должно присовокупить, что если хивинский хан узнает о моих предприятиях и если подступит к нам, чтобы увлечь нас в свои владения, то мне должно будет непременно для безопасности переселиться в места, подвластные России, и там укрыться [от] преследований. Из предосторожности скажу также: о письмах, кои будем получать от государя императора или господина губернатора, мы никому не объявим, а когда вам будет угодно отправлять к нам [319] какие-либо бумаги или письма, то просим покорнейше приказать тем лицам, с которыми посылать станете, на купеческом ли судне те лица будут или на казенном, чтоб они письма те по прибытии, нисколько не медля и никому не показывая, тотчас доставили бы кому следует по назначению. Если же я со стороны хивинцев беспокоиваем нисколько не буду, то останусь жить так, как и прежде, на отеческой земле, молясь богу за императора великого и прославляя его благодеяния. Много ещё можно и надобно бы говорить, но заключу письмо мое надеждой на милосердие царское.

Нурмухаммед Махтум Бекдурды Ишанов руку приложил

Мухаммед Кули мулла хан Кулиев руку приложил

Муким Али-бек Ширдалиев руку приложил

ЦГАВМФ, ф. 283, оп. 1, д 3776, лл. 99—100 об.

Перевод с туркменского.

№ 223

Из отношения вице-канцлера министру финансов об отказе купцу Мир-Багирову отдать на откуп богатства острова Челекен

[1836 г.]

Милостивый государь граф Егор Францевич! На отношение вашего сиятельства от 10-го

минувшего апреля (Документ не обнаружен) за № 1608, коим изволите требовать моего мнения по содержанию представления г-на астраханского военного губернатора об отдаче острова Челекен (или Нефтяного) в откупное содержание астраханскому купцу, из персиян, Мир-Абуталибу Мир-Багирову, честь имею ответить, что по разным соображениям, ниже сего изложенным, я полагал бы решительно отказать Багирову в его домогательстве о предоставлении в его распоряжение означенного острова; ибо Багиров известен за человека самого неблагонамеренного и которого все виды клонятся токмо к тому, чтобы удалить коренных русских от всяких торговых сношений с персиянами и обитателями восточных берегов Каспийского моря и всю каспийскую торговлю забрать в свои руки, в чем отчасти уже и успел своими происками. Об нем и вашему сиятельству известно из последней переписки астраханского военного губернатора и донесений коллежского асессора Карелина на счёт возникших недоразумений по туркменским рыбным промыслам, а также из отношения г-на генерал-адъютанта барона Розена по сему же делу, которое я имел честь сообщить вам для прочтения. Туркменский старшина Кият-бек (занимающий ныне с своими туркменцами остров Челекен), которого Багиров в записке своей старается представить в самом невыгодном виде, напротив того, есть человек совершенно преданный России (за что ненавидим персиянами), пользующийся большим уважением между туркменами и считающийся главой одного из племен; старающийся укоренить в туркменах привязанность к России и вообще могущий быть весьма полезным для всяких действий и видов наших на восточные берега Каспийского моря, как оказывается из всех отзывов об нем г-на главноуправляющего в Грузии и из сведений, в Азиатском департаменте имеющихся. Это он, который первый открыл русскому купцу Герасимову возможность вступить в промышленные и торговые [320] связи с туркменами, обитающими на восточном берегу Каспийского моря близ персидских границ, и заключить даже с ними контракты на поставку ему рыбы, клея и проч., сношения, которые обещают большие успехи для нашей промышленности и могли бы и других предприимчивых торговцев побудить к подобным же действиям, но которые, к несчастью, оставлены были при самом начале их по проискам того же персиянина Багирова.

По сим уважениям я нахожу, что гораздо полезнее оставить остров Челекен в руках преданного нам туркменского старшины Кията, нежели отдавать в распоряжение хитрого персиянина, который, кроме корыстолюбивых, а может быть даже и преступных видов, других иметь не может и которого Министерство иностранных дел основательные причины имеет подозревать в тайных против нас сношениях. Оставив остров Челекен в теперешнем его положении, правительство ничего не теряет, ибо таким образом мы без занятия сего острова как бы владеем им, поелику он занят туркменами, состоящими под покровительством России и считающими себя как бы нашими подданными, чем одолжены помянутому Кият-беку, только и желают одного, чтобы завести с нами тесные торговые и промышленные связи, следственно, и в отношении к выгодам правительство ничего не потеряет, не отдавая острова на откуп, если только будет стараться открывать промышленникам возможность входить в полезные для торговых связей или, по крайней мере, не препятствовать оным.

Вообще я полагал бы сделать г-ну генерал-майору Тимирязеву такой ответ по сему делу: что правительство имеет свои причины на оставление острова Челекен в настоящем его положении, не отдавая его в откупное содержание, а потому и домогательство Багирова удовлетворить не может.

Предавая все сие на дальнейшее благоусмотрение вашего сиятельства покорнейше прошу...
(На этом текст обрывается)

АВПР, ф. Гл. архив 1—9. 1836—1864 гг., д. 5. лл. 12—15 об.

принять подданство России

17 января 1837 г.

Купивший и освободивший Чистякова туркменец называется Нурмухаммед Бекдурды Ишанов, он глава племени мирного и торгового, состоящего из 3000 кибиток и кочующего за Мангышлакскими горами. Этот хозяин обходился с русскими пленниками хорошо и, по словам его, покупает их только для того, чтобы возвращать им свободу, потому что он любит русских и желает быть подданным вашего императорского величества. Во уверение сего он дал Чистякову письмо к астраханскому военному губернатору, **(Об этом письме см. док. № 222.)** в котором изъясняет, что он 25 лет со своим племенем питает чистосердечную преданность к российскому престолу и думает, что этого недостаточно, чтобы возблагодарить за все милости, изливаемые вашим императорским величеством на племя его. Сожалея об участи русских пленников, продаваемых в Хиву, он **[321]** думает, что для водворения тишины и безопасности надо выстроить в Карагане крепость, посадить туда начальником бека с несколькими людьми из его народа и русских солдат. В заключение своего письма он льстит себя надеждой, что ваше императорское величество, распространяя державу свою, не отрините со временем принять и его в число подданных. Опасаясь мщения хивинского хана за преданность свою к России, он пишет, что если этот хан захочет увлечь его племя в Хиву, то он, Бек, **(Нурмухаммед Бекдурды Ишан)** должен будет, дабы укрыться от гонений, перейти с народом своим на земли, подвластные России, и в сем случае он полагается на милосердие и великодушие вашего императорского величества.

А. С. Меньшиков

ЦГАВМФ, ф. 283, оп. 1, д. 3776, лл. 59—60

Подлинник

№ 225

**Письмо туркменского старшины Якши Мухамед-бека главнокомандующему на Кавказе с
просьбой оказать помощь хлебом**

(Документ не датирован)

(Первая половина марта 1837 г.)

По приказанию высшего начальства послан был к нам от российского министра посланник Григорий Силович, **(Имеется в виду Г. С. Карелин)** который позвал к себе все наши народы и спрашивал нас, в каком положении мы находимся и в чем особенно состоит наше желание, посему мы, весь народ йомут, поцеловав алкоран наш, приняли присягу быть верноподданными Российской империи.

Несколько времени после возвращения Григория Силовича приехал к нам Магомет-шах и с ним до 100 тыс. войска **(Численность войска, видимо, преувеличена)** с тем, чтобы выгнать нас с владеемой ныне нами земли, но мы, защищая свои права, не уступали принадлежащую нам землю и потому сделали с ним сражение, но только он по превосходству сил преодолел и совсем ограбил нас; ибо мы, не ожидая сего, уверились, что он не будет нас обманывать, как сделал ныне своей хитростью мошенничество, и без этого он не мог бы сделать с нами такой поступок (как уже известно, что персияне все мошенники), ибо он нам дал знать, что он приехал посмотреть только нашу землю, и мы поверили, зная, что он, как один шах, может сделать зловерность, но не должен обманывать, как он нас теперь обманул и ограбил.

Ныне, как и прежде, просим ваше высокопревосходительство сделать распоряжение об оказании нам всевозможствования от всякого снисхождения о снабжении нас ружьями и пушками и дать знать о сем деле, где следует.

При сем доводим до сведения вашего превосходительства, что при упомянутом грабительстве

шаха потеряли мы от 40 тыс. дымов (Численность дымов (кибиток), видимо, преувеличена) и сверх того 4 тыс. буйволов, 60 тыс. рогатого скота, 10 тыс. кобылиц, 500 тыс. баранов, 20 тыс. верблюдов и, кроме сего, вышеозначенный шах [322] сожигал все хозяйства нашего народа, занимающегося земледелием, и грабил их все, что только они имели, и теперь у нас осталось только одно название провианта, а самого в натуре для пропитания себя нисколько нет; по показанию астрабадских ханов Магомет-шах взял от нас много человек женщин с детьми в плен. Наконец, просим ваше высокопревосходительство дать нам провиант для пропитания народа за деньги, каковые мы обязываемся вполне уплатить после, через несколько годов по сроку, который будет назначен.

Из Астрахани один купец, называемый Александр Матвеевич, (Купец А. М. Герасимов) в продолжение уже трех лет покупает у нашего народа рыбу и настоящего года прислал к нам своего брата Михайлу Матвеевича для того же промысла, который, зная милостивое внимание ваше к нам, дал нам одно судно, каковое мы уже и отправили на случай нагрузки 7000 пуд пшеницы или муки, которое просим ваше высокопревосходительство одолжить нам, как выше сказано, также просим ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о возвращении одного судна с провиантом как можно поскорее, дабы хозяин одного не потерял время, в которое нужно будет ему то судно.

Хотя мы и много потерпели убытков и будем переносить все неудовольствия от подобных неприязненностей, но никогда не согласимся изменить нашей присяге против русского правительства, подкрепляя себя защитой всевышнего пророка и благодеянием вашего высокопревосходительства; также просим довести о сем до сведения государя императора и отвечать нам.

Я посылаю дядю моего Аллах-Назар с двумя человеками к вашему высокопревосходительству, который может доложить вам словесно о чем вы его будете спрашивать.

Кроме сего, нужным почитаем доложить вашему высокопревосходительству, что Хейва-хан (Хивинский хан) приехал в Кара-Кала, зная, что мы дали Российской империи верноподданническую присягу, с намерением драться с нами, итак, вы не потеряйте время оказать нам вспомоществование, как мы терпели и будем терпеть все притеснения; ибо не желаем удалить себя от российского правительства.

Итак, мы все доложили вашему высокопревосходительству, и теперь как вам будет угодно.

АВПР, ф. Гл. архив 1—13, 1837—1839 гг., т. 1, лл. 2 - 4

Перевод с туркменского

№ 226

Ответ главнокомандующего на Кавказе на письмо Якши Мухамед-бека

(Письмо Якши Мухаммед бека см. док. № 225)

24 марта 1837 г.

Письмо ваше, почтенный Якши-Мухамед-бек, посланное с достойным Алла-Назар-беком, я получил.

Сожалею о постигшем вас несчастье, несмотря на которое, вы постоянно оказываете преданность вашу России. Всем просьбам вашим я вполне внял, но, не считая себя вправе сделать сам собой что-либо, я сообщил об оных на уважение Министерства иностранных дел.

(См. док. № 227)

[323] О чем извещая вас, прошу быть уверенными, что я всегда готов быть вам полезным и исполнять ваши просьбы, если только исполнение их от меня зависит.

Розен

АВПР, ф. Гл. архив 1—13, 1837-1839 гг., д. 1, л. 5

Подлинник

№ 227

Отношение главнокомандующего на Кавказе вице-канцлеру о письме туркменских старшин с просьбой выделить им необходимое количество муки

25 марта 1837 г. Тифлис

Милостивый государь граф Карл Васильевич!

В половине настоящего месяца прибыл в Тифлис племянник известного вашему сиятельству туркменского старшины Кият-бека Алла-Назар-бек и доставил мне письмо от Якши-Мухаммед-бека, старшего сына Кията. Письмом сим извещая меня о совершенном разорении войсками персидского шаха туркменцев иомутского племени, издавна к нам приверженного, просит о выдаче им 7000 пуд. пшеницы или муки, за которые они впоследствии, обязываются внести деньги.

На днях Алла-Назар-бек будет отправлен обратно в Туркмению, и в письме моем к Якши-Мухаммед-беку я ни обещал исполнить его просьбу, ни отказал в оной, но уведомил его, что представляю на уважение Министерства иностранных дел.

Сообщая о сем вашему сиятельству и препровождая в переводе письмо ко мне Якши-Мухаммед-бека, а равно копию с ответа моего, я предаю полному усмотрению вашему, милостивый государь, просьбу его. Если будет признано возможным снабдить иомутское племя туркменцев просимым ими хлебом, то в таком случае всего лучше назначить к получению в Астрахани.

Розен

АВПР, ф. Гл. архив 1—13, 1837—1839 гг., д. 1, лл. 1—1 об.

Подлинник

№ 228

Отношение вице-канцлера главнокомандующему на Кавказе об отпуске туркменам хлеба

13 апреля 1837 г.

Милостивый государь барон Григорий Владимирович!

Принимая во уважение, сколь полезно для нас оказать туркменам иомутского племени пособие хлебом в тяжкую для них минуту, я поспешил донести государю императору содержание отношения (См. док. № 227) вашего [324] высокопревосходительства от 25-го минувшего марта за № 206. Государь император всемилостивейше повелеть соизволил разрешить вам без отлагательства отпустить туркменам, образом каким изволите признать удобнейшим, просимые ими шесть тысяч пудов муки. (В док. № 225—7000 пудов муки)

Поспешая с сегодняшней экстрапочтой сообщить вам вышеизображенную высочайшую волю, остается мне покорнейше просить вас по учинении должного по оной исполнения почтить меня в свое время уведомлением о расходах, которых по сему предмету сделаны будут, дабы я мог распорядиться к возврату вам оных.

Нессельроде

АВПР, ф. Гл. архив 1—13, 1837—1839 гг., д. 1, лл. 6—6 об.

Подлинник.

**Отношение главнокомандующего на Кавказе вице-канцлеру об отпуске прибрежным
йомутам 6000 пудов муки**

4 июня 1837 г.

Милостивый государь граф Карл Васильевич! Получив отношение (См. док. № 228) вашего сиятельства от 13 апреля настоящего года за № 937 о высочайшем повелении отпустить туркменам иомутского племени 6000 пудов муки, образом, какой я признаю удобным и найду лучшим, произвести отпуск сей из находящихся в Астрахани запасов, принадлежащих Отдельному кавказскому корпусу, я сделал уже распоряжение, чтобы по прибытии в Астрахань поверенного от иомутского племени, о чем послано извещение туркменскому старшине Киятбеку, было без замедления отпущено ему всемилостивейше пожалованное количество муки. Извещая о сем ваше сиятельство, имею честь присовокупить, что 6000 пудов муки, которые будут отпущены туркменам, стоят казне с доставкой до Астрахани 3938 руб. 31 коп. ассигнациями и что о возврате сих денег я буду просить вас, милостивый государь, согласно с изъявленным вами желанием в отношении вашем, в то время, когда получу донесение, что мука принята туркменцами.

Григорий Розен

АВПр, ф. Гл. архив 1 - 13, 1837 - 1839 гг., д. 1, лл. 7—7 об.

Подлинник

№ 230

**Предписание главнокомандующего на Кавказе главному командиру Астраханского порта
контр-адмиралу М. М. Геннингу о посылке русских крейсеров к юго-восточному побережью
Каспийского моря**

25 июня 1837 г.

По сделанным персидским правительством объяснениям государь император изволил изъявить высочайшее согласие на признание пространства, находящегося на севере от реки Корган (Гурген) до реки Атрек, принадлежащим Персии. Во время переговоров о сем предмете [325] министерство персидское ходатайствовало через посланника нашего о назначении двух российских военных судов для содействия со стороны моря экспедиции, которую предпринимали сухопутные персидские войска для наказания туркмен за производимые ими хищничества в пределах Персии.

По позднему времени года требование сие не могло быть удовлетворено; персидские же войска, претерпев недостаток в продовольствии, без успеха и в величайшем расстройстве обратно возвратились. Персидское правительство, не оставляя намерения своего усмирить туркмен, возобновило ходатайство свое об оказании ему помощи морскими нашими силами.

Вследствие сего, как сообщает мне г-н вице-канцлер отношениями (Документы не публикуются) своими от 28-го прошедшего мая за № 1390 и 1404, государь император высочайше соизволил повелеть мне отправить в Астрабад два военных судна в распоряжение его величества Магомет-шаха; министерству же персидскому сообщено, что морское содействие наше может быть оказано без неудобства, если персияне имеют в виду только прекратить разбой туркмен собственно в пределах Персии, то есть на левом берегу реки Атрек, которую Россия признает границей между Персией и туркменами; но совсем другое дело, если бы Персия имела в виду нападать на племена, обитающие все сей черты (Следует понимать: проживающие на данной территории) и распространять владычества шаха в земле, никогда ему не повиновавшейся, то есть за рекой Атрек. В первом случае наше содействие упомянутыми двумя военными судами было бы не что иное, как защита подданных дружественной нам державы, во втором же случае мы начали бы неприязненно действовать

против народа независимого, с коим Россия имела всегда мирные сношения и коего мщение в случае открытия военных действий с нашей стороны неминуемо обратилось бы на купцов и рыбопромышленников русских, посещающих туркменский берег.

В исполнение такового высочайшего соизволения предлагаю вашему превосходительству немедленно отправить в Астрабад два военных суда с надлежащей командой и вооружением под начальством морского штаб- или обер-офицера, особенно опытного и благоразумного. Можете для сего употребить и одно из судов, состоящих в эскадре на острове Саре. Начальнику сих двух судов предпишете, сообразуясь с вышеизложенным, исполнить следующее:

1) Прибыв в Астрабад, объявить тамошнему персидскому начальству, что по просьбе шаха он прислан в распоряжение принца Велиата, сына шахского, правителя Мазандерана и Астрабада, потом спросить, какое содействие желает иметь персидское правительство от наших судов, и исполнить то, что обстоятельства позволят.

2) Начальник сих судов должен ограничить действия свои на протяжении берега между Астрабадом и левым берегом Атрека, не предпринимая решительно ничего севернее сей реки; содействие его должно быть исключительно одно морское, он отнюдь не должен с наших судов свозить на какой-либо берег ни людей, ни орудий.

3) Лейтенант Кутузов, крейсируя по юго-восточному берегу Каспийского моря, не допустил вооруженные персидские суда выйти против туркмен по неимению ими дозволения от российского правительства на плавание по сему морю. Российское министерство, как уведомил (Документ не публикуется) меня г-н действительный тайный советник Родофиникин от 29 мая за № 1439, одобряя поступок г-на Кутузова, изъявило согласие дать персиянам таковое позволение касательно только пространства, нами признаваемого [326] бесспорно принадлежащим Персии, то есть находящегося между Астрабадом и левым берегом Атрека. Сообразно с сим предпишете начальникам судов, ныне отправляемых, равно и впредь имеющих крейсировать на туркменском и персидском берегах, позволять персидским судам перевозить войска на берег между Астрабадом и левым берегом Атрека

4) Когда наступит время, в которое судам нашим нельзя безопасно оставаться в тех местах, начальник оных должен считать поручение свое совершенно исполненным и прибыть в Баку для представления прямо мне донесения своего о всем происходившем во время его кампании; с прибытием же в Астрабад он должен немедленно донести мне, как он будет принят и какое получит назначение, а равно и в продолжении всей кампании. Предпишете ему доносить мне сколь можно чаще и подробнее об успехе исполнения даваемого ему поручения, так же о происходящем в Персии и на туркменском берегу, и обо всем замечательном, обращая внимание, не заводят ли персияне особенных военных судов под предлогом надобности в оных для действий против туркмен или употребляют к тому обыкновенные киржимы и другие тому подобные суда, служащие для торговли и для обыкновенного берегового плаванья жителей.

5) При сем начальник судов обязан также пользоваться каждым случаем для обозрения берегов, у коих будет находиться, собирая о положении оных и жителей все сведения, которые можно будет приобрести для пользы службы его императорского величества и в отношении наук.

6) Так как по сие время туркмены всегда надеялись на покровительство наше, то внезапное содействие наших судов в пользу персиян может привести их в совершенное недоумение и иметь гибельные последствия для наших купцов и рыбопромышленников, посещающих их, то начальник судов должен предварительно приблизиться к туркменскому берегу севернее Атрека и предупредить туркмен о настоящей цели своего назначения, изъяснив им, что правительство российское, признавая реку Атрек границей персиян с туркменами, по просьбе шаха прислало русские суда для содействия персиянам к охранению берега от Астрабада до Атрека, на котором туркмены должны прекратить свои хищничества, иначе подвергнутся преследованию российских судов; севернее же Атрека оные не будут действовать, ибо русское правительство намерено всегда сохранять прежние дружеские сношения свои с туркменами.

О получении сего предписания, а равно о распоряжении, какое вашим превосходительством будет сделано, прошу мне донести в Тифлис.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 119, лл. 18—21 об.

Заверенная копия

№ 231

Расписка туркменского старшины Шукура о получении им 6000 пудов муки

29 июля 1837 г.

Я нижеподписавшийся племянник Кият-бека, старшина туркменцев иомутского племени, Шукур, дал сию расписку царевскому запасному провиантскому магазейну в том, что всемилостивейше пожалованной [327] государем императором всероссийским муки шесть тысяч пудов для туркменцев иомутского племени принял я из одного сполна в законной доброте и в указанном весе в твердых и прочных кулях; в чем свидетельствую подписью моей и приложением моей печати в городе Астрахани.

АВПР, ф. Гл архив 1—13, 1837—1839 гг., д. 1, л 9

Копии

№ 232

Из донесения астраханского вице-губернатора Филиппова главноуправляющему на Кавказе о жалобе туркменского старшины Кадыр Мухамеда на купца Мир-Багирова

18 декабря 1837 г.

Находившийся в Астрахани сын туркменского Кият-хана — Кадыр Мухаммед-бек в поданной к г-ну военному губернатору 12-го прошедшего июня просьбе, объясняя неприязненные соотношения единоплеменников своих с Персией, жаловался на поступки астраханского из персиян купца Мир-Абуталиб Мир-Багирова, истребившего будто бы на Серебряном бугре рыболовные промысла, через что соотечественники его понесли убытку на 200 тыс. рублей, и с тем вместе просил об учинении распоряжения относительно заарестования товаров Мир-Багирова, привезенных морем в Астрахань, и обращения их на вознаграждение понесенных его соотечественниками убытков.

Просьбу эту г-н военный губернатор предлагал на законное постановление губернского правления, которое определило, что оно не считает себя вправе приступить к каким-либо решительным распоряжениям на удовлетворение просьбы Кадыр Мухамед-бека, потому что сделанное, по словам его, нападение на Серебряный бугор произошло вне границ Астраханской губернии и по неимению о сем происшествии ни от какого начальственного лица сведения и требования, также по неизвестности о действительной справедливости показания Кадыр Мухамед-бека. Поэтому губернское правление предоставило г-ну военному губернатору подлинное прошение Кадыр Мухамед-бека препроводить к рассмотрению российского полномочного министра при тегеранском дворе, а между тем в ожидании на это от него отзыва распорядилось об отобрании через Карантинное правление от лоцмана и рабочих людей корабля «Самед», на котором приезжал Багиров к Серебряному бугру, под присягой показаний... (Опущены сведения о показаниях рабочих корабля «Самед», принадлежавшего купцу Мир-Багирову. Рабочие сообщали о том, что будто их туркмены брали в плен, избивали и т. д. Видимо, они давали такие показания под давлением купца Мир-Багирова)

Вице-губернатор Филиппов

[328] № 233

Письмо Якши Мухаммед-бека Г. Карелину о положении в Туркмении

(1837 г.)

Высокопочтеннейший, всегда уважаемый, любезный брат Григорий Силыч, свидетельствую мое вам почтение и усердие; после вас случились большие происшествия, что делать? Вы от нас далеко, не могли довести до сведения вашего, но теперь, полагаем, вы к нам приближаетесь. Извещаем вас о здешних обстоятельствах: с одной стороны, Мамед-шах, а с другой—хивинский хан обо всем узнали; Мамед-шах Мир-Садыку приказал на острове Ашире сделать крепость, он пришел с 30 или 40 киржими и четырьмя судами, вооруженными пушками и ружьями и начал строить крепость. Фундамент заложил мая 26-го дня. Еще от Мамед-шаха последовало по всему астрабадскому берегу повеление: русские казенные суда к берегам не допускать; вот как начинают распоряжаться! Хивинский хан прибыл сам, увел все гокленское племя в свои владения, однако ж впоследствии некоторая часть из них ушла восояси; большая же часть осталась при нем. Хан сам отбыл, оставя здесь найбом Сардаря. Из наших 40 тыс. кибиток 1000 кибиток нукеров, всех аксакалов и храбрых молодцов Сардар оставил при себе. Йомутам много обид делают, говоря: «Вы в другой земле государя ищите и в прошлом году сделались подданными, подав от всего иомутского племени о том просьбу. Мы узнали о том, и теперь всячески будем теснить вас». Нас продолжают обижать; Сардар взял к себе в казы с его братом и их семействами, а потом прислал и за Кият-ханом, который должен был к нему ехать. Не знаем, что впоследствии будет. Теперь же надобно, ежели приедете, то вдруг все вместе, а ежели разделитесь и приедете одни раньше, другие позже, для народа очень худо будет. Все йомуты приказали мне написать, ежели можно приехать, время не теряйте, скорее, скорее приезжайте, покуда народ из рук не вышел. Пишу к вам это справедливо, по всей истине. Много мы с народом стараемся, чтобы наши труды не пропали и чтобы наше к вам усердие не осталось втуне. Надеемся на бога; умрем или в рабстве будем, но от вас не отстанем, а вы по вашему сколько можете заботьтесь о народной просьбе.

В заключение извещаю, что Михаила Матвеевич остался здесь по своим делам и по своему желанию.

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 28, лл. 5—5 об.

Перевод с туркменского.

№ 234

Рапорт Г. С. Карелина министру финансов о товарах, выгодных для продажи в Туркмении

10 января 1838 г.

По повелению вашего сиятельства имею честь почтительнейше представить ведомость о товарах, которые, по собственным моим наблюдениям, с наибольшей выгодой могут быть сбываемы в Астрабадском заливе и Туркмении:

1. Сукна и драдедамы. Высокой доброты в малом количестве, более средней руки, темных цветов. Для туркмен же — низкой руки, красного и зеленого цветов.

[329] 2. Бархат. Средней руки, в самом ограниченном количестве; наиболее и выгодно разойдется бархат пестрый халатный, красивых, в восточном вкусе рисунков. Плисы сильно проклеенные, худо окрашенные сбыта иметь не могут.

3. Ситцы. Прочных цветов, с узорами в азиатском вкусе. Для образца может служить персидская

же бумажная терме-нама. С большим успехом разойдутся пестрые ситцы по белому полю.

4. Нанки. Полосатые, хорошей доброты для Персии, дурного разбора для туркмен.

5. Китайки. Алые и синие прочной окраски.

6. Кисея. В незначительном количестве.

7. Коленкоры. Гладкие разных доброт, отчасти розовые и ярко-красные для покрывал, которые у астрабадских женщин во всеобщем употреблении.

8. Миткали.

9. Платки и покрывала. Особенно красные или с красным полем и мелкими восточными узорами.

10. Юфть. Для персиян от 3 до 6 кож на пуд; для туркмен 2 и 2 $\frac{1}{2}$ кожи на пуд.

11. Железо. Полосовое, шириной от 5 до 2 дюймов, толщиной от $\frac{7}{10}$ до $\frac{1}{22}$ дюйма. Четвероугольное или брусчатое от 1 до 1 $\frac{1}{2}$ дюйма, круглое от 1 до 2 дюймов.

Первого и второго сорта железо должно быть в кусках длиной в одну, полторы и две сажени, а последнее в одну сажень. Туркмены с наибольшей охотой раскупают старые гвозди и вообще самое мелкое железо.

12. Сталь разнородная.

13. Чугун в деле. Котлы с таганами; наибольших размеров кумганы или рукомойки.

14. Медь. Литые и в деле. Блюда разных величин, чаши, шандалы, ночники, конские уборы и проч.

15. Хрусталь. Кальяны от 25 до 2 рублей ценой; граненые графины и стаканы, большие граненые бокалы; десертные граненые и простые чаши, флаконы для розовой воды, кувшины для шербета.

16. Фарфор. Самый простой, но пестрых узоров.

17. Глиняная посуда.

18. Деревянные изделия. Наиболее [нужные] для туркмен — чаши раскрашенные и с золотистыми украшениями, сундуки, шкатулки, хорошо лакированные и чисто, хотя не тщательно, внутри отделанные.

19. Мелкие товары. Бусы, большие кольцеобразные серьги, поручни, зеркальца, ножницы, малые кинжалы в красных ножнах, румяна, разнородные замки, средние и тонкие веревки, писчая лощеная бумага.

20. Сахар. В мелких головках.

21. Мука. Пшеничная для туркмен. (Примерно на 75000 рублей). Этот примерный перечень составлен собственно для такого сжатого опыта, каков предпринимаемый на 75 тыс. рублей. Большие же суммы требуют несравненно обширнейшего развития.

Карелин

Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 32, лл. 3—4 об.

[330] № 235

Предписание главнокомандующего на Кавказе командиру эскадры на Каспийском море капитану 2-го ранга Ладыженскому о проверке жалобы Кадыр Мухамед-бека

5 февраля 1838 г.

Препровождая при сем копию с представления (См. док. № 232) ко мне управляющего Астраханской губернией от 18 декабря прошедшего года за № 5459, я поручаю вашему высокоблагородию предписать командиру судов, находящихся у Астрабадского залива для вспомоществования персиянам в экспедиции против туркменцев, забрать известными ему средствами сведения, до какой степени справедливы жалобы сына туркменского Кият-бека — Кадыр Мухамед-бека на неприязненные действия астраханского купца Мир-Багирова, истребившего будто бы на Серебряном бугре рыболовные промысла, принадлежащие

туркменцам, а также, по показаниям рабочих корабля «Самед», о нахождении у подвластных Кият-бека русских и трех татарах.
Что же будет узнано — мне донести.

Генерал-адъютант барон Розен

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 696, лл. 26—27.
Отпуск.

№ 236

Рапорт коменданта Ново-Александровской крепости оренбургскому военному губернатору о письмах туркменских старшин

27 июня 1838 г.

Сего месяца 22-го числа приехали к Ново-Александровскому укреплению три человека туркменцев, имянно: Муга-Мулла бек Мардалиев, Алияр Мугумалиев и Хочимьяр Мамет Гельдиев; и для оных я приказал поставить кибитку за засекой, и эти туркменцы подали мне три письма на татарском диалекте. (Два письма из них написаны еще в 1835 г., а третье в 1837 г.) Которые при сем в подлинниках вашему превосходительству представить честь имею и докладываю, что в бытность мою в кибитке у туркменцев просили меня лично убедительно заключающиеся обстоятельства в письмах довести до сведения, вашего превосходительства об исходатайствовании им прописанного и уверяли меня, что на море никогда не будет от них никаких грабежей и прочего, а всегда будут жить мирно и покорно к России, но я сказал им, что их письма и говоренные слова доведу до сведения вашего превосходительства. А потому сии обстоятельства имею честь представить в благорассмотрение вашего превосходительства.

Комендант Ново-Александровской крепости подполковник Лихошерстов

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1839—1840 гг. д. 4778, л. 1.
Подлинник.

[331] № 237

Из рапорта командира транспорта «Эмба» лейтенанта И. М. Кутузова капитану 2-го ранга А. Н. Ладыженскому о крейсерстве у восточных берегов Каспийского моря и укреплении, дружественных отношений с туркменами

12 июля 1838 г.

Вследствие повеления (Документ не публикуется), последовавшего от его высокопревосходительства г-на главноуправляющего в Грузии за № 65, вторично имел счастье удостоиться поручением — назначением вверенного мне транспорта в крейсерство; повелением же вашего высокоблагородия с № 367 предлагаете с получения сего следовать для обозрения побережья Каспийского моря от острова Нефтяного до Астрабадского залива и около южного берега посетить все рейды до Ленкорани. В обязанность поставляется следующее: ... (Опущены не представляющие интереса пункты инструкции. В сборник включена та часть документа, в которой говорится о взаимоотношениях туркмен с русскими рыбопромышленниками и т. д.) По готовности вверенного мне транспорта 26-го числа марта в 8 часов утра при ветре SO снялся с якоря и стал лавировать к выходу... 13-го был штиль. В 8 часов утра при поднятии флага сделан был выстрел из орудия для требования с берега туркмен. В 10 часов подошла лодка рыболовная с пятью туркменами, которые приняты были на транспорт по правилам карантинным; через переводчика спрашивал

о старшине Кияте и о разных предметах. Туркмены объявили, что Кият находится на острове Дарджа и нездоров, а сыновья его Якши и Кадыр Мамед — в Гасан-Кули. Между прочим сообщили, что персияне на вооруженных судах приходили в Челекен, а некоторые суда брали соль туркменскую в значительном количестве, и в дополнение присовокупили, что они часто видят косовые лодки, идущие от Балхан к югу, но никогда не пристают к берегу. За переданные сведения угостил туркмен и благодарил за приезд, а вместе с тем просил передать Кияту, что я находился в Челекенах ...

В 10 часов прибыл на лодке сын старшины Кията Кадыр-Мамед с купцом Герасимовым поздравить с прибытием, а, между прочим, означенный Кадыр-Мамед просил позволения быть на судне и видаться с братом купца Багирова Мир-Садыком. В сем случае, не видя никаких препятствий, притом русское правительство всегда оказывает расположение отцу его, а потому и не мог отказать просьбе его. Между прочим, [он] передал, что брат его Якши Мамед скоро прибудет; в полдень прибыл Якши Мамед, старший сын Кията, со старшинами на двух лодках, который, поздравив с прибытием меня от всего народа, и после разных комплементов, рассказывал разные новости, а, между прочим, сообщил, что на сих днях крейсировало двухмачтовое судно персидское, которое стреляло из пушек по туркменским лодкам, находившимся на лову рыбы, в том числе и по нем, ибо он осматривал свои снасти, и после сего означенное судно подошло к шкоуту «Самед» купца Багирова, стоящего противу речки Ходжа Нефес для лову рыбы; затем объявил я означенному сыну Кията обстоятельство дела в 6-м пункте данного мне предписания насчёт виденных трех русских и татар в кочевьях, на что он объявил, что он доставит о сем сведение; между прочим, всех старшин угощал, дабы более привлечь к себе откровенность туркмен и узнать справедливость прошения, поданного Кадыр Мамедом г-ну астраханскому военному губернатору.

[332] В 1 час отправился купец Герасимов и Якши Мамед со своими старшинами на шкоут «Илья». Интересуясь знать о двухмачтовой расшиве персидской, куда отправилась, решился оную преследовать повсюду...

22-го с полуночи ветер самый тихий от SO, имея плаванье к Серебряному бугру. В 9 часов утра при сделавшемся штиле положили якорь плехт, и персидская расшива встала на якорь поблизости. В 10 часов прибыла туркменская лодка к транспорту, на которой прибыло несколько туркмен — жителей Серебряного бугра с поздравлением, и, между прочим, объявили, что сын Кията Якши-Мамед находится на Серебряном бугре и нездоров. С означенными туркменами разговаривал о разных предметах, между коими старался узнать, действительно ли купец Багиров со своими судами приходил в местечко Ходжи Нефес и разорил рыболовный сарай и взял в оном рыбу и икру и рыболовные материалы, принадлежащие Кияту и его подвластному народу. Означенные туркмены рассказывали, что сие было действительно, что Багиров был со всеми судами у местечка Ходжи Нефес, но сколько взял рыбы и рыболовных материалов, того утвердительно показать не могут. Означенных туркмен старался ласкать и, угостив, просил, чтобы они передали Киятову сыну Якши-Мамеду, что для меня весьма интересно, чтоб он посетил меня, а, между прочим, написал к нему и отправил с туркменами следующего содержания предположение за № 247...

В 10 часов прибыл на транспорт Якши-Мамед на двух лодках со старшинами, который жаловался, что он нездоров, потому до сих пор не может удовлетворить требования моего, как словесного и ныне полученного от меня письменного, [и] объявил, что не преминет поспешить доставить сведения, какие нужно, когда немного получит облегчение, но приехал теперь собственно сверх сил по требованию моему, которое передали ему прибывшие на берег вчерашнего числа туркмены. Якши-Мамеда и старшин, прибывших ко мне, просил, чтобы они постарались освободить двух русских музур, взятых в плен туркменами со шкоута "Екатеринослав", и представил бы ко мне. Но отзыв Якши-Мамеда и старшин был следующий, что те туркмены, которые взяли в плен, совершенно неподвластны им, хотя давно известно было им, что русские захвачены, но освободить оных невозможно по причине той, что они требуют за оных большого выкупа, силой же принудить не в праве и не могут, но все силы

употребят к содействию для освобождения русских и если согласятся туркмены, то ехать на судне, которые захватили русских, то они оных непременно привезут...

В 3 часа туркменские старшины и Якши-Мухамед оставили судно и отправились на берег, обнадежив меня, что они постараются освободить двух русских или привести тех туркмен, которые захватили...

В исходе 1-го числа прибыли на транспорт на двух лодках Якши-Мамед и те же старшины, которые вчера были, и с собой привезли трех туркмен, которые захватили двух русских. Первым предметом было спросить туркмен причину, по которой они захватили русских, отзыв был следующий: туркменин Халита Абек показал, что он в прошлом году был аманатом на судах купца Багирова и в дополнение дети его ловили рыбу и доставляли [ее] Багирову. По окончании лова рыбы Багиров приказал меня и детей моих отдать брату его Мир-Садыку, где мы и содержались в плену у хана Мирза Мамеда. Дети от тяжких истязаний умерли, а меня выкупили за значительное количество суммы мои единоземцы и во время пребывания отряда российских судов в Астрабадском заливе под командой г-на капитан-лейтенанта Аленикова оный, во время бытности у хана, видел меня, содержащего [ся] в плену.

[333] Туркмен, сын хана Черкеса Копека, объявил, что он со всем семейством тоже ловил рыбу для Мир-Багирова и доставлял оному, но за оную не получал денег, а когда требовал, то [Мир-Багиров] хотел [меня] повесить, но сего не исполнил, а велел своим нукерам меня бить. Более же я не осмеливался решиться просить денег, опасаясь, чтоб он не отдал брату своему Мир-Садыку, персидскоподданному, и в дополнение сего присовокупил, что Багиров многих туркмен обидел и не отдает оным денег за работу за лов рыбы, но они опасаются приехать на судно к русскому начальнику с просьбой о сем по причине той, что Багиров и брат его Мир-Садык распространили между туркменским кочевым народом слух, если кто из туркмен явится с просьбой, то начальник русский задержит и препроводит персидскому правительству, от коего должны выкупаться большой суммой и через сие совершении разоряться.

Обстоятельства решительно побудили нас совокупно принять меры возратить свою собственность от купца Багирова; как захватить несколько русских музур с его судов, дабы сим принудить его заплатить следуемую нам сумму, по примеру тому, как и с нами поступают персидские ханы и начальники; жаловаться же русским начальникам не смеем, да притом не всегда бывают военные суда, если и жалуемся, то они никакого удовлетворения нам не делают, а посему и решился на таковые поступки. Между прочим присовокупают, что русский купец Герасимов, который производит лов рыбы и на оного туркмены ловят, и как завсегда удовлетворяет за рабочими деньгами, то у него в продолжении многих лет ни одного русского туркмены не захватили, а, между тем, [у] купца Багирова ежегодно таковые случаются, причина к тому какая-либо есть. Мудрость и проницательность русского начальства, вероятно, решит снисходительность и великодушие, в покровительстве невинных не откажет, так уповают туркмены сделанное наказание, по мнению моему, предполагаю, довольно может заслуживать вероятие, но я ничего не мог сказать, как только убеждал туркменских старшин и сим туркменам, что русское правительство за сие строго виновного накажет и прикажет возратить их собственность; но я по неимению разрешения от своего начальства принудить теперь удовлетворить их, купца Багирова или брата его Мир-Садыка не могу, а между тем просил, чтоб они двух человек отдали, обнадеживая и лаской, что правительство, если они отдадут мне людей, то сверх сего будут награждены. Имея у себя сукно и разные материи, подарил оным на халаты, дабы сим более поощрять, зная туркмен весьма корыстолюбивыми. Убедясь моим представлением, туркмены объявили свое согласие, что они русских отдадут мне или отправят коих сюда завтра же с тем, чтобы я о сем довел до сведения высшего начальства, в чем я совершенно удостоверил старшин туркменских, и Якши-Мамеда благодарил за участие принимаемое, а сих туркмен за доверенность к русскому начальнику оказываемую. Угостив [шись] вполне обедом, они отправились на лодках на берег...

6 мая в 11 часов прибыл на транспорт Якши-Мамед и несколько старшин, доставил по требованиям моим сведение, заключающее на туркменском языке, которое у сего прилагаю;

но, между прочим, извинялся, что он долго медлил в доставлении. Причиной — тяжкая его болезнь, и просил ещё обождать бумаг, которые весьма нужны от народа туркменского г-ну главнокомандующему. Хотя я и согласился, но просил убедительно поспешить доставлением, но, между прочим, присовокупил, что требуемых начальством трех татар и несколько русских, виденных в кочевьях туркменского народа в прошлом году рабочими людьми Багирова, таковых ныне не находится, если б были, то [334] не преминул бы по всегдашней преданности к русским представить. Якши Мамед и старшины, расставаясь, просили убедительно обо всем передать высшему начальству и государю императору. Расставшись [они] отправились на берег в 4 часа пополудни...

7-го в 12 часов прибыл купец Герасимов вместе с сыном Кията Кадыр-Мамедом, с коим разговаривал о разных предметах, между прочим, Кадыр-Мамед объявил, что... (Опущены слова, не имеющие логической связи с текстом) туркмены, которые завсегда притесняемы Багировым, но более братом его Мир-Садыком, который всегда старается посредством разных происков у персидского начальства теснить и грабить туркменские кочевья, в чем и имел успех в прошлом лете, истребив в Челекене нефтяные колодцы, через что потерпели большой ущерб, а, между тем, старается, чтобы туркмены покорились персидскому правительству, и разными слухами распространяет в кочевом народе туркменском, если они будут производить торг и лов рыбы для купца Герасимова и других русских, кроме брата его Мир-Багирова, то завсегда будет притеснять и захватывать туркмен. И для сего имеет вооруженные мореходные суда и киржимы для таковых предметов, на которых плавают русские и белые солдаты. Сим объясненным обстоятельством Мир-Садык подрывает доверенность туркменского народа ж русскому, ханам и старшинам туркменским совершенно невозможно удержать кочевой народ, чтоб они воздержались от похищения на судах Багирова русских и рыболовных снастей. Если будет завсегда военный начальник русский и судно, то туркмены будут бояться производить таковые поступки, опасаясь за то наказания, а Багиров принужден будет удержаться от присваиваний чужой собственности, которую русский начальник может всегда запретить. А, между тем, кочевой народ, увидя справедливость русского начальства, более будет иметь доверенности и сблизится с русским народом, который туркмены некоторые дальние, кочевые, считают жестокими тиранами, отнимающими свободу. Хотя мы и уверяем, что сие несправедливо, но персияне завсегда стараются внушить им, что сие действительно. Купец Герасимов рассказывал, если б туркмены усовершенствовались в искусстве лову рыбы, как русские, то в прибрежье сем могли б производить операции по коммерции на многие миллионы, но можно надеяться, если русские более с ними познакомятся, то коммерция довольно увеличится. В 5 часов Кадыр-Мамед и Герасимов, оставивши транспорт, отправились на пришедшую косовую из Астрахани... (Опущены сведения, не имеющие непосредственного отношения к теме сборника).

11-го с полуночи ветер тихий от NW, а в полдень отошел к N и совершенно стих. В 11 часов прибыл Кадыр-Мамед и туркменские старшины, [они] подали бумагу, заключающуюся в просьбе от народа г-ну главнокомандующему, просив меня убедительно передать поспешнее оную и донести ему о здешних происшествиях, виденных и слышанных мной. Я же объявил, что по прибытии не премину поспешить доставлением и обо всем донесу г-ну главнокомандующему, который не преминет, что от него будет зависеть, удовлетворить вполне их просьбам. Сим заверял туркменских старшин и просил уверить подвластный им народ что русские завсегда готовы покровительствовать и защищать правоту каждого народа, который прибегает с покорностью под покровительство. Угостив всех чем только мог, [они] благодарили меня за радушие мое, и в 4 часа отправились с транспорта, пожелав успеха в счастливом плавании...

18-го ветер сделался умереннее от NW. В 5 часов пополудни приехал на киржиге на транспорт с восьмью человеками туркмен Кият-бек, известный высшему правительству своей преданностью, который [335] поздравил с прибытием, объявил, что преклонные лета, и удрученный тяжкими болезнями, до сего времени, не позволили ему быть и видеть меня и

принести всегдашнюю благодарность; между прочим, спросил, какие я дал наставления детям его Якши-Мамеду и Кадыр-Мамеду, коим по старости лет, доверил управление туркменского народа, ему подвластного. В дополнение сего сказал, что он внушил своим детям иметь всегдашнее почтение и уважение к русским и служить им и любить более, чем свой народ. Я благодарил украшенного сединами старика и заслуживающего уважения по своим подвигам, оказанным в 1826 и 1827 гг. для русских во время персидской войны. Между разными разговорами рассказывал, что персидские суда, вооруженные артиллерией, весьма часто посещают остров Нефтяной и на оных находятся персияне и русские беглые. Имея большую надобность по случаю болезни в чае и сахаре, Кият-бек просил меня, чтоб я ему продал; для меня весьма странным было его требование в рассуждении продажи таковых вещей. Желая удовлетворить просьбу его, принужден из собственности своей снабдить его остальным. Поблагодаривши за одолжение, в 9 часов отправился с судна в Гасан-Кули. (Отпущены сведения, не относящиеся к теме сборника)

Лейтенант Кутузов

ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1. д. 111. лл. 2—11 об.

Заверенная копия

№ 238

Представление Министерства иностранных дел Комитету министров о возмещении из государственной казны издержек за доставленные туркменам 6000 пудов муки

19 августа 1838 г.

Изложение дела.

Главноуправляющий в Грузии обратился в Министерство иностранных дел об уплате ему 3938 руб. 31 коп., причитающихся за 6000 пуд. муки, кои в минувшем году отпущены были туркменам иомутского племени вследствие состоявшегося на то высочайшего повеления.

В минувшем году главноуправляющий в Грузии генерал-адъютант барон Розен, представляя Министерству иностранных дел убедительное ходатайство туркмен иомутского племени об оказании им вспоможения в продовольствии по случаю потерпенного ими разорения от нападения персиян, испрашивал по сему предмету разрешения. Министерство, с одной стороны, принимая во уважение прежние услуги, оказанные нам старшиной помянутого племени Кият-ханом, с другой, признавая полезным для влияния нашего вообще на восточные берега Каспийского моря не отказать туркменам в просимом ими пособии, входило по сему со всеподданнейшим докладом государю императору, и его величеству благоугодно было в 13-й день апреля минувшего года изъять всемилостивейшее соизволение на отпуск туркменам 6000 пудов муки. О чем немедленно сообщено было генерал-адъютанту барону Розену для надлежащего исполнения тем способом, какой он признает удобным. Впоследствии генерал барон Розен уведомил, что он нашел лучшим произвести отпуск означенного количества муки из [336] находящихся в Астрахани запасов, принадлежащих Отдельному кавказскому корпусу, присовокупил, что об уплате денег 3938 руб. 31 коп. ассигнациями (чего стоит казне мука с доставкой до Астрахани) он будет просить по получении донесения, что мука принята туркменами. Ныне же квитанция в принятии муки доставлена.

Заключение управляющего Министерством иностранных дел.

Принимая в соображение: 1) что помянутая мука отпущена вследствие высочайшего повеления и 2) что в распоряжении Министерства иностранных дел не имеется сумм на подобные расходы, управляющий Министерством полагает уплатить генерал-лейтенанту Головину вышеозначенные три тысячи девятьсот тридцать восемь рублей тридцать одну копейку из государственного казначейства, (28 августа 1838 г. Комитет министров разрешил уплатить издержки, связанные с выделением туркменам 6000 пудов муки, из государственной казны

(см. АВПР ф. Гл. архив 1—13, 1837—1839 гг., д. 1, лл. 13—13 об.) каковое мнение имеет честь представить на благоуважение Комитета гг. министров. (Документ без подписи)

АВПР, ф. Гл. архив 1—13, 1837—1839 гг., д. 1, лл. 10—11.

Копия.

№ 239

Донесение оренбургского военного губернатора вице-канцлеру о просьбах туркмен принять их в подданство России

28 августа 1838 г.

Милостивый государь граф Карл Васильевич! От 13 марта 1838 г. за № 427 имел я честь сообщить (Документ не обнаружен) вашему сиятельству ближайшие обстоятельства, по просьбе туркмен, принять их снова в подданство России. В июне месяце сего года снова явились трое старшин туркменских в Ново-Александровск и подали письменные просьбы о принятии их под защиту и покровительство. Две из просьб (См. док. № 196, 199) этих писаны еще в 1835 г., а одна (Документ не обнаружен) в 1837 г., просители выжидали, как видно, для подачи удобного случая, опасаясь хивинцев.

Туркмены говорят о просьбах своих, что присягали на верноподданство России уже в 1810 г., считают себя с той поры подданными нашего государя, но, находясь вполне во власти хивинского хана, должны таить расположение свое к русским в ожидании от нас помощи и защиты.

Считая обязанностью известить вас, милостивый государь, о возобновлении туркменами просьбы своей, я должен присовокупить, что местное положение этого народа, по моему мнению, позволяет исполнить желание его тогда только, если решено будет оказывать ему защиту вооруженной рукой; во всяком ином случае подданство это, как доселе и было, будет мнимое и, кроме того, послужит только гибелью для самих туркмен, не принося ни нам, ни им ни малейшей пользы. Раздробленный и рассеянный кочевой народ этот по необходимости повинуется тому владельцу, к пределам коего приближается, в народе этом [337] нет и быть не может ни самостоятельности, ни единодушия в делах к поступкам, и общности в силе и действии. Поэтому он сам по себе не в состоянии восстать против Хивы, которая, при всей ничтожности своей, легко может истребить огнем и мечом каждое племя туркменское поодиночке. Только под действительным покровительством России туркмены могли бы утратить Хиву, иначе каждое покушение их вступить в подданство России, если дойдет, хотя по темным слухам, до Хивы, может только послужить во вред просителям.

Изложив, таким образом, мнение мое, служащее некоторым образом дополнительным ответом на почтенное отношение (Документ не публикуется) вашего сиятельства от 6 апреля 1836 г. за № 661, в коем заключается желание Азиатского комитета, чтобы туркмены могли действовать противу Хивы без явного с нашей стороны пособия, — мне остается только представить вашему, милостивый государь, усмотрению, не сочтете ли, по крайней мере, полезным обласкать старшин туркменских и наградить усердие их какими-либо подарками. Причем, я полагал бы, не давать им вовсе положительного и официального ответа во избежание могущих из сего произойти для них же гибельных следствий. Со временем обстоятельства могли бы измениться, а расположение и приверженность этого народа во всяком случае может принести нам одну только пользу. В случае согласия вашего я буду иметь честь ожидать назначения на этот предмет какой угодно будет суммы. (Это предложение В. А. Перовского в сентябре 1838 г. было принято царем Николаем I (см. АВПР, ф. Гл. архив 2—9, д. 12, лл. 55—56 об.).)

Перовский

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1832—1848 гг., д. 12, лл. 51—52.

Подлинник.

№240

**Донесение оренбургского военного губернатора управляющему Министерством
иностраннных дел П. Г. Дивову о взаимоотношениях с туркменами**

(Документ не обнаружен)

19 октября 1838 г.

Милостивый государь Павел Гаврилович! Вследствие отношения **(Копия этого документа хранится в АВПР, ф. Гл. архив 1—9, д. 12, лл. 58—59 об.)** вашего высокопревосходительства от 30 сентября № 2413 коменданту Ново-Александровского укрепления посланы будут назначенные для старшин туркменских подарки ценой на 2000 руб.

Пользуясь сим случаем, прошу вас, милостивый государь, дозволить мне высказать мнение мое вообще по сему предмету: единовременные подарки, как бы они значительны ни были, не могут привлечь на нашу сторону постоянно ныне расположенные к нам племена, если же польза их расположения признана будет правительством и если при том принятые средства для оказания им защиты и покровительства и для удержания их в покорности не почитаются удобными или уместными, то необходимо, кажется, поддерживать сношения наши, хотя и не **[338]** большими, но постоянными знаками милости и внимания. Часть небольшой экстраординарной суммы, отделенной по штату для Ново-Александровского укрепления, уделяется мной и ныне на сей предмет, но я желал бы если вы, милостивый государь, согласитесь с мнением моим, иметь разрешение входить по мере надобности с представлениями о назначении по нынешнему предмету от времени до времени небольшой суммы собственно на подарки старшинам и родоначальникам туркмен и адаевцев.

В ожидании от вашего высокопревосходительства на сие благосклонного ответа, прошу вас, милостивый государь, покорнейше принять уверение в совершенной преданности и почтении моем.

Перовский

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1838—1840 гг., д. 4778, л. 24.

Копия

№ 241

**Ведомость о наличном состоянии вещей, назначенных для вручения
в качестве подарков туркменским старшинам**

Шелковых тканей 4 куска

Бархату 4 куска

Плису 3 "-"

Бобровых шкур 4 шт.

Сабель златоустовских —

Часов серебряных 2 шт.

Золотых перстней 4

Зрительных труб 4 шт.

Золотых медалей 7

Серебряных медалей 6 шт.

Рожков серебряных 9

и роговых 22

№ 242

Письмо оренбургского военного губернатора вице-канцлеру с предложением возобновить переговоры с туркменами по вопросу о принятии их в подданство России

3 апреля 1839 г.

Милостивый государь граф Карл Васильевич! Вашему сиятельству из прежней, в различное время происходившей переписки (В 1835—1838 гг. туркмены неоднократно обращались к начальнику Ново-Александровской крепости подполковнику Лихошерстову с просьбой принять их в подданство России (подробнее об этом см. док. № 191, 182, 194, 196, 199, 236)) известно, что некоторые племена туркмен неоднократно просили подданства России и что дело останавливалось только по тогдашнему неудобству привести в исполнение бывшие на сей предмет предложения.

Полагая, что при нынешних обстоятельствах можно бы с выгодой пользоваться расположением к нам туркмен, я прошу покорнейше, если вы, милостивый государь, изволите согласиться с этим мнением моим, разрешить мне вступить ныне снова с Туркменцами в сношение, вызвать старшин их для принятия от них верноподданнической присяги и [339] вручения им подарков с тем, чтобы обеспечить себе хотя относительно нескольких племен сего народа и обратить, если можно, в друзей некоторую часть неприятелей своих. Представляя все обстоятельства эти на усмотрение вашего сиятельства, я буду иметь честь ожидать дальнейших по делу сему уведомлений, между тем прошу вас, милостивый государь, покорнейше принять уверение мое в отличном почтении и совершенной преданности моей.

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1838—1849 гг., д. 4778, л. 28.

Отпуск.

№ 243

Отношение вице-канцлера оренбургскому военному губернатору об отправлении на родину туркменского старшины Нурмухаммеда Бекдурды Ишанова

1 августа 1839 г.

Милостивый государь Василий Алексеевич! Из содержания отношения (Документ не публикуется) ко мне г-на астраханского военного губернатора, о коем я сообщил вам от 27-го минувшего июня № 1682, вашему превосходительству известно уже о захвате нашим крейсером близ Мангышлакского берега пять туркмен и в том числе одного Ишана. (Речь идет о туркменском старшине Нурмухаммед Бекдурды Ишанове, захваченном Л. Н. Бодиско по ошибке на берегах Мангышлака весной 1839 г)

Ныне по новым сведениям, доставленным от г-на генерал-майора Тимирязева, оказывается что сей Ишан вовсе не причастен ни к каким хищничествам, а, напротив, отличался всегда преданностью нашему правительству и даже выкупил двух русских (из плена от хивинцев), которые также подтвердили истину речей его. Все это объяснилось по озвращении в Астрахань посланного к Мангышлакским берегам флота капитан-лейтенанта Бодиско, который, основываясь на инструкции, данной ему от вашего превосходительства, и на том еще более, что Ишан этот значился у него в списке в числе туркмен, преданных правительству, — освободил его из-под караула и доставил с собой в Астрахань.

По доведении о сем до сведения государя императора, его величество высочайше повелеть соизволил: Ишана, как взятого понапрасну и безвинно содержащегося, немедленно

освободить; в вознаграждение же за все им претерпенное и за усердие, оказанное вырубкой двух русских из плена, выдать ему в виде награды приличную сумму денег, по усмотрению местного начальства, о каковой монаршей воле и сообщено уже от меня г-ну астраханскому военному губернатору к надлежащему исполнению. Долгом поставляя и вас, милостивый государь, о сем уведомить, в дополнение и пояснение прежних сведений о помянутом духовном лице не излишним также присовокупить, что по содержанию отношения (Документ не публикуется) вашего превосходительства от 20-го минувшего июня № 693 я также сообщил от себя, что нужно, к сведению и руководству г-ну генерал-майору Тимирязеву. Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Нессельроде

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1839—1840 гг., д. 4998, л. 5.

Подлинник.

[340] № 244

Письмо туркменского старшины Кят-хана главноуправляющему на Кавказе с просьбой о защите исконных прав туркмен на земли, граничащие с Ираном.

[Не позднее 1839]

В 1812 г. главноуправляющий Грузией генерал Ртищев присылал к нам чиновника узнать о положении текинских, иомутских и гокленских племен. Племена сии с общего согласия выбрали меня и отправили в Россию с некоторыми поручениями, тогда я был в цветущих летах, теперь я уже увядаю и приближаюсь к концу жизни; жаль, что ни одно из моих желаний не исполнилось, — потому ли, что заслуги мои не могли быть приняты во уважение, или по другой, мне неизвестной причине. Как бы то ни было, но я не охладел в усердии к российской державе. Я неоднократно просил главных русских начальников по разным предметам, но никогда не получал удовлетворения, теперь покорнейше прошу и ваше высокопревосходительство рассмотреть прежние мои просьбы и приказать объявить мне распоряжения, по ним сделанные.

У нас получено известие, что российский полномоченный министр при дворе персидском показал, будто бы наши жилища Атрек и Гурген принадлежат Персии. Министр сей вчера приехал к своему посту, а сего дня так легко узнал столетние дела! Просим ваше высокопревосходительство спросить, чьи могилы находятся в упомянутых наших жилищах: туркменские или персидские? Вероятно, ваше высокопревосходительство, не согласитесь с его мнением, по которому мы должны лишиться земель, оставленных нам предками нашими.

По сему и по другим делам отправляю в Тифлис сына моего Кадыр Мамеда, уполномочив его во всем, до нас касающемся, и изъявляя при том готовность нашу исполнять все поручения, какие изволите возлагать на нас.

При сем имею честь доложить высокопревосходительству, что мы недавно слышали об одном пленном, но не могли удостовериться, из ваших ли он или из других; если он из ваших, то отправьте сюда кого-нибудь, мы не оставим доставить ему того пленного.

Я имею постоянное желание, которого, к несчастью моему, доселе еще не достиг, хотя и обнаруживал всем главноуправляющим; обнаружу оное теперь и вашему высокопревосходительству, чтобы не лежало тяжестью на груди моей. Вот оно: хотел, чтоб государь император соизволил дать мне войска для завоевания Астрабада и подчинения тамошних жителей воле моей, но, к неограниченному сожалению моему, не достиг сей цели. Приближаюсь к концу жизни, жалко умереть, не получа желаемого. Ваше высокопревосходительство, по крайней мере, уважьте мою просьбу и доведите об моем желании до высочайшего сведения; быть может, государь император благосоизволит на мою просьбу. Если по этому и по другим приметам признаете за нужное, я приеду к вам. (Копия

письма Кият-хана ген. Е. Головину хранится в ЦГИА ГрузССР, ф. 1, д. 929, лл. 5—6)

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1839—1841 гг., д. 11, лл. 5—6 об.
Перевод с туркменского.

[341] №245

**Ответ главноуправляющего на Кавказе генерала от инфантерии Е. Г. Головина на письмо
Кият-хана**

1 ноября 1839 г.

Почтенный Кият-бек!

Мне приятно было получить письмо, посланное вами через сына вашего почтенного Кадыр-бека. Все заключающиеся в оном статьи я принял в рассмотрение, желая искренне добра как вам, так и всему роду вашему. Я долго изыскивал средства оказать вам живое мое участие и расположение, но нашел, что для того, чтобы сделать что-нибудь прочное, существенное и постоянное, необходимо иметь на то высочайшее повеление государя императора. И потому я решился все касающиеся до вашего племени дела представить на всемилостивейшее усмотрение и просить приказаний его императорского величества. Я не сомневаюсь, что воля [все]могущего императора нашего будет и впредь столь же милостиво в отношении к вашему народу, как было и доныне. Мне же будет приятно по получении мной просимых ныне приказаний сообщить об оных вам, почтеннейший бек.

Сын ваш, приготовив ныне силы свои к обратному дальнему пути, отправляется из Тифлиса с сим письмом, коим я вам желаю как благорасположенному к правительству нашему и полезному для своего народа человеку долгих и счастливых дней и постоянного здоровья.

Генерал от инфантерии Головин

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1839—1841 гг., д. 11, лл. 7—7 об.
Копия.

№ 246

**Отношение главноуправляющего на Кавказе вице-канцлеру о письме Кият-бека и об
изменении порядка сношений с туркменами**

(Копия письма ген. Головина к К. В. Нессельроде хранится в ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 929, лл. 9—10.)

1 ноября 1839 г.

Милостивый государь граф Карл Васильевич!

Министерству иностранных дел известны все обстоятельства сношений наших с туркменскими племенами, кочующими на берегах Каспийского моря между нашими и персидскими пределами.

Доныне неопределительность сих сношений и самые изменения как в предметах желаний сих народов, так и в отзывах лиц, посылавшихся на места для оценения пользы, могущих произойти для торговли нашей от сближения с туркменцами, не позволят правительству нашему предпринять что-либо решительно по сему предмету. Между тем туркменцы, получавшие уже неоднократно знаки высочайшего к ним благорасположения, остаются в ожидании приведения в действие каких-либо мер касательно частых их домогательств о покровительстве. Иомутское племя, в коем известный Министерству по частным просьбам своим Кият-бек имеет, как кажется, некоторое влияние, в особенности не [342] выпускает, по-видимому, из виду цели найти опору в нашем правительстве. На сих днях получил я снова от Кият-бека письмо,

доставленное мне сыном его, нарочно приехавшим в Тифлис. Письмо сие, а равно ответ мой на оное, я счёл полезнейшим препроводить при сем на усмотрение вашего сиятельства. Разные уважения, из коих отдаленность, тщетность доныне сих ненадежных сношений и многосложность занятий моих суть не маловажнейшие, побудили меня покорнейше просить вас, милостивый государь, если вы не изволите признать сие неудобным, испросить всемилостивейшее разрешение, дабы продолжение сношений правительства нашего с туркменцами было сложено с главного начальства в Грузии и по ближайшей смежности и удобству распоряжений по сим сношениям было возложено на астраханское начальство, находящееся уже в частых, прямых по делам торговли нашей с туркменскими берегами сношениях. (27 сентября 1840 г. астраханский военный губернатор Н. С. Тимирязев в письме тому же К. В. Нессельроде предложил по-прежнему оставить заведывание делами Туркмении за Главным управлением в Грузии (см. АВПР, ф. Гл. архив 1—9, д.11, лл. 8, 16—18)) Распоряжения же, которые могут быть нужны при сих делах по вверенному мне командованию Каспийской флотилией, делались бы от меня без неудобства, по сообщении мне астраханским начальством о предстоящей нужде или по доведении до сведения моего высочайших по сему предмету повелений.

Евгений Головин

АВПР, ф. Гл. архив 1-9, 1839—1841 гг., д. 11, лл. 2—3.
Подлинник.

№ 247

**Отношение дипломатической канцелярии кавказского наместника бакинскому коменданту
об отправлении подарков туркменскому старшине Кият-хану**

1 ноября 1839 г.

Дипломатическая канцелярия, препровождая при сем узел под литер К.Б. (Видимо, Кият-бек) с собольим мехом и 14 аршин бархата для туркменского старшины Кият-бека, покорнейше просит ваше высокоблагородие распорядиться отправлением одного при первом самовернейшем случае по принадлежности и о последующем почтить её уведомлением. (О получении Кият-ханом указанной посылки см. ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 929, л. 40.)

Подписал камер-юнкер А. Хвостов

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 929, л. 25.
Отпуск

№ 248

**Письмо Нурмухамеда Бекдурды Ишанова оренбургскому военному губернатору с
выражением благодарности за освобождение**

(1839 г.)

Получив сведение, что ваше высокопревосходительство сделались прежним преобладателем края, я увидел себя счастливейшим человеком [343] и, радуясь сим, имею честь поздравить с таковым назначением; желаю вам, да ниспошлет всевышний бог, всякого преуспевания! После отъезда вашего из оренбургского края в С.-Петербург на острове Мангышлак возведено укрепление, которому я радуюсь, ибо оно служит защитой к охранению нас. В это укрепление я ездил и оттуда отправлял бумаги губернатору, который, кроме сего, от меня ничего не требовал.

Небезызвестно вашему высокопревосходительству, что одним чиновником я был увлечен в

плен в г. Астрахань, где и видел тогда Леонтия Николаевича. (Личность Леонтия Николаевича установить не удалось) Об оказанных мной услугах государю императору я письменно доводил до сведения вашего высокопревосходительства, и особе вашей угодно было исходатайствовать мне высочайшее соизволение на возвращение в свое жительство, (22 августа 1839 г. В. А. Перовский обратился к астраханскому военному губернатору с просьбой освободить Нурмухамеда Бекдурды Ишанова и вознаградить его деньгами (см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4998, лл. 3—4)) на что мне и выдали денег, вместе с тем я получил и присланные вами 100 руб. серебром, и с тех пор по настоящее время я пребываю в своем жительстве, принося теплые молитвы к споспешествованию всех желаний ваших. Я льщу себя надеждой иметь счастье лично видеться с вашим высокопревосходительством и сообщить вам кое-какие сведения.

На подлинном приложена печать Нурмухамеда-Махтума Бекдурды Ишанова.

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1844—1851 гг., д. 5535, л. 85.

Подлинник.

№ 249

Справка Оренбургского пограничного отделения о Нурмухамеде Бекдурды Ишанове

(1839 г.)

Из производящейся в канцелярии переписки видно, что посыланные в 1839 г. для осмотра мангышлакских берегов капитан-лейтенант Бодиско и генерального штаба капитан Ширков донесли, между прочим, вашему высокопревосходительству, что один из поименованных в данной им инструкции верных нам туркмен Ишан Нурмухамед захвачен мичманом Быковым неподалеку [от] Александр-Бая и содержится в Астрахани, почему ваше высокопревосходительство 22 августа того же года изволили отнестись к астраханскому военному губернатору с просьбой освободить Нурмухамеда с товарищами, выдав ему на счет сумм пограничной комиссии сто рублей серебром и вознаградив его за издержки, по крайней мере, по выкупу им в 1839 г. из плена двух русских за 90 червонцев.

Об этом в то же время ваше высокопревосходительство изволили сообщить г-ну государственному канцлеру иностранных дел, присовокупив, что Нурмухамед неоднократно оказывал нам на деле весьма значительные услуги и известен как человек приверженный и преданный. Он выкупил в 1835 г. трех русских и отпустил в Россию, в 1839 г. снова выкупил за 90 червонцев двух русских пленников, которые в [344] полной мере свидетельствовали о старании и попечительности его за них называя его отцом и благодетелем. (См. док. № 250)

Г-н государственный канцлер от 14 августа 1839 г. уведомил ваше высокопревосходительство, что, по доведении означенного отношения вашего до сведения государя императора, его величество высочайше повелеть соизволил: Ишана, как взятого понапрасну и безвинно содержащегося, немедленно освободить, в вознаграждение же за все им претерпенное и за усердие, оказанное выручкой двух русских из плена, выдать ему в виде награды приличную сумму денег по усмотрению местного начальства. Во исполнение таковой монаршей воли астраханский военный губернатор немедленно распорядился о возвращении Ишана на родину, выдав ему в награждение сто рублей серебром, куда он и отправился 5 октября... (На этом текст обрывается. Документ без подписи)

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1844—1851 гг., д. 5535, лл. 86, 87.

№ 250

Из записки капитан-лейтенанта Бодиско и капитана генерального штаба Ширкова о значении строительства нового укрепления на Мангышлаке о взаимоотношениях с туркменами

(Записка составлена после обследования морской экспедицией северо-восточных берегов Каспийского моря весной 1839 г. Экспедиция была организована с целью отыскания нового места для перенесения Ново-Александровской крепости. Подробнее об этом см. ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 825, лл. 19, 21 и 51)

(1839 г.)

...Мичман Быков (45-го экипажа), командированный для отыскания хищников, вышел на берег у Архиерейского култука, севернее Александр-Бая. Туркменцы, на которых он напал, бежали в степь, за ними последовали и те, которые работали на бакче човдуровского ишана (или главного муллы) Нурмухамеда Махтума Бекдурдия, который в числе преданных нам старшин находится на списке, полученном нами при инструкциях. Этот Ишан четыре года тому назад купил у разбойников трех русских пленных и дал им свободу безо всякого возмездия, в прошлом году купил еще двух (уроженцев села Житного на устье Волги), одного за 50, а другого за 40 червонцев, и тогда же объявил им, что он выторговал их с тем, чтобы при первом случае возвратить их к семействам.

Увидя идущего офицера, Ишан Нурмухамед остановился и подал знак двум своим работникам и двум туркменцам игдырского рода, чтобы они возвратились, а потом послал за своими русскими пленными, которые и прибыли. При допросе их на брандвахте они подтвердили, что Ишан действительно обещал им свободу при первом случае, утешал их, обращался с ними кротко, — со всем тем ишан и его мирные работники взяты в плен с другими двумя игдырцами или через недоразумение по незнанию языка или потому, что офицеры, командируемые к туркменским берегам, не имеют ни списков лиц, нам преданных, ни наставлений на случай сношений с ними.

Удостовераясь, что Ишан неоднократно на деле доказал бескорыстную преданность нашему правительству, и считая плен его несообразным и даже вредным для будущих наших сношений с тем краем, мы [345] решились взять его на брандвахту [в] Ново-Мангышлакской, (транспорт «Дон»), чтобы представить его в Астрахани г-ну тамошнему военному губернатору для скорейшего о нем решения. В продолжение карантина, который мы выдерживали у Бирючей косы на транспорте «Кура», мы были свидетелями трогательной сцены признательности бывших пленных Ишана, заботливость их о его участии, одежде, пище его и неотступные просьбы их поскорее и в подробности объяснить астраханскому военному губернатору, что он был для них настоящим отцом во время их бедствия, ясно показывают, что Ишан истинно полезен для нас в своем негостеприимном отечестве и что взятие его в плен совершенна противно выгодам и намерениям правительства.

Нурмухамед Ишан сказал нам, между прочим, что туркменцы, кочевавшие в степях между Кочаком, мысом Тюб-Кара-Су (или Карагай) и Александр-Баем в числе 9000 кибиток, отошли теперь большей частью на Кипчак; они принадлежат племенам: дервишскому, эрсаринскому, игдырскому и човдурскому. Киргизы адаевского рода с частью туркменцев разных племен, в числе до 2000 кибиток, подались к Сарташу и за Кочак для нападения на наших промышленников по приказанию хивинского хана, приславшего будто бы шесть человек из своих приближенных с повелениями к кочевым каспийским народам оказывать им всякое содействие для захвата русских. Против Ново-Мангышлакского полуострова Айляктын Джагасы между мысом Кара-Су и далее к правому берегу Сарыбаша кочуют рассеянно 150 кибиток туркменцев абдальского рода под начальством бека Атаназара, которого имя на списке нам преданных старшин не находится. Часть туркменцев човдурава рода с частью абдальского кочуют теперь у Архиерейского култука или у Песчаного мыса.

Насчет преданности нам своих единоземцев Ишан говорит, что иные отошли внутрь степи, чтобы не иметь сообщений с нами и не подвергнуться гонениям от хивинского хана, другие под предлогом дел уехали по той же причине в Хиву, а большая часть кочевых старшин изъявляет нам преданность только тогда, когда, с одной стороны, они не имеют причин опасаться хивинцев, а с другой — надеются на получение от нас подарков. Прочие с ним взятые четыре

пленника човдурского и игдырского рода, которых мы оставили на Ново-Мангышлакской брондвахте в оковах, далее своих кибиток и бакчи ничего не знают....

Капитан-лейтенант Бодиско 2
Генерального штаба капитан Ширков

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 825, лл. 37—48 об.
Заверенная копия.

№251

Из письма Кият-хана главноуправляющему на Кавказе о положении в Юго-Западной Туркмении и о готовности подвластных ему туркмен принять подданство России

6 марта 1840 г.

Почтеннейшее отношение вашего превосходительства от 11 декабря прошлого 1839 г. с посылками, запечатанными в ящике, я на присланном из Баки (Баку) военном бриге «Аракс» от командира оного г-на [346] лейтенанта Феофанова получил в исправности, за что приношу его императорскому величеству государю и самодержцу всероссийскому и вашему высокопревосходительству наичувствительнейшую мою благодарность. Смею уверить, что я с повинующимися мне туркменскими народами иомутского племени по преданности своей к России имею счастье прежде во всех случаях и ныне в преклонных летах моих желаю с ревностным усердием оказывать возможные услуги, что только для славы и благосостояния Российской державы в силах и состоянии сделать. При чем вашему высокопревосходительству честь имею почтеннейше донести об обстоятельствах здешнего края и о соседних, до меня дошедших.

а) О делах пограничных с Хивой.

Туркмены иомутского племени (кроме небольшого числа, жительствоющих по побережью Каспийского моря на границе персидской, о коих говорить буду ниже) по возглашению моему, описанному вашему высокопревосходительству в посланном с сыном моим Кадыр-Мамедом донесении, пребывают к России не только верны, но даже готовы, как только последует от российского военначальника воззвание, встать в ряды русского войска и сразиться противу враждующего хивинского хана. А посему предлагаемые от него им награды и денежное вспомоществование за то, чтобы восстали обще с другими народами противу русских, единодушно отвергли. Но за это некоторые из них подверглись гневу хивинского хана, который поступил с ними жестоко. По повелению его учинено текинским народом на туркмен, обитающих около Балхан, внезапное нападение; ограбили 40 кибиток, взяли в плен 40 мальчиков, их детей, и в добычу 1700 верблюдов, 20 тыс. баранов, 1500 лошадей и все имущество. Теперь все сии несчастные находятся в бедном положении; за детей же, взятых у них в плен, требуют по 3000 [руб.] или вместо них доставить по 5 человек такого же возраста мальчиков, из нашего, джафарбайского, рода, чего они выполнить не в состоянии; и сии люди были у хивинского хана, просили от него единой милости, чтобы возвратить их детей в свои семейства, но он торжественно в том отказал, объясняясь: так как они избрали себе благодетелем российского монарха, то от него и испрашивали себе помощи; теперь они ожидают нетерпеливо вспомоществования от победоносного российского воинства, в тамошнем крае ныне находящегося; а между тем йомуты, кочующие около Балхан, хотят весной оставить там места и подвинуться ближе к нам.

В настоящее время я и старший сын мой Якши-Мамед совокупно с казой Мамед-Таган как первосвященствующим в здешнем крае лицом послал к туркменам иомутского племени, кочующим на хивинской границе и в других местах, депеши, чтобы они по появлении русских обращались дружески и все их нужные требования выполняли бы с должным усердием.

По дошедшим до меня сведениям, теперь у хивинского хана набрано войска, его подданных, в

Хиве жительствовавших обществ узбеков из 1600 родов (По данным другого документа — 160), считающихся в каждом роде или обществе по 1000 домов, по 100 человек, всего 16 тыс., и вспомогательного нанятого войска из народов 20 сословий, не признающих его власти, как-то: игдыр, човдур, гоклен, арабачи, емрели, алили, карадашли, текинцы, сарыки, эрсары, салыр, умгали, ак дербенты, джамленгерлы, чендыры, агары, чебечи, казахи, кара-калпаки и ата — по 1000 человек от каждого рода — 20000. Всего 36 тыс. человек, главный начальник всех этих войск Куш-беги.

[347] Артиллерия состоит под командой Мехтер-бай-сарта из 65 пушек. Все сии орудия тяжелые, заряжаются 20-фунтовыми ядрами, пороху кладется по 8 фунтов. При каждой пушке со снарядами употребляется по 25 лошадей, с потребным числом канониров под командой Ваис-бай сарта, а порох и ядра находятся под начальством Якуб-бай сарта, с 500 человек нижними чинами. Вся эта артиллерия прикрывается гвардией, состоящей в 3000 человек, набранных из разных сословий людей; при оных пять командиров и 65 человек офицеров. Все эти люди снабжены винтовочными ружьями и у каждого в запасе по 25 пуль с патронами.

На войско, избранное из подданных хивинских, хан надежды не полагает, потому что народ сей не воинственный. Но вся его твердость на людей, нанятых из 20 вышеобъясненных сословий, и на гвардию. Но сие ополчение будет существовать дотоле, пока удовлетворяются со стороны хана достаточным жалованьем, и дотоле, как оное по требованиям их не прекратится, так равно и до времени, пока препятствовать будут случаи делать хищнические нападения, отчего, в особенности ночной порой, я уверен, что русские наблюдают строгие предосторожности. И как я имею достоверные сведения, что хивинский хан будет держаться в главном своем городе дотоле, пока не вывезет свою казну и все имущество в пограничный город Хазарыс (Вероятно, Хазарасп), где начальником брат его родной Рахманкули-Тюре, а потом сам туда намерен скрыться.

Было у хивинского хана суждение по совету одного русского, взятого российским начальством с муллою, сыном Кок-ишан, в числе шести человек, но опять из России бежавшего, чтобы положить преграды с приморской стороны около Мангышлака и Ново-Александровской крепости в доставлении для русского войска провианта и воспрепятствовать в учреждении крепости около Тюб-Карагана, ибо бежавший русский предложил хану, что если то место будет со стороны Хивы защищаться, то прекратится доставка оттоле провианта, по неимению же одного русские войска возвратятся и Хива останется непобежденной; а посему хан повелел своему войску и тамошним жителям употребить все меры к воспрепятствованию в учреждении там крепости; но, по мнению моему, едва ли что могут сделать, ибо я уверен, что со стороны русского начальства в преграду тех мест приняты надежные меры, да и сомнительно, чтобы хивинский хан со всем ополчением своим учинил что-либо противное, так как беспрепятственно около самой Хивы, расстоянием три дня ходу, русские воины устраивают земельные крепости.

б) О делах пограничных с Персией.

Туркменские племена, обитающие около границы персидской между реками Гурген и Атрек, не признающие власти персидского правительства, но некоторые из них, в особенности род оржали, (По-видимому, огурджали, живущие на острове Огурчинском. Подробно о них см. А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря Изд-во АН ТССР, Ашхабад, 1961) происходящий не из природных йомут, но от разных наций народов, в Туркмении с древних времен поселившихся и урожденных от иомутских рабынь, перестали повиноваться и мне, делают неприязненные посещения на российские купеческие суда, в здешний край для торгова и промышленности приплывающие...

Причиной всем этим самовольствам есть откупщик у персидского начальства астрабадских вод вышеупомянутый русский из персиян купец Багиров, содержавший прежде до 1835 г. принадлежащие туркменам прибрежные рыболовные воды, но по случаю неплатежа им честно по расчетам нам 13916 руб. суммы (о взыскании коей хотя я в прошлом **[348]** 1835 г. по бытности моей в Тифлисе подал лично г-ну главнокомандующему в Грузии барону Розену

прошение, но удовлетворения доныне не получил), от откупа этих вод ему, Багирову, отказано, и оные переданы в содержание астраханским купцам братьям Герасимовым по заключенным из числа их со старшим братом Александром Матвеевым «талагам», или контрактам, но он (то есть Багиров) в отмщение этого, а более из корыстных и вместе с тем преступных видов употребляет всю хитрость и меры через братьев своих персидскоподданных, занимающих у шаха важные места и должности, а сии последние по ненавистным извещениям настаивают у персидского начальства вытеснить и отвратить торговлю и промышленность в здешнем крае, русскими купцами открываемую, каковая до времен, как братья Герасимовы, первые познакомившись с нашими племенами, русским не была известна, и поэтому они настраивают тех туркмен через подарки делать с русскими судами неприязненные посещения на лодках, снабженных Багировым будто бы для рыболовства, давая им повод к самоволию и самоуправству, так что туркмены те, отделившись от благонамеренного моего распоряжения, думают, что я не имею права входить в защиту русских судов далее пределов Атрека по причине ниже сего объясненной; а между тем те же самые туркмены, обиженные управлявшими здесь от Багирова промысловыми делами в незаплате за рыболовство денег, в 1839 г. взяли из числа его русских рабочих людей, посланных с судна на берег за водой и дровами, двух человек, (Подробнее об этом см. док. 252) из коих один от простуды помер, а другой по настоянию моему отправлен на судне купца Герасимова и от него на судно ж Багирова передан. Но они, управлявшие по окончании вешнего того года беляка, не заплатя туркменам тем за условленную рыбу 4500 руб., тайным образом на шкоуте «Св. Екатерина» отплыли, увезли с собой в Астрахань туркменского аманата и поручителя в исправной заплате денег Назар-Кули, который доныне в Туркмению не возвращался. Через этот поступок те туркмены крайне ожесточены, остаются в худом мнении, что и прочее русское купечество, сюда для торгова и промышленности приплывающее, может также подобные Багирову делать поступки. Управляющие же на означенном шкоуте Багирова, вероятно, поступили так с дозволения хозяина потому, может быть, что он не хочет уже в здешнем крае производить рыболовство, но по его-то (Багирова) недоброжелательным хитростям учинено и в Туркмении следующее расстройство.

Граница туркменского владения с Персией состояла с древних времен по побережью Каспийского моря до Черной речки и по оную черту рыболовные воды по заключенным старшинами контрактам отдавались на откуп прежде вышеупомянутому из персиян астраханскому купцу Мир-Абуталиб Багирову, который по ту границу от оной со взятыми у персидского правительства Астрабадской провинции рыболовными водами без препятствий владел; но когда по вышеизъясненным; причинам от содержания туркменских вод ему отказано и с передачей оных на откуп другим из русских астраханских купцов братьям Александру, Михайле и Никите Герасимовым, то ж по контрактам, по Черную речку, со стороны Багирова возникло в Астрахани тяжбное дело, по которому присоединяются к персидскому владению и туркменские воды, от Черной речки до Атрека, через что содержателей наших вод купцов Герасимовых, свято исполняющих российские законы, хотя в предохрану себя от напрасного взыскания, от Багирова возникшего, и не участвовавших в рыболовстве в том участке вод, крайне стеснил и довел, как известно мне, до значительных убытков с потерей [349] многочисленного семейственного их капитала. И как ныне до сведения моего дошло, что они, Герасимовы с Багировым, не успели кончить старое тяжбное дело, и только Багиров в прошлом 1839 г. возвратился из Персии в Астрахань, возвел на них новую несправедливую жалобу, будто бы Герасимовы в откупаемых Багировым у персидского начальства водах производили рыболовство, за что взыскивается с них более 200 тыс. рублей, чего со стороны Герасимовых производимо не было, и о том утверждаю я не ложно, так равно подтверждаю и данные в прошлых годах о погруженной в суда их рыбе и ее припасах свидетельства, что оные уловлены в туркменских водах, не касаясь даже новой граничной реки Атрек.

Что касается, что Туркмения с Персией граничит по Черную речку, то, я полагаю, правительство российское может усмотреть из дел морского начальства, прежде частных лиц сюда на

военных кораблях приплывающих и даже в последнюю персидскую с Россией войну, от сего же места я с подвластными мне туркменами иомутского племени действовал вооруженной рукой противу ненавистой нам издревле персидской державы по воззванию военного начальства за Россией. Так равно эту черту границы положил и бывший здесь в прошлом 1836 г. начальник российской торговоученой экспедиции г-н коллежский асессор Карелин, который в яснейшем виде открыл законопреступные действия помянутого из персиян купца Багирова и, вероятно, описал русскому начальству, и который мне лично изъяснялся, что около этой границы на Серебряном бугре назначал выстроить от России крепость для охранения русских купеческих судов, для торгова и промышленности сюда приплывающих, а посему уступку Персии этих мест туркменский народ не мог бы сделать без кровопролитной войны, но останавливается, дабы не навести неприятностей России, ибо известно мне, что в это определительное о границах дело вошел пребывающий в Тегеране российско-императорский полномоченный министр, ибо он, как видно из сообщенного в прошлом 1839 г. официально канцелярией его превосходительства содержанию туркменских вод астраханскому купцу Александру Герасимову, тогда здесь находящемуся, мнение по тяжбыным делам Багирова с ним, с купцом Суджаевым, в рыболовстве, и мне подробно объявленного, каковым мнением г-н министр по благорасположению к соседственной державе признал реку Атрек пограничной чертой между владениями туркменцев и персиян, тогда как он же, г-н министр, в том мнении своем описывает о туркменских племенах в отходящей Персии границе, обитающих между реками Гурген и Атрек (то есть от Черной реки), что они не признают власти персидского правительства, — то почему же рыболовные воды в границе их жительства должны присоединиться к Персии. Но как мнение это зависит от утверждения верховной российской власти, утверждено оное или нет, неизвестно. Но между тем через разглашение о таком мнении г-на министра через приверженцев Багирова в туркменском народе, тамо жительствующем, не признающем персидской власти, подан повод так же думать, что я не имею права входить в защиту русских судов далее предела реки Атрек, и отстраняются от благонамеренных моих распоряжений в недозволении делать вышеозначенные самовольства. Далее же г-н министр в мнении своем уничтожает сделанное туркменскими старшинами из числа откупщиков наших вод Герасимовых со старшим братом Александром Матвеевым Герасимовым условие, объясняя, что оно не должно иметь законной силы потому будто бы, что старшины, руководствуясь единственными выгодами, одни и те же воды отдают на откуп разным промышленникам. Это замечание, до него, г-на министра, доведенное, есть несправедливо, ибо в здешнем народе не только условия, делаемые [350] на письме, но и между собой на словах, соблюдаются в точности, так что если что обещано, но не исполнено на самом деле, считается за важнейший порок, и даже есть люди безграмотные, не имеющие у себя именных печатей, то вместо оных обмакивают перстом в чернила, прикладывая на бумагу, и это действует непреложным обязательством.

В самой Персии начальство ненавидствует на открываемую здесь в Туркмении русскими торговлю и промышленность, в доказательство чего осмеливаюсь изъяснить следующие причины: 1) о вышеупомянутом Суперкарге Эривандове, прибывшем от российского правительства для исполнения торговли, разнесли слухи, будто бы он приехал шпионом, и эти нелепые слухи тогда миновались, когда Эривандов через находящегося в Тегеране полномоченного министра испросил на беспрепятственную торговлю шахский фирман; 2) из числа содержателей туркменских рыболовных вод вышеупомянутых купцов Герасимовых старший брат Александр Матвеев в прошлом 1939 г. по желанию астрабадских прибрежных жителей и почтенного духовенства, Багировым недовольного, с согласия Аббас-хана Каджара намеревался взять на откуп астрабадские прибрежные воды, и когда посланы были к персидскому правительству депутаты от жителей и духовенства астрабадского и от меня с мирными договорами о прекращении прежних несогласий между туркменами и персиянами, от Багирова происшедших, и с испрашиванием на утверждение сих вод за Герасимовым от шаха фирмана, то его величество не изъявил согласия по причине, как я после узнал, доведенного

ему нелепого мнения, что русские, как только вступят во владения персидские под предлогом откупщиков вод, а с тем вместе и в открытие торговли, утвердятся твердыми ногами, и впоследствии времени шах должен уступить России и провинции эти, из чего усмотреть можно, какое благорасположение имеет Персия к русским, и доказывается, что самоначалство преклоняет людей сжигать ватажные строения, в пределах Персии русскими устраиваемые, и брать людей с оных, несмотря на то, что оно, получая с содержателей за право рыболовства откупную сумму по заключенным контрактам, должно бы охранять не только имущество, но их самих от неблагонамеренных людей, а из сего видно, что туркменцы, не имеющие у себя самодержавной власти, но под управлением только моим со старшинами свято соблюдают условия, нежели в Персии, ибо здесь таковых поступков еще не бывало, и 3) ненавидствуют на меня и на старшего сына моего Якши-Мамеда, действующего по управлению вместо меня. В особенности во время отсутствия из Гасан-Кули стараются всеми мерами и подкупают людей лишить его жизни. А недавно перед сим сделано распоряжение не упускать для продовольствия всего вообще туркменского народа съестных потребностей, и как таковых в Туркмении по неудобной почвы земли не родится, то теперь народ, получавший прежде в подобных случаях хлеб из Хивы, но в настоящее время и с ханом хивинским пребывающий в расстройстве, должен терпеть голод.

Все сии обстоятельства здешнего края, объяснив вашему высокопревосходительству, покорнейше прошу довести до престола государя императора всероссийского верноподданническую мою совокупно с подчиняющимся мне туркменским народом иомутского племени просьбу, не благоугодно ли будет его императорскому величеству повелеть: уничтожа мнение пребывающего в Тегеране полномоченного, пограничной же чертой между владениями туркменцев с Персией считать Черную речку, как древнюю Туркмении принадлежность, и утвердить святость контрактов, заключенных нами с откупщиками туркменских рыболовных вод русских, астраханских купцов Герасимовых со старшим братом [351] Александром Матвеевым в их силе и нерушимости во все десятилетнее содержание и тем положить конец тяжёбных дел, возведенной на него несправедливо из персиян купцом Мир-Абуталиб Багировым со взысканием с него понесенных Герасимовым многотысячных убытков, мне лично самому известных. Так равно и на удовлетворение меня объясненной в поданной к г-ну главнокомандующему в Грузии барону Розену просьбе суммой 13916 руб. и для продовольствия туркменского народа иомутского племени по случаю сделанного запрещения со стороны персидской и хивинской отпустить взаимнообразно из запасных магазинов хлеба на первый случай хоть тысячу четвертей и тем избавить народ от неминуемого голода, в особенности самобеднейших жителей, кои не имеют возможности через приверженцев к персидскому начальству доставить себе съестных припасов. А на предстоящее время для охранения российских купеческих судов от всяких неприятностей устроить предполагаемую чиновником Карелиным на Серебряном бугре крепость, снабдив оную потребным числом гарнизона и орудиями. До того же времени, как она будет устраиваться, поставить около одного места военное судно, которое и пребывало бы во все время навигации, и этим самым учреждением со стороны русского начальства уничтожится открывающееся здесь вышеописанное самоуправство. Торговля же и промышленность в нашем крае может возрасти до высокой степени к славе российской державы и обогащению купечества в открытии азиатской торговли, здесь удобной. При том имею смелость пояснить: так как Каспийское море по древним и новым трактатам принадлежит Российско-императорской державе, почему же персидский шах не уступит России и прибрежные провинции. Я знаю, что жительствующие в оных народы персидским начальством крайне стеснены, нетерпеливо ожидают тех благословенных времен, какими пользуются их соотечественники под скипетром Российской державы, ибо они наслышаны, что персияне в присоединенных к России провинциях живут счастливо, отправляя беспрепятственно и [без] всякого стеснения торги и промышленности под управлением благодетельного русского начальства.

Не знаю, почему и за какие услуги персидский шах в присланном прошлого 1839 г. фирмане признал меня ханом туркменского иомутского народа, а засим при втором фирмане прислал мне и детям моим, Якши-Мамеду и Кадыр-Мамеду, в подарок по халату, но я соглашаюсь снять с себя ханское достоинство, именоваться просто по назначению русского начальства — беком, но навсегда быть с потомством и подвластным мне народом под покровительством Российско-императорской державы — этой единственной милости давно делаю и испрашиваю у всеавгустейшего российского монарха.

Прилагаемая на сем донесении печать туркменского казы Мамед-Таган, первосвященного лица, служит доказательством всего здесь описанного и подтверждением, что туркменцы иомутского племени желают и просят покровительства государя императора всероссийского.

Засим вашему высокопревосходительству честь имею донести, что о таковых обстоятельствах здешнего края мною, согласно требования вашего, также донесено и г-ну оренбургскому военному губернатору генерал-адъютанту и кавалеру Перовскому.

Хана Кият, туркменского казы Мамед-Таган, Якши-Мамед, сын Кият-хана (У подписей приложены именные печати) печать.

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 929, л. 43—53.

Подлинник.

[352] № 252

Письмо Кият-хана командующему Каспийской флотилией контр-адмиралу И. В. Соловьеву об убийстве русского купца М. Герасимова

14 июля 1840 г.

Содержателя рыболовных вод, Туркмении принадлежащих, астраханского 2-ой гильдии купца Александра Матвеевича Герасимова брат родной Михаил Матвеевич Герасимов прошлого 1839 г. декабря 9-го числа прибыл из Астрахани в Туркмению благополучно. В главном туркменском селении Гасан-Кули снабдив подрядных русских ловцов потребными для рыболовства припасами, в январе месяце сего года отправил оных на бриге «Астрахань» и на кусовой «Св. Василий» к Зеленому бугру, а шкоут «Св. Андрей» был послан для загрузки в Челекен соли, где я сам лично находился, потом хозяин купец Михаил Матвеевич узнал, что челекенские туркмены не позволяют производить там рыболовство, отправился из Гасан-Кули в морской лодке с кормщиком Аникеем Расточаевым с двумя русскими рабочими Сергеем Вопиловым, Дмитрием Ярцовым и двумя туркменскими аманатами Айвас-Чудой (Так в документе) и Алла-Кули к судам, которые подле стояли: бриг «Астрахань» у нижней, а кусовая «Св. Василий» у верхней косы Огурчинского острова; приехав в феврале месяце в Челекен, объяснил мне об этом обстоятельстве, — почему я созвал к себе челекенских старшин: Ата-Мамет-Гирей-Сатлык, Мамет-Нияза и других почетных, объяснил им, что купец Михаил Герасимов из числа тех русских купцов, кои, первые познакомясь с нашими племенами, пребывают с нами в дружбе и производят здесь в Туркмении несколько лет торг и рыболовную промышленность, то для чего стеснять ловцов его в производстве лова рыбы, они требовали от него денег, им было назначено, но показалось мало, а много дать я не дозволил, почему купец Герасимов поехал на свои суда, чтобы сняться и уйти к Гасан-Кули; но означенные старшины, собрав под команду свою туркмен из Красноводского десять человек, называющих себя хищниками, служащими у хивинского хана, и челекенских десять человек (имена всех их объяснены в прилагаемом при сем реестре) (Список лиц, участвовавших в нападении, не обнаружен) сделали хищническое нападение на кусовую Герасимова, именуемую «Св. Василий», ограбили оную и в это время ранили в ляшку из числа кормщиков Аникея Расточаева, а потом одни только вышеозначенные с Михайлом Герасимовым и с вышеобъясненными туркменскими аманатами, кормщиком и рабочими приехали на шкоут «Св. Андрей», где и я находился. При мне чинили

ему разные притязания, требовали за что-то денег и хотели увести его с собой представить хивинскому хану, но я этого сделать им не дозволил. 17-го числа февраля сего года в два часа пополудни, он, Герасимов, с этими аманатами, кормщиком и рабочими (всего шесть человек) отправился с шкоута «Андрей» на кусовую «Св. Василий», а туркменские старшины те уехали на киржиге в Челекен, а за ними я съехал туда же — в место жительства своего Шкоут «Св. Андрей» с нагруженной солью отправился к Гасан-Кулийскому рейду. Потом до сведения моего дошло, что кормщики кусовой «Св. Василий» поехали на нижнюю косу Огурчинского за дровами, нашли на берегу хозяйские вещи: погребец, бумажник, изломанный компас, две шапки рабочих, весла, паруса, руль; на другой день найдена разбитая лодка, хозяйское одеяло, подушка, туркменский киржим; из [353] этого заключили, что все они утонули, но мертвых тел при рачительном розыске тогда не отыскано, а впоследствии открылось, что в то время, когда отправился Михаил Матвеевич со шкоута «Андрей» на кусовую «Св. Василий», стоящую подле вместе с бригам у нижней косы Огурчинска, собранная вышеозначенными старшинами шайка туркмен была в трех лодках на оном острове на месте, Лидаками называемом, и поэтому старшины те хотели было ехать обратно на судно, для мирной будто бы сделки, но мной не допущены, тогда ветер дул тихий, а к ночи сильный северный ветер, переходя к норду со снегом, почему, полагаю, в этот раз не съехали ли они на Огурчинский и внезапно не убиты ли шайкой там бывших туркмен, потому что с хозяином были деньги, а сколько, мне не известно. Это заметно, что тех утопших не оказывалось долгое время, но в последних числах мая и в июне месяце найдены тела Алла-Кули у Белого бугра, Айвас-Чуда у Серебряного бугра и одного русского, полагают, самого хозяина Михаила Герасимова, у Зеленого бугра; на всех телах есть признаки, происходящие, как говорят, кто видел из туркмен, от ударов, а по оторванным ногам догадываться должно, что не были ли сначала отпущены с грузом в море, но после их волнением отмыло.

Об обстоятельстве этом представил я на благоусмотрение господина главнокомандующего в Грузии с донесением, (Донесение не обнаружено) что, так как туркмены, в Челекене живущие, ныне неприязненным действием перестали слушаться меня и уклонились от благонамеренных моих распоряжений, то и прошу его высокопревосходительство командировать военное судно и прислать в Гасан-Кули, где будет со стороны моей сделано распоряжение о передаче русскому начальству виновных, участвовавших в грабеже судна Герасимова и, может быть, лишения его жизни и бывших с ним трех русских рабочих: Аникея Росточаева, Сергея Вопилова, Дмитрия Ярцева и двух туркменских аманат: Айвас Чуда и Алла-Кули. Вместе с тем, ваше превосходительство, покорнейше прошу учинить распоряжение о спросе рабочих людей и ловцов, бывших там на бриге «Астрахань», на кусовой «Св. Василий» и на шкоуте «Св. Андрей», для подтверждения описываемого здесь мной грабежа, учиненного поименованными туркменами, и о насильствах, какие ими чинимы были. Также, ваше превосходительство, прошу о таковом событии известить семейство купца Герасимова, вместе с сим вручить посылаемые при сем содержателю рыболовных вод астраханскому купцу Александру Герасимову свидетельство, выданное от меня в том, что погруженная в принадлежащие ему суда рыба и ее припасы уловлены в водах, Туркмении принадлежащих, а не в других участках. (К письму приложен список туркмен, виновных в убийстве М. М. Герасимова. В числе их указаны два старшины с о. Челекен и десять «красноводских туркмен, называвших себя хищниками, служащими у хивинского хана», (там же, л. 56). Список не публикуется)

Кият-хан Якши-Мамед бек

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 51—55

Заверенная копия.

Письмо Якши-Мухамед-бека главноуправляющему на Кавказе о нападении на туркмен войск астрабадского наместника

[Конец 1840 г.]

Я нахожу нужным о здешних обстоятельствах довести до сведения вашего.

С некоторого времени в нашем крае существовало спокойствие, но уже 15-го числа рамазана ночью воровски ворвались 5 тыс. человек и ограбили у нас 5 тысяч скота, 600 штук верблюдов, убили 12 человек, а 38 захватили. Теперь мы желаем иметь с ними военное действие за упомянутую добычу. Ими предводительствует правитель астрабадских Насир-хан, который спрашивал у нас о командирах императорских кораблей и людях Герасимова. О всех сих происшествиях подробно ведаёт Кият-хан, потому что он очевидцем сему, а мы не видели, он донесёт вам в точности, что воровски ворвавшиеся убийцы 20 человек известны даже и по прозванию, теперь не следует ли обратиться к правосудию вашему.

При том Мир-Абуталиб, у наших жителей купив рыбу и не заплатив 10 тыс. реалов сахибкрана, (*Сахибкран — высший титул правителей Востока*) бежал, а теперь мы не знаем, насчёт взыскания сих денег к кому прибегнуть, (*Астраханский военный губернатор Н. С. Тимирязев в ответе на запрос главноуправляющего на Кавказе Е. А. Головина указывал, что брат купца Мир-Багирова Мир-Таги Багиров отклонил претензии Якши-Мухамед-бека; он заявил, что его брат покупал рыбу только за наличные деньги. Военный губернатор сообщил, что из-за отсутствия бесспорного доказательства он не может удовлетворить претензии Якши-Мухамед-бека (см. ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 1085, л. 4)*) я прошу покорнейше известить меня по сему.

Так же в нынешнем году он прислал инструменты и другие потребности, и мы приготовили ему рыбу для продажи, но деньги за сие остаются. (*В конце документа приложена именная печать Якши Мухамед-бека*)

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 1085, л. 2

Перевод с туркменского

№ 254

Предписание вице-канцлера главноуправляющему на Кавказе об отправке военного судна в Астрабадский залив для наблюдения за действиями русских рыбопромышленников

7 января 1841 г.

Милостивый государь Евгений Александрович! Г-н министр финансов в декабре минувшего года сообщил вашему высокопревосходительству к надлежащему исполнению состоявшееся по докладу его высочайшей повеление о командировании из Каспийской флотилии одного военного судна для сопровождения второй партии товаров, которую предположено будущим летом отправить в Астрабадский залив, и об учреждении постоянного у туркменских берегов крейсирования военного судна [355] нашего с целью доставить покровительство и защиту находящимся там торговцам нашим. (*Об учреждении постоянного крейсерства в Астрабадском заливе К. В. Нессельроде сообщил также астраханскому военному губернатору И. С. Тимирязеву (см. АВПР, ф. Гл. архив1—9, оп. 8, д. 7, лл. 11—11 об). По поводу учреждения постоянного русского крейсерства у юго-восточных берегов Каспия велась оживленная переписка между отдельными государственными деятелями России (см. ЦГАВМФ, ф. 410, оп 1, д. 1133, лл. 2—3, 25—28 об. 89—93 и т. д.)*)

С своей стороны долгом считаю уведомить вас, милостивый государь, что вследствие повторенных от персидского правительства жалоб на содействие, оказываемое будто бы туркменам нашими рыбопромышленниками в грабежах на персидском берегу Каспийского моря, государю императору благоугодно было изъяснить высочайшее соизволение, чтобы командир судна, которое в тех местах крейсировать будет, имел наблюдение и за действиями

рыбопромышленников наших.

Вашему высокопревосходительству известны неприязненные отношения, издавна существующие между Персией и туркменскими племенами, обитающими на юго-восточном берегу Каспийского моря. Персидское правительство, притязая на земли, лежащие на север от реки Атрек, почитает кочующих на сем пространстве туркмен своими подданными, но на самом деле сии последние не признают над собой власти шаха. Не успев до сих пор привести их в покорность, ни же остановить производимые сими в пределах Персии набеги, персидское правительство приписывает это отчасти содействию рыбопромышленников наших, обвиняя сих последних в снабжении туркмен иомутского племени лодками, снастями, военными снарядами и другими предметами, способствующими им производить разбои. Как таковые действия торговцев наших, занимающихся рыболовством в персидских и туркменских водах Каспийского моря, действительно могут служить ко вреду Персии и совершенно противны существующим с сей державой дружественным связям, то государю императору благоугодно, чтобы крейсер наш ежегодно находился в означенных водах во время лова рыбы и тщательно наблюдал за поведением рыбопромышленников наших, не допуская их доставлять туркменам военные снаряды, снасти, лодки и вообще все, что может подать повод к жалобам персидского правительства. Но, впрочем, таковое воспрещение отнюдь не должно препятствовать торговцам нашим продолжать с туркменами мену товаров и произведений, коих сбыт дозволен и взаимно полезен, ибо вашему высокопревосходительству вполне известно постоянное попечение правительства о распространении для выгод промышленности связей наших с туркменскими племенами, (В докладе на имя Николая I от 10 декабря 1840 г. К. В. Нессельроде, предлагая учредить постоянное крейсерство в Астрабадском заливе, писал, что «мера сия была бы весьма полезна и в другом отношении, ибо, исполняя, таким образом, ходатайство персидского правительства, мы приобрели бы чрез то возможность более сблизиться с прибрежными туркменскими племенами и поддерживать между ними влияние наше; а с другой стороны, повременное появление военного брига нашего в Астрабадском заливе под предлогом весьма благовидным доставило бы желаемое покровительство нашим торговым в том крае предприятиям». (см. АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, д. 7, лл. 6—7)) а потому вы, милостивый государь, конечно, признать изволите нужным снабдить командира судна, которое во исполнение высочайшей воли отправлено будет к персидским и туркменским берегам Каспийского моря, надлежащей инструкцией (В этой инструкции повторяются наставления настоящего документа, поэтому мы ее не публикуем (см. ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 94—97)) для руководства в действиях его как в отношении к рыбопромышленникам нашим, так и к самим туркменам. Способствуя присутствием [356] своим к удержанию сих последних от произведения грабежей в Астрабадском заливе и мазандеранских портах, командир судна, тем самым, получит возможность оказывать покровительство и нашим там торговым предприятиям. Для вящего же в том успеха он должен будет объявить местным персидским властям, что присылка его последовала именно вследствие жалоб персидского правительства и имеет главнейшей целью следить за действиями рыбопромышленников наших, о чем покорнейше прося вас, милостивый государь, о последствиях распоряжений, кои по сему предмету вами учинены будут, почтить меня уведомлением, (11 февраля 1841 г. Е. А. Головин сообщил К. В. Нессельроде о том, что он предписал командующему Саринской эскадрой капитан-лейтенанту Аленикову назначить два военных судна одно - для сопровождения очередной партии русских товаров в Астрабад, а другое — для постоянного крейсирования в том же заливе (см. АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, д. 7, лл. 12—13 об.)) пользуясь случаем, чтобы повторить вам уверение.

Нессельроде

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1840-1841, оп. 8, д. 7, лл. 8—9 об.

Копия

Донесение Якши-Мухаммед-бека главноуправляющему Кавказским краем о результатах разбойничьих нападений на мирные селения туркмен, организованных астрабадскими властями

(Копию документа см. АВПР, ф. Гл. архив 1—9, д. 11, л. 15—15 об.)

[Не позднее 17 мая 1841 г.]

Вашему высокопревосходительству должен я донести, что в нынешнем 1267 г. в Мухареме месяце (в феврале) сын Аллаяр-хана Асафут Довлет с войском, состоящим из 22 000 человек, выступив из Мешхеда (Хорасана), внезапно напал на наших единоплеменников, называемых давачи, **(Деведжи)** которые живут в 22 деревнях и составляют 3000 семейств, и привел их в совершенное разорение, взял в добычу 1200 верблюдов, 30000 овец, 7000 лошадей и 150 пленников. По случаю сего происшествия наши туркменцы желают открыть с Мохамед-шахом неприятельские действия и сражаться с ними, а потому я нужным считаю заблаговременно попросить у вашего высокопревосходительства совета вашего на означенное предприятие наших туркменцев и надеюсь, что вы не оставите уведомить меня в том, как мы должны поступать с персиянами и как должны вести себя и чем руководствоваться. **(25 сентября 1841 г. Е. А. Головин препроводил перевод письма Якши Мухаммед-бека вице-канцлеру К. В. Нессельроде с просьбой уведомить его «касательно рода ответа, который в сем случае, по видам вашим, прилично будет дать означенным туркменцам» (см АВПР, ф. Гл. архив 1-9, д. 11, лл. 13—14))** Кроме вышеозначенного поступка, сын Аллаяр-хана, еще начальник Астрабада однажды в ночное время вкрался с шайкой в наши деревни, называемые Джафарбай, и увел 2000 штук рогатого скота и 1000 верблюдов.

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 929, л. 6
Перевод с туркменскою

[357] № 256

Из записки командира брига «Аракс» капитан-лейтенанта В. И. Фофанова главному командиру Астраханского порта вице-адмиралу И. В. Соловьеву о взаимоотношениях туркмен с Ираном

Декабрь 1841 г.

Туркменцы иомутского, огурджалинского и других 10 племен, обитающие у юго-восточного берега Каспийского моря, суть жители Гасан-Кули, Серебряного бугра и устья реки Атрек, к коим временно присоединяется степное кочующее племя, называющееся чарва. Все эти племена вообще имеют главным и постоянным занятием торговлю нефтью и солью, добываемыми с острова Нефтяного и близ его лежащих соляных озер, рыбную ловлю в водах, прилежащих их жительству... **(Опущены сведения, не имеющие прямого отношения к теме сборника).** Мирные и преданные российскому правительству туркменцы наиболее находятся у Гасан-Кули, что, однако, нисколько не препятствует этому месту быть в то же время гнездом самых отчаянных разбойников. Грабежи эти всегда направляются ими на соседей своих, очень мирных и совсем не воинственных персиян. Торговля, рыбная ловля и разбои так тесно между собой связаны, что нет почти возможности прекратить последние, не нанеся в то же время чувствительного вреда двум первым. Рыбопромышленники наши или купцы, скупающие годовой залов рыбы у туркмен, приходят всегда в здешние воды с одним, двумя или тремя шкоутами, на коих находится весьма ограниченное количество мазур, употребляемых только для укладки груза и надзора за самими судами. Занимаясь весьма мало, а иногда даже и вовсе не ловя рыбы, они только скупают ее по установленной цене у туркмен рыбаков и складывают в свои шкоуты. И потому чем более жители будут иметь средств к большему залову, как то:

лодок, снастей и рыболовных припасов, тем успешнее будут купеческие суда нагружены. Доставить же эти средства туркменам неоткуда, как от русских судовладельцев, приводящих в здешние воды свои суда каждое с семью или восемью лодками, а отходящими с двумя или тремя необходимыми собственно для судов их. Крейсерам нашим, здесь находящимся, нет никакой возможности прекратить продажу лодок туркменам нашими судовладельцами, ибо им подлинно неизвестно, с каким числом лодок прибыл каждый шкоут, да и находящегося теперь числа лодок и киржимов у туркмен очень достаточно... Скорее есть возможность в Астрахани, освидетельствуя число лодок, взятых купцом на своем судне при отправлении, требовать, чтобы при возврате в Астрахань то же число оных находилось налицо. Но и тут хозяин судна всегда может отговориться, что некоторое число лодок у него сгнило от ветхости, или оторвало и унесло в море, или разбило. Назначать на каждую занимающуюся ловом рыбы у туркмен лодку по одному русскому мазуру совершенно невозможно, ибо, не говоря уже о чрезвычайно далеком расстоянии от Гасан-Кули до Черной речки, на котором производится жителями лов рыбы, составляющем близ 50 итальянских миль, тогда как шкоуты должны находиться всегда по своим торговым сношениям на якоре противу Гасан-Кули; ловящих рыбу лодок туркменских более 100, а комплект шкоута иногда не более 15 человек. Из всего этого ясно видно, что, перестав [358] продавать и променивать на рыбу лодки туркменам, купец посягает тем на свой собственный интерес и рискует возвратиться в Астрахань с половинным грузом рыбы и даже вовсе без него... (Далее приводятся примеры ограбления русских купеческих судов разбойничьими киржимами).

Стоит только взглянуть на огромное количество киржимов, состоящих при Гасан-Кули и устья Атрека, и освидетельствовать, из какого они построены лесу, чтобы убедиться, что весь входящий в состав их лес есть персидский, самими персиянами вырубленный и променянный ими на соль или нефть.

Правительство же само о жителях прибрежных и соседственных с туркменами, как кажется, вовсе не думает, а предоставило охранение собственной их безопасности им самим, ибо хотя изредка и посылаемы были персидские регулярные войска для войны с туркменами, но они всегда довольствовались разграблением одного или двух аулов, отогнанием верблюдов, лошадей, рогатого скота и прочего, и сейчас, забрав добычу, возвращались назад. Робость и недоверчивость персиян сильными чертами везде проявляется, так что они и друзьям своим не доверяют, как врагам. По прибытии вверенного мне брига в залив простая складка печи подала им мысль о сооружении крепости на Ашире и даже после того, несмотря на посещение острова и личное обозрение его самими ханами, правители Астрабада и Мазандерана не посоветовались разослать по всему берегу приказы, чтобы русским и туркменам ни за какую цену никто не смел продавать ни золотника муки, что, однако, вскоре, вследствие переписки моей о том с бароном Бодде, было для нас отменено. Окончив описание местных отношений персиян с туркменами, обращаюсь к главнейшему, то есть [к] отношению русских с последними, причем невольно должен коснуться главного посредника в этих сношениях, описав его так, как он показывал себя по делам, а не по словам. Лицемерство Якши-Мамед-бека, показывающего наружно преданность российскому правительству, может быть боясь несколько старика, отца своего, Кият-бека, которого признательность к русским доказана уже во многих случаях, и потому, несомненно, не может скрыть от глаз крейсеров человека, жертвующего всем и даже очень нескупого на кровь русских из видов собственной корысти. (Опущены примеры, подчеркивающие отрицательные черты образа Якши Мухаммед бека)

Якши Мамед же при подозрительном своем поведении не имеет здесь даже никакой власти над жителями и даже не пользуется уважением их, как отец его, который, к сожалению, по преклонности и дряхлости лет своих ни во что не вмешивается, а живет на Нефтяном острове. Раздаваемые же в прежние времена старшинам от командиров военных судов, а ныне от судовладельцев подарки и всегдашнее во время приезда их на суда угощения, на каковой предмет прежде отпускалась командирам судов особая экстраординарная сумма, считают туркменцы ясным доказательством, что русские обязаны только этим подаркам спокойному

пребыванию их здесь (Опущены сведения, не относящиеся к теме сборника)

Капитан-лейтенант Фофанов

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 135—147

Заверенная копия

[359] №257

Из инструкции Министерства иностранных дел капитану 1-го ранга Е. В. Путятину об отношении к туркменам и правительству Персии

(5 января 1842 г. Е. В. Путятину была дана дополнительная инструкция от Главного морского штаба (об этом см. ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 64—67))

(январь 1842 г.)

...Инструкции, кои по сему случаю даны вам будут от морского начальства, укажут вам и путь для следования к месту вашего назначения, то есть к Астрабадскому заливу, и те предметы, на которые предпочтительно должно быть устремлено все внимание ваше по морской части. Но как с возлагаемым на вас поручением сопряжены и некоторые политические соображения, то независимо от помянутых инструкцией я нахожу необходимым начертать здесь для руководства вашего наставления и от Министерства иностранных дел.

При чтении в Азиатском департаменте происходившей в разное время переписки о туркменских племенах, обитающих по юго-восточному берегу Каспийского моря, вы получили ясное понятие о внутреннем устройстве сих племен и об отношениях их как к высочайшему двору, так и к персидскому правительству.

Разделенные на роды или поколения туркмены не имеют почти никаких законных властей в смысле государственного управления... Некоторые из сих родов, и в особенности иомутского племени, не только постоянно обнаруживали к России приверженность, но в течение последних 40 лет неоднократно прибегали к правительству через посланцев своих с убедительными ходатайствами о принятии их в подданство империи. Домогательства сии, основанные в сущности на желании туркмен обрести защиту и покровительство сильной державы против враждебных им хивинцев и даже против самих персиян, не могли сообразоваться ни с политическими видами, ни с прямыми пользами правительства нашего, а потому они всегда оставляемы были без решительного ответа. Мы старались, однако же, не отнимать вовсе у туркмен надежды на покровительство и милостивое расположение высочайшего двора, ибо выгоды нашей торговли, стремящейся к открытию себе через Астрабад и окрестности прибыльного сбыта отечественных произведений, указывают необходимость, чтобы прибрежные жители состояли под нравственным влиянием России, были первыми потребителями наших товаров и благоприятствовали распространению наших торговых связей. С сей целью оказывались туркменам в разное время от государя императора благотворения пособием в хлебе или в тех предметах, которые могли служить к их пользе, и поощрялись попытки их вступить в торговые сделки с русскими промышленниками. (Опущены сведения, не представляющие существенного значения для темы сборника)

В начале настоящего года по высочайшему повелению командирован для крейсирования в Астрабадском заливе военный бриг «Аракс» под начальством флота капитан-лейтенанта Фофанова. Сему офицеру предписано было собственно наблюдать за действиями рыбопромышленников наших, содержащих на откуп мазандеранские, астрабадские и туркменские воды, и, оказывая им должную защиту и пособие в мирных и позволенных правительством занятиях, не допускать лишь к тайному снабжению туркмен такими предметами, коих отпуск из России запрещен.... (Речь идет в первую очередь о порохе, оружии и лодках (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 111—113)).

[360] Таким образом, сколько для поддержания дружественных связей с Персией и отнятия у

нее всякого повода к жалобам против 8-й статьи (туркманчайского) трактата, столько для соблюдения достоинства российского флага, государю императору благоугодно было повелеть... (Слово неразборчиво) учредить со стороны эскадры нашей строгий полицейский надзор, дабы воспрепятствовать возобновлению тех беспорядков.

В этом заключается главная цель вашей командировки в Астрабадский залив. При выполнении сего поручения вам необходимо с благоразумной осторожностью обращаться как с туркменскими старшинами, так и с персидскими начальствами, дабы словесные объяснения ваши были вполне согласны с изложенными выше постоянными видами правительства.

На сей конец, получив в Тифлисе от г-на главноуправляющего Закавказским краем, который будет предуведомлен о возложенном на вас поручении, подробные сведения о тех из туркменских старшин, с коими он, как с наиболее нам преданными, имеет дружественные связи, (В своем рапорте от 3 февраля 1842 г. Путятин доносил Меншикову, что в Тифлисе он не мог получить «никаких новых сведений о настоящем отношении туркменских старшин к главнокомандующему Грузией, ибо в последующие годы из здешнего края никто не был посылаем к туркменам и хотя посредством наших крейсерств сношения с юго-восточным берегом не прерывались из донесений их (командиров судов — Составители) немало можно извлечь сведений о настоящем положении еще кочующих племен», исключая донесения Фофанова (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 119—120 об.)) вы постараетесь при обозрении туркменских берегов и потом во время нахождения в Астрабадском заливе сблизиться с сими старшинами и объяснить им, что государь император с давнего времени с прискорбием взирал на действия, которые ведут к явному расстройству торговых предприятий купечества нашего, и что для оказания покровительства и защиты подданных империи и во уважение тесной дружбы с шахом персидским его величество принял решимость прекратить морские разбои и уничтожить притоны хищников и сие с тем большим основанием, что, по туркманчайскому трактату, имея исключительно право содержать на Каспийском море военные суда, Россия почитает себя обязанной наблюдать за сохранением на сем море порядка и общей безопасности. При таком объяснении необходимо внушить старшинам, что влиянием своим на подвластные им роды они могут отклонить принятие против туркмен мер решительных и которые неминуемо послужат к их гибели, ибо, преследуя хищных разбойников и нарушителей общей безопасности, вы имеете поручение покровительствовать мирным жителям и всемерно поспешествовать утверждению с ними торговых связей и всего, что может служить ко взаимной их и нашей пользе. Таковые внушения должны быть делаемы туркменским старшинам с личной твердостью, дабы, с одной стороны, убедить их в решительном намерении российского правительства преследовать буйных хищников, а с другой, утвердить их в уверенности, что милостивое благоволение государя императора не оставит их, коль скоро они прекратят свои преступные насилия.

Наконец, пребывание ваше близ юго-восточных берегов Каспийского моря доставит вам равномерно случай собрать разные сведения, (В своем рапорте от 18 января 1842 г. капитан Путятин сообщил, что он имел беседу с купцами, занимающимися торговлей рыбой по восточному берегу Каспийского моря. Путятин объявил им, что для обеспечения безопасности торговли рыбой в этих водах будут курсировать военные суда (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 111—113)) [361] которые могут быть полезны и собственно для службы его императорского величества, и для науки. Таковые сведения, в особенности о туркменах, будут приняты Министерством иностранных дел с тем вниманием, какого они заслуживают. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 69—86.

Заверенная копия.

**Из рапорта Е. В. Путятина министру иностранных дел о предпринятых им мерах по
учреждению крейсерства у юго-восточных берегов Каспийского моря**

20 марта 1842 г.

Имею честь донести вашему сиятельству, что, прибыв 7 марта с бригами «Аракс» и «Ардон» в Астрабадский залив и присоединя к отряду занимавший здешний пост бриг «Баку», я приступил немедленно, согласно данных мне инструкций, к принятию мер, потребных для прекращения морских разбоев, производившихся туркменами в здешних водах. На пути моем я заходил к острову Челекен, дабы войти в сношение с известным своей преданностью российскому правительству туркменским старшиной Кият-ханом, но, не найдя его на острове, отправился далее к устью реки Атрек. Дойдя до кочевья Гасан-Кули, главного сборного места туркменских лодок, расположенного на косе мелководного залива, образовавшегося от разлива реки Атрек, я не мог по причине мелководья подойти с бригом ближе пяти миль к берегу. По требованию моему немедленно прибыли на бриг Кият-хан и сын его Якши-Мамед. С первым, по преклонности лет его, не мог я много говорить о делах, но принужден был обратиться к последнему, человеку способному, но, по-видимому, хитрому, и с которым надо будет поступать осмотрительно. После многих со стороны Якши-Мамеда изъявлений преданности и готовности служить российскому правительству, я объявил ему, что он должен показать это на деле, а не на словах, исполняя волю государя императора, которому благоугодно, чтобы при существующих дружественных отношениях России к Персии как он, так и единоплеменники его, прекратили свои грабежи и насилия по берегам персидским, и вместе с тем обязал его сделать сие известным между всеми прибрежными туркменами и подтвердить им, что малейшее нарушение сей высочайшей воли неминуемо повлечет за собой истребление их лодок. Я полагаю, что сия угроза должна возыметь некоторое действие, ибо для прибрежных жителей лодки служат почти единственным средством существования, и размен соли и нефти на пшеницу и другие произведения первой потребности так необходим для туркмен и персиян, что, несмотря на взаимную ненависть и опасность, которой подвергаются при сделках, торговля эта никогда между ними не прерывалась. При сем я счел приличным приказать Якши-Мамеду требовать от старшин выдачи преступника, дерзнувшего противиться [362] вооруженной рукой посланной за ним военной шлюпке во время прежнего пребывания брига «Аракс» в Астрабадском заливе. От него узнал я также, что персидское войско, пришедшее из Тегерана с сардаром Гасан-ханом (российским подданным, известным под именем Хан-Баба-хана) в числе 10 тыс. человек с 12 орудиями артиллерии и увеличенное шестью тысячами мазандеранцев под предводительством шах-заде Ардашир-мирзы, правителя Мазандерана, перешло реку Кара-Су, и большая часть туркмен, живших между сей рекой и Гургеном, покинув свои кибитки, удалились в Гасан-Кули. Опасаясь дальнейшего движения и перехода войск через Атрек, туркмены иомутского племени решились выдать персидских пленных при клятвенном обещании с обеих сторон прекратить неприязненные действия, но условие сие персияне успели уже нарушить, убив трех человек туркмен, приехавших по приглашению одного из прибрежных персидских начальников для торговли в Астрабадском заливе. При отъезде Якши-Мамед обещал со всем усердием исполнить данное ему поручение, но доселе еще не явился с ответом.

О последствиях принятых мною мер в отношении к туркменам и о всем, что в состоянии буду узнать достоверно о действиях персидских войск, я буду иметь честь при всяком случае доносить вашему сиятельству через тегеранскую миссию. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 215—219

Заверенная копия.

Ирана и необходимости учреждения пароходства на Каспийском море

11 мая 1842 г.

В рапорте (См. док. № 258) моем за № 20 я имел честь доносить вашему сиятельству о сделанном мной воспрещении туркменским лодкам приставать к персидским берегам, доколе персидское правительство не признает нужным дозволить им торговать с жителями Астрабада и Мазандерана на определенных условиях. Приказание это ни разу не было нарушено туркменами в продолжении двухмесячного пребывания отряда в Астрабадском заливе, и недавно большая часть старшин прибрежных племен, прибыв ко мне, объявили, что они готовы по мере сил своих содействовать к прекращению разбоев. Для сего, в случае разрешения производить торговлю с персиянами, они условились снабжать каждую туркменскую лодку письменным видом от старшины того племени, которому она принадлежит, что и будет служить ручательством в добром поведении находящихся на ней туркмен, но вместе с тем просили, чтобы те лодки, кои явятся без видов, были задерживаемы нашими крейсерами, ибо по ограниченности своей власти они за всех ручаться не могут.

Из сего видно, что присутствие военных судов в здешних водах необходимо и, несмотря на видимую покорность сих племен, нужен постоянный за ними надзор. Но чтобы крейсерство у здешних берегов было действительно, необходимо представить власть командующему на здешнем посту брать туркменские лодки при всяком возобновлении [363] насилий с их стороны и отправлять виновных в Россию для ссылки в Сибирь, подобно как поступают с турецкими контрабандистами на восточном берегу Черного моря, а в случае сопротивления — истреблять лодки вместе с преступниками. Также полезнее было бы для службы, если бы командующий крейсерами состоял в распоряжении и сносился о всех могущих встречаться делах с полномочным министром при тегеранском дворе, нежели с командиром Отдельного кавказского корпуса, который не может иметь своевременных сведений о делах здешнего края и с которым сношения производятся весьма медленно, между тем как тегеранская миссия в четыре или пять дней может получать все донесения из Астрабада.

Насчет же сношений с Петербургом теперь представляется новое средство. Прибытие из Астрахани военного парохода «Кама», употребившего четыре дня на переход до Баку и три дня от сего последнего места до Астрабада, служит доказательством возможности учреждения пароходного плаванья по Каспийскому морю, для которого оно тем более важно, что здешние парусные суда от разных причин совершают свои плаванья весьма медленно. Нет сомнения, что заведение хороших пароходов много будет способствовать развитию торговли с Персией, сблизит Тегеран с Петербургом до того, что курьеры могут в две недели доставлять известия из одного места в другое и на случай военных действий представить неисчислимыя выгоды для перевоза войск, запасов и прочего. Для первого опыта посылаемые ныне депеши от тегеранской миссии с адъютантом начальника Главного морского штаба его императорского величества лейтенантом Краббе будут доставлены сим путем.

О сношениях моих с персидскими властями я имею честь донести вашему сиятельству, что вскоре по отправлении первого моего рапорта прибыл из лагеря сардаря Хан-Баба-хана прежний беглербек астрабадский Мухамед Насер-хан и просил доставить ему случай видется со мной. Я пригласил его на бриг «Аракс» и принял с почестями, приличными его званию. После обыкновенных взаимных приветствий, когда начали говорить о делах, первый его вопрос состоял в том, что будем ли мы помогать им в военных действиях против туркмен и можем ли перевести часть их войска из Астрабада в Гасан-Кули (главное кочевье приморских туркмен на северной стороне реки Атрек). Я объявил ему, согласно данной мне инструкции, что такого рода предприятия вовсе не касаются до порученного мне дела, имеющего целью охранять берега их от нападений туркмен с морской стороны, что для достижения сего предмета я принял все меры и кроме этого не имею никаких приказаний от своего правительства. Но если, возразил он, придут сюда купеческие персидские суда и станут на них грузить разные запасы и сажать войско, то не встретят ли они с вашей стороны препятствий. Ответ мой состоял в том,

что по трактату (Туркменчайскому договору (примечание в документе)) им нельзя вооружать суда на Каспийском море, что об этом намерении их я отнесусь к нашему министру в Тегеране и до получения приказаний не советую им предпринимать ничего подобного. После сего он стал требовать, чтоб я воспретил купцу нашему Герасимову производить лов рыбы в их водах, разумея под сим все побережье от реки Кара-Су до Гасан-Кули. Купечеству нашему, отвечал я, дано позволение вступать в торговые связи с жителями везде, где они найдут это выгодным, и, как мне известно, что прибрежные туркмены добровольно условились продавать рыбу купцу Герасимову, то я без особых приказаний от правительства не имею права стеснять его торговых предприятий, но если персидское местное начальство [364] считает живущих в сих местах туркмен подчиненными своей власти, то пускай само воспретит им производить эту торговлю. Сие требование, как я впоследствии известился, было сделано по наущению поверенного купца Мир Абуталиб Багирова, находящегося в сильной вражде с Герасимовым. Разбирательство непрерывных взаимных жалоб сих купцов становится более и более отяготительным для наших крейсеров и дотоле не прекратится, пока не будут ясно разграничены воды для сих рыбных промыслов... (Опущены сведения, не относящиеся к теме сборника).

Капитан 1-го ранга Путятин

ЦГАВМФ, ф 410, оп. 1, д. 1133, лл. 231—240.

Заверенная копия

№ 260

Рапорт командующего эскадрой на Каспийском море главноуправляющему Закавказским краем об обострении взаимоотношений туркмен с иранскими властями

12 июня 1842 г.

Вследствие предписания (Документ не обнаружен) вашего высокопревосходительства от 25 сентября прошлого 1840 г. № 626, касательно наблюдения о взаимных отношениях туркменских племен между собой и о положении сношений их с персиянами, было поручено командиру брига «Баку» лейтенанту Гильдебранту, который во время занятий в Астрабадском заливе поста заметил, что народ сей, вообще корыстолюбивый и склонный к грабежу, разделен на партии; некоторые из них занимаются торговлей и вообще смирного нрава, другие же, напротив сего, занимаются грабежом и разбоем, иные преданы русским, а иные более привязаны к персиянам. Вообще у них не замечено единодушия, ибо туркмены не признают никаких властей и даже не боятся и не повинуются своим старшинам и ханам, а живут каждый сам собой и страшатся только одной силы, не имея никаких правил, ни законов и ни других каких-либо постановлений.

С персиянами большая часть из них находится во всегдашней вражде, ибо туркмены, продавая персидским купцам соль и нефть, существуя единственно через эту торговлю, редко получают за свой товар наличные деньги, а продают более в долг, и как персияне к сроку им не платят, то туркмены в обеспечение должной им суммы хищническими средствами берут без разбора персиян в плен, какие попадут им в руки, потом требуют выкупа за пленника и деньги за проданный товар. Командир брига «Баку» лейтенант Гильдебрант, сделав эти замечания, полагает, что вражда у туркмен с персиянами без постороннего посредничества будет бесконечна.

О чем вашему высокопревосходительству имею честь донести, причем присовокупляю, что о дальнейшем наблюдении за туркменами и о положении сношений их с персиянами поручено от меня командиру брига «Мангышлак» капитан-лейтенанту Кадникову как старшему из [365] состоящих здесь в Астрабадском заливе двух бригав на посту для крейсерства у юго-восточных берегов Каспийского моря.

Капитан-лейтенант Большев

№ 261

Клятвенное обязательство туркмен-йомутов на верность России

18 июня 1842 г.

Мы все старшины джафарбайского племени, по морю плавающего, признаемся, что российские военные суда всегда имеют силу и возможность подвергать нас наказанию и что мы уже совершенно убедились в том, что сопротивляться им никак не можем, а потому во исполнение воли великого государя и императора российского под присягой обещаемся и обязуемся: во-первых, отныне навсегда не только не делать российским купцам и подданным, плавающим по морю, никаких насилий и притеснений, но, напротив, по возможности оказывать им всякое уважение и приязнь; во-вторых, по берегам персидским не производить никаких разбоев и грабежей и не брать персидских подданных в неволю; в-третьих, не давать никому из туркмен, живущих в степи, ни лодок, ни киржимов для того, чтобы на них отправляться к персидским берегам с преступным намерением. Если впредь кто-нибудь из нас вопреки сей высочайшей воли учинит какой-либо предосудительный поступок, то российские суда имеют полное право истреблять все наши лодки и киржимы и нас самих подвергать наказанию, какое им заблагорассудится.

В присутствии господина капитана 1-го ранга Путятин в Астрабадском заливе шесть старшин, именно: Кадыр Могамед-хан, Хан-Гельды, Аман-Назар, Ак-Магомед-Чоган, Ак-Могомед-Онбеги, Калыдж-Нияз-Онбеги приложили свои печати; другие шесть старшин по неимению печатей подписали следующие имена: Аннагурт, Кара-Мухамед, Тумач, Таган-Канджик Назар-Мерген, Баба-хан Сердар и Баба-Кули. Главный кази Таган-казы скрепил своей печатью.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. I, д. 1 133, лл. 291, 292
Заверенная копия

№ 262

Из донесения командира парохода «Кама» лейтенанта Л. М. Муравьева И. В. Соловьеву (Личность И. В. Соловьева не установлена) о карательных действиях отряда Путятин против туркменского аула Гасан-Кули

[Июль 1842 г.]

Через два дня по прибытии в Астрабадский залив, где все было благополучно, капитан 1-го ранга Путятин отправился в лагерь Ардашир-Мирзы, чтобы проститься с ним, окончательно расположить его к русским и обеспечить продовольствие нашего крейсирующего здесь [366] отряда. Между тем бриг «Аракс» изготовился идти, и по возвращении из лагеря капитан Путятин отправился в Гасан-Кули, где и пробыл целые сутки у Кият-хана и возвратился довольный их приемом и обещаниями. В это время купец Герасимов, покупавший у туркмен рыбу, по окончании лова должен был отправиться в Россию, но по запутанности своих дел не мог окончить расчетов с туркменами, а потому в помощь ему был отряжен лейтенант Гусев, который на датском боте, находящемся при отряде, и отправился в Гасан-Кули, где Герасимов находился уже на своей кусовой лодке. Два дня продолжались переговоры, но не пришли к ожидаемому концу; наконец, Якши-Мамет, старший сын Кият-хана — самый сильный из всех старшин туркменских и за старостью отца пользовавшийся его властью, предложил своим оставить Герасимова у себя, пока все деньги не будут выплачены. Предложение было принято и

Герасимов задержан; с этим известием возвратился датский бот.

Капитан Путятин, удивясь дерзости туркмен, решившихся на такой поступок во время пребывания целой эскадры в их водах и предвидя, до чего они дойдут после, если это оставить без внимания, (В данном случае капитан Путятин руководствовался прямыми указаниями сверху. Царское командование, прикрываясь условиями туркменчайского договора, снарядило против туркмен «особую» экспедицию. Николай I впоследствии с удовлетворением указывал, что действия отряда, направленного для борьбы с морскими разбоями, доказали на опыте «пользу учреждения более строгого полицейского надзора» (АКАК т. IX, док. 509. стр. 594)) решил их наказать и тотчас было приступлено к приготовлению. С одного из шкоутов суперкарга Еривандова была взята большая лодка, на баке которой был поставлен трехфунтовый фальконет, другой фальконет, трехфунтовый же, был установлен на баркасе брига «Аракс», кроме того баркас с брига «Мангышлак» и три шестерки имели по однофунтовому фальконету, и, наконец, четверка и гичка без артиллерии. Бриг «Аракс» был немедленно выслан, чтобы занять место против середины входа в залив, и с ним датский бот. На другой день пароход, взяв на буксир гребные суда, пошел в Гасан-Кули и в полночь стал на якорь подле брига «Аракс», уже находившегося на своем месте. Немедленно гребные суда были изготовлены; на них, кроме полного комплекта людей, находились по одному артиллеристу и двое людей для действия у орудия, всего на 8 судах было 70 человек команды. В первом часу датский бот впереди и за ним гребные суда пошли в залив. Гребные суда были разделены на три отделения по баркасу и шестерке в каждом, которыми командовали лейтенанты Нечаев, Шульман и Муравьев. Капитан Путятин находился на гичке. После трехчасовой гребли отряд вошел в самый залив, но по мелководью бот не мог следовать далее и остановился на глубине четырех футов. В четыре часа при самом рассвете мы подошли к первым кибиткам, а одно отделение было послано уничтожить близстоящие киржимы. Между тем Кадыр-хан, второй сын Кият-хана, пришедший с нами, был отправлен на берег с следующими приказаниями:

- 1) немедленно выдать Герасимова,
- 2) выдать всех персидских пленных, в Гасан-Кули находящихся,
- 3) выдать Гасан-Чехана, (Вероятно, Черкес-хан)

4) составить и скрепить клятвенное обещание не делать насилий русским купцам и морских набегов на берега персидские и еще предупредить их, что если с их стороны будет сделано малейшее сопротивление, то начнется огонь по ним и по их кибиткам. Велико было удивление туркмен, когда по пробуждении они увидели наш отряд, ломающий их киржимы в самом заливе Гасан-Кулийском, который они считали [367] недоступным. Они не знали на что решиться: сопротивляться или положиться на милость русских; первая толпа, показывающаяся на берегу, была вооружена, но потом они разошлись и уже ни на одном из всех жителей не видно было оружия. Между тем Герасимов был привезен со всем ему принадлежавшим, а о персидских пленниках отвечали, что у них [их] нет; по показанию Герасимова, утверждавшего, что он их видел, продолжали настаивать; также требовали выдачи Якши-Мамета, бывшего виновником задержания Герасимова. Туркмены медлили, а между тем уничтожение киржимов продолжалось; наконец, Якши-Мамет по требованию своих явился на наши суда в сопровождении своего отца Кият-хана и двух персиян. На два последних приказания не было еще никакого ответа, а так как все перед первым кочевьем стоявшие киржимы были уничтожены, то отряд отправился к другим кибиткам, отстоявшим сажень на 600 от первых. Уже киржимов 20 было изрублено, когда почетные старшины туркменские приехали к капитану Путятину просить пощады. «Выполните мои требования, и я удалюсь», отвечал он им. Но они говорили, что туркмены не могут решиться подписать обязательство. «Уговорите их, даю вам полчаса времени, если же по истечении этого срока не буду иметь решительного ответа, то все ваши киржимы будут уничтожены»; старшины возвратились. Прошло полчаса, ответа не было; тогда капитан Путятин приказал жечь киржимы. Немедленно приказание было выполнено, большая часть киржимов была нагружена нефтью и потому огонь чрезвычайно скоро их

охватывал, так что менее чем через час 20 киржимов было сожжено. Увидя, что нечего ожидать пощады, если требования не будут выполнены, старшины туркменские приехали и, приведя последнего находившегося у них пленного, объявили, что на другой день соберутся все и с старшим кадием придут к Ашур-Аде для подписания обязательства; насчет же выдачи Гасан-Чехана клялись, что он, увидев русских, ускакал в степь, и что, хотя бы уничтожили все их киржимы, они не могут его предоставить.

Таким образом, получив удовлетворение на все требуемые условия, капитан Путятин решился возвратиться, взяв с собой Якши-Мамета; отец его, престарелый Кият-хан, просил убедительно, чтобы и его взять и не разлучать с сыном, а потому они оба и были привезены на пароход, который немедленно по прибытии судов и отправился в Астрабадский залив. Эта экспедиция, кроме страха, наведенного на туркмен, имела полезное влияние на персиян, показав им силу русского оружия против туркмен, которые наводят на них такой ужас, и убедив их в чистоте наших намерений, в особенности поразил их удивлением плен Якши-Мамета, за голову которого шах назначил 2000 червонцев. Через два дня прибыли старшины туркменские в сопровождении старшего кадия и клятвенно обязательство было подписано.

Между тем Ардашир-мирза, дядя шахский и правитель Мазендерана, сведав об экспедиции, прислал одного из подчиненных ему ханов поздравить с столь блистательным окончанием экспедиции и, кроме того, хану было поручено постараться о выдаче Якши-Мамета персиянам с уверением, что он будет строго наказан; но капитан Путятин отвечал, что, так как он оказался виновным против русских, то и будет судим по нашим законам, о чем он уже рапортовал его императорскому величеству, и потому никак не может выполнить желания принца... (Далее идут сведения о плавании вдоль иранских берегов Каспия и возвращении судна в Астрахань, не имеющие прямого отношения к теме сборника)

Л. Муравьев

ЦГАВМФ, ф. 410. оп. I, ч. 1133, лл. 270—282

Заверенная копия

[368] № 263

Отношение министра финансов вице-канцлеру о необходимости занятия о. Челекен

30 сентября 1842 г.

Милостивый государь граф Карл Васильевич! Управляющий временным отделением собственной его императорского величества канцелярии по делам гражданского устройства Закавказского края статс-секретарь Позен сообщил мне некоторые сведения, полученные им из Баку, и, между прочим, предположение относительно нефтяного, в том крае, промысла.

Из сего предположения видно, что вывоз в Персию добываемой в Баку нефти, некогда чрезвычайно значительный, ежегодно уменьшается, и можно ожидать, что со временем сбыт сего минерала вовсе прекратится по весьма естественной причине, что на острове Челекен при входе в Балханский залив находятся неистощимые источники нефти, снабжающие ежегодно за дешевую цену Персию и Бухарию огромным количеством нефти, которая хотя не так чиста, как наша, но охотно покупается, ибо она гораздо дешевле, и именно: в Баку продается халвар нефти по 7 руб. серебром, в Челекене же за 2 и за 2 руб. 50 коп. серебром. Сверх того, приходящим туда за нефтью дозволяется без платы добывать и вывозить густую черную нефть, употребляемую для смоления лодок и киржимов и кир, то есть напитанную нефтью землю, служащую для покрытия крыш и топлива, что также входит в расчет персиян и бухарцев.

Дабы дать бакинским нефтяным промыслам объём, более соответствующий их неисчерпаемому богатству, и предотвратить их от постепенного упадка, представляется единственное средство приобрести остров Челекен, тем более, что там добывается в значительном количестве каменная соль, которая продается персиянам и бухарцам с той же

выгодой пользоваться без платы черной густой нефтью и киром, от чего подданные шаха вовсе перестали покупать нашу соль—обстоятельство не менее важное в отношении наших промыслов в Закаспийском крае. С приобретением же острова Челекен торговые сношения с Персией могут получить новое развитие, казне представляется большие выгоды, и казенные крестьяне Бакинского уезда при настоящей бедности их найдут себе занятие в добыче нефти и соли.

Сие предположение я долгом считаю сообщить вашему сиятельству с тем, не угодно ли вам, милостивый государь, будет предложить оное на рассмотрение Азиатского комитета и о последующем почтить меня вашим уведомлением. (Документ без подписи)

АВПР, ф. Гл. архив 1- 9, 1836—1864, д. 5, лл. 53 -54

Подлинник

№ 264

Прошение Кият-хана главноуправляющему Закавказским краем об освобождении его сына

(Сентябрь 1842 г.)

Я имел честь получить от г-на капитана 1-го ранга Путятинна два письма ваши. С сего времени как я, так и мои соотечественники узнали [369] уже, что впредь нам не должно производить грабежей в персидских приморских владениях и делать насилий русским купцам и вообще всем подданным государя императора.

Извещенные о таковой вашей воле, мы обнародовали ее между нашими соотечественниками и от души изъявили согласие исполнять таковое желание правительства российского.

По приказанию г-на Путятинна мы до особого его разрешения перестали являться в Астрабадском заливе для торговли с персиянами, между тем он велел своей команде захватить некоторых туркмен, в нарушение его воли находившихся в сем заливе; истребив их лодки и имущества часть сих туркмен, отпустил он скоро, а трех задержал на судне до возвращения своего из Тегерана. Еще прежде его приезда оттуда мы по приказанию наместника его капитана-лейтенанта Большакова готовы были с некоторыми старшинами и простыми туркменами отправиться в Астрабадский залив и окончить в присутствии этого капитана расчеты наши с российским купцом Герасимовым, которому доставляли рыбу. В это время г-н Путятин прибыл из Тегерана в Астрабад и дал нам знать, чтобы мы не выехали из дома и ожидали его приезда в кочевье нашем, Гасан-Кули, куда он приедет вместе с Герасимовым. Вследствие чего он через несколько дней приехал к нам с упомянутым купцом и в последний раз через нашего главного кадия письменно объявил нам волю государя императора о прекращении разбоев в персидских владениях и неделании насилий русским подданным. Между тем назначал некоторого русского офицера для разбирательства претензии туркмен на Герасимова, потом возвратился назад в ожидании ответа нашего народа на сказанное объявление. Вслед за ним я отправил к нему своего сына Кадыр-Мамеда и племянника вместе с русским офицером с объявлением, что мы не поладились с Герасимовым, но на другой день вдруг показались перед кочевьем нашим восемь вооруженных гребных судов, 100 матросов и 8 офицеров, которые начали истреблять наши лодки и киржимы. Г-н Путятин обвинял нас в том, будто Герасимов задержан был нами, хотя мы отвечали ему, что купец этот, желая сохранить за собой навсегда туркменские воды для рыбной ловли, сам не хотел отъехать от нас, не заплативши нам должных им денег, но г-н капитан сей этому не поверил и продолжал ломать и жечь принадлежащие нам суда, не внимая мольбам и просьбам старшин наших, говоря, что таковое его действие есть высочайшее повеление. Еще он, не удовольствуясь этим, заставил нас выкупить и выдать ему трех персиян, из которых двое захвачены были нами из лагеря персидского главнокомандующего Хан-Баба-хана Сарджа, один из войска Фатх-Али-шаха еще при жизни сего царя испортил 3000 пудов принадлежащей нам нефти, истребил вещи на сумму

60 червонцев и, взяв одну лодку полную с нефтью, собственно мне принадлежащую, отдал одному персиянину, наконец, через моего сына Кадыр-Мамеда велено мне и моему старшему сыну Якши-Мамеду явиться к нему, а по исполнении нам таковой его воли объявил нам, что он нас должен отвезти в Россию. По возвращении его в Астрабадский залив, хотя он объявил мне, чтобы я остался при моем семействе, но я не мог расстаться с моим сыном Якши-Мамедом и привезен вместе с ним в город Баку, где ныне нахожусь. Теперь осмеливаюсь доложить вашему высокопревосходительству, что я здесь с сыном моим не имеем при себе ни денег для содержания, ни одежды и находимся в совершенном отчаянии, а потому покорнейше прошу ваше высокопревосходительство из уважения к моей старости позволить мне вместе с моим сыном возвратиться на родину. Хотя я и прежде сего по совершенной моей преданности к великому государю [370] императору имел высочайшее желание еще раз удостоиться лицезрения его величества, но, имея от рода более 80 лет, лишенный зрения, я не находил возможности к исполнению моего желания, а теперь обстоятельства принудили меня быть в пределах России и просить о себе помилования, ибо более 30 лет я отличался моим усердием и преданностью к российской державе, а ныне неужели изменил моим всегдашним правилам. С одной стороны, мы сами подвергались таковому несчастью, а с другой, войско персидское находится в туркменских землях и угрожает нашим семействам, а нам ничего не остается, как только полагать надежду нашу на ваше высокопревосходительство. (Для разрешения этого вопроса царские власти запросили российского посланника в Иране Медема, который отмечал, что «Якши-Мамед всегда был главным предводителем в разбоях туркмен и простирали насилия свои не только на персиян, но и на подданных Империи». Поэтому признается необходимым «сколько для примера строгости, столько и для соблюдения спокойствия между туркменами задерживать на время в России упомянутого Якши-Мамеда». Наместник кавказский Головин, выполняя это распоряжение царя, в своем предписании от 16 декабря 1842 г. грузино-емеретинскому гражданскому губернатору отмечал, что Якши Мухамед по его приказанию находился под арестом в Баку и переводится в Тбилиси, где необходимо иметь за ним «строгий надзор и коль скоро замечено будет что-нибудь в его поступках сомнительное, немедленно о том довести до сведения здешнего начальства». Далее Головин предупреждал Кият-хана, что если он (Якши-Мухамед) будет изыскивать «средства к побегу, то отправить его в Воронеж». (ЦГИА ГрузССР, ф. 16. д. 6750, л. 1))

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 305—308

Заверенная копия

№ 265

Отношение вице-канцлера министру финансов об учреждении торговой фактории на острове Челекен для торговли с туркменами

[Октябрь 1842 г.]

Милостивый государь граф Егор Францевич! Отношением (См. док. № 263) от 30 сентября № 1148, ваше сиятельство изволили сообщить мне о предположении г-на статс-секретаря Позена приобрести для казны находящийся близ восточного берега Каспийского моря остров Челекен, каковое приобретение было бы полезно и в видах восстановления наших бакинских нефтяных промыслов и в виде торговли по находящимся там богатым источникам нефти и пластам каменной соли. Предположение это вы просите внести на рассмотрение Азиатского комитета. Честь имею на сие ответить, что описанные г-ном Позеном выгоды острова Челекен имелись уже в виду нашего правительства и окончательно, по возвращении в 1837 г. торговой экспедиции, посыланной к восточным берегам Каспийского моря, проект о приобретении сего острова, в числе разных других предположений, был рассмотрен в Азиатском комитете. Комитет находил тогда, что владение Челекеном для правительства сопряжено с

разными затруднениями. К [371] занятию сего острова представлялись два способа: или завладеть оным силой оружия, или же приобрести посредством сделки с туркменскими старшинами, так как туркмены, правильно или неправильно, считаются его владельцами. Но оба сии способы имеют важные неудобства, ибо, во-первых, они неминуемо породят разные неблагоприятные для нас толки со стороны персидского правительства, во-вторых, потребуют принятия нами необходимых мер, а меры сии будут весьма затруднительными по неимению на Челекене пресной воды и по нездоровому там климату. Избежать до некоторой степени сих неудобств можно бы было единственно, предоставив в этом случае действовать благонамеренным частным лицам, то есть чтобы приобретение было сделано не именем правительства, а от имени частных лиц. Таково было предположение и Азиатского комитета, который при рассуждении о составлении торгового дома для торговли с Астрабадом находил возможным приведение в исполнение видов относительно острова Челекен, предоставить помянутому торговому дому с тем, чтобы оный действовал по указаниям правительства.

Основываясь на тех же соображениях, я нахожу, что и настоящее предположение об острове Челекен могло бы оставаться в связи с предположением об учреждении торгового дома для торговли в Астрабадском заливе и на других пунктах Каспийского моря.

Относительно сего последнего предмета вашему сиятельству известно, что приведение оного в исполнение было приостановлено по разным политическим обстоятельствам. Ныне обстоятельства эти миновались, и Министерство иностранных дел с своей стороны не находит особенных препятствий приступить к означенной мере. Но поелику учреждение торгового дома предположено не иначе как с участием казны и казна должна быть, так сказать, главным вкладчиком потребных для устройства оного сумм, и сумм довольно значительных, то я долгом считаю предварительно предоставить зависящему от вашего сиятельства соображению, не представится ли со стороны Министерства финансов каких-либо затруднений к осуществлению прежнего плана? Если же вы, милостивый государь, не находите никакого в этом отношении препятствия и, следственно, делу может быть дан дальнейший ход, то во всяком случае мне казалось бы необходимым прежде, нежели приступить к дальнейшему и окончательному в Азиатском комитете суждению, потребовать от учредителей Торгового дома (московских купцов) отзывы: согласны ли они продолжать это дело на тех главных условиях, которые предполагались, и, сверх того, сообразить, не нужно ли в самых условиях сделать каких-либо изменений, соответственных настоящим обстоятельствам.

Препровождая с сей целью к вашему сиятельству доставленные ко мне при отношении вашем от 16 июня 1839 г. № 3005 бумаги, относящиеся до учреждения Астрабадского торгового дома, а именно: записку № 3006 (по департаменту мануфактур и внутренней торговли), Устав Торгового дома и секретную оному инструкцию (Документы не обнаружены), — покорнейше прошу об окончательном заключении вашем почтить меня уведомлением. (Документ без подписи)

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1839—1864 гг., д. 5, лл. 55—58.

Копия.

[372] № 266

Из описания похода иранских войск на Атрек для сбора дани среди туркменского населения
(Документ составлен неизвестным автором)

(Не ранее 1842 г.)

Народ туркменский иомутского племени хотя никогда не признавал над собой владычества Персии, но, несмотря на это, в разные времена он более или менее зависел от шахов, частью для собственной выгоды, частью от страха. В душе своей питая к персиянам непримиримую вражду, происходящую от религиозных чувств, он в смутные обстоятельства Персии, особенно

при правлении слабых ее царей, не переставал грабить персидские владения и брать их жителей в неволю. В последние годы, когда настоящий шах Магомед возвратился из похода, предпринятого им против туркменского народа, сей последний, казалось, несколько усмирился и на время прекратил свои набеги в персидские пределы, но в это время, к несчастью персиян, назначен был из Тегеранского двора правителем Астрабадской провинции некто Мохамед Насер-хан, родом из каджаров давалинского племени.

Сановник сей, подстрекаемый безмерным корыстолюбием, нисколько не заботясь о благосостоянии обитателей вверенного ему края, налагает на них чрезвычайные денежные сборы, подвергает зажиточных людей большим взысканиям, лишает астрабадцев достояния, словом, без угрызения совести грабит всякого, как говорится, встречного и поперечного. Но Астрабадская провинция мала, она не может удовлетворить алчности сего хищника. Вот он придумывает средство к своему обогащению: туркменские кочевья стоят в местах, сопредельных с Астрабадом. У него много предлогов на то, чтобы делать на них нападения.

Присоединяя к своему корыстолюбию некоторую отважность, Мохамед-Насер-хан с отборной астрабадской конницей начинает разбой, туркменские стада делаются его добычей, останавливается их промышленность, нарушается между ними тишина и спокойствие, им нет покоя от Мохамед-Насер-хана.

Сначала они приносили жалобы к шаху, но благодаря невнимательности правительства, эти жалобы оставались без удовлетворения.

Что делать, к чему прибегнуть, как не к оружию — последнему защитнику. Вот они, в свою очередь, начали отплачивать персиянам тем же поступком. С одной стороны, их конница сухим путем нападала на беззащитные астрабадские деревни, с другой — их лодки, являясь в Астрабадском заливе, тревожили жителей Мазандерана и Астрабада.

Еще эти набеги не производились так часто и не были так удачны для туркмен по случаю разногласия их старшин и чувствительны для персиян, как те, которые туркмены восьмью месяцами прежде до назначения шахом настоящей экспедиции делали на Астрабадскую и Мазандеранскую провинции. Это было потому, что в это время появился к туркменам некто дервиш (**Скиталец — проповедник религии**) родом из гератских афганцев. Дервиш сей, в прошлом году в апреле или мае месяце выехал из Тегерана, где проживал немалое время, прибыл в туркменские кочевья и выдавал себя за человека святого и богоугодника, успел снискать себе любовь и расположение туркмен, которые провозгласили его титулом ишана. (**Титул этот, собственно, есть персидское местоимение третьего лица множественного числа, и оно обыкновенно дается людям, располагающим умами простого народа (примечание в документе)**)

Подобно туркменам, считая персиян еретиками и врагами **[373]** суннитов, он не переставал, воспламеняя дух первых, проповедовать им общими силами вредить последним. Народ слушал его.

Шайки разбойников избирали его в предводители, и с этого времени набеги туркмен на Астрабад стали производиться чаще и чаще, беззащитные жители его то лишались достояния, то свободы.

Наконец, вопли и стонания сих несчастных, угнетенных внутренним злодеем и внешним врагом, казалось, пробудили персидское правительство из глубокого сна беспечности.

Вот причины, заставившие шаха удалить Мохамед-Насер-хана от управления (**После того он все время находился при сердаре, который, как говорили, был им подкуплен для того, чтобы исходатайствовать ему прощение у шаха, и был однажды прислан к русским военным судам с поручением (примечание в документе)**) и нарядить экспедицию для усмирения туркменского народа иомутского племени.

Получив начальство над десяти тысячным отрядом, (**Отряд сей состоял из шести тысяч регулярной пехоты, четырех тысяч иррегулярной кавалерии и 12 орудий среднего калибра (примечание в документе)**) сардар Хан-Баба-хан в месяце зимгаджа (в начале января) выступил из Тегерана и по дороге через Шахруд и Бастам двинулся к Астрабаду. Еще до его прибытия в

сию провинцию, принц Ардашир-мирза имел от шаха повеление вступить туда с тремя тысячами мазандеранского войска, состоящими частью из иррегулярной пехоты, называемой туфанчи, частью из таковой же конницы. Около 20 января сардар встретил Ардашира в Астрабаде и, отдалив из своего отряда 2000 человек пехоты и 6 орудий к его высочеству, предложил ему вместе с сим и мазандеранским войскам занимать места по сию сторону реки Гурген, называемые Дара-Бужук и Ак-Кале, а сам, оставив всю свою тяжесть при ардаширом отряде, служащем для него в роде резерва, немедленно перешел реку Гурген, двинулся вперед по ее течению на 10 фарсахов (Каждый фарсах составляет семь верст (примечание в документе)) от Дара-Буджука и расположился лагерем в Кумбеди Кабусе, где в древности, как уверяют персияне, существовал великолепный город, коего развалины и теперь приметны.

Туркменский народ иомутского племени разделяется на два сословия: чарву и чомур. Первое ведет кочевую жизнь и занимается большей частью скотоводством, а последнее живет постоянно в одном месте, не говоря о небольших переходах, которые часть его в летнее время делает обыкновенно для перемены своих юрт (бываков) и занимаются земледелием и торговлей.

Узнав заранее о движении персидского войска и грозящей опасности, все те, которые носили звание чарва, еще до появления сардара вместе со своими семействами удалились внутрь степи, а чомуры, не имея возможности следовать за ними, остались на своих местах и встретили его (сардара) с притворной покорностью. (Однако же чарвы, оставляя свои семейства в дальних местах, сами непрерывно приезжали к чомурам и имели с ними совещание об оборонительных средствах (примечание в документе))

Цель Хана-Баба-хана состояла в том, чтобы, усмирив туркмен и покорив их шахской власти, возвратить свободу захваченным ими персиянам, обеспечить однажды [и] навсегда безопасность астрабадских и мазандеранских жителей и водворить в этих провинциях спокойствие и тишину нарушенную... (Слово неразборчиво), также истребить и известного дервиша-ишана, а как по образу жизни туркменского народа достигнуть этой цели [374] победой на чистом поле было невозможно, то сардар для этого стал действовать на них обстоятельствами.

Вот каков был его план: занимая туркменские посеы и прекратив их сношения с Астрабадом, с которым тесно связано существование сего народа, он предположил долговременным своим пребыванием довести их до крайности и тем принудить к повиновению, а потому сперва он сделал следующие распоряжения для обеспечения своего лагеря: он окружил его рвом и стеной в человеческий рост и каждый день назначал по двести или триста человек конницы для стражи на холмах на расстоянии одного фарсаха от стана войска; между тем, находясь среди туркменских посеов, дал строгий приказ в отряды, чтобы никто не осмелился их тронуть. (Пример, редкий в тактике войны азиатцев (примечание в документе)) В фураже и продовольствии он не нуждался: первого добывались сами воины из окрестностей лагеря, покрытых густыми травами, а последнее привозили ему и продавали астрабадские жители, которые удивлялись, что дожили до такого счастливого времени, что они безопасно могут разъезжать повсюду и находиться везде, не встречая ни одного туркмена, и благословляли Хан-Баба-хана как виновника их благоденствия. Со времени вступления сардара в туркменские земли до конца мая месяца действительно туркмены нигде не показывались с преступным намерением и всякий, кто захотел, смело мог ездить в ардаширев и сардарев лагеря.

В это время, по повелению шаха, присоединился к Хан-Баба-хану предводитель хорасанских или буджнурдских курдов — Джафар-Кули-хан, который иначе называется эльхани (предводитель племени), с своим курдским отрядом, состоящим из двух тысяч отличной (Туркмены (как уверяют) чрезвычайно боятся этой курдинской кавалерии (примечание в документе)) и красиво вооруженной кавалерии и двух тысяч пехоты; впоследствии сардар, уверенный в несопротивлении туркмен вооруженной рукой, распустил этот отряд вместе с заболевшим его командиром, оставив из него при себе только 200 человек конницы.

После сих распоряжений он стоял в бездействии в ожидании туркменских старшин; они почти

все, кроме некоего Махтум-Кули-хана, в кочевье коего находился и дервиш-ишан, не замедлили явиться к нему с подарками и изъявлением покорности и раскаяния в своих прежних поступках. Сардар принял их весьма ласково, одарив их почетными одеждами (халатами), отпустил назад с тем, чтобы они, как прежде было им объявлено в прокламациях, собрали всех пленных персиян и вручили их его поверенным, также заплатили вознаграждение за ограбленные ими у персиян в последние годы имущества. При сем случае он велел старшинам съехаться к нему во второй раз для переговоров.

Вообще туркменский народ, которого имя часто встречается в персидской истории, разделяется сверх иомутского племени еще на два: гокленское и текинское; первое из этих двух племен искренно или притворно (По крайней мере, персияне на него никогда не жалуются (примечание в документе).) считает себя персидским подданным и платит шаху ежегодно определенную дань; второе, хотя не суть подданное Персии, однако ж нередко посылает шаху пешкеш (подарок) из хороших породистых лошадей и прочее с изъявлением всегдашней готовности к услугам его (Вероятно, для прикрытия своих шалостей, которыми он также нередко добывает себе добычу в персидских владениях (примечание в документе)) и находится в больших связях с соседственными персидскими ханами, а потому по случаю прибытия персидского генерала в туркменские земли некоторые старшины этих двух племен не преминули явиться к нему [375] с подарками и были ласково приняты им и отпущены с почетными одеждами.

Старшины иомутские исполнили требование Хан-Баба-хана выдачей всех персидских пленных, которые оказались налицо, и обязались, как уверяют персияне, выкупить и тех, которые проданы ими хивинцам, равно стали собирать некоторую сумму на вознаграждение потери персиян, для чего персидский чиновник по имени Шафи-хан жил в их кочевьях, за Черной речкой стоящих.

С этого времени прекратились все неприязненные действия между персиянами и туркменами. Они начали съезжаться друг к другу для торговли и промышленности. Каждый день в городе Астрабаде находилось по 20 и по 30 туркмен, по стольку же персиян в их кочевьях; туркменские лодки привозили нефть, соль и проч. и продавали их персиянам выше деревни Курда Магале, за Черной речкой (Ибо в случае запрещения, объявленного им командиром русских военных судов, стоявших в это время в Астрабадском заливе, не показываться там впредь до особого распоряжения, они не осмеливались переходить Черную речку (примечание в документе)) (или в Кара-сенгире) или меняли их за рис и другого рода персидские произведения.

Невыгоды сего обстоятельства скрылись из соображения Хан-Баба-хана; имея в виду стеснить положение туркмен занятием их земель и пашен, лишить их единственного источника благосостояния и таким образом вынудить к покорности; кажется, вместе с тем он не должен был впредь до совершенного успеха своего предприятия позволять им производить торговлю с персиянами. Торговля эта в таких затруднительных для туркмен обстоятельствах была для них чрезвычайно важна тем более, что они наипаче имели в ней нужду, (Ибо Хива от них далека, одни только Астрабад и Мазендеран спасли бы их от голода (примечание в документе)) чем персияне. Итак, избывая из рук в этих провинциях нефть, соль и прочие свои произведения, они легко могли бы запастись жизненными потребностями, что, конечно, мешало бы исполнению хан-баба-хановых предположений и заставило бы его долго томиться в ожидании туркменской покорности. Может быть, сардар торговлю эту нашел необходимой для астрабадских жителей, но была ли она в самом деле для них необходима? — Совсем нет, они только нуждались в нефти, без которой во всяком случае легко можно обходиться. За всем тем если Хан-Баба-хан возвратится из сего похода с успехом, то утвердительно можно сказать, что к этому успеху случайно не мало содействовало появление русских военных судов в Астрабадском заливе, которыми для другой цели на время запрещено было туркменским лодкам приставать к берегам сего залива для торговли с персиянами.

Обратимся к сардару. Продолжая принимать туркмен, которые по собственному желанию сами собой шли по его вызову, к нему являлись, и, весьма щедро одарив их деньгами и одеждами,

казалось, Хан-Баба-хан не предвидел уже со стороны туркменского народа никакого сопротивления. И они, одолженные и обольщенные его дарами, действительно раболепствовали перед ним. Туркмены уверяли, что персидское правительство без пособия некоторой иностранной державы никогда бы не согласилось отпустить из собственной казны столь огромные суммы, которыми сардар так щедро осыпал туркмен. Но только ему не доставалось видеть у ног своих с низкими поклонами Махтум-Кули-хана и дервиша-ишана, которые, невзирая на вызовы его, упорствовали своим приездом в лагерь персидского войска, а потому Хан-Баба-хан отправил к ним некоего Гаджи-Нурима-хана Авгани, предавшегося шаху во время осады города Герата с тем, чтобы он, как их единоведец, уверив их в [376] снисхождении и ласковом приеме сардара, уговорил явиться в его стане. Гаджи-Нурим-хан исполнил это поручение с успехом: хотя Махтум-Кули сам не приехал в лагерь, однако же туда отправил он своего сына и племянника вместе с Ишаном в сопровождении нескольких простых еще туркмен.

Неизвестно, чему Дервиш-ишан, приобревший столь великое уважение между туркменами, с особенным благоговением произносившими его имя, и которые приписывали ему разные чудеса, как-то: пуля не пробьет его сквозь тело, и прочее; из одного приглашения Гаджи-Нурим-хана согласился потерять заслуженную им славу и как преступник предстать перед персидским генералом, умоляя у него прощения? Об этом мы сколько ни спрашивали персиян и туркмен, но ни те, ни другие не могли дать нам удовлетворительного ответа. Но можно полагать, что он как человек рассудительный или, лучше сказать, боязливый, не слишком надеясь на приверженность к нему туркменского народа, который впоследствии, может быть, удостоверившись в лживости его сказаний и охладевши в усердии к нему, вероломно выдал бы его персидскому правительству, счел благоразумным предупредить несчастье, поспешив сам изъявить сардару свою покорность. Как бы ни было, вопреки своему обещанию, сардар тотчас по прибытии сих гостей приказал оковать сына и племянника Махтум-Кули-хана, а с дервишем он обходился не так сурово, хотя ему не оказал он особенных почестей и ласк, однако же поступил с ним несколько вежливее: велел отвести ему палатку, назначить при нем двух человек прислуги. Только не позволено было ему ни на шаг отлучиться из черты лагеря. Спустя несколько дней племянник Махтум-Кули-хана ночью, каким-то чудным образом сложив с себя оковы и выхватив у первого артиллерийского часового саблю, бросился бежать. Персияне с криком: «держи, лови» обходили его кругом, то тут, к счастью племянника Махтум-Кули, перед ним текла река Гурген, — он кинулся в нее и, проплыв до противоположного берега, скрылся из виду и через два или три дня он с шайкой туркменских разбойников появился в близости лагеря и успел угнать несколько верблюдов и другого рода скотину.

Происшествие это несколько нарушило спокойствие персиян и сардар; в порыве гнева за дерзость туркменских разбойников приказал отрубить головы 20 невинным туркменам, которые в то время из разных кочевьев находились в его лагере, и вслед за тем отрядил 2000 конницы для преследования туркменских кочевьев, удалившихся к Хиве. Отряд сей пять дней шел вперед и, не встретив никого из туркмен, возвратился назад. (Действительно ли он пять дней шел вперед, по крайней мере, судя по духу персидского войска, которое даже боится тени туркмена, утвердить этого нельзя (примечание в документе))

Весть о бесчеловеческом поступке сардара дошла до туркменских кочевьев. Их старшины, ужасаясь последствий, поспешили в хан-баба-ханов стан смягчить его гнев, возвратив угнанных Махтум-Кули-хановым племянником верблюдов, обвиняя его в безрассудстве и умоляли от сардара прощения. Он простил их, и дела опять приняли прежний вид: туркмены снова стали приезжать к персиянам и гоститься за роскошным столом Хан-Баба-хана, получали от него дары.

Доселе еще формально не начиная переговоров, Хан-Баба-хан только мимоходом предлагал старшинам некоторые условия, но не настаивал в их исполнении. Для этого он ожидал удобного случая — времени жатвы. Оно наступило, и туркменские старшины из всех кочевьев приехали к нему с большими подарками, состоящими из отличных [377] лошадей, и просили

его позволения жать свои посевы. Кажется, это с него было довольно, туркмены с такой покорностью встречали его предшественников, теперь-то он на выгодных и не слишком тяжких условиях мог бы примириться с ними и отступить с некоторой славой с таким малодушным войском, каково персидское, не имеющим никакой дисциплины и устройства, не питающим ни малейшего усердия к своему правительству, которое не дает ему ни жалованья и ни пропитания, и еще утомленным продолжительной отлучкой от родины, неблагоприятно было бы долее оставаться в туркменских землях. Это говорили и подтверждали многие из персиян в лагере Ардашир-мирзы, которые после следующего происшествия начали осуждать сардара в неуместных его требованиях. (Так ли думал и сам Хан-Баба-хан? Нет. Ему хотелось больше и хотелось довести туркмен до отчаяния и крайности, может быть от того, что ему, как молодому полководцу и первый раз испытывшему счастье на военном поприще, не понравилась слава, которая могла бы быть приобретена не оружием и кровью. (примечание в документе))

Вот какого рода были требования его от туркменского народа: не принимая от них представленных ими подарков, он велел вместо того донести ему пешкеш из 7000 червонцев, потом, дав ему несколько семейств из знатных фамилий в аманаты, отправиться некоторым старшинам в Тегеран для изъявления шаху верноподданнических чувств и получить от его величества фирман на отступление отряда. (Он имел от шаха повеление не отступать без особенного от его величества на это фирмана. (примечание в документе))

Туркмены сначала несколько колебались, потом согласились и разошлись по кочевьям. На долгом совещании между собой сложили на каждое кочевье часть означенной суммы и, по уверению персиян и туркмен, собрали и поднесли сардару до пяти или шести тысяч червонцев, Вероятно, они исполнили бы и другие, последние, требования, если бы судьбе не хотелось иначе. До сих пор все благоприятствовало Хан-Баба-хану и войска в обоих лагерях отдыхали в совершенной безопасности в прекраснейшей Кинчакской долине, покрытой зеленью и ароматными растениями. Все было прелестно и чисто, кроме совести (занимавших) персидских вельмож и персидских сановников, и везде было тихо и спокойно, кроме души, лишившегося ее на время, туркмена. Между тем посевы от излишней поспелости мало-помалу приходили в негодность; туркменские старшины, с своей стороны обещаясь исполнить требования сардара, думали, что им позволено будет снять хлеб, а потому пристали об этом к Хан-Баба-хану с просьбой, но когда объявил им, что до тех пор не позволит им коснуться сих посевов, пока все чарвы вместе со своими семействами не возвратятся к своим полям, то они были в совершенном отчаянии, ибо, не имея никакой доверчивости к персидскому правительству и нисколько не полагаясь на честность исполнителей его воли, которые чужды всякого понятия о гражданской жизни, могли ли они все вдруг — чомуры и чарвы — со своими семействами предаться в руки персидских воинов, кои, могло статься, поступили бы с ними по своему произволу; кто знает, что бы тогда случилось. Старшины с недовольным видом отъехали от Хан-Баба-хана.

Надобно знать, что туркмены, несмотря на их мирные сношения с персиянами, предварительно имели на Атреке до десяти, менее или более, тысяч конницы, готовых во всяком случае сразиться с сардаром, если сего потребует их польза. Известие, привезенное старшинами о неуступчивости и неумеренных требованиях сардара, привело кочевья в волнение, и скоро все чомуры, стоявшие на пространстве между Черной речкой и Гургеном, следовательно в тылу [у] персидского войска, пользуясь темнотой ночи, ушли и присоединились к чарвам. Еще ничто [378] не предвещало беды, и в обоих лагерях персияне не могли даже думать, что туркмены, доселе им раболепствовавшие, дерзнут когда-либо поднять на них оружие. Но вдруг быстро разнеслись слухи, что оба лагеря окружены тьмой туркменской конницы, что 12 человек астрабадских жителей, находившихся в 7 верстах за городом, захвачены ими, что сообщение между сардаром и Ардашир-мирзой прекращено и что они лишились около двухсот человек (По показанию туркмен (примечание в документе)) убитыми и пленными.

Это случилось в исходе мая месяца; в то время сардар находился в так называемом Кале-Куджуке, на том же берегу Гургена в расстоянии шести фарсахов от принца, но скоро потом

подвинулся к нему ближе тремя фарсахами и расположился в каком-то месте Сальям. Здесь-то он имел свидание [с принцем] и скоро должен был с ним соединиться.

Величайшая непредусмотрительность сардара состояла в том, что ему вовсе не приходило в голову удерживать за собой чомурские кочевья, что он весьма легко мог бы сделать. Тогда чарвы, не имея соединенной силы и видя своих собратьев или, лучше сказать, часть своего семейства в руках персиян, конечно, не решились бы открывать с ними неприязненные действия. Теперь, таким образом, своими стычками принудив сардара к отступлению в Астрабад, они под прикрытием своих передовых конниц начали жать свои посеы. (По уверению туркмен, некоторые из этих посевов в это время были сожжены персиянами по приказанию Хан-Баба-хана (примечание в документе)) Так Хан-Баба-хан лишился почти плода единственного своего плана увидеть последствия... (Опущены географические, этнографические и другие сведения об Иране)

ЦГАВМФ, ф. 296, д. 127, лл. 1—45

№ 267

Рапорт командира Каспийской флотилии капитана 1-го ранга Т. Г. Басаргина главноуправляющему на Кавказе генералу Нейгардту о заслугах Кият-хана в укреплении русско-туркменских отношений

[февраль 1843 г.]

На предписание (Документ не публикуется; главноуправляющий Закавказским краем генерал Нейгардт обратился к Г. Г. Басаргину, командовавшему в 1826—1827 гг. брига «Баку», крейсировавшим в Каспийском море, с просьбой указать на заслуги Кият-хана перед русским правительством (см. ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, л. 324)) вашего высокопревосходительства ко мне с № 159 об известности мне относительно услуг, оказанных туркменом Кият-беком и его сыном нашему правительству, почтеннейше донести честь имею:

В 1819 г. в бытность мою командиром военного корвета «Казань» в экспедиции гвардейского генерального штаба капитана Муравьева под начальством майора Пономарева у восточных берегов Каспийского моря Кият-бек был приглашен на корвет в Астрабадский залив и сопровождал во все время нашего плавания в тех водах. По возвращении г-на Муравьева из Хивы сопровождал его в Тифлис, где представлялся и с сыном Якши-Магоммедом главноуправляющему тогда Грузией, был награжден медалью.

В исходе 1826 г. и начале 1827 г. в бытность мою командиром военного брига «Баку» при блокаде неприятельских берегов Астрабадского залива тот же Кият-бек по приглашению моему для внесения оружия на персидские берега склонил своим влиянием отряд туркмен к оному и в набеге своем к Фарахабаду на собственных киржихмах отбил и увлек с собой значительную добычу.

[379] Сущность сих событий могут подкрепить донесения, состоявшиеся тогда на имя главноуправлявших Грузией; генерала Алексея Петровича Ермолова и генерал-адъютанта Ивана Федоровича Паскевича.

Капитан 1-го ранга Басаргин

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1133, лл. 325—325 об.

Подлинник.

№ 268

Рапорт командира Астрабадского морского отряда капитан-лейтенанта П. П. Нечаева начальника 2-го Главного морского штаба о подстрекательстве иранскими властями

прикаспийских туркмен к враждебным действиям против России

20 марта 1843 г. Астрабадский залив, бриг «Ардон»

Имею честь донести вашей светлости, что мной донесено было полномочному министру в Тегеране о том, что Сулейман-хан, правитель Астрабада, употребляет все средства возбудить туркмен противу русских, научает захватить кого-либо из русских или убить находящегося здесь суперкарга Еривандова, о чем сам Еривандов донес мне. В подтверждение сего служит нижеследующее обстоятельство: приехали шесть человек туркмен из Хаджа-Нефеса на лодке к стоящему у Кара-Су шкоуту купца Багирова просить рыболовных снастей, но как их лоцман не знал, а потому и отказал. Они, подъехав к Кара-Су, выпустили трех человек туркмен в тростник, а остальные на лодке отправились домой. В скором времени со шкоута поехали двое рабочих людей на маленькой лодке в Кара-Су, и лишь только они пристали, то из тростника выскочили три туркменца и один, вырвав весло, расшиб голову работнику и если б не стоящий тут же туркменский киржим, с которого челекенский туркмен Мамет приложился из ружья в разбойников, угрожая в них выстрелить, чем и заставил их бежать; узнав обстоятельно о сем деле, я стал требовать выдачи виновного, вызывая старшин из Хаджа-Нефеса, но Сулейман-хан, узнав о сем, не только запретил выдавать виновного, но не велел и старшинам являться ко мне. Все грабежи и разбои производятся туркменами, живущими между Кара-Су и Гургеном, над которыми старшина Ага-хан, преданный персиянам, и через которого Сулейман-хан возбуждает туркмен противу русских; остальные же туркмены, от Гургена и до Челекена, совершенно спокойны и стараются всеми средствами исполнять приказания нашего начальства.

На сие донесение получил от полномочного министра, что он приносил жалобу персидскому правительству на злонамеренные поступки Сулейман-хана, вследствие сего первый министр в препровождаемом ко мне для доставления Сулейман-хану письме **(Документ не обнаружен)** делает ему строгий выговор за нарушение дружественных отношений между обеими державами; со своей же стороны полномочный министр приказал объявить ему, что если он не изменит своего поведения и не будет уважать моих распоряжений, то он будет требовать от здешнего правительства, чтобы его немедленно сменили. Таковое строгое внушение приказал передать к туркменскому старшине Ага-хану.

И сверх сего в ответ на просьбу купца Герасимова об утверждении за ним вод по Кара-Су уведомляет, что на основании находящихся в **[380]** миссии документов, Гурген, составляющий натуральный вход в Астрабадский залив, должен быть принимаем за законную границу, до которой дозволяется исключительно ловить Багирову, Герасимов же пользуется всем прибрежным по ту сторону Атрека. Что же касается до права производить ловлю в водах между Гургеном и Атреком, он должен будет просить Министерство иностранных дел о точном определении оногo, а до получения ответа предоставляет мне позволять Герасимову и Багирову ловить вместе до Атрека и объявить им от него, что тот, кто из них будет противиться переданным им мне распоряжениям или заведут ссоры и распри, немедленно подвергнется от меня военному аресту и по донесении им высшему начальству понесет заслуженное наказание.

Вследствие чего 18-го числа сего месяца я имел свидание с Сулейман-ханом в Кара-Су, а 19-го числа он приезжал ко мне на бриг «Ардон». Я ему вежливым образом передал причины, заставившие меня донести о злонамеренных его поступках. Во всем этом он запирался и настаивал, чтобы выпустить двух содержащихся под арестом туркмен, говоря, что они его подданные и мы не имеем никакого права их держать, а равно не хотел дозволить ловить рыбу Багирову вместе с Герасимовым и говорил, что лучше он сожжет судно Багирова, чем позволит ловить. Но когда я ему сказал, что судно то есть русское, он стал отпираться незнанием сего, предполагая, что оно принадлежит Мир-Садыку, но когда я ему решительно объявил, что я не могу послушаться воли его сиятельства, то он хотел писать в Тегеран и по приезде на берег собравшимся туркменам объявил, что я не уважил его просьбы выдать туркмен, а потому

научил их взять кого-либо из русских. Во всех злонамеренных поступках сильно противу русских действует также Хамза-хан, а, кажется, письмо министра [на] них мало подействовало. Недавно Сулейман-хан взял сорок червонцев с персиянина за то, что он взял под сохранение от купца Герасимова рыболовные снасти, объявляя ему, что с русскими они враги, а потому не должен иметь сего делать.

Также требует с лоцмана судна Багирова в подарок 1000 руб., говоря, что к нему писал Мир-Садык, чтобы получить сии деньги, но как лоцман не имеет никакого на то приказания, а потому я просил его повременить до тех пор, пока лоцман получит приказание от хозяина.

Капитан-лейтенант Нечаев

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1334, лл. 23—25

Подлинник

№ 269

Из записки о туркменах-йомутах восточного побережья Каспийского моря

(Автор записки неизвестен. Судя по содержанию, записка составлена П. П. Нечаевым)

23 мая—6 августа 1848 г. Ашур-Аде

...Туркмены поколения йомутов, занимая своим кочевьем восточный берег от Красноводского залива до Черной речки (Кара-Су), падающей [381] в Астрабадский залив, очень натурально считают Кара-Су своей границей с Персией. Но во мнении персиян эта граница должна быть по речке Гурген, падающей в море несколько севернее Черной, и туркмены, особенно туркмены племени ерали, занимающие пространство между Гургеном и Кара-Су, подданные их, чего, однако ж, туркмены вовсе не признают и своими набегами непрерывно опустошают границы Персии. На границе Черной речки всегда стоит лагерь персидских войск, оберегающих спокойствие Персии, почему здесь наезды не всегда удаются. Самым удобным местом для набегов оставались деревни по берегам Астрабадского залива, никем не защищаемые. Туркмены часто посещали этот берег на своих киржимах (плоскодонные лодки) и на эмбетских лодках (большие и довольно острокильные) для меновой торговли и для грабежа, причем лучшую добычу составляли пленные, иногда довольно дорого выкупавшиеся. Вражда персиян и туркмен отразилась и на рыбопромышленниках, из которых одни ловили в водах, прилегающих к Персии, другие — у берегов туркмен. Так как на пространство между речками Кара-Су и Гурген претендуют и персияне, и туркмены, то и промышленники с той и другой стороны враждовали за этот участок. У персиян здешние воды откупает Мир-Багиров — персиянин, очень богатый, имеющий большие связи в Персии, впрочем, торгующий под русским флагом. В водах туркмен утверждались купцы братья Герасимовы, хорошо ознакомившиеся с туркменами и под видом откупа получившие здесь монополию лова. Собственно, враждовали между собой Мир-Багиров и Герасимовы, и последние, как менее богатые, терпели наиболее в этой вражде.

От эскадры, занимающей посты у берегов Закавказья, от времени до времени посылались суда для обозрения южного и восточного берегов Каспия с целью защищать коммерцию и рыбопромышленность от могущих быть притеснений персиян или туркмен, разбирать взаимные купцов жалобы и смотреть, не имеют ли персияне мореходных судов, которые по последнему трактату запрещены им.

В 1836 г. персияне снарядили две расшивы (двухмачтовое крьюсельное купеческое судно), нагрузили их ружьями, пищальми, пушками; посадили адмирала, как величал себя Мир-Садык, и пустились на них поражать туркмен. Мир-Садык сделал несколько выстрелов по пустому острову Огурчинскому, разорил колодцы на Нефтяном и [так] как берега — кочевья туркмен — отмелы, а о высадке персияне и думать не могли, то персидскому адмиралу оставалось одно занятие: крейсировать в ожидании выезда туркменских лодок. Но прежде, нежели ему удалось

это, он был взят русским крейсером и его расшива отведена к нашей эскадре на остров Сару. Персияне, лишенные собственных средств обороны, просили защиты нашей, почему на следующий год были посланы два военных брига, которым предписано: стараться не допускать персиян и туркмен к раздорам.

Надо заметить, что туркмены здешних берегов вообще преданы русским и до последних годов русские от них никогда никаких обид не имели и всегда могли съезжать на берег безоружными, встречая там гостеприимство. Эта преданность особенно поддерживалась через семейство Кият-хана, имевшего очень большое влияние на всех туркмен и очень любившего русских. В последнюю персидскую войну он содействовал нам своими опустошительными на Персию набегами и хотя он был побуждаем к этому жаждой корысти и мщения, но, тем не менее, как союзник хан еще более прилепился к нам. Беспрерывные сношения с нашими рыбопромышленниками, которые покупают у туркмен ловимую ими рыбу, доставляя им лодки, сети и различные произведения русской промышленности, равно и совершенная зависимость как лова, [382] так и всей морской торговли от русских укрепляет привязанность туркмен к нам личными их интересами. Довольные расположением туркмен и будучи в мире с Персией, мы старались предупреждать их взаимные ссоры... (Опущены сведения, содержащиеся в предыдущих документах).

...Теперь собственно о туркменах. Кочующие здесь туркмены суть племена йомутов. Они не признают над собой никакой власти, хотя персияне и претендуют на их подданство. Соседние с ними племена более или менее зависят или от персидского шаха — племя конлэ, (По-видимому, гоклен) или от хивинского хана — теке, игдыры и проч. Собственно йомуты разделяются на два поколения — нурали и ярали. Первые, кочующие севернее реки Гурген, подразделяются на пять родов: 1) гасан-кули-кёр, 2) тура-ашли-кёр, 3) кельтэ, 4) кара-инджик, 5) кырык и кем. Последние два — одного рода. Ярали, которые кочуют между Гургеном и Кара-Су, имеют тоже пять родов: 1) тумачь, 2) овнук-тумачь, кызыл и арык, (Пункт 3-й отсутствует в тексте; видимо, это описка) 4) сакгаллы, 5) буркас и чуккан. Вместе с йомутами кочует особенное племя туркмен — огурджахи, разделяющееся на два рода.

В путешествии Муравьева в Хиву вы найдете генеалогическое древо, в котором представлены все племена, поколения и роды туркмен. Йомуты там имеют совсем иное подразделение против того, какое я сделал; но почти все означенные выше роды можно найти и у Муравьева, (См. Н. Н. Муравьев. Путешествие Н. Н. Муравьева в Туркмению и Хиву. М., 1822) хотя в другом порядке. То разделение, которое я написал, составлено мной по словам второго сына Кият-хана — Кадыра, одного из умнейших старшин. Не буду спорить, если по непривычности слуха к туркменскому выговору некоторые имена мной написаны неправильно.

Границ кочевий йомутов точно определить нельзя, особенно с восточной стороны, где их кочевья примыкают к кочевьям других племен. По берегу моря йомуты занимают пространство от реки Кара-Су до Красноводского залива, обладая и прилегающими к берегу островами: Огурчинским и Нефтяным. Число народа, ни даже число кибиток, тоже неизвестны даже и приблизительно не только нам, но и самим туркменам. Ещё менее возможно определить числами богатство народное. Главнейшее богатство их состоит из лошадей и рогатого скота, которое по причине падежей, засух и особенно баранты (междоусобные грабежи) не могут значительно увеличиваться, уж не говорю — улучшаться. Впрочем, туркменские лошади весьма замечательны и лучших родов. Ценятся на месте по 100 и по 200 червонцев. Туркменские лошади не весьма красивы и особенно отличаются маленькой головой, короткой гривой и тонкими длинными ногами. Они не сильны, не способны для дальней езды, но переносливы и неутомимы в продолжительных скачках.

Степи, по большей части песчаные, бедны растительностью; лесу здесь нет, кроме негустых и малорослых рощ по берегам рек в южной части степной; хлеба и пшена (сорочинского) сеют очень мало. Из домашних изделий можно только заметить ковры, очень прочные и красивые. Туркмены, кочующие по берегам моря, обладают большими, еще не вполне ими обрабатываемыми богатствами, которые суть: рыбная ловля у взморья, каменная соль на

полуострове Дарджа, по берегам [383] Хивинского залива и на острове Челекен, также несколько озер самосадочной соли на острове Огурчинском; наконец, нефтяные колодцы на острове Челекен (Нефтяном).

Рыболовством туркмены сами занимаются довольно деятельно, покупая снасти и даже лодку у русских купцов и продавая им вылавливаемую рыбу по ценам, весьма низким (например, пуд клею 130, пуд икры 3, 10 осетров с икрой, вязигой и клеем 3 руб.; все это на ассигнации). Надобно ж, однако, заметить, что рыба здешнего улова по причине долгого перевоза, а клей — по худому туркменами приготовлению ценятся в Астрахани ниже рыбы и клея тамошнего улова. Русские промышленники и сами ловят здесь рыбу, никому не платя откупа. Здесь ловятся все рода рыбы Каспийского моря, но преимущественно осетры и белуга. Соль и нефть туркмены добывают сами и развозят её в Персию и нашим здешним рыбопромышленникам на лодках и киржимах; иногда за этими товарами заходят сюда идущие в Персию бакински; обыкновенные цены на соль 3 реала (1 реал — 30 коп. серебром) за 28-пудов на месте, только с доставкой на судно: нефть — по 1 реалу 2 пуда (тулук). Бакинская нефть — 7 рублей серебром хальвар (20 пудов). Бакинская соль 50 коп. серебром за пуд.

Не думая ни шутить, ни хвастать, я не представляю никаких таблиц о добыче и отпуске рыбы, соли и нефти. Первая еще могла бы быть означена с некоторой вероятностью, потому что с привозимой отсюда рыбы в Астрахань оплачивается пошлина. Но последнего решительно нельзя, по крайней мере, тому, кто не жил здесь так долго, чтобы лично изведать дело, и жил не так мало, чтобы доверять словам туркмен. В статье (Об этом содержатся подробные данные в трудах Г. С. Карелина и И. Ф. Бларамберга) господина Фелькнера (Горн. журнал, 1837, № 1 и 2) можно найти приблизительные таблицы и числа нефтяных колодцев, их глубины, почвы, количество добываемой нефти, число приходящих в Персию лодок и киржимов, наконец, общей выручаемой суммы. Все это приблизительно. То же и о соли, хотя с меньшей подробностью. Замечу только, что вывоз в Персию отсюда соли и нефти весьма значителен; по крайней мере, вся Астрабадская и Мазандеранская провинции снабжаются этими минералами отсюда. Соль еще идет и на все здешние рыбные промыслы. Покамест добыча этих минералов ограничивается их сбытом: натуральная граница их богатства неизвестна нам. Торговля туркмен состоит в мене их произведений на пшено, табак и ткани Персии и на некоторые русские изделия. Торговля медленна и не оживленна.

Правления туркмены никакого не имеют. По обширности родства и друзей, по личной силе, богатству и талантам некоторые из них пользуются званием и правами старшин. Но эти права и отношения к другим туркменам вообще неопределенны, непостоянны и по большей части ничтожны; таких старшин много в каждом роде, даже во всяком ауле. Более замечательным по своему влиянию был известный Кият-ага или Кият-хан (его портрет приложен к путешествию Муравьева). В последних годах много был уважаем взятый ныне в плен Якши-Мамед, старший сын Кията. Йомуты — плохие воины и могут быть страшны только персиянам, которым действительно страшны. Огурджали вовсе не воины — полукупцы, полурабы и вообще презираемы; да племя огурджали и немногочисленно.

Я сказал, что здешние туркмены считают себя независимыми. Однако ж, обитая по берегам Каспийского моря своими богатейшими аулами, извлекая из моря и его островов важнейшую часть народного [384] продовольствия, имея морскую торговлю, — туркмены необходимо зависят от России как от полновластной владельницы Каспия.

Но пора кончить это длинное послание. Я завтра снимусь с якоря и пойду в крейсерство вдоль восточного берега, имея, между прочим, назначение проводить до острова Огурчинского три купеческих судна, которые, кончив здесь свои дела, отправляются в Астрахань. На одном из них перешлю и письмо. Прощайте... (Опущены сведения о возможностях развития торговли России через Персию с восточными странами, о возвращении экспедиции в Астрахань и т. д., которые не имеют прямого отношения к теме сборника)

№ 270

**Письмо Нур-Мухаммеда Бекдурды-Ишана астраханскому военному губернатору с
соображениями о мерах по укреплению русско-туркменских отношений**

24 июня 1843 г.

(Дата поступления в канцелярию губернатора)

Высокоименитому превосходительному господину военному губернатору Нур-Мухаммед Бекдурды Ишанов желает здравия и извещает, что хивинский хан по разным городам расставил войско, а бухарский хан, услышав о том, явился со своим и захватил крепость Хазарис-Фетенг и с уездом и разграбил оную. Хивинский хан противостоять был не в силах, и потому одна крепость за другой сдались, да и сам хан в продолжении нескольких дней пропадал; но после, явившись, созвал свою армию, вооружился против неприятеля и обратил его в бегство. Множество людей при этом случае у бухарского хана погибло. Так у нас слышно было.

Мангышлакские туркмены и кайсаки также несколько времени пропадали. Кайсаки рады, что хивинский хан от неприятеля теперь поуспокоился. Прежде, когда Хива была в худом положении, туркменцы и кайсаки предполагали вступить в подданство России, но с известием о бегстве бухарского хана опять решились остаться в зависимости от Хивы. С русскими хивинский хан близок, опасаясь их могущества, он всех находящихся у него пленных выдал, а равно прекратил подать, которой обложены были мангышлакские туркмены. Если хивинский хан ослабнет в силах, то приморские кайсаки, пришедши в независимость, примутся за самовольство и опять стеснят мореходство, а следовательно, и дружба между русскими и туркменами нарушится. Если бы России заключить с туркменами и кайсаками дружественные сношения, то они, помня прежнее милосердие и щедроты российского императора, много бы были полезны при настоящем случае. Некоторые туркменцы из местечка Арал под начальством Арали-бек, удалившись, ныне вновь возвращены русскими в Мангышлак. Они выучились строить в Астрахани суда и передали свое искусство нашим, потому не лучше ли тех туркмен, которые теперь в Астрахани, позадержать и не пускать в Мангышлак, чтобы не случилось чего худого. Здесь народ—невежды. Если у степного народа разуму на золотник, то у вас на миллион золотников. Более писать нечего.

[385] Другое дело: крепость Таш-Кала по приказанию императора разорена. От неприятеля убытку и вам, и союзникам вашим не было. Суда здесь не могут приставать по причине непроходимости пути. Хорошо выстроить крепость на расстоянии пушечного выстрела от моря для удобства прохода и пристани судов. Со временем, с построением крепости, можно будет очистить и окрестности оной. У туркмен есть несколько лодок, хорошо бы было для последствий, если бы захватить у них оные. Кроме сего ещё писать нечего. Когда представится случай, напишем. Благословение божие над вами. (Документ без подписи)

АВПр, ф. Гл. архив 1—9, 1832—1848 гг., д. 12, лл. 64-65
Перевод с туркменского

№ 271

**Отношение Министерства иностранных дел астраханскому военному губернатору по поводу
письма Нур-Мухаммеда Бекдурды-Ишана**

(Министерство иностранных дел лишь предполагает его автором данного документа.
Документ без подписи)

29 сентября 1843 г.

Милостивый государь Иван Семенович! (Астраханский военный губернатор генерал Тимирязев)
При отношении (Документ не обнаружен) от 18 августа № 6434 ваше превосходительство препроводить изволили ко мне полученные вами письма с переводом одного туркменского ишана Нур-Мухаммед-Бекдурды. В своем письме, между прочим, заключается известие, что некоторые туркменцы из местечка Арал под начальством Арали-бек удалившись, ныне вновь возвращены русскими на Мангышлак. Не имея о сем никакого сведения и усматривая из дела Министерства иностранных дел, что в Астраханской губернии с давнего времени находятся туркмены племен абдальского, игдырского и бузачинского, которым возвращение в места их родины разрешено не было, — я покорнейше прошу вас, милостивый государь, сообщить мне по вышеизложенному обстоятельству надлежащее объяснение. Не излишним считаю при сем уведомить, что сведения, сообщенные вашим ишаном о победе, одержанной хивинцами над войсками бухарского эмира, совершенно согласны с известиями по сему предмету, имеющимися в Министерстве иностранных дел.

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1832—1842 гг. л. 12, лл. 63—63 об.

Копия

№ 272

Отношение командующего Астраханским портом военному губернатору о взаимоотношениях с туркменами

(Документ является ответом на запрос астраханского военного губернатора от 27 октября 1843 г. (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1466, лл. 2—3))

31 октября 1843 г.

Ваше превосходительство в предложении ко мне № 825 вследствие известия о находящихся ныне у туркмен лодок, кои в неприязненном [386] случае могут наносить вред нашей рыбопромышленности, изволите требовать от меня о поступлении в сем обстоятельстве изложения моего мнения.

Основываясь на мирных сношениях наших с туркменами и киргизами, эти народы не только в течение четырехлетнего времени не производят враждебных захватов, но показывают расположение снискать дружелюбное отношение, я, вполне убеждаясь мнением вашего превосходительства, не вижу настоящей надобности делать диверсию на истребление их лодок, потому более, что это известие, по моему мнению, нужно подкрепить осмотром тех мест и удостовериться в подлинности и впоследствии уже иметь в виду меры к их уничтожению в случае надобности; прежде же сего истребление тех лодок может быть и не вовсе удачно и поведет к враждебным замыслам этих прибрежно кочующих народов, понеся ныне такое ими незаслуженное наказание.

Впрочем, это обстоятельство я признаю со своей стороны должным довести до сведения его светлости начальника главного морского штаба и просить его разрешения о мерах для действий сообразно признанной потребности.

Командующий Астраханским портом капитан 1-го ранга Басаргин

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1466, лл. 4—4об.

Заверенная копия.

№ 273

Отношение Оренбургской пограничной комиссии военному губернатору о необходимости награждения туркменских и казахских старшин

3 октября 1844 г.

Ваше высокопревосходительство от 14-го истекшего сентября за № 1130 дав знать пограничной комиссии, что командированный в истекшем лете к северо-восточным берегам Каспийского моря состоящий при вас для особых поручений войсковой старшина Матвеев при исполнении возложенного на него поручения представил вашему высокопревосходительству при докладной записке полученное им во время пребывания на Мангышлаке от кочующего при заливе Александр-Бай ишана Нурмухамеда Бекдурды письмо на имя ваше и объяснил, что этот ишан, пользуясь уважением между туркменами и киргизами, управляя частью туркменского племени човдур, всемерно старается показать преданность свою русскому правительству, вызывается на всякую услугу, выкупает наших пленных и сильно домогается получить какие-либо монаршие милости; почему г-н Матвеев испрашивает ходатайства как о награждении ишана Бекдурды, неоднократно приезжавшего в отряд тайно для изъявления его преданности, (ГАОО. ф. 6, оп. 10, 1844—1851 гг., д. 5535, л. 7, а также лл. 17 и 27) так и о выдаче ишану и 9 ордынцам особых подарков из вещей, высланных к Матвееву на этот предмет, почему ваше высокопревосходительство, препроводив в комиссию копии с упомянутой докладной записки войскового старшины Матвеева и приложенного к ней именного списка туркменам и киргизам, (Там же, лл. 37—38) которым предназначаются особые подарки, также выписку из переведенного на русский язык татарского письма, адресованного на имя вашего ишаном Нурмухамедом, изволили предложить доставить вам заключение по сему предмету комиссии.

[387] Пограничная комиссия, хотя по справке в делах своих и не может подкрепить ничем свидетельства об услугах поименованных лиц, но за всем тем находит возможным для поощрения ишана к дальнейшему усердию и утверждению в нем преданности правительству дать в вознаграждение свидетельство от лица вашего (В отношении Министерства иностранных дел от 9 ноября 1844 г. Обручеву отмечается, что с его стороны «не имеется препятствий к награждению Нурмухаммеда Махтума одной из медалей» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1844—1851 гг., д. 5535, л. 18)) или председателя, в коем упоминалось бы и о подарке г-ном Матвеевым, предназначаемом выдать таковые же и киргизам, в списке упоминаемом, в том уважении, что поощрение вдали кочующих киргизов, (О дальнейшей судьбе этого дела см. в ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1844—1851 гг., д. 55, 35, лл. 39, 41; 64—65) имеющих влияние на соплеменных ордынцев, она с своей стороны признает весьма полезным. (Подпись неразборчива)

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1844—1851 г., д. 5535 лл. 8—9

№ 274

Просьба Кадыр-Мухамед-бека главноуправляющему на Кавказе разрешить сыну и племянникам посещать тифлискую гимназию

10 ноября 1844 г.

Желая, чтобы сын мой и племянники мои, дети Якши-Мамеда, впредь до отправления в С.-Петербург не оставались праздными, осмеливаюсь утвердить ваше высокопревосходительство покорнейшей просьбой, благоволите сделать распоряжение о дозволении им посещать тифлискую гимназию.

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 2, д. 2557, л. 2

Подлинник

№ 275

Предписание начальника Гражданского управления на Кавказе генерал-лейтенанта Гурко

**директору Закавказских училищ о принятии сына и племянников Кадыр Мухамед-Бека в
Тифлисскую гимназию**

18 ноября 1844 г.

Вследствие просьбы находящегося в Тифлисе туркменца Кадыр Мамед-бека г-н главноуправляющий изволил разрешить допустить сына и племянников просителя к слушанию наук в Тифлисской гимназии.

О чем уведомляю ваше высокоблагородие для зависящего распоряжения.

Гурко

ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 2, д. 2557, л. 3

Отпуск

[388] № 276

**Письмо Нурмухаммед-Ишана и Муким Али-бека оренбургскому военному губернатору с
просьбой ускорить сооружение крепости на Мангышлаке**

8—9 июня 1845 г.

(Документ датирован 16 раджаба)

В прошлом году все объяснив вашему высокопревосходительству через письмо о своем положении, решаюсь ныне еще писать. В течение нескольких лет я, чтобы показать свою дружбу, усердие и преданность, выкупил у хищников четыре человека подданных его императорского величества, одного за 5, а другого за 40 тиллей, двоих отдал одному, а двоих другому. Одного выкупил за 20, а другого за 17 тиллей. При выручке последних русские стоили дешевле. Каждая из помянутых тиллей заключает в себе 15 руб. При бедности своей, издерживая для пользы государя такое число денег, я считал себя счастливым и надеялся, что под сенью покровительства (правительства) **(В тексте оригинала документа «давлет»)** достигну высоких степеней и милостей. Нет порока в том, если просил у бога и царя, и потому умоляю вас меня в том извинить. Ежели имеете к нам какое-либо поручение, то изъясните это на бумаге и пришлите к нам, мы с соизволения всевышнего выполним, если оно будет секретное. Причина сему есть та, что хану хивинскому донесли на меня, что я оказываю русскому царю много усердия и наговариваю, о выручке помянутых пленных довели также до сведения хана. Поэтому я избегаю и укрываюсь, врагов много, дело в затруднительном положении. Мы с нетерпением ожидали, что придет войско на место, осмотренное для возведения города. Для чего медлите, нам кажется, что оно удобно и будет соответствовать многому. К тому же и друзья были обрадовались, а враги приуныли. Если его императорскому величеству благоугодно будет повелеть построить крепость, то отправьте побольше людей, по окончании же возведения крепости будет все равно, мало ли войска или много. В минувшем году хивинский хан послал в Мангышлак к киргизам и туркменам табынца Нияза сказать, чтоб они не допустили заведения города. Если удержите обитателей этой страны в руках, то они—друзья, а коль скоро уйдут от вас, то враги. Конечно, обратите на это внимание. При сем нужным нахожу объяснить, что в случае соизволения государя возвести город, и я бы перекочевал туда. Если до нас будет относиться какое-либо дело по службе его императорского величества, то секретно уведомите нас. Просим, чтобы [сведения], касающиеся нас, кроме нас двоих, другим не были передаваемы.

Других известий, заслуживающих вашего внимания, в здешних местах нет. Бухария с Хивой помирились.

В доказательство справедливости сказанного я, богомолец государя императора, Нурмухаммеда—Махтум сын Ишана Бекдурды печать и руку приложил, Муки-Алим-бек сын Ширали-бека печать и руку приложил.

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1844—1852 гг., д. 5535, лл. 67—68.
Перевод с туркменского.

[389] № 277

Письмо Нур-Мухаммед-Ишана и Муким-Али-бека сенатору князю П. П. Гагарину о положении в Туркмении и необходимости строительства крепости на Мангышлаке

8—9 июня 1845 г.

(Датируется по предыдущему документу, вместе с которым он был доставлен в Астрахань (ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1844—1852 гг., д. 5535, лл. 54—55))

Высокоименный, высокодостойнейший князь Павел Павлович! Да будет известно вашему сиятельству, что от хивинского хана прибыл в Мангышлак посланный с повелением, чтоб воспрепятствовать в Тюб-Карагане построению крепости. Если императору благоугодно устроить крепость, то для приведения к окончанию оной здесь требуется большое количество народа, а после, когда будет отстроена, все равно, сколько бы оно ни осталось, нужды не будет. Построение крепости чрезвычайно нас обрадует. Для вашего сердца то удовольствие, что с устройством крепости для русских сделаются удободостижимы все намерения и цели, какие в виду у правительства на сей край. Мангышлак есть сундук, а Тюб-Караган замок. Будь к этому замку ключ у вас в руках, — и все, чего не пожелает сердце, достать будет можно.

Прежде Хива с Бухарией были в дружбе, а теперь — неизвестно. Сюда прибыл бухарский караван, и остановлен. Кверху послана армия, а для чего — не знаем. Особенно же замечательных и любопытных новостей никаких нет. Мы прежде вашему сиятельству изъяснили свою просьбу, повторять почитаем излишним. Да будет и нам ваше милосердие. Прошу бога о неисполнении на вас всех благ и надеюсь, что бог вас наградит.

Донесение посылается от богомольцев за государя императора Нур-Мухамед-Махтума, сына Бекдурди Ишанова, и Муким-Али-бека сына Ширали-бека, 1844 г. Место Фетанг.

Приложено две именные печати означенных лиц

ГАОО, ф. 10, оп. 10, 1844—1851 гг., д. 5535, лл. 56. 59
Перевод с туркменского.

№ 278

**Письмо Нур-Мухаммед-Ишана и Муким-Али-бека о необходимости строительства крепости на Мангышлаке
(Адресат не установлен)**

[1845 г.]

Из Хивы и окрестностей Мангышлака слухов особенно любопытных никаких нет. У нас в Мангышлаке спокойно, а о хивинском и бухарском ханах ничего утвердительно сказать нельзя, в дружбе ли они, во вражде, потому что сегодня, по обыкновению, ссорятся, а завтра мирятся. Хотя в настоящее время и есть слухи, будто они заключили мир, но это невероятно. Кроме того, имеем честь уведомить, что в Мангышлаке застроилась была крепость, и мы уже надеялись, что она приведена будет к окончанию, но обманулись и не знаем, что **[390]** воспрепятствовало. Если б крепость в Тюб-Караганской пристани состоялась, то весь Мангышлак был бы в руках императора, все предложения тогда не могли б встречать никаких препятствий, всем желаем сердца, она показала бы дорогу, а на море водворилась бы тишина. Приведем один случай, доказывающий, как необходима здесь крепость. Летом прошлого года по уходе отсюда судна в Астрахань на море в месте Канга-Баба грабители умертвили одного

нашего единоплеменника. За убитым отправилось несколько человек, но противники не только не допустили взять мертвого, и изранили сверх того еще одного из прибывших, но будь крепость, этого бы не случилось. Тогда приверженные к императору радовались, а враги печалились.

В прежние времена от нас требовали услуг, а мы с готовностью исполняли все, что было угодно, а ныне ни одного письма не получаем.

Это донесение писано богомольцем за государя императора Нур-Мухамед Махтумом. 1845 г.

Писано в месте Фенан. (В других документах Фетанг (см. док. № 277)) Приложено две печати: Нур-Мухаммед Махтума, сына Бекдурды Ишанова, и Муким Али-бек, сына Сардалибекова. (В других документах Ширали-бек (см. док. № 276, 277))

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1844—1851 гг., д. 5535, лл. 57—58

№ 279

Отношение управления кавказского наместника в Дипломатическую канцелярию наместника об учреждении Московского торгового дома для усиления торговли с Персией и Средней Азией

Август 1845 г.

Для усиления сбыта российских изделий через Астрабад в Персию и Среднюю Азию, где иностранцы наименее представляют соперничества, учрежден по высочайшему повелению Московский торговый дом на изъясненных в прилагаемом у сего в копии устава основаниях.

Дом этот ныне окончательно образован, и до времени, когда откроется возможность иметь складочное место на берегу Астрабадского залива, а также во избежание расходов на наем судов для стоянки в астрабадских водах, учредители его полагают устроить главное складочное место для своих товаров в Баку, откуда всегда легко иметь суда для перевозки товаров в Персию.

По получении об этом уведомления министра финансов от 2 июня по канцелярии г-на наместника сделано вместе с сим надлежащее распоряжение об оказании этому предприятию всякого законного покровительства внутри России; что же касается до Персии, то об этом имею честь сообщить вашему высочородию для доклада его сиятельству и сношения о том, с кем следует.

С. Сафонов

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 1420, лл. 1—2

Подлинник

[391] № 280

Отношение кавказского наместника государственному канцлеру об учреждении пароходства на Каспийском море

31 марта 1846 г.

На отношение (Документ не обнаружен) вашего сиятельства от 6 марта № 640 о необходимости учреждения по Каспийскому морю пароходных сообщений для облегчения политических и торговых сношений наших с Азией спешаю уведомить вас, милостивый государь, что по первому отношению ко мне управлявшего в отсутствие ваше Министерством иностранных дел графа Воронцова-Дашкова по этому предмету я командировал в Баку, Астрахань и другие порты Каспийского моря состоящего при мне флота капитан-лейтенанта Истомина для собрания подробнейших сведений как о пунктах, куда пароходы должны будут заходить, так и

о времени прихода и отхода оных, а также по хозяйственной части о довольствии отряжаемых в мое ведение двух пароходных судов. По получении этих сведений и по соображении оных с производившейся по этому предмету перепиской в моей канцелярии я почту долгом в то же время сообщить вашему сиятельству мнение мое по этому важному делу.

Впрочем, это мое распоряжение нисколько не может стеснить собственных ваших соображений к учреждению посредством этих пароходов сношений с Азией по политическим делам, и я покорнейше прошу ваше сиятельство сделать все, какие вам угодно будет по сему распоряжению, присовокупляя, что я с своей стороны употребляю все зависящие от меня средства к исполнению ваших предположений.

Между тем, я уже давно обратил внимание на снабжение пароходов на Каспийском море каменным углем и, независимо от собираемых сведений о ценах оного в Астрахани, занимаюсь производением розысканий угля в местах, прилегающих к Каспийскому морю (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп 1, д 1854, лл 2—2об

Заверенная копия

№ 281.

Записка председателя Московского отделения Мануфактурного и коммерческого совета Мейендорфа министру финансов Ф. П. Вронченко об учреждении компании для торговли со Средней Азией

19 апреля 1846 г. Секретно

Имею честь представить вашему высокопревосходительству записку о предположении александровских купцов и фабрикантов Баранова и Зубова открыть Торговый дом для торговли с Хивой по Аральскому морю.

Из этой записки ваше высокопревосходительство усмотреть изволите, что негоцианты наши сознают уже необходимость иметь прямые торговые сношения со Средней Азией.

[392] Начиная в довольно обширном виде променивать отечественные мануфактурные изделия на азиатские земледельческие произведения, как-то: хлопчатую бумагу, марену и оливковое масло, они продают их с хорошей пользой нашим мануфактуристам, а потому имеют возможность сбывать мануфактурные произведения в Среднюю Азию по умеренным ценам и тем размножить сбыт оных в тех местах.

Излишне было бы распространяться о выгодах, которые представляют сбыт в Азии российских мануфактурных изделий, но для достижения сей важной цели необходимы:

1) Безопасность сношений.

2) Постоянство оных.

3) Основание между Астраханью и Хивой складочных мест для товаров.

Имея в виду, что без просимых учредителями пособий со стороны казны нельзя ожидать желаемого успеха, я полагаю, однако ж, что некоторые статьи могут быть убавлены или изменены, а именно:

1) Достаточно будет на первый раз отпустить в распоряжение компании один из устроенных на Каспийском море железных пароходов на предложенных ею условиях.

2) Возврат пошлины по три руб. серебром с пуда допустить на пять лет и не более как на десять тысяч пудов бумажных изделий ежегодно.

3) Металлы могут быть отпущены по цене, во что обходятся казне, но не иначе, как в виде пая, с тем, чтобы казна могла воспользоваться выгодами, от сего торгового предприятия произойти могущими.

4) Компания может быть составлена по примеру Астрабадского торгового дома и находиться под непосредственным наблюдением председателя Московских отделений Мануфактурного и

коммерческого совета.

Полагая, с своей стороны, что предприятие Баранова и Зубова может иметь самое благотворительное влияние на сбыт наших мануфактурных изделий в Средней Азии, я покорнейше прошу ваше высокопревосходительство удостоить его вашего особенного внимания и о последующем почтить меня уведомлением для объявления учредителям. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1879, лл. 48—49.

Заверенная копия.

№ 282

Из записки купцов И. Ф. Баранова и С. И. Зубова об учреждении новой компании для торговли в Средней Азии

(Апрель 1846 г.)

Торговые сношения с ханством Хивой, основанные попечениями и пожертвованиями правительства в 1842 г., оказали самые благотворительные последствия и до настоящего времени не перестают принимать большее и большее развитие. Ближайшее знакомство с краем, его обитателями и их потребностями; необходимость, в которой находятся хивинцы, удовлетворять своим надобностям только продуктами русской промышленности, все сие год от году развивает эту рождающуюся отрасль [393] российско-азиатской промышленности и торговли, которыми уже значительные успехи совершены в короткое время. Вывоз хлопка из хивинских владений ежегодно увеличивается при самом выгодном для русских произведений размене.

То же самое замечается относительно марены, посевы которой увеличиваются земледельцами хивинскими по мере того, как требования из России возрастают.

При столь благоприятных обстоятельствах естественно и необходимо стремление к облегчению сношений с хивинскими владениями и в особенности с самой Хивой. Но в сношениях между Хивой и Астраханью нужно и возможно теперь достигнуть трех важнейших для успеха всякой торговли условий, это:

I) Безопасности сношений.

II) Постоянности оных.

III) Основания и устройства складочных мест для товаров между Хивой и Астраханью.

Дабы еще далее отбросить пределы русской торговли, компаньоны, торгующие с Азией, по зрелом обсуждении и по достоверным сведениям, собранным поверенными их на самих местах, предполагают проложить новый, доселе не испытанный путь к Хиве водой через Аральское море и Аму-Дарью; они надеются достигнуть этой важной цели одними коммерческими средствами без явного участия правительства, но при его скрытом и сильном содействии.

На сей конец лучшим предлогом к водворению русских агентов в самой середине хивинских владений может служить съём на арендное содержание рыбных и звериных ловель на Аральском море, принадлежащих еще хану хивинскому; не излишне заметить здесь, что сами хивинцы имеют уже зачатки судоходства на Арале, употребляя для сей цели суда, сходные устройством своим с так называемыми волжскими тихвинками. Основавшись, таким образом, на водах аральских, вышеозначенная компания предполагает приступить к препровождению партии товаров из Астрахани водой через Каспийское море в Ново-Александровское укрепление, лежащее на восточном берегу оно, здесь должно быть устроено складочное место. Потом эта партия товаров препровождается прямо к берегам Аральского моря через перешеек, разделяющий сии два моря, и учредить другое складочное место около развалин Бековича.

По собранным сведениям, переход сей не будет превышать 180 верст, откуда товары на судах, компании принадлежащих, немедленно доставляемы будут на остров Барса или на остров

Токмак-Ата, которые изобилуют пастбищами, где и устроено будет главное складочное место товаров компании. Река Аму-Дарья, вливающаяся, как известно, с южной стороны в Аральское море, по глубине и широте своей способная к судоходству, представляет свободный и удобный путь для доставки товаров компании в самую Хиву и смежные с нею владения.

Равно по собранным сведениям и собственным опытам русских приказчиков, проникнувших в 1843 г. до самой Хивы, открывается, что кратчайшее время, употребляемое ныне караванами на переход от Хивы до Астрахани или Оренбурга, никогда не простирается менее девяти недель, тогда как с очевидной достоверностью можно надеяться, что товары, шедшие через Аральское море, будут употреблять на проезд сей только три недели — важная и несомненная выгода.

Наконец, устройство главного складочного места и конторы (примерно на острове Барса) доставит компании по самому положению своему среди вод Аральского моря не только безопасность и защиту, но возможность иметь всегда необходимый запас товаров, дабы требования [394] на оные могли быть постоянно и безостановочно удовлетворяемы. В первый год главное складочное место может остаться под прикрытием Александровской крепости на Каспийском море.

Не сомневаясь в выгодах, могущих произойти из этого изменения торгового пути к Хиве и устройства складочного места на острове Барса или на острове Токмак-Ата, равно от распространения торговых сношений и самой торговли с прочными смежными с Хивой владениями и даже водворение оной впоследствии и в последних местах, компаньоны обращаются к правительству, всегда готовому и расположенному покровительствовать прямой и основательной, с отечественной пользой сопряженной предприимчивости, и испрашивают следующие содействия и пособия... (Опущены не представляющие интереса для темы сборника сведения о необходимых средствах по содержанию Товарищества)

Сими простыми и дешевыми средствами компаньоны надеются достигнуть следующих целей:

- 1) под предлогом арендного содержания рыбных и звериных ловлей утвердить русский флаг на водах аральских;
- 2) проложить новый кратчайший и безопаснейший путь от границ русских к устью Аму-Дарьи до Кунграта;
- 3) проникнуть в верх по течению Аму-Дарьи до Хивы и далее, где еще по свидетельству путешественников, Аму-Дарья обширна и представляет удобный путь для судоходства;
- 4) торговля русскими товарами в хивинских владениях, находящаяся ныне в руках хивинцев и от того совершающаяся медленно и тягостно, перейдет в прямые руки самой компании, которая, ревнуя столько же пользе частной, сколько и пользе общей, назначает капитал 120 тысяч рублей серебром, составленный участниками на первый оборот в той несомненной надежде, что общему благу всегда способствующее правительство не оставит, обсудив предполагаемое предприятие, содействовать ему.

Когда, таким образом, утвердятся все описанные предположения компаньонов, то они, получив о том дозволение и разрешение, тотчас составят между собой акт об открытии торгового дома под одной фирмой о торговле в Хиве на основании правил закона.

Александровские 1-й гильдии купцы Иван Федоров Баранов и Степан Иванов Зубов

ЦГАВМФ ф. 410, оп. 1, д. 1879, лл. 50—55

Заверенная копия

№ 283

Письмо Нурмухамед-Ишана оренбургскому военному губернатору об ускорении строительства крепости на Мангышлаке

4 июля 1846 г.

(Документ датирован ошибочно: «18-го дня месяца сафара летоисчисления христианского лета 1846 г.». По препроводительной начальника Ново-Петровского укрепления оренбургскому военному губернатору документ датирован от 4 июля 1846 г. (ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1844—1851 гг., д. 5535, л. 76))

Прося бога об исполнении благих намерений ваших, мы пребываем на своих местах. Препровожденную к нам медаль, исходатайствованную вами у государя императора, мы в исправности получили. Его [395] величеством и вами мы премного довольны, а теперь ожидаем высоких степеней, ежели вы будете в благополучии. К астраханскому губернатору мы отправили много бумаг, пользы не было. Ежели имеете в отношении к нам какие-либо поручения, то просим прислать, от служения государю не откажемся. И Муким-Гали-бек есть искренний служитель, просим считать его наравне с нами. Просим, чтоб и Муким-Гали-бек был осчастливлен по ходатайству вашему каким-либо знаком милостей царя. Заслуживающих вашего внимания известий теперь не имеем. В каком положении находятся отношения между Хивой и Бухарией, не известно. Полагаем, что окончание возведения укрепления на сих днях было бы хорошо потому, что к устройству оного много благоприятствует недовольствие, существующее между Хивой и Бухарией. Присовокупляем еще слово: туркменцы с древних времен считаются подданными великого императора, ежели хотите основаться на Мангышлаке, киргизов не ласкайте, усердие и искренность к вам туркменцев велико, конечно, снесутся, и я сношусь с многими пребывающими в Хиве Туркменцами. В удостоверение справедливости изложенных выше слов я, Нурмухамед-Махтум, и Муким-Али-бек Ширали-беков руки свои приложили.

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1844—1855 гг., д. 5535, л. 72.

Перевод с туркменского

№ 284

Письмо Нурмухаммеда-Ишана оренбургскому военному губернатору о своей верности России и необходимости строительства крепости на Мангышлаке

[1846 г.]

Издревле, со времен белого царя Александра Павловича, мы, туркменцы, составляем народ, с усердием принявший подданство русскому царю, мы и до сего времени не нарушаем свою искреннюю клятву. Решаемся, однако, думать и надеемся, что крепость эту великий государь повелел построить для нас. Просим вас, туркменцев считать себя близкими. При этом объявляем вам, что в то время, когда киргизы увозили с моря в плен многих подданных государя, я выкупил четырех пленников за 2030 рублей и отправил к астраханскому губернатору, который донес о том государю императору. В состоянии бедности столько истратил я денег для того, чтоб выразить перед его величеством свое дружественное расположение и преданность своего народа. Присланные от вас медаль и кафтаны нам доставлены, за это мы произнесли о вас много молитв. Надеемся, что при жизни вашей все просьбы наши будут выполняемы, и я считаю себя счастливым, состоя под милостивым покровительством. Во время приезда вашего в Караганскую крепость мы делали оплошность и были беспечны потому, что сведение дошло до нас поздно. Впрочем, просим доброго внимания. В удостоверение изложенных выше обещаний мы, ишан Нурмухаммед-Махтум Бекдурди печать свою приложили.

Далее следуют восемь подписей

ГАОО ф. 6, оп. 10, 1844—1851 гг., д. 5535, лл. 77—78

Перевод с туркменского

[396] № 285

Из решения Азиатского комитета о необходимых мерах по упрочению русского влияния на восточном берегу Каспия

[1846 г.]

(Документ не датирован, в отношении военного министра командиру Отдельного оренбургского корпуса от 2 октября 1846 г. имеется упоминание о том, что генерального штаба полковником Иваниным в том же 1846 г. были собраны сведения о положении на Мангышлаке (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5745, л. 1))

Азиатский комитет, внимательно рассмотрев и сообразив все выше изложенное, находит, что по возможности сего дела, по последствиям, которые может иметь, и по разным другим видам, которые с оным соединяются, необходимость требует, до приступления к каким-либо решительным мерам, отправить на Усть-Урт генерал-майора Генса с тем, чтобы на месте, вникнув в положение тамошних дел, расспросил бы туркмен: чего именно хотят от нас, можем ли мы выполнить их требования, согласны ли таковые требования с пользами России, одним словом, чтобы взвесил все выгоды и невыгоды от принятия их в подданство и соединения затем вместе с киргизами под одно управление султана-правителя. Тогда только с основательностью можно будет приступить к чему-либо окончательному.

Виды наши в предстоящем случае состоят не в том, чтобы именительно приобрести под власть России еще несколько полудиких племен, с которыми впоследствии не будем знать, что делать, и которые, как русские подданные, вправе будут требовать от нас всякой защиты и покровительства против враждебных им соседей, но в том, чтобы извлечь из сего подданства какую-либо положительную пользу. Польза сия двоякая: во-первых, чтобы присоединение к России сих племен послужило действительным средством к прекращению существующих по сие время разбоев и хищничеств по Каспийскому морю, а затем составить, буде можно, из сих киргизов и туркмен род оплота против хивинцев. Последних мы, конечно, могли бы сами усмирить силой оружия без всякой посторонней помощи и посредничества, но подобные действия несовместимы с нынешними политическими обстоятельствами, и потому всего бы желательнее было достигнуть той же цели без шума и особенных хлопот посредством кочевых народов, нам преданных, которым в случае надобности могли бы помогать порохом, свинцом и деньгами, но только не людьми... (Опущены сведения, не представляющие интереса для темы сборника)

АВПР, ф. Гл. архив 1-9, 1832—1848 гг., д. 12, лл. 121—124.

№ 286

Из записки генерального штаба полковника М. М. Иванина о мангышлакских туркменах и мерах по укреплению взаимоотношений с ними

(Апрель 1847 г.)

Когда прошлой весной прибыл русский отряд в Караганский залив для основания укрепления Ново-Петровского, то от биев и старшин киргизов адаевского рода поступило следующее прошение: «Прибыв на [397] Мангышлак, вы вознамерились возвести крепость. По сношению ли это с хивинским ханом или без одного? Ежели без согласия, то оказывать вам услуги нам не приказано; на этот предмет мы имеем от хана повеление; если ж желаете, чтобы мы вам служили, то истребуйте на это разрешение хивинского хана и тогда мы готовы к услугам. Мы—люди, выросшие в степях, законов не знаем. Не причтите в вину».

В то же почти время получено было объявление и от Нурмухамед-Махтум Бекдурди Ишанова, главной духовной особы туркмен, кочующих на восточном берегу Каспийского моря, (Наши

рыбопромышленники называют Бекдурды Ишанова архиереем (примечание в документе)) и которого слова можно принять выражением общего мнения этих туркмен, следующего содержания: «Врагов у нас много; киргизы делают между собой совещание отправить к хивинскому хану известие, но еще не посылали; будьте осторожны, киргизов не почитайте друзьями. Туркмены с давних времен состоят в подданстве государя императора. Пребывающие в Хиве благонамеренные люди из туркмен намерены переселиться, когда на Мангышлаке устроится укрепление. Ежели хотите, чтоб снеслись с находящимися в Хиве туркменами, то пришлите бумагу; до окончания устройства укрепления не переводите находящийся в Астрахани наш народ; ежели имеете к нам какое поручение, то тайно напишите бумагу».

По прибытии моем в Ново-Петровское укрепление от туркмен мангышлакских, абдальского отделения, поступило еще другое прошение, (Туркмен, упомянувших себя в прошении, было шесть: Муким Али-бек-Шир-Дариев, Кылыч-батырь Макмет-Ханов, Яз Мухаммед-Бекенжанов, Бек-Бекназаров-Султан-Мурадов, Туря Далутов и Мамет Яр-Мукумалиев; они единоплеменники астраханских туркмен (примечание в документе)) в котором они изъясняют, что соплеменники их со времен Петра Великого считают себя подданными России; неоднократно просили выстроить для защиты их на Мангышлакском полуострове крепость, отдавая в русское владение Китык (где ныне Ново-Петровское укрепление), Александр-Бай и Сарыташ, и как ныне крепость уже строится, то они вновь просят русское правительство о покровительстве и защите.

По показанию просителей, мангышлакских туркмен пять отделений: 1) абдальское, 2) бурунчук, 3) човдур, 4) бузачи и 5) игдыр. В прошлом столетии и даже в начале нынешнего столетия они владели Мангышлакским полуостровом, занимаясь земледелием, скотоводством и торговлей: но киргизы адаевского рода, получаемые и воспомоществуемые хивинцами, усилили свои нападения и грабежи на туркмен, раздираемых в это время внутренними несогласиями, и вытеснили их с полуострова Мангышлак. Часть отделения абдал и бурунчук, продав свой скот, удалились в 1813 г. в Астраханскую губернию; човдуры ушли за Александр-Бай и в Хиву, остальные откочевали к Александр-Баю и Кара-Бугазскому заливу. По словам просителей, если бы переселить вновь астраханских туркмен на Мангышлак, то не только отделение абдалов, но и все пять отделений мангышлакских туркмен отошли бы от хивинцев и прикочевали на Мангышлакский полуостров... (Опущены сведения, не имеющие прямого отношения к теме сборника)

Напротив, туркмены, будучи угнетены хивинцами, лишенные ими Мангышлака и понимающие, что только от русского правительства они могут получить облегчение в своей участи, обнаруживают к нам преданность и сами считают себя подданными России.

Расположенность адаевских киргизов и нерасположенность туркмен к хивинцам происходит от следующих причин: киргизы получили полуостров Мангышлак с пособием хивинцев, имея с ними в туркменах [398] общего врага; притом, по показанию туземцев, хивинцы с адаевских киргизов, кроме 1 ¹/₂ рубля серебром пошлины с приходящих в Хиву верблюдов и от всего общества их около 2000 рублей серебром, других никаких податей не берут, между тем как на туркмен наложены значительные подати, именно: с баранов от 40 до 100, а у кого более 100, то с каждой сотни по одному барану; с пяти верблюдов—барана; в случае войны с десяти кибиток одного воина с лошадей, оружием и своим запасом и на подъем 30 рублей ассигнациями. В мирное время воин выставляется с 20 или 30 кибиток; прежде воинам платилось жалованье от хана, но ныне дача жалованья отменена; воины эти, взятые с туркменских аулов, вместе с тем служат в Хиве и аманатами. Туркмены отделения Ходжа воинов не выставляют, зато с кибитки платят от 15 до 30 рублей ассигнациями подати. Ненависть туркмен, бывших еще недавно свободными, усиливается к хивинцам и от жестокого обращения с ними.

Всматриваясь внимательнее в быт киргиз[ов] и туркмен, я убедился, что политическая зависимость тех и других народов от хивинцев произошла преимущественно от того, что киргизы и туркмены как народ кочевой нуждаются в средствах мены в Хиве; им нужны для

существования: хлеб, выделанные кожи, халаты, бумажные и шелковые материи, деревянная посуда, металлические изделия,—все это получали они из Хивы. платя за это баранами, войлоками, шерстью и другими произведениями своего кочевого хозяйства. Но когда по прибытии в Ново-Петровское укрепление я объяснил киргизам, что с основанием укрепления учредится при нем торговля, посредством которой они будут выменивать от нашего купечества все необходимые для них товары, для получения которых они гоняли прежде своих баранов на мену в Хиву за 800 верст, то отношение киргизов к нам видимо изменилось; они чаще начали посещать укрепление, охотнее и дешевле доставлять верблюдов для подвозки наших запасов от гавани и просили о содействии к скорейшему доставлению в укрепление хлеба, деревянной посуды и проч. (Опущено примечание автора, которое не имеет прямого отношения к теме сборника.)

Итак, торговля изменит отношение этих народов к нам; особенно при постоянном удовлетворении нужд и снабжении туземцев за сходные цены необходимыми для них потребностями легко торговлей подчинить их нашему влиянию. О средствах развития и упрочения этой торговли представляется особая записка... (Опущены сведения о Хивинском ханстве, не имеющие непосредственного отношения к теме сборника)

...Туркмен мангышлакских, ищущих так давно нашего покровительства и защиты, в случае неприязненных столкновений с Хивой можно явно признать состоящими в нашем подданстве; переговоры о подданстве туркмен можно вести непосредственно с Бекдурды Ишановым и, в случае надобности, или дать ему прикрытие при Александр-Бае, где он обыкновенно кочует, или устроить укрепление там.

Из Бекдурды Ишанова можно сделать полезное орудие нашей политики по влиянию его над окрестными киргизами и туркменами, по примеру китайцев, которые употребляют далайламу для удержания в покорности и управления кочевыми племенами Монголии, исповедующими ламайскую веру. Избавя лично Бекдурды Ишанова и его семейство от всех податей и повинностей, доставя ему защиту, изъявив уважение и благосклонность, можно надеяться, что он, оказывая и без того усердие и преданность нашему правительству, сделается самым полезным и ревностным нашим подданным. Но чтобы усилить наше [399] влияние над туркменами, надобно еще привязать к себе туркменское отделение Ходжа, которое, производя свой род от дочери Мухаммеда — Фатимы, пользуется от туземных киргизов и туркмен особым уважением. (Наши рыбопромышленники называют их поповичами (примечание в документе))

Их всего около 70 кибиток, избавя их лично от всех повинностей и податей, дав им и Ишанову нижеизложенные права и преимущества, поставя их в политическую зависимость от Ишанова, можно отделение ходжа привязать к нам и пользоваться его нравственным влиянием для упрочения нашей власти над мангышлакскими киргизами и туркменами; последних считается до 7000 кибиток, они кочуют от Александр-Бая до Кара-Бугазского залива; и как главное хозяйство их состоит в разведении верблюдов, то, по словам их, они могут выставить в случае надобности до 20 тысяч верблюдов и несколько тысяч лошадей.

Итак, все пространство от Мертвого култука до Кара-Бугазского залива с кочевыми на нем племенами мы можем приобрести одними мерами торговли и политики. Чтобы более привлечь к нам киргизов и туркмен, можно первые 10 лет, пока разовьется и упрочится торговля, избавить их от всяких податей, повинностей и пошлин... Что же касается до управления туркменами, то главой их и теперь считается и нами может быть утвержден кочующий на Александр-Бае Бекдурды Ишанов.

Но если правительство почтет преждевременным признать открыто туркмен подданными государя императора и по вышеозначенной черте свои владения, то чтобы на будущее время не лишиться туркмен надежды на наше покровительство и защиту и поддержать с ними связь и торговлю, представляются к постепенному их подчинению под наше влияние и к приготовлению подданства следующие способы:

а) туркмены рода игдыр и човдур: Нурмаммед Махтум-Бекдурды Ишанов, Мамет-Сафа Калув, Ата-Нияз Довлетниязов, Нурмаммед Дурдубаев, Кылыч-бек Менглалыбеков, Ходжимамбет

Беккулов, от 10-го прошлого октября через меня послали г-ну оренбургскому военному губернатору прошение о дозволении им морской ловли от мыса Саныгды до Киндерлинского залива на 20 сажень глубине; хотя нельзя вполне удовлетворить их просьбы, но, по крайней мере, можно позволить береговую ловлю от Мелового угла до Киндерлинского залива до пятисаженной глубины; (С учреждением пароходства и основанием Ново-Петровского укрепления туркменские рыбацьи лодки ныне вовсе не опасны для наших рыбопромышленников (примечание в документе))

б) как они не умеют готовить клею, визиги, икры, то дозволить нашим купцам по взаимному условию с туркменами, заверенному новопетровским комендантом, производить у туркменских берегов рыболовство, мену и торговлю; о чем уже коломенский купец Фокей Корнеев поступил с прощением к г-ну оренбургскому военному губернатору, в ноябре прошлого года посланным;

е) наконец, в дополнение мер к совершенному спокойствию не только Ново-Петровского гарнизона, но и вообще всего Мангышлакского полуострова, можно иметь в виду на будущее время устройство при Александр-Бае, в горах Кара-Тау и на полуострове Бузачах укреплений по надлежащем осмотре местности. При Александр-Бае можно иметь в виду и небольшое поселение, а в горах Кара-Тау более обширное. В первом месте укрепление полезно с политической целью, ибо ишан, кочующий при Александр-Бае, как выше было сказано, пользуется особым уважением киргизов Мангышлакского полуострова и туркмен отделений: игдыр, човдур, абдал, бузачи и брунчук и ищет [400] нашего покровительства. Как он оказывает постоянное усердие и преданность нашему правительству, то, приняв его под покровительство и доставляя защиту основанием укрепления, можно надеяться на спокойное владение всем полуостровом, на безопасность поселенцев и на содействие до 7000 туркмен, кочующих до Кара-Бугазского залива, и доставку в случае надобности нескольких тысяч верблюдов и лошадей.

В заключение считаю долгом присовокупить, что подчинить туземцев Мангышлакского полуострова полному нашему влиянию необходимо и потому, что если хивинцы будут иметь их в своей зависимости, то в случае неприятных столкновений с нами через туземцев только могут вредить Ново-Петровскому гарнизону и поселению, запретив торговать с нами, наниматься для своза тяжестей, пригонять на мену баранов (чем лишат гарнизон свежего мяса), приказав перехватывать зимой нашу почту, которая ныне ходит между Ново-Петровским и Гурьевым, около северо-восточного берега Каспийского моря, и, почуя их к угону наших лошадей, содержащихся в укреплении, в чем киргизы по причине ловкости своей в воровстве скота и овражистой местности в окрестностях укрепления легко могут иметь успех.

Открытие на полуострове Мангышлак каменного угля и других произведений, полезных для торговли, делают еще более необходимым приобретение влияния над туземцами и вместе с тем дают повод надеяться, что с разработкой тех произведений, наймом для этого киргизов и туркмен, доставляя им средства существования, — представленные мной меры к обеспечению Ново-Петровского гарнизона и к прочному приобретению всего Мангышлакского полуострова будут еще успешнее и принесут более важные выгоды. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф 19, оп 1, д 253, лл 2—14.

Заверенная копия.

№ 287

Из записки М. М. Иванина о развитии торговли на восточном берегу Каспийского моря

(1847 г.)

Торговля на восточном берегу Каспийского моря может быть двух родов: 1) с туземцами и 2) с Хивой, Бухарой, частью с Восточной Персией и Афганистаном.

Торговля наша с туземцами так естественна, так необходима для них, что с основанием укрепления Ново-Петровского может принять сильное развитие при некоторых средствах нижеизложенных. Еще до основания укрепления в 1841 г. коломенский купец Карнеев (по простонародному названию Прянишников) при острове Долгом близ полуострова Бузачей производил рыболовство и торговлю, устроив на этом острове приличные заведения; товары которые он продавал, составляли в ситцах, миткалях, платках, нанке, китайке, саса, парили, ртути, (Для лечения от венерической болезни, которой киргизы часто бывают подвержены (примечание в документе)) кушаках, табаке, иглах, муке, сундуках, разной одежде и проч. Сверх этих товаров туземцы нуждаются в выделанной коже, чугунных котлах, железных треножках, гребнях, малых зеркал[ах], а туркмены — [401] в острых ножах, ножницах и проч. Ныне туркмены приглашают его и других купцов для торговли и рыбной ловли у них на Александр-Бае и Киндерлинском заливе... (Опущена часть неясно изложенной фразы, в которой говорится о возможности обеспечения русскими купцами необходимыми товарами местного населения). Надобно только постоянное удовлетворение нужд кочевого народа, особенно хлебом, чтобы привлечь его на вновь открывающийся рынок и внушить ему доверие. Степное хозяйство туземцев состоит в разведении баранов, коз, верблюдов и лошадей; по сему они могут нам доставлять козий и верблюжий пух, шерсть, лошадиный волос, сало, шкуры, войлоки, меха волчьи, лисьи и проч., а туркменцы, сверх того, могут доставлять черную смушку, ковры, тонкую армячину; но надобно заметить, что всех этих товаров недостаточно будет для торгового баланса, если у туземцев не будут покупать живых баранов и коз, которые составляют главное их богатство и средство производить мену; в покупке этих животных представляется следующее затруднение: если прогонять их с Мангышлака в Гурьев или Калмыковскую крепость (в земле Уральского войска), то прогон этих животных на расстоянии от 750 до 900 верст обойдется недешево, рассчитывая плату за прогон, (За прогон 1000 баранов с Мангышлака в Калмыковскую крепость киргизы просили 34 четверти ржаной муки и одну четверть пшеничной, не отвечая за убыль скота в дороге (примечание в документе)) потерю двух или трех месяцев времени, убыль в жире, потерю баранов от дороги, волков, риск, что стадо могут отогнать барантовщики и проч., и потому для развития торговли необходимо бы учредить возку живых баранов, а будто нужно и коз на пароходах в Астрахань. Бараны и козы легко могут быть сутки и даже более без корму и двое суток без воды; от Ново-Петровска до Бирючей косы на пароходе менее суток ходу; здесь может быть заготовлено несколько корму, а вода уже пресная, по сему баранов в случае надобности можно здесь кормить и на другой день доставить их в Астрахань, где они пойдут или на местное потребление, или [могут] перегоняться, Астраханскими и Саратовскими степями во внутрь России. По словам киргизов, от бывшего у них года три назад зимой бурана они потеряли много скота; по сему теперь торговля баранами может ограничиться несколькими тысячами только, но со временем, когда они оправятся, то киргизы и туркмены могут доставить на продажу до 50000 баранов и коз ежегодно.

Генерального штаба полковник Иванов (Следует читать: Иванин)

ЦГВИА, ф. 483, д. 146, лл. 1—6 об.

Заверенная копия.

№288

Из «Краткого обозрения всей восточной торговли с самого ее зарождения», составленного П. Глебовым

(Данных о личности Платона Глебова нет. Из препроводительной автора наместнику кавказскому от 6 февраля 1848 г., по которой и датируется документ; известно лишь, что автор, «свободный по болезни от службы...», возымел охоту издать на русском языке все те сочинения, в которых описывается иностранцами Индия в древнем и

нынешнем состоянии». Документ был представлен наместнику кавказскому для опубликования его в «Кавказском вестнике» (ЦГИА ГрузССР, ф. 4, оп. 6, д. 91, л. 1))

[1848 г.]

...Петр Великий имел намерение индийскую торговлю сделать собственностью России; он учредил ежегодное отправление караванов в [402] Китай и Бухару; движение первых продолжалось даже до царствования Елизаветы. Походяшин был последний комиссионер, препровождавший караван в Китай. При расчете с казной он умел высчитать себе в собственность огромный участок на Урале с великими минеральными богатствами, которыми и заводами приустроенными теперь владеют наследницы Расторгуева. Но отправление караванов в Бухару прекратилось еще при жизни Петра через измену и вероломство Хивы. С тех пор Россия употребляет всевозможные усилия утвердить свое торговое владычество в Средней Азии и Индии. Но в Бухаре и в Кабуле постоянно встречается противодействие Ост-Индийской кампании. В Хивинском ханстве нет ни тяжелых, ни определительных пошлин; однако ж отец нынешнего хана всегда твердо восставал против следования русских караванов в Бухару, помимо Хивы, и в 1821 г. троцкий караван даже разграбил, несмотря на военное прикрытие, имевшее тупики, принудив остаток товаров сжечь, чтобы беспрепятственно возвратиться прикрытие в Россию, ибо караван, укрепившийся на Сыр-Дарье, уже не имел жизненного продовольствия. Этот поступок и производимые разграбления караванов после того поставляют Россию в необходимость свергнуть с себя зависимость Хивы, всегда подстрекаемой Ост-Индийской кампанией. Лучший для сего способ заключается в занятии Балханского залива, устьев реки Теджен русскими укреплениями для учреждения тут торгового порта. Туркменские племена гокленов и иомудов, довольно многочисленные, весьма богатые верблюдами, охотно занимающиеся торговлей, не только не воспротивятся занятию нами Балханского залива, но, обитая на всех путях, идущих от Каспийского моря через Афганистан к Инду, с готовностью сделаются посредниками в русской торговле с Индией; по доставке на своих верблюдах к Балханскому заливу индийских товаров, принадлежащих ширкарпурским миллионщикам — индусам, имеющим в своих руках почти всю торговлю при Бомбее, и Мадрас, откуда одни братья Шек-индусы ежегодно отправляют во все части света более 200 собственных кораблей с своим грузом и имеют комиссионера, что совершенно исключит Хиву из этого торгового посредничества. А углубясь внутрь страны хотя одной нашей укрепленной факторией, мы утвердимся в самой середине туркменских обитаний. В текущем году Россия создала собственную фабрикацию по всем артикулам человеческой деятельности в этом роде и для расширения своей торговли учредила при азиатской границе множество ярмарок; но главная русская ярмарка существует в Нижнем Новгороде. Она прежде была ниже по Волге у монастыря «Св. Макария». На этой ярмарке азиатцы производят с Россией все свои торговые обороты. Нижний Новгород посещают даже и индусы; но, несмотря на безмерно огромный своз сюда товаров с Востока и Запада, нижегородская ярмарка далеко не достигает того совершенства, на котором быть надлежало, и это потому, что она отделена от Азии морем Каспийским, составляющим для азиатских сухопутных караванов по прекращении моря подножного продовольствия непреодолимую преграду. От того и Нижний Новгород товаров азиатских достигает мало, и [в] соразмерность тому азиатцы мало покупают товаров русских, а за весьма ограниченное количество дорогих восточных предметов вынуждают платить наличным золотом и серебром. С уступкой же от Персии французам острова Абушира на Персидском заливе и равномерного российскому права торговли в Персии еще более ограничится на нижегородской ярмарке закупка для Персии нашей фабричной производимости.

Не спеша занятием Балханского залива под русский базар, ныне Россия открыла торговлю на полуострове Мангышлак у Караганского мыса под защитой Ново-Петровской крепости. Это учреждение, может [403] послужить предварением к занятию Балханского залива и средством к избавлению или, по крайней мере, к облегчению от хивинской зависимости. Русская торговля

на Востоке следует четырьмя путями: 1) из Астрахани через Караганский базар в Бухару, мимо Хивы; 2) из Оренбурга почти по тому же пути, но в другое время года; 3) из Троицка через город Туркестан на Сыр-Дарью, недалеко от ее устьев; 4) из Петропавловска и Семипалатинска через Ташкент. Этот путь самый продолжительный. Все эти караваны имеют торговым средоточием Бухару, где, несмотря на второстепенное состояние Бухарского ханства между азиатскими державами, бухарскому базару принадлежит торговое первенство на всем обширном театре восточной торговли. Наконец, товары из Китая: зеленый чай, индиго, шелк, сахар-леденец и серебро в Ямбах идут в Бухару особым караванным путем через Яркенд, Бадахшан и Коканд. Путь этот, пролегая через памирские возвышения, горист и небезопасен от горных киргизов. Впрочем, последнее затруднение отворачивается подарками, с умением предложенными. Караганский базар находится почти против развалин нагайского города Сарая, позднейшего после Сарая на Аятубе, бывшего столицей Золотой Орды. Для совершенного успеха к утверждению на Караганском мысу смелого торгового развития между Востоком и Западом не достигает теперь только одного — торговой кампании с достаточным капиталом.

Отец Иоакимф (**Отец Иоакимф—известный русский синолог**) и таблица при собрании привилегий Ост-Индийской компании свидетельствуют, что Китай и Индия заключают в себе народонаселения более 500 млн. душ; нужды этого моря человечества должны быть ежедневно многочисленны. Бывший в Кабуле агент компании Борнс (**Александр Борнс — известный английский военно-политический разведчик. По поручению англо-индийских властей в 1831—1833 гг. отправился в Бухару для сбора различных сведений о Средней Азии**) рассказывает, что среди этого безмерного народонаселения на Инде в кабульском городе Дера-Гази-хане компания намеревается учредить базар во всем по подобию наших русских ярмарок; следовательно, явно для совершенного подавления нашей и маловажной на Востоке торговли и умерщвления едва возникшей фабрикации. Почему же для защиты своей торговли от столь страшной соперницы — Ост-Индийской компании и от торговли французской при Абушире не учредить нам собственный, подобный Дера-Гази-ханскому, базар на Балканском заливе, но в чужом государстве, а на принадлежащем единственно нам Каспийском море? Уступив французам Абушир и равное российскому [купечеству] право торговли в Персии, она уступила не свое, а принадлежащее по туркменчайскому трактату российскому купечеству; следовательно, должна вознаградить его предоставлением ему в собственность, по крайней мере, эльборусских угольных копей и лова рыбы в устьях всех персидских рек, в Каспийское море вливающихся, с правом учреждать при всех этих местах, согласно тому же туркменчайскому трактату, все необходимые хозяйственные заведения и кладовые для товаров с приличным от нападения туркмен и каракалпаков охранением из русской пехоты и казаков, что и сделало бы из русского купечества столь сильное на Востоке торговое общество, что Ост-Индийская компания решительно перед ним ничего не будет значить... (**Опущены сведения о географическом положении Персии, о торговле ее с восточными странами и другие, касающиеся этого государства**).

ГЛАВА IV РУССКО-ТУРКМЕНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в 50-60-х гг. XIX в.

[407] № 289

Донесение командира отряда военных судов в Астрабадском заливе Л. А. Вендриха
российскому посланнику в Иране М. А. Долгорукову о подстрекательских действиях принца

Мехти-Кули-мирзы против России и их последствиях

11 апреля 1851 г.

Предположения мои касательно вмешательства персидских местных властей в дела отряда с туркменами и опасное положение коммерческих судов наших согласно донесению (Документ не публикуется) моему от 28 марта № 359 совершенно оправдались. По полученным мной сведениям от преданных нам туркмен и персиян, равно и судя по ходу дел, теперь очевидно, что принц Мехти Кули, имея в виду совершенно отклонить влияние отряда на туркмен и найдя между старшинами многих недовольных и озлобленных против отряда за сожжение и отнятые кулазы и лодки, воспользовался настоящим положением туркмен, которые к нему обратились, и оказывает он покровительство тем из них, которые преимущественно вооружены против отряда и, надо полагать, что Мехти-Кули-мирза поощряет туркмен разными обещаниями наносить сколь возможно вред русским.

С тех пор как старшины туркменские обратились к Мехти Кули-мирзе (между которыми и главный — Черкес-хан), туркмены начали разбойничать большими партиями и преимущественно бросились на коммерческие суда наши, которые проходили мимо туркменского берега; но доселе нападения их были удачно отражены судами отряда, конвоировавшими купцов наших.

В продолжение нескольких дней туркмены, усиленно разбойничая большими партиями, захватили более 25 человек персиян и 7 человек русских с Ферахабадского промысла, где ограбили небольшое коммерческое судно.

2-го числа сего месяца командир брига «Мангышлак», который конвоировал купеческие суда наши около туркменского берега, донес мне, что шлюпка с шестью человеками матросов [была] послана осмотреть туркменскую лодку, на которой видны были только два человека, но когда шлюпка подошла ближе к лодке, то выскочило более 20 человек и бросились на шлюпку, несмотря на то, что матросы отлично защищались, но число туркмен было слишком велико, и после непродолжительной перестрелки и боя холодным оружием, в котором убит один матрос [408] и двое ранены, туркмены овладели шлюпкой и матросами и скрылись в ближайшую речку. (Об этом случае см. донесение агента Секачева в Главную контору Московского торгового дома с Азией от 23 марта 1851 г. (ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 2196, лл. 23—24))

После сделанных туркменами захватов был прислан ко мне от Мехти-Кули-мирзы один из доверенных лиц его Ханкми-бек (Имя неразборчиво) с письмом о захватах на мазандеранском берегу для секретного объяснения со мной, которое состояло в следующем: Мехти-Кули-мирза поручил сказать мне, что дела отряда ныне очень дурны и едва ли крейсерство может усмирить туркмен. Мехти-Кули-мирза готов взять на себя удовлетворить русских за сожженное судно комерческое и совершенно усмирить туркмен с тем, чтобы отряд не вмешивался в дела туркмен, и что это предложение считает весьма основательным, потому что туркмены суть персидские подданные и дела их подлежат исключительно разбирательству персидских властей. Мне высказали в виде совета, что принц Мехти-Кули считает нужным предупредить меня, что если дела туркмен на море не перейдут к персидским властям (единственное средство усмирить туркмен), то крейсерству скоро будет очень худо. Я счел нужным передать принцу Мехти-Кули, что никакого посредничества между отрядом и туркменами я принять не могу и просил его поспешить прислать ко мне туркмен, которые бунтовали против отряда и ныне находятся у принца, и в особенности Черкес-хана как главного зачинщика общего восстания туркмен. («Общим восстанием туркмен» назвал этот случай и российский консул в Астрабаде. Сообщая подробно об этом выступлении туркмен против действий отряда, он писал, что русские власти ставили этим самым туркмен в тесную «связь с антирусскими происками Мехти-Кули-мирзы (см. Донесение российского консула в Астрабаде посланнику в Иране от 28 марта 1851 г. (ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 1978. лл. 160—161))

Через несколько дней после отъезда человека Мехти-Кули-мирзы, именно 6-го числа сего месяца, меня известили персияне, которые в сношении с туркменами; также получены были

сведения на постовом судне на Гязском берегу от г-на консула в Астрабаде, что туркмены 7 или 8-го числа ночью намерены напасть на остров Ашур-Аде в числе 300 человек на 20 лодках и что туркмены готовы пожертвовать собой, но непременно овладевают островом, сожгут все здания на нем и убьют всех русских. Хотя неоднократно были получены мной подобного рода сведения, которые всегда оставались не приведенными в исполнение, но на этот раз я вспомнил секретное объяснение с человеком Мехти-Кули-мирзы и счел нужным, сколько средства отряда позволили, распределить суда крейсерства на три пункта, ожидая нападения туркмен на ватагу Ферхабадскую и там стоящие суда, на факторию и на остров Ашур-Аде.

На пароходе «Волга» 7-го числа сего месяца я отправился к туркменскому берегу повидаться с туркменскими лазутчиками и условиться с ними, чтобы в случае выхода туркмен на разбой на многих лотках меня бы уведомили условным знаком. Простоявши у туркменского берега до 11 часов вечера, меня уведомили, что туркмены оставили свое намерение выйти на разбой по случаю дурной погоды.

В первый день пасхи я вторично был у туркменского берега, ожидая условленного знака о выходе туркмен на разбой. В 9 ¹/₂ часов вечера мне дали знак, что туркмены вышли, но куда — неизвестно. Полагая, что туркмены обратятся на Гязский берег, я тотчас отправился в [409] залив, имея в виду следовать на гязский рейд; но подходя к заливу, я услышал перестрелку на острове Ашур-Аде, куда я тотчас и отправился.

По прибытии моем на ашур-адейский рейд командир бота «Муравей» лейтенант Дронин, которому поручено было охранять остров, донес мне, что туркмены в половине 11 часов в числе от 250 до 300 человек, оставя лодки на взморье, бросились на первые здания с западной стороны. Караул из 16 человек, защищая эту часть острова, мужественно держался более ¹/₂ часа, но должны были несколько уступить в ожидании подкреплений с судов отряда. В это время туркмены бросились в шалаши и здания, где помещались нижних чинов жены и дети, которые, услышав тревогу, бросились бежать, и большая часть женщин и детей были немедленно захвачены туркменами. Тут успел лейтенант Дронин прибыть с десантом с судов человек до 30, и, услышав крик женщин и детей, приказал матросам кинуться на туркмен в штыки; туркмены недолго стояли и бросились бежать, преследуя их, удалось отбить у туркмен четырех женщин и шестерых детей.

Урон со стороны отряда следующий; убиты два матроса, тяжело ранены двое и легко — трое; опасно ранена дочь матроса четырех лет; пропали без вести два матроса, три женщины и четыре мальчика, которые, вероятно, уведены в плен. Из зданий на острове — только первые с западной стороны несколько пострадали вышиблены двери, разбиты окна и унесены некоторые вещи.

Туркмены потеряли трех главных предводителей этого набега, и трупы их остались на острове, и еще восемь убитых, а раненых, должно полагать, очень много, потому что следы бежавших были значительно окровавлены. Тотчас, как туркмены бежали с острова, пароход «Волга» отправлен преследовать их к туркменскому берегу, где хотя [он] не мог нанести положительный вред их лодкам, потому что туркмены успели пробраться в малую глубину, так что пароход не мог к ним приблизиться достаточно, но несколькими удачными выстрелами, без сомнения, убиты и ранены многие.

Шхуна «Тарантул», отряженная мной в Ферхабад для защиты коммерческих судов наших, не допустила туркмен нападать на суда и ватагу; преследуя лодки, шхуна разбила ядрами одну, остальные скрылись. На обратном пути шхуна встретила в 25 милях от острова Ашур-Аде коммерческое судно без команды и парусов, равно и персидский киржим в таком же положении, вероятно ограбленные туркменами. Мной ныне же отправлена шхуна к ограждению ограбленных судов и поручено командиру употреблять все средства, чтобы привести упомянутые суда в залив.

На гязском рейде при общем нападении туркмен все было благополучно. Изложив вашему сиятельству положение дела отряда с туркменами, я считаю долгом донести, что хотя и можно быть уверенным, что туркмены после поражения 8-го числа сего месяца не решатся более

напасть на остров Ашур-Аде, но между тем положение судов наших коммерческих весьма опасное. При всех усилиях и стараниях отряда нет возможности охранять все суда наши, которые занимаются погрузкой и выгрузкой товаров в разных местах на персидском берегу, а в особенности могут подвергнуться разграблению те суда, которые, идя из Персии в Астрабадский залив, должны проходить близко мимо туркменского берега.

Усмирить же туркмен теперь, при общем восстании, и поддерживаемых, без всякого сомнения, персидскими властями, отряду не скоро возможно.

[410] Несмотря на то, что мной доселе уничтожено до 50 лодок и более 35 кулазов, туркмены владели еще более чем 250 лодками и столькими же кулазами, которые, скрываясь днем в мелких речках и камышах, доставляют им возможность по ночам делать нападения большими партиями.

Смею надеяться, что Ваше сиятельство одобрите ходатайство мое о принятии самых положительных мер наказать туркмен за их неслыханную дерзость против нашего правительства и ограничить число лодок, какое дозволяется иметь туркменам; полагаю, — не более 50, и хозяева лодок должны иметь дозволение на владение ими от отряда.

Чтобы исполнить это предположение, необходимо высадить десант не менее батальона с несколькими орудиями и уничтожить все лодки и кулазы в речках и камышах.

Я совершенно уверен, что всякая другая мера усмирить туркмен будет непрочная и туркмены при первом случае, будучи недовольны и видя, что всякая дерзость с их стороны остается без наказания, без всякого сомнения вторично восстанут против отряда.

В настоящее время, дабы показать туркменам, что персидские власти не должны вмешиваться в дела Черной речки, я имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство истребовать от Мехти-Кули-мирзы выдачу старшин Черкес-хана и других туркмен, виновных против отряда, и вместе с тем отозвать принца Мехти-Кули на некоторое время в Тегеран; тогда можно надеяться, что туркмены хоть на время успокоятся. *(Эти же данные и соображения о мерах, проведенных против нападения туркмен, изложены Вендрихом в рапорте командиру Астраханского порта от 14 февраля 1838 г.)*

Капитан-лейтенант Л. А. Вендрих

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 1978, лл. 167—176

Заверенная копия. *(Дубликат документа хранится в ЦГВИА, ф. 19, д. 284, лл. 23—32.)*

№ 290

Рапорт командира эскадры в Астрабадском заливе российскому посланнику в Иране о необходимости безотлагательного отзыва принца Мехти-Кули-мирзы в Тегеран

16 апреля 1851 г.

Поведение Мехти-Кули-мирзы, который ныне явно покровительствует восстанию туркмен против отряда и русских, вынуждает меня вторично обратиться к Вашему сиятельству со всепокорнейшей просьбой немедленно вызвать Мехти-Кули-мирзу в Тегеран — единственное средство хоть на время ослабить дух общего восстания туркмен против отряда и русских. По распоряжению Мехти-Кули-мирзы с двух лодок, имеющих билеты крейсерства, захвачены люди и содержались в оковах. Киржимы, принадлежащие туркменскому старшине Кадыр-Мамед-Ниязову (который один доселе остался преданным русским), уволенные с билетами отряда Мазандеран, арестованы вместе с людьми и взято с киржимов около 600 червонцев.

Тех же старшин, которые взбунтовали племена своих против отряда и отправили их на разбой, Мехти-Кули-мирза наградил халатами и **[411]** разными подарками и выдал им задержанных с билетами крейсерства туркмен, вероятно имея в виду показать туркменам, что покровительство русских не имеет уже места в этом краю, и этим вооружить оставшиеся еще преданными племена туркмен.

Полагая, что Вашему сиятельству весьма важно в настоящее время подробно знать положение

дел отряда с туркменами и поведение Мехди-Кули-мирзы, я решился отправить командира баржи господина прапорщика Платонова в Тегеран — офицера, которого имею честь представить Вашему сиятельству как отличного и хорошо знакомого с делами отряда.

На пути в Тегеран мной поручено прапорщику Платонову повидаться с Мехти-Кули-мирзой и самым положительным образом требовать увольнения задержанных киржимов и людей, также выдачу взятых шестисот червонцев.

Ответ Мехти-Кули-мирзы по этому предмету господин прапорщик Платонов будет иметь честь доложить Вашему сиятельству. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 1, д. 284, лл. 35—36 об.

Заверенная копия

№ 291

Письмо русского посланника в Иране командира эскадры из Астрабадском заливе о принятых им мерах против вмешательства принца Мехти-Кули-мирзы в дела туркмен

1 мая 1851 г.

Получив извещение ваше о необходимости удалить принца Мехти-Кули-мирзу и выслушав подробности, сообщенные мне командированным Вами в миссию г-ном прапорщиком Платоновым, я немедленно обратился к персидскому правительству по сему предмету и поспешаю уведомить Ваше высокоблагородие, что вследствие моих требований Эмир-Низам уведомил меня, что принцу Мехти-Кули-мирзе будет немедленно предписано: 1) оставить Сары и отправиться на лето в Фируз-Кух; 2) не вмешиваться впредь вовсе в дела туркмен и даже не требовать более освобожденных отрядом пленных персиян, предоставив это Мухаммед-Вали-хану, астрабадскому губернатору; 3) не иметь более в своем ведении гязскую таможню, деревню Гезь и амбары, построенные для складки товаров компании Московского торгового дома.

Князь Долгоруков

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 13—13 об.

Заверенная копия.

[412] № 292

Рапорт командующего эскадрой в Астрабадском заливе русскому посланнику в Иране о заслугах Кадыр-Мухаммед-хана в развитии русско-туркменских отношений

20 мая 1851 г.

Прочитав в переводе ноту Эмир-Низама к вашему сиятельству, препровожденную ко мне при предписании (Документ не публикуется) вашем от 1 мая № 253, честь имею донести, что с прошлой осени, когда туркмены не оказали внимания требованиям отряда выдать главного виновника сожжения нашего коммерческого судна Гот Газеля, со стороны отряда воспрещено всем туркменам посещать берега Мазандерана и Астрабада, исключая весьма немногих, которые особенно известны отряду, и тем дозволялось только посещать те места, где находились на постах суда военные.

Распоряжения эти только стеснительны для туркмен, а отнюдь не для персиян, которым постоянно дозволялось на киржимах своих для покупки нефти и соли прибывать на ашур-адинский рейд, где эти продукты продаются туркменами несравненно дешевле, чем в Мазандеране, и отряд всегда заботился о немедленном снабжении персидских киржимов нефтью и солью.

Если с некоторого времени киржимы персидские из боязни быть захваченными туркменами в

море перестали посещать ашур-адинский рейд, то в этом можно винить только правителя Мазандерана, который вооружил туркмен против отряда и, не щадя даже подданных его шахского величества, имел только в виду подчинить себе на море туркмен. Нет сомнений, что теперь, с отъездом Мехти-Кули-мирзы, и когда туркмены совершенно успокоятся, что персияне возобновят свои сношения с туркменами на ашур-адинском рейде, и тогда в Мазандеране недостатка в нефти и соли быть не может и цена этим продуктам не будет превышать обыкновенной, то есть от 10 до 15 сабкранов за харвар.

Относительно же происков Кадыр-хана и поступков его, вызывающих туркмен к восстанию и грабежам, как пишет Эмир Низам, то это совершенно несправедливо, и жалоба эта, вероятно, исключительно основана на письме Мехти-Кули-мирзы, препровождаемом ко мне при предписании (Документ не обнаружен) вашего сиятельства от 1 мая № 252.

Мехти-Кули-мирза, вооружая туркмен против отряда, постоянно домогался склонить Кадыр-хана на свою сторону, и, видя, что Кадыр-хан остается преданным отряду и не обращает внимания на обещания и впоследствии на угрозу, Мехти-Кули стал утверждать, что все разбои на персидском берегу производятся племенем Кадыр-хана, и даже утверждал, что Гот Газель [из] племени Кадыр-хана, тогда как мне положительно известно, что при усиленных разбоях и общем восстании туркмен только племя Кадыр-хана оставалось послушным отряду и не участвовало ни в каких набегах и не имело ни одного как русского подданного, так и персидского подданного у себя в плену.

Вашему сиятельству, вероятно, известно, что с давнего времени Кадыр-хан известен русским своей преданностью и многими услугами, за которые удостоивался неоднократно значительных наград.

По высочайшему повелению сын и племянник Кадыр-хана воспитывался в одном из казенных заведений в С-Петербурге и ныне состоит офицерами на службе его императорского величества. В бытность мою [413] у предместников моих Кадыр-хан постоянно действовал в Туркмении согласно с видами отряда — вот причина ненависти к нему персидских властей.

Долгом считаю всепокорнейше просить Ваше сиятельство, дабы оградить Кадыр-хана от несправедливого преследования персиян и достойно наградить его за многие услуги и преданность русским, принимая в соображение, что сын и племянник Кадыр-хана офицеры русской службы, исходатайствовать Кадыр-хану звание офицера согласно положениям, существующим на Кавказе для мусульман. (Документ без подписи)

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 1978, лл. 198—201.

Заверенная копия.

№ 293

Доклад начальника Главного морского штаба Николаю I о результатах переговоров с туркменами по вопросу о выдаче пленных

26 июня 1851 г.

Командир Астраханского порта и Каспийской флотилии рапортом от 10 июня сообщает:

«Командующий Астрабадской станцией от 24 мая доносит, что туркмены, лишась покровительства правителя Мазандерана, тотчас обратились к отряду и по первому требованию его выдали пленных как русских, так и персидскоподданных, которые находились у Серебряного бугра, и он надеется, что примеру туркмен, кочующих на Серебряном бугре, последуют и те, которые в Гасан-Кули и на Атреке. (Отозвание принца Мехти-Кули-мирзы с поста правителя Мазандерана во многом содействовало улучшению взаимоотношений России с туркменами, населявшими юго-восточное побережье Каспийского моря. Об этом писал и Я. В. Ханыков, известный русский востоковед (см. письмо Я. В. Ханыкова управляющему канцелярией кавказскому наместнику от 7 июня 1851 г., ЦГИА ГрузССР, ф. II, д. 2196, л. 27))

Вследствие этого, предполагая предписать ныне контр-адмиралу Басаргину действовать с крайней осторожностью, не предпринимая уже принудительных мер против смиряющихся нашей власти туркмен и даже противу непокорных, испытывая сначала меры кротости и склонения, я имею счастье на такое предположение мое испрашивать высочайшего вашего императорского величества одобрения».

А. С. Меншиков

На документе резолюция Николая I: «Слава богу; непременно строго подтвердить осторожность и умеренность в действиях. В Петербурге. 26 июня 1851 г.».

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 422, лл. 25—25 об.

Подлинник.

[414] № 294

Из рапорта командующего эскадрой в Астрабадском заливе командующему Каспийской флотилией, о происках каджарских властей в Туркмении

13 июля 1851 г.

а) Кроме причин, изъясненных мной в донесении (Документ не публикуется) к вашему превосходительству от 26 июня за № 1090, побудивших туркмен к восстанию, надо полагать, что независимость туркмен от персидского правительства и влияние отряда на приморских туркмен, посещающих берега Персии с билетами, выданными от станции для охранения туркмен от обиды со стороны персиян, которые с данного времени домогаются подчинить себе туркмен, было причиной, что персияне надеялись, вооружив против отряда туркмен, подчинить их персидским властям, укрепиться в Туркмении и отклонить всякое влияние отряда. Что и доселе персидское правительство действует с этими видами, тому служит доказательством то, что персияне, имея свою партию в Туркмении, тотчас двинули войска и уже заняли Ходжа-Нефес, где и строят в настоящее время небольшое укрепление, пользуясь положением туркмен, преследуемых отрядом нашим с морской стороны, и что туркмены того мнения, что отряд и персияне действуют заодно, и туркмены не решатся до окончания дела с отрядом обратиться с своими силами против персиян, боясь лишиться всякой возможности иметь сношения с Персией, а следовательно, и единственного средства к их существованию.

Но нет никакого сомнения, как только туркмены примирятся с отрядом, чего в настоящее время большая часть туркмен всячески ищет, то персидские войска немедленно будут выгнаны и крепость, построенная персиянами, совершенно разорена.

По слухам, дошедшим до меня из Туркмении, английская миссия принимала также участие [в подстрекательстве] к восстанию против отряда и покровительствует видам персиян.

в) Вопрос этот подробно изъяснен в донесении моем от 26 июня за № 1090.

с) Резервы, какие туркмены могли иметь в лодках и людях сверх нападавших на остров Ашур-Аде, положительно определить нельзя.

В Ходжа-Нефесе, откуда вышли туркмены для нападения на остров Ашур-Аде, оставались еще от 10 до 15 лодок и несколько сот человек.

Известно, что как в Ходжи-Нефес, так и у Серебряного бугра и в Гасан-Кули туркмены ожидали результата нападения на остров Ашур-Аде, и если бы туркмены не были отражены, то партия недовольных и восставших против отряда усилилась бы весьма значительно и тогда положение отряда было бы очень затруднительное потому, что из кочевьев Серебряного бугра и Гасан-Кули могло бы прибыть к отряду большое количество лодок и туркмен. Всех лодок, полагаю, в настоящее время у туркмен до 250 и даже более: больших для торговых сношений с Персией до 75, средних (так называемые рыбацкие) около 100 и малых для рыболовства около берега до 80.

d) Для нападения на остров Ашур-Аде туркменские лодки вооружились в речке Большой

Ходжа-Нефес, откуда и вышли.

е) В отношении к отряду туркмены не обнаруживают в настоящее время никаких неприязненных действий.

[415] Все пленные, как русские, так и персидскоподданные, выданы, исключая трех, которые, по полученным ныне мной сведениям, также вручены старшинам и на днях будут доставлены на отряд. Большая часть старшин желает иметь со мной свидание и всячески стараются войти в сношение с отрядом и ищут примирения.

і) В Туркмении ныне две партии: одна под влиянием Кадыр Мухамед-хана (теперь старший член семейства покойного Кият-хана), преданная и действующая согласно с видами отряда, и во время нападения туркмен на коммерческие суда наши и остров Ашур-Аде одно только племя Кадыр Мухамед-хана и приверженные к нему туркмены, оставались покойными и не участвовали в набегах.

Кадыр Мухамед-хан постоянно оказывал большие услуги и преданность отряду и русским вообще.

Другая партия под влиянием Черкес-хана — одного из главных виновников восстания туркмен — находилась под особенным покровительством правителя Мазандерана принца Мехди-кули до удаления его по распоряжению полномочного министра при дворе персидском от всякого вмешательства в дела туркмен; партия Черкес-хана была весьма значительна, и самые близкие родственники его участвовали при нападении на коммерческие суда наши и остров Ашур-Аде.

Но после нападения туркмен на остров Ашур-Аде, где были убиты главные предводители этого набега, и после удаления правителя Мазандерана от вмешательства в дела туркмен влияние Черкес-хана значительно упало, а потому и некоторые старшины с племенами своими тотчас присоединились к Кадыр Мухамед-хану и стали действовать против Черкес-хана, вследствие чего и были выданы в скором времени пленные, которые не находились в руках племени Черкес-хана.

Партия Черкес-хана и доселе надеется вследствие обещаний персидских властей получить право от правителя Астрабадской провинции Мохамед-Вали-хана плавать независимо от отряда у берегов Персии по билетам персидских местных властей.

Ныне персияне строят крепость в Ходжа-Нефесе с целью подчинить себе туркмен на море и выдавать им билеты для плаванья к берегам персидским.

Носятся слухи, что персидское правительство поручило правителю Астрабада стараться укрепиться и на Серебряном бугре, чтоб иметь влияние на всех приморских туркмен и показать, что в присутствии русского отряда персидское правительство уже не имеет надобности.

Сколько мне известно, удаление отряда от берегов персидских домогались персияне еще при покойном шахе Мохамеде... **(Опущены сведения о наказании туркмен, нападавших на остров Ашур-Аде).**

Капитан-лейтенант Вендрих

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 422, лл. 65 об.—70.

Заверенная копия.

№ 295

Отношение капитана 1-го ранга Н. К. Краббе командующему эскадрой в Астрабадском заливе о необходимости мирного урегулирования отношений с туркменами

26 июля 1851 г.

Имея в виду сообщенную мне астраханским командиром порта высочайшую волю, объявленную ему начальником главного морского **[416]** штаба его императорского величества от 27 июня сего года за № 667 с тем, чтобы согласно оной дать вам наставление в отношении действий вашего высокоблагородия с туркменами и заключающаяся в том, чтобы

побудительные меры против туркмен принимать только против тех, кои остаются непокорными справедливым нашим требованиям, которым, однако ж, с нашей стороны должны предшествовать миролюбивые склонения и внушения, причем строго наблюдать осторожность и умеренность в действиях, я покорнейше прошу вас, милостивый государь, до окончания разъяснения туркменских дел, ограничиться только оборонительными мерами, оставив совершенно все (В предписании капитана Краббе Вендриху от 27 июля 1851 г. даны указания о необходимости приступить к укреплению Ашур-Аде от возможных нападений ЦГАВМФ, ф 410, оп. 2, д 422, лл. 78—79)) — общее преследование туркменских лодок у их берегов, не распространяя, впрочем, эту милость на известных разбойников, выдачи которых вы, милостивый государь, домогаетесь.

Так как в настоящее время значительная часть туркмен явно показывает покорность и готовность повиноваться отряду, то, ваше высокоблагородие, употребите свое влияние на обращение на путь истины и остальных, дабы и они могли воспользоваться совершенным прощением и забвением прежних поступков, которые, по всему вероятно, не замедлят воспоследовать.

Капитан 1-го ранга Краббе

ЦГАВМФ, ф 410. оп 2, д 422, лл. 74—75.

Заверенная копия.

№ 296

Обязательство туркменских старшин о содействии эскадре в деле восстановления порядка в Астрабадском заливе

27 июля 1851 г.

Нижепоименованные туркменские старшины, прибывшие к капиталу 1-го ранга Краббе с покорностью и просьбой о прощении их за прежние проступки, дают клятвенное обещание свято и нерушимо исполнять впредь предлагаемые здесь условия, обеспечивающие на будущее время порядок и спокойствие в сопредельных водах Астрабадского залива.

- 1) Всякий старшина отвечает за действия своего племени на море.
 - 2) С общего согласия сих старшин выбрать главного старшину, в обязанности которого входит право выдавать билеты на получение дозволения от отрядного начальника посещать для торговли персидские берега.
 - 3) Так как главный старшина обязан отвечать за спокойствие и вообще за все проступки, туркменами сделанные посредством лодок, то прочие старшины, выбравшие из среды своей главного старшину, обязаны употреблять все усилия, чтобы помогать ему в надзоре и ответственности.
 - 4) Если какой-нибудь неблагонамеренный туркменец, ускользнувший от надзора старшин, ограбит русское судно или персидский киржим и захватит в плен кого-либо из русских или персиян, то главный [417] старшина тотчас выдает как пленных, так и имущество отрядному начальству.
 - 5) Если, даче чаяния, будет судно сожжено или имущество растрчено, то старшины обязываются сделать денежное удовлетворение.
 - 6) Ни под каким предлогом неблагонамеренным туркменам не будут старшиной выдаваться билеты на право посещать персидские берега.
 - 7) Помогать всеми средствами отряду в наказании туркменца, который вопреки сему условию будет продолжать свои разбои и грабежи и вообще не будет выполнять справедливых требований отрядного начальства.
- Хыдыр-Мамед-хан племени кюр; Кияз-Дурды-казы племени (Автор документа смешивает понятие род с понятием племя) кёр-казы; Таган-Чуде племени каранджик; Асан-ага племени

кельте; Шейдай племени кельте; Шир-Маммед племени панг-кутюк; Нурали-хан племени чукал; Ураз-Шака племени ири-тумач; Артык-Али-хан племени овнук тумач и кизыл; Гасан-Гули племени арык.

Это клятвенное обещание подписано туркменскими старшинами в присутствии моем на пароходе «Тарки» 27 июля 1851 г. в Астрабадском заливе.

Капитан 1-го ранга Краббе

ЦГАВМФ, ф. 410, оп 2, д. 422, лл. 76—77 об.

Подлинник.

№ 297

Рапорт командующего эскадрой судов в Астрабадском заливе капитану 1-го ранга Н. К. Краббе о возражениях иранских властей против монопольной торговли нефтью и солью Кадыр-Мухаммед-хана

29 июля 1851 г.

На предписание (Документ не обнаружен) вашего высокоблагородия от 25-го числа сего месяца за № 3 по предмету жалобы правителя Мазандерана Мехти-Кули мирзы о монополии торговли нефтью и солью, будто бы предоставленной мной Кадыр-Мамед Ниязову, имею честь представить объяснение.

С прошедшей осени, когда туркмены не оказали внимания требованиям отряда выдать главного виновника сожжения нашего коммерческого судна, со стороны отряда воспрещено было туркменским лодкам посещать берега Мазандерана и Астрабада и, дабы не лишить жителей Мазандерана нефти и соли, постоянно дозволялось персидским киржикам прибывать на ашур-адейский рейд для покупки этих продуктов, чему отряд содействовал, и как Кадыр-Мамед Ниязов сам владеет несколькими киржиками персидскими, управляемыми наемными персиянами, и имея в виду, что Кадыр-Мамед Ниязов постоянно оставался преданным отряду и изъявлял готовность всеми зависящими от него средствами содействовать привести в исполнение распоряжения отряда, я счел долгом дозволить Кадыр-Мамед Ниязову отправлять свою нефть в Мазандеран, тем более, что это дозволялось на киржиках персидских, на коих находились все персияне... (Опущены слова, не имеющие логической связи с текстом) Он (Кадыр-Мамед) с давнего времени отправляет нефть и соль на киржиках персидских, ему принадлежащих.

Но когда Мехти-Кули-мирза вмешался в дела туркменские и стал [418] покровительствовать тем, которые восставали против отряда, и всячески старался усилить эту партию, действуя через Черкес-хана, и видя, что все старания привлечь на свою сторону Кадыр-Мамед Ниязова были тщетны, то стал преследовать Кадыр-Мамед Ниязова и приписывать все беспорядки и разбои на персидских берегах Кадыр-Мамед Ниязову и обратился с жалобами к Эмир-Низаму о распоряжениях отряда, как крайне обременительных для жителей Мазандерана, приписывая все проискам Кадыр-Мамед Ниязова, и требовал удаления этого старшины от покровительства отряда.

Что и ныне правитель Мазандерана действует неприязненно против отряда, служат доказательством сведения, полученные из Туркмении от прибывших по приказанию вашего высокоблагородия старшин, что Мехди-Кули-мирза приказал объявить в Туркмении, «что если лодка с билетом крейсерства прибудет к берегам Мазандерана с тремя туркменами, то двоим будет отрублена голова, а третий отправлен в Туркмению, чтоб объявить об этом».

Капитан-лейтенант Вендрих

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 88—89 об

Заверенная копия.

**Письмо Эмир-Низама российскому посланнику в Тегеране с просьбой не ограничивать
торговлю туркмен с Ираном**

(июль 1851 г.).

Прежде нашего выезда из Тегерана я имел честь писать вашему сиятельству, что господин командующий Астрабадской станцией покровительствует туркменскому старшине Кадыру и распоряжается делами туркмен, а вследствие этого вмешательства в торговые дела персиян с туркменами и посещения последними провинций Мазандеранской и Астрабадской прекратились. Привоз туркменами соли и нефти (нам необходимых), которые были вымениваемы жителями вышесказанных провинций на пшено, через влияние господина флагмана сделался невозможен, а также несколько лодок ими задержано. Кадыр с своей стороны стал покровительствовать некоторым разбойникам, а они, сделав. возможно дурные дела по всему берегу Мазандерана, множество людей увели в неволю.

По дружескому распоряжению, существующих между нашими обоими правительствами, я обращался к вашему сиятельству с просьбой об уничтожении этих смут и писать господину флагману, чтобы он не покровительствовал Кадыру и чтоб сделал свободным посещение туркменами Персии, через что туркмены, занятые торговлей, успокоятся и все дела придут в должный порядок, а также жители Мазандерана, обеспокоенные от набегов, не будут нуждаться в нефти и соли. Назад тому пять дней я еще получил много писем, в которых меня уведомляют, что Мазандеранская провинция терпит крайний недостаток в соли и нефти и волнуема страхом увоза жителей ее туркменами в плен. Копии этих писем я передал заведывающему Министерством иностранных дел Мирзе-Махомед Али-хану для сообщения их вашему сиятельству.

Ответа по этому делу я от вашего сиятельства не получал и положение жителей Мазандерана еще не облегчено, как господин граф приехал к нам в лагерь со словесным от вашего сиятельства уведомлением, которое столько же меня удивило, как и огорчило.

[419] Господин флагман, покровительствуя Кадыру и представив ему одному распоряжаться делами туркмен и производить торговлю, возбудил зависть к нему других туркмен, сильнейших и знатнейших его по роду; запретив же им ходить морем в Персию, он заставил этот дикий народ поступать так дерзко. Кто же виноват в случившихся беспорядках — наши ли губернаторы или господин флагман? Наказать туркмен у нас есть, благодаря бога, все средства, и те, которые восставали, получают должное возмездие.

Только что я получил эти известия, как уже послал приказания Мохамед-Вали-хану, губернатору астрабадскому, и велел Мир-Пянджу с пятью тысячами солдат и артиллерией через два дня выступить из Тегерана и поспешить дойти до Гургенской степи для наказания туркмен. Теперь обращаюсь с просьбой к вашему сиятельству, дабы вы предписали господину флагману в случае, если туркмены, стесненные Мохамед-Вали-ханом и Мир-Пянджом, обратятся к нему морем, прося его заступничества, выдать их нашему правительству, и чтобы также запретил Кадыру продолжать свои действия, а прочим бы туркменам дозволил торговать морем, тогда, бог даст, все эти смуты прекратятся. Хотя его высочество Мехди-Кули-мирза не виноват в этих смутах, так как из порученной ему провинции на днях через Кадыра и его людьми взято из Мазандерана много пленных и родственники их беспрестанными просьбами беспокоят принца, но я, чтобы не было никаких недоразумений и разных оскорбительных для его высочества толков, я удалил его от влияния на Астрабадскую провинцию, отняв от него деревню Гяз и таможенный сбор на гязском берегу. Для приведения же дел в порядок, уничтожения смут и для наказания туркмен я назначил астрабадского губернатора. Конечно, ваше сиятельство, сообщите об этом господину флагману.

Также неизвестно вашему сиятельству, что ежели господин флагман, Кадыр и ему

подобные вмешаются в дела туркмен, преданных нашему правительству, то у такового трусливого и дикого народа, как туркмены, это будет опять причиной еще больших беспорядков. Вероятно, ваше сиятельство устроите так, что господин флагман более не будет препятствовать туркменам производить торговлю. Следствием действий астрабадского губернатора и господина флагмана будет совершенная безопасность на море.

ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 1, д. 284, лл. 75—77.

Перевод с персидского

№ 299

Рапорт капитана 1-го ранга Н. К. Краббе командующему Каспийской флотилией о русско-туркменских отношениях, антирусских подстрекательствах каджарских властей и положении в Астрабадском заливе

10 августа 1851 г.

Вашему превосходительству благоугодно было предписать (Документ не публикуется) мне от 14-го минувшего июля за № 2 отправиться на пароходе «Тарки» в Астрабадский залив, дознаться там теперешнее положение дел отряда военных судов в отношении туркмен и по соображении оных дать отрядному командиру для действий отряда соответственное высочайшей воли, объявленной вашему превосходительству начальником главного [420] морского штаба его императорского величества от 27 июня за № 667, наставление. (Документ не обнаружен) Вместе с этим узнать, точно ли и по каким особенным уважениям командир Астрабадской станции предоставил якобы (как жалуется на это мазандеранский губернатор) туркменскому старшине Кадыр Мамед Ниязову монополию торгова нефтью и солью во вред и ущерб другим туркменам.

Кроме сего, ваше превосходительство словесно изволили приказать мне собрать точные сведения о нападении туркмен на остров Ашур-Аде и о причинах, побудивших их к столь безрассудному поступку.

Окончив ныне возложенные вашим превосходительством на меня поручения, имею честь подробно обо всем донести, начиная с обстоятельств, предшествовавших набегу туркмен на остров.

Захваты пленных делались туркменами иногда на персидском берегу и весьма изредка производились на купеческих русских судах и ватагах; но концом всему была немедленная выдача на отряд пленных старшинами, коим поручен был полицейский надзор над всеми вообще плавающими туркменскими лодками.

Совершенно прекратить эти захваты почти нет никакой возможности, разве истреблением всех лодок и прекращением торговли туркмен на персидском берегу; но сия мера была бы крайне губительна для целого народа, который при случае может быть нам очень полезен.

Обыкновенными же средствами избавиться [от] разбоев нельзя, потому что в идеях туркменца разбой не есть дело предосудительное, и, как он не подчинен никакой власти, не исключая даже и родительской, то случается, что кто-нибудь из них, не внимая справедливым убеждениям и ускользнув от установленного надзора, отправляется на грабеж, который, впрочем, всегда кончался, как было уже упомянуто, выдачей всего захваченного.

На выдачу же виновного никто не решался как по религиозным чувствам и обычаям страны, так, равно, и по страху кровавой мести со стороны родственников виновного.

Этот порядок вещей продолжался до сожжения 9 января 1849 г. в Астрабадском заливе около деревни Шакиле туркменцем Гот-Гозелем бакинки, принадлежавшей бакинскому жителю Сафар-Мурад-Кафарову, вследствие которого полномочный министр предписал вытребовать у туркмен удовлетворение за судно и немедленной выдачи Гот-Гозеля.

Первое из сих требований не встретило сопротивления; но второе под разными предложениями

отклонялось. Тогда последовали неоднократные предписания князя Долгорукова употреблять стеснительные меры до тех пор, пока не будет выдан Гот-Гозель. По приведении упомянутых мер в действие туркмены, подвергнувшись крайним лишениям, разделились на две партии, из коих преданная нам, в то время самая малочисленная, под предводительством Кадыр-Мамед Ниязова, употребляла все усилия, дабы выполнить наши требования и убедить противную партию, во главе которой стоял Черкес-хан, в бесполезности противиться русским. Сими обстоятельствами воспользовались местные персидские власти и в особенности мазандеранский губернатор принц Мехди Кули-мирза; они старались тайным образом разжигать неблагорасположение туркмен к нам, научая притом их, что в вознаграждение за убытки, которые понесли тогда туркмены от принятых стеснительных мер, они должны грабить русские суда и захватывать людей в плен. Последствием сих козней были следующие разбои:

1) Нападение на судно купца Кафтанникова, грабеж которого, однако ж, был остановлен командиром шхуны «Тарантул» лейтенантом [421] Майделем, но, не менее того, два человека и несколько тюков увезены были туркменами.

2) Взята лодка с пятью человеками, шедшая из Ферахабада.

3) В Ферахабаде взяты в плен два рыбопромышленника и лоцман с бакинки.

4) Разграблен шкоут «Казань», причем захвачены 11 человек. Замечательно то, что по отъезде туркмен грабеж на шкоуте довершен персиянами, чему доказательством служат вещи с этого судна, виденные в деревне Нузерабаде.

В течение этого времени командуя Астрабадской станцией доносил нашей миссии в Тегеран о вредном влиянии на туркмен мазандеранского губернатора, но персидское правительство постоянно старалось не верить сим представлениям.

Между тем Мехди Кули-мирза укоренял в туркменах нелепую мысль, что нападением на Ашур-Аде и уничтожением русских на острове они навсегда избавятся от нашего влияния. Слух об этом нападении носился с лишком два месяца и, наконец, в темную ночь в 11-ом часу на второй день нынешней пасхи приведен в исполнение. Лодки пристали к острову на оконечности его, и туркмены в числе 250 человек ползком прокрались к дому отрядного начальника, намереваясь начать оттуда общее истребление людей и зданий, но дружным натиском главного караула, состоящего из 16 человек, с подоспевшим десантом с судов замыслы туркмен были разрушены. Потеря наша при этом деле состояла из двух матрос убитых и пяти человек раненых, кроме того, два матроса, из коих один был тяжело ранен, три женщины и четыре мальчика были захвачены в плен. Урон же туркмен был довольно значителен, они потеряли трех предводителей набега: Сулейман-Кули, Аман-Татара и Ораз-Мамеда, тела которых вместе с телом одного туркмена остались у дома отрядного начальника, и, кроме того, они потеряли убитых и раненых как на острове, так и во время преследования парохода «Волга» до 40 человек. Результат этого нападения был бы для туркмен еще плачевнее, если бы капитан-лейтенант Вендрих находился при отряде, но он должен был для свидания с лазутчиками в этот день быть у Серебряного бугра.

После неудачного набега туркмены, видя, что не по силам им драться с нами, и опасаясь еще большего наказания, отделились от партии Черкес-хана, при котором в настоящее время остается недовольных не более ста человек, да и они все без исключения склоняются к миру. Вследствие этого положения дел и имея в виду сообщенную мне вашим превосходительством высочайшую волю действовать осторожно и умеренно, я предписал капитан-лейтенанту Вендриху остановить преследование туркменских лодок, а между тем послал за старшинами, которые и прибыли на другой же день на пароход «Тарки».

Когда старшины собрались на шканцах, я вышел к ним, и первым действием их было пасть на колени и умолять о прощении и забвении прежних проступков. Показав им гнусную сторону их поведения и убедив их, что если бы даже им удалось истребить на Ашур-Аде все, не исключая и людей, — то Россия так велика и государь император так могущ, что прислал бы войско снова занять остров, а их истребить, как людей вероломных и неблагодарных и не достойных покровительства такой державы, как Россия.

Видя искреннее раскаяние и приняв в соображение, что они уже достаточно наказаны потерей значительных сумм, происшедшей от принятых нами стеснительных мер, я осмеливаюсь просить ваше превосходительство исходатайствовать им совершенное прощение и дозволение обратиться к прежним торговым занятиям. В обеспечение будущих [422] поступков туркмен я взял клятвенное обещание, (См. док. № 296) подписанное сими старшинами, которое при сем в подлиннике имею честь предоставить к вашему превосходительству.

Но для достижения полного спокойствия и тишины в тех водах необходимо устранить вредное влияние персидских властей и в особенности принца Мехди Кули-мирзы, который, несмотря на удаление (впрочем, мнимое), продолжает сеять между туркменами семена раздора.

Здесь нельзя умолчать о загадочных действиях персиян в настоящее время. Они построили при реке Ходжа-Нефес укрепление на 200 человек, роют канал, чтобы отвести реку Гурген в реку Кара-Су и, если это им не удастся, то хотят воздвигнуть укрепление на Серебряном бугре. Кроме этого, мазандеранский губернатор порывался построить укрепление на Потемкином полуострове и переселить туда 200 туркменских кибиток.

Что же касается до обвинения командующего Астрабадской станцией в том, что он предоставлял якобы монополию торгова нефтью и солью туркменскому старшине Кадыр-Магоммед Ниязову, то оно несправедливо. Отзыв по этому предмету капитан-лейтенанта Вендриха имею честь в копии при сем представить. С своей же стороны обязываюсь присовокупить, что когда стеснительная система была приведена в действие, то ее командующий станцией не распространял на упомянутого старшину, потому что этого снисхождения заслуживала вполне его полезная и нелицемерная служба нашему отряду. Кроме этого, торговые дела Кадыр-Мамет Ниязова имели вид монополии и потому, что он богаче других, следовательно, имеет у себя в руках более средств и предметов для продажи. Впрочем, свою торговлю этот старшина вел не на своих лодках, а на нанятых персидских киржимах. Действительная же причина, по которой принц Мехди-Кули-мирза возвел это обвинение, заключается в желании уничтожить Кадыра за то, что он на приглашение его действовать противу русских не согласился.

Затем в настоящее время все пленные, исключая трех человек, выданы и сделано распоряжение об удовлетворении купцов за разграбленные суда. Что же касается до находящихся еще в плену трех человек, то и они, по обязательству старшин, в непродолжительном времени будут возвращены.

В заключение дозволюте, ваше превосходительство, свидетельствовать об отличном порядке, в каком я нашел отряд судов наших в Астрабаде, что должно отнести к постоянно деятельной и усердной службе капитан-лейтенанта Вендриха и его сотрудников.

Капитан 1-го ранга Краббе

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 57—64.

Подлинник

№ 300

Из рапорта командующего эскадрой в Астрабадском заливе командующему Каспийской флотилией о взаимоотношениях с туркменами и аресте Черкес-хана

13 октября 1851 г.

Жестокие лихорадки, развивавшиеся в кочевьях туркменских по приморскому берегу в начале августа и продолжавшиеся до исхода [423] сентября месяца, были причиной, что в продолжении двух прошедших месяцев мной не было получаемо достаточных сведений из Туркмении, чтобы сделать донесение вашему превосходительству о положении дел отряда с туркменами, а потому лишь ныне имею честь представить вашему превосходительству подробное о поведении и отношении туркмен к отряду донесение. (О взаимоотношениях

отряда с туркменами и антирусских действиях кадjarских властей см. ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 1, д. 284, лл. 64—68 об.)

Старшины туркменские после свидания с состоящим по особым поручениям при начальнике Главного морского штаба его императорского величества капитаном 1-го ранга Краббе и совещания со мной отправились в Туркмению с непритворным желанием всеми зависящими от них средствами восстановить порядок и спокойствие в водах астрабадских и выручить остающихся еще в плену русских и персидскоподданных, чтобы заслужить обещанное им капитаном 1-го ранга Краббе прощение и вполне воспользоваться опять торговыми оборотами с Персией.

Болезни в Туркмении, жертвой коих были двое из старшин, и интриги Черкес-хана, который остался недовольным решением дел туркменских капитаном 1-го ранга Краббе, лишили старшин возможности исполнить обещание, данное ими на отряде, и выручить пленных.

Черкес-хан неоднократно пытался возобновить разбои и грабежи на море, но замыслы его были разрушены влиянием прочих старшин. Однако же в начале прошедшего месяца удалось туркменам партии Черкес-хана ускользнуть от надзора старшин и отправиться на двух лодках и одном кулазе на разбой к Мазандеранскому берегу. Старшины немедленно послали погоню за разбойниками, догнали кулаз и истребили его, но лодки догнать не могли, о чем тотчас меня уведомили... (Опущены сведения, не представляющие ценности для темы сборника)

Когда в Туркмении получены были сведения, что одна лодка разбойничья взята и убито два туркменина, а четыре находятся на отряде, то многие туркмены партии Черкес-хана перешли к преданным и покорным отряду старшинам, которые в то же время обратились к Черкес-хану, приглашая его оставить все свои неблагонамеренные замыслы и соглашаться во всем для спокойствия края и народа. Черкес-хан не оказал внимания этому предложению и вооружил 10 лодок, на коих находилось от 60 до 76 человек вооруженных, единственно оставшихся ему преданных, и прибыл из Гасан-Кули к Суджевару (несколько южнее Ходжи-Нефеса). Лодки Черкес-хана были усмотрены с вышки на острове Ашире, и я тотчас командировал шхуну «Опыт» следить за лодками Черкес-хана, которые, вероятно, ожидали коммерческих судов наших из Баку или Астрахани и имели в виду их ограбить.

Старшины туркменские всех приморских племен, исключая Черкес-хана, прибыли на днях на отряд более чем на 50 лодках и объявили мне, что большая часть туркмен, принадлежащих к партии Черкес-хана, перешла к ним и изъявила готовность оказать полное внимание их приказаниям, но что, несмотря на все усилия и старанья их, Черкес-хан и около 100 человек ему приверженных туркмен решительно не соглашаются с условиями, предложенными им капитаном 1-го ранга Краббе, и что пленных не могут выручить, потому что самая большая доля их в руках Черкес-хана и приверженных ему туркмен, которые требуют за пленных значительную сумму. Вместе с тем старшины вторично обязались отвечать за все поступки их племен на море и ручались, что племена их не дозвоят себе нарушить спокойствие и порядок в водах астрабадских, и ходатайствовали о дозволении возобновить свои торговые сношения с Персией.

[424] Видя такую покорность и преданность старшин и имея в виду предписание вашего превосходительства о высочайшем разрешении дозволить тем туркменам, которые изъявили покорность, сообщаться с персидским берегом для торговых сношений, я объявил старшинам, что буду выдавать их племенам билеты для сношений с Персией морем, однако же с тем, чтобы старшины меня извещали о намерениях и поступках Черкес-хана и старались бы, как это делали в последнее время, не допускать неблагонамеренных туркмен производить (В тексте — произвести) грабежи и разбои на море, на что охотно все старшины согласились.

Черкес-хан, стоя с десятью лодками у Суджевара, узнавши о распоряжениях отряда и что прочим туркменам разрешено отправиться к берегам Персии, прибыл на отряд с семью лодками и объявил мне, что он наравне с прочими старшинами готов содействовать выдаче пленных и отвечает на будущее время за поступки ему приверженных туркмен, если будет, независимо от прочих старшин, управлять своим племенем, требуя, чтоб и тем туркменам,

которые отошли от него, было приказано ему повиноваться, а вместе с тем просил позволения наравне с прочими туркменами отправиться к персидским берегам; я продолжительно объявил Черкес-хану, что только в таком случае, если он будет во всем согласен с прочими старшинами, то может пользоваться прощением за прошедшее и правом сообщаться с персидским берегом; после этого Черкес-хан просил меня дозволить ему отправиться с семьёю лодками один раз к берегам персидским для покупки жизненных припасов и что по возвращении из Персии, повидавшись с родными и главными лицами своего племени, будет стараться исполнить мое приказание.

В это время лазутчики туркменские меня известили, что на всех лодках Черкес-хана спрятано оружие в парусах и под настилкой в лодках и что намерение Черкес-хана—отправиться под каким-нибудь предлогом в Персию для разбоя и грабежа; я спросил Черкес-хана, имеют ли туркмены, прибывшие с ним на отряд, при себе оружие, на что Черкес-хан ответил, что оружие, бывшее на лодках, оставлено в Туркмении и что ни у кого нет с собой оружия; когда же лодки Черкес-хана были тщательно осмотрены, то оказалось, что на всех лодках были спрятаны ружья, шашки, кинжалы и ножи в парусах и под настилкой лодок и даже на концах за бортом. Я тотчас приказал оружие на лодках отобрать и Черкес-хана арестовать. После этого распоряжения из семи лодок, прибывших с Черкес-ханом, пять лодок тотчас объявили, что не намерены более слушать Черкес-хана и готовы исполнять приказания отряда и старшин, а две лодки, на коих находились самые близкие родственники Черкес-хана, просили дозволения отправиться в Туркмению, обещаясь привести всех пленных, какие находятся в руках их племени, на что я изъявил согласие и уволил остальные лодки в Персию.

Основываясь на общем мнении туркменских старшин и для общественного спокойствия, я считаю необходимо нужным Черкес-хана удалить на некоторое время из Туркмении в одну из внутренних губерний России, где, полагаю, надо его оставить, покуда не восстановится совершенное спокойствие и порядок в Туркмении, и можно надеяться, что с удалением Черкес-хана спокойствие и порядок в водах, сопредельных с Астрабадом, не будет нарушаемо, ибо в преданности и в готовности прочих старшин действовать согласно с видами отряда я совершенно уверен. Представляя о сем на благоусмотрение вашего превосходительства, имею честь донести, что Черкес-хан отправлен мной на почтовом [425] пароходе «Ленкорань» в Астрахань, о чем я буду иметь честь донести полномочному министру при дворе персидском. Присовокупляю, что начальнику главного морского штаба его императорского величества мной; донесения по сему предмету не сделано. (О дальнейшей судьбе Черкес-хана см. в представлении А. С. Меншикова Николаю I от 19 ноября 1851 г., в котором он писал, что один из «непокорных туркменских старшин (речь, впрочем, идет о Якши-Мухамед-хане) ...отправлен был на жительство в г. Воронеж», однако отправлять Черкес-хана в Воронеж было неудобно по той причине, что через этот город должен проехать ожидаемый персидский посланник. А так как и оставить Черкес-хана в Астрахани, по близости сношения с Туркменией, опасно, то он предпочел отправить его в Тамбов или Пензу. На представлении Николай I наложил резолюцию: «Лучше в Калугу, ибо там нет мусульман» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2062, лл. 8—9).)

Капитан-лейтенант Вендрих

На документе резолюция Г. Г. Басаргина: «С первой отходящей почтой представить это донесение при рапорте к господину начальнику Главного морского штаба его императорского величества на последующее распоряжение его светлости относительно участи Черкес-хана, коего препроводить под надзор местной полиции. 24 октября 1851 г. Контр-адмирал Басаргин».

№ 301

Из рапорта командующего эскадрой в Астрабадском заливе командующему Каспийской флотилией об обстановке в прибрежной Туркмении и нормализации отношений с туркменами

25 ноября 1851 г.

Порядок и спокойствие в Туркмении между приморскими племенами совершенно восстановлены. Старшины туркменские с точностью исполняют обещание, данное на отряде капитану 1-го ранга Краббе, и потому мною разрешено всем туркменам, занимающимся торговлей с Персией, посещать берега Астрабадской и Мазандеранской провинций.

Русские подданные, находящиеся в плену, несмотря на старание старшин, не доставлены еще на отряд потому, что пленные эти перешли в руки степных туркмен, на коих морские старшины мало имеют влияния; но с большими издержками и при содействии старшин я надеюсь их выручить в скором времени... **(Опущен абзац, не имеющий существенного значения для темы сборника).**

Родные Черкес-хана и приверженные к нему туркмены после удаления его не нарушали общественного спокойствия с морской стороны и оказывают внимание к приказаниям отряда и к старшинам и заботятся собрать все вещи, со шкоута «Казань» взятые.

Вследствие просьбы старшин я имел на днях свидание у Серебряного бугра с главным духовным лицом в Туркмении Таган-казы, который также изъявил совершенную готовность употребить свое влияние к сохранению спокойствия и порядка между туркменами с морской стороны в водах астрабадских и содействовать к скорейшему удовлетворению русских подданных за убытки, понесенные при разграблении шкоута «Казань».

Капитан-лейтенант Вендрих

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 96—97.

Заверенная копия.

[426] № 302

Проект положения о наделении землей переселившихся в Астраханскую губернию мангышлакских туркмен и административном управлении ими

10 января 1852 г.

Между инородцами, составляющими значительную часть народонаселения Астраханской губернии, проживают в Красноярском уезде туркмены, перешедшие с Мангышлакского полуострова, что на восточном берегу Каспийского моря.

Туркмены эти проживали до сего времени на правах иностранцев, землями наделяемы не были. Они до времени ревизии Астраханской губернии членом Государственного совета действительным тайным советником князем Гагариным (в звании сенатора) просили его сиятельство об исходатайствовании им дозволения возвратиться на свою родину в Мангышлак. Просьбу эту государственный канцлер иностранных дел удовлетворить возможным не признал и, по сношению его, министр государственных имуществ поручал первоначально управляющему Астраханской палатой государственных имуществ, а потом просил начальника Астраханской губернии, приняв посредство, склонить туркмен, чтобы они для жительства своего избрали землю в губернии Астраханской.

С этой целью управляющий Астраханской палатой государственные имуществ предлагал туркменам два участка земли: один из числа принадлежащих кундровским татарам, а другой из земель калмыцких под названием общего кочевья всех улусов. **(Участок этот составлял оброчную статью, приносившую дохода с 1 июля 1838 по 1 июля 1841 гг. 1143 руб. а с 1 июля 1846 г. 485 руб. 7¹/₂ коп. серебром (примечание в документе))**

Начальные убеждения управляющего астраханской палатой государственных имуществ генерал-майора Оленича успеха не имели, но впоследствии, при личных убеждениях исправляющего ныне должность астраханского военного губернатора и через командированного особо чиновника, туркмены остаться на постоянном жительстве в губернии Астраханской изъявили единодушное желание, избирая для жительства своего участок калмыцкой земли, о котором помянуто выше.

Они при изъятии согласия просили подвергнуть милостивому начальства вниманию следующие просьбы и желания:

а) кроме отводимого им участка, назначить для зимовки удобное место по той необходимости, что предназначенный им участок не содержит ни древесной поросли (В документе — поросет), ни камышей;

б) за отводимые земли повинностями их не облагать по тем видам, что со времени прибытия их в губернию Астраханскую они никакими угодьями не пользовались, а земли занимали с платежом оброка частным владельцами

в) не подчиняя ведомству палаты государственных имуществ, оставить в том порядке, как до сего времени они проживали,—под главным начальством начальника губернии в ближайшей зависимости от земского суда. Эта последняя просьба, как поясняет командированный к туркменам чиновник, истекает не из предубеждения к чинам, ведомство палаты государственных имуществ составляющим, а из того, что [427] туркмены с подчиненностью палате питают нераздельно мысль о введении их в рекрутскую и вообще в податную систему наравне с коренными России обитателями.

Исправляющий должность военного губернатора, командировав чиновника для отобрания общего отзыва туркмен о согласии их остаться на жительстве в Астраханской губернии, вместе с тем поручал собрать подробные, по возможности, о сем народе сведения на тот конец, чтобы иметь полные о сем народе во всех отношениях понятия. В последствие сего представлены следующие сведения:

В отношении историческом и статистическом

Туркмены, о которых здесь упоминается, имели пребывание на восточном берегу Каспийского моря, по полуострову Мангышлакскому, где, быв теснимы киргизским владельцем Пир-Галиханом, они в 1803 г. посылали депутатов ходатайствовать о принятии их в покровительство державы Российской, об устройстве для защиты их на острове Мангышлакском крепости с тем, чтобы им позволено было производить лов тюленей при урочище Гедик, близ Караганской гавани, и на покровительство снабдить их грамотой... (Опущены сведения, содержащиеся в документах начала XIX в.)

После сих начальных сношений с Мангышлакского полуострова туркмены переходили разновременно в губернию Астраханскую с их скотоводством и семействами, где, быв принимаемы за иностранцев, землями наделяемы не были, а занимали таковые по найму в Красноярском уезде у кундровских татар и владельцев береговых дач при Каспийском море с платой: с крупной скотины по 15 коп., а с мелкой по 3 коп. серебром, в летнее время кундровскому обществу, а в зимнее— конторе графа Кушелева Безбородко, всего выгод с крупной скотины 30, а с мелкой по 6 коп. серебром.

Как велика общая сложность платимого в прежнее время оброка, определить нельзя, потому что скотоводство туркмен в известность приводимо не было, а от существовавшего в 1848 г. падежа и от бескормицы 1848—1849 гг. зиму туркмены скотоводства почти совсем лишились.

Общая сложность скотоводства, туркменам принадлежащего, состоит: верблюдов — 560; лошадей — 547; рогатого скота — 667; овец— 2000; коз — 1634. Всего — 6080.

Число самих туркмен, в Астраханской губернии обитающих, состоит из 325 семейств, в них душ: мужского пола — 907; женского—792, а всего — 1699.

Промышленность.

Ремеслами и рукоделиями туркмены сами не занимаются, женский пол ткёт ковры, переметные сумы и шерстяные простые ткани—и все это для одного лишь их домашнего

обихода.

Немногие из туркмен занимаются посевом проса и овощей, а не имущие скотоводства — разными работами в городе Астрахани и ее окрестностях. Из числа 325 семейств туркмен не имущих вовсе никакого скотоводства числится до 85 семейств.

Из дел земского суда известно, что некоторые из туркмен делали попытки в торговле, но торговые дела их по незнанию русского языка были безуспешны и потому по векселям и другим заемным обстоятельствам долгу, подлежащего взысканию, числится на туркменах до 5030 руб. серебром.

[428] Из числа должников многие умерли, не оставя по себе никакого состояния, а остающиеся в живых имеют самое ограниченное число скота, от которого и снискивают себе пропитание, а потому взыскание тех долгов без совершенного разорения туркмен, по отзыву земского суда, произвести возможности не представляется.

Судебном.

В отношении суда и расправы между туркменами никаких прав определяемо не было, а народ этот в внутреннем их распорядке и в делах между собой разбирается старейшинами по общему родовому началу, при образовании гражданских обществ всем народам свойственному. Старейшины никаких исключительных прав перед прочими туркменами не имеют, минуя их старшинством лет, сборами с народа никакими не пользуются, и вообще туркмены представляются народом равновольным.

В преемстве старшин в последнее время являются разные притязания от наследников умерших стариков, но притязания те никаких дел и судебного искательства до сего времени не представляют и беспорядков не порождали.

В отношении проступков и преступлений туркмены характеризуются как между собой, так и в отношении к соседям народом кротким. По собранным сведениям в земском суде оказывается, что в последнее десятилетие между туркменами дел по проступкам и преступлениям вовсе не возникало.

ГАОО, ф. 2, оп. 2, д. 326, лл. 144—154.

Заверенная копия.

№ 303

Из рапорта командующего эскадрой в Астрабадском заливе капитан-лейтенанта И. О. Свинкина командующему Каспийской флотилией о взаимоотношениях с туркменами и антирусских происках кавказских властей

2 июня 1852 г.

Осмотрев в подробности дела отряда в отношении туркменских дел, я считаю долгом о положении их довести до сведения Вашего превосходительства.

По принятии отряда я счел необходимым видеть туркменских старшин для объяснения разных дел и в какой степени старшины могут в настоящих обстоятельствах исполнить данное обещание относительно удовлетворения разных лиц за понесенные убытки по происшествиям истекшего года, но старшины долго не являлись к отряду, боясь быть удержанными за пленных персиян, которые находятся у некоторых племен, но принятые мною меры, показывающие к ним расположение, и обещание мое не задержать их ни в каком случае убедило их исполнить мое желание и они 28-го числа прибыли на отряд, в числе них находился и Мулла-казы. **(Таган-казы)** После многих совещаний со мной туркменские старшины обещались мне стараться прекратить все разбои и грабежи и общими силами действовать, дабы выручить всех пленных, а **[429]** также, по мере возможности, сбором пошлины с каждой лодки, идущей с нефтью к берегам, сопредельным с Астрабадским заливом, уплачивать за разграбленный туркменами шкоут «Казань», принадлежащий астраханскому 3-й гильдии купцу Артемию Мадатову, а чтобы

предупредить, по возможности, разбой, я предложил старшинам выбрать из каждого племени по два надежных человека; эти люди, быв на жалованье из пошлинных денег, не должны допускать сбора на разбой и отнимать силой пленных, которые будут привозимы в аулы, на что старшины изъявили полное свое согласие, но до какой степени справедливы намерения и желания их, можно увидеть только впоследствии... (Опущены сведения о взаимоотношениях туркмен с Ираном).

До меня дошли верные сведения, что в прошедшую зиму были вызваны в Тегеран старшины, в числе коих находились и старшины прибрежных аулов; многие из них уже возвратились с щедрыми подарками от персидского правительства и это обстоятельство много вредит расположению туркмен к отряду, и вообще туркмены не имеют должного доверия к отряду. Это видно из того, что нужно было употребить месяц времени, чтобы согласить их приехать к отряду. До получения от полномочного министра других предписаний, сообразных нынешним обстоятельствам, я буду стараться предписанными мерами действовать на туркмен и тем заставить их выполнять требования отряда.

Все туркменские старшины просили меня о возвращении на родину Черкес-хана и [об] освобождении четырех туркмен, содержащихся при отряде под арестом, о которых предместник мой доносил Вашему превосходительству от 16 февраля сего года за № 267, говоря, что после этого они будут выполнять все требования. Я старшинам объявил, что если туркмены будут выполнять в точности все требования отряда и все захваченное будет выдано, то я буду просить об этом у высшего начальства, тем более, что предместник (Л. А. Вендрих) мой то же самое обещал. Братья Черкес-хана через письма просили моего содействия дать им возможность получить от Черкес-хана известия, почему я имею честь обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой приказать снести с начальством местопребывания Черкес-хана, дабы оно сделало свое распоряжение о высылке письма от Черкес-хана к его братьям; это обстоятельство до некоторой степени может водворить порядок, ибо племя его это не перестает делать захваты и грабежи из мести за увезенного брата. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, д. 422, оп. 2, лл. 127—130 об.

Заверенная копия

№ 304

Предписание управляющего Морским министерством командующему Каспийской флотилией о политике в отношении туркмен

28 августа 1852 г.

О содержании представленного Вашим превосходительством при отношении от 18 июля сего года № 598 рапорта командующего Астрабадской станцией от 2 июня сего же года (См. док. № 303) № 902 относительно [430] положения туркменских дел в Астрабадском заливе господин начальник Главного морского штаба его императорского величества сносился с господином управляющим Министерством иностранных дел, и господин тайный советник Сенявин уведомил вследствие сего господина генерал-адъютанта князя Меншикова, что в Министерстве иностранных дел получено также по сему предмету донесение, к которому сверх того присовокуплено мнение командующего станцией капитан-лейтенанта Свинкина, что туркмены могут быть обузданы только силой и истреблением имеющихся у них лодок

Сообразив обстоятельства, заключающиеся в донесениях сего штаб-офицера, господин тайный советник Сенявин, с своей стороны, выразил следующее мнение: «В отношении к диким племенам туркмен следует держаться прежних наставлений, преподанных с высочайшего разрешения полномочным министром князем Долгоруковым предместнику капитан-лейтенанта Свинкина, и коими последний также должен руководствоваться. Хотя, без

сомнения, весьма желательно, чтобы туркмены в точности исполняли все наши требования, и, конечно, наши действия должны постоянно клониться к тому, чтобы укротить хищные и буйные их нравы, но достигнуть этой цели мы только можем временем и постоянными о том стараниями в границах осторожности и возможности. Вообще надобно иметь (как сие выражено было и в помянутых наставлениях) некоторое снисхождение к дикости и невежеству сих племен — принять в соображение, что вдруг произвести в них желаемую перемену невозможно, что туркмены не суть наши подданные, не обитают в местах, где бы мы были полными хозяевами.

Все, что еще более должно побуждать нас действовать в отношении к ним с осторожностью и прибегать к решительным мерам, на которые указывает капитан-лейтенант Свинкин, только в крайности, то есть в случае каких-либо с их стороны разбоев и важных беспорядков, ибо подобные решительные меры, принимаемые в обыкновенное время, когда не вынуждаются особенными обстоятельствами, могут лишь отвратить от нас сих туркмен и сделать их постоянно и всегда враждебным к нам племенем, тогда как попечения наши должны постоянно клониться к тому, чтобы привязать их к нашему правительству и достигнуть в отношении к ним желаемых целей мирными путями. Обязанности его не суть только военные, но в оное входит и политическая часть, требующая от командира наших крейсеров в тех местах уметь действовать относительно туркмен не одной силой, а также, в потребных случаях, убеждениями, лаской, связями, привлечением на нашу сторону влиятельнейших лиц и т. п. что облегчило бы и все распоряжения его по исполнению возложенных на него поручений, способствовало бы к усмирению туркмен и к достижению желаемых видов не силой оружия, а именно мирными путями».

Мнение это, разделяемое начальником Главного морского штаба его императорского величества, сообща Вашему превосходительству с тем, чтобы по точному содержанию оного Вы снабдили капитан-лейтенанта Свинкина надлежащим предписанием, об исполнении чего я буду ожидать донесения Вашего превосходительства.

Управляющий Морским министерством Константин

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 136—141

Отпуск.

[431] № 305

Рапорт командующего эскадрой в Астрабадском заливе, командующему Каспийской флотилией о нормализации отношений с туркменами

28 февраля 1853 г.

Имею честь донести вашему превосходительству, что в настоящее время туркмены более и более сближаются с отрядом и торговые дела их с русскими купцами по рыбной операции идут хорошо.

Точное наблюдение и преследование разбойнических лодок убедило туркмен, что лучше обратиться к торговым занятиям и жить в мире с отрядом.

Я постоянно старался внушить туркменам и доказывать им, что одни мирные занятия поведут их к благоденствию и что за всякий разбой они будут строго наказаны, в чем они и имели случай положительно убедиться.

Также, действуя согласно воли его светлости г-на начальника Главного морского штаба его императорского величества, сообщенной мне при предписании (Документ не обнаружен) вашего превосходительства от 27-го числа сентября 1852 г. за № 11, и употребляя все зависящие от меня средства, я успел войти в самые дружественные сношения с Таган-казы, высшим духовным лицом, единственным человеком, имеющим влияние на народ, для чего и пригласил Таган-казы приехать в ближайший к отряду аул из Красноводска; стараниями его и

многократными совещаниями со старшинами я успел устроить охранительную стражу из самих туркмен; каждое племя обязалось дать по два надежных человека. Все эти люди, быв на жалованье своего общества, будут в распоряжении племянника Таган-казы и обязанность их будет отнимать силой пленных и не допускать сборов на разбой, и в случае убийства какого-либо из неблагонамеренных туркмен они избавлены от тяжкого взыскания за кровь, это последнее обстоятельство можно было устроить только с помощью Таган-казы. При таком порядке дел я могу надеяться водворить общее спокойствие.

Все русскоподданные, находящиеся в плену в числе восьми человек, мной в настоящее время возвращены, равно и сын матроса 45-го флотского экипажа Плужникова, взятый при нападении туркмен в 1851 г. на Ашир. Два человека энзелинских персиян также отданы, и в скором времени я надеюсь выручить всех остальных персидскоподданных, взятых с морской стороны в разное время.

Таган-казы по старанию своему и полезному влиянию на народ заслуживает награды, и я о сем имею честь почтительнейше просить ваше превосходительство. (Донося обо всем этом великому князю Константину, командующий Каспийской флотилией контр-адмирал Н. Васильев в своем рапорте от 28 декабря 1853 г. объяснял установление спокойствия в Туркмении «усердием и ревностным содействием» командиров военных судов (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422. лл. 187—188 об.))

Все старики и Таган-казы просят меня ходатайствовать о возвращении на родину Черкес-хана, племя кельте, к которому принадлежит Черкес-хан, и братья его выкупили за большие деньги нескольких русскоподданных и доставили [их] ко мне и все, что зависело от них, сделали. Два человека разбойников из племени кельте приехали сами ко [432] мне, говоря: «Прости нас, мы все дурное оставим и теперь будем служить тебе верно». Все эти обстоятельства заставляют меня почтительнейше просить ходатайства вашего превосходительства о возвращении Черкес-хана на родину, и, судя по местным делам, возвращение его принести вреда не может, а только успокоит умы и докажет, что на мое обещание или на мое слово они всегда могут полагаться, что в обращении с таким народом, как туркмены, весьма важно, дабы иметь влияние на них.

Предместник мой имел честь доносить вашему превосходительству от 14 октября 1851 г. за № 1932 о взятии четырех туркмен, которые до сего времени находятся под арестом, и участь их ничем не решена. Такой долговременный арест в кандалах должен, по моему мнению, послужить им достойным наказанием. Обстоятельство это я имею честь представить и почтительнейше просить по сему предмету ходатайства вашего превосходительства освободить их. (Командующий Астрабадским крейсерством в рапорте российскому посланнику в Иране от 1 января 1854 г. сообщал, что среди туркмен полностью восстановлено спокойствие. В связи с этим он хотел оказать содействие в возвращении Черкес-хана в Туркмению)

Капитан-лейтенант Свинкин

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 182—184 об.

Подлинник.

№ 306

Рапорт командующего Каспийской флотилией Н. А. Васильева великому князю Константину Николаевичу о дальнейшем укреплении дружественных отношений с туркменами

19 мая 1854 г.

Командующий Астрабадской станцией от 16-го прошедшего апреля за № 385 донес мне, (Документ не обнаружен) что в сопредельных водах к Астрабадскому заливу со стороны туркмен никаких беспорядков, заслуживающих внимания, не происходит и в настоящее время везде спокойно. Прибрежные туркмены все более и более склоняются к самым миролюбивым намерениям; племя кельте, к которому принадлежит Черкес-хан, ведет себя примерно, и

можно положительно надеяться, что со стороны большей части иомудских племен на будущее время не случится беспорядков; огурджалинские же племена, занимающиеся торговлей с жителями Астрабадской и Мазандеранской провинций, ведут себя и исполняют все требования отряда как русские подданные. Теперь все внимание со стороны отряда обращено на туркмен атрекских, более других племен привыкших к грабежу и разбоям, которые в феврале и марте месяцах были несколько раз удачно преследуемы по заливу крейсерами и разъездными лодками и, видя всегда постоянную готовность отряда предупреждать их намерения, должны будут в скором времени, по предположению командующего Астрабадской станцией, также последовать примеру [433] своих соседей. В последнее время выручено из плена восемь человек персидскоподданных, которые тогда же возвращены персидскому правительству. О чем вашему императорскому высочеству всепочтительнейше имею честь донести.

Контр-адмирал Васильев

На документе помета великого князя Константина: «Доложено его величеству. 2 июня 1854 г. Константин».

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 189—190

Подлинник

№ 307

Рапорт командующего эскадрой в Астрабадском заливе российскому посланнику в Иране Н. А. Аничкову о проникновении английского агента в кочевья туркмен

17 июня 1854 г.

Преданные туркменские старшины мне донесли, что в степях Туркмении находится агент английского правительства, (О появлении некоего Томсона среди туркмен Аничков предупреждал российского консула в Астрабаде В. В. Гусева в письме от 2 июля 1854 г. (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 193—193 об.) Из ответного донесения Гусева Аничкову стало известно, что это был не Томсон, а Мухамед-бек, «служитель английского поверенного в делах в Тегеране», который в «прежние годы неоднократно приезжал в Астрабад с Томсоном и вместе с ним бывал у туркмен», следовательно, каджарские власти покровительствовали Томсону и Мухамед-беку (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 195—196 об.)) который старается вооружить туркмен против отряда, но я смею надеяться, что действия этого агента не будут иметь влияния на туркмен и больших беспорядков при настоящем отношении их к отряду ожидать нельзя, тем более, что все благосостояние морских туркмен зависит от их покорности к отряду, в чем они и имели случай положительно на деле убедиться. Но при настоящем положении дел я счел не излишним напомнить туркменским старшинам дело 1852 г. в Гасан-Кули (По видимому, имеется в виду нападение туркмен на торговое судно «Казань» (см. док. № 303)) и что подобное обстоятельство может легко повториться, если морские туркмены перестанут быть покорными к отряду.

Донося о сем вашему сиятельству, я имею честь почтительнейше просить разрешения, каким образом мне поступить с агентом враждебного правительства, если будет предстоять случай захватить его.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 194—144 об.

Заверенная копия

[434] № 308

Письмо российского посла в Иране командиру отряда судов в Астрабадском заливе о необходимых мерах для пресечения враждебной России деятельности английского агента

среди туркмен

1 июля 1854 г.

Милостивый государь Иван Осипович! Отношение (См. док. № 307) ваше от 17 июня № 741 я имел честь получить и с крайним удовольствием усмотрел из оного выраженную вами надежду, что происки английского агента, который, по сделанному вам донесению преданными нам туркменскими старшинами старается возбудить против нас туркмен, останутся без особенного на них влияния и что больших беспорядков при настоящих отношениях сего народа к отряду ожидать нельзя.

Признавая со своей стороны неудобным допущение сего агента беспрепятственно возмущать противу нас приморское население, а равно и пользу принятия мер к пресечению сего зла, в особенности, если, паче вашего чаяния, действия того агента будут иметь вредные для нас последствия, я, однако же, не мог упустить из вида того обстоятельства, что арестование помянутого агента и содержание его на берегу, острове Ашур-Аде или другой какой-либо местности, принадлежащей персидскому государству, подало бы повод английской миссии требовать удовлетворения от Персии и породило бы затруднительные и щекотливые переговоры между сей последней и императорским правительством, чего в настоящее время в особенности должно избегать. Для устранения предоставляющегося таким образом препятствия и уничтожения попыток враждебного нам агента я имел намерение просить вас, милостивый государь, употребить старание, чтобы найти случай захватить его в море и прямо представить в Астрахань, не подходя к берегам Персии, дабы таким образом лишить великобританское правительство всякого повода возложить ответственность в арестовании его агента на правительство сей страны.

Вчерашнего числа я, однако же, получил от г-на управляющего в Астрабаде консульством уведомление, что вследствие письма вашего высокоблагородия к титулярному советнику Дуссику он сделал официальное сношение с астрабадским губернатором касательно пребывания в Астрабаде и действий сказанного агента; последствиями такового сношения были официальные переговоры и гласность дела, причем обнаружилось и то, что агент сей называется Могамед-бек, что он есть известный всем служитель английского поверенного в делах при здешнем дворе и находится в Астрабаде под весьма благовидным предлогом, что арестование его при тех условиях, которые мной выше прописаны, не могло бы сделаться без особенных неприятностей.

Итак, мы могли бы безопасно освободиться от его козней в двух только случаях, а именно: если бы он был захвачен самими преданными нам туркменами и продан ими же в отдаленные кочевья или погиб в какой-нибудь ссоре с туркменами же. Мне неизвестно, до какой степени возможно первое из сих предположений, и я не могу также решить отсюда, действительно ли проведение его так предосудительно и грозит нам такой опасностью, чтобы заслуживать [435] последнюю участь. Ваше собственное обсуждение этого предмета будет, следственно, более безошибочным, и мне остается надеяться на то благоразумие, с которым вы всегда изволили действовать на пользу вверенного вам отряда.

Н. Аничков

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 212—214 об.

Заверенная копия.

№ 309

Донесение российского посланника в Иране товарищу министра иностранных дел сенатору
Л. Г. Сеньявину о появлении среди туркмен английского агента

3 июля 1854 г.

Командующий отрядом военных судов в Астрабадском заливе известил меня о присутствии между туркменами английского агента с целью восстановления их противу крейсерства и вместе с тем спрашивал меня, как ему поступить со сказанным агентом, если представится случай захватить его? Вслед за тем получил я также уведомление от г-на управляющего консульством в Астрабаде по тому же предмету.

Полагая дело сие заслуживающим особенного внимания по важности своей и требующим необходимой осторожности, я долгом счел адресовать г-ну капитан-лейтенанту Свинкину частное сообщение, которое вместе со всей перепиской по настоящему делу беру смелость представить в копии на благоусмотрение вашего превосходительства.

Действительный статский советник Аничков

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 192—192 об.

Заверенная копия.

№ 310

Письмо русского посланника в Иране командующему эскадрой в Астрабадском заливе о попытках английского агента организовать, нападение туркмен на крейсерство

12 июля 1854 г.

Милостивый государь Иван Осипович! Гулям-баши миссии донес мне, что во время командировки его в Западный Хорасан, имевшей место несколько дней тому назад, он встретил на дороге туркмена, который сообщил ему, что в степях прибрежных туркмен появлялся агент великобританской миссии, раздававший много денег туркменам и подстрекавший их сделать нападение на вверенный вам отряд, и что туркмены положили между собою сделать ночное покушение, от которого удержались только потому, что один туркмен известил ваше высокоблагородие об их намерении, причем они, однако же, не оставили его и ожидают только удобного случая осуществить оное врасплох.

[436] Не придавая особенной веры рассказам вышеупомянутого туркмена, в особенности после отзыва вашего касательно расположения приморских туркмен к отряду, и будучи вполне уверен, что вам очень хорошо известно, в какой степени можно опасаться внезапного и изменнического со стороны их нападения, я тем не менее долгом счел уведомить вас, милостивый государь, о сделанном мне Гулям-баши миссии донесении.

Аничков

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 215—216

Заверенная копия.

№ 311

Рапорт коменданта Ново-Петровского укрепления майора Ускова оренбургскому военному губернатору генерал-адъютанту Катенину о мерах по урегулированию взаимоотношений туркмен и казахов, населявших Мангышлак

7 августа 1854 г.

В исполнение предписания вашего превосходительства от 15 июля за № 989, полученного мной 2-го сего августа, имею честь почтительнейше донести, что оповещение враждующих с киргизами туркмен игдырского и иомутского колен, чтобы они согласились по взаимному удовлетворении друг друга примириться с киргизами и дали бы мне знать немедленно, когда и в каком именно месте они желают собраться для разбирательства, я послал 3-го числа сего месяца из числа кочующих близ укрепления туркмен абдальского рода Атаназара-бека Джан

Алиева, которому вручил на татарском языке о том бумагу на имя почтеннейших биев и старшин вышеозначенных туркмен, но как кочевки и игдырских и иомутских туркмен находятся близ самой Хивы, то ответа я ранее не могу ожидать, как через два с половиной месяца, по получении же оною я буду иметь честь донести вашему превосходительству подробно.

Причем обязанностью считаю доложить вашему превосходительству, что по совершении киргизами грабежей, поясненных в рапорте **(Документ не обнаружен)** моем от 29 марта сего года за № 441, некоторые киргизские старшины адаевского рода, не участвующие в грабежах, опасаясь мщения туркмен, просили меня еще с весны принять участие в примирении их с игдырами. Хотя участие мое в примирении, которое я принимал в начале прошлого года, как имел честь доносить бывшему господину корпусному командиру от 22 марта 1854 г. за № 401, было безуспешно по неблагоприятию самих киргиз [ов], за всем тем я уговорил поехать к игдырским и иомутским туркменам кочующего близ укрепления главную духовную особу мангышлакских туркмен Махтума Нурмухамеда, имеющего большое влияние вообще на туркмен и частью на самих киргиз [ов], который и отправился отсюда в начале июня с целью примирить обе стороны, но до сего времени, как дошли до меня слухи, ишан **[437]** находится за Усть-Уртом у адаевцев, где он желает предварительно собрать от киргиз[ов] пленных туркмен и отвести их к игдырцам и иомутцам, а от сих последних взять в обмен пленных киргиз[ов].

Майор Усков

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1857 г., д. 7265/а, лл. 1, 2.

Подлинник.

№ 312

Рапорт командующего Каспийской флотилией великому князю Константину Николаевичу о подтверждении туркменами сведений о деятельности английского агента

11 августа 1854 г.

В дополнение рапорта **(Документ не публикуется)** моего от 7-го прошедшего июля за № 611 вашему императорскому высочеству честь имею донести, что сведение о пребывании [в] степях Туркмении великобританского агента, переданное командующему Астрабадской станцией капитан-лейтенанту Свинкину иомутскими старшинами Кадыр-ханом и ханом Нияз-Дурды и подтвержденное другими преданными нам туркменами, оказалось, по сношению его с астрабадским консулом, вполне справедливым, о чем своевременно было донесено им поверенному в делах при дворе персидском. К сему капитан-лейтенант Свинкин присовокупил, что за английским агентом, проживающим под благовидным предлогом в Астрабаде, тамошний консул наш имеет строгое наблюдение.

Контр-адмирал Васильев

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 208—208 об.

Подлинник.

№ 313

Рапорт командующего эскадрой в Астрабадском заливе командующему Каспийской флотилией о безуспешной попытке английского агента поднять туркмен против крейсерства

20 августа 1854 г.

Имею честь донести вашему превосходительству, что, несмотря на все злонамеренные желания великобританского агента возмутить приморское население туркмен против отряда, до сего времени не имели никакого успеха, равно раздача значительной суммы денег и

подарков также осталась без вредных для нас последствий.

Я употребил все зависящие от меня средства внушить туркменским старшинам, что нарушения английского агента послужат только ко вреду туркмен, а не русских и что в случае неисполнения моих советов, клонящихся единственно к их благоденствию, они будут [438] поставлены в самое невыгодное для них положение. Причем счел также обязанностью напомнить старшинам бывшее дело в 1852 г. в Гасан-Кули и объявить им, что оно легко может повториться, если туркмены перестанут быть покорными отряду.

Последствия таковых внушений имели полный успех, спокойствие в Туркмении до сего времени нарушено не было. Возвращение же из неволи при настоящих обстоятельствах 11 человек пленных лучше всего может служить доказательством о сильном влиянии отряда на прибрежных туркмен, которые не иначе могут выручать пленных от разбойничьих шаек, как платя за них значительные деньги, — от 70 до 100 червонцев за каждого.

Я постоянно слежу за действиями великобританского агента Могамед-бека, который известен и нашей миссии в Тегеране как уполномоченное лицо английского поверенного в делах, и надеюсь, что происки его поколебать спокойствие в Туркмении не будут иметь желаемого успеха. По поводу вышеприписанных обстоятельств я имел честь обращаться с вопросом к господину поверенному в делах в Тегеране — господину Аничкову, как мне поступить с означенным агентом, если будет предстоять случай захватить его, на что господин Аничков уведомил меня письмом от 1 июля, (См док. № 308) в копии при сем прилагаемом, и выраженное в нем желание, хотя в исполнении его представляются большие затруднения, я по мере действий Могамед-бека и возможных средств буду стараться привести в исполнение.

Имею честь представить при сем также копию с предписания (Документ не обнаружен) ко мне господина Аничкова за № 375.

Капитан-лейтенант Свинкин

ЦГАВМФ, ф. 256. оп. 1, д. 205, лл. 18—19 об.

Подлинник.

№ 314

Рапорт командующего эскадрой в Астрабадском заливе командующему Каспийской флотилией о мерах по задержанию английского агента

20 августа 1854 г.

Предписание (Документ не обнаружен) вашего превосходительства от 8 августа за № 29 на пароходе «Ленкорань» я имел честь получить. Рапортом (См. док. № 313) моим от 20 августа за № 1045 и копией с письма господина поверенного в делах в Тегеране (Документ не публикуется) я уже имел честь объяснить затруднительные обстоятельства в арестовании великобританского агента; но желая привести их в исполнение, я еще до получения высочайшей воли обращался о сем предмете к преданному мне старшине Кадыр-хану, который имеет надежду захватить Магомед-бека во время пребывания его в степях Туркмении; но главное затруднение состоит в том, что агент этот имеет сильного у себя покровителя — старшину Ага-хана, вполне преданного [439] пользам великобританского правительства. Если же Кадыр-хану удастся исполнить мое поручение, то Магомед-бек может быть передан на крейсирующее судно вне пределов владений Персии, и в то же время не заходя на Ашур-Аде, отправлен прямо в Россию. При таком распоряжении миссия наша в Тегеране будет избавлена от всяких неприятных столкновений по сему предмету с персидским правительством.

Кадыр-хан в настоящее время находится в Туркмении и о последствиях его там пребывания я своевременно буду иметь честь донести вашему превосходительству.

Капитан-лейтенант Свинкин

ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 205, лл. 14—15.
Подлинник.

№ 315

Рапорт командующего Каспийской флотилией великому князю Константину Николаевичу о безуспешных попытках английского агента поднять туркмен против крейсерства

6 октября 1854 г.

По поводу донесения (См. док. № 314) командующего Астрабадской станцией от 20-го прошлого августа за № 1045, известного вашему императорскому высочеству из рапорта (Документ не обнаружен) моего 5-го минувшего сентября за №35 о намерении великобританского агента возмутить туркмен против отряда наших военных судов, я предлагал капитан-лейтенанту Свинкину донести мне, приняты ли им надлежащие меры к отражению туркмен в случае исполнения их намерения; достаточны ли настоящие средства отряда к отражению злонамеренных покушений или требуют усиления, и в какой мере, а также и о том, какие именно пленные возвращены из Туркмении.

На это капитан-лейтенант Свинкин от 24 сентября доносит, что средствами, имеющимися в его распоряжении, он надеется удержать приморское население туркмен в должном повиновении, что остров Ашур-Аде и военные суда наши находятся всегда в совершенной готовности отразить всякое нападение туркмен, чего, впрочем, при настоящих обстоятельствах ожидать нельзя; если же, паче чаяния, туркмены вздумают осуществить злонамеренные нарушения великобританского агента, то он надеется расстроить их в самом начале, смотря по обстоятельствам, или силой оружия или приобретенным моральным влиянием отряда и что в числе вырученных из плена заключаются четыре человека российскоподданных с ограбленной кусовой лодки астрабадского купца Мошникова и семь человек жителей Мазандеранской провинции.

В настоящее время во всей прибрежной Туркмении, от ближайшего к Ашуру (Ашур-Аде) Кара-Сенгерского аула до Красноводска, спокойно; по временам только одни атрекские туркмены, и то в самом незначительном [440] числе, ходят на разбои, но набеги этого хищного племени не имеют никакого отношения к прочим туркменским племенам.

Посланные в степь туркменские старшины для захвата великобританского агента, возвратившись на остров Ашур-Аде, сообщили, что агент, не видя успехов в своих намерениях, оставил степи и, по слухам, отправился в Тегеран, и что в случае его возвращения капитан-лейтенант Свинкин употребит все зависящие от него средства, чтобы захватить английского агента и тем исполнить высочайшую государя императора волю.

О чем вашему императорскому высочеству обязанностью считаю всепочтительнейше донести.

Контр-адмирал Васильев

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 219—221.
Подлинник.

№ 316

Из рапорта генерал-лейтенанта Н. Н. Муравьева великому князю Константину Николаевичу о необходимости укрепления дружественных отношений с туркменами

26 декабря 1854 г.

...Политические события ясно представили всю важность морских сил наших в Каспийском море — предмета, указанного еще в прошлом столетии прозорливой заботливостью

императора Петра I. В настоящее время присутствие флотилии в Каспийском море в особенности полезно по влиянию нашему на Персию и не менее важно по отношениям нашим к туркменам.

Последнее обстоятельство близко известно мне по пребыванию моему в Туркмении, и хотя миролюбивые сношения наши с туземцами этой страны в последнее время несколько изменились, но я убежден в пользе, которую могли бы принести туркмены, если б нельзя было отвратить с Персией войны, ныне избегаемой нами. Воинственные племена сии, постоянно враждующие с персиянами, могут в случае надобности отвлечь к своим границам от главного театра военных действий значительные силы шаха.

Все сии соображения так тесно связаны с интересами высочайше вверенного управлению моему края, что я осмеливаюсь обратиться на оные особенное внимание вашего императорского высочества и просить распоряжения вашего о сообщении мне сведений по дальнейшему ходу дел как по предмету перевозки морем провианта на Кавказ, так и по сношениям нашим с туркменскими племенами.

Н. Муравьев

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 978, лл. 84—86.

Подлинник.

[441] № 317

Из рапорта командующего Каспийской флотилией великому князю Константину Николаевичу о встрече его с Кадыр Мухаммед-ханом

3 ноября 1855 г.

С туркменами мы в хорошем согласии, исключая одно племя — под начальством Ага-хана, (См. **док. № 314**) нам враждебное и, как говорят, состоящее под влиянием англичан. На рейде я нашел 12 туркменских лодок, нагруженных нефтью и солью, прибывших за билетами для свободного плавания по морю и берегам Персии, без чего, как объявлено им, каждая лодка будет признана нашими крейсерами как разбойничья. Туркмены охотно подчинились этому условию. На берегу мне представился (В документе — представлялся) Кадыр-хан, владелец нефтяных промыслов на острове Челекене, украшенный уже медалью за содействие отряду, он просил у меня дозволения явиться к наместнику Кавказа и подарить две лошади — туркменские аргамаки; я согласился на это, если последует на сие разрешение наместника, к которому об этом сделано донесение от меня и препровождено письмо Кадыр-хана. На берегу же содержался под арестом один из туркмен, изобличенный в бывшем нападении весной на наши коммерческие суда; он будет содержаться до тех пор, пока за него не выданы будут еще двое пленных из астраханских татар, остающихся ныне у туркмен, — из числа 10 человек, взятых весной, из коих восемь уже освобождены. Я поручил начальнику отряда собрать подробные сведения о количестве лодок, имеющих ныне у туркмен (и о строящихся лодках), (В тексте: **способных их постройки**) средствах к вооружению их и вообще о плавании их по морю без карт и компаса; о чем по получении сведения буду иметь счастье представить вашему высочеству.

Контр-адмирал Васильев

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 247—248.

Заверенная копия.

№ 318

Рапорт командующего эскадрой в Астрабадском заливе И. А. Лихарева российскому

посланнику в Иране о дружественных отношениях с туркменами

9 ноября 1855 г.

На отношение (Документ не обнаружен) вашего превосходительства от 29 октября за № 590 имею честь донести, что относительно прибрежных туркмен мной будут приняты всевозможные меры для присмотра за поведением нового губернатора Астрабада Джафар Кули-хана, и смею уверить ваше превосходительство, что почти все прибрежные туркмены, исключая немногих разбойников с Атрека, преданы русским и весьма трудно и даже почти невозможно склонить кому-либо их на сторону [442] персидского правительства, к которому они питают с незапамятных времен сильную ненависть, как равно и самих персиян ненавидят; на всякий случай, чтобы подробнее знать все, что там будет делаться, я нахожу нужным и полезным сделать 12 туркменским старшинам, нам преданным, некоторые денежные подарки, какие вам угодно будет назначить, и усилить число лазутчиков, так, чтобы было из каждого племени, коих числом 10, хотя по одному лазутчику с платой хотя по три червонца каждому в месяц, и как на все это потребуются некоторые излишние, противу прежнего времени, расходы, на которые я не могу решиться без дозволения вашего превосходительства, и потому покорнейше прошу дать мне, ежели найдете нужным, по сему ваши предписания. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 254—255.

Заверенная копия.

№ 319

Из письма директора пароходной компании Н. Новосильского командующему Каспийской флотилией о развитии пароходного сообщения

(ноябрь 1855 г.)

Ваше превосходительство, милостивый государь Николай Александрович! (Контр-адмирал Васильев Н. А.)

...Вашему превосходительству известно, что при главнейшем пункте отправления в Россию персидских товаров Месседишер (Опущены слова, не имеющие смысловой связи с текстом) (что между Астрабадом и Энзели) нет никакой гавани и стоянка судов так неудобна, что в бурю прошлого года погибло там их несколько десятков. В этом месте при ветрах от NW бывает такое волнение, что с судов по целым неделям не съезжают на берег, — какая же затруднительная должна быть погрузка товаров в таких местах для парохода. Чтобы заставить персиян обращать товары свои на Астрабад или Энзели, надобно мне принять участие в Московской купеческой компании, ведущей торговлю с Персией, и постараться энергически изменить к лучшему действия ее, осуждаемые консулами нашими в упомянутых местах. К сожалению, для сношений наших с туркменцами и через Ново-Петровское укрепление с Хивой предстоит исправить те дурные понятия, кои народ сей получил о русских вследствие постоянных обманов астраханских рыбопромышленников, покупающих у туркмен рыбные товары. А, между тем, с народом этим при добросовестности легко завести торговые сношения, доставляя им те предметы, которые они получают теперь из Персии за привозимую туда ими нефть и соль. Нет сомнения, что туркмены взамен своей нефти и соли охотно будут брать от нас на месте то, что они достают за эти же продукты ценой морского опасного путешествия.

Таким образом, можно достигнуть двух целей: 1) расширения торговых наших сношений с Персией через доставку туда необходимых ей нефти и соли и 2) отстранения поводов туркменам к развитию мореплавания.

[443] Если бы для всего этого нужна была только моя деятельность, я почел бы себя счастливым потрудиться на пользу отечества, но сверх трудов моих в деле этом необходим

значительный капитал, а я, употребляя все денежные средства мои на учреждение пароходства по р. Куре, должен буду для осуществления обширного плана этого прибегнуть к составлению компании.

Вот почему нужна мне привилегия или ограждение от конкуренции в продолжение того времени, в какое, по соображению моему, затраченный безвозвратно капитал компаньонов моих будет возвращен из доходов предприятия. Без такого обеспечения компания и при доверии ко мне не состоится.

Мне остается к краткому изложению предмета этого присоединить только то, что ваше превосходительство, поставленные в главе управления Астраханским краем и Каспийским морем, ознакомившись с положением торговли нашей с Персией и Туркменией, с характером здешних русских промышленников и армянских капиталистов, знаете, можно ли ожидать улучшения торговли этой, и не следует ли правительству, так долго не достигающему при нынешней системе предположенных им результатов, допустить вмешательство в это дело пароходной компании с большими средствами и с просвещенным патриотическим взглядом на принимаемые ею на себя обязанности.... (Опущены сведения, сообщающие о перевозочных ценах на коммерческие грузы и т.д.)

Н. Новосильский

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1293, лл. 28—34 об.

Подлинник.

№ 320

Из рапорта командующего Каспийской флотилией великому князю Константину Николаевичу о торговле с туркменами

21 июня 1856 г.

...В прошлом году из Хивы прибыл весьма значительный караван к укреплению Ново-Петровскому для размена их произведений на доставленные из Астрахани товары, (Интересные данные о вывозимых из Средней Азии товарах содержатся в «Ведомостях о вывозе русскими торговцами... азиатских товаров» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7264. за 1856)) из Хивы были доставлены преимущественно хлопчатая бумага, сухие фрукты, бухарские шелковые материи, ковры и другие произведения, обмененные на русские мануфактурные товары, котлы и прочее. Польза этого промена весьма выгодна для русской промышленности. Караван хивинцев по окончании размена отправился обратно осенью и для подкрепления в пути от нападения туркмен пригласил сопровождать их киргизов, но в расстоянии около 500 верст от укрепления туркмены из родов ходжа и йомутов напали на них в значительных силах, разграбили весь караван и при этом отняли у киргизов весь скот. В возмездие за это киргизы напали на других туркменцев, кочующих у залива Александр-Бай и на переселившихся в прошлом году из Астраханской губернии нескольких семейств туркмен; (Об этих событиях см. документы: ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1854—1859 гг., д. 7112, лл. 19—20, 34—40, 50, 52, 57; ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 4420, лл. 16—17, 19—20) вследствие этого нападения туркмены требовали покровительства и помощи от коменданта Ново-Петровского укрепления, и как таковое [444] затруднительно им было оказать в степи около 200 верст расстояния от укрепления, то комендант послал им прикрыtie, с которым они прикочевали под защиту укрепления, где и ныне находятся; между тем комендант, действуя через старшин киргизских, успел склонить их к возвращению туркменам части отнятого у них скота. Старшины сих туркмен, узнавши о моем прибытии в укрепление, явились ко мне с просьбами: те туркмены, кои в прошлом году переселились из Астраханской губернии, просили о дозволении возвратиться обратно к своим товарищам, ныне находившимся в губернии, на что, по моему мнению, нет препятствия; туркмены же, кочующие почти постоянно у залива Александр-Бай, просили о защите их от

киргизов, предлагая соорудить там такое же укрепление, как Ново-Петровское. Общая же жалоба их была на недостаток хлеба и вообще бедственное их состояние; почему, по совещанию с комендантом, решено было производить им продовольствие мукой, которой и употреблено до 80 четвертей.

Все эти события мной описаны графу В. А. Перовскому в частном письме, а также и настоящее затруднительное положение коменданта укрепления, который, по моему мнению, не может оставаться равнодушным зрителем этой вражды, прекратившей уже доступ караванов из Хивы, и, наконец, на обоюдные жестокости киргизов и туркмен, убивающих противников жен и детей варварски, сажая их даже на кол. Не знаю, какие меры предпримет граф Перовский, но мне кажется, что можно действовать и без военных мер, принявши посредничество и создав для сего старшин киргизов и туркмен, разобрать их жалобы и удовлетворить потери той и другой стороны, которые не могут составить значительной суммы, и затем взять с обеих сторон аманатов или ручательство, что не предпримут никаких грабежей и набегов без дозволения на то коменданта.

По сведениям от начальника Астрабадской станции видно, что со стороны бунтовавших туркмен незаметно предприятий к разбойничествам и до сих пор все благополучно, — при этом г-н Лихарев представил ко мне копию при сем прилагаемого письма к нему нашего поверенного в делах в Тегеране. В июле месяце я надеюсь иметь возможность быть в Астрабаде для осмотра станции и будущих распоряжений, о чем буду иметь счастье доносить своевременно вашему императорскому высочеству.

Контр-адмирал Васильев

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 260—263 об.

Подлинник

№ 321

Из докладной записки начальника Астрабадской морской станции И. А. Лихарева командующему Каспийской флотилией о хозяйственной и политической жизни прибрежных туркмен

(Документ дается в сокращенном виде. Опущены сведения, не имеющие прямого отношения к теме сборника)

2 августа 1856 г.

Туркмены, обитающие на восточном берегу Каспия между Балханским и Астрабадским заливами, с которыми астрабадское [445] крейсерство находится в разных сношениях, принадлежат к одному из главных туркменских племен йомут и в политическом отношении делятся на два особых племени: ярали и нурали; первые живут частью на земле, принадлежащей к Астрабадской провинции, и потому считаются находящимися в некоторой зависимости от местных персидских властей. Впрочем, эта зависимость яралинцев от Персии состоит в ежегодной уплате ими небольшой дани за право рыбной ловли в р. Гурген и других подарков персидским властям, которые несколько не вмешиваются в управление этими туркменами. Племена ярали и нурали подразделяются каждое еще на пять особых родов и населяют аулы: Кара-Сангир, Кюмиш-Тепе, или Серебрянобугорский, Атрекский, Гасан-Кули, Красноводский и Челекен, находящийся на острове Нефтяном. Посреди яралинцев и нуралинцев обитают два рода отдельного туркменского племени огурджаинцев, которые справедливо считаются самым мирным из туркменских племен и вполне преданы торговле. Не только каждое племя, но и каждый род сих туркмен считает себя независимым народом и признает над собой власть только своих собственных старшин. Только один человек, а именно Таган-казы (высшее духовное лицо), избираемый в эту должность хивинским ханом, имеет на все племена и отдельные роды помянутых туркмен значительную власть. Считая себя

независимыми, туркмены не отвергают правительства России и мало-помалу влияние наше на туркмен усиливается. Причина этому заключается в том, что туркмены более и более сознают могущество России и на присутствие нашего отряда на острове Ашур-Аде не смотрят теперь как на угрозу для их независимости, ибо не видят с нашей стороны никакого враждебного расположения к их племени.

Покровительство же, оказываемое отрядом тем из туркмен, кои подчиняются установленному нами здесь порядку, столь действительно, что туркмены для того, чтобы пользоваться этим покровительством, не ограничиваются одним выражением своей покорности, но даже доказывают свою преданность, выдавая нам нередко тех из своих соплеменников, которые, упорствуя в своих диких нравах, продолжают заниматься разбоями.

Для укрепления дружественного расположения морских туркмен к отряду употребляются поощрения, состоящие в награде халатами и деньгами тех туркмен, которые оказали нам какие-либо услуги, и вообще в обращении с этим племенем мы стараемся быть ласковыми и снисходительными, принимая во внимание их крайнее невежество и дикость нравов. Собственным опытом я убедился теперь, что отряду достаточно иметь на своей стороне нескольких туркменских старшин, чтобы через них удерживать все племя в повиновении и зависимости от нас. Необходимо также для нас быть постоянно в хороших отношениях с туркменским казы как с самым влиятельным лицом на свое племя. Этого тем легче достигнуть, что сами туркменские старшины дорожат ныне покровительством отряда и находят в оном поддержку своей власти над соплеменниками. Теперь значительнейшие туркмены, как-то: Таган-казы, Худай-Берды, Гельды-хан, Таган-Чуды, Нияз-Дурды, Нур-Али-хан, Кадыр-хан, Сеид-Мухаммед и многие другие старшины находятся с нами в самых дружественных сношениях и успели оказать отряду все услуги, каких от них требовали. Так, я выручил через посредство преданных нам старшин восьмерых русскоподданных, которые как музурь были уведены туркменами в мае прошлого года с двух наших коммерческих судов. На днях я также выручил из плена единственного из русских, захваченного туркменами во время моего командования отрядом: не только все персидские подданные, которые были уведены в неволю [446] морскими туркменами с июня 1855 г. по сие время, но и некоторые из захваченных до моего приезда были также возвращены из плена моими стараниями. Всего этого я достиг, не употребляя ни разу насильственных мер; здесь я с удовлетворением замечу, что морские разбои туркмен заметно становятся реже и реже, и недалеко то время, когда они должны будут совершенно прекратиться... До сих пор отряду не приходилось прибегать даже к угрозам для поддержания своих требований и едва ли когда туркмены доведут нас до насильственных мер против целого их племени, ибо, как выше сказано, морские разбойники, могущие подать повод к таким мерам, весьма немногочисленны и могут быть легко обузданы при содействии большинства их же соплеменников, которые неохотно уделяют часть денег, приобретенных ими мирным и честным трудом, чтобы загладить зло, причиняемое несколькими лишь из их собратий. Главнейшие занятия береговых туркмен так, как и степных, составляют земледелие и скотоводство, хотя береговые туркмены ведут почти оседлую жизнь, однако мало занимаются ремеслами, взамен этого они, пользуясь близостью моря, предаются рыбной ловле и торговле. Рыбная ловля туркмен поддерживается постоянными требованиями нескольких астраханских рыбопромышленников, коих суда ежедневно посещают Астрабадский залив. На этих судах привозят рыболовные снасти и разные товары, взамен коих туркмены доставляют рыбу и необходимую для приготовления ее соль. Эта торговля доставляет как туркменам, так и русским значительные выгоды и производится под особым надзором отряда. Наблюдая строго за точным исполнением торговых условий и обязательств между туркменами и русскими торговцами и не допуская их до взаимных обид и обманов, можно развить еще более эту торговлю и приучить понемногу туркмен к постоянным и правильным торговым сношениям с русскими. Но так как нельзя вполне полагаться на искренность дружеских отношений туркмен к русским, то каждому из посещающих здешние воды российских коммерческих судов необходимо постоянно соблюдать крайнюю осторожность и принимать особые меры

предосторожности, независимо от тех, кои составляют обязанность нашего отряда... Морская торговля туркмен с персиянами весьма значительна. Туркменские лодки посещают в течение круглого года все прибрежные пункты Астрабадского залива Мазандеранской области, но не пускаются далее Руд-Бара, так что ленгерудские и энзелинские киржимы сами ходят для торговли к туркменским берегам, и преимущественно в Челекен и Красноводск. Нефть челекенская и соль, добываемая в Красноводске, составляют главную статью товаров, вывозимых из Туркмении в Персию. Взамен этих необходимых для персиян продуктов туркмены вывозят к себе рис, сахар и прочие товары. В торговых сношениях своих с персиянами туркмены подчиняются следующему порядку. Каждая лодка для выхода в море берет от особенного туркменского старшины свидетельство, с коим является на остров Ашур-Аде. Здесь рассматривается это свидетельство, поверяются имена и число судорабочих, отбирается от них всякое оружие и затем уже выдаются от отряда билеты, соответствующие... (Слово неразборчиво) паспортам наших коммерческих судов. Эти билеты достаточно защищают туркмен от притеснений со стороны персиян, которые видят во всяком предъявителе такового билета человека, находящегося под покровительством России. По возвращении туркменских лодок из Персии они заходят на Ашир, где оставляют выданные им от отряда билеты и прежним порядком следуют домой. Число лодок (больших, средних и малых), коими владеют морские туркмены, можно положить до 500 и деньги, [447] собираемые старшинами с этих лодок, составляют сумму, употребляемую, как выше объяснено, на выкуп пленных. Этот порядок несколько не стесняет туркмен в их торговле, а потому они легко и без ропота с оным свыклись. Вообще настоящие отношения туркмен к отряду весьма удовлетворительны, но, чтобы вполне упрочить наше влияние на морских туркмен, необходимо усиление здешнего отряда, хотя на некоторое время, дабы показать туркменам, какими силами может располагать наше правительство для наказания некоторых, а также и для защиты и покровительства тех, кои нам преданы и послушны...

Капитан-лейтенант Лихарев

ЦГАВМФ, ф. 410, оп 2, д. 422, лл. 291—296.

Подлинник.

№ 322

Из рапорта командующего Каспийской флотилией великому князю Константину Николаевичу о взаимоотношениях с туркменами

6 сентября 1856 г.

Благодаря усилиям командующего Астрабадской станцией спокойствие края восстановлено, из русских теперь в плену нет; г-н Лихарев за освобождение последних двух русских пленных получил в письме от нашего поверенного в делах благодарность императорской миссии в Тегеране. При сем на благоусмотрение Вашего императорского высочества имею честь предоставить две записки начальника отряда: об отношениях туркмен и персиян к нашему отряду и копии с писем поверенного в делах о действии французского правительства и благодарность миссии г-ну Лихареву. Для большего сближения туркмен с торгующим у нас сословием я разрешил командующему станцией отправлять бесплатно в течение нынешней навигации в Астрахань и обратно, предоставив его выбору, по семи человек из тех туркмен или их старшин, которые при испытанной приверженности к отряду пользуются и влиянием на свои племена. Если эта мера удостоится одобрения вашего императорского высочества, то на продолжение ее я буду иметь честь ожидать особого распоряжения.

Из числа явившихся ко мне туркменских старшин был и Кадыр Мухамед-хан, сын известного Кият-аги, ныне старшина племени, обитающего остров Челекен, или Нефтяной; я воспользовался этим случаем, пригласив его идти со мной на пароходе, дабы при его

посредстве выходить на берег для обозрения туркменского побережья и острова Челекен...
(Опущены сведения о туркменском побережье Каспийского моря).

Единственным средством к существованию здесь живущих туркмен составляют нефть и соль, два предмета, которыми изобилует остров, лишенный всякой растительности; эти продукты они сбывают персиянам, получая взамен рис, пшеницу и другие предметы. По словам туркмен, до 500 лодок занимаются этим промыслом; мы видели их несколько, стоящих против аулов. На желание наше видеть нефтяные колодцы они тотчас же изъявили согласие их показать, но для этого мы должны были с пароходом перейти на другую сторону острова; тут [448] мы нашли множество нефтяных колодцев, одни наполненные уже нефтью, другие же были еще не открыты и сверху завалены глиной, пропитанной нефтью, на которой видны следы ног, означающие печать или доказательство, кому принадлежат колодцы... (Опущен абзац, не имеющий прямого отношения к теме сборника).

Вице-адмирал Васильев

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 271—275
Подлинник.

№ 323

Из рапорта оренбургского военного губернатора военному министру о взаимоотношениях туркмен с казахами, Хивой и Россией

(Документ дается в сокращенном виде. Опущены сведения, не относящиеся непосредственно к теме сборника)

8 октября 1856 г.

...Туркмены, обитающие по восточному берегу Каспийского моря и к югу от Хивы, составляют в сущности народ, не зависимый ни от которого из соседних с ними владений: ни от России, [ни от] Персии, ни от Хивы. Хань последней считают их, впрочем, своими подданными, и сыздавна эту номинальную зависимость туркмен стараются разорением их обратить в действительную. Туркмены, естественно, питают за это к хивинцам сильную вражду. Гибель хана хивинского Мухамед-Эмина, два года тому разбитого персиянами (Войска Мухаммед-Эмин-хана в 1855 г. были разбиты под Серахсом туркменами, а не войсками Ирана) под стенами Серахса, и последовавшие за сим внутренние в ханстве смятения дали туркменам превосходный случай к мести: толпы их обложили почти все хивинские города и городки и принялись грабить и убивать хивинцев, где только могли. Чтобы противодействовать туркменам, хан хивинский Кутлу-Мурад вздумал вооружить противу них киргизов наших адаевского рода (которых за своих же подданных считают и владельцы Хивы). С этой целью послал он к ним воззвание грабить туркмен.

Против призыва к грабежу, особенно с надеждой на безнаказанность, дикий кочевник устоять не может: это его верховное блаженство. Киргизы поддались приманке и произвели несколько грабежей у туркмен игдырского рода, кочующих около Кара-Бугазского залива. Это возбудило в туркменах справедливую вражду к киргизам, и когда в ноябре 1855 г. отправился в Хиву за хлебом на 3000 верблюдах киргизский караван, состоявший преимущественно из адаевцев, туркмены сильного рода йомут встретили его около Хивы, отняли у киргизов всех верблюдов и, до ста человек взяв в плен, остальным дозволили возвратиться в свои кочевья, куда эти несчастные и добрались в конце декабря, едва живые от голода и холода. В то же время туркмены эти напали на крайние аулы адаевцев, кочующих верст 200 за Ново-Петровским укреплением, ограбили до 60 кибиток, человек 10 убили и до 50 человек обоего пола увлекли в плен..

Те же туркмены, которые постоянно кочуют около Александр-Бая, обращаясь к контр-адмиралу Васильеву с просьбой о защите их от [449] киргизов, предложили ему соорудить там с этой

целью такое же укрепление, как Ново-Петровское...

Что касается, наконец, до общей всех туркмен, прибегнувших под защиту Ново-Петровского укрепления, жалобы на недостаток хлеба и вообще бедственное состояние, то, с одной стороны, возможная по средствам укрепления помощь хлебом была им оказана, а с другой, если бы правительство обязано было удовлетворять подобные жалобы, то целую половину киргизской степи пришлось бы ему ежегодно содержать на свой счет, не только снабжая людей хлебом, но и скот сеном.

Рассмотрев обстоятельства и предложения, заключающиеся в донесении контр-адмирала Васильева, каждое в отдельности, в заключение долгом считаю сказать, что управление кочевыми азиатскими народами требует близкого знакомства с особенностями их быта и характера... (Документ без подписи)

ЦГВИА, ф. 483, д. 38, лл. 13—17.

Подлинник.

№ 324

Рапорт командующего Каспийской флотилией великому князю Константину Николаевичу о разрешении отдельным туркменским старшинам бесплатного проезда на почтовых пароходах

26 февраля 1857 г.

Во время пребывания моего в августе месяце 1856 г. в Астрабадском заливе я, вследствие ходатайства командующего тамошней станцией капитан-лейтенанта Лихарева, разрешил ему для большего сближения тех их туркменских старшин, в числе семи человек, которые при «испытанной преданности к нашему отряду пользуются особенным влиянием на свои племена с бытом подданных России, живущих в Астрахани и преимущественно с нашим торгующим сословием, принимать, в течение навигации прошлого года на наши почтовые пароходы бесплатно для доставления в Астрахань и обратно, о чем имел счастье донести его императорскому высочеству генерал-адмиралу в рапорте (Документ не обнаружен) от 4 сентября 1856 г. № 1663, но, как в прошлом году почтовые пароходы были употреблены для перевозки с Кавказа войск, назначенных к укомплектованию команд вверенного мне порта, то туркменские старшины и не могли воспользоваться предоставленным им правом, почему командующий Астрабадской станцией вследствие просьб их вторично вошел ко мне с представлением о дозволении отправлять туркменских старшин бесплатно на почтовых пароходах из Астрабада в Астрахань и обратно в течение навигации 1857—1858 гг.

Признавая таковую меру к сближению туркменских старшин с русскоподданными и преимущественно торговцами весьма полезную и удобоисполнительную, я имею честь почтительнейше испрашивать на сие разрешения вашего высокопревосходительства.

Вице-адмирал Васильев

Резолюция великого князя Константина Николаевича: «Согласен».

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 320—321 об.

Подлинник.

[450] № 325

Прошение А. А. Тергукасова начальнику Астрабадской морской станции о его желании учредить школу для обучения туркменских детей

20 июля 1557 г.

Желая всеми моими средствами служить к пользам и выгодам моего отечества, я прошу покорнейше ваше высокоблагородие довести до сведения высшего правительства намерение мое завести на свой собственный счет школу для обучения детей туркмен русскому и разным восточным языкам для сближения их с нами; обязываюсь выстроить школу, где будет указано, и содержать ее, считая также и жалованье учителям, в течение 10 лет без всякого возмездия, из одного желания пользы нашей торговли с азиатскими народами.

Чиновник 14-го класса Алексей Тергукасов

ЦГАВМФ, ф. 256, оп 1, д. 292, л. 1.

Подлинник.

№ 326

Прошение А. А. Тергукасова на имя начальника Астрабадской морской станции о разрешении ему вести монопольную торговлю с туркменами

20 июля 1857 г.

Начавши с дозволения вашего высокоблагородия с января месяца сего года доставлять для Астрабадской станции разные предметы продовольствия, я в то же время старался, как вам известно, увеличить наши сношения с туркменами, привезя для них в залив разные необходимые вещи, и по опыту убедился, что необходимейшее из них для туркмен есть железо, которое доставлять сюда я встречаю много затруднения, а потому покорнейше прошу ваше высокоблагородие исходатайствовать у высшего начальства, дабы дозволено было мне отпускать по 25000 пудов в год в течение 10 лет железо с казенных заводов по казенной цене за наличные деньги, дозволив продавать его по восточному берегу Каспийского моря, где найдется удобнее.

Чиновник 14-го класса Алексей Тергукасов

ЦГАВМФ, ф. 256. оп. 1, д. 292, лл. 2—2 об.

Подлинник.

[451] № 327

Из донесения российского консула в Астрабаде В. В. Гусева управляющему российской миссией в Иране с предложениями о возможности окружения туркменами иранских войск в районе Кара-Кала, о прекращении с ними связи и о положении в самом Астрабаде

12 января 1858 г.

Хотя в Астрабаде носят самые разноречивые слухи насчет участи ильхани (В XIX в. в Иране ильханами называли предводителей отдельных племен, которые зачастую являлись также правителями областей) и его сподвижников, но на самом деле уже более месяца, как здесь не имеется равно никаких положительных сведений о его действиях против туркмен, вышедших из Хивы и обитающих в Кара-Кала, потому что во все это время решительно никто не приезжал сюда из тех мест и сам ильхани ни к кому ничего не писал. Пять дней тому назад я нашел случай отправить к нему письмо свое с одним из туркмен-йомутов, но по сие время не имею еще ответа на оное. Все, что только наверное известно здесь, это то, что ильхани около месяца покинул кочевья туркмен-гокленов и должен теперь находиться в степях Сутляр около 8 фарсахов от Кара-Кала по сию сторону. Говорят, что будто явились туда к нему старейшины хивинских выходцев с просьбой дать им отсрочку до будущей весны для откочевки в иные места, но что ильхани не согласился на просьбу их, а потому весьма естественно, что он должен быть в настоящее время окружен отовсюду врагами. Хотя, по словам здешних жителей, у него

есть до 15000 конного и пешего войска, но, во всяком случае, неприятель его численностью своей много сильнее, ибо, кроме обитателей Кара-Кала, против него вооружились также и соседи их — текинцы, предводимые известным императорской миссии из донесений моих в 1856 г. от 25 июля за № 107 и от 7 ноября (Документы не обнаружены) за № 104— Агою Мухаммед-сардаром. Сверх того, соседние городу Астрабаду туркмены-йомуты, преимущественно из племени джафарбай, коим ильхани нанес внезапное поражение 5 сентября прошлого года, как мной было о том донесено тогда же за № 159, никак не могут позабыть этого удара, при коем они лишились почти своих жен и детей, захваченных в плен и приведенных в г. Астрабад, где они и доныне содержатся под строгим присмотром с целью выкупа за них тех из персиян, которые уведены были туркменами в неволю во время восьмимесячного отсутствия отсюда ильхани в первых месяцах прошлого года. Джафар-Кулихан ильхани и находящиеся при нем: Мир Пеньч Абдулла-хан Саремуд—Даула и Риза Кули-хан Афшар, несмотря на всю их храбрость и единодушную готовность исполнить приказания, полученные от персидского правительства насчет удаления силой туркмен из Кара-Кала, едва ли в состоянии преодолеть своего многочисленного неприятеля по причине недостатка военных средств, как-то: опытных сарбазов, полевых орудий и др., и потому одно лишь счастье, которое всегда сопровождало ильхани, подает здешним жителям некоторую надежду на счастливое окончание им этого похода. Знакомый императорской миссии из рапортов господ командующих Астрабадской станцией духовный начальник туркмен джафарбаев Таган-казы ревностно подстрекает своих единоплеменников к грабегам и нападениям на поселян здешней провинции: по удалении отсюда ильхани джафарбай стали почти ежедневно грабить села, уводить в плен и убивать жителей оных и угонять их скот. По настоящее число, сколько известно, они увели в неволю до [452] 40 человек, между которыми находится даже шах-заде Ибрагим-мирза и 8 человек собственных слуг ильхани, которые были отпущены им из-под Сенгира, местечка, лежащего на границе Астрабадской провинции и кочевьев гоклен. Эти слуги губернатора были захвачены туркменами в степи Дукабран в расстоянии одного фарсаха от Кетуля и около пяти от г. Астрабада. Сколько мне известно, г-н командующий Астрабадской станцией капитан-лейтенант Лихарев сделал уже все зависящее от него распоряжения к тому, чтобы означенные принц и восемь феррашей ильхани были непременно выручены из плена и представлены к нему. По словам астрабадского калянтара, вышеупомянутый Таган-казы приглашает туркмен джафарбаев и атабаев идти на помощь к обитателям Кара-Кала; однако те из сказанных йомутов, жены и дети которых содержатся теперь в Астрабаде, не согласны пуститься в этот поход, доколе не убедятся, что ильхани не в силах побороть своего неприятеля. Впрочем, носятся и другие слухи, что они действительно отправили в Кара-Кала субсидии. Кроме беспорядков, производимых в настоящее время туркменами, не менее их тоже усиливает эти беспорядки известный Императорской комиссии по своим интригам и склонности вмешиваться не в свои дела астрабадский муштеид Ахунд мулла Мухаммед-Риза, который, к явному неудовольствию временно управляющего Астрабадской провинцией Мирзы Мухаммеда и всех людей здравомыслящих, каждые два-три дня выезжает из города вооруженный с ног до головы, в сопровождении разной конной сволочи и, отправляясь в окрестные деревни, возбуждает жителей оных к «джихад» — общему восстанию против туркмен. Подобные поступки муллы Ризы, конечно, не могут остаться тайной для туркмен, которые вправе даже считать себя после сего обиженными со стороны персиян и потому усиливать свои разбои. При таких обстоятельствах, по мнению Мирзы-Мухаммеда и других обитателей Астрабада, угрожает опасность даже самому городу, который за отсутствием всякой силы отнюдь не имеет средств к защите. Надо еще благодарить Мирзу Мухаммеда за то, что он благоразумными наставлениями успевает удерживать горожан от неприязненных столкновений с туркменами, а то, пожалуй, последние, будучи выведены из терпения, решились бы, наконец, на единодушное и отчаянное вторжение в город. Не далее как дней за пять тому назад под самыми городскими стенами промчалась большая шайка вооруженных туркменских всадников, но, к счастью, отсюда рассеялась по соседним деревням для

грабежей... (Опущены сведения о враждебных отношениях туркмен к Ирану)

Около вечера сего же числа из лагеря ильхани, находящегося ныне на расстоянии пушечного выстрела от Кара-Кала, в Астрабад приехал один из уважаемых здешних сеидов: сеид Низамед-Дин. По его словам, ильхани до сей поры не мог еще предпринять ничего решительного против туркмен и в настоящее время находится в весьма затруднительном положении по причине современного недостатка в продовольствии войска. Кроме того, отправившиеся вместе с ним туркмены-йомуты изменили ему и передались на сторону обитателей Кара-Кала, за исключением их старейшин, коим ильхани дал позволение возвратиться в свои аулы, не видя в них более никакой надобности. Сверх сего, сеид Низамед-Дин сказывал, что ильхани имеет благое намерение прислать в Астрабад для сохранения города брата своего Шир Мухаммед-хана с 200 человек буджнурдских курдов. Как бы то ни было, но, по моему крайнему разумению, правительству его величества шаха не мешало бы обратить серьезное внимание как на затруднительное положение, в котором находится ильхани, так и на крайнюю опасность, коей [453] подвергается здешний край по причине неимения никаких военных средств и сил. (Документ без подписи)

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 3229, лл. 18—30.

Заверенная копия.

№ 328

Рапорт начальника Астрабадской морской станции главнокомандующему Кавказской армией о причинах отправки карательной экспедиции в район Кара-Кала

17 января 1858 г.

Долгом считаю донести вашему сиятельству о происшествиях, совершающихся в здешнем крае. В прошлом 1857 г. ноября 21-го дня здешний астрабадский губернатор Джафар-Кули-хан ильхани отправился в поход по воле его величества шаха против совершенно покорных туркмен, вышедших в 1856 г. из Хивы и поселивших [ся] с согласия персидского правительства и самого ильхани на тех самых плодородных равнинах, с которых они удалились в Хиву лет за 50 перед этим и находящихся по ту сторону реки Сумбар, впадающей с правой стороны в Атрек. На этой равнине находилась крепость, почти разрушенная Кара-Кала, которую ныне туркмены несколько укрепили и не хотят отходить с этих мест, где они успели обжиться и обзавестись; персидское правительство, всегда подозрительное не только к иностранцам, но даже не доверяющее и своим губернаторам, заподозрило Джафар-Кули-хана ильхани, один раз уже участвовавшего в восстании противу шаха, что он с намерением поселил выходцев туркмен так близко [от] границ Персии, приказал ему переселить их из-под Кара-Кала на другие места; ильхани как ни убеждал свое правительство, чтобы не прогонять переселившихся туркмен, готовых платить дань с этих мест, но не успел в том; и потому, не употребляя силы, начал сначала убеждать хивинских выходцев перейти из-под крепости Кара-Кала, в которой и около которой они кочевали; но только около 3000 семейств послушались его и перекочевали по сию сторону Сумбара в долину Чандыр, омываемую с двух сторон реками Сумбар и Атрек и замкнутую с третьей стороны отраслью гор, идущих из Буджнурда к северо-западу: остальные же 6000 семейств остались на прежде занятых ими местах и не хотят отходить оттуда; против них-то отправился ильхани с войском, состоящим из 10000 человек пеших и конных при трех орудиях; войска эти дурно вооружены, мало снабжены провиантом и, по словам многих, видевших их, не должны иметь успеха, ежели туркмены вздумают сопротивляться, потому что губернатор должен будет иметь дело не с одними хивинскими выходцами, но и с ближайшими соседями их туркменами-теке, народом храбрым и постоянно враждебным с персиянами; вот теперь прошло много времени, но известий положительных от губернатора и его действиях никаких нет; известно только, что он окружен со всех сторон туркменами и числительная сила

их превышает его силу. Здешные туркмены-йомуты племени джафарбай и атабай, которых ильхани в бытность свою здесь 5 сентября 1857 г. вероломно ограбил, семейства их увел в неволю и содержит в г. Астрабаде [454] заложниками, ныне восстали и стали грабить всю страну около г. Астрабада, оставленную без войска; множество пленных персиян уводятся в неволю, сжигаются деревни, и все за несправедливость и вероломство губернатора; бедствия от сего будут неисчислимы. В отношении же к нашему отряду прибрежные туркмены изъявляют совершенную покорность и расположение; о дальнейших происшествиях в этой стране я не премину доносить во всей подробности вашему сиятельству. (Об этом же см. рапорт командующего Каспийской флотилией великому князю Константину от 15 марта 1858 г. (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 386—386 об.))

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 3229, лл. 40—42

Заверенная копия

№329

Представление министра иностранных дел А. М. Горчакова Александру II о политике России в Туркмении

8 августа 1858 г.

Вашему императорскому высочеству благоугодно было препроводить ко мне рапорт (Документ не обнаружен) главного командира Астрабадского порта и Каспийской флотилии от 21 июля № 2008, в котором он предлагает занять два пункта на туркменском берегу при устьях рек Гурген и Атрек.

Я получил от нашего посланника при тегеранском дворе по тому же предмету донесение, сущность которого заключается в следующем:

1) Если занятие туркменского берега необходимо, то должно по крайней мере ограничиться устройством укрепления на одном Атреке, потому что Персия считает другой пункт своей собственностью и тут находится даже старинная персидская крепостца.

2) Противодействие Англии неминуемо, и по сему уважению желательно, чтобы в случае исполнения проекта мы предупредили назначение английских консулов в Гиляне и Мазандеране.

Рассмотрев оба донесения, нахожу, что сие важное дело не было еще зрело обсуждено в военном и торговом отношении и что только Комитет, составленный из специальных людей, может основательно разрешить вопросы: 1) в какой степени судоходны Атрек и Гурген, 2) какую пользу могло бы принести нашей торговле плавание по сим рекам, 3) можно ли воздвигнуть укрепления в означенных местах без слишком значительных расходов и пожертвований и 4) не успеем ли мы совершенно обуздать туркмен, если усилим средства нашего крейсерства, которые весьма недостаточны, как доказывают и обстоятельства недавнего захвата ими в 35 верстах от берега девяти русских подданных на астраханских лодках, едва расставшихся с военным судном?

Не касаясь сих вопросов, изложу некоторые политические соображения.

1) Упомянутые два пункта находятся в пределах независимой Туркмении и занятие их, без предварительного условия, было бы нарушением международного права.

2) Водворясь среди буйного населения сего края, мы не избежали бы частых с ним столкновений и были бы принуждены совершать трудные и убыточные походы в степях.

[455] 3) Персия имеет притязание на туркменские земли, лежащие по левую сторону Атрека и показанные на многих картах как ее владение. Если бы мы укрепились на сих спорных между ею и туркменами землях в столь близком расстоянии от ее границ, то возбудили бы ее жалобу, что посягаем на ее достояние и угрожаем ее безопасности.

Хотя Персия и воюет теперь с туркменами, но признает их своими подданными и одна хочет

иметь влияние на них.

Ее неудовольствие могло бы неблагоприятно для нас отозваться в Афганистане, где мы нуждаемся в ее содействии.

4) Часть туркмен подвластна хану, и мысль, что русские поселились на берегах Атрека, на пути к Хиве, встревожила бы сего владетеля и, вероятно, решила бы его отказать нам в праве плавания по Аму-Дарье, которого мы домогаемся.

5) Не разделяю мнения, что по прибытии английских консулов в прикаспийские области Персии нам труднее было бы исполнить наше намерение. Тайные агенты могут столь же успешно противодействовать нам, как и официальные.

Здесь главное то, что Англия, имеющая столько средств и случаев вредить нам в Азии, не может оставаться равнодушной зрительницей подобного предприятия.

Впрочем, все сии политические уважения должны быть взвешены с теми еще неопределенными военными и торговыми выгодами, которых можно ожидать от исполнения проекта.

Что касается до предлагаемых капитан-лейтенантом Лихаревым мер к наказанию туркмен, то я уже имел счастье представить вашему императорскому высочеству мнение по сему предмету от 4 августа № 2839.

Рапорт контр-адмирала Машина при сем возвращается.

Князь Горчаков

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 393—397.

Подлинник.

№330

Рапорт начальника Астрабадской морской станции командующему Каспийской флотилией контр-адмиралу Р. Г. Машину о введении платы за провоз грузов на туркменских лодках

20 августа 1858 г.

Во исполнение предписания (Документ не публикуется) вашего превосходительства от 17 минувшего июля за № 37 имею честь донести, что сбор с туркменских лодок, нагруженных нефтью и солью, производится туркменским старшиной Кадыр-ханом, каковой сбор установлен с основания вверенной мне станции самими туркменскими старшинами, который и употребляется: на наем караульных из туркмен около берега, на выкуп пленных и на угощение в аулах разных лиц, почему отряд никогда и не входил и ныне не входит в их распоряжения, и обо всем этом известно нашему полномочному министру в Тегеране.

Капитан-лейтенант Лихарев

ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 1541, лл. 4—4 об.

Подлинник.

[456] № 331

Письмо российского посланника в Иране начальнику Астрабадской морской станции о необходимости наблюдения за деятельностью английского консула Ч. Ф. Макензи в период его пребывания в Гилянской и Мазендеранской провинциях

9 сентября 1858 г.

Императорская миссия по случаю предстоящего отправления в Гилян и Мазендеран английского консула г-на Макензи уже поручила тамошним консульствам нашим следить, по возможности, за его действиями и намерениями. В предположении же, что происки сего агента

не ограничатся этими двумя провинциями, но будут, вероятно, простираться и до туркмен, с коими г-н Макензи постарается войти в неблагоприятные нашим видам сношения, имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие не оставить и с вашей стороны следить за поступками г-на Макензи в случае, если он приедет к побережьям, доступным наблюдениям вверенной вам флотилии, и поставить меня в известность о замеченных вами признаках тайных действий английского консула против нашего влияния на берегах Каспийского моря.

Аничков

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 438—439.

Заверенная копия.

№ 332

Из отношения командира Отдельного оренбургского корпуса товарищу министра иностранных дел о рекогносцировке восточного побережья Каспийского моря

6 октября 1858 г.

...Из этих сведений, между прочим, видно следующее:

1. От низовьев Аму-Дарьи по направлению к Балханскому заливу тянется лощина, как полагают, древнее русло этой реки, когда туркмены минувшей весной, находясь во вражде с хивинцами, разрушили плотину, устроенную на вершине сказанной лощины, то вода из Аму-Дарьи прошла до половины ее протяжения и образовала там обширное озеро с пресной водой, которая, однако же, вследствие запруды вновь плотины хивинцами стала портиться и сделалась солоноватой.
2. Устье этой лощины видно будто бы на восточном берегу Балханского залива; по обеим же сторонам ее находятся значительные высоты, удобные для возведения укрепления, изобилующие родниками, покосными местами, топливом и покрытые аулами туркмен, занимающихся к югу от Балханского залива хлебопашеством и садоводством в больших размерах. Пресная вода в колодцах находится на всем протяжении от Кара-Бугазского до Красноводского залива.
3. От Балханского залива до Аму-Дарьи туркмены считают 10 дней караванного ходу или 13 для походного движения наших отрядов: на протяжении всей помянутой лощины можно иметь воду в колодцах.
4. Верстах в 80 южнее Балханского залива начинается ковыльная степь, здесь туркмены занимаются также хлебопашеством; хлеб родится [457] без поливки; на балханских высотах растет и строевой лес, между прочим, тополь, имеющий от 8 до 10 вершков в отрубе.
5. Туркмены занимаются рыболовством в обширных размерах на всем протяжении от Киндерлинского залива до р. Атрек; торгуют нефтью, добываемой с острова Челекен; пуд нефти стоит у них до 20 коп. серебром, нефть сбывается в Персию и выменивается на порох и свинец; на р. Атрек туркмены производят столько пшеницы и ячменя, что затрудняются даже в их сбыте, продавая первую до 25 коп., а последний по 15 коп. за пуд.
6. Туркмены, кочующие к северу от Кара-Бугаза, дружелюбно расположены к нам, оказывали всевозможное содействие съемочному отряду и обещали доставить оному средства для переправы через Кара-Бугазский пролив и верблюдов под тяжестью, если бы съемка продолжалась к югу; вообще они желают, чтобы русское правительство приняло их под действительное покровительство и защитило от притеснений Хивы.
7. Южные туркмены, кочующие к персидской границе, разделяются на две части: степную и приморскую; каждая имеет своего хана. Эти ханы, бывшие недавно во вражде вследствие подстрекательств и происков хивинцев, ныне действуют заодно против Хивы. Поэтому нет причин предполагать, чтоб прикаспийские туркмены встретили враждебно наши съемочные отряды, если таковые будут посланы на будущий год. Один из старшин, которого аулы кочуют между Кара-Бугазским и Красноводским заливами, предлагал съемщикам свое полное содей-

ствие на будущее время.... (Опущены сведения, не имеющие существенного значения для темы сборника).

Предвидеть же заранее эти обстоятельства и сделать распоряжения заблаговременно весьма трудно и часто даже невозможно. Тем не менее, расспросные топографические сведения, доставленные с восточного берега Каспийского моря, имеют такую важность относительно необходимости устроить на оном укрепленный пункт для управления туркменами, защиты их от Хивы и упрочения нашего на нее влияния,— и топографическое исследование побережья находится в такой тесной связи с известными вашему превосходительству предположениями моими об отношениях наших в Хиве, что я намереваюсь войти с представлением о разрешении продолжать в будущем году рекогносцировки восточного берега Каспийского моря и подробный осмотр пунктов, удобных для возведения нашего укрепления с небольшим гарнизоном... (Опущены сведения о необходимости тщательного исследования восточного побережья Каспийского моря).

Подробное топографическое исследование восточного берега Каспийского моря находится, кроме того, в связи с заявленным министерству предположением г-на Бенардаки (Речь идет о ходатайстве отставного поручика Бенардаки о разрешении ему учредить компанию для рыболовства в Красноводском заливе. Данные об условиях этой компании и отношении властей к ней см. в отношении министра государственных имуществ генерала Муравьева адмиралу Метлину от 16 декабря 1856 г. (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1884, лл. 1—5 об.)) завести торговую факторию на Красноводском заливе и иметь при оной небольшую флотилию, если он получит разрешение на лов рыбы и бой тюленя вдоль упомянутого берега.

Отношением (Документ не публикуется) от 27-го минувшего января за № 125 я имел честь сообщить вашему превосходительству мнение мое по сему предмету и с того времени не получил извещения, дано ли г-ну Бенардаки разрешение на производство рыбной ловли с устройством фактории на Красноводском заливе или в этом ему отказано. Так как действия торгового [458] общества на восточном берегу Каспийского моря могли бы быть одним из самых верных средств к утверждению нашего влияния на туркмен и к уничтожению зависимости их от Хивы, с которой они по необходимости находятся в торговых сношениях, нуждаясь в предметах первой необходимости, то я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство уведомить меня, в каком положении находится ныне дело по прошению г-на Бенардаки.

Сверх сего, получая некоторые частные сведения и усматривая из статей, помещенных в журналах, о действиях судов Каспийской флотилии против туркмен, производящих разбой в персидских пределах, я нахожу, что действия этой флотилии по берегу Каспийского моря так тесно связаны с управлением Оренбургского края и будущими моими видами на Хиву и туркмен, что было бы не только полезно, но даже необходимо, чтоб главный начальник Оренбургского края знал о действиях вышеозначенной флотилии, а потому я обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой, не признаете ли вы возможным держать меня в постоянной известности о действиях вышеозначенной флотилии и познакомить меня с инструкциями, которыми руководствуются начальник Астрабадской станции или лица, командируемые к восточным берегам Каспийского моря, дабы последующие действия мои на этом берегу, если правительству угодно будет одобрить мои предположения, могли согласиться с настоящим положением дел на всех пограничных пунктах Зауральского края.

Генерал-адъютант Катенин

ЦГВИА, ф. 483, д. 47, лл. 8—14

Копия.

военному министру Н. Сухозанету 2-му «О предприятиях на юго-восточном берегу Каспия»

10 декабря 1858 г.

На отзыв (Документ не обнаружен) вашего высокопревосходительства от 25 октября за № 9403, в коем объявлена мне высочайшая воля относительно наказания туркмен за нападение их на две наши лодки 25-го минувшего июня, имею честь сообщить вам для всеподданнейшего доклада государю императору следующие соображения... (Опущены сведения о морских разбоях приатрекских персидскоподданных туркмен, о необходимости наказания их и т.д.).

Вполне убежденный в необходимости поддержания исключительного господства нашего на Каспийском море, я со своей стороны считаю обязанностью выразить мое мнение, что единственное надежное средство для охранения нашей морской торговли как от грабительства туркмен в настоящее время, так и от угрожающих нам будущих происков враждебной политики Англии состоит в том, чтобы юго-восточный берег Каспийского моря занять постоянным образом по крайней мере двумя укреплениями, которых гарнизоны имели бы достаточную силу для распространения влияния нашего на значительное пространство от берега... (Далее излагаются краткие сведения о русско-туркменских связях во второй половине XVIII и начале XIX вв.).

В последнее время самый ход дел и в особенности усиленная деятельность англичан на востоке указывали яснее всю важность [459] поддержания русского господства на Каспийском море, и прежняя мысль о занятии юго-восточного берега возникла с новой силой. В архивах Военного министерства хранятся любопытные записки, поданные разными лицами по этому предмету и заключающие в себе указания на выгоднейшие пункты берега для занятия нашими войсками.

Вновь образовавшееся общество Закаспийского торгового товарищества при самом открытии своих действий в поданной мне докладной записке (Записка эта была также подана учредителями товарищества его императорскому высочеству генерал-адмиралу и по приказанию его препровождена ко мне (примечание в документе)) представило необходимость построения укрепления на урочище Кара-Сенгир, находящемся между реками Гурген и Черной (Кара-Су). Мнение это было передано на обсуждение главного командира Астраханского порта контр-адмирала Машина, который, найдя названное место не совсем удобным в морском отношении, указывал другие два пункта, по его мнению, более выгодные: Серебряный бугор (Кюмиш-Тепе), находящийся при одном из устьев р. Гурген, и Гасан-Кули—при устье р. Атрек. С своей стороны действительный статский советник Аничков, на заключение которого посылались оба означенные предположения, находит, что в избежание притязаний персиян, считающих границу своих владений до Атрека, следует занять Гасан-Кули, откуда можно удобнее иметь надзор за туркменами и даже влияние на хивинские владения. Наконец, есть указание и на другие пункты, лежащие севернее и более удобнее в морском отношении, именно в Красноводском и Балханском заливах.

Такое различие в мнениях относительно выбора места для укрепления происходит, как замечено выше, от недостаточности наших сведений гидрографических и топографических о юго-восточной части Каспийских берегов. Но самая необходимость занятия этой части берега признается единогласно и, сколько мне кажется, предприятие это долее отлагаемо быть не может. Такое убеждение мое подкрепляется и мнением посланника нашего в Тегеране, столь близко знакомого с обстоятельствами и положением дел в том крае; указывая на пользу занятия Гасан-Кули, действительный статский советник Аничков присовокупляет, что «лучшим, если не крайним, сроком к осуществлению этого предположения считает он будущую раннюю весну, пока прибывший в Гилян английский агент не успел еще распространить неминуемые и вредные для нашего влияния действия свои на юго-восточные прибрежья Каспийского моря».

Все изложенные соображения столь важны, что заслуживают, по моему мнению, быть повергнутыми на высочайшее воззрение государя императора; а потому, сообщая оные вашему высокопревосходительству, я вместе с сим препровождаю копию с настоящего отзыва

к г-ну министру иностранных дел и прошу его сиятельство по ближайшем обсуждении вопроса с точки зрения политической испросить высочайшее соизволение относительно системы, какую его императорскому величеству благоугодно будет указать для будущих наших действий на юго-восточных побережьях Каспийского моря... (Опущены сведения, говорящие о необходимости занятия Россией юго-восточного туркменского побережья Каспийского моря).

Необходимо предоставить начальнику экспедиции самому избрать место для первоначальной высадки и потом уже, по осмотре имеющихся в виду пунктов окончательно утвердиться в том из них, который окажется выгоднейшим. (Для первоначального водворения в занятом пункте я полагал бы запастись достаточным числом калмыцких кибиток, которые составляют на первое время лучшее для войск помещение, чем сырые землянки или бараки, и притом позволяют удобно переноситься с одного места на другое (примечание в документе)) Но для облегчения действий в этом отношении [460] можно будет заблаговременно вменить в обязанность начальнику Астрабадской станции пользоваться всеми случаями для пополнения наших сведений о береге и исправления имеющихся карт. Может быть, представится также случай послать на берег офицеров или топографов под порукой надежных туземцев, стараясь, однако же, не возбудить тем подозрений ни между туркменами, ни со стороны английских агентов, которые, конечно, устремили бы все свои усилия к противодействию нашему предприятию.

Я полагаю также возможным извлечь большую пользу из действий, открытых Закаспийским торговым товариществом, которое уже имеет некоторые связи с туркменами. Быть может даже, что сношения эти послужат и благовидным поводом к занятию первого пункта на берегу; нельзя не признать, что выгоднейший случай был бы тот, если б удалось нам достигнуть предположенной цели, вовсе не давая нашему предприятию военного характера, а под видом торговых факторий, для безопасности которых, естественно, требуется вооруженная охрана.

С другой стороны, желательно было бы, чтобы сами туркмены по прежним неоднократным примерам прибегли к нам с просьбами о принятии их под покровительство России и об охранении открытых с ними торговых сношений; в таком случае дело совершилось бы без насилия и устранилось бы всякое опасение встревожить Персию или возбудить с ее стороны протесты и жалобы... (Опущены сведения, не имеющие существенного значения для темы сборника).

Из всего сказанного ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что, по моему мнению, образ действия для исполнения предположенного плана не может быть положительно предначертан вперед, — не должен быть вполне предоставлен указанию обстоятельств и соображению как моему, так и того начальника, которому я поручу тогда непосредственно экспедицию.

Когда бы с помощью божьей удалось нам прочно стать на юго-восточном берегу Каспийского моря, то все дальнейшие происки английской политики в этом крае не были бы для нас опасны; Каспийское море сделалось бы действительно русским озером и то, что в течение целого столетия замышлялось втайне, обратилось бы, наконец, в существенность в настоящее славное царствование.

С нетерпением я буду ожидать от вашего высокопревосходительства извещения о последующих по предмету настоящего моего представления высочайших предначертаниях.

Генерал-адъютант Барятинский.

ЦГВИА, ф. 483, д. 47, лл. 15—27 (Копию документа см. в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 455—464).

Подлинник.

Каспийского моря

17 декабря 1858 г.

...Впрочем, и сам г-н Аничков, сколько мне известно, признает недостаточность временных набегов на туркменский берег. Так же, как и ваше превосходительство, он убежден в необходимости постоянного [461] занятия одного или двух пунктов на этом берегу для действительного охранения нашей морской торговли и для обеспечения исключительного нашего господства на Каспии... (Опущены некоторые подробности, в которых говорится о необходимости занятия юго-восточного побережья Каспийского моря).

В ожидании ответов от действительного тайного советника князя Горчакова и генерал-адъютанта Сухозанета, а также дополнительных сведений от действительного статского советника Аничкова я счел необходимым обо всем изложенном поставить в известность ваше превосходительство, дабы вы могли заблаговременно сообразить, какие приготовления и распоряжения потребуются по морской части в том случае, если на занятие юго-восточного берега последовало высочайшее соизволение... (Опущены сведения об исследовании берега Каспийского моря и составлении карты (см. док. № 333)).

По всем вышеизложенным предметам имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить мне ваши соображения, а также, если признаете возможным, доставить мне интересующие в морском ведомстве карты берега к северу от Астрабадского залива, примерно до Балханского залива. В особенности же было бы желательно иметь подробные сведения об этом заливе, также о Красноводском и об урочище Гасан-Кули. За неимением же лишних экземпляров сих карт в Астрахани не изволите ли принять на себя труд сообщить мне хотя список тем картам, дабы я мог выписать оные из С.-Петербурга.

Генерал-адъютант Барятинский

ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 348, лл. 13—16 об.

Подлинник.

№ 335

Из заключения вице-директора Инспекторского департамента Морского министерства капитана 1-го ранга А. В. Воеводского о территориальных водах России и Ирана на Каспийском море и возможностях развития рыболовства

Декабре 1858 г.

Относительно весьма полезного для Каспийского моря предприятия г-на Бенардаки имею честь сообщить вашему сиятельству следующее, что касается собственно до морской части настоящего вопроса: граница наша с Персией на восточном берегу Каспийского моря не определена и, кажется, правительство наше уклонялось по сие время от назначения оной; от этого и границы вод по восточному берегу, на пользование которыми мы имеем неоспоримое право, не известны. Персидское правительство, признавая туркмен, живущих по восточному берегу Каспия между реками Атрек и Кара-Су (Черная), своими подданными, считает и воды, омывающие эту местность, и далее по всему южному берегу до Астары на западном, — владениями персидскими; и вследствие того отдает их на откуп для лова рыбы. Туркмены же, живущие в сказанной местности, персидскому правительству добровольно не подчиняются и принадлежность оному вод между реками Атрек и Кара-Су не признают, считая их своим достоянием, которым они на самом деле исключительно и пользуются. Отсюда беспрерывно происходили столкновения, [462] часто кровавые, между туркменами и рыбопромышленниками персидского откупщика, покуда он имел их из русских, а не из туркмен. Следовательно, г-н Бенардаки может быть допущен к пользованию водами от Тюб-Карагана только до Атрека... (Опущены сведения, не относящиеся к теме сборника)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1884, лл. 6—7.
Подлинник.

№ 336

Из отношения обер-прокурора III департамента Сената Н. Е. Торнау начальнику Астрабадской станции о содействии в деятельности торговой фактории в Астрабаде Закаспийского торгового товарищества

6 января 1859 г.

Закаспийское торговое товарищество обратилось ко мне с ходатайством о покровительстве и содействии моем его делу в том отношении, в каком оно находится ныне к Астрабадской станции по влиянию оной на круг его действий. Сочувствуя вполне полезному предприятию этого товарищества, я нахожу весьма справедливым и необходимо нужным всякое споспешествование торговым делам означенного товарищества со стороны морского управления, а потому желаю, дабы содействие, оказываемое до сего времени агенту фактории Закаспийского торгового товарищества, для местопребывания коей избран остров Ашур-Аде, было продолжаемо постоянно и дабы торговля этого товарищества до приобретения по видам своим в будущем иного оседлого места на материке по персидскому берегу пользовалась полным покровительством Астрабадской морской станции.

Вследствие этого предлагаю вашему высокоблагородию как начальнику станции и для всегдашнего на будущее время руководства принять нижеследующие положения, согласные с ходатайством товарищества и основанные на сведениях, мне оным сообщенных... (Опущен 1-ый пункт отношения, не представляющий интереса для темы сборника).

...2) По операции продажи и закупки товаров действия фактории с Ашур-Аде ограничатся: а) продажей русских товаров жителям острова Ашур-Аде сколько потребуется; б) продажей персиянам Астрабадской провинции лишь в тех случаях, когда сами явятся или пошлют своих поверенных для закупок из ашур-адинского магазина, и в) в отношении торговых сношений с туркменами, с которыми предполагается производить главнейшую меновую торговлю, обменивая русский товар на их произведения, как-то: пушной товар и ковры, впоследствии также и на рыбный товар, нефть и соль.

Содействие успешному ходу всего вышесказанного производства вменяю в особенную обязанность вам, как начальнику станции, и предлагаю иметь о том постоянное попечение.

Торговые сношения с туркменами с острова Ашур-Аде не могут производиться по нынешнему положению дел иначе, как с разрешения и под влиянием начальника Астрабадской морской станции; в этом агенты товарищества должны подчиняться распоряжениям вашим, то есть вступать в сношение с туркменами лишь в то время и на те сроки, на которые получают разрешение от вас, и устраниваться от сношений с [463] лицами, с которыми вы не сочтете удобным, по политическим и административным причинам, иметь сношения.

Персидскому правительству необходимо следует прямодушно внушить, что все их стеснительные условия, ни на чем не обоснованная подозрительность и недоверчивость совершенно противны всякому благоразумию и выгодам собственной их торговли, что этим нарушаются права, поставленные мирными трактатами и исключительно в ограждение русских подданных, тогда как этим пользуются без всякого преимущества и исключительности каждый европеец на Востоке, каждый азиатец в Европе, — это право свободного движения по торговым операциям, священное право неприкосновенности в домашнем быту.

Предоставляя Вам указанное мной содействие Закаспийскому торговому товариществу приводить в исполнение по личным Вашим соображениям и в той мере, как это исполнялось Вами доселе, я предлагаю иметь эти положения при станции для руководства на будущее

время. Что же касается до охранения судов товарищества во время их плавания к берегам туркменским, то исполнять по имеемой на этот предмет у Вас инструкции, я имею в виду испросить в дополнение особые распоряжения высшего начальства, о которых в свое время может быть сообщено.

Н. Е. Торнау

ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 390, лл. 1—4 об.

Заверенная копия.

№ 337

Из журнала Особого совещания Комитета министров по вопросу занятия юго-восточного побережья Каспийского моря и принятии туркмен в подданство России

2 и 9 января 1859 г.

В совещательных заседаниях 2 и 9 января 1859 г. состоявшихся по особому высочайшему повелению, присутствовали гг. министры: военный и иностранных дел, министр финансов, управляющий морским министерством, командиры отдельных корпусов Сибирского и Оренбургского, генерал-квартирмейстер Главного штаба его императорского величества и генерал-майор Ковалевский и Игнатьев.

Слушали:

1) Всеподданнейший доклад военного министра от 27 декабря № 102 о предприятиях на юго-восточном берегу Каспийского моря... (Опущены 2 и 3-й пункты протокола заседания, не относящиеся к теме сборника).

Во всеподданнейшем своем докладе (Доклад военного министра Н. Сухозанета от 27 декабря 1858 г. № 102 не публикуется) № 102 военный министр, повергая на всемилостивейшее воззрение государя императора соображения главнокомандующего Кавказской армией и командира Отдельного оренбургского корпуса о занятии юго-восточного берега Каспийского моря и предложение генерал-адъютанта Катенина о принятии в подданство туркмен, выражает мнение, что для обеспечения и [464] расширения нашей каспийской торговли весьма полезно было бы иметь на юго-восточном берегу торговую факторию, обеспеченную от хищничества кочующих племен, но вместе с тем генерал-адъютант Сухозанет признает, что по недостаточности сведений прежде всего необходимо сколь возможно точная рекогносцировка ближайшей к морю полосы.

Определили:

Согласно высочайшей воле обсудив совместно все предметы, указанные государем императором, члены совещательного заседания составили следующие соображения для всеподданнейшего доклада его императорскому величеству.

1

По всеподданнейшему докладу военного министра присутствовавшие единогласно признают пользу учреждения торговой фактории на юго-восточном каспийском берегу, а потому находят необходимым предварительно каких бы то ни было распоряжений произвести в будущее лето сколько возможно точную рекогносцировку ближайшей к морю полосы, начиная от северных уже известных частей Каспийского побережья до персидской границы.

Рекогносцировку признано полезным поручить командиру Отдельного оренбургского корпуса в том внимании, что значительная часть необходимых для сего работ по его распоряжению уже исполнена и в предложении прошедшего лета от Оренбургского корпуса произведена топографическая рекогносцировка Усть-Урта и части восточного берега до Кара-Бугазского залива, а также собраны весьма полные расспросные сведения о туркменах, живущих к югу от Кара-Бугаза до пределов Персии и Хивы. Для производства рекогносцировки, согласно ходатайству генерал-адъютанта Катенина, найдено необходимым предоставить в его

распоряжение пароход и баржу от Каспийской флотилии и ассигновать из сумм кибиточного сбора 8 ¹/₂ тыс. рублей серебром.

Что же касается до предложения генерал-адъютанта Катенина принять в подданство туркмен, то присутствовавшие находят, что не только подданство, но и официально объявленное покровительство над туркменами было бы для нашего правительства неудобно.

Таким объявлением мы приняли бы на себя ответственность за все хищничества и разбои, совершаемые туркменами, а через то были бы поставлены в весьма неприятное и затруднительное положение относительно Персии. Часть туркмен, кочующих на восточном берегу Каспийского моря, признала себя подданными России еще со времени императрицы Екатерины II, а между тем в сущности остается также независимой, как и большая часть остальных племен. В случае же действительной готовности туркмен согласоваться с видами нашего правительства они имеют к тому полную возможность.

На этом основании признано полезным в будущих сношениях с туркменами: стараться еще более подчинить их нашему влиянию посредством дружеских с ними сношений, уклоняясь вообще от всяких положительных и официальных обещаний.

Инструкция, которую генерал-адъютант Катенин даст начальнику съемочного отряда, должна быть составлена согласно высказанному мнению, и необходимо, чтобы этот начальник вел дела с туркменами вообще весьма осмотрительно и старался расположения их к нам не ослаблять.

[465] В то же время присутствовавшие признали полезным, чтобы пароход по высадке на берег съемочного отряда в Балханском заливе отправился на Астрабадскую станцию и находился там во все продолжение рекогносцировки, подходя на соединение к высаженным отрядам к местам, удобным для высадки, там, где начальником съемки будет указано. Командир парохода на пути от Балханского залива к Астрабадской станции, а также и в другие рейсы, которые будет делать, обязан промерять прибрежную глубину и собирать, сколь возможно, точные сведения о самом берегу.

Такое распоряжение, кроме устранения невыгодной якорной стоянки в Балханском заливе, будет полезно и в том отношении, что увеличение наших судов в Астрабадском заливе может иметь влияние на ход дел между туркменами... (Далее следуют не представляющие интереса для темы сборника сведения об усилении средств Аральской флотилии).

Николай Сухозанет, князь А. Горчаков, адмирал Метлин, Густаф Гасфорт, Александр Катенин,
Александр Княжевич,

барон Ливен, Егор Ковалевский, Николай Игнатьев

Резолюция Александра II: «Исполнить. 17 января 1859 г.».

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 190. лл. 13—21.

Заверенная копия.

№ 338

Из письма российского посланника в Иране начальнику Астрабадской морской станции о необходимости укрепления русско-туркменских отношений

20 января 1859 г.

Я имел честь получить от г-на наместника кавказского секретное отношение, из коего я долгом считаю сообщить вашему высокоблагородию нижеследующее:

Князь Александр Иванович (Имеется в виду кавказский наместник А. И. Барятинский) желал бы получить новые подробные данные о положении дел на туркменском берегу, чтобы разъяснить вопрос, в какой мере действительно необходимо принять более решительные меры против туркмен и требуется ли после произведенного уже вами нападения снарядить новую экспедицию в больших силах... (Документ дается в сокращенном виде. Опущены сведения, не

относящиеся к теме сборника)

При соображении политической стороны этого вопроса надлежало бы также определить, в какой мере появление десанта на туркменском берегу может способствовать успеху наших дел в этой части Азии? Не произведет ли оно последствий, противоположных нашим ожиданиям, [466] и не послужит ли новым орудием для агентов сопернической державы. чтобы возжечь против нас ненависть и ожесточение в племенах, доселе искавших покровительства России... (Опущены сведения, не относящиеся к теме сборника)

Аничков

ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 348, лл. 37—39.

Заверенная копия.

№ 339

Предписание управляющего Морским министерством Н. Ф. Метлина командующему Каспийской флотилией о проведении рекогносцировки юго-восточного побережья Каспийского моря

24 января 1859 г.

В Особом комитете, рассматривавшем по высочайшему повелению предположения о предприятиях на юго-восточном берегу Каспийского моря, положено: для производства рекогносцировки ближайшей к морю полосы юго-восточного берега Каспийского моря назначить в распоряжение оренбургского и самарского генерал-губернатора пароход и баржу от Каспийской флотилии. Пароход этот по высадке на берег съёмочного отряда в Балханском заливе должен отправиться на Астрабадскую станцию и находиться там во все продолжение рекогносцировки, подходя на соединение с выезженным отрядом к местам, удобным для высадки, там, где начальником съёмки будет указано. Командир парохода на пути от Балханского залива к Астрабадской станции, а также и в другие рейсы, которые будет делать, обязан промерять прибрежную глубину и собирать, сколь возможно, точные сведения о самом берегу.

Такое распоряжение, кроме устранения невыгодной якорной стоянки в Балханском заливе, будет, по мнению комитета, полезно и в том отношении, что увеличение наших судов в Астрабадском заливе может иметь влияние на ход дел между туркменами... (Опущены сведения, не представляющие существенного значения для темы сборника)

Н. Метлин

ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 400, лл. 2—3 об.

Подлинник.

№ 340

Из предписания управляющего Морским министерством командующему Каспийской флотилией о совместных действиях экспедиции полковника В. Д. Дандевилля и гидрографической партии капитана 2-го ранга Н. А. Иващинцева (Иващинцев Николай Алексеевич (1819—1871) — контр-адмирал, известный русский ученый-гидрограф) на Каспийском море

12 февраля 1859 г.

Высочайше одобренными определениями совещательных заседаний Особого комитета 2 и 9-го минувшего января (Об этом см. док. № 337) положено произвести предстоящим летом от Отдельного оренбургского корпуса [467] топографическую рекогносцировку восточного берега

Каспийского моря с тем, чтобы чины этой экспедиции высадились в Балханский залив на судах Каспийской флотилии... (Опущены сведения о некоторых приготовлениях по снаряжению экспедиции для рекогносцировки восточного побережья Каспийского моря)

Известившись вместе с сим, что одновременно с береговой рекогносцировкой посылается от Морского министерства экспедиция под начальством капитана 2-го ранга Ивашинцева для определения астрономических пунктов на восточном берегу Каспия и имея в виду, что оба предприятия, имея специальную связь между собой, могли бы идти успешнее в совокупности, генерал-адъютант Катенин просит о разрешении капитану 2-го ранга Ивашинцеву войти в сношение с полковником Дандевилем и во время работ на восточном берегу Каспия содействовать, в случае надобности, успеху береговой рекогносцировки, каковое распоряжение будет с его стороны также сделано относительно полковника Дандевилля.

Н. Метлин

ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 400, лл. 14—17.

Подлинник.

№ 341

Из рапорта командующего Каспийской флотилией кавказскому наместнику о значении устройства баз на юго-восточном побережье Каспийского моря

17 февраля 1859 г.

С соизволения его величества государя императора находясь на краткое время в С.-Петербурге по делам службы, я имел честь получить предписание (См. док. № 334) вашего сиятельства от 17 декабря № 186, которым изволили поставить меня в известность о положении нерешенного еще вопроса относительно цели действий наших на восточном берегу Каспийского моря о предлагаемом занятии там некоторых пунктов, могущих служить лучшим средством к произведению желаемого влияния на туркменские племена. В настоящее время вопрос этот, как известно вашему сиятельству, получил определительное решение, причем высочайше одобренными в 17-й день января определениями совещательных заседаний Особого комитета 2 и 9-го чисел минувшего января положено произвести в предстоящем лете от Отдельного оренбургского корпуса топографическую рекогносцировку восточного берега Каспийского моря с тем, чтобы чины экспедиции высадились в Балханском заливе на судах Каспийской флотилии и произвести исследование к югу ближайшей к морю полосы, для чего в распоряжение начальника экспедиции назначены пароход и морская баржа. Относительно влияния нашего на туркмен и в случае желания их вступить в подданство России совещательный комитет определил всеми мерами стараться располагать их к нам, но о подданстве отклонить всякую мысль, даже официальное объявление им покровительства находить неудобным, так как оно повело бы к ответственности с нашей стороны за всякое их хищничество и возбудило бы претензию со стороны персидского правительства.

[468] В прошедшем лете, обозревая порты Каспийского моря, я осмотрел весь туркменский берег и заходил два раза в заливы Красноводский и Челекенский, где имеются значительные поселения туркмен. Желая внушить им выгоды честной торговли с нашими купцами и не допускать хищничества, за которое при наказании могут страдать не только виновные, но и безвинные и поселить общее неудовольствие, предложил им по желанию отправляться на пароходах в Астрахань для ознакомления с нашим купечеством, что и исполнено одним из челекенских ханов, прибывшего прошедшей осенью на зимовку в Астрахань, впоследствии перед отъездом моим в С.-Петербург объявил мне, что он желал бы знать, примут ли их в подданство, так как до 600 кибиток кочующих близ Этрека (Атрека) туркмен изъявляли на то свое желание и в наступающее лето намеревались просить о том официально.

Если уже предвидятся невыгодные столкновения от принятия туркмен в подданство наше, то

казалось бы, по мнению моему, возможным для прекращения навсегда их хищничества согласить персидское правительство способствовать занять там два пункта на восточном берегу Каспийского моря как единственного способа к обузданию туркмен, удаленных от моря, которые есть главные хищники, и для наказания их в недавнее еще время персидское правительство просило содействия нашего астрабадского отряда. В действительности этой меры может служить пример мангышлакских туркмен, которые прежде постоянно грабили и увозили в плен наших рыбопромышленников, плававших на эмбенских и других смежных водах, но с постройкой Ново-Петровского укрепления (Александровский форт) всякие грабежи совершенно прекратились... (Отпущены сведения о занятии Россией юго-восточного побережья Каспийского моря и другие, касающиеся его изучения)

ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 348, лл. 17—20.
Отпуск.

№ 342

**Из инструкции главнокомандующего Отдельным оренбургским корпусом полковнику
генерального штаба В. Д. Дандевилю
о задачах рекогносцировки юго-восточного побережья Каспийского моря**
(Копия этого документа хранится в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2005, лл. 12—14)

21 февраля 1859 г.

Назначая ваше высокоблагородие начальником рекогносцировки восточного берега Каспийского моря, предлагаю принять к сведению и исполнению следующее:

1. Цель экспедиции состоит в определении полуинструментальной съемкой береговой полосы шириной примерно на 40 верст (или сколько позволят обстоятельства) от Кара-Бугазского пролива к югу до персидской границы и в выборе на этом пространстве удобных пунктов для возведения укреплений с торговой факторией, при коей находилось бы место, удобное для якорной стоянки судов.

По этому, экспедиция составитсЯ из трех офицеров и шести нижних чинов корпуса топографов, по вашему выбору, и одного инженерного [469] офицера; при вас будут также находиться переводчик из чиновников пограничной комиссии и доктор... (Далее в пунктах 2—5 излагается порядок проведения экспедиции и снабжения ее необходимыми средствами)

6. По приближении к Астрабадской станции вы обязываетесь войти в сношение с начальником оной и обратиться к нему с просьбой, в случае надобности, о содействии успеху возложенного на вас поручения.

7. Цель правительства при предстоящих сношениях с туркменами состоит в подчинении их еще большему влиянию нашему посредством дружеских сношений, уклоняясь вообще от всяких положительных и официальных обещаний о принятии их в наше подданство. Поэтому ваше высокоблагородие обязываетесь вести дела с туркменами вообще весьма осмотрительно, стараться поддерживать их дружественное к нам расположение, в случае подачи туркменами просьб на принятие их в наше подданство, вы можете принимать эти просьбы, но обязываетесь отвечать уклончиво, объясняя, что по сему предмету вы не получили приказаний, но что вы представите их просьбу по начальству. Вместе с сим не излишне будет внушать туркменам, что если до сего времени правительство наше не оказывает им покровительства, то они сами этому причиной, потому что грабят наши суда, барантуют (Баранта — набег, угон скота) с нашими киргизами, ссорятся между собой и не показывают единодушия и согласия. В предложении о принятии их в подданство затем вы можете обещать, что ежели туркмены будут всегда расположены к нам дружелюбно, окажут нам содействие, перестанут нападать на наши суда и на наших киргизов и не будут ссориться и грабить персиян, то правительство озаботится устройством на восточном берегу Каспия фактории для открытия с ними правильных торговых

сношений с целью снабжения их нашими произведениями и предметами первой необходимости, за которыми они теперь обращаются во враждебные им в хивинские владения.. (Опущен пункт 8-й, в котором говорится об исследовании устья р. Эмбы и т. д.)

Генерал-адъютант Катенин

ЦГВИА, ф. 483, д. 47, лл. 108—111.

Копия.

№ 343

Из отношения главнокомандующего Отдельным оренбургским корпусом кавказскому наместнику о принятии туркмен в подданство России и необходимости сооружения торговой фактории на восточном побережье Каспийского моря

21 февраля 1859 г.

Милостивый государь князь Александр Иванович! ...Между прочим, предположениями выразил я необходимость принятия в наше подданство пограничных с киргизами Оренбургского ведомства туркмен, кочующих от полуострова Мангышлак к югу до персидской границы и издавна ищущих нашего покровительства и защиты против хивинских притеснений и грабежей.

Вместе с тем я предлагал учредить правильное управление над туркменами и возвести укрепление на восточном берегу Каспийского моря с торговой факторией, именно на Балханском заливе, где, по [470] расспросным сведениям, собранным офицерами корпуса топографов, производившими в прошлом году съёмку восточного берега Киндерлинским и Кара-Бугазским заливами, находятся места, удобные для возведения укрепления.

Побудительные причины, вынуждающие к этой мере, по моему мнению, состоят в необходимости поставления Хивинского владения в полную от нас зависимость с целью развития нашего судоходства по Аму-Дарье, в потребности примирения туркмен с нашими киргизами, кочующими по р. Эмбе и к югу от нее, с коими они находятся в постоянной и давнишней вражде, и в противодействие проискам хивинского правительства, волнующим нередко всю западную часть Зауральской орды.

Кроме того, я имел в виду, что с устройством укрепления и факторий на восточном берегу Каспия прекратятся морские разбои туркмен и что среднеазиатская торговля могла бы получать более выгодное направление из Хивы на Балханский залив и Астрахань по Волге.

Для собрания совершенно положительных и подробных сведений о восточном берегу Каспийского моря я просил разрешения произвести в текущем году рекогносцировку восточного берега от Кара-Бугазского залива до р. Атрек с целью избрать удобный для возведения укрепления пункт.

С душевным удовольствием узнал я из сообщенного мне отзыва вашего сиятельства к господину военному министру от 10-го минувшего декабря за № 177, что мои предположения и мнения относительно занятия восточного берега Каспийского моря и мирных сношений наших с туркменами совершенно согласны с вашими, поэтому я спешу войти по сему предмету в сношение с вашим сиятельством, дабы поставлять вас в известность о всем, что будет происходить на восточном берегу Каспийского моря, в надежде, что и ваше сиятельство не откажете в согласии вашему приказу сообщать мне обо всем известном в управлении вашем касательно отношений Персии к туркменам и проч.

Предположения мои были рассматриваемы: 2, 9 и 24 января в совещательном комитете под личным председательством государя императора и, как, вероятно, известно вашему сиятельству, мнение мое о необходимости принятия в наше подданство туркмен не принято, но разрешено в текущем году произвести от вверенного мне корпуса топографическую рекогносцировку восточного берега Каспийского моря с выбором пункта для укрепления и

фактории... (Опущены сведения об отправлении съёмочной морской экспедиции капитана 2-го ранга Ивашинцева и сухопутной экспедиции полковника Д. Дандевиля для исследования юго-восточных берегов Каспийского моря)

А. Катенин

ЦГВИА, ф. 483, д. 47, лл. 121—124.

Копия

№ 344

Из проекта Устава Русского торгового товарищества

25 февраля 1859 г.

§ 1. Цель основания Товарищества (В записке С. Хрулева оренбургскому военному губернатору А. А. Катенину от 25 февраля 1859 г. подробно излагается цель основания Русского товарищества и о выгодах этой торговли для России, Средней Азии, Востока и Европы. Об этом см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7508, лл. 1—4. 470) заключается в упрочении и расширении торговых оборотов России со Средней Азией, разумея по[д] [471] сей последней владения: Хивинские, Бухарские, Кокандские и Кабульские, степи туркмен и киргизов, земли, лежащие вверх по Аму-Дарье, Китайский Туркестан, Тибет и Кашмир... (В пунктах 2—6 Устава излагается положение о пайщиках, об основных местах действий Товарищества и т. д.)

§ 7. Одним из главных базисов действий Товарищества будет восточный берег Каспийского моря. Здесь для развития и упрочения торговли с киргизами и туркменами предоставляется ему право завести в тех пунктах, где будет удобно и полезно, торговые фактории с поселениями при них.

§ 8. По, этому же берегу представляется Товариществу исключительное право рыбной ловли от пределов вод, принадлежащих уральскому казачьему войску на севере, до вод персидских на юге, за исключением тех участков сих вод, на которые даны уже права кому-либо или которые понадобятся для гарнизонов военных на том берегу укреплений.

§ 9. На острове Челекен при входе в Балханский залив Товарищество устраивает приличные заведения для разработки местных продуктов, каковы: нефть и проч.

§ 10. От Балханского залива на восточному берегу Каспийского моря открывается ближайшая дорога внутрь всей Средней Азии. Отсюда до Хивы всего 15 дней караванного ходу, а из Хивы вверх по Аму-Дарье или степью идут пути с одной стороны — на Мерв, Балх и Кабул, с другой — на Бухару, Самарканд, Ходжент, Коканд, Кашгар, Яркенд и даже в западные области Китая, Тибета и Кашмир. Поэтому, избрав Балханский залив опорной точкой торговых действий своих со стороны Каспийского моря. Товарищество учреждает здесь фактории с поселением и проводит отсюда при ближайшем ознакомлении с местностью железную дорогу к р. Аму-Дарье; первоначально сие довольствуется для перевозки товаров верблюдами, а потом локомотивом с подкладными рельсами. Этот предварительный опыт, знакомя хивинцев с приложением паровой силы к облегчению торговых сообщений, послужит к устранению опасений с их стороны на счет военного значения железной дороги.

§ 11. Воды одного из рукавов Аму-Дарьи перед впадением рукава этого в Аральское море устремляются в так называемое старое русло оной по направлению к Каспийскому морю и нередко прорывают устроенную для удержания их от этого плотину на урочище Чаркраук, близ Куня-Ургенча. Неудерживаемые этой плотиной, воды этого левого рукава Аму если и не достигнут Каспийского моря, то оплодотворят, во всяком случае, значительную полосу Туркменской степи близ предполагаемого направления железной дороги из Балханского залива. По этой причине и для приобретения доброго расположения туркмен, которые ничего не желают так для своего благоденствия, как снятия Чаркраукской плотины, Товариществу предоставляется распорядиться этим на свой счёт. Отвод воды из означенного рукава Аму

нисколько не воспрепятствует пароходству по другим рукавам, коими река эта впадает в Аральское море... (Опущены сведения о торговых действиях Русского торгового товарищества)

Генерал-лейтенант Хрулев

ГАОО, ф. 6, д. 7508, 1859, лл. 5—8.

Подлинник.

[472] № 345

Отношение российского консула в Астрабаде В. В. Гусева начальнику Астрабадской морской станции о намерении английского консула Ч. Ф. Макензи проникнуть в пределы Юго-Западной Туркмении

(О попытке английского агента проникнуть в Туркмению см. рапорт И. А. Лихарева Н. А. Аничкову от 11 февраля 1859 г. ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 348 лл. 42—43 об.)

2 марта 1859 г.

Долгом почитаю довести до сведения вашего высокоблагородия, что великобританский консул г-н Макензи при свидании со мной вчерашнего числа в разговоре, между прочим, сообщил мне неперменное намерение свое отправиться на сих днях к туркменам, и именно в Гасан-Кули. Он получил согласие на это со стороны великобританского поверенного в делах при дворе персидском г-на Дории. Сколько и мог узнать сего дня от здешних местных властей и преданных мне персиян, он едет в Туркмению не совсем с благоприятными для императорского правительства видами, хотя я и употребляю все возможные, зависящие от меня средства отклонить его от этой поездки, но сознаюсь откровенно, что мало рассчитываю на единодушное содействие мне шахских властей в Астрабаде к достижению сей моей цели. Во всяком случае, я не премину немедленно известить ваше высокоблагородие, как скоро только г-н Макензи отправится к туркменам.

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 482—483

Заверенная копия

№ 346

Рапорт командующего Каспийской флотилией управляющему Морским министерством о взаимоотношениях с туркменами

(Копия этого документа хранится в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2005, лл. 1—3 об.)

14 апреля 1859 г.

Во время поездки моей в прошлом 1858 г. для осмотра восточного берега Каспийского моря я, между прочим, посещал остров Челекен и Красноводский залив — пункты главных поселений прибрежных туркмен, где имел случай говорить с их старшинами. Племена, занимающие означенное побережье, обнаруживают особенное расположение к сношению с Россией, почему я убеждал их старшин стараться искоренять между их народом привычки к грабежам и разбоям и внушал им, что единственный путь, которым они могут достигнуть для себя вернейших выгод, состоит в их мирных и честных с русскими сношениях и торговле, для чего советовал более знакомиться с русским купечеством, указав к тому удобное средство — пароходное сообщение, предоставив на первый раз бесплатное помещение в оба пути собственно для лиц, желающих ознакомиться с Астраханью и предметами более для них полезными в торговле.

Вследствие этого приглашения приезжал в Астрахань один из старшин острова Челекен, Мамед

Салих-хан и пробыл минувшую здесь зиму Побудительной причиной к приезду его было также предложение [473] от племен, обитающих на острове Челекен, близ реки Атрек, и частью в Красноводском заливе, составляющих до 1200 кибиток, о готовности их вступить в подданство России.

Имея в виду высочайше утвержденное мнение Особого комитета о предприятиях наших на восточном берегу Каспийского моря, чтобы в настоящее время отклонить всякую надежду туркмен на принятие их в подданство России и даже не обещать им официального покровительства, а потому я советовал хану передать уполномочившим его соплеменникам, чтобы они без идеи о подданстве России старались сначала доказать преданность свою нам ревностным исполнением желаний России, какое только будет им предъявлено, а также чтобы туркмены не делали грабежей и хищничества ни русским, ни персидским подданным ни на море, ни на суше и своими действиями постоянно заслуживали к себе доверие и одобрение нашего правительства.

К оправданию на деле расположения туркмен к России я предложил Мамед Салих-хану для отправляющейся в нынешнем лете по высочайшему повелению от оренбургского корпуса рекогносцирующей экспедиции в Балханский залив доставить все зависящие от них способы и на первый случай приготовить в Красноводске потребное число верблюдов и лошадей, тех и других по 50 штук, с надежными проводниками, на что хан и изъявил совершенную готовность, почему и был отправлен 1-го числа апреля на казенном пароходе через Астрабад в Красноводский залив.

Имея честь почтительнейше довести о сем до сведения вашего высокопревосходительства, я остаюсь в уверенности, что путем такого рода убеждений туркменских племен, доставления им средств к удобствам жизни более правильной и добросовестной, чем до сего было, торговлей с ними можно надеяться вскоре привлечь вполне их к нам расположение [не] только обитателей побережья Каспия, но и внутренних. живущих ближе к Хиве и Герату, и тем ускорить развитие нашей юго-восточной азиатской торговли.

Контр-адмирал Машин.

ЦГВИА, ф. 483, д. 47, лл. 136—137.

Копия.

№ 347

Из записки начальника Астрабадской морской станции о туркменах юго-восточного побережья Каспийского моря и их хозяйственной жизни

6 мая 1859 г.

1) Находящиеся в сношениях с отрядом российских военных судов в заливе Астрабадском туркмены, принадлежащие к одному из главных туркменских племен йомут, в числе около 2000 кибиток, почти постоянно кочуют на одних и тех же местах при восточном берегу Каспийского моря и лишь только некоторые из них, именно ближайšie по расстоянию к острову Ашур-Аде, откочевывают в пору летней жары от аула Карасенгерского на север и более к местечку Гасан-Кули, находящемуся при устье реки Атрек и имеющему более прохладный и здоровый климат.

2) Туркмены сии, не признающие над собой власти персидского [474] правительства, живут в отдельных аулах, и каждое племя подчиняется старшему в семействе, действующему по своему произволу и усмотрению. Что касается до старшин или ханов, то они сами по себе не имеют на них почти ни малейшего влияния, и лишь одно только покровительство, оказываемое им отрядом, дает им возможность и силу удерживать подчиненных им туркмен в должных границах. Если кто может иметь над ними самую положительную и безграничную власть, то это казы (высшая духовная особа), утверждаемый в своем звании хивинским ханом, но, к

сожалению, в настоящее время духовный глава их, Таган-казы, своим корыстолюбием и неправосудием утратил с их стороны всякое к себе уважение и должную боязнь.

3) Упоминаемые туркмены иомутского племени делятся на две отрасли: ярали и нурали, которые с своей стороны подразделяются каждая на пять ветвей, именно: ярали на: 1) чукан-буркас, 2) арик-саккалы, 3) кусели-кизыл, 4) ири-тумач и 5) овнук-тумач; нурали же на: 1) кёр-хыдыр, 2) кельте-караджа, 3) кёр-казы, 4) панк-кутюк и 5) чуда-караинджик.

Племя ярали кочует в самых окрестностях города Астрабада и самые ближайшие из них к оному платят тамошнему правителю некоторую дань за право прокармливать стада на земле персидской. Что же касается до племени нурали, то они решительно не признают над собой власти Персии. Между сказанными двумя племенами иомутского происхождения обитает еще одно большое племя, состоящее из разнородных элементов, пришельцев с разных сторон, именуемое огурджали и делящееся на две ветви: терекеме-сезезин и гирей-недим, состоя по необходимости в большой зависимости от йомутов, каждый огурджалинец имеет в них особенного для себя покровителя, защищающего его от обид и притеснений. Сие последнее племя есть самое трудолюбивое, покорное и склонное к торговле и другим мирным занятиям.

4) Утвердительно сказать можно, что большая часть прибрежных туркмен, кочующих на пространстве трехсот с лишком верст от ближайшего и противулежащего острова Ашур-Аде Карасенгерского аула вплоть до Красноводска, питают к России уважение.

5) Торговля рыбой для туркмен прибрежных или морских (потому что они имеют свои лодки, на коих обыкновенно ходят по заливу и отчасти по открытому морю до берегов мазандеранских) есть, можно сказать, главный источник существования. Торговлю, сию они ведут с русскими рыбопромышленниками и с жителями Астрабадской и Мазандеранской провинций.

Русские торговцы ежегодно приходят из Астрахани в залив Астрабадский для покупки от туркмен рыбных товаров, кои они потом с выгодой распродают в России. Нет сомнения, что подобная торговля могла бы сделаться для туркмен несравненно более прибыльной, если бы к ним являлись с требованиями на рыбный товар покупщики более зажиточные и честные, которые привозили бы с собой более значительное количество наличного капитала и товаров, а с распространением рыбной торговли большая часть морских туркмен променяли бы свой неверный промысел разбоями и грабежами на эту промышленность, доставляющую верную прибыль, и через сие самое более сблизилась бы с отрядом и упрочили бы наше влияние на них.

В прибрежные персидские владения туркмены возят нефть из Челекена и соль из Красноводска, первую они продают большей частью на наличные деньги, а вторую выменивают на необходимые жизненные потребности. При содействии отряда русские торговцы легко могут войти в сношение с челекенскими туркменами и скупать у них на месте всю добываемую нефть, которую потом они могут с огромной выгодой [475] перепродавать мазандеранским и астрабадским персиянам, крайне нуждающимся в этом продукте.

6) Держать туркмен в повиновении можно или материально — силой оружия, или же морально — не стесняя свободы их мореплавания и торговли; я в течение своего четырехлетнего управления Астрабадской станцией держался последней системы, ни разу не арестовывал туркменских торговых лодок и этим доставлял туркменским старшинам средства к выкупу персиян, захваченных в плен атрекскими разбойниками. Сами туркмены умели дорого ценить усвоенную мной систему, чему доказательством служить может то, что они в мое время никогда не производили никаких общих беспорядков... (Опущен пункт 7, где приводятся сведения о морском разбое приатрекских туркмен)

8) Персидские власти и английские агенты, замечая возрастающее влияние отряда на туркмен и видя преданность большей части этого народа к России, употребляют всевозможные интриги против станции, дабы уменьшить на них наше влияние, но благодаря благосклонному вниманию к отряду начальника императорской миссии в Тегеране все их жалобы и нелепые донесения об укреплениях на Ашур-Аде, которые, по их выражению, могут быть опасными для

персидской державы, уничтожаются без всяких вредных для отряда последствий.

При сем прилагаю опись аулов с показанием мест их расположения, числа в настоящее время в них кибиток, полагая примерно в каждой кибитке по четыре человека, а также их занятия:

1) Карасенгерский аул расположен на восточном берегу Каспийского моря почти против острова Ашур-Аде в расстоянии четырех верст от берега, кибиток в нем до 300, жители этого аула занимаются скотоводством, хлебопашеством и рыболовством и находятся в постоянных сношениях с жителями Астрабадской провинции.

2) Серебрянобугорский аул, или Кюмиш-Тепе, расположен по обе стороны реки Гурген, впадающей в Каспийское море в расстоянии от морского берега двух верст; кибиток в нем до 500, жители занимаются рыболовством, хлебопашеством и разной мелочной торговлей с персиянами; большая часть этого аула на время летней жары и от лихорадок откочевывает в Гасан-Кулийский или Чикишлярский аулы, где климат лучше.

3) Гасан-Кулийский аул расположен на том же берегу, или, лучше сказать, на низменном мысе, который окружен морем и заливом Гасан-Кулийским; аул лежит в расстоянии от морского берега двух верст, около аула, как с моря, так в заливе, стоят их лодки; залив их мелкий, только весной и летом на небольших лодках с грузом можно в него входить. В него впадает река Атрек, которая летом высыхает, воду её отводят туркмены для орошения своих полей. Туркмены, живущие в Гасан-Кули, воды пресной не имеют. Они ездят за ней к Серебряному бугру в реку Гурген или в недалеко лежащий от них к северу аул Чикишляр, где есть колодцы с пресной водой. Кибиток в Гасан-Кули до 300, жители занимаются рыбным промыслом, также скупают от челекенских туркмен нефть и соль для продажи в Персии, а равно и русским рыбопромышленникам; в этом ауле есть несколько человек, которые занимаются разбоем.

4) Атрекский аул расположен на восток от Гасан-Кулийского аула на расстоянии 20 верст по реке Атрек, кибиток в нем до 300; все они носят название каракчи (*Каракчи — разбойник*) и занимаются разбоем, и только небольшая часть из них занимается хлебопашеством и скотоводством. Во время [476] жатвы и посева пшеницы перекочевывают к сему аулу из соседних аулов для работ большое количество степных туркмен, которые находятся по сему случаю в дружественных с ними сношениях и всегда готовы подать им, в случае надобности, помощь.

5) Чикишлярский аул находится в расстоянии 15 верст к северу от Гасан-Кулийского аула, почти на самом берегу моря и состоит из 200 и более, кибиток, жители занимаются рыболовством и продажей соли и прочей мелочной торговлей. Из этого аула лодки на разбой почти никогда не ходят, ибо туркмены знают свое невыгодное положение: в случае наказания их аула, к нему можно подходить на гребных судах на пушечный выстрел по причине довольно глубокого его побережья. Климат здесь считается еще лучше Гасан-Кулийского, а также и порядочный грунт земли, здесь есть пресная колодезная вода, и туркмены сеют арбузы, дыни и прочее. Ежели когда-нибудь понадобится нам строить крепость на этих местах, то это есть, по моему мнению, лучшее место, исключая Серебряного бугра.

6) Челекенский аул находится на острове Нефтяном, кибиток в нем до 300. На всем острове множество нефтяных колодцев и самое большое в этом крае соляное озеро, из которого добывается соль тоже лучшего качества, чем из других мест всего здешнего края, а также в огромном количестве добывается на нем нефтагиль, из которого в недавнее время стали у нас в России выделять свечи наподобие стеариновых. Жители этого аула добываемые произведения возят для продажи на своих лодках в Персию и на наши коммерческие суда и частью продают на приходящие к ним киржимы из Мазандерана.

7) Красноводский аул расположен на мысе Красноводском в расстоянии от берега до двух верст, кибиток в нем до 100; недалеко от места кочевья находятся соляные озера, из которых туркмены добываемую ими соль меняют на необходимые для жизни припасы жителям Персии и купцам, приходящим на киржимах от берегов Гиляна и Мазандерана.

8) На всем побережье восточного берега от Астрабадского залива до Красноводска у жителей около 300 лодок разных величин. Самые большие из них поднимают грузу до 1500 пудов и их

считается до 70, а прочие гораздо меньших размеров; все они строятся из персидского лесу самими туркменами, год от году лучше и имеют довольно хорошие морские качества и могут даже долго держаться в открытом море; туркмены же плавают всегда в виду берегов и далеко в открытое море пускаться не решаются; они не имеют у себя компаса, управляются же на лодках весьма хорошо. Они с большой пользой для нас могли бы служить на наших купеческих судах, что их еще более бы сблизило с нами, но наше купечество на все трудно решается, хотя с моей стороны и были деланы им предложения.

9) Жителей во всех прибрежных аулах, имеющих сношения с отрядом, можно приблизительно положить до десяти тысяч человек.

При сем имею честь приложить и карту (На полях пометка: «Карты приложено не было») части восточного берега Каспийского моря с показанием на ней мест расположения аулов.

Капитан-лейтенант Лихарев

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 500—507 об.

Заверенная копия.

[477] № 348

Из рапорта начальника экспедиции к юго-восточному берегу Каспийского моря командующему Каспийской флотилией о действиях отряда в Красноводском заливе

19 июня 1859 г.

...Самая действительная помощь, которую мог бы мне оказать начальник Астрабадской морской станции, состоит в высадке в устье Атрека хотя небольшого отряда в то время, когда я выступлю к Атреку из Балханов, и в движении этого отряда ко мне навстречу. Я предполагаю просить его об этом в свое время, но не знаю средств Астрабадской станции и не могу прямо рассчитывать на помощь, которая только там и может мне понадобиться, потому что, по полученным здесь сведениям, кажется, одни только теке, кочующие по Атреку, могут еще оказать какие-нибудь затруднения следованию вверенной мне экспедиции.

Не излишним считаю довести до сведения вашего превосходительства, что Салих-хан еще не прибыл в Красноводск, где я не нашел ни верблюдов, ни лошадей, им обещанных, по сообщаемой мне переписке его с двоюродным братом его Анаэсеном, живущим на Челекене, видно, что Салих-хан распустил здесь только слух об экспедиции, сам же сначала писал, что идет с Атрека морем с лошадьми на лодках, потом писал, что поехал в Балханы для найма верблюдов, а 10 лошадей послал морем.

Не ожидая большой пользы от его содействия, я послал в Балканы пять ханов с острова Челекен для наемки верблюдов, которых мне нужно до 70-ти... (Документ дается в сокращенном виде; опущены сведения, не представляющие интереса для темы сборника)

Полковник Дандевиль

ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 1, д. 400, лл. 87—88.

Подлинник.

№ 349

Из письма Кадыр Мухаммед-хана на имя Александра II о покровительстве туркменам юго-восточного побережья Каспийского моря

(Копия этого письма Кадыр Мухаммед-хана хранится в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2005)

(Не позднее 5 июля 1859 г.)

Отец мой, покойный Кият-хан, не щадя имущества и жизни, служил российским государям и

всегда словом и делом учил своих детей служить им. С тех пор мы, дети Кият-хана, служили последовательно трем государям, они благосклонно принимали нашу службу и оказывали нам правосудие и милость.

Между тем наша страна, будучи без главы, с каждым годом более расстраивается. Туркмены не повинуются одному хану, добрые люди не находя опоры, не могут наслаждаться благами жизни, злые, не боясь никакого суда и расправы, дерзко делают набеги, убивают, [478] грабят, берут в плен, пересекают торговые пути, зло усилилось, добро подавлено. По случаю смятений и междоусобий в Хиве прекратились торговые сношения между Хивой и туркменами.

Оплакивая такое положение, куда мы ни обратим взор, нигде не можем найти врачевания злу, кроме великих государей России.

По сему всеусерднейше просим великого государя императора, чтобы он обратил милостивый взор на нас, детей Кият-хана, и на всех туркмен, принял участие в наших горестях, благоустроил беспорядочное положение нашей страны, учредил школы для духовного и общежительного образования наших и всех туркменских детей, покровительствовал добрым, удерживал от дурных поступков злых людей страхом своего гнева и, отправляя из своего государства необходимые для пищи и одежды товары, повелел обменивать их на туркменские скот и произведения и, таким образом, обогатил бы нашу страну.

Вторая просьба наша следующая: есть у нас наследственное владение, земля между реками Гурген и Атрек, известная под названием Серебряного бугра, эту землю с окрестностями ее мы повергаем к стопам великого государя императора и просим, дабы государь император благоволил не презреть нашего малого представления, но почтил; нас благосклонным принятием одного и на этой земле, или где угодно будет, для исполнения вышеупомянутых и других благ туркменам повелел бы устроить главное заведение и предприятия, какие бог положит на, его царское сердце. Чем оказал бы государь император всей туркменской стране истинно отеческую милость. (Документ без подписи)

ЦГВИА, ф.. 422, д. 1823, лл. 24—25.

Перевод с туркменского.

№ 350

Из донесения неизвестного автора о ходе работы экспедиции на юго-восточном берегу Каспийского моря

(Автор и адресат не установлены)

15 июля 1859 г.

23 мая пароход, отправившись из Киндерлинского залива, заходил; к Кара-Бугазскому проливу и 26-го числа бросил якорь в Красноводском заливе против гор Куба-Даг. 27-го числа прибыли на пароход старшины Красноводских туркмен и сначала не показывали расположения, но, поевши плову и баранины, предложили свои руки и головы.

Бухта, где пристал пароход, хороша, но близость горных ущелий причиняет порывистые ветры; в $\frac{1}{2}$ версты от берега колодец Бал-Куи очень хорош, по берегам почти нет колодцев. 30-го числа прибыли из Баку на паровой шхуне «Туркмен» подполковник Бернов и барон Врангель (агент Кокорева).

Бернов был на острове Челекен и был хорошо принят, говорил, что на Ашур-Аде был английский агент, который хотел купить землю на Атреке и узнавал о цели экспедиции, но его удалили в Астрабад.

1 июня Дандевиль отправился на конец косы, где остатки укрепления Бековича. Пресной воды на косе нет, растительность скудная, [479] бухта неудобна, близ урочища Кара-Баба обильная ломка соли. 3 июня обогнув северную косу острова Челекена, подошел к острову. На другой день приехали на пароход самые влиятельные старшины и главное лицо—внук Кията, Анна-

Гасан-хан, который говорит по-русски, пьет вино и водку и обещал все сделать для нас. Действительно, во время осмотра острова исполнял все желания Дандевилья. Самое обильное и единственное место, где добывается нефть, принадлежит семейству Кията.

7 июня Дандевиль на пароходе угостил старшин и после долгих разговоров пять из них вызвались ехать в Балханы и оттуда прямо к Белому бугру при устье Атрека, ибо на всем этом протяжении отряд не может подойти к безводному берегу. Затем Дандевиль роздал подарки и свидетельства в усердной службе, коими жители Челекена очень дорожат; прежние свидетельства, данные графом Войновичем и полковником Муравьевым, сохраняются тщательно. Лучшими подарками для туркмен считаются ткани, шали и проч., коих вообще оказалось мало, и потому А. Катенин распорядился о высылке достаточного количества оных. Между тем вещи, часы, шкатулки (привезенные Берновым с Кавказа на 1 тыс. рублей) оченьгодились.

8 июня старшины, получив приказание от Дандевилья, отправились в Балханы через полуостров Дарджа.

9 июня съемочные работы на острове Челекена кончены.

11 июня пароход прибыл к колодцу Бал-Куи и должен был на 7 дней сходить в Баку за углем. Для устройства укрепления самое выгодное место оказывается у колодца Бал-Куи, по всем отношениям, и потому Дандевиль приступил к работам.

Близ укрепления может быть устроена фактория, которой полезно будет иметь еще заведение на северном конце острова Челекена где бухта очень хороша

ЦГВИА, ф. 422, д. 1823, лл. 1—3.

Копия.

№ 351

Из рапорта начальника экспедиции к юго-восточным берегам Каспийского моря российскому посланнику в Иране о рекогносцировке побережья и о взаимоотношениях с туркменами

(Копия этого рапорта хранится в ЦГВИА, ф. 483, д. 52. лл. 54—57)

2 августа 1859 г.

Считаю долгом почтительнейше сообщить вашему превосходительству о результатах вверенной мне экспедиции для рекогносцировки восточного берега Каспийского моря.

Съемка побережья началась с 19 мая от Киндерлинского залива; с этого пункта я выслал три партии: две в обход Кара-Бугазского залива и одну послал берегом к Красноводскому заливу.

26 мая я прибыл туда на пароходе «Урал», данном в мое распоряжение, и осмотрел Красноводскую косу и остров Челекен; жители встречали здесь хорошо, потому что кочующие по берегу туркмены бедны и занимаются почти исключительно рыболовством. Но так как никакого содействия от них нельзя было ожидать, то я послал [480] некоторых из челекенских старшин в Балханские горы для найма там верблюдов.

19 июня я соединился окончательно со съёмными партиями, которые успели снять все побережье кругом Кара-Бугаза и пространство, лежащее между этим заливом и Балханским.

Между тем, получив сведения о неприязненном расположении к нам балханских туркмен, и в ожидании верблюдов, я послал 21 июня шхуну «Персиянин» в Александровский форт за орудием и некоторыми предметами, необходимыми для 40-дневного похода сухим путем через Балханские горы к Атреку.

Восемь человек балханских старшин приехали ко мне в Красноводский залив с сотней верблюдов 26 июня, но, к несчастью, шхуна «Персиянин», которую я ожидал никак не позже 1 июля, не прибыла вовремя; туркмены узнали о малочисленности отряда, о толках, ходивших в лагере относительно шхуны, и, вероятно, дали знать об этом в горы.

9 июля шайка хищников, подкравшись ночью к лагерю, отбила табун отряда, напавши на него

врасплох на рассвете, убила четырех человек и трех взяла в плен; преследовавшая партия на нескольких верблюдах, оставшихся в лагере, догнала хищников за 30 верст и завязала с ними перестрелку, но табуна отбить не могла.

Балханские старшины, бывшие в лагере, как видно, знали о нападении; двое из них в виду отряда передались хищникам, остальные задержаны. Верблюды их ушли опять в Балханы.

Переговоры мои о требовании возвращения людей и табуна еще не имели успеха; между тем, прождав шхуну ровно месяц и не имея никакого сведения о ней, я вынужден был возвратить 100 человек из моего отряда в Александровский форт и с отборными 50 человеками отправился на одной барже, чтобы высадкой на более замечательных местах южной части восточного берега окончить рекогносцировку.

Снявши Огурчинский остров 24 июля, я сделал высадку на Зеленый бугор и снял его, но в аул туркмены не допустили, собрались вооруженные в большом числе и объявили, что будут обороняться, несмотря на наши уверения в мирных намерениях. Не желая завязывать дела с такими малыми средствами в 9 верстах от лодки, которая с трудом подходила к берегу через бургун, партия возвратилась на суда.

Видя неприязненное расположение туркмен, я решился спуститься на Ашур, чтобы просить о содействии начальника морской станции и ближе узнать об отношениях к туркменам... (Далее текст документа дается в сокращенном виде, опущены сведения, не имеющие непосредственного значения для темы сборника)

Серебряный бугор я предполагаю снять и осмотреть в том внимании, что Кадыр-хан подал мне прошение на высочайшее имя с поднесением этого места и его жителей в подданство государя императора и потому что, по имеющимся сведениям, это место представляет некоторые удобства для устройства укрепления.

Здесь также мало угля в настоящее время, так что я вынужден ждать прихода судов с топливом из Астрахани, чтобы обеспечить им шхуну «Персиянин» для обратного плавания до Александровского форта.

Считаю долгом довести до сведения вашего превосходительства, что во время осмотра мной острова Челекен на нефтяных приисках я видел от 50 до 60 пленных персиян, которые подходили к находившимся при мне лицам, объявляли, что их до 400 человек на острове, и просили освободить их. Не знаю, в какой степени достоверна эта цифра, [481] но офицеры корпуса топографов, производившие съемку острова, видели также в аулах много персиян, посаженных в кибитки и окруженных вооруженными людьми из опасения, чтоб они не бежали к нам. На острове есть несколько ханов, которые исключительно занимаются торгом персидскими невольниками... (Персидские невольники производят тяжелые работы на приисках нефти и находятся в ужасном положении, покрыты рубищем и кормятся едва достаточно для поддержания существования (примечание в документе))

О пленных персиянах на острове Челекен и о намерении моем я доносил г-ну генерал-губернатору оренбургскому и самарскому, но еще не получил по сему предмету предписания.

Прежние экспедиции наши в туркменские кочевья не встречали противодействия от жителей, потому что туркмен теснили с одной стороны хивинцы, с другой — персияне, с третьей — киргизы адаевского рода и потому, что туркменами управляли ханы, имевшие влияние на своих подчиненных и сознававшие пользу дружественных отношений к России.

После смерти Кият-бека это влияние рушилось. Потомки его, как известно вашему превосходительству, не имеют никакого влияния между туркменами. Я имел случай убедиться, что самые близкие люди к Кадыр-хану ненавидят его. К тому же туркмены ныне имеют перевес над Хивой; взявши Кунград, Атамурад-хан обеспечил туркменские кочевья от хивинских набегов. Для примирения туркмен с киргизами адаевского рода приняты деятельные меры начальством Оренбургского края. Не признавая никакой власти и не теснимые ниоткуда, эти дикари не внимают убеждений и вполне предаются страсти своей к грабежам и воровству. Каждый туркмен побогаче и побойче называет себя ханом и уже никого знать не хочет. При этом туркмены не чужды хитрости, и я имел случай убедиться, что вне влияния страха они

способны, все без исключения, на самое дерзкое коварство и измену. Если правительство желает иметь влияние на туркмен для каких бы то ни было целей, то можно держать их в повиновении одним только постоянным страхом наказания за малейшую дерзость. При этом, конечно, одна решительная мера, предпринятая с достаточными средствами, будет действительнее, нежели отдельные наказания, попытки с малыми силами, в разных местах и с недостаточными средствами.

Гнездо туркменских мошенников — Атрек; тут же сосредотачиваются почти все средства к их существованию, самые обильные пашни находятся на Атреке. Балханские горы дают также притон нескольким аулам хищников, живущих грабежом.

Полного спокойствия в Туркмении, по моему мнению, можно было бы достигнуть возведением одного укрепления в Красноводске, где и выбран мной удобнейший пункт, и другого — на Серебряном бугре или где покажет предстоящая рекогносцировка. Две решительные экспедиции с обоих пунктов на Атрек и в Балханы положат конец беспорядкам, и тогда сами туркмены сознают необходимость и пользу дружелюбных с нами сношений; к этому можно склонить их силой, а не увещеваниями.

Есть два средства заставить туркмен прекратить разбои и подчинить их нам, хотя временно, без значительных пожертвований и с малыми средствами: это уничтожение туркменских лодок по всему побережью от Балханского залива до персидской границы и уничтожение пашен на Атреке порчей оросительных канав и плотин на протяжении 20 верст от его устья; но эти меры, может быть, покажутся жестоки и [482] подорвали бы благосостояние туркмен, о котором, приняв их в подданство, правительству было бы труднее озаботиться после.

Генерального штаба полковник Дандевиль

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 3360, лл. 1—6.

Заверенная копия

№ 352

Рапорт полковника Генерального штаба В. Д. Дандевилья российскому посланнику в Иране о ходе работ экспедиции и слухах, распространявшихся в Иране в связи с рекогносцировкой восточного побережья Каспийского моря

20 августа 1859 г

В дополнение донесения (См. док. № 351) моего вашему превосходительству от 2 августа за № 88 имею честь доложить, что 18-го числа сего месяца при содействии десанта из 50 матросов при горном единороге я вышел на Белый бугор и на обратном пути оттуда был встречен туркменами из Чикишлярского аула, загородившими мне путь отступления к лодкам. Прогнав толпу в с лишком 150 человек, возвратился на суда благополучно и, чтобы наказать Чикишлярский аул, который был предупрежден мной заблаговременно, что будет примерно наказан, если вздумает мешать мне, я подошел к нему ночью на судах и на рассвете атаковал аул с моря и с сухого пути.

Туркмены в числе до 100 человек держались упорно, но были, наконец, прогнаны, аул и 50 лодок сожжены на месте дела насчитано 25 туркменских тел; у нас ранены подпоручик Абрамов оренбургского линейного № 1 батальона и кондуктор морской артиллерии Александров.

К этой строгой мере я вынужден был, наконец, неслыханной дерзостью туркмен; плененных ими в Красноводске трех солдат они возвратили мне в Гасан-Кулийском ауле, который я осматривал 16 и 17-го сего месяца, [за] отогнанных лошадей и верблюдов предлагают деньги, которые еще не собраны.

Весьма полезное содействие оказали мне суда и десант, которые даны были мне начальником Астрабадской морской станции, находившимся со мной при осмотре Гасан-Кулийского аула и

Серебряного бугра.

Во время пребывания моего на Ашур-Аде представился мне случай быть в Астрабаде; тамошние власти, по отзыву консула нашего, спрашивали его о намерениях экспедиции и верили слухам, что она пришла в больших силах для завоевания Туркмении.

Поменявшись визитами с астрабадским визиром и балюзом, я успокоил их, не высказывая, впрочем, цели экспедиции.

Отсюда я отправляюсь завтра на винтовой шхуне «Хивинец» с баржей № 2 и к острову Челекен, откуда, по слухам, аулы разбежались и, вероятно, увезли с собой пленных персиян.

Генерального штаба полковник Дандевиль,

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 3360, лл. 9—10.

Заверенная копия.

[483] № 353

**Репорт полковника Генерального штаба В. Д. Дандевилья российскому посланнику в Тегеране
о предпринятых экспедицией мерах по возвращению на родину иранскоподданных,
находившихся в неволе у владельцев нефтяных колодцев на о. Челекен**

24 августа 1859 г..

В донесении (См. док. № 351—352) моём вашему превосходительству от 2-го сего августа за № 88 я имел честь изложить предположение моё об освобождении с острова Челекен персидских подданных, находящихся там в неволе и работающих на приисках нефти.

Для исполнения сего тотчас по наказании Чикишлярского аула, о чём я имел честь доносить (См. док. № 352) вашему превосходительству от 20-го сего августа за № 99, я пошёл к острову Челекен с 50 человеками штуцерных на винтовой шхуне «Хивинец» и барже № 2.

Сохранив свое предположение втайне, 21-го числа утром я высадился в аул родственников Кадыр-хана, на южном берегу острова, с вышесказанными штуцерными, десятью матросами со шхуны «Хивинец» и боевыми ракетами, под предлогом налиться водой потребовал несколько верблюдов и направился к пресным колодцам, отстоящим на пять вёрст от берега и на столько же от приисков.

Оттуда я направился прямо на место разработки нефти, и когда персияне стали подходить ко мне и просить об освобождении, я объявил собравшимся туркменским старшинам, что так как захват персиян туркменами и торг невольниками строго преследуется, то я требую, чтобы они выдали всех находящихся тут невольников, которых, по словам найденных на приисках 12 персиян, осталось на острове не более 40, остальные же после происшествия в Красноводске увезены в Гасан-Кули и Чикишлярский аул.

Старшины отзывались неимением у себя пленников и незнанием, у кого из них находится сколько, но персияне показали, в каких аулах сколько имеется невольников, и тогда, задержав старшин, я направился с половиной десанта к аулу, лежащему у пресных колодцев, и поручил генерального штаба подполковнику Бернову идти к другому аулу, находящемуся в 14 верстах от приисков на южном же берегу острова, с другой половиной отряда.

По требованию моему, подкреплённому угрозами наказать аул, если оно не будет исполнено, выслано было восемь человек персиян; прибыв к берегу и сев на лодки, я направился водой на присоединение к подполковнику Бернову, который вытребовал также шесть невольников.

Так как старшины ещё не были мною отпущены, то на другой день утром доставлено с берега ещё шесть персиян.

Отобрав от них показания, значащиеся в списке, я препровождаю их на Астрабадскую морскую станцию для доставления при отношении моем к консулу нашему в Астрабаде и передачи персидским властям, а сам направляюсь на северную сторону Челекена, где потребую вновь невольников и, если таковые найдутся, перевезу их в Баку и сдам там начальнику станции для

препровождения на родину.

Продовольствие освобождённых персиян предложено производить наравне с нижними чинами морского ведомства, впредь до доставления их в Астрабад. (Опущен перечень лиц командного состава экспедиции)

Генерального штаба полковник Дандевиль

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 3360, л. 11—13.

Заверенная копия.

[484] № 354

Из рапорта командующего Отдельным оренбургским корпусом военному министру о ходе работ экспедиции полковника Дандевилья

(Копия этого рапорта хранится в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2005, лл. 27—34. Документ дается в сокращенном виде. Опущены сведения, не имеющие прямого отношения к теме сборника)

26 августа 1859 г.

В дополнение донесения (Документ не обнаружен) моего к вашему высокопревосходительству от 23 июля текущего года за № 1225 имею честь сообщить, что от начальника рекогносцировки восточного берега Каспийского моря мной получены от 12 и 20 июля следующие сведения:

22 числа полковник Дандевиль, возвратившись на колодезь Бал-куи, получил известие от Мамет-Сафа-Кулыева из Балханов, что челекенские старшины хотя не успели нанять верблюдов по разногласию на этот счет мнений иомудов, но, однако же, не потеряли ещё надежды на успех.

24-го числа была выслана партия подпоручика Алексеева для съёмки местности около колодцев Касын, Сюйли и Сюльмень, и в тот же день прибыли в лагерь полковника Дандевилья с острова Челекен: Аннаэсен-хан и Салих-хан; последний из них взялся было нанять верблюдов, но не исполнил своего обещания и изъявил желание идти вместе с экспедицией, просил дать ему 5 верблюдов для поднятия собственных тяжестей.

После угощения, сделанного ханам, показана была туркменам стрельба в цель и действия боевыми ракетами, причём они крайне были изумлены дальностью стрельбы из штуцеров. 26 июня в 11 часов утра прибыло 100 верблюдов и посланные с Челекена ханы с балханскими старшинами, которым после ласкового приёма объявлена была мирная цель экспедиции для успокоения их подозрений на счёт враждебных с нашей стороны действий, в чём они не перестают сомневаться.

27 июня розданы были подарки челекенским ханам, исполнявшим поручение, и семи балханским старшинам, причём один из них обиделся и хотел было уехать назад, но, получив в прибавку к подарку сукна на халат, остался. При переговорах о цене за верблюдов и плате вожакам туркмены никак не соглашались на сделанные им предложения, но, увидев в вечеру несколько спущенных ракет и стрельбу из револьверов, сделались сговорчивее, и верблюды были наняты, хотя, впрочем, для движения к Атреку балханские старшины дать верблюдов не согласились.

28 июня возвратился подпоручик Алексеев, исполнив своё поручение успешно.

5 июля прибыл на лодке Кадыр-хан с Ашур-Аде и, предложив свои услуги начальнику экспедиции, подал на высочайшее имя прошение о принятии местности при устье р. Гурген, называемой Серебряный бугор, — в наше владение. (См. док. № 349) Прощение это в оригинале, по ненадёжности сухопутного сообщения, полковник Дандевиль доставить ко мне не решился, а представил в копии, снимок с которой с переводом при сем прилагается...

Балханские старшины, как сказано выше, хотя и прислали верблюдов для экспедиции, но не по общему согласию и, вероятно, только из страха, потому что те из них, которые прибыли в лагерь, увидев [485] немногочисленность нашего отряда, при котором была в это время только

одна баржа, осмелились даже упрекать посланных полковника Дандевилья в преувеличении ими наших сил. В числе этих старшин было несколько лиц весьма подозрительных, и не подлежит сомнению, что они дали знать в Балханы о незначительности нашего отряда и о толках, ходивших в лагере о гибели шхуны «Персиянин», но тем не менее полковник Дандевиль, имея их в своих руках, никак не мог рассчитывать на измену.

8 июля балханские старшины прибыли в лагерь, требуя платы за верблюдов, так как прошло 10 дней со времени их найма. Но так как полковник Дандевиль условился через каждые 10 дней отпускать верблюдов только порожних, число которых могло определиться не иначе, как после навьючки тяжестей с выступлением в поход, то и отказал старшинам в немедленной выдаче денег, объявив, что удовлетворит их требования через два дня, когда двинется в Балханы. После этого иомуды, по неимению вблизи лагеря корма, откочевали с верблюдами к уроч. Уфрак (к северо-востоку от лагеря, где и обещались ждать приказания).

Не желая долее бездействием поддерживать между туркменами мнение в бессилии нашего отряда и отсутствия в нём средств к походу, полковник Дандевиль готов был вступить в Балханы, не дожидаясь шхуны «Персиянин», с теми перевозочными и продовольственными средствами, какие у него были под рукой; как обстоятельство неожиданное, в особенности в тех местах, где аулы казались по наружности достаточно расположенными в нашу пользу, лишило начальника; экспедиции способов к предполагаемому им движению... В то же время начальник экспедиции обратился к командирам Бакинского порта и Астрабадской станции с просьбой о присылке парового судна, чтобы, по крайней мере, если обстоятельства окончательно заставят его отказаться от движения в Балханы сухопутьем, он мог осмотреть прибрежные места посредством высадок.

Но прошло 10 дней со времени отправки письма к иомудам, а ответа от них не было, точно так же, как и не было никакого слуха о возвращении шхуны «Персиянин» и о прибытии к экспедиции какого-либо другого военного судна.

Не получая никаких ответов на посланные отношения начальникам Бакинского порта и Астрабадской морской станции и не имея возможности двинуться в Балханы с оставшимися при экспедиции 47 верблюдами, полковник Дандевиль решился взять с собой на единственную оставшуюся при нём баржу 50 человек стрелковой команды и продолжать съёмочные работы по восточному берегу Каспийского моря, высаживаясь в наиболее замечательных местах, остальных же людей экспедиционного отряда с сотником Уральского казачьего войска Мартыновым отправить 21 июля под начальством корпуса топографов поручика Скрыбина обратно в Александровский форт. Поручику Скрыбину разрешено нанимать по дороге верблюдов для облегчения следования людей отряда. Офицеру этому во время пути будут содействовать отправляющиеся с ним: Мамет-Сафа-Кулыев и Хан-Мамет ишан, пользующиеся большим влиянием на всём пространстве к северу от Кара-Бугазского пролива и посылающий приказание о высылке нескольких верблюдов с Александр-Бая навстречу отряда.

С остающейся частью экспедиционного отряда, размещённой на барже довольно тесно, полковник Дандевиль направляется из Красноводска прямо на остров Челекен, где имеются две кусовые лодки, принадлежащие Кадыр-хану, с помощью которых, разместивши попросторнее команду, он предполагает отправиться далее на Огурчинский остров [486] и, по снятии его, идти на юг вдоль берега, останавливаясь у бугров: Зеленого, Белого и Серебряного для съёмки их, но так как успех в таком деле будет зависеть от состояния ветров, то полковнику Дандевилью может быть придётся работу эту отложить и идти прямо на Ашур-Аде с тем, чтобы потребовать там средства для продолжения работ.

Полковник Дандевиль предполагал было идти из Красноводска сначала в Балханский залив, но так как работы по снятию берегов одного могут продолжиться с неделю, а баржа не может поместить запас воды для отряда на это время, то он и вынужден был отложить эту работу до того времени, когда дадут ему хотя какой-нибудь пароход.

В заключение считаю излишним объяснить вашему высокопревосходительству, что так как в степи отбитие хищниками наших табунов не представляет дела небывалого, даже в отрядах

более сильных, чем у полковника Дандевилья, и что подобные происшествия ещё в весьма недавнее время повторялись под самыми укреплениями в той части зауральской степи, которая уже целые десятки лет находится в непосредственном нашем ведении, (Документ не обнаружен) —то, я с своей стороны, не счёл справедливым выразить начальнику экспедиции по этому поводу какое-либо замечание. К подобному заключению в особенности пришёл я ещё и потому, что замечание, которое я сделал бы г-ну Дандевилью за происшествие, столь возможное среди хищного туркменского населения, покорного нам только номинально, могло произвести дурное нравственное впечатление на самого г-на Дандевилья, находящегося вдали от всяких подкреплений с одной только баржей у неприязненных нам берегов, и парализовало бы, так сказать, энергию этого штаб-офицера при дальнейших его действиях по возложенному на него поручению. Поэтому, несмотря на отбитие табуна, я, на основании всех вышеизложенных соображений, нашёл более уместным ободрить полковника Дандевилья в дальнейших его распоряжениях по экспедиции и, вследствие сего, одобрил все его действия по производимой им рекогносцировке, о чём и считаю долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства.

При сем имею честь представить также копию с строевого рапорта о состоянии отряда полковника Дандевилья к 20-му числу прошлого месяца.

Генерал-адъютант Катенин

ЦГВИА, ф. 422, д. 1823, лл. 9—17.

Подлинник.

№ 355

Рапорт начальника Астрабадской морской станции российскому посланнику в Иране о нарушении полковником генерального штаба В. Д. Дандевилем данной ему инструкции и возможных его последствиях

30 августа 1859 г.

29-го числа сего месяца пришла баржа № 2 из отряда полковника Дандевилья, на которой прислано им 32 человека пленных персиян с острова Челекен. Люди эти, взятые очень давно туркменами сухим [487] путем не были требованы персидскими властями вероятно потому, чтобы не затевать ссоры с отдаленными туркменами... (Опущены слова, не имеющие логической связи с текстом) На обязанности станции тоже не лежало выручить их, ибо они не были уведены в плен через море, и поэтому об этом деле я долгом счел изложить перед вашим превосходительством своё откровенное личное мнение. Полковник Дандевиль, делая минутное удовольствие персиянам, забывает, как кажется, свою инструкцию стараться соблюдать дружественные сношения с туркменами и склонять их на нашу сторону. Отнимая же без предписания начальства от них чужих пленных, он этим явно показывает туркменам расположение к их закоренелым врагам персиянам и через это восстанавливает этот народ противу нас и потому о собственном желании туркмен вступить к нам в подданство теперь нельзя и думать, а необходимо начинать действовать прямо на них силой и покорить их совсем или же опять вновь начать привлекать их на нашу сторону подарками, потому что они в настоящее время очень раздражены противу нас и надо ожидать в зиму, что они постараются отомстить на невинных купцах наших свои убытки и кровь, и потому необходимо на всякий случай увеличить состав станции, как я представлял (Документ не публикуется) вашему превосходительству от 28 ноября прошлого 1858 года за № 55, то есть чтобы постовую команду увеличить вместо 150 человек до 300 человек и проч., а ежели этого и ныне не сделают, то может случиться, что дела наши пойдут не так успешно, как прежде, по вышеизложенным причинам.

Капитан-лейтенант Лихарев

№ 356

**Рапорт командующего Отдельным оренбургским корпусом военному министру об
окончании работ экспедиции генерального штаба полковника В. Д. Дандевилья и о
результатах рекогносцировки восточного побережья Каспийского моря**

16 сентября 1859 г.

Имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что начальник экспедиции к восточному берегу Каспийского моря генерального штаба полковник Дандевиль 13-го сего сентября благополучно возвратился в Оренбург вместе с чинами, при нём находившимися. Донесения его от 4, 14 и 20-го чисел минувшего августа были посланы через Астрабадскую морскую станцию и до сего времени мной не получены, потому что доставляются на почтовых пароходах через Астрахань.

В ожидании составления к следующей почте подробного по сему донесения я имею честь представить вашему высокопревосходительству краткое изложение результата действий экспедиции после отплытия её из Красноводского залива на барже № 4 для снятия южной части восточного берега высадкой в более замечательных местах, о чём я имел честь доносить (См. док. № 354) вашему высокопревосходительству от 26 августа за № 1410. Съёмочные работы произведены полковником Дандевилем на [488] Огурчинском острове, на Зелёном бугре, потом на Серебряном бугре при устье реки Гурген, на побережьях Гасан-Кулийского залива и на Белом бугре. Осмотр этих местностей удостоверил в невозможности устроить приморское укрепление на восточном берегу иначе, как в Красноводском заливе на выбранном полковником Дандевилем пункте; решительные и благоразумные меры, принятые начальником экспедиции, совершенно исправили неожиданную неудачу, постигшую ее в Красноводском заливе. По настоятельному требованию полковника Дандевилья возвращены ему трое нижних чинов, захваченные туркменами, а за всех отбитых ими верблюдов и лошадей уплачено по 30 рублей серебром за голову, то есть всего 3808 рублей, что послужит им самым чувствительным уроком на будущее время.

Вследствие этого туркменские аманаты отпущены полковником Дандевилем на острове Челекен.

Кроме того, в наказание за нападение, сделанное жителями Чикишлярского аула на отряд полковника Дандевилья, в то время как он возвращался к берегу от Белого бугра, аул этот взят и сожжен после довольно упорной обороны его туркменами, равно уничтожены 50 лодок, находившиеся близ аула с различными запасами, что, по отзыву самих туркмен, принесло им убытка до 40 тыс. рублей ассигнациями.

Полковник Дандевиль употреблял всевозможные меры для охранения мирных отношений с туркменами, несмотря на их постоянное вероломство и измену: но последняя дерзость их, произведенная во время переговоров о возвращении туркменских аманатов, вынудила его наказать их примерно, тем более, что начальник Астрабадской морской станции в минувшем июле месяце сам обращался к чрезвычайному посланнику нашему в Тегеране с просьбой о разрешении наказать туркмен за усилившиеся бои в юго-восточной части моря и Астрабадском заливе и для этого просил об усилении средств морской станции. Это наказание Чикишлярского аула было необходимо и вполне заслужено туркменами, потому что они атаковали съёмочный отряд полковника Дандевилья, несмотря на то, что он два раза уведомлял их о мирной цели экспедиции и предупреждал, что за враждебные их к нам действия они будут непременно наказаны.

Во время пребывания на Ашур-Аде, полковник Дандевиль предъявил капитан-лейтенанту

Лихареву о намерении своём освободить пленных персиян, виденных им на нефтяных приисках острова Челекен, то же самое сообщил он и консулу нашему в Астрабаде, куда ездил, чтоб ближе ознакомиться с отношениями персиян к туркменам. Предположение полковника Дандевилья было одобрено означенными лицами и найдено совместным с их собственными действиями; поэтому полковник Дандевиль зашел на обратном пути на остров Челекен и выручил из неволи 32 персиянина, там оказавшихся; остальные были увезены с острова после отбития хищниками табуна экспедиции в Красноводске. Персияне эти отправлены в Астрабад через Астрабадскую морскую станцию, при донесении полковника Дандевилья г-ну действительному статскому советнику Аничкову и отношении к астрабадскому консулу.

Во время пребывания в Астрабаде полковник Дандевиль поменялся визитами с тамошним визирем и бальюзом (дипломатическим чиновником), которые пожелали его видеть, чтобы удостовериться, справедливы ли слухи, ходившие в Астрабаде, о завоевательных действиях: экспедиции, пришедшей будто бы в Туркмению в значительных силах. Полковник Дандевиль при посредстве консула успокоил обоих сановников, не объяснив им, впрочем, нисколько цели экспедиции.

[489] Находя все действия полковника Дандевилья совершенно сообразными с положением, в котором он находился, с данной ему инструкцией, с теми сведениями об отношениях к нам туркмен, которые он получил в Астрабадской станции, а также находя, что цель рекогносцировки, состоявшая в осмотре восточного берега Каспийского моря и выборе пункта для укрепления с факторией, достигнута, — я вполне одобрил эти действия, совершенно благоразумные и, где следовало, в должной мере энергические, а поэтому имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство исходатайствовать мне высочайшее разрешение на представление к наградам лиц, участвовавших в экспедиции, как за труды и лишения, ими понесенные, так и за отличие в делах с туркменами.

Между тем считаю долгом заявить теперь же вашему высокопревосходительству моё убеждение, родившееся вследствие затруднительности положения экспедиции в продолжении некоторого времени в Красноводском заливе, когда я не мог подать ей отсюда не только никакой помощи, но не имел даже возможности доставлять вовремя мои предписания.

Оставаясь при том мнении, что устройство укрепления в Красноводском заливе крайне для нас необходимо и полезно в видах политических и торговых, я полагаю, что исполнение этого предприятия будет удобнее, скорее, дешевле и успешнее средствами Кавказской армии, нежели средствами Оренбургского корпуса.

В распоряжении г-на наместника кавказского находятся уже: флотилия, необходимые войска и денежные средства, то, кроме того, исполнение предприятия оттуда будет иметь преимущество по близости расстояния Красноводского залива от Баку и нахождению там конторы и главного склада Закаспийского торгового товарищества, которое, без сомнения, примет участие в торговом движении, имеющем открыться по совершенно новому пути.

Изложенное здесь мнение я буду иметь честь развить в последующих донесениях моих вашему высокопревосходительству по сему предмету (В рапорте А. А. Катенина военному министру Н. О. Сухозанету подробно изложен ход экспедиции полковника Дандевилья (см. ЦГВИА, ф. 483, д. 52, лл. 1—35)) по получении более подробных сведений об экспедиции капитана 1-го ранга Бутакова к устью Аму-Дарьи, которая находится, по моему мнению, в связи с предположением о занятии Красноводского залива.

Генерал-адъютант Катенин

ЦГВИА, ф. 422, д. 1823, лл. 34—39.

Подлинник.

(Он участвовал в экспедиции В. Д. Дандевилья в качестве переводчика)

**полковнику В. Д. Дандевилью о желании туркменского старшины Мамед-Сафа-Кулиева
устроить сына в Оренбургский кадетский корпус**

24 сентября 1859 г

Известный вам игдырский старшина Мамед-Сафа-Кулиев неоднократно изъявлял мне своё желание, чтобы его дети получили образование в русских учебных заведениях и только по причине скорого отъезда вашего из Александровского укрепления он не успел представить [490] вам заготовленное им прошение о принятии (на первый раз) старшего сына его Мамет Салиха, 9 лет, в Оренбургский кадетский корпус.

Покорнейше прошу ваше высокоблагородие о вышеизложенном усердном прошении Кулиева доложить его высокопревосходительству, ознаменовавшему своё управление Оренбургским краем просвещенной заботливостью об образовании азиатского юношества. (29 сентября 1859 г. полковник Дандевиль сообщил оренбургскому военному губернатору Катенину о желании Мамед-Сафа-Кулиева послать своих детей на воспитание в город Оренбург (ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1859—1860 гг., д. 7570, л. 2))

Коллежский советник Ильминский

ГАОО, ф 6, оп 10, 1859-1860 гг, д 7570, л. 3.

№ 358

**Рапорт начальника Астрабадской морской станции российскому чрезвычайному посланнику
в Тегеране об антирусской деятельности персидских властей среди туркмен юго-восточного
побережья Каспийского моря**

19 октября 1859 г.

Вновь назначенный мазандеранским и астрабадским губернатором принц Мулкара Кеюмарс-мирза прибыл в Астрабад в сентябре месяце и не замедлил уже повести против нас интриги. Откомандировал келантера (Келантерь — городской стражник, пограничник) города Астрабада Мамед-Мехти с несколькими туркменскими старшинами во все прибрежные туркменские аулы, который, разъезжая по аулам, разглашал, что по русским билетам туркмены не будут ходить в Персию морем, что русских скоро выгонит принц из Астрабадского залива, что ежели туркмены хотят получать муку, пшено и проч., то чтобы не обращались к русским за билетами, а к персидским чиновникам, которых принц поставил к этому, а иначе с билетом русских он велит задерживать; также, что и самим русским не будут скоро давать дров, хлеба, мяса, пшена и проч. сколько они хотят; и по этому предмету уже принц обратился к нашему консулу в Астрабаде с просьбой, чтобы я написал, какое количество мне нужно разной провизии для содержания людей, и он приставит к этому своего человека, который и будет доставлять это количество, а не мои подрядчики, которые довольно верно служат на протяжении 15 лет отряду и которых принц подозревает в том, что они на Ашире (Остров Ашур-Аде) будто продают вместо русских туркменам хлеб; подобные против нас действия и возмутительные рассказы калентаря туркменам, которые, как видно, этому отчасти верят и надеются на поддержку принца, ведут к тому, чтобы вооружить против нас прибрежных туркмен, старшин которых он звал к себе, сделал подарки и позволил купить им несколько сот харваров (Харвар — мера веса, равная 18 пудам) пшена и муки, чтобы, как он им говорил, они ни в чем не нуждались, и дозволил им это провести на шести лодках по Черной речке, где я их не мог взять, ибо они грузились в семи верстах от моря под присмотром персидского караула. О чем долгом считаю донести вашему превосходительству и покорнейше просить, [491] нельзя ли на первый раз остановить этого губернатора в его неблагонамеренных против нас действиях, иначе своими действиями он может нам наделать хлопот и неприятностей.

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 3360, лл. 73—74.
Заверенная копия.

№ 359

Отношение оренбургского военного губернатора министру внутренних дел о награждении туркмен, участвовавших в экспедиции полковника В. Д. Дандевиля

(В списке награжденных значатся имена восьми лиц: двое из них награждены медалями, трое — саблями, а остальным преподнесены подарки (ГАОО, ф. 6, оп. 10. д 7466, лл. 2—5))

21 октября 1859 г.

По засвидетельствовании начальника экспедиции, отправлявшейся д нынешнем году к восточному берегу Каспийского моря, полковника Дандевиля об усердных услугах, оказанных экспедиции туркменами човдурского рода хана Мамедом Махтум-Нурмухамедом Ишановым и игдырского Мамед-Сафою Кулыевым, выдав им за таковые похвальные действия серебряные медали с надписью «За усердие» из числа состоящих в моем распоряжении, я имею честь это довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Генерал-адъютант Катенин

ГАОО, ф- 6, оп. 10, 1859, д 7466, л. 3.
Отпуск.

№ 360

Из рапорта командующего Каспийской флотилией великому князю Константину Николаевичу о подстрекательстве туркмен к враждебным действиям против русских английского консула в Астрабаде

22 октября 1859 г.

...Туркмены сделались в последнее время деятельнее и смелее в своих набегах и замечательно, что таковая в них перемена произошла с прибытием в провинцию Астрабад английского консула, который даже и не скрывает своих обязанностей действовать в пользу нашу и однажды выразился при беседе с нашим консулом, что он за тем в Астрабаде, чтобы во всем мешать русским. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д 422, л. 518.
Заверенная копия.

[492] № 361

Свидетельство, данное оренбургским военным губернатором туркменскому старшине Нурмухаммеду Махтум-Бек-Дурды Ишанову

(Аналогичные свидетельства даны и всем остальным участникам экспедиции ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1859 г, д. 7466, лл. 7, 8))

26 октября 1859 г.

Предъявитель сего, туркмен човдурского рода хан Мамед-Махтум Ишанов, за услуги, оказанные экспедиции под начальством полковника Дандевиля, бывшей в сем году у восточного берега Каспийского моря, награжден от меня серебряной медалью с надписью «За

усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте, в удостоверении чего и выдано ему сие свидетельство за подписанием моим, с приложением герба моей печати.

Генерал-адъютант Катенин

ГАОО ф. 6, оп. 10, 1859, д. 7466, л. 6

Копия

№ 362

Отношение военного министра оренбургскому военному губернатору об окончательном решении вопроса о строительстве укрепления на восточном берегу Каспийского моря, о мерах по усилению морской станции на острове Ашур-Аде и представлении к награде участников экспедиции полковника Дандевилля

5 ноября 1859 г.

Предварительно всеподданнейшего доклада (См. док. № 356) донесений вашего превосходительства от 16 сентября № 1568 и от 30-го числа (Документ не обнаружен) того же месяца № 1656 сведения, в оных изложенные, по высочайшему повелению были обсуждены мной совместно с его императорским высочеством генерал-адмиралом и министром иностранных дел.

По всеподданнейшем докладе общего заключения нашего государю императору благоугодно было высочайше повелеть:

1. Предполагаемое устройство укрепления с факторией на восточном берегу Каспийского моря на время отложить, ибо достижение сего имелось в виду миролюбивыми сношениями с туркменами, исполнение же предприятий силой восстановило бы еще более противу нас туркменские племена и дало повод к подозрению о завоевательных намерениях наших на восточном берегу Каспия.

и 2. Во внимание к тому, что до сих пор одни лишь атрекские туркмены своими разбоями вызывали с согласия персидского правительства наказание с Астрабадской станции, между тем как красноводские туркмены в подобных поступках замечаемы не были, и что ныне, после действий наших у Чикишлярского аула, в Балханском заливе, и в особенности после освобождения пленных персиян с острова Челекен, туркмены могут соединиться для нападения совокупными силами на морскую станцию в Ашур-Аде, имеющую весьма слабые средства для обороны, признано необходимым эту станцию немедленно усилить, и [493] повелено безотлагательно отправить туда стрелковую роту Кавказского линейного 21-го батальона, находящуюся по распоряжению главнокомандующего Кавказской армией в Ленкоране, перевезя эту роту морскими средствами, находящимися в Баку. При этом начальник Астрабадской станции поставлен в известность, что хотя упомянутое подкрепление назначается ему собственно для обеспечения станции, но что вместе с тем остается в той же силе и прежде данная ему инструкция относительно наказания хищнических шаек соседних туркмен, если бы в том встретилась необходимость. (О мнении Особого комитета относительно занятия юго-восточного побережья Каспийского моря см. ЦГВИА, ф. 483, д. 54, лл. 58—60)

В то же время его императорское величество на ходатайство ваше о представлении к наградам находившихся под начальством полковника Дандевилля чинов сухопутного ведомства и чинов, занимавшихся съемочными работами в экспедиции, рекогносцировавшей восточный берег Каспийского моря, всемилостивейше соизволил изъявить высочайшее согласие, что же касается до самого полковника Дандевилля, то вашему превосходительству предоставляется войти о нем с представлением впоследствии в том внимании, что действиями своими на острове Челекен он упустил из виду главную цель возложенного на него поручения: упрочить миролюбивые торговые сношения наши с туркменами.

Военный министр генерал-адъютант Сухозанет

№ 363

Письмо и. д. оренбургского и самарского генерал-губернатора Данзаса директору оренбургского Неплюевского кадетского корпуса Шилову о возможности принятия сына Мамед-Сафа Кулиева на учебу

18 ноября 1855 г.

Корпусной обер-квартирмейстер полковник Дандевиль доносит, что в бытность его прошлым летом с экспедицией на восточном берегу Каспийского моря старшина туркмен игдырского рода Мамед-Сафа Кулиев предъявил ему желание воспитать детей своих в русских учебных заведениях и на первый раз просил о принятии старшего сына его Мамед-Салиха, 9 лет, в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус.

По докладу этой просьбы господину генерал-губернатору его высокопревосходительство приказать изволил собрать нужные сведения о возможности помещения помянутого сына старшины Кулиева в корпус, что было бы весьма желательно.

Вследствие чего предварительно распоряжений к вытребованию сюда Мамед-Салиха Кулиева имею честь покорнейше просить ваше [494] превосходительство уведомить меня, представляется ли ныне возможность к принятию этого малолетнего в Неплюевский корпус. (В рапорте генерал-майору Данзасу директор Неплюевского кадетского корпуса Шилов сообщил, что «...с наступлением срока для подачи прошения об определении малолетних в здешний корпус, то есть сентябрьской трети будущего года, сын Мамед-Сафа-Кулиева будет принят в кадетский корпус» (см. ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 7570, л. 8))

Исправляющий должность генерал-губернатора генерал-майор
Данзас

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1860, д. 7570, л. 7.

Подлинник.

№ 364

Из прошения агента Закаспийского торгового товарищества барона М. Врангеля в Бакинское карантинно-таможенное правление о вывозе деревянной избы и рыболовных снастей на остров Челекен

(30 января 1860 года Закаспийскому торговому товариществу было разрешено вывезти из Баку на остров Челекен деревянную избу для хранения рыбных товаров и рыболовных снастей (см. ЦГИА ГрузССР, ф. 378, д. 10194. л. 6))

27 ноября 1859 г.

Закаспийское торговое товарищество между прочими операциями своими имеет частые сношения с туркменами и занимается рыбной торговлей, о чем известно Карантинно-таможенному правлению по поводу отправления на остров Челекен рыболовных снастей для собственного употребления.

Ныне, имея крайнюю необходимость устроить там как для хранения товара, равно и помещения находящегося там приказчика хотя временное здание, я имею честь покорнейше просить оное правление дозволить мне вывезти на остров Челекен небольшую избу, рубленую из накатника... (Опущены сведения, не имеющие прямого отношения к теме сборника) Имею честь представить Карантинно-таможенному правлению это обстоятельство, обращаюсь к нему

с покорнейшей просьбой разрешить Закаспийскому торговому товариществу вывоз как избы, равно и кошек, буде же правление не найдет возможным этого сделать, то не отказать в ходатайстве о разрешении этого вопроса у высшего начальства.

Барон М. Врангель

ЦГИА ГрузССР, ф. 378, д. 10194, лл. 2—3.
Подлинник.

№ 365

Репорт командующего Каспийской флотилией великому князю Константину Николаевичу об усилении антирусских происков в Северном Иране и подстрекательской роли английских агентов

15 декабря 1859 г.

Из только что полученного донесения (Документ не публикуется) ко мне начальника Астрабадской станции от 6 ноября сего года за № 2137 и частных сведений [495] видно, что вновь прибывший в сентябре месяце сего года назначенный персидским правительством в губернаторы Мазандеранской и Астрабадской провинции шах-заде Мулык Ара-Кеюмаре-мирза начал свое управление тем, что стал возбуждать прибрежных жителей, персиян и туркмен, против русских и, видя их явное к нам расположение, строго запретил персиянам продавать на станцию лес, дрова и жизненные продукты. К этим стеснительным и обидным для нас мерам его побуждают, кроме инструкций шахского правительства, и английские агенты, которые стали беспрерывно появляться на персидском побережье и стремятся пробраться к туркменским аулам. Англичане, между прочим, предлагают укрепить город Астрабад и выстроить укрепление на Гязском берегу, чтобы тем впоследствии иметь предлог удалить совершенно наши военные суда из Астрабадского залива.

Всепреданнейше доводя о сем до сведения вашего императорского высочества, я с тем вместе обязанностью считаю при том доложить, что, если эти стеснительные для нас меры будут продолжаться, то капитан-лейтенант Лихарев будет поставлен в крайнее затруднение относительно продовольствия свежими продуктами морских чинов станции и стрелковой роты военно-сухопутного ведомства; как и теперь, он встречает препятствия в приобретении материала для продолжения постройки барака, разрешенного г-ном управляющим Морским министерством. Хотя о распоряжениях шах-заде г-н Лихарев и донес нашему чрезвычайному посланнику и уполномоченному министру при дворе шаха, но только одни энергические настояния с его стороны могут избавить станцию от притеснений, препятствующих к улучшению ее быта.

Контр-адмирал Машин

Резолюция великого князя Константина Николаевича: «Сообщить князю Горчакову».

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 422, лл. 531—532 об.
Подлинник.

№ 366

Из записки оренбургского военного губернатора о притязаниях иранского правительства на туркменские земли (Адресат не установлен)

[1859 г.]

.. 1. Статьи, помещенные в тегеранской газете, по моему мнению, не что иное, как уловка без

всякого значения, которой персидское правительство пытается уверить в сочувствии к оному туркмен и в желании их подчиниться Персии. Между тем этого, по моему мнению, никогда не может быть на самом деле, потому что в основании ненависти туркмен к персиянам лежит религиозное начало, то есть такая причина, которая не только у племен невежественных, но и в более образованных народах и сословиях производит непримиримые распри. Кроме сего, разбои, производимые на границах Персии туркменами, так для них [496] выгодны, что вряд ли они откажутся изменить образ своих действий понадеясь на лживые обещания и предложения персидского правительства; если бы туркмены и решились на выражение минутного сочувствия к персиянам или готовности подчиниться, то это было бы явление временное, вынужденное временной же необходимостью: например, осенью и зимой, то есть когда большая часть туркмен, откочевавшая от вредных для здоровья мест и климата Атрека и Гургена, возвращается к этим местам и морскому берегу для рыболовства и торговли; тогда они всегда очень смирны и ласковы и готовы уверять каждого в своей преданности. По окончании этого срока нет никакого сомнения, что они откочуют опять в глубину степи и не будут признавать ничьей власти, и в особенности власти персидского правительства.

2. Нет сомнения также, что по наущению британского посольства персидское правительство прибегнет к подстрекательству туркмен против нас посредством своих агентов, разосланных по туркменским землям, но сомнительно, чтоб эта мера имела для Персии выгодные результаты. Туркмены будут подчиняться только силе или близкому ее присутствию; против персиян они возбуждены вековой ненавистью, и Персия не в состоянии ничем угрожать им. К подкреплению же своих притязаний на подданство туркмен персидское правительство, кажется, не может представить никаких доказательств, тогда как мы имеем в виду исторические факты, доказывающие неоднократно выраженные желания туркмен принять подданство России; сверх сего, сколько мне известно, персияне на берег и земли, лежащие севернее Атрека, никакого права не имеют.

3. На этом основании я полагаю, что действия капитана 1-го ранга Бутакова на устьях Аму-Дарьи и полковника Дандевиля на восточном берегу Каспийского моря несколько не изменили и не изменят отношений туркмен к нам и Персии. На туркмен нельзя смотреть как на народ, в котором существует какое-либо единство мысли, впечатлений или стремлений, потому что они не управляются никем и имеют множество ханов, враждующих между собою. При всяком появлении нашем в туркменских землях часть туркмен, а именно: желающие порядка, беднейшие, страдающие сами от грабежей, занимающиеся рыболовством и торговлей на морском берегу и кочующие по преимуществу близ оного — окажутся всегда на нашей стороне и будут сочувствовать возведению нашего укрепления. Другая же часть, кочующая в привольных местах, отдаленных от берега, привыкшая жить разбоями, как, например, туркмены племени теке, не перестанут покушаться на грабежи и потому в первое время будут смотреть враждебно на устройство нашего укрепления, предчувствуя, что это есть начало прекращению грабежей и беспорядков.

4. Вообще рассчитывать на действительное расположение туркмен без посредства силы не может никогда ни наше правительство, ни персидское... (Опущены сведения о результатах экспедиции В. Д. Дандевиля 1859 г., об иомутском предводителе Атамурад-хане и т. д.).

Генерал-адъютант Катенин

ЦГВИА, ф. 483, д. 54, лл. 6—10.

Заверенная копия

[497] № 367

Предписание оренбургского военного губернатора коменданту Александровского форта о принятии сына туркменского старшины Мамед-Сафа Кулиева в Неплюевский кадетский корпус

7 марта 1860 г.

Корпусной обер-квартирмейстер полковник Дандевиль, донося мне, что в бытность его прошлым летом с экспедицией на восточном берегу Каспийского моря старшина туркмен игдырского рода Мамед-Сафа Кулиев предъявил ему желание воспитать детей своих в русских учебных заведениях и на первый раз просил о принятии старшего сына его Мамед-Салиха, 9 лет, [в] Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. (См. док. № 357)

Вследствие сего предписываю вашему высокоблагородию объявить старшине Кулиеву, что русское правительство с удовольствием принимает означенную его просьбу и со своей стороны готово содействовать исполнению похвального его намерения дать образование своим детям. Почему если Кулиев не отменил своего желания воспитать помянуемого сына его Салиха в Неплюевском кадетском корпусе, то, приняв этого малолетнего, ваше высокоблагородие имеете отправить при первой возможности в Оренбург, где он и будет помещен в корпус.

Потребные на расходы по отправлению сюда Мамеда-Салиха деньги разрешаю, ваше высокоблагородие, позаимствовать из фортовых сумм, сколько окажется нужным, предлагая о последующем мне донести с объяснением полной суммы тех издержек для надлежащих с моей стороны распоряжений о пополнении фортовых сумм.

Генерал-адъютант Катенин

ГАОО, ф. 6, оп. 10, 1859—1860 гг., д. 7570, л. 9.

№ 368

Отношение начальника Главного штаба Д. А. Милютина управляющему Морским министерством вице-адмиралу Н. К. Краббе о разрешении туркменам перевозить товары в Астрахань на почтовых пароходах

25 июля 1860 г.

По вступившему от главного командира Астраханского порта представлению о разрешении начальнику Астрабадской станции продолжать бесплатное отправление в Астрахань на казенных почтовых пароходах тех из туркменских старшин, которые при испытанной преданности нашему правительству пользуются влиянием на свои племена, г-н главнокомандующий изволил приказать запросить мнение по этому предмету состоящего при его сиятельстве по особым поручениям вице-адмирала Васильева, который ныне довел до сведения г-на генерал-фельдмаршала.

1) Что в прежнее время на этот предмет испрашивалось главными командирами Астраханского порта высочайшее разрешение на трехлетний срок через Морское министерство, которое с своей стороны входило в соглашение на этот счет с министерствами финансов и внутренних [498] дел, так как с разрешением туркменским старшинам отправляться с Астрахань нет повода отказывать им в отправлении по торговым делам в Нижний Новгород и в другие города империи, и

2) Что для соображений кавказского начальства необходимо обязать начальника Астрабадской станции доводить до сведения г-на главнокомандующего, кто именно из туркменских старшин будет отправляем в Астрахань, о значении этих лиц и о цели их отправления, тем более, что на пути следования им приходится посещать по необходимости все каспийские порты Кавказского края.

По поручению, за отсутствием г-на главнокомандующего, генерал-адъютанта князя Орбелиани, сообщая об этом вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить вас довести о всем вышеизложенном до сведения его императорского высочества генерал-адмирала для испрошения высочайшего государя императора разрешения на ходатайство контр-адмирала Воеводского с тем, чтобы его императорское высочество благоволил уведомить о

последующем г-на генерал-фельдмаршала.

Начальник Главного штаба генерал-адъютант Милютин

ЦГАВМФ, № 410, оп. 2, д. 422, лл. 536—537 об.

Подлинник.

№ 369

Отношение генерал-адъютанта Безака министру внутренних дел о желании мангышлакские туркмен принять подданства России

26 января 1863 г.

Комендант Александровского форта предоставил ко мне просьбу кочующих в окрестностях форта туркмен абдальского и игдырского родов (**Подлинное письмо туркменских старшин не обнаружено**) о принятии их в русское подданство с дозволением кочевать в окрестностях упомянутого укрепления, за что они изъявили согласие платить установленную кибиточную подать.

Признав возможным удовлетворить желание названных туркмен, я выдал им свидетельство (**См. ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 82, д. 5, лл. 2—3**) от моего имени, подобно выданному в 1857 г. туркменам других родов, на право кочевания в русских пределах в окрестностях форта Александровского с представлением им всех прав и преимуществ наравне с ордынцами, подданными Российской империи.

Об этом имею честь сообщить вашему превосходительству с препровождением копии с выданного мной свидетельства туркменам.

Генерал-адъютант Безак

ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 82, д. 5, лл. 1—1 об.

Подлинник.

[499] № 370

Записка о богатствах острова Челекен и торговых отношениях туркмен с Ираном, Хивой и Россией

(**Автор не установлен**)

[1863 г.]

В настоящее время Челекен населен девятьюстами жителей мужчин; из них 700 имеют свои участки в приисках острова, а остальные служат наемными работниками. Число женщин и детей простирается также до 900. Число кибиток на всем острове 300. Большая часть жителей принадлежит к четырем огурджалинским племенам: гирей, недим, терекме и семедин, которых старшины постоянно живут на Челекене. Главное влияние на жителей имеет иомудский старшина Кадыр-хан Ниязов, он считается их ханом.

Остров Челекен только своими обильными приисками нефти, нефтагиля и соли мог привлечь жителей, не лишенных средств сообщения морем с отдаленными местами. Пресной воды на острове нет, жители пользуются дождевой водой, которую собирают в устроенные для этого ямы. Если долгое время не бывает дождей, то принуждены ездить за водой на остров Огурчинск или к берегу Красноводского залива. На прилегающем к Челекену полуострове Дервиш и в местечке Маты (**Так в документе**) на самом Челекене есть вода, годная по нужде для варки пищи. Местами попадающаяся на острове растительность состоит из травы, годной только для прокормления верблюдов, которых жители держат в числе 300 голов для перевоза добытой ими нефти и пр. к морскому берегу.

Лучшая половина острова Челекен с большим числом нефтяных колодцев есть потомственное владение Кадыр-хан Ниязова, только на его земле находятся прииски нефтагиля. Другая половина острова доступна всем приморским туркменам (джафарбаям), тот из них, кто вырыл нефтяной колодезь, владеет им как неотъемлемой своей собственностью. Соль — хорошего качества, находится на поверхности земли в большом изобилии, она есть достояние всех джафарбаев. Добытая нефть и соль частью продается жителями на купеческие суда, приходящие к ним из Баку, Энзели, Мешедесера и Ленгеруда, частью отвозится ими на лодках к Гургену, астрабадскому и мазандеранскому берегу, где они покупают жизненные припасы. Рыбная ловля, производимая жителями Челекена, незначительна. Ссора туркмен с Хивой, начавшаяся в 1858 г. лишила челекенцев торговли с этою страной, они сбывали хивинцам ежегодно до 10000 пудов нефтагиля, покупали от них необходимый им товар и значительное количество пшеницы. Вследствие этой же ссоры опустел берег Красноводского залива, что весьма чувствительно для челекенцев, приобретающих там у кочующих туркмен жизненные припасы, за которыми в настоящее время должны ходить к Гургену, где припасы эти гораздо дороже.

Что касается до возможности сближения с жителями Челекена торговыми сношениями, то к этому не предвидится никаких затруднений. Челекенцы народ самый миролюбивый, притом им гораздо выгоднее сбывать произведения своего острова на приходящие к ним коммерческие суда, чем перевозить их для продажи морем на 150 и более морских миль. До сего времени Челекен вообще мало посещался русскими купцами, несмотря на то, что жители их всегда принимали и охотно с ними заводили торговлю.

[500] Развивающаяся в настоящее время на острове Святом и у г. Баку фабрикация парафиновых свеч из нефтагиля и фотонефтиля из нефти всего лучше может дать прочное основание торговым сношениям с Челекеном. Начало тому уже сделано компаниею, имеющей парафиновый завод на острове Святом, она в августе 1862 г. заключила условия с Кадыр-ханом Ниязовым в покупке у него в продолжение года не менее 15000 пудов нефтагиля. Это дало возможность Кадыр-хану приняться за усиленную разработку своих приисков и получать верный значительный с них доход, работникам же на Челекене доставило прибыльный труд. Челекенцы с большой охотой заключили бы подобные условия на продажу нефти, которую Бакинский фотонефтильный завод может получать там за дешевую цену в огромном количестве, а компания Закаспийского торгового товарищества, которой принадлежит этот завод, могла бы тем воспользоваться и завести торговые сношения с островом Челекен.

АВПР, ф. Гл. архив 1—9, д. 5, лл. 61—63 об.

Копия

№ 371

Записка о Кадыр-Мухаммед-хане и его желании принять подданство России

(Автор не установлен)

[1864 г.]

Посланник наш в Тегеране сообщил министерству переписку миссии с дипломатической канцелярией его императорского высочества наместника кавказского по поводу просьбы Кадыр-хана, одного из богатых владельцев на острове Челекен, о принятии его в русское подданство с утверждением за ним в вечном и потомственном владении острова.

Кадыр-хан был старшиной огурджалинских туркмен и вместе с тем посредником между Астрабадской морской станцией и прикаспийскими туркменами. Капитан-лейтенант Ратьков-Рожнов, убедясь по одному перехваченному письму Кадыр-хана, что этот туркмен подстрекает других к разбою, удалил Кадыр-хана от начальства над огурджалинцами и от должности при станции и вместо его назначил Нияза, оказавшего крейсерству помощь для выручки

захваченного матроса. Недовольный этим Кадыр-хан принес жалобу его императорскому высочеству, прося о принятии его в наше подданство.

По мнению посланника, утверждение Кадыр-хана согласно его просьбы наследственным владельцем Челекена было бы равносильно заявлению наших прав на этот остров, это возбудило бы неудовольствие и персиян, и туркмен острова. Последние, без сомнения, мало расположены признать над собой власть одного из своих единоплеменников. С другой стороны, наш прямой отказ Кадыр-хану подал бы ему повод обратиться с таковым же ходатайством к правительству шаха или даже уступить ему свои права на Челекен. Персия может этим воспользоваться для подкрепления своих мнимых прав на остров. По этим соображениям тайный советник Гирс думает, что было бы для нас бесполезно поддерживать в Кадыр-хане надежду на [501] возможность устроить свое положение при помощи нашего правительства, не возвращая ему, без сомнения, прежнего его положения при морской станции. (Документ без подписи)

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 4020, л. 12.

Копия.

№ 372

Из заметки российского посланника в Иране великому князю Михаилу Николаевичу о туркменах, кочующих на границах Астрабадской провинции

(Данная заметка Н. К. Гирса составлена на основе «кетибче» (податного реестра) персидского правительства)

16 октября 1864 г.

Из числа многочисленных известных туркменских племен на северо-восточной границе Астрабадской провинции кочуют два племени: йомут и гоклен, которых вместе с частью теке персидское правительство издавна считает своими подданными — иль, или, вернее сказать, данниками, хотя первое совершенно номинально, а второе зависит от того, каков губернатор Астрабада: ловок [ли] он и силен. Туркмены иль платят ему дань, а в противном случае они делаются ягы, (Ягы в дословном переводе — неприятель) то есть непокорными. Йомуты, как предполагают, состоят более чем из 50 тысяч кибиток или семейств, из коих только с небольшим 9100, кочующие на пространстве между Гасан-Кули при устьях реки Атрек устьями Черной речки (Кара-Су) и Гургена и местечком Гумбези Кабус при реке Гурген, отстоящем от г. Астрабада на 14 фарсахов, платят при упомянутых выше условиях дань персидскому правительству; остальные же 30 тысяч семейств, кочующие между восточными берегами Каспийского моря и правым берегом Атрека, с одной, и владениями Хивинского ханства, с другой стороны, вовсе не признают над собой владычества Персии. Сказанные 9 тысяч семейств йомутов, данников Персии, разделяются на 17 главных ветвей.

1) Джафарбай, которых мы называем морскими туркменами, кочуют при восточном берегу Каспийского моря, начиная от устья Кара-Су (Черная речка) под 36°49 с. ш. до разбойничьего аула Гасан-Кули при устье Атрека под 37°25, то есть на протяжении 9 фарсахов, или 63 верст, и подразделяются, с своей стороны, на две отрасли: ярали и нурали...

Пишак и атабай, кочующие в степях между кочевьями джафарбаев, с одной, и между Дараджиком, с другой стороны, состоят из 1575 семейств... (Опущены названия и численность мелких родовых групп и подразделений йомутского и гокленского племен).

За теми тремя собственно йомутцами племенами следуют 14 других, кои причисляются также к йомутам...

Племя гоклен, в прежние времена состоявшее из 12 тысяч семейств, будучи теснимо с одной стороны персиянами и туркменами-йомутами, с другой — бунджурскими курдами, начало с давних времен [502] покидать свои пепелища и откочевывать в хивинские владения, так что в

начале 1864 г. их оставалось всего только 2400 с небольшим семейств, на подданство и данничество коих могло рассчитывать персидское правительство. Кочевья их находятся между Астрабадской провинцией и рекой Гурген, начиная от Гумбези-Кабуса, с одной стороны, и Симулганом при истоке Гургена, с другой; они разделяются на два главных племени: додурга и халка даглы...

Таким образом, туркмен йомутов и гокленов, на подданство коих персидское правительство претендует, всего с небольшим 11500 кибиток, или семейств.

Так как астрабадские губернаторы, по обыкновению своему и смотря по влиянию, какое они имеют на туркмен, взимают с них с каждого семейства от 5 до 10 кранов, следовательно, при благоприятных для персидского правительства обстоятельствах оно получает с них всего от 6 до 12 тысяч туманов за пастбищное право на персидской [земле] — землевознаграждение весьма недостаточное за все те убытки, которые они наносят жителям и владельцам деревень Астрабадской провинции. Подать эту они вносят частью деньгами, частью собственными произведениями, как-то: шелком, рисом, ячменем, коровьим и овечьим маслом, войлоком, служащим во всей Персии для покрывки лошадей, грубыми шелковыми и шерстяными материалами и другими своими изделиями. Они ведут с персиянами меновую торговлю сказанными произведениями и сверх того нефтью и солью, взамен коих они приобретают от персиян предметы, необходимые для их домашнего, весьма непричудливого обихода; и мена эта производится или частью в городе Астрабаде, частью в деревнях, находящихся при берегах Астрабадского залива.

Из всех туркмен, с коими персияне имеют дело, менее всего притесняют и берут в плен астрабадцев гоклены, хотя они и отважнее йомутов, которые в течение последних 6 лет, а именно после кончины астрабадского губернатора Джафар Кули-хана ильхани, непрерывно тревожат астрабадцев своими нападениями и грабежами. В настоящее время обыкновенный туркменский термин «туркменчилик» (туркменство), то есть просто патриархальность нравов, имеет совершенно противоположное значение, а именно: удалство, обман, и свойство это они, не краснея, придают один другому, говоря о разбоях своих. Страннее всего, что они приводят в действие свой «туркменчилик» не в отношении к одним только астрабадцам, что еще легко можно было бы объяснить себе тем, что они мстят за несправедливости, делаемые им правителями Астрабада, коих политика состоит в том, чтобы вооружить гоклен на йомутов и обратно, но и в отношении даже к нам, несмотря на всю справедливость нашу к ним и моральное покровительство, им оказываемое, чему, к сожалению, доказательством служит то, что они, несмотря на присутствие военных судов наших в Астрабадском заливе, никогда не пропускали и не пропускают случая, чтобы грабить наши парусные коммерческие суда, проходящие мимо их берегов, коль скоро таковые не будут встречаемы или провожаемы военными судами Астрабадской станции, равно как и уводить в плен русских подданных, не исключая даже и самих матросов, из коих двое томятся у них в неволе на Атреке с 1858 г. по сие время. (Документ без подписи)

ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 3, д. 1112, лл. 24—27.

Заверенная копия

[503] № 373.

Донесение временного управляющего российским консульством в Астрабаде Николаева посланнику в Тегеране о положении дел в Астрабадской провинции и взаимоотношениях иранских властей с туркменами

24 октября 1864 г.

В начале прошлого сентября сипахсалар, устроив окончательно дела с гокленами, перешел, наконец, с своим войском в Астрабадскую провинцию для выполнения главной задачи всего

его похода, состоящей в наказании и усмирении кочующих на границе этой провинции туркмен-йомутов.

Гоклены, наконец, уплатили персидскому правительству 40 тысяч червонцев наличными деньгами и 9 тысяч халваров зернового хлеба и представили в залог своей покорности и верности на будущее время 100 вооруженных всадников, которые находятся ныне в лагере сипах-салара. По причине злоупотреблений и беспорядков, которыми сопровождалось взыскание сказанной контрибуции, и вследствие богатых пешкешей (*Пешкеш — подарки, делавшиеся иранскими шахами и хивинскими ханами отдельным влиятельным туркменским старшинам с целью привлечения их на свою сторону*) наличными деньгами и вещами и лошадьми, полученных главными предводителями шахского войска, количество всех поборов, взятых в этот раз с гокленов, далеко превышает показанную цифру. Заведывание делами гокленов поручено сипахсаларом правителю Буджнурда Хайдар Кули-хану Сегам-уд-доулэ.

Первоначальное намерение сипахсалара было направиться из земли гокленов в местечко Ак-Кала, находящееся в Туркменской степи к северу от Астрабада в $\frac{1}{2}$ фарсах от этого города, и, укрепившись там, начать действовать против йомутов, а потом уже, по окончании этого похода, вступить в самый Астрабад. С этой целью он отдал приказание Джафар Кули-хану, стоявшему со своим отрядом в окрестностях Астрабада, двинуться в местечко Туренг-Тепе и ожидать там прибытия главных сил, чтобы совокупно с ними приступить к военным действиям. Но по переходе своем в Астрабадскую провинцию, получив известие, что почти все соседние с оной йомуты перевели свои кочевья за Атрек и приготавливаются дружно и смело встретить шахское войско, и, тревожимый с тыла туркменскими всадниками, которые, собираясь в значительных массах, начали производить частые нападения на персидскую армию, сипахсалар убедился, что ему приходится теперь иметь дело не с таким мирным и слабым народом, как гоклены, сразу изъявившие ему свою покорность и которых оставалось ему только грабить и разорять, и, основательно или неосновательно опасаясь в случае движения на Ак-Кала быть отрезанным от Астрабада и испытать ту же участь, какая постигла шахское войско за несколько лет перед сим в Мерве, (*Речь идет о битве с иранскими войсками в 1861 г.*) он оставил свой прежний план, который он находил теперь слишком смелым. Взамен того он предпочел направиться прямо к Астрабаду, послав Джафар-Кули-хану, уже более месяца стоявшему в местечке Туренг-Тепе в совершенном бездействии, приказание отступить к этому городу. Страх и робость, наведенные на сипахсалара частыми набегами туркмен на его армию, были до того сильны, что, располагая громадной военной силой в 25 тыс. человек и 24 артиллерийских [504] орудия, он, несмотря на то, не отважился идти в Астрабад прямым и кратчайшим путем через Туркменскую степь и все время шел лесом, придерживаясь к горам, что составило для него разницы в пути с лишком на 100 верст. Персидское войско, тревожимое конными туркменами, подвигалось весьма медленно и только через 40 дней после выступления своего из земли гокленов прибыло в местечко Сиях-Телу, отстоящее в $\frac{1}{2}$ фарсаха от Астрабада. Во время этого похода в половине сентября Хайдар Кули-хан с помощью Сулейман-хана афшара сделал удачную экспедицию па верховья Атрека против кочевывших там иомутских племен, известных под названием ильхи, икдыр и кан-ёкмаз. Туркмены, слишком поздно узнавшие приближение Хайдар Кули-хана, старательно скрывавшего свое намерение, начали собирать свои кибитки, чтобы перейти за Атрек. В это самое время персияне напали на них и захватили у них 63 пленных женщин и детей, 3 тысячи вьючных верблюдов и 20 тыс. баранов. В происшедшей при этом схватке было убито 15 человек туркмен, отрубленные головы коих доставлены в лагерь сипахсалара; персияне же потеряли двух человек из отряда Хайдар Кули-хана убитыми и 15 человек из отряда Сулейман-хана пленными. В местечке Сиях-Телу присоединился к сипахсалару Джафар Кули-хан, который, однако же, принужден был тотчас удалиться от него и продолжать отдельно движение к Астрабаду по причине тифозной горячки, открывшейся в его отряде и свирепствовавшей с такой силой, что от нее умирало ежедневно до 20 человек, около 15 офицеров погибло от этой болезни, и в том числе двоюродный брат эмира-тумана Пашо-хан и Наиба Аджудан-Баши-Тахмасп-Кули-хан. Почти все кочующие на границе туркмены удалились

за Атрек; только одни джафарбаи — прибрежные туркмены — остались еще на прежних местах, но и из них значительная часть уже переселилась в Чикишляр по ту сторону Атрека. Даже Адина-хан, старшина атабаев, давнишний и постоянный слуга персидского правительства и еще очень недавно получивший от сипахсалара халат в знак милости и благоволения за прежние услуги, и тот перевел свои кочевья за Атрек, не доверяя лживым обещаниям персиян, и по сие время не являлся в лагерь сипахсалара, куда уже приезжали на днях старшины джафарбаев с изъявлением покорности и преданности. Шахский военный министр потребовал от джафарбаев немедленного возвращения всех пленных персиян, захваченных этим племенем в последние несколько лет, и старшины их отправились обратно в Кюмиш-Тепе с обещанием представить этих пленных в самом непродолжительном времени.

В лагере сипахсалара происходят частые совещания насчет дальнейших действий против туркмен, и между окружающими его сановниками существуют два мнения по этому предмету, из коих одно состоит в том, чтобы идти прямо на Атрек, в самое гнездо туркменских разбойников, и, утвердившись там, начать действовать летучими отрядами. Другое мнение заключается в том, чтобы напасть сначала на джафарбаев и подвергнуть разорению аул Кюмиш-Тепе. Которое из этих мнений разделяет сипахсалар, еще неизвестно, но достоверно только то, что персияне готовятся к походу и ожидают возвращения старшин племени джафарбаев, чтобы приступить к решительным действиям. Между тем туркмены, ободренные столь продолжительным бездействием персидского войска, продолжают с большей против прежнего смелостью грабить и уводить в плен жителей здешних провинций. Так, между прочим, 18-го сего месяца они напали в двух верстах от места расположения персидского лагеря на несколько человек гулямов из кадджаров на возвратном пути их из лагеря в город и одного из них ранили, а 5 увели в плен.

[505] В заключение честь имею почтительнейше довести до сведения вашего превосходительства, что сипахсалар в настоящее время находится близ селения Мамед-Абад в $1\frac{1}{2}$ фарсаха от города и что вес командуемое им войско состоит из 30 тыс. человек при 32 артиллерийских орудиях и разделено на три отряда, из коих главный центр армии находится под его личным начальством, другой авангард под командой Мохаммед Вали-хана сардара и третий арьергард — под командой эмира-тумана Джафар Кули-хана. (Документ без подписи)

ЦГИА ГрузССР, ф. 416. д. 1112, лл. 28—31.

Заверенная копия.

№ 374

Донесение российского консула в Астрабаде российскому посланнику в Тегеране о положении дел в Астрабадской провинции и взаимоотношениях иранских властей с туркменами

(О дальнейших военных действиях Джафар Кули-хана против туркмен см. ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 3, д. 1112, лл. 35—37)

2 декабря 1864 г.

Сипахсалар все еще находится в местечке Мамед-Абаде, куда он прибыл 18-го прошлого октября; он до 24-го минувшего ноября никаких военных действий против туркмен не предпринимал, вел с их старшинами переговоры, стараясь мирным образом выручить от них многочисленных персидских пленников, но он успел получить от них в пешкеш только 30 человек; туркмены же, с своей стороны, несмотря на эти мирные занятия сипахсалара, в вышеозначенный промежуток времени взяли в плен 5 человек кадджаров, одного из них ранили, убили одного из людей сардаря Мамед-Вали-хана, взяли в плен от него 5 человек сербазов и угнали 100 вьючных верблюдов. Очевидно, что туркмены стараются провести персидского главнокомандующего, они обещают платить правительству его шахского

величества подать и выдать всех пленных персиян, а сами сидят преспокойно при берегах Гургена, обделали свои поля, а между тем из предосторожности оставили при себе только одни кибитки, самые ничтожные пожитки да старых, негодных для продажи женщин. Сипахсалар на днях получил приказание его шахского величества, состоящее в том, во-первых, что его величество ни одного из туркмен не считает иль, [то есть] мирным, и потом сипахсалар должен всех их предать разграблению и уничтожению, во-вторых, если сипахсалар найдет нужным отправиться на Атрек, то чтобы он позаботился наперед о том, чтобы те из туркмен, которых он почитает мирными, не напали бы на персидских солдат в ту пору, когда они будут возвращаться назад с Атрека; в-третьих, сипахсалару приказано по окончании военных действий или возвратиться в Тегеран после назначения по желанию местных жителей благонадежного правителя в Астрабаде или же самому остаться здесь со всем войском, сколько того потребуют обстоятельства, и в сем последнем случае его величество обещает платить из казны своей даже по 100 туманов за халвар провизии, и, наконец, в-четвертых, если сипахсалар не найдет даже возможным исполнить вышеприведенных приказаний, то ему все-таки представлено или оставаться в Астрабаде или же отправиться в Тегеран. Это ли шахское повеление или наступившие холода, лихорадки и [506] всеобщий ропот народа на страшную дороговизну вследствие прибытия сюда многочисленного голодного и не получающего жалованья войска, заставило, наконец, сипахсалара переправить 24-го минувшего ноября через Гурген 12000 сарбазов с несколькими орудиями под начальством ильхана Хайдер Кули-хана и эмири-тумана Джафар Кули-хана. Переправа совершена насупротив деревни Ак-Кала, находящейся на самом берегу Гургена, по возобновленному мосту, построенному некогда агою Мохаммед-ханом. Послав сказанный отряд войска за Гурген, сипахсалар не оставил также командировать г-на Бюлера на горный подъём Кузлук, ведущий из Астрабада в Шахруд, для устройства дороги, удобной для перевозки отсюда артиллерии для обратного следования в Тегеран.

Навестивший меня сегодня прямо ко мне приехавший из лагеря сипахсалара мирза Садык-хан привез мне, наконец, известие о подвигах загургенского экспедиционного отряда. Четыре дня тому назад дошедши до Атрека, он завладел около одной тысячи верблюдов и 12 тысячами баранов (так что на каждого персидского сербаза пришлось по одному туркменскому барану) и, сверх того, 15 туркменскими старухами; из мужчин же никого не было взято им в плен, потому что туркмены успели заблаговременно уйти за Атрек далее; вчерашнего числа сказанный отряд завладел в Кюмиш-Тепе (Серебряный бугор) 20 или 30 туркменскими пустыми палатками, так как прибрежные туркмены тоже успели спастись со своими семействами на лодках в море, и разрушал известные вашему превосходительству из донесения моего от 22 мая сего года № 65 здания, построенные Кадыр-ханом и его племянником. По словам мирзы Садык-хана, завтрашнего числа отряд должен перейти на эту сторону Гургена и расположиться лагерем на своем прежнем месте. Этим, по-видимому, должны окончиться в настоящем году, а быть может и надолго, военные действия сипахсалара в сем крае. Тем более, что йомуты не перестают изъявлять шахскому главнокомандующему свою готовность быть впоследствии верными подданными Персии и в обеспечение дают от себя заложников.

Сипахсалар хотел было просить меня, чтобы я пригласил начальника Астрабадской морской станции не пускать в море спасающихся туркмен, но я просил с своей стороны мирзу Садык-хана объяснить его превосходительству, что я, как консул, отнюдь не считаю себя вправе вмешиваться в чьи бы то ни было военные дела и полагаю, что даже и сам начальник крейсерства без особенного приказаня на то императорской миссии не окажет ему подобной услуги.

(Документ без подписи)

Решение Особого комитета министров о необходимости занятия Красноводского залива

4 января 1865 г.

Предположения Министерства иностранных дел относительно занятия восточного берега Каспийского моря по высочайшему государя императора повелению были рассмотрены 4 января в заседании Особого [507] комитета, в котором присутствовали военный министр, управляющий Морским министерством, генерал-квартирмейстер главного штаба его императорского величества, главный командир Астраханского порта и директор Азиатского департамента.

Приняв за основание, что польза возведения в Красноводском заливе укрепленной фактории была единогласно признана членами Комитета, рассматривавшего в 1859 г. этот вопрос, и что мнение это 17 января того же года было уже удостоено высочайшего утверждения, Комитет ограничился обсуждением мер, которые должны быть приняты для приведения в действие этого предположения и самого порядка его исполнения.

Занятие Красноводского залива признавалось полезным:

1. Для подчинения туркмен нашему нравственному влиянию, но не включая их в число подданных империи и не обещая официально даже покровительства России, дабы не принимать на себя ответственности за производимые ими грабежи и неурядицы.
2. Для постепенного прекращения как разбоев на море, так и разграбления караванов.
3. Для содействия к развитию нашей среднеазиатской торговли, направив ее вместо дальнего пути через Кара-Кумские и Кизыл-Кумские пески на Оренбург (От Хивы до Оренбурга через форт № 1 считается 65 дней караванного пути. От Хивы до Красноводского залива — 12 дней (примечание в документе)) кратчайшим направлением на Красноводский залив и морем на Волгу.

Для успешного достижения цели означенного предприятия, по мнению Комитета, необходима особая осмотрительность, дабы преждевременным занятием Красноводского залива, с одной стороны, не возбудить недоброжелательства Персии и опасения относительно истинных наших намерений, а с другой — не вовлечь казну в значительные расходы прежде, нежели подробным исследованием страны между Красноводском и низовьями Аму-Дарьи не будет доказана возможность торгового движения по старому руслу этой реки и не будет фактически подтверждена польза учреждения в Красноводске торговой фактории.

Вследствие сего Комитет полагает во исполнение вышесказанного предприятия принять следующую последовательность:

1. Прежде всего просить нашего посланника в Тегеране собрать сведения о том, какое впечатление произведет на Персию утверждение наше в Красноводском заливе, и подготовить персидское правительство к мысли о возможности этого утверждения.
2. Вместе с тем собрать точные сведения о всех перевозочных средствах, которыми могут располагать в Каспийском море Астраханская военная флотилия и компания «Кавказ и Меркурий», и
3. Просить его императорское высочество главнокомандующего Кавказской армией указать, какое содействие может быть оказано с его стороны как при первоначальной рекогносцировке, так и в случае постоянного занятия восточного берега Каспийского моря.

Затем ранней весной 1866 г. снарядить и отправить из Оренбурга особую съёмочную экспедицию для основательного исследования местности южной части Усть-Урта и старого русла Аму-Дарьи от Балханского залива до Куня-Ургенча, причем для охранения экспедиции придать ей достаточное прикрытие из войск Оренбургского края или Кавказской армии.

Если, по предварительно собранным сведениям, окажется возможным в Красноводском заливе нанять верблюдов для перевозки тяжестей экспедиции, то весь отряд будет доставлен морем в Красноводск, откуда [508] экспедиция и начнет свои действия. Если же наем верблюдов в Красноводске будет признан невозможным, то верблюжий транспорт будет за-

готовлен в Александровском форте и отправлен в Красноводск под прикрытием особого отряда.

Вместе с тем, дабы положить начало торговым сношениям с туркменами и другими среднеазиатскими народами со стороны восточного берега Каспийского моря, Комитет полагает предложить благонадежным торговцам отправить в Красноводск ко времени прибытия туда экспедиции некоторое количество товаров, имеющих преимущественный сбыт в Средней Азии с тем, чтобы часть этих товаров под прикрытием экспедиционного отряда могла быть отправлена до хивинских пределов, в Кунград и другие города, лежащие в низовьях Аму-Дарьи, если хивинцы изъявят желание вступить в прямые торговые сношения с нашими купцами.

По окончании рекогносцировки экспедиционный отряд возвратится в Красноводский залив, где и перезимует в кибитках, устроив для своей защиты лишь самые необходимые укрепления. В продолжение же зимы с 1866—1867 гг., смотря по результатам, доставленным экспедицией, должен быть окончательно определен дальнейший ход утверждения нашего в Красноводском заливе.

Д. Милютин, Н. Краббе, А. Веригин, С. Воеводский, П. Стремоухов
На полях документа резолюция Александра II: «Исполнить. 10 февраля 1865 г.».

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3224, лл. 12—15.

Заверенная копи

№ 376

Из донесения российского посланника в Тегеране вице-канцлеру А. М. Горчакову о позиции иранского правительства по отношению к туркменским землям и возможных последствиях при осуществлении Россией плана занятия Красноводского залива

9 апреля 1865 г.

Двумя предписаниями от 20-го минувшего февраля ваше сиятельство изволили сообщить мне о заключении созданного по высочайшему повелению Особого комитета, в коем рассмотрены были различные предположения об устройстве фактории на восточном берегу Каспийского моря в видах распространения нашей торговли и рыбопромышленности... **(Опущены сведения, не относящиеся к теме сборника)**

Сознавая всю важность возложенного на меня поручения, я буду выжидать удобного случая, чтобы действовать на правительство его величества шаха в смысле инструкций министерства и в то же время не упущу из вида и осторожности, которой требует от нас крайняя деликатность самого предмета. Между тем считаю своим неперменным долгом подвергнуть на предварительное усмотрение вашего сиятельства некоторые мои соображения по настоящему вопросу, основанные на изучение оно и местных наблюдениях.

[509] Многолетний опыт показал нам, до какой степени противоположны интересы, преследуемые Россией и Персией в туркменском вопросе, и как несогласованны взгляды обоих правительств на политическое положение туркменских племен, обитающих на восточном берегу Каспийского моря. Это ясно усматривается из продолжительных переговоров, не раз возобновлявшихся по этому предмету в Тегеране, хотя бы в 1859—1860 гг., но не приведенных до сих пор ни к какому решительному результату и впоследствии коих вопрос был постоянно отклоняем... **(Опущены сведения о притязаниях персидских властей на владение восточным побережьем Каспийского моря и т. д.)**. Мы же, с своей стороны, постоянно старались уклониться от признания какого-либо пункта на восточном берегу за границу персидских владений и только в 1836 г. согласились подтвердить за персиянами право на владительство до реки Атрек. Как ни безосновательны вышеизложенные притязания персидского правительства, но трудно ожидать, чтобы теперь оно от них отказалось и взамен этого удовольствовалось под-

тверждением допущенного нами в 1836 г. права Персии на земли между Гургеном и Атреком. Такого подтверждения персияне не домогались, даже отправляя в прошлом году экспедицию до берегов Атрека. (Об этом см. док. № 373-374) Поэтому возможность вознаградить нас за утрату мнимых прав, но которые были нам заявляемы при каждом удобном случае, и крайняя недоверчивость, с которой персияне постоянно смотрят на малейшие действия наши на восточном берегу Каспийского моря, постоянно представляли столько затруднений, что императорское министерство предпочитало до сих пор оставлять вопрос этот в status quo до более благоприятных обстоятельств.

Я опасюсь, что новые переговоры ввиду предпринимаемого занятия пункта в Красноводском заливе поведут нас к еще более затруднительному положению. При невозможности, в которой мы находимся, согласиться на притязания персиян или же успокоить их опасения какими-либо другими существенными уступками, нельзя и ожидать, чтобы обнаружение наших планов было равнодушно принято шахским правительством и не вызвало бы сильных протестаций и превратных толкований с его стороны. Все наши уверения в искренности нашего намерения разрешить туркменский вопрос в пользу обоих государств не помешают персиянам предположить связь между нашими последними приобретениями в Средней Азии и занятием пункта в Красноводском заливе и объяснять себе эти факты в смысле проявления обширных честолюбивых замыслов России.

При таком щекотливом положении вопроса было бы едва ли не лучше избегать даже всяких преждевременных намеков на желание наше придти к окончательному решению, тем более, что согласно высочайше утвержденному журналу комитета выполнение наших предположений будет главным образом зависеть от результатов предполагаемой в 1866 г. экспедиции, на обязанности которой будет, между прочим, лежать и исследование пользы, которой можно ожидать от учреждения в Красноводске торговой фактории.

Если даже, как должно надеяться, исследования экспедиции и убедят нас в действительной пользе предполагаемых мер и если притом не найдено будет нужным принимать в соображение то неприятное впечатление, которое произведет оные на Персию, то и в том случае едва ли было бы полезно нам самим вызывать персидское правительство на переговоры. Как бы ни были сильны предубеждения сего [510] последнего, но за невозможностью нам противодействовать оно вынуждено будет примириться с совершившимся уже фактом и прекратить бесполезные жалобы. При таком обороте дела объяснение причин, заставляющих нас прибегать к занятию Красноводска и заключающихся в потребности обеспечить и расширить торговые сношения России, могут, по мнению моему, иметь более успеха, нежели теперь, пока не начались еще действия экспедиции.

Особенно неудобным, казалось бы мне, прежде, нежели окончательно признана будет польза занятия Красноводского залива, возобновлять объяснения по предмету положения нашей морской станции в Астрабадском заливе, которое хотя, конечно, и продолжает внушать персиянам опасения, но в последнее время, как вашему сиятельству известно из моих донесений, не подавало более повода к неприятным переговорам с персидским правительством. В этом убеждают нас как затруднения, с коими нам пришлось бороться при учреждении крейсерства, так и несомненные выгоды, приобретенные нами занятием Ашур-Аде.

Положение этого острова почти на самой границе, отделяющей владения Персии от местностей, населенных туркменами, подчиняя непосредственному влиянию нашему сих последних и давая нам возможность охранять прикаспийские области Персии от разбойничьих покушений приморских туркмен, главные притоны коих находятся па устье реки Атрек, позволяет нам в то же время оказывать обширное покровительство и нашим торговцам, и рыбопромышленникам, посещающим берега Персии и туркменской земли, в особенности же Астрабадский залив, где находятся удобные места для якорной стоянки наших коммерческих судов. Не подлежит ни малейшему сомнению, что с учреждением станции разбои туркмен на море значительно уменьшились, что отозвалось чрезвычайно выгодно на нашей торговле, и

если они не прекращены еще вдоль персидских берегов, то лишь по той причине, что для сего потребовалось бы значительное усиление средств нашей эскадры и более бдительности со стороны местных персидских властей, по большей части довольно равнодушно смотрящих на бедствия, терпимые народом от насилий туркмен... (Опущены сведения, не представляющие особого интереса для темы сборника).

Представляя изложенные соображения на благосклонное воззрение вашего сиятельства, смею надеяться, что вы не изволите найти неуместной осмотрительность, с которой я полагал бы приступить к подготовке персиян к предполагаемому нами занятию Красноводска. К этому побуждает меня как важность последствий, ожидаемых от этой меры, так и желание избежать упущений в вопросе столь щекотливом, как настоящий. Понимая трудности, с коими сопряжено достижение нами цели, императорское министерство определило почти два года на приведение в исполнение проекта о занятии Красноводска, а потому я буду иметь вполне время в точности сообразоваться с окончательными приказаниями, которые вашему сиятельству угодно будет дать мне впоследствии моих настоящих соображений.

Помета великого князя Константина Николаевича:
«Совершенно разделяю этот взгляд».

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3224, лл 23—28 об.
Заверенная копия.

[511] № 377

Из заключения Особой комиссии Комитета министров о необходимости учредить торговую факторию в Красноводском заливе и целесообразности назначить там специального агента Министерства финансов для осуществления контроля за торговлей
(Копия журнала комиссии хранится в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3471, лл. 185)

(май 1865 г.)

С утверждением нашим в Красноводске какие могут быть приняты меры к ограждению интересов торговли и не следует ли установить особые правила для товарищества, компании и т. п.

Относительно этого предмета комиссия нашла, что в Красноводске будет производиться торговля между русскими и азиатцами, по преимуществу посредством мены, а потому здесь представляется совершенно необходимым устроить факторию по примеру существующих уже в других городах, где производится торговля с азиатцами меновыми дворами, и огласить о сем между всеми азиатскими с разъяснением им через посредство Министерства иностранных дел и главного оренбургского начальства, что все они могут приезжать с караванами для торговли с русскими в Красноводске, где будут пользоваться полной безопасностью и находиться под охраной русских властей. Что же касается до товарищества и компаний, то комиссия находит, что устанавливать особые на этот предмет правила не представляется никакой надобности, а должны быть они учреждаемы на основании общих правил; льготы же и преимущества, какие правительство признает возможным предоставить им особо от общих, выше сего изложенных, могут быть определены для каждого в частности при утверждении Устава.

Обращаясь к предположению г-на Кокарева о приглашении иностранных капиталистов, в особенности английских, для развития промышленности на восточных берегах Каспийского моря, комиссия нашла, что такое дозволение было бы совершенно противно русским интересам, потому что иностранцы с приобретением большего или меньшего числа паев в русском товариществе или компании получили бы возможность назначать своих агентов, поверенных и т. п., которые в короткое время, несомненно, завладели бы всей торговлей и промышленностью на Каспийском море и вытеснили бы оттуда как наших торговцев, так и наши произведения, и, таким образом, уничтожили бы и существующую в незначительных

размерах нашу торговлю с азиатцами; по сему, а равно и по другим весьма многим вредным в политическом отношении последствиям, кои проистекли бы от подобного допущения иностранцев к участию в наших торговых предприятиях в этом крае, комиссия единогласно положила означенное предположение г-на Кокарева отвергнуть.

Комиссия нашла необходимым при устройстве в Красноводска фактории назначить на первое время от Министерства финансов особого агента для наблюдения за торговлей, определив права и обязанности его особой инструкцией применительно к правилам, установленным для действия наших консулов, назначаемых в Кульдже, Чугучаке и Урсе. На этого же агента возложить составление предположения об устройстве местной расправы для разбирательства по торговым делам с самыми простыми формами применительно к существующим у нас словесным судам, дабы скорой и беспристрастной расправой были ограждены интересы русских и в то же время защищены интересы всех [512] азиатцев. Вместе с тем предоставить право агенту принимать жалобы по взаимным претензиям как русских, так и азиатцев по торговым делам, о тех из них, которые по исследовании будут изобличены в недобросовестных торговых сделках и расчетах, представлять главному военному начальнику, по распоряжению которого подобные лица могут быть вовсе высылаемы из Красноводска с воспрещением возвращения туда на будущее время. В случае же высылки агент обязан в то же время принять меры к учреждению администрации для окончания оставшихся после них дел и расчетов. Затем, с развитием в Красноводске торговли и увеличением числа торгующего класса, предоставить торговцам избрать из среды своей определенное число старшин и образовать из них коммерческое агентство, которое при содействии агента от Министерства финансов наблюдало бы за правильностью торговли и составляло бы приговоры об удалении неблагонамеренных по торговле людей на тех основаниях, на каких это предоставляется на первое время агенту.

Переходя к вопросу, на каких основаниях могут быть разрабатываемы прииски нефтяные, серные, каменно-угольные, соляные и производимы рыбные и другие промыслы, комиссия нашла, что с занятием Красноводска и близлежащих островов право собственности на земли должно оставаться неприкосновенным в руках тех же туркмен, которым оно до настоящего времени принадлежало, и что всякое нарушение сих прав было бы совершенно противно принятым комиссией началам, по которым предполагается достигнуть развития промышленности в туркменских землях путем мировых и посредством добровольных сделок с туземцами; с другой стороны, комиссия, допуская сделки, считает, однако, необходимым, чтобы предъявляемые условия утверждались по предварительном удостоверении в том, что заключающие их туркмены действительно имеют право распоряжаться предметом условия или сделки, так как в противном случае при отсутствии понятий у туркмен о частной собственности могут возникать претензии, споры и поводы к нареканиям со стороны туркмен на завладение их землями. На основании сего комиссия полагает, что всякая разработка каких бы то ни было приисков и производство промыслов должны быть предпринимаемы не прежде, как по заключении надлежащих условий об арендовании или покупке земли с теми родами и лицами, которые, по мнению Красноводского военного начальника, основанному на сведениях, у него имеющихся, могут иметь право на заключение с русскими подданными подобных условий. Для точнейшего же определения порядка свидетельствования актов о сделках русских с туркменами предоставить главному начальнику Оренбургского края по соображению с местными условиями составить особую инструкцию.

В случае постоянного занятия Красноводска придать этому пункту возможно большее значение, создать там самостоятельное управление и предоставить ему материальные средства для удовлетворения целям военным и политическим и для ограждения там наших торговых и промышленных интересов.

Ввоз в империю всех туркменских произведений, а также сырых произведений Средней Азии допустить беспошлинно, а мануфактурные, идущие из сей последней, облагать пошлиной по общему азиатскому тарифу.

Наем русских рабочих и приказчиков в Красноводскую местность и на острова предоставить добровольному соглашению между предпринимателями-торговцами и нанимающимися к ним людьми по общим правилам, у нас существующим, с предоставлением лицам, [513] нанявшимся туда для работ или на службу, получать паспорта сроком на три года. Прием иностранных капиталистов пайщиками в учреждаемые русскими купцами общества и компании для развития торговли и промышленности на восточном берегу Каспийского моря положительно воспретить.

ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, д. 613, лл. 27—31.

Заверенная копия

№ 378

Отношение военного министра управляющему Морским министерством о необходимости отложить занятие Красноводского залива

21 августа 1865 г.

Ввиду настоящего положения дел в Туркестанской области и возможности столкновения с Бухарой государь император согласно с мнением вице-канцлера высочайше повелеть соизволил: предполагавшееся в 1866 г. занятие Красноводского залива и возведение там укрепленной фактории отложить до более благоприятного времени.

Но вместе с тем его императорскому величеству благоугодно было возложить на Министерство финансов принять меры к развитию, по возможности, торговых и промышленных предприятий на восточном берегу Каспийского моря поощрением частной предприимчивости, дабы, вступив в дружественные и торговые сношения с туркменами, подготовить беспрепятственное утверждение наше впоследствии в Красноводском заливе.

О таковой высочайшей воле, сообщив его императорскому высочеству главнокомандующему Кавказской армией, вице-канцлеру, управляющему Министерством финансов и командующему войсками Оренбургского военного округа, имею честь довести до сведения вашего превосходительства.

При этом считаю обязанностью присовокупить, что если бы Каспийская наша флотилия была приведена в состояние, более соответствующее своему назначению, то, занимая Ашур-Аде, мы могли бы достигать почти той же цели, для которой предполагалось занятие Красноводска: то есть прекращения морских разбоев туркмен и покровительства нашим торговым интересам. А потому не изволите ли признать возможным для соображений Военного министерства сообщить мне, имеется ли в виду принять какие-либо меры к устройству наших морских средств на Каспийском море, что, по мнению моему, было бы крайне необходимо.

Военный министр генерал-адъютант Милютин

[514] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3224, лл. 29—30

Подлинник.

№ 379

Прошение Кадыр Мухаммед-хана кавказскому наместнику о принятии его в подданство России и закреплении за ним острова Челекен

5 сентября 1865 г.

На острове, называемом Челекен, находящемся близ Красноводского залива у Каспийского моря, постоянно кочует племя свободных туркмен, именующихся огурджапинскими, коих считается числом до 300 кибиток.

Ханом этих туркмен был отец мой Нияз-хан (Кият-хан) Ниязов, который управлял ими более 45 лет, а по смерти его право по наследству перешло ко мне, которое и должно бы сохраниться навсегда, но, напротив, вышло иначе: управление мое, начавшееся с 1842 г., продолжалось только до 1863 г.

К этому не излишним представляю вашему императорскому высочеству то, что отец мой во время своего владения нередко оказывал услуги свои русскому правительству, не будучи и российскоподданным; в делах архива наместничества кавказского, вероятно, сохраняются документы о тех поручениях, какие возлагались на отца во время персидской войны с враждебными туркменами, Хивой и тому подобными, которые ясно засвидетельствуют, с каким усердием, точностью и рвением он выполнял поручения к пользе русского правительства. Идя невынужденно мирным путем по стопам отца, я без всякой лести свидетельствую, что и за время моего управления теми туркменами ни один русский никогда не приносил какой-либо жалобы в обиду или других неприятных столкновениях, в особенности при меновой торговле, и все почти бывшие тогда господа флагманы были спокойными зрителями дружелюбных отношений обеих сторон.

В 1862 г. назначен и ныне состоит флагманом Астрабадской станции капитан-лейтенант Ратьков-Рожнов (родственник главного командира здешнего порта), который, как бы опираясь на это родство, неизвестно из каких видов возмущил противу меня тех туркмен, и по составленному плану к народам [я] удален от управления, а на мое место по его же указанию избран Кар-Казы (В документе имя, видимо, искажено) из племени враждебных туркмен, тех, которые занимаются постоянно хищничеством, и этот некто Кар-Казы есть даже простого рода. Хотя на это избрание огурджалинцы не были предварительно согласны, но впоследствии, по влиянию на них власти со стороны г-на Ратькова, изъявили [согласие].

Действительность справедливого высказа представляю личному заверению как самих туркмен, так и тех русских, которые производят в их местности торговлю.

Будучи крайне обижен и даже стеснен действиями г-на Ратькова, я хотя и принес словесно жалобу г-ну главному командиру Астраханского порта контр-адмиралу Воеводскому, но результатом вышло то, что он, как ближайший родственник Ратькова, оставил ее без всяких последствий.

Теперь, заявя перед начальником Астраханской губернии желание принять подданство России, я нижайше осмеливаюсь прибегнуть к покровительству вашего императорского высочества, дабы повелено [515] было, рассмотрев права мои на наследство после отца, утвердить меня в вечном и потомственном владении островом Челекен как неотъемлемой собственностью.

Кадыр Мухаммед-хан

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 4020, лл. 1-2.

Перевод с туркменского

№ 380

Донесение астраханского гражданского губернатора А. П. Дегая министру внутренних дел П. А. Валуеву о желании Кадыр Мухаммед-хана принять подданство России и о его просьбе признать остров Челекен его наследственным владением

11 сентября 1865 г.

В последние два года с восточного берега Каспийского моря несколько раз приезжал в Астрахань и явился ко мне с просьбами по торговым делам туркмен Кадыр-хан, владеющий, по его словам, островом Челекен, расположенным близ полуострова Дарджа; этот Кадыр-хан и прежде говорил мне, что подтверждают некоторые из астраханских купцов, что он был главным ханом называемых туркменских родов, но что в настоящее время, по интригам персидских властей, поддержанных русским военным начальством в Астрабаде, на место его

избран другой.

В начале августа Кадыр-хан явился ко мне с вопросом: может ли он перейти в подданство России, но с тем, чтобы остров Челекен, будучи таким образом присоединен к России, остался бы в вечном в потомственном его владении; при чем он заверял, что примеру его последует значительное число туркмен.

Но не зная, какое может быть воззрение на этот предмет высшего правительства, особенно г-на министра иностранных дел, я отклонил Кадыр-хана от подачи им форменного прошения, а пригласил предварительно заявить о своем желании частным письмом, что он и исполнил 20 августа; вслед за тем получено мной также частное письмо от здешнего персидского консула, который, как видно, не только остров Челекен и всю восточную часть Каспийского моря считает собственностью Персии, но даже просил меня о высылке Кадыр-хана, как персидскоподданного, в Персию.

Отправившись с картой Азии и вновь расспросив астраханских купцов, бывавших в Туркмении, о личности Кадыр-хана, я убедился, что консул или вовсе не знает границ своего государства, или прибегнул к вымыслу, дабы отклонить переход в подданство Кадыр-хана, что во всяком случае доказывает, что личности Кадыр-хана придают в Персии значение.

Не считая себя в праве оставить без всяких последствий письмо Кадыр-хана, а равным образом и странное частное ходатайство консула, я имею честь оба письма в подлиннике предоставить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства.

В заключение необходимым считаю присовокупить, что сегодня же являлся ко мне 1-ой гильдии купец Франгулов, ведущий с туркменами довольно значительную торговлю, с заявлением, что еще несколько туркмен желают просить о принятии их в подданство России.

[516] Имея в виду, что сказанные лица будут от меня ожидать на их ходатайство ответа, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не оставить меня по сему делу разрешением. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3165, лл. 93—94.

Заверенная копия.

№ 381

Депеша российского посланника в Иране вице-канцлеру о целесообразности отсрочить занятие Красноводского залива

8 октября 1865 г.

Предписание (Документ не обнаружен) от 27-го минувшего августа за № 3016, коим вашему сиятельству угодно было сообщить мне об отсрочке предполагавшейся весной будущего года экспедиции для занятия Красноводска, я имел честь получить и принял оное к сведению.

Вполне разделяя убеждение императорского министерства, что предприятием этим английское правительство могло бы с успехом воспользоваться, чтобы усилить недоверие персиян относительно наших политических видов, я надеюсь, что отсрочка экспедиции даст мне возможность рассеять те предубеждения, которые могли вкрасться в образ мыслей шахского правительства благодаря проискам наших недоброжелателей, превратно толкующих наши отношения к среднеазиатским государствам. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3224, л. 34.

Заверенная копия.

№ 382

Отношение российского посланника в Иране в дипломатическую канцелярию кавказского

**наместника по поводу просьбы Кадыр Мухаммед-хана принять его в подданство России и
предоставить ему некоторую привилегию**

(Из отношения А. М. Горчакова министру внутренних дел П. А. Валуеву от 22 октября 1865 г. видно, что Кадыр-хану было отказано в принятии в русское подданство (см. ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3165, л. 95; ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3165, лл. 120—121; ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 4020, лл. 11—17))

22 октября 1865 г.

Милостивый государь Сергей Иванович! При отношении (Документ не публикуется) от 5 сентября за № 1290 ваше превосходительство изволили препроводить ко мне копию с поданного на имя великого князя наместника Кадыр-ханом прошения, в коем туркмен этот жалуется на капитан-лейтенанта Ратькова-Рожнова, удалившего будто бы его от начальства над огурджалинскими туркменами. Согласно желанию вашему, спешу сообщить вам имеющиеся в вверенной мне миссии сведения об этом лице и об обстоятельствах, сопровождавших его смену, на каковой предмет было в свое время обращено особое внимание миссии.

Кадыр-хану действительно принадлежит значительная часть [517] острова Челекен; но что касается притязаний его на наследственную власть над туркменами, то мы едва ли можем признать основательность оных.

Власть туркменских старшин над их единоплеменниками весьма ограничена и, сколько мне известно, с ней не соединяются какие-либо наследственные права. Значение, которым пользуются старшины, основано на их богатстве или личном влиянии, и этими средствами приобрели свое положение как отец Кадыр-хана, так и сам он. Значение сего последнего усилилось сверх того благодаря особому покровительству Астрабадской морской станции, которой он преимущественно перед другими туркменскими старшинами служил долгое время посредником в сношениях с прикаспийскими туркменами. С расстройством дел Кадыр-хана поколебалось и влияние его в тех местностях, тем более, что туркмены, обитающие по юго-восточному побережью и на Атреке, с коими станция находится в наиболее частых сношениях, никогда не были ему искренне преданны и всегда смотрели на него как на пришельца, так как он был уроженцем Челекена, удаленного от Атрека на 30 фарсахов.

С упадком своего влияния Кадыр-хан не мог уже по-прежнему быть полезен станции, почему сие последняя принуждена была прибегать к содействию других старшин. Поводом же к окончательному устранению Кадыр-хана послужило павшее на него подозрение в подстрекательстве туркмен к разбою. Мне неизвестны причины, побудившие Кадыр-хана к такому поступку, но, во всяком случае, помянутые подозрения подтвердились как показаниями туркмен, так и письмом, писанным означенным лицом к одному из разбойников. Содержание сего письма подает основательный повод сомневаться в его благонадежности. Вслед за тем капитан-лейтенант Ратьков-Рожнов не счел возможным далее оставлять при станции Кадыр-хана, а поспешил заменить его другим старшиной по имени Нияз-Дурды, который и до того пользовался особенным [уважением] (В документе — влиянием) крейсерства и был, между прочим, весьма полезным г. Ратькову-Рожнову при выручке захваченного туркменами матроса. Судя по последующему ходу дел станции, миссия не имела до сих пор повода сожалеть об удалении Кадыр-хана.

Из вышеизложенного, ваше превосходительство, благоволите усмотреть, что г-н Ратьков-Рожнов имел весьма основательную причину поступить таким образом, но что при том он не посягнул ни на какие законные права Кадыр-хана, который остается по-прежнему владельцем значительной части острова, хотя упадком своего влияния он не может извлекать из того большой для себя пользы.

Как, однако, ни безосновательны притязания Кадыр-хана, ходатайство его о принятии в подданство России с утверждением в вечном и потомственном владении Челекеном заслуживает внимания в другом отношении.

Имея в виду настоящее положение вопроса о землях, населенных туркменами, я полагаю, что

просьба Кадыр-хана не может вполне согласоваться с видами нашего правительства. Утверждение сего старшины наследственным владельцем Челекена было бы равносильно заявлению нашим правительством некоторых прав на этот остров, и мера эта возбудила бы самое сильное неудовольствие в персиянах и при том могла бы произвести невыгодное впечатление и на туркмен, которые, пользуясь полной свободой, вероятно, вовсе не расположены признать над собой власть одного из своих единоплеменников, тем более лица, утратившего в глазах их всякое значение. При такой обстановке и хранение прав Кадыр-хана могло бы потребовать более чем нравственной поддержки и вовлекло бы нас в весьма серьезные затруднения.

[518] С другой стороны, нельзя терять из виду и того, что Кадыр-хан находится ныне в весьма стесненном положении и что, потеряв окончательно надежду и поддержку нашего правительства, он может решиться на какую-нибудь крайнюю меру, так, например, обратиться с точно таким же ходатайством к персидскому правительству или даже уступить ему права свои на владение Челекеном. Нельзя также поручиться и за то, что персидское правительство не воспользуется подобным предположением для подкрепления своих мнимых прав на владение помянутым островом, а такой оборот дела представлял бы едва ли не еще более неудобств и мог бы понудить нас преждевременно прекратить *status quo*, в коем императорское правительство предпочитает оставлять туркменский вопрос.

При невозможности возвратить Кадыр-хану его прежнее положение при Астрабадской станции и положиться на него было бы, конечно, весьма полезно, если бы Челекен находился во владении лица, вполне нам преданного, которое было бы в состоянии откупить у Кадыр-хана его права но я не берусь судить, в какой степени возможно осуществить предположение это ввиду затруднений, которые встретит правительство наше, гарантировать за покупщиком приобретенные им права.

Во всяком случае, в предположении этом я прошу ваше превосходительство видеть лишь выражение моего личного мнения, так как вопрос, подавший повод к сим соображениям, по своему значению может быть обсужден лишь императорским министерством. Считаю, однако, нелишним присовокупить, что, по моему мнению, было бы весьма бесполезным не отнимать пока у Кадыр-хана всякой надежды на возможность устроить свое положение с помощью русского правительства, дабы этим способом предупредить с его стороны всякие происки.

Н. Гире

ЦГИА ГрузССР, ф. 11, д. 4020, лл. 5—8
Подлинник

№ 383

Рескрипт кавказского наместника вице-канцлеру А. М. Горчакову относительно просьбы Кадыр-Мухаммед-хана о принятии его в подданство России

19 ноября 1865 г.

Туркменский старшина Кадыр-хан Маммед Ниязов подал на мое имя прошение, в коем, между прочим, ходатайствует о принятии его в подданство России с утверждением в вечном потомственном владении островом Челекен.

Чрезвычайный посланник наш в Тегеране, о котором дипломатическая канцелярия по моему приказанию входила в сношение по сему, предмету, отзывался, что, по его личному мнению, просьба Кадыр-хана не может вполне согласоваться с видами нашего правительства при настоящем положении вопроса о землях, населенных туркменами. Утверждение сего старшины наследственным властителем Челекена, значительная часть которого действительно принадлежит ему до сих пор, было бы равносильно заявлению нашим правительством некоторых прав на этот остров. Но, с другой стороны, как заметил г-н Гире, **[519]** нельзя терять

из виду и того, что Кадыр-хан находится в весьма стесненном положении и что, потеряв окончательно надежду на поддержку нашего правительства, он может обратиться с таким же ходатайством к персидскому правительству или даже уступить ему свои права на владение Челекеном, каковой оборот дела мог бы понудить нас преждевременно прекратить status quo, в коем императорское правительство предполагает оставлять туркменский вопрос.

К вышеприведенным соображениям г-н Гире присовокупляет, что, по его мнению, было бы весьма небезосновательно не отнимать пока у Кадыр-хана всякой надежды на возможность устроить свое положение с помощью нашего правительства, дабы этим способом предупредить с его стороны всякие [происки], но что, во всяком случае, вопрос этот по своему значению может быть обсужден лишь императорским министерством, вследствие чего надлежит обратиться к императорскому сиятельству с просьбой о сообщении мне вашего взгляда как вообще на предложение Кадыр-хана, так и преимущественно на те меры, которые могли бы предупредить, согласно соображениям тайного советника Гирса, окончательное обезнадежение сего туркменина в его видах, намерениях и упованиях на наше правительство.

ЦГИА. ГрузССР, ф. 11, д. 4020, л. 17

Отпуск

№ 384

Отношение министра финансов М. Х. Рейтерна военному министру Д. А. Милютину о просьбе купца П. С. Савельева предоставить ему исключительные права в торговле с туркменами

29 декабря 1866 г.

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич! При письме (Документ не обнаружен) от 6 октября сего года за № 466 ваше высокопревосходительство изволили сообщить мне записку красноярского купца Савельева, в коей он, упоминая о постоянных его занятиях и трудах с целью развития торговых сношений с туркменами, ходатайствует, во-первых, об отпуске ему до 200 тыс. пудов железа из казенных заводов с рассрочкой уплаты за оное денег, во-вторых, о дозволении ему заключить с туркменами контракты на покупку и арендование их земель с тем, чтобы таковые контракты свидетельствуемы были Астраханской гражданской палатой, и, в-третьих, впредь до решения общего вопроса о снятии пошлин с туркменских товаров предоставить ему право беспошлинного ввоза минералов и товаров.

Вследствие сего имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что к удовлетворению ходатайства Савельева об отпуске ему 200 тыс. пудов железа с казенных заводов не представляется возможности, так как казна не имеет излишних запасов сего металла и притом допущенный в прежнее время подобный отпуск казенного железа, как доказал опыт, не привел к полезным результатам.

Что касается до заключения Савельевым с туркменцами условий на покупку и арендование земель и засвидетельствования таковых условий в Астраханской гражданской палате, то, по отзыву г-на министра юстиции, не встречается препятствий к разрешению ему такого засвидетельствования.

[520] Наконец, относительно ходатайства Савельева о беспошлинном ввозе из Туркменского края товаров считаю долгом объяснить, что в настоящее время по поводу поступивших ходатайств от торгующих на Мангышлакском полуострове о снятии пошлин с привозимых из того края произведений Министерство финансов вошло уже в ближайшие по сему делу соображения, которые и внесены на рассмотрение Государственного совета.

М. Рейтерн

Подлинник

№ 385

Ходатайство купца П. С. Савельева перед начальником Главного штаба Ф. Л. Гейденом с просьбой оказать содействие в покупке и аренде земель у туркмен

20 февраля 1867 г.

На поданную мной в конце минувшего года докладную записку, в которой я просил ходатайства господина военного министра перед министром финансов о даровании мне от казны некоторых льгот и пособий с видах содействия заведению торговых связей с туркменами, Главный штаб сообщил мне копию с письма (См. док. № 384) статс-секретаря Рейтерна к его высокопревосходительству Дмитрию Алексеевичу от 29 декабря № 8653, в котором, между прочим, значится, что министр юстиции не встречает препятствий к разрешению мне покупки и арендования земель у неподвластных России туркмен и кайсаков восточного берега Каспийского моря, а также к засвидетельствованию заключаемых мной по сему условию в Астраханской гражданской палате.

Между тем мне по опыту известно, что Астраханская гражданская палата крайне затрудняется свидетельствовать такие условия по неимению в законе прямых указаний для приобретения пустопорожних земель у неподвластных России кочевых племен.

Притом многие из числа установленных правил совершения крепостных актов, относящихся исключительно до приобретения земли внутри России, как, например, требуемое 1451-й и последующими статьями X тома, части 1-й Свода гражданских подробное описание покупаемой земли с определением меры ее десятинами и саженьями, неприменимы к туркестанским степям.

Вследствие сего имею честь почтительнейше просить ваше сиятельство, чтобы Военное министерство в особую для меня милость вошло от себя в сношение с министром юстиции и просило его высокопревосходительство указать астраханской гражданской палате те правила, которыми она должна руководствоваться при свидетельствовании заключаемых мной с туркменами условий, разъяснив, какие будут при сем допущены изъятия от общих законоположений, причем я просил бы дозволить мне не представлять точной меры покупаемых мной земель, так как по местным условиям правило это невыполнимо, а только общую границу их по известным урочищам.

Красноярский купец Павел Семенов Савельев

ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть оп. 258/908, 1866 г., д. 74, лл. 8—9.

Подлинник

[521] № 386

Из письма Атамурад-хана начальнику Астрабадской морской станции с просьбой оказать помощь туркменам, лишившимся воды для орошения полей, разрешить им переселиться в Балханские горы

15 декабря 1867 г.

Мы и старшины иомутского племени были чрезвычайно обрадованы за несколько лет перед сим приказом оренбургского генерал-губернатора, который изъявил в нем благосклонное свое внимание к нам.

Ведя продолжительную войну с узбеками, мы возлагали всегда надежду на помощь и покровительство государя императора всероссийского.

В последнее время узбеки, которые живут в верховьях Аму-Дарьи, тогда как мы были

расселены по низовьям этой реки, чтобы привести нас, иомудов, в покорность хивинскому хану, отвели реку, так что нам стало невозможно орошать наши поля. Вследствие этого многие из нашего племени, забыв, что мы всегда можем найти помощь и покровительство в императорском правительстве, перешли невольно на сторону узбеков, оставив меня.

Вследствие сего в совете наших старшин решено было переселиться в окрестности одной из русских крепостей на Аму-Дарье и полученный мной пакет из Оренбурга подавал мне надежду, но сношений этих я не мог поддерживать. Исмаил Бегляр, посланный мной в прошлом году в Оренбург, умер на дороге.

Старшины иомудского племени в совете чрезвычайно удивлялись, что его императорскому величеству до сих пор неизвестно о борьбе нашей с узбеками, продолжавшейся уже 14 лет, и российское правительство не подает нам помощи.

Видя наше безысходное положение в Хиве, мы решились оставить эту сторону и просить у российского правительства покровительства и содействия к переселению нас в Балханские горы, а до того времени направиться в аул Шах-Гадам, недалеко от острова Челекен.

Доводя об этом до вашего сведения, я нахожусь вынужденным также известить вас, что крайнее положение мое заставило меня сделать долги для найма лошадей и вообще для вьючного скота, так что я занял на это 400 тилля (около 360 руб. серебром).

Недостаток воды и другие лишения при нашем переезде изнурили нас жестоко, так что из нас даже умерли от этого два человека; я прибыл, наконец, в Шах-Гадам.

Отсюда я послал своих людей к берегам Каспийского моря; добравшись до Куба-Сенгир, они увидели лодку в море, и когда она на призыв их пристала к берегу, рассказали о моих приключениях находившимся в ней огурджалинцам с острова Челекен. Затем я отправил на той же лодке в Челекен из людей своих Ата-бека и Шах-Джан-сердара к Салых-хану и другим тамошним старшинам; жители острова в непродолжительном времени прислали нам на берег припасов и, кроме того, благодаря высокому покровительству его императорского величества, перевезли нас на Челекен, где снабдили нас припасами и дали кибитки.

Умоляя вас обратить внимание на наше жалкое положение, покорнейше прошу позаботиться об отводе для нас местностей в Балханских горах и о постройке крепости на берегу Каспийского моря. Надеюсь также, что вы пришлете человека для переговоров со мной.

Если государю императору угодно будет, вняв нашим просьбам, [522] приказать построить крепость, тогда все туркмены, находящиеся в пределах Хивы и живущие по Гургену, будут наслаждаться полным благоденствием под высоким покровительством России. (Документ без подписи)

ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть, оп. 258/908, д. 8, лл. 13—14 об.

Заверенная копия.

№ 387

Прошение Атамурата-хана на имя Александра II о принятии туркмен Хивы в подданство России

Декабрь 1867 г.

Ханство Хивинское осуждено, как бы свыше, на бедственное положение: хан не понимает подданных, подданные не понимают хана, и все, подчинившись злостным внушениям нечистой силы, возбуждали неоднократно против нас вражду и спор; так что нет возможности жить нам с ними мирно и в согласии. За сим, исповедуя единого бога и пророка и признавая своим государем великого императора всероссийского, мы восстановили иомудский народ против узбеков, с которыми в боях и стычках погибли многие из наших знатных людей.

Так как от бывшего губернатора приказано было нам не входить ни в какие сношения с хивинцами, поэтому мы и должны были сражаться, сколько силы позволяют, в той надежде,

что от его величества, нашего императора, будет оказана нам помощь; но надежды наши не исполнились, и нам неизвестно, дошло ли до сведения царя нашего о нашем противуборстве и враждебных отношениях к узбекам, потому что никакой помощи, ни же письменного уведомления об этом, мы не получили. Посланный нами в предпрошлом году Исмаил Беглербеги на возвратном пути был ограблен; из подарков доставил он нам только четыре куска атласу, из которых едва можно было сшить один халат, а письмо сожжено.

В прошлом году мы опять отправили посланца, чтобы он, удостоившись личного свидания, привез нам определительный ответ; но тот до сих пор не возвратился; носятся слухи, что он убит.

Принимая в соображение, что, с одной стороны, посланных наших обитатели, подвластные управлению оренбургского генерал-губернатора, и другие — киргиз-кайсаки Туркменской области убивают и грабят, с другой, что мы жертвуем жизнью в сражениях с хивинцами, не получая никакой помощи, удивление и страх овладевают нами. Но как бы то ни было, мы более 13 лет боремся и сражаемся, и чтобы потери, понесенные нами, не были напрасны, мы сочли необходимым довести

об этом до личного сведения его императорского величества, чтобы узнать, благоугодно ли будет принять под свое покровительство наше подданство и оказать возмездие за угнетения, нами претерпеваемые, или мы должны окончательно лишиться этой надежды. С этой целью мы отправили посланца из инородцев Муллу-Ил-Мухаммеда, чтобы он нам привез как можно скорее точный ответ от нашего государя императора.

Мы не могли более посылать посла из туркменов, боясь убийства и грабежа от враждебных нам киргиз-кайсаков по примерам прошлых лет, о чем не последовало никакого исследования, тогда как при [523] прежнем губернаторе обращали внимание на наше положение и стеснение со стороны узбеков, которые ныне возобновили с большей злобой враждебные противу нас действия и, живя в верховьях реки, запружают ее, лишая нас воды, и наносят вред всякого рода. Поэтому мы теряем доверие к себе простого народа, который мы держали в повиновении в продолжении 13 лет обещаниями царской помощи, неосуществленной.

Недовольный народ уже начинает рассеиваться; многие, соблазняясь деньгами, переходят к узбекам, другие замышляют переселиться в Челекен. Поэтому, пока еще поселенцы не разошлись окончательно, нам должна быть оказана скорая помощь, или уже не следует, в противном случае, рассчитывать на нас более. Если же прибудет к нам хоть одно судно с несколькими солдатами, то это обстоятельство воскресит наших мертвых друзей и, уничтожив живых врагов, устранил все наши бедствия.

Все мусульманское население ханства Коканда и Бухары держится связью с Хивой; если только в Хиве узнают, что пришло войско из России, то одного этого уже достаточно будет, чтобы водворить у нас порядок.

Ваше величество, конечно, все это знаете лучше, но мы хотели только представить наши соображения, упомянув при сем и с тем, что в прошлом году прибыли к нам посланники от кокандского и бухарского ханств с требованием от нас, как от единоверцев-мусульман, помощи против русских; в то же время хан узбекский Мухаммед-Рахим-хан, условившись с туркменскими племенами теке и гоклен, упросил их пропустить посла к турецкому султану, уговаривая соединиться с ними и совокупно сражаться с русскими, если султан посоветует это. Действительно они и отправили одного ходжу через теке и гоклен в Турцию, но султан посланникам из Коканда Бухары отвечал, что он не может оказать им помощь войскам, потому что Атамурад-хан отделился от других и сделался врагом; во всяком случае, если не силой, — нравственно оказал он им помощь. Последний посол также возвратился из Турции и говорит, что султан советовал всем мусульманам ханств Кокандского, Бухарского и Хивинского совокупно отправить в Англию посла и просить ее помощи, которую наверно и получают.

Эта весть в настоящее время распространяется в Хиве. Мы не желаем скрывать, что так как между Бухарой и нами обитают узбеки и нас разделяет широкая река, то мы не могли бы выказать особенной помощи войскам его императорского величества; но мы просили [пройти]

через хивинские земли, через пески и степи и, сделав нападение на бухарское береговое укрепление, называемое Чехер-Джу, (Чарджоу) угнали много скота, на что войско наше, по милости бога и нашего царя, всегда готово, лишь бы оно не терпело недостатка в провианте. Один киргиз инородного племени — Мулла-Ил-Мухаммед, с товарищем, привели к нам около 40 или 50 лошадей для продажи иомудам; но не успел их продать, просили позволения пройти в Кунград; наши иомуды сказали, что они с кунградцами во вражде и что потому это их дело итти к ним, или нет. Засим Ил-Мухаммед повел лошадей в Кунград, лошади эти были у них отняты под тем предлогом, что они пришли к ним не прямо, а от иомудов, их врагов. Эти торговцы вернулись к нам без лошадей и просили написать об этом и просить об оказании им царской милости; потеря этих несчастных, по меньшей мере, оценивается в 500 тиле хивинских (хивинское тиле равно 15—18 руб. ассигнациями).

В удостоверение чего Руз-Мухаммед Оглы Атамурад-хан печать приложил.

[524] Некоторые из наших неблагонамеренных людей, подчинившихся влиянию узбеков, в бумаге, к которой приложена была поддельная печать нашего имени, прислали нам такие речи и дела, в которых мы совершенно неповинны. Мы страшимся подобных изветов, зная, что гнев; царя есть гнев божий, и потому всепокорнейше просим удостоить нас пожалованием такой печати, которую невозможно было бы подделывать, чем оказана будет нам великая милость.

ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть, оп. 258/908, д. 8, лл. 4 -7.

Заверенная копия.

№ 388

Отношение вице-канцлера оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому о необходимости отправить ответное письмо на имя Атамурад-хана

20 января 1865 г..

Доставленное вашим превосходительством письмо на высочайшее имя туркменского хана Атамурата было повергнуто на воззрение его императорского величества вместе с выпиской из отношения (Документ не обнаружен) вашего за № 8388.

Из прилагаемой у сего копии с перевода означенного письма ваше превосходительство изволите усмотреть, что оно по содержанию своему вообще довольно сходно с прежними письмами Атамурата. Хан жалуется на притеснения, претерпеваемые туркменами от хивинцев, и просит о присылке русского отряда. Судя по некоторым выражениям в письме, он, как кажется, уже считает себя состоящим в русском подданстве и просит в настоящее время об уведомлении, может ли туркменский народ рассчитывать на помощь в покровительстве России.

Оставаясь при прежнем мнении своем относительно неудобств, с которыми было бы сопряжено принятие туркмен, кочующих далеко от наших пределов, в русское подданство. Министерство иностранных дел полагает необходимым употребить надлежащие старания, чтобы выяснить Атамурату его настоящее положение в отношении к России. В предыдущей переписке по сему предмету уже не раз была заявлена мысль, что было бы несогласно с достоинством нашего правительства, если бы ответы наши послужили поводом к каким-либо недоразумениям или к необычным ожиданиям со стороны туркменского хана. Но, с другой стороны, министерство находило бы вполне уместным выразить ему чувство благоволения русского правительства, которое постоянно стремится к водворению мирных и торговых связей с сопредельными странами. Ваше превосходительство изволите усмотреть, между прочим, из письма Атамурата, что он жалуется на подвластных России киргизов, которые будто бы позволяют себе грабить и убивать его посланцев. Такое обвинение не следовало бы оставлять без внимания, и местные начальства наши, вероятно, найдут возможным удостовериться в том, действительно ли обвинение это справедливо, или нет. Если, как следует полагать, заявление

Атамурата окажется ложным, то необходимо было бы поставить ему сие на вид, а вместе с тем дать ему заверение, что русское правительство всегда готово принимать дружелюбно всех туркмен, которые явились бы в Россию с торговой целью или вообще, с мирными намерениями, а что потому оно надеется; что и наши купцы, [525] в случае проезда их через туркменские земли, подвластные Атамурату, встретят там ласковый прием. Поступая таким образом, туркмены скорей всего могут надеяться заслужить расположение и доверие России. Вышеизложенные соображения Министерства иностранных дел удостоились высочайшего его императорского одобрения.

Имею честь сообщить о сем вашему превосходительству и покорнейше просим вас об отправлении Атамурату ответного письма в смысле означенных соображений. (Документ без подписи)

ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть, оп. 258/908, д. 8, лл. 2—3.

Заверенная копия.

№ 389

Докладная записка коллежского советника Кириевского оренбургскому военному губернатору о возможности и необходимости промышленного освоения острова Челекен

16 июня 1868 г.

На восточном берегу Каспийского моря, на острове Челекен, на материке близ него, происходит из недр земли обильное извержение минерального масла со всеми продуктами, обыкновенно сопровождающими подобные естественные явления. Геологическая связь между этой местностью и явлениями, происходящими на противоположном берегу Каспийского моря, в Баку, не может подлежать сомнению. В настоящее время я не буду останавливаться на различиях, характеризующих явления, происходящие в той и другой местности. Научная сторона этого вопроса должна оставаться неприкосновенной в настоящей записке, и я осмелюсь обратить внимание вашего высокопревосходительства исключительно на вопрос о промышленном значении челекенских источников минерального масла.

Затруднительность доставления в Россию каких бы то ни было продуктов из Баку всем известна. О сообщении сухим путем по отдаленности и по гористости местности и думать нельзя; морем же оказывается сообщение также весьма неудобным по причине бурливости западной части Каспийского моря. Из этого можно заключить, что промышленность минерального масла в Баку долго еще не будет развиваться и это придает особое значение челекенским источникам этого вещества. Восточная окраина Каспийского моря весьма полого, тут море на значительном пространстве в ширину не представляет большой глубины и потому плавание плоскодонных небольших баркасов не сопряжено ни с какими опасностями вдоль всего восточного берега Каспийского моря, затем будет представляться переезд через море по северной части его, в местах, представляющих наименее опасности, и, таким образом, не существует никаких особых трудностей в сообщениях между островом Челекен и Астраханью, откуда продукты уже беспрепятственно могут быть доставлены в Россию и во всю Европу.

Как сказано выше, это удобство сообщения придает особое значение челекенским источникам минерального масла. Тут представляется громадная промышленность, которая в короткое время может запереть все европейские гавани привозу американского керосина, ибо американцы ни в каком случае не могут добывать это изделие, и так [526] дешево, как мы на Челекене. Таким образом, сбыт миллионов пудов минерального масла в самой России и во всей Европе для нас не подлежит никакому сомнению, и, уверенные в этом, обеспечив себя также относительно удобной и безопасной доставкой, нам остается только произвести добывание самого масла в значительных размерах и с требуемыми в торговле качествами, чтобы основать громадную промышленность, которая привлечет огромные суммы в наше

отечество, оживит все побережье Каспийского моря и доставит весьма значительную выгоду как самому правительству, так и предпринимателям этого дела.

Остров Челекен, в строгом смысле, никому не принадлежит, права России на него несомненны по причине нахождения его в Каспийском море, которое принадлежит России. В настоящее время там поселены туркмены, именно семейство Киятов. Туркмены, при всей своей дикости, имеют тут более 200 нефтяных колодцев, которыми, как говорят, заведует племянник Кадыр-хана Анна-Эсен. В руках туркмен это дело, очевидно, идти не может, и нет никакой надобности России прибегать к насилию, чтобы приобрести в свое пользование это минеральное богатство. Туркмены давно уже ходатайствуют о принятии их в подданство России, они очень хорошо понимают невозможность военного сопротивления их против нас и потому нет тут ни малейшего повода ни нам, ни им прибегать к оружию. Они еще больше будут покорны и для нас полезны, когда от устройства нашей фактории на острове Челекен они найдут для себя работу, которая будет вознаграждена и посредством коей они постоянно будут выводиться из крайней бедности, в которой они находятся.

Существенно видно при этом, чтобы дело это сохранило исключительно промышленный и торговый характер и ни в коем случае не сопровождалось устройством укреплений и каких-либо военных сооружений. Наши люди, числом своим, превосходством в орудиях и порядком, ни в каком случае не могут опасаться туркмен, и фактория наша сама собой всегда найдет возможность защищаться от какого бы ни было натиска.

Важное обстоятельство в этом деле заключается в приготовлении из минерального масла изделия, соответствующего требованиям торговли. Для этого сырья нефть должна быть подвержена простой перегонке. Тут нужны снаряды значительных размеров, но самого простого устройства, которых доставление на Челекен может быть произведено без особого труда. Горючим материалом может служить тамошняя земля, которая так пронизана нефтью, что горит превосходно. Производство тут так просто, что можно без сомнения сказать, что оно в руках техника может в самое короткое время быть устроено.

Для осуществления столь важного дела нужен капитал. Он легко может быть найден, если ваше высокопревосходительство одобрите это предприятие и изъявите согласие содействовать к успеху этого дела

Мне неизвестно, что правительство уже выдало значительные суммы полковнику Новосельцеву с целью основать и устроить совершенно подобную промышленность в окрестностях Керчи. Если, наконец, усилия полковника Новосельцева увенчаются успехом, это несколько не уменьшит значение челекенского производства, которое будет снабжать минеральным маслом всю северную часть России и северную половину Европы, и при громадном требовании торговли на это вещество добывание в обоих пунктах может быть одновременно произведено с равной выгодой.

Коллежский ассессор Кириевский.

ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 8231, лл., 1, 2.

Подлинник.

[527] № 390

Донесение начальника Астрабадской морской станции российскому посланнику в Тегеране о встрече с Атамурад-ханом, (Об изъявлении Атамурад-ханом желания принять подданство России см. также донесение российского посланника в Иране вице-канцлеру А. М. Горчакову от 15 августа 1868 г. (ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 3, д. 1094, лл. 1—4)) его личности и взглядах на политику России по отношению к туркменам

27 июля 1868 г..

В начале июля сего 1868 года я был на острове Челекен и в Красноводском заливе и вследствие

отношения (Документ не обнаружен) вашего от 10 июня 1868 года за № 266 виделся с Атамурад-ханом, который проживает на Челекене; когда Атамурад пришел ко мне, то с ним было родственников и свиты 11 человек. С Атамурадом пришли из Хивы на Челекен 40 семейств, но теперь многие из них воротились, ибо на Челекене им кормиться нечем, так как все они земледельцы и пастухи, а к нефтяной работе непривычны, сверх того, и средств нет приняться за нее. Атамурад-хан человек пожилой, лет за 50, и, по-видимому, пользуется большим почетом между своими спутниками. Из слов его видно, что он с подвластными ему туркменами жил недалеко от Аральского моря, что он всегда был предан русскому императору и потому 12 лет (В прошениях Атамурад-хана — 13—14 лет) вел непрерывную войну с вечным врагом России — хивинским ханом, что Атамурад постоянно получал денежное вспомоществование от оренбургского генерал-губернатора, которому он дал слово вечно воевать с хивинским ханом, и что Атамурад сдержал бы свое обещание, но судьба изменила ему: хивинский хан, не могши одолеть туркмен силой, употребил против них хитрость и отнял у них воду, имея на главном русле реки вооруженную крепость, вследствие чего большая часть туркмен, подвластных Атамурад-хану, не имея чем орошать свои поля, покорилась хивинскому хану; напротив того, Атамурад, считая себя слугой русского императора, удалился в Красноводский залив как на место, указанное ему начальником Оренбургского края. Рассказывая про свою войну с хивинским ханом, Атамурад припомнил свои многочисленные потери: так, он потерял убитыми пять братьев, не считая родственников и друзей, и наконец, лишился всего имущества своего, чем, конечно, вполне заслужил наше сочувствие. Хотя за преданность Атамурад-хана ручаться не могу, видевши его только несколько часов, но местные туркмены, смотря с завистью на искательство Атамурад-хана, однако, признают, что он был выбран главой хивинскими туркменами и впоследствии признан ими ханом и что Атамурад восстал первый из туркмен, вследствие чего присоединились к нему и другие туркмены, и таким образом Атамурад сделался начальником 25 тыс. [человек], говорят, что Атамурад действительно около 12 лет вел разбойничью войну в Хиве, против безоружных узбеков и даже не раз выдерживал битвы с войсками хивинского хана, и наконец, туркмены должны были покориться хивинскому хану и Атамурад-хана гнали. Вот все сведения, которые я мог собрать об Атамурад-хане.

Окончив рассказ свой о войне с хивинским ханом, Атамурад просил ходатайства моего о позволении селиться ему в Балханских горах, о которых Атамурад говорил с восторгом, описывая их обильные источники, богатую растительность, и закончил тем, что даже буквальный [528] перевод слова «Балхане» (медоточивый) ясно рисует эти прекрасные горы. (Местные туркмены тоже хвалят Балханские горы, но не восторгаются их удобством; напротив, они полагают, что там хлебопашество невозможно (примечание в документе))

При этом он упоминал о развалинах древней крепости, находящейся у подошвы горы Большого Балхана. По словам туркмен, от устья Аджайба (левого рукава Аму-Дарьи) до этих развалин считается только 7 часов верховой езды, и от Красноводского залива, именно от колодца Шах-Гадам, где обыкновенно останавливаются русские военные суда, три дня пути до тех же развалин. Не имея ни свободного времени и ни перевозочных средств, я, к сожалению, не мог осмотреть этих мест и знаю, что доступ в них с Балханского залива почти невозможен по причинам мелководья. При этом я спросил Атамурад-хана, не заняты ли Балханские горы каким-нибудь кочующим племенем, с которым, может быть, Атамурад-хану придется входить в соглашение? На это Атамурад ответил, что горы эти никем не заняты и что ему легко поселиться там со своими людьми, но что им трудно будет удержаться в Балханских горах без защиты русских войск, ибо горы эти служат притоном разбойников племени теке, вследствие чего Атамурад и просил построить там небольшое укрепление, хотя на 200 человек. Кроме того, по словам просителя, русская крепость в Балханских горах еще необходима и для того, чтобы русские взяли под свою власть туркмен, которые теперь гибнут при общем безначалии, и что, к несчастью, нельзя найти в их племенах ни суда, ни расправы.

Здесь и должен сделать некоторое отступление. Кадыр-хан, подозревая ходатайство Атамурад-хана

о вышеозначенном, с завистью говорил, что не следует отдавать Красноводский залив чужим людям и что ближе всего отдать эти места челекенским туркменам, что Кадыр-хан хлопотал об этом всю свою жизнь и что ныне для устройства крепости в Красноводском заливе он просит только разрешения выпускать для него из Астрахани строевой лес и некоторое денежное вспомоществование, с которыми он берется сам выстроить эту крепость без помощи русских, и что тогда к Красноводскому заливу откроется караванный путь из степей и торговля оживит эти пустыни. Может быть, Кадыр-хан и прав, но он человек уже дряхлый, а в его семье, к сожалению, нет лютей, способных поддержать таковые затеи, хотя фамилия Кият-хана всегда отличалась между туркменами своею преданностью России. Вообще местные туркмены недовольны вышеизложенными домогательствами Атамурата, считая Балханские горы своим достоянием.

До некоторой степени разделяя их мнение, я полагал бы в случае преобразования этого края принять во внимание и права местных туркмен.

Распространяясь о выгодах постройки крепости, Атамурат прибавил, что если просьба его будет уважена и будет действительно выстроена крепость в Балханских горах, то туда поспешат селиться не только иомуты, живущие в Хиве, но и другие, кочующие около персидской границы; что касательно переселения в Балханские горы, Атамурат в переписке со многими туркменами-старшинами [сказал], что отовсюду им получены удовлетворительные ответы и что на первое время он ручается за 6 тыс. кибиток, но несомненно, что и все иомуды поспешат перебраться туда же, и тогда в Балханских горах явится до 60 тыс. кибиток, ибо, по словам Атамурата, туркмены ищут только спокойствия для того, чтобы вести мирную жизнь и заниматься обработкой земли, [529] торговлей и разными ремеслами. (Я полагаю, что Атамурат прав, говоря о мирных наклонностях туркмен, ибо, находясь два года на Астрабадской станции, я нашел, что приморские туркмены мало разбойничают, несмотря на легкость добычи, тем более, что предупредительные и карательные средства нашей морской станции весьма ограничены (примечание в документе)) Атамурат закончил свою речь тем, что для прочного устройства этого поселения нужна будет некоторая денежная поддержка со стороны России, ибо, как садовник, сажая дерево, три года ждет плода, так точно и Россия должна поступать в этом деле. Отклонив надежду Атамурата на получение от русских денежной помощи, я спросил его, могут ли туркмены селиться в Балханских горах и без оной? На это Атамурат ответил, что еще возможно, но что русская крепость необходима в Балханских горах. На вопрос мой: почему он непременно желает постройку крепости в Балханах, а не в Красноводске. Атамурат ответил, что в случае нужды туркмены будут согласны селиться и около Красноводского залива, где можно найти в достаточном количестве пастбища, что там можно нарыть колодцев и завести породы и что одно садоводство будет невозможно там по причине каменистой почвы. Между прочим, я заметил Атамурату, что, познакомившись с туркменами, вижу, что все они считаются равными между собой и что очень может случиться, что это дело будет тянуться несколько лет, между тем туркмены могут позабыть Атамурата, как мы не мало видели подобных примеров. На это Атамурат ответил, что в настоящее время он ручается за свое влияние, доказательством чего может служить то, что и в его отсутствие многие тысячи туркмен, живущие в Хиве, не мирятся с ханом, ожидая приказания Атамурата, но что желательно возможно скорый ответ русского императора, иначе подчиненные Атамурата и он сам должны будут разойтись в разные стороны и приютиться там, где представится возможность.

При окончании разговора нашего я советовал Атамурату обратиться прямо к оренбургскому губернатору, ибо, действуя через Астрабадскую морскую станцию, он теряет много времени, на что Атамурат ответил, что он просил о своем деле оренбургского губернатора и что уже послано было несколько прошений в Оренбург через Хивинские степи, но, как известно, степные дороги опасны, и нередко посланные Атамуратом и самые письма пропадали без вести.

В заключение Атамурат передал мне прошение на высочайшее имя, которое при сем прилагаю

в подлиннике и переводе.

На вопрос мой, какого рода были сношения Атамурата с персидским шахом, Атамурат ответил, что шах к нему благоволил всегда и даже восемь лет тому назад он получил от шаха две дорогие шали и золотую саблю при фирмане, но что вообще сношения их были лишь знаками обоюдного внимания и касались главным образом взаимного выкупа пленных как из Хивы, так и из Персии; напротив того, все помыслы Атамурата и вся надежда его обращены на российского императора, к которому Атамурат и обратился теперь, хотя в то же время он имел приглашение и от шаха.

Донесение свое закончу тем, что было бы полезно устроить укрепление в Красноводском заливе, которое, будучи в связи с Астрабадской морской станцией, подчинило бы кочующие вдоль юго-восточного берега Каспийского моря [племена].

Предлогом же к постройке укрепления в Красноводском заливе может служить, например, то, что впоследствии пять лет русские купеческие суда в значительном числе приходят на остров Челекен и в [530] Красноводск для выкупки там нефти, соли и для рыбного промысла, (Именно до 35 шхоутов ежегодно. Суда эти, закупив в Челекене нефть и соль, везут их продавать к персидским берегам (примечание в документе)) при чем наши суда неоднократно подвергались обидам со стороны местных туркмен. (Документ без подписи)

ЦГИА ГрузССР, ф. 416, д. 1094, лл. 5—16

Копия.

№ 391

Прошение Атамурат-хана на имя Александра II о принятии туркмен в подданство России

(1868—1869 гг.)

В 1857 г. мы получили приказ из Оренбурга, который обрадовал нас и всех иомудских старшин. В этом приказе выражено было нам особое внимание оренбургского начальника и, главное, нам запрещено было мириться с хивинским ханом.

Есть туркменская пословица, что из дерева не может быть выстроена печь, иными словами: туркмены не могут долго терпеть ханом своего же туркмена, но для их благоденствия им необходимо подчиниться могущественному государю. Я; начальник туркменского народа, не имею столько силы и денег, чтобы постоянно быть главой своего народа. Вся моя надежда на ваше императорское величество, и мне остается сложить свою власть и благодарить бога за то, что вы приняли туркмен под свое покровительство. Туркменская пословица говорит, что у человека, имеющего защитой каменную гору, и сердце каменное.

Так и я покоен, уповаю на вас. Я уверен, что государь император не оставит нас без, помощи, узнавши бедственное положение туркмен.

Это время продолжая войну с узбеками по приказу вашему, я потерял многих своих почётных и храбрых людей, но это не ослабило нас. К несчастью, узбеки, живя с нами на одной реке, отвели от нас воду и, таким образом, мы не могли орошать наших полей, и народ наш принужден был страдать от голода.

После этого многие старшины поступили как глупые и близорукие люди. Вместо того, чтобы обратиться за помощью к русскому императору и просить его возвратить нам отнятую воду, они поддались ласкам и подаркам хивинского хана и покорились ему, — и тем они уничтожили согласие нашего народа и силу мою уменьшили. Но измена некоторых подвластных мне старшин не устрасила меня, потому что узбеки, каракатахи (Вероятно, каракалпаки), киргиз-кайсаки, туркмены, теке, гоклены, сарыки, караташлинцы, али-илинцы и атинцы не могли с нами правиться в продолжение 12 лет, а мы тоже, продолжая эту 12-летнюю войну с ними, нисколько не поддавались, уповаю на вас.

Бессилие же мое главное заключалось в том, что на истоке реки узбеки имели вооруженную

крепость, отвели течение реки, которое было к нам, в другую сторону, и воду не допустили до нас, почему наши бедные народы не могли заниматься хлебопашеством, через то и я свою силу потерял.

Я старался возвратить к нам течение реки, но не мог исполнить [531] своего желания. Вдобавок я потерял несколько людей, ибо узбеки имеют пушки, а мы не имеем.

После этого наши старшины стали советоваться и сказали: «Мы очень удивлены, что наша 12-летняя война до сих пор не дошла до сведения нашего государя императора, ибо если бы он знал о нашей преданности России и о наших бедствиях, то уже давно подал бы нам помощь. Между тем мы не получили никакой помощи».

Вследствие того беки и богатыри просили меня поехать в Ша-Гадам принести выражение преданности государю императору и передать ближним начальникам, [что] находящиеся возле Хивы йомуты желают быть подчиненными России и просят помощи и покровительства русского императора или дозволения переселиться им к Красноводскому заливу под защиту русской крепости.

Если я привезу своим старшинам удовлетворительный ответ, то этим обрадую их чрезвычайно. К сему присовокупляю, что кочующие народы Атрека и Гургена тоже желают быть подданными вашими. После этого определения старшин я продал все свое состояние и на вырученные деньги сделал дорожные приготовления, кроме того занял еще денег на дорогу — ибо со мной отправились в Красноводск 200 душ, которых я должен был продовольствовать. Джумад-эл-сани (Джумад-ел-сани — шестой месяц мусульманского летоисчисления по хиджре) 28-го числа выехали из Старого Ургенджа, где мы жили до сих пор, и, проехав 30 мензиль (Манзиль — расстояние между караванными станциями, равное 5 фарсахам), в течение 17 дней прибыли в Красноводск, именно в Шах-Гадам. О наших бедствиях во время пути этого я писал в прошлых письмах.

В Ша-Гадаме мы пробыли целую неделю, после этого слух дошел в Челекен до сведения сына Кадыр-хана — Салих-хана о нашем прибытии. Тогда Салих-хан посоветовался со своими старшинами и дал нам помощь, во-первых, исполняя повеление божие, и, во-вторых, в видах подания помощи подданным государя императора.

По желанию челекенских старшин нам оказали помощь в переселении нас на остров Челекен, где дали детям нашим провизию на один год и для нас 10 кибиток. После этого, 21-го шабана (Шабан — восьмой месяц мусульманского летоисчисления по хиджре), кланяясь престолу нашего государя императора и желая объявить о нашем приезде начальнику форта коменданту Тюб-Карагана, я послал к нему Баба-векиля с Артик-Онбегием. После отправления их, думая, что, конечно, от государя императора есть и другие начальники, и желая объявить им о своем приезде, я послал к начальнику Ашур-Аде Бердинияза-багатыря, Таган-Баймергена и Шах-Махшуд-сердара (Сердар — предводитель). Они поехали на Серебряный бугор, остановились в доме Кадыр-хана и просили его доставить их к начальнику Ашур-Аде.

После того Кадыр-хан поручил Салых-хану везти их на Ашур-Аде. Хотя некоторые тамошние глупые туркмены не захотели пропустить их туда, но, слава богу, Салих-хан не обратил внимания на них, взял наших посланных на Ашур-Аде и потом благополучно доставил их обратно в аул. После этого некоторые люди из зависти сказали, что Атамурад-хан обратно уехал в Хиву, но в сафаре месяце Салых-хан (сын Кадыр-хана) поехал на Ашур-Аде и сказал флагману: «Вам сказали неправду, Атамурад-хан не уехал, но имеет надежду на государя императора и ждет на острове Челекене».

После этого вскоре услышал я, что флагман прибыл на остров Челекен 25-го раби-ул-аввала (Раби-ул-аввал — третий месяц мусульманского летоисчисления по хиджре) я прибыл в дом Кадыр-хана, а 26-го числа [532] имели счастье встретиться с флагманом. Слава богу, после сей встречи неприятели мои были огорчены, а приятели мои весьма обрадованы. За подобный ласковый прием и приют флагманом сердце мое было весьма обрадовано. Прошу господи созидателя, чтобы он увеличил честь и славу вашего императорского величества.

Ежели выстроите крепость в Красноводском заливе в Ша-Гадаме, тогда можете считать своей

собственностью Балхан и его окрестности. Со взятием же Балхана все туркменские племена подчинятся вам, после чего враги ваши будут поражены в голову камнем.

При вашей мудрости мы не можем давать советов и только напоминаем о себе, надеясь что эти слова не будут поставлены нам в упрек. Обитатели Атрека, Гургена и все степные туркмены питают к вам чувства преданности.

К сему прошению Атамурад-хан, сын Руз-Мамеда, руку приложил

ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 3, д 1094, лл. 20—28.

Заверенная копия.

№ 392

Из письма туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана военному министру Д. А. Милютину о необходимости занятия Красноводского залива

10 июня 1869 г.

Милостивый государь Дмитрий Алексеевич! Предприятие в Красноводский залив, чем больше его обдумываю, тем более нахожу его необходимым. Эта такая мера, которая несомненно вознаградит затраты казны на нее не только достижением главной цели, то есть успокоением Средней Азии, продолжающей протестовать против нашего водворения там, но и немедленным развитием торговли нашей в такой стране, в которую товары наши мало проникают, и открытием такого пути, который короче всех прочих ведет от наших внутренних рынков в Среднюю Азию. Если бы обстоятельства заставили предпринять военные действия против Хивы, то расходы казны на это предприятие должны покрыться контрибуцией с виновных в нарушении мира. Словом, по мнению моему, ни в каком случае исполнение этого предприятия не может не окупиться ожидаемыми результатами.

Для доставления вашему высокопревосходительству копии сего письма, так и другое еще, специально трактующее о среднеазиатских делах, а также для личного доклада и разъяснения в случаях надобности положения здешних дел я командирую полковника Столетова.

Хотя Столетов очень мне нужен, но если бы вы изволили признать полезным, он мог бы быть командирован на Кавказ для некоторых указаний по составлению десантного отряда и в таком случае, будучи порядочно ознакомлен с положением дел в Средней Азии и, следовательно, с целью десанта, мог бы с успехом занять место начальника штаба этого десанта и содействовать к установлению добрых отношений с туркменами... (Опущены сведения о волнениях в Казахской степи и т. д.)

Фон-Кауфман

ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 23—30.

Копия.

[533] № 393

Рапорт начальника Астрабадской морской станции капитан-лейтенанта К. Н. Петриченко российскому посланнику в Иране И. А. Зиновьеву о необходимости ввести свободную торговлю на Челекене

18 июня 1869 г.

Остров Челекен до марта месяца сего года управлялся двумя туркменскими старшинами: Кадыр-ханом и Рахман-ханом. Все купеческие суда приходили к острову для покупки нефти и соли, перевозимых в Энзели, и рыбы, перевозимой в Астрахань, не иначе, как по приглашению того или другого старшины, и он уже ручался за безопасность их от нападения туркмен.

Доходы же, получаемые от продажи, делились старшинами между хозяевами нефтяных колодцев, которых очень много. Осенью прошлого года вследствие жалоб, возникших от судовщиков на Рахман-хана, предместник мой, князь Ухтомский, счёл полезным объявить торговлю на острове Челекен свободной, так чтобы каждый хозяин соли или нефти мог сам входить в сношения с судовщиком, без посредства старшин. Это распоряжение принесло пользу тем, что торговля на острове Челекен начала развиваться и посланный мною недавно туда крейсер нашел там ныне 14 русских купеческих судов и больших лодок. С другой стороны, старшины Кадыр-хан и Рахман-хан, потерявши свои выгоды от посредничества, отказались уже от ручательства за безопасность наших судов и разделились с своими родными, так что участок Рахман-хана поделили на 17 частей, а участок Кадыр-хана на две части. Все хозяева участков неминуемо соперничают друг с другом, переманивая покупателей понижением цены на нефть, соль и рыбу.

Я стою на стороне полезности уничтожения монополии старшин, но вместе с тем очень озабочен тем, что наши купеческие суда при малейшей ссоре легко могут быть ограблены туркменами, а посему буду почаще посылать крейсеров к острову Челекен, а при увеличении числа военных судов отряда, о чем я прошу командира Бакинского порта, я полагаю необходимым учредить там постоянное крейсерство, снабдив командира особой инструкцией. Соображения свои по сему предмету я буду иметь честь представить вашему превосходительству на утверждение тотчас, как только буду иметь возможность лично побывать на острове Челекен и в соседнем с ним Красноводском заливе; ныне же я покорнейше прошу дозволения из сумм, ассигнованных мне на чрезвычайные издержки, нанять одного словесного переводчика с платой по семь червонцев в месяц, чтобы посылать его с крейсерами для переговоров. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3426, лл. 9—10.

Заверенная копия.

№ 394

Предписание Александра II о подготовке экспедиции для основания торговой фактории в Красноводском заливе

(Копия документа хранится в ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, д. 613, л. 26)

5 июля 1869 г.

30 июня 1869 г. по выслушании мнений министерств военного и иностранных дел касательно устройства укрепленной фактории в Красноводском заливе его императорскому величеству благоугодно было [534] высочайше повелеть: 1) отложить отправление экспедиции на восточный берег Каспийского моря для устройства означенной фактории до весны будущего года; 2) вопрос об экспедиции в Хиву совместно от Каспийского моря и из Туркестанского края вовсе покуда отложить, впредь до разъяснения политических обстоятельств и наших отношений к Хиве; 3) немедленно по телеграфу сообщить наместнику кавказскому о необходимости соблюдать величайшую тайну по этому вопросу; 4) сообщить все подробности этого дела для личного их сведения послу нашему в Лондоне и посланнику в Тегеране для того, чтобы в последствии времени, когда это будет им поручено, они могли дать правительствам, при которых аккредитованы, объяснения об истинных целях, поводах и значении экспедиции; 5) пригласить туркестанского генерал-губернатора воздержаться от предложения хивинскому хану торгового трактата, но вместо этого написать этому владельцу письмо с исчислением всех его неправильных и враждебных действий с приглашением воздержаться от них на будущее время и дать ему понять, что в противном случае сперва хивинская торговля может подвергнуться стеснениям, а затем мы будем вынуждены принять и более решительные меры, причем будет уместным указать ему на пример Коканда и Бухары; 6) в течение зимы сделать

надлежащие приготовления к экспедиции и войти, между тем, в сношения с министром финансов касательно интересов нашей торговли по отношению к этому предприятию и с управляющим Морским министерством относительно нашей Каспийской эскадры. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д 3471, лл. 184—184 об.
Заверенная копия.

№ 395

Записка кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича Александру II о необходимости безотлагательного занятия Красноводского залива

16 августа 1869 г.

О Красноводской экспедиции.

Из отзывов военного министра о высадке на восточный берег Каспийского моря и из словесного о том же доклада полковника Столетова узнал я, что ваше величество изволили утвердить по этому предмету нижеследующие предположения:

1. Ограничиться исключительно занятием берега Красноводского залива и пункта в Балханских горах, оставив пока в стороне всякую мысль о движении в глубь Средней Азии как не вызываемую в настоящее время достаточно побудительными причинами.
2. Сделать персидскому правительству своевременное заявление о посылке десантного отряда в Красноводск.
3. Чтобы успеть сделать все необходимые приготовления, высадку отложить до весны будущего года и, наконец,
4. Как приготовление, так и производство десанта возложить на попечение кавказского начальства, назначив для сего необходимое число войск из состава Кавказской армии.

[535] Последнее обстоятельство возлагает на меня обязанность повергнуть на благоусмотрение вашего императорского величества следующее мое соображение:

Высадка нынешней осенью в Красноводском заливе небольшого отряда даст нам весьма значительные выгоды в том отношении, что мы успеем заблаговременно познакомиться [с] местными гигиеническими условиями и средствами страны, войти в дружественные сношения с туркменами и подготовить в среде их лиц, могущих влиянием своим и знанием края оказать нам впоследствии значительные услуги; одним словом, даст нам точные и верные данные для соображения о дальнейших действиях как в политическом, так и в торговом отношении.

Приготовление отряда к высадке действительно будут довольно сложны, но, тем не менее, принимая во внимание численную незначительность отряда, я считаю совершенно достаточным для них время от 1 до 1½ месяцев. Таким образом, высадка может быть произведена в начале октября, то есть в самое благоприятное в тех странах время.

Что касается до Персии, то хотя казалось бы, что это государство не имеет никакого права вмешиваться в наши действия, долженствующие происходить совершенно вне его пределов, тем не менее как Министерство иностранных дел, так и военное придают особенное значение тому, чтобы Персия была своевременно предуведомлена и приготовлена в благоприятном для нас смысле. Но это то самое обстоятельство и должно бы заставить нас ни в каком случае не откладывать высадки до весны.

Несмотря на все принятые предосторожности, слухи о Красноводской экспедиции, пока еще неясные и неопределенные, начинают проникать в здешний край, в скором времени они дойдут и до Персии, разумеется, в искаженном и преувеличенном виде. Таким образом, произойдет именно то, что для нас нежелательно, то есть персидское правительство будет предупреждено о действиях наших самым невыгодным для нас способом. Нет сомнения, что и представители западных держав не упустят случая, чтобы напугать Персию и настроить ее

против нас, между тем как посланник наш в Тегеране будет поставлен в самое невыгодное положение, не будучи в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть распространившиеся слухи. Вслед за тем, по всей вероятности, завяжется продолжительная дипломатическая переписка и, таким образом, дело будет поставлено на совершенно ложную почву и ему придано будет такое значение, какого оно вовсе не имеет и не должно иметь.

На основании вышеизложенного, по моему крайнему разумению, самый выгодный во всех отношениях для нас способ действий будет состоять в том, чтобы сделать высадку в Красноводском заливе непременно нынешней осенью, заявив в то же время Персии, что в соседстве с её границами мы предпринимаем действия, нисколько не нарушающие её интересов, не имеющие никакого враждебного характера ни относительно её, ни относительно занимающего окрестности Красноводского залива туркменского населения, а лишь единственно с целью покровительствовать нашей торговле с туркменами и способствовать прочному умиротворению кочующего в южной части Оренбургской степи киргизского населения.

Состав отряда, по мнению моему, достаточно будет определить в две-четыре роты пехоты с 30—50 конными казаками, одним-двумя запряженными горными орудиями и четырьмя незапряженными полевыми.

Командование этим отрядом полагаю поручить полковнику Столетову как потому, что он по своим способностям и знанию может с [536] успехом исполнить это дело, так и потому, чтобы назначением генерала не придать экспедиции большой важности.

Главнокомандующий Кавказской армией генерал-фельдцейхмейстер Михаил

ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, лл. 56—58

Копия.

№ 396

Из письма бывшего начальника Астрабадской морской станции капитана 2-го ранга Л. А. Ухтомского вице-адмиралу К. Н. Посьет о необходимости занять Красноводский залив

18 августа 1869 г.

Милостивый государь Константин Николаевич! Три месяца тому назад я имел честь изложить вашему превосходительству необходимость перенести Астрабадскую морскую станцию в Красноводский залив с учреждением там сильного военного порта. При этом я весьма мало касался политических вопросов, так как тогда мне еще трудно было обнять и оценить надлежащим образом наше положение в Средней Азии. Находясь в настоящее время за границей, я продолжал изучать среднеазиатский вопрос. Помощью данных, рассеянных в английских и русских газетах и журналах, данных, которые я привел в систему, необходимость занятия Красноводского залива стала для меня очевидна и с точки зрения наших политических интересов.

Для того, чтобы вы могли вернее оценить все достоинства и все недостатки нижеизложенного, я прошу вас развернуть карту той части Азии, где были бы обозначены: устья рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, Каспийское море, верховья реки Инда и Кашгария.

Для уяснения моей мысли я позволю себе самым кратким образом изложить в исторической последовательности развитие так называемого среднеазиатского вопроса и его сущность...

(Снят обзор наступательным действиям русских войск в Средней Азии и проискам англичан в среднеазиатских ханствах в середине 60-х годов XIX в.)

Обходя другие стороны среднеазиатского вопроса, я позволю себе обратить внимание вашего превосходительства на то, что к числу средств, которые наиболее содействовали бы исполнению этой программы (Речь идет об окончательном присоединении среднеазиатских ханств к России), нужно отнести занятие Красноводского залива и заложения при нем сильного

укрепления.

Выгоды такого занятия очевидны. От Красноводского залива до Хивы пролегает единственный уже испытанный путь для движения к Хиве больших сил. В царствование Петра I по сухому ложу Аму-Дарьи прошел Бекович-Черкасский с восьмью тысячами войск, в том числе было много драгун, и благополучно дошел до Хивы.

От Красноводского залива лежит удобнейший путь из русских пределов к Афганистану как бы ни идти, то есть либо вверх по реке Аму-Дарье до Балха, либо по туркменским степям на Герат. Если бы понадобилось действовать большими силами, то кавказские войска, высаженные в Красноводске, могут идти населенными берегами Аму-Дарьи, [537] перевозя свой багаж на лодках, которых в хивинском ханстве можно собрать тысячи; если бы экспедиция наша состояла из малых отрядов, то она могла бы идти на Мерв к реке Гери-Руд и к Герату.

Красноводское укрепление будет постоянной угрозой Афганистану, если бы последний захотел — что весьма вероятно — распространить свои владения на счёт нашей естественной союзницы — Персии.

Красноводское укрепление может служить местопребыванием гражданских властей, управляющих киргизами адаевского и чумыш-табинского родов. Оба эти рода (из которых в первом считается до 20 тысяч кибиток) ныне поставлены в весьма фальшивое положение. Номинально они подданные России и даже платят подать; фактически же они зависят от Хивы и действуют в ее интересах. Не видя русских, которых требования никогда еще не подкреплялись среди их кочевьев материальной силой, они не боятся и не уважают нас, а подчиняются Хиве, которая ближе к ним и для них гораздо страшнее. Здесь необходимо присовокупить, что все беспорядки в Оренбургской степи постоянно подкреплялись содействием и помощью адаевцев.

В экономическом отношении адаевцы и другие далекие киргизские роды находятся тоже в зависимости от Хивы, откуда они получают даже русские товары.

Красноводское укрепление должно иметь достаточное число подвижных войск, чем изменится вышесказанный порядок дел и в то же время наши гражданские власти приобретут надлежащий авторитет. Независимо от того, это укрепление, помещенное на середине этнографической границы между киргизами и туркменами, будет содействовать прекращению вековой баранты и грабежей между этими кочевниками, что также поднимет нравственное значение нашей власти.

Наконец, занятие Красноводского залива и обращение этой прекрасной гавани в порт находится в тесной связи с обеспечением торгового пути в Хиву и откроет нашим мануфактурам всю долину реки Аму-Дарьи. При этом нельзя, однако, не заметить, что открытие прямого пути от Каспийского моря к Хиве вызовет и некоторые экономические осложнения. С окончанием Потийско-Бакинской железной дороги товары английских, французских, немецких и особенно австрийских торговых домов, отправляемые в Персию, направлятся именно этой транзитной дорогой. Уже и теперь Персия не составляет русский рынок, и английская контрабанда, наполнив Кавказ, проникает даже до Астрахани; когда же железный путь из Поти в Баку будет окончен, а дорога из Красноводска в Хиву будет обеспечена, то западноевропейские товары легко могут проникнуть в Среднюю Азию.

Не касаясь экономических условий этого вопроса, я полагал бы необходимым установить правильное крейсерство военных судов от Баку по западному берегу Каспийского моря и от Красноводска — по восточному берегу моря для предупреждения контрабанды. Кроме того, необходимо обязать командира Красноводского порта посылать по временам одного крейсера с хорошо вооруженным десантом к устью реки Эмбы для охранения там нашего рыболовства. До сих пор наши рыбаки подвергались многократным обидам от киргизов, кочующих близ устьев Эмбы, и нередко люди наши с лодок захватывались киргизами в плен безнаказанно и уводились в рабство. Точно так же необходимо, чтобы крейсера наши возможно чаще осматривали кочевья на Мангышлаке, Усть-Урте и по всему восточному побережью, смотря по соображениям гражданских властей, для поддержания в аулах кочевников порядка и

законности.

Если можно надеяться, что перенесение в Красноводский залив Астрабадской станции, столь необходимое в настоящее время, [538] состоится, то совершенно необходимо — говорю это по опыту, — чтобы командир новой станции был подчинен только по употреблению флотилии для военных и других целей двум лицам — наместнику Кавказа и туркестанскому генерал-губернатору. Во всех же прочих отношениях командир Красноводского порта должен быть свободен от подчинения сухопутному ведомству и находиться в полной зависимости от Морского министерства. Очень вероятно, что окажется возможным соединить в одном лице обязанности командира порта и губернатора Красноводского округа. (Само собой разумеется, что в Астрабадском заливе необходимо будет держать одного крейсера для охранения там наших торговых интересов, а на острове Ашур-Аде иметь незначительный караул при портовом складе (примечание в документе))

Покорнейше прошу ваше превосходительство не осудить мое письмо за резкость моих суждений. Эта резкость вызвана желанием быть точным в небольшом очерке и сознанием, что я пишу человеку, который не примет дурно полную и честную откровенность мою.

Князь Леонид Ухтомский

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3224, лл. 37—46.

Заверенная копия.

№ 397

Представление управляющего Министерством иностранных дел наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу с просьбой сообщить в российскую миссию в Иране о времени отправления экспедиции для занятия Красноводского залива

(В письме Азиатского департамента туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману от 1 сентября 1869 г. было сообщено о решении правительства занять Красноводский залив (см. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, л. 52))

30 августа 1869 г.

Генерал-адъютант граф Адлерберг 2-ой, извещая меня о воле его императорского величества, чтобы высадка в Красноводском заливе была предпринята нынешней же осенью, присовокупляет по высочайшему повелению, что его величеству угодно, чтобы одновременно с совершением экспедиции со стороны управляемого мной министерства было сделано заявление персидскому правительству о цели предположенного занятия Красноводского залива, не имеющей никакого враждебного характера ни к Персии, ни к соседним с ней туркменам.

Принимая во внимание, что для точного исполнения воли высочайшей посланнику нашему в Тегеране необходимо своевременно получить извещение о том, когда именно предпринята будет экспедиция, позволяю себе обратиться к вашему императорскому высочеству с всепокорнейшей просьбой благоволить приказать о времени отправления экспедиции известить непосредственно миссию нашу в Персии. (Документ без подписи)

ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 45, л. 59.

Копия.

[539] № 398

Из предписания начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Свистунова командиру Бакинского порта контр-адмиралу Д. А. Давыдову об отправлении экспедиции для занятия Красноводского залива

14 сентября 1869 г.

По особому высочайшему повелению в половине октября сего года имеет быть отправлен из Петровска к берегам Красноводского залива небольшой отряд войск (всего до одной тысячи человек) с целью выбора и занятия пункта, удобного для учреждения постоянной торговой фактории. (Документ без подписи)

ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3224, лл. 55—60 об.

Заверенная копия.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

АВПР — Архив Внешней политики России

Аз часть — Азиатская часть

АКАК — Акты кавказской археографической комиссии.

в. с. — ваше сиятельство

ВУА — Военно-ученый архив

ГАО — Государственный архив Астраханской области

ГАОО — Государственный архив Оренбургской области

г. — господин

Гл. архив — Главный архив

Гр. — граф

е. и. в. — его (ее) императорское величество

ЗИРГО — Записки Императорского русского географического общества

м г. — милостивый государь

СКГА — Ставропольский краевой государственный архив

Спб. — Санкт-Петербург

ЦГАВМФ — Центральный государственный архив военно-морского флота

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив

ЦГИА ГрузССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР

ЦГИА УзССР — Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

СПИСОК НАЗВАНИИ АРХИВОВ И НОМЕРА ФОНДОВ

Архив АН СССР, фонд 157

Архив Внешней политики России, фонд «Трухменские дела», 1—1, 1—8, 1—9, 1—10, 1—13, 11—18.

Государственный архив Астраханской области, фонды 1, 2, 394, 514, 681, 819, 822,

Государственный архив Оренбургской области, фонд 6

Ставропольский краевой государственный архив, фонды 84, 87

Центральный государственный архив военно-морского флота, фонды 19, 166, 172, 203, 205, 212, 215, 227, 256, 283, 296, 315, 410.

Центральный государственный архив древних актов, фонды 134, 276

Центральный государственный Военно-исторический архив, фонды 19, 400, 422, 483, 1398.

Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР, фонды 2, 4, 11, 16, 378, 416, 1087.

Центральный государственный архив Узбекской ССР, фонд I

Центральный государственный исторический архив Ленинграда, фонды 13, 1291.